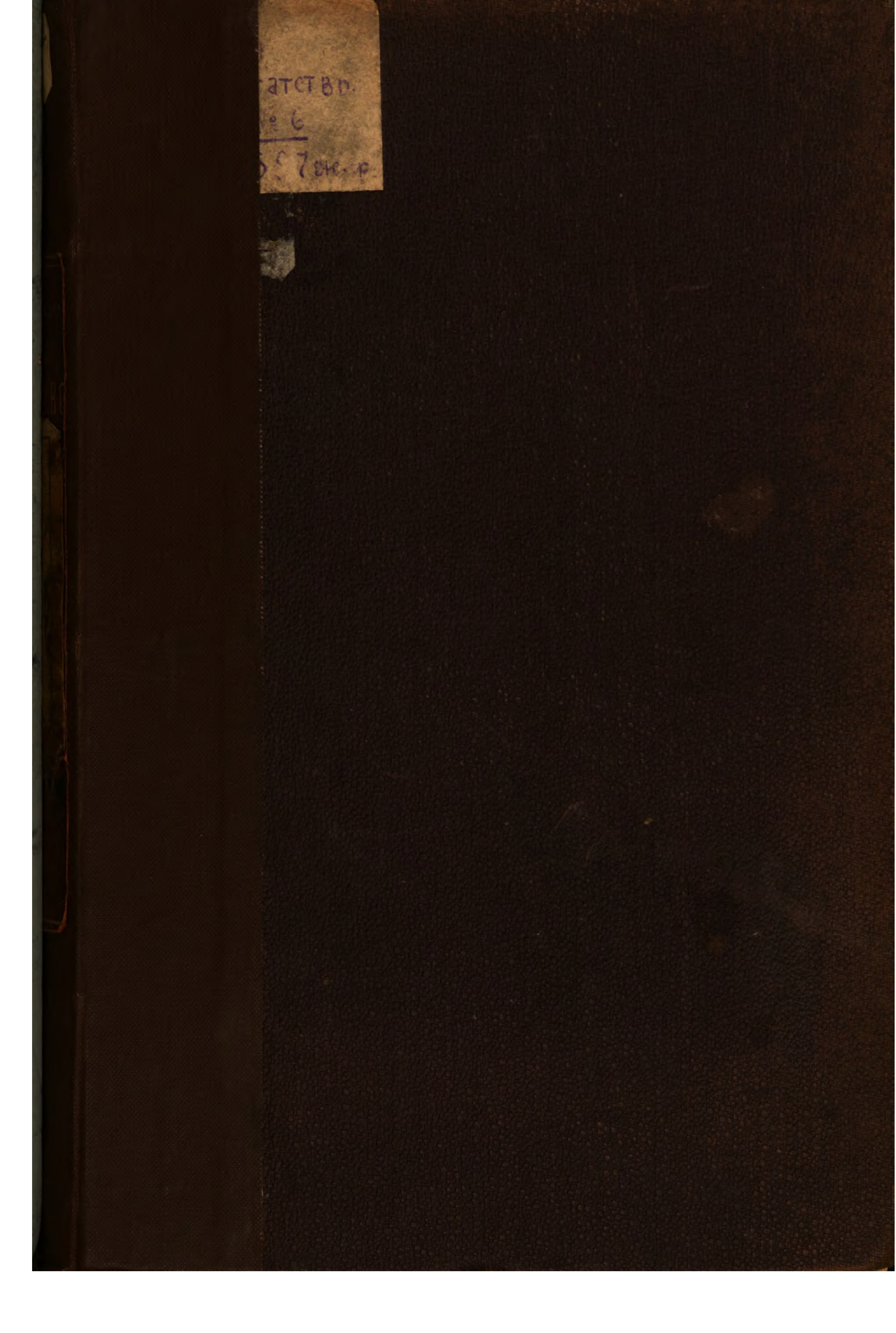

атств.
№ 6

УБЕДИТЕЛЬНАЯ

Пожалуйста
мне будет стыд
Не исчеркив
так некрасиво.
Не ставьте н
меня раскрытой
не понравилось
Не кладите
кроме тоненько
корешок.
Если вы ко
где вы останов
вложите в мен
спокойно отдох
Не забывай
мне придется
Заворачивай
потому что та
Помогите м
могу ва... ...ь.

7036

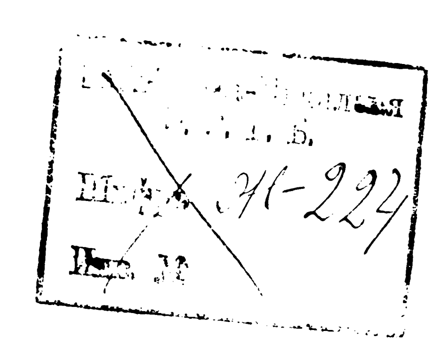
ІЮНЬ. 1903.

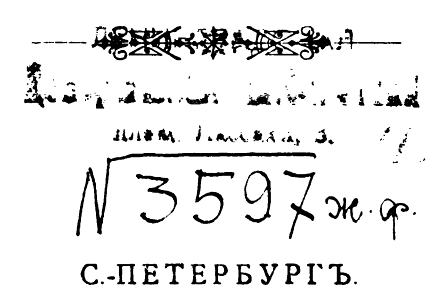
РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 6.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, уг. Заводской, д. 1—3.
1903

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26-го іюня 1903 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

(*См. на оборотѣ*).

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ,** по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 10 числа каждаго мѣсяца,** чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи,** обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1901 г. и невостребованныя обратно до 1-го ноября 1902 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

ПО ЭТАПУ.

(Наброски).

XIX.

„Покойчикъ“, въ которомъ мы очутились, была узкая, загаженная, съ однимъ окномъ, вонючая каморка. Почти половину этой каморки занимала голая дощатая койка, на которой, подложивъ подъ голову руки, лежалъ какой-то, въ изодранномъ, грязномъ бѣльѣ, рыжій человѣкъ и, глядя на насъ, ядовито усмѣхался.

Около койки стоялъ столикъ, на немъ жестяная, съ закоптѣлымъ, разбитымъ до половины стекломъ, лампочка... Въ углу, около порога, стояла неизбѣжная „парашка“.

Войдя, я бросилъ свой арестантскій блинъ-шапку на столъ и сѣлъ на полу въ уголъ... Старикъ постоялъ немного посреди каморки, о чемъ-то думая, и тоже сѣлъ рядомъ со мною, принявъ почти такую-же, какъ давеча въ вагонѣ, задумчивую позу.

Рыжій человѣкъ, лежавшій на койкѣ, повернулся на бокъ въ нашу сторону и, не много помолчавъ, пристально глядя на насъ большими выпуклыми глазами, насмѣшливо спросилъ у меня:

— Куда изволите отправляться, синьоръ?

Я сказалъ.

— Подлый городишко!—сказалъ онъ. — А сей мужъ?— кивнулъ онъ на старика.

— Тоже.

Онъ замолчалъ, запустилъ обѣ руки за пазуху грязной рубахи, поскребъ тамъ ногтями, морщась и хмуря брови, и опять спросилъ:

— На улицѣ какъ, холодно?..

— Холодно.

— Гм! А я вотъ лежу здѣсь одинъ... скучища, не спится.

Васъ тамъ на полу обсыпятъ. Если хотите, я могу потѣсниться, на койкѣ двоимъ мѣста хватитъ...

— Зачѣмъ же,—сказалъ я,—все равно...

Мы замолчали. Гдѣ-то въ углу заскребла мышь, въ коридорѣ закашлялъ дежурный...

— И чортъ знаетъ, для чего эдакая тварь на свѣтъ произведена?!—воскликнулъ онъ вдругъ такъ неожиданно и громко, что я вздрогнулъ.

— Какая тварь?

— Вши!..

— Отъ Бога на пользу она! — глухо и глядя въ полъ, произнесъ мой старикъ.

— Вша-то?..

— Живешь хорошо—нѣтъ ея,— продолжалъ старикъ,—а напала на тебя тоска, и она тутъ. Откуда взялась, а?

— Отъ Бога?—насмѣшливо произнесъ рыжій.

— Все отъ Бога... А то отъ кого-жъ?

— Какая же отъ нея польза-то?

— А та и польза—не зазнавайся! Знай, значитъ, что тебя во всякое время вша ѣсть можетъ...

— А умремъ—черви съѣдятъ!—засмѣялся рыжій,—такъ, что-ли?!

— А умремъ—черви съѣдятъ!—подтвердилъ старикъ,—это вѣрно... Такъ и надо нашему поганому тѣлу, чтобъ его и заживо, и замертво всякая нечисть ѣла... Душа нужна!—добавилъ онъ, помолчавъ.

— Душа?—переспросилъ рыжій и, тоже помолчавъ, добавилъ.—Ты кто?

— Я?.. Человѣкъ, аль не видишь?

— Вижу человѣкъ, изъ какихъ?.. Кто? Званіе твое?.. Мужикъ, мѣщанинъ? Кутейникъ?..

— Такой же, какъ и ты, полевой дворянинъ, — сказалъ старикъ и началъ снимать съ себя рваное пальто. — Спать пора,—сказалъ онъ,—ложись-ка, землячокъ, намъ съ тобой утромъ идти надо: заправляйся, отдыхай.

— Не хочется что-то!—сказалъ я.

— Что такъ? — спросилъ старикъ и, взглянувъ на меня, добавилъ,—аль скучно?

Я промолчалъ.

— А ты не скучай. Брось! Э, милый, милый, чего въ жизни не бываетъ. Да, поживешь — узнаешь. Умный пѣшкомъ ходитъ, дуракъ въ каретѣ ѣздитъ... Да!

— А ты умный?—сказалъ рыжій, дѣлая папироску.

Старикъ ничего не отвѣтилъ и, вставъ, началъ молиться Богу въ уголъ, гдѣ висѣла маленькая икона.

„Къ тебѣ пречистей Божіей Матери азъ, окаянный, припа-

дая, молюся, — громко читалъ онъ, крестясь и кланяясь,— вѣси, Царице, яко безпрестанно согрѣшаю, прогнѣвляю Сына Твоего и Бога моего,—онъ опустился на колѣна и голосомъ, въ которомъ дрожали слезы, продолжалъ:—И многожды аще каюся, ложь предъ Богомъ обрѣтаюся, и каюся трепеща, неужели Господь поразитъ мя".

— Святъ мужъ, брось!—сказалъ рыжій, лежа навзничь и пуская дымъ въ потолокъ.—И безъ тебя тошно! Брось, вотъ заявился. Что онъ изъ духовныхъ, что-ли?—обратился онъ ко мнѣ,—монахъ, что-ли, какой?

Я промолчалъ. Старикъ, не обращая вниманія на его слова, продолжалъ молиться. Слова молитвы звучали странно въ этой тухлой, загаженной каморкѣ.

— Что за человѣкъ?—думалось мнѣ,—какая его жизнь?..

Окончивъ молитву, онъ молча, не глядя на насъ, разостлалъ на полу пальто, снялъ съ ногъ холодные съ короткими голенищами сапоги, оглядѣлъ подошвы, размоталъ подвертки и, подложивъ все это подъ голову, кряхтя и вздыхая, легъ на бокъ лицомъ къ двери.

— А вы?—спросилъ рыжій.

— Я... я посижу.

— Вы курите?..

— Курю.

— Не угодно-ли?

Онъ далъ мнѣ окурокъ и легъ опять на бокъ.

— Тоска! — сказалъ онъ,—смерть! Не спится. Скорѣй-бы разсвѣтало... Лѣзетъ въ голову всякая чертовщина!..

— А вы давно здѣсь?—спросилъ я.

— Да вотъ уже третьи сутки.

— А отсюда куда-же васъ?—спросилъ я.

— Куда? Да не знаю еще, не намѣтилъ.

— То-есть какъ—не намѣтилъ?

— Да такъ, мнѣ вѣдь все равно. Куда захочу, туда и отправятъ. Я, напримѣръ, сюда попалъ изъ Романова. Ну, а теперь думаю куда-нибудь подальше... на югъ... Меня, понимаете, изъ города въ городъ перевозятъ на казенный счетъ, какъ министра путей сообщенія. Гораздо лучше, чѣмъ пѣшкомъ ходить.

— Да какъ-же вы это устраиваете?

— Да очень просто: вру. Я, напримѣръ, родомъ изъ... впрочемъ, откуда я родомъ, это для васъ все равно. На какой мнѣ чортъ, спрашивается, родина? Что я тамъ не видалъ? Что буду дѣлать?.. Паспорта у меня нѣтъ. Почемъ знаютъ, откуда я,—изъ Ржева или изъ Старицы? Скажу старицкій мѣщанинъ,—меня туда... Являюсь. „Ты кто?" — „Такой-то и такой-то". — „Ты здѣшній?" — Нѣтъ. „Какъ же ты,

подлецъ, означался здѣшнимъ, а?"—Молчу.—„Откуда же ты, подлецъ?" Изъ Бѣлозерска. — „Отправить его, сукина сына, въ Бѣлозерскъ! Чортъ съ нимъ! Не держать-же здѣсь"... Чудно вѣдь, а?

— Чудно, дѣйствительно.

— Теперь зимой ходить—подлая самая штука,—продолжалъ онъ, перевертываясь навзничь,—идешь полемъ гдѣ-нибудь, одѣяніе плохое, вѣтеръ, холодно, сѣро, глухо, противно! „Нѣтъ въ отчизнѣ моей красоты. Все намеки одни да черты, все неясно не кончено въ ней, начиная отъ самыхъ людей"... Тоска! Идешь и думаешь, думаешь, думаешь!.. Гадко!..

— Да и такъ-то тоже не весело,—сказалъ я, оглядывая его.

Онъ подумалъ что-то и, усмѣхнувшись, сказалъ:

— Конечно!.. Ну да, впрочемъ, привычка... Ко всякой вѣдь подлости привыкнуть можно. Писатель это какой-то нашъ россійскій сказалъ, Достоевскій, кажись... И вѣрно. А я, по правдѣ вамъ скажу, съ дѣтства самаго, такъ сказать, полюбилъ подлости. Я вотъ до вашего прихода лежалъ здѣсь да все и думалъ... Всю жизнь вспомнилъ, чудно! Какія только я штуки раздѣлывалъ! Да!..

— Вспомнилось мнѣ, напримѣръ, какъ разъ, давно это было, въ дѣтствѣ, пошелъ я въ рожь и нашелъ тамъ на межѣ гнѣздышко. Не знаю, какая птичка... птенчики въ немъ были, маленькіе такіе, какъ сейчасъ гляжу, пять штукъ, ротики желтенькіе, пищатъ... Посмотрѣлъ я, посмотрѣлъ на нихъ, взялъ одного за ноги да и разорвалъ пополамъ... Любопытно!.. Другого взялъ разорвалъ, да такъ со всѣми и покончилъ... Покончилъ, поклалъ ихъ въ гнѣздо, отошелъ въ сторону, легъ въ рожь, жду, что будетъ. Прилетѣла, гляжу, птичка: чирикъ, чирикъ! Нѣтъ, молчекъ, не отзываются дѣтки!.. Скачетъ она около гнѣзда, чирикаетъ чирикъ, чирикъ! точно плачетъ... А я гляжу. Гляжу—прилетѣла другая, и начали они вмѣстѣ бѣгать кругомъ гнѣзда, бѣгали, бѣгали... Только вижу, вскочила одна на край гнѣзда и суетъ въ ротъ птенчику что-то. А у него голова одна только да ротъ раскрытъ, а туловища-то нѣтъ, оторвано!..

Онъ посмотрѣлъ на меня, помолчалъ и, почесавъ до колѣна обнаженную ногу, продолжалъ:

— Варваръ!.. А то разъ кошку убилъ, т. е. не убилъ, а такъ только спину ей перешибъ; рыжая такая, помню, кошка сидитъ около дровъ, грѣется на солнышкѣ.. Взялъ я палку, подкрался—разъ ее! Только хрустнуло, хотѣла было она вскочить, не можетъ. Какъ замяучитъ! И все рвется: побѣжать хочетъ, а не можетъ, хребетъ я ей перешибъ.

Онъ опять замолчалъ и вопросительно посмотрѣлъ на меня, ожидая, что я скажу на это. Я молчалъ, думая: зачѣмъ это онъ говоритъ?..

Онъ вдругъ прищурилъ глаза и, громко засмѣявшись, сказалъ:

— Глупости я говорю. Не правда-ли? И къ чему весь этотъ разговоръ?

— Не знаю!—сказалъ я.

— А потѣшиться-то, — воскликнулъ онъ, - эхъ, синьоръ, надо-же вѣдь какъ-нибудь. Я люблю...

Онъ опять разсмѣялся, и все лицо его покраснѣло отъ этого смѣха. — Слушайте-ка, какую я вамъ исторійку про себя разскажу. Пришло мнѣ на умъ, вспомнилъ я, лежа тутъ. Хотите,—разскажу?

— Говорите, коли не лѣнь.

— Ладно, —, посмѣиваясь, началъ онъ:—Было мнѣ лѣтъ эдакъ 19-ть... Жилъ я тогда у родителя своего, теперь онъ покойникъ, дай ему Богъ всего хорошаго. Лодырничалъ, жилъ, ничего не дѣлалъ. Надо вамъ сказать, меня отдавали въ науку, да не вышло дѣло: выгнали за неспособность, а по правдѣ сказать—за лѣнь. Ну, куда-жъ дѣться? Явился къ родителю. — „Живи, говоритъ, сукинъ сынъ. Пастухомъ будешь".—Сталъ жить... Надо вамъ замѣтить, что родитель мой жилъ у одного барина въ имѣніи управляющимъ... Строгій былъ человѣкъ, изъ бывшихъ крѣпостныхъ холуевъ, понятія у него самыя дикія были. Ну, можете представить, какая моя жизнь была. А у барина, надо вамъ сказать, тоже сынокъ былъ въ моихъ-же годахъ и такой-же оболтусъ, какъ и я. Сошлись мы съ нимъ. Научился я отъ него кое чему. Н-да! Научился! И, видя его жизнь сладкую, озлобился... Думаю: вѣдь не дурѣе же я его, а почему-же такая разница? И возненавидѣлъ я жизнь свою, опостылѣло мнѣ все какъ-то. Дома на меня никто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія, родитель такъ и звалъ: „лодырь". Можете понять, какъ мое самолюбіе страдало... Терпѣлъ я, сторонился, въ лѣсъ убѣгалъ, въ рожь, цѣлые дни въ лѣсу проводилъ. Возьму изъ барской библіотеки романъ какой-нибудь и уйду. Особый какой-то міръ у меня сложился, и жилъ я въ этомъ мірѣ одинъ со своими думами. А ихъ, думъ-то, было много, много!..

...Лѣтомъ мнѣ вообще хорошо было. Любилъ я природу. Да, по совѣсти сказать, и теперь люблю. И теперь мое заскорузлое сердце дрожитъ, когда я иду одинъ гдѣ-нибудь полемъ, лѣтнимъ днемъ, жаворонки поютъ, трава шепчется. Да... Ну за то зимой плохо мнѣ было, все дома, уйти некуда, ругань, попреки. И тосковалъ-же я!

...И вотъ однажды, какъ сейчасъ помню, было это въ самый крещенскій сочельникъ, рѣшился я ни больше, ни меньше, какъ покончить съ жинью... Странно какъ-то было. Точно задумалъ уйти куда-нибудь на прогулку, а не на тотъ свѣтъ. Да у меня, впрочемъ, все странно!—добавилъ онъ и провелъ рукой по лицу.

— Утромъ ушелъ изъ дому такъ, куда глаза глядятъ, мятель была, вѣтеръ, холодъ. Отошелъ верстъ шесть, не замѣтилъ какъ, опомнился, посмотрѣлъ кругомъ,—налѣво поле, направо кусты орѣшника. И пришла мнѣ вдругъ, понимаете, мысль сойти съ дороги, отойти шаговъ двадцать и *лечь* въ снѣгъ. Схвачу, думалъ, горячку, проваляюсь недѣлю и капутъ. А когда, думалъ, помирать буду, когда соберутся около меня родные, я имъ и скажу, отчего помираю. На-те, молъ, вамъ!..

...Ну ладно, такъ я и сдѣлалъ. Отошелъ съ дороги въ сторону, снялъ полушубокъ, снялъ куртку, поднялъ рубашку и легъ въ снѣгъ лѣвымъ бокомъ. И вотъ, когда легъ, то вдругъ подумалъ, что это я такъ себѣ только дѣлаю, т. е. тѣшу себя и что это ничего не значитъ, и что не простужусь я.

...Собственно-то говоря, я, когда думалъ еще только лечь въ снѣгъ, такъ ужъ эта мысль сидѣла въ головѣ моей. Но зачѣмъ-же, спрашивается, я такъ дѣлалъ?.. Помню, когда я ложился въ снѣгъ и легъ съ цѣлью простудиться, то не думалъ вовсе о простудѣ, а совсѣмъ объ другомъ думалъ. Я думалъ, что у меня въ лѣвомъ тепломъ сапогѣ стелька протерлась. Потомъ, помню, взглянувши на дорогу, я подумалъ, что хорошо-бы, кабы по ней, т. е. по дорогѣ-то, поѣхалъ сейчасъ генералъ или князь какой нибудь, который бы увидалъ меня, слѣзъ-бы съ саней и, подойдя ко мнѣ, спросилъ-бы: „Что вы тутъ дѣлаете?“ А я приподнялся-бы и сказалъ: А вамъ какое дѣло? Убирайтесь къ чорту!.. Ерунда какая, а?

Онъ помолчалъ, свернулъ папиросу и сѣлъ на койкѣ, прислонившись спиной къ стѣнѣ и сложивъ ноги калачемъ, по-турецки.

— Послѣ этого,—началъ онъ опять,—мои мысли постепенно перешли на то, какъ я заболѣю, какъ станутъ ухаживать за мной, плакать, а я скажу. „Вотъ какъ помираю, такъ плачете, а то говорили, чтобъ ты издохъ“!..

...Передъ смертью, думалъ я, хорошо-бы взять листъ бумаги и написать что нибудь вродѣ: „вырыта заступомъ яма глубокая“, или „милый, другъ, я умираю“. Для того написать, чтобы сказали послѣ моей кончины: „Господи, ка-

кой онъ человѣкъ-то былъ славный и умный какой былъ, а вотъ не умѣли мы цѣнить его, и померъ".

...Говорятъ такъ, а я будто мертвый-то все это слышу, и мнѣ это очень нравится. Въ комнату, гдѣ лежу я, народъ ходитъ, глядятъ на меня, иные говорятъ: „Ишь, какъ живой лежитъ". Старикашка Блоха, обыкновенно занимавшійся чтеніемъ псалтиря надъ покойниками, стоитъ неподалеку отъ меня и читаетъ какъ-то въ носъ слова пѣсни царя Давида: „въ беззаконіяхъ зачатъ есмь и во грѣсѣхъ роди мя мати моя". Все это я слышу.

...Днемъ мнѣ лежать очень весело, а ночью, наоборотъ, скучно. Въ комнатѣ сдѣлается тихо, тихо. Блоха почитаетъ, почитаетъ и замолчитъ, засопитъ носомъ, опуститъ голову, потомъ вдругъ опомнится, тряхнетъ головой, перекрестится, взглянетъ съ испугомъ въ мою сторону и опять начнетъ торопливо читать что-нибудь. За печкой ему вторитъ сверчокъ, за стѣной тикаетъ маятникъ нашихъ огромныхъ старинныхъ часовъ, однообразно и настойчиво, рѣдко, точно выговариваетъ кто глухимъ голосомъ, считая: разъ! два! разъ! два!

...Но вотъ, я пролежалъ двое сутокъ. Завтра, значитъ, хоронить станутъ. Утромъ пришелъ попъ, стали съ дьячкомъ служить панихиду. Народу въ комнату набилось много, и у всѣхъ свѣчи горятъ и такъ-то отъ этихъ свѣчей душно!.. Вотъ кончилась панихида, стали подходить ко мнѣ прощаться, нѣкоторые плачутъ. Вотъ и Блоха лѣзетъ и сильно отъ него водкой разитъ. Потомъ подняли гробъ, понесли вонъ. На порогѣ, слышу, говорятъ: „тише тутъ, не задѣнь краемъ". Принесли въ церковь, отслужили обѣдню, отпѣли, стали снова прощаться, цѣлуютъ, а я думаю: вотъ оно послѣднее-то лобзаніе!..

Вотъ закрыли гробъ крышкой, слышу, Андрюшка Гусакъ шепчетъ кому-то: „гдѣ молотокъ-то? Давай!" Застучали молоткомъ по гвоздямъ. Одинъ гвоздь не попалъ въ край гроба, а проскочилъ внутрь и воткнулся въ подушку, на которой лежитъ голова моя. Кончили, понесли на кладбище. Слышу, опускаютъ въ яму. Слышу—говоритъ батька: „земля-бо есть", и вслѣдъ за этимъ ударилась въ крышку первая брошенная имъ горсть земли, закапываютъ! Сначала шибко стучитъ земля, а потомъ все тише и глуше. И вотъ, наконецъ, тишина, ужасная тишина, мертвая тишина! Вотъ когда конецъ-то!..

Онъ замолчалъ, что-то думая. Лежавшій на полу старикъ завозился и сѣлъ, упершись локтями въ колѣни.

— Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! — глухо проговорилъ онъ.

— Лежу я,—снова началъ рыжій,—долго лежу, и вотъ начинаютъ появляться черви въ гробу. Откуда они берутся— не знаю, только я чувствую, какъ они ползутъ по моему тѣлу, холодные, мокрые, скользкіе, ббрр!.. Много ихъ и все разные: толстые, тонкіе, длинные, короткіе, и вотъ всѣ они начинаютъ точить мое тѣло, вотъ всего они меня съѣли, кости одни остались, черепъ лежитъ, ощеривъ зубы; вотъ рухнула на меня земля и придавила, кости отскочили одна отъ другой, и черепъ лежитъ уже не навзничь, а на боку, и страшно глядятъ двѣ дыры, гдѣ были когда-то глаза, въ черную холодную землю! О-о-хъ!..

Онъ замолчалъ и перевелъ духъ. Я вздрогнулъ. Нелѣпый разсказъ странно овладѣвалъ мною, какъ кошмаръ.

— Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! — опять проговорилъ старикъ.

— Что-же дальше?—спросилъ я.

— Что дальше? Да что: страшно мнѣ стало, вскочилъ я, одѣлся да поскорѣе домой, и ничего... не простудился вѣдь.

Онъ замолчалъ и легъ навзничь. Старикъ тоже легъ. Въ каморкѣ стало тихо. Только слышно было, какъ съ улицы по стекламъ стучитъ сухой снѣгъ да глухо шумитъ вѣтеръ. Я снялъ пальто и, подостлавъ его, тоже легъ. Но не спалось. Мы все трое лежали и думали каждый свои думы, и всѣмъ намъ, кажется, было одинаково тоскливо, постыло и жутко.

— Семенъ!—окликнулъ меня старикъ.

— Что?

— Не спишь?

— Нѣтъ.

— А ты спи! Спи, я тебѣ говорю!

— А ты что не спишь? — спросилъ рыжій и, обернувшись ко мнѣ, произнесъ:—жутко, а?!.

— Что жутко?—спросилъ я.

— Такъ, вообще, жить жутко!.. Люди-то ужъ больно того...

— Не суди людей,—сказалъ старикъ и опять сѣлъ,—не суди, грѣхъ!.. Не люди виноваты, а мы сами... Мы-то нешто лучше, а? Подумай-ка!

Рыжій засмѣялся и, махнувъ рукой, сказалъ:

— Всѣ хороши! Чудакъ. Да развѣ я себя хвалю: я самъ подлецъ; такъ я говорю, вообще... Потому видалъ кое-что на своему вѣку, всего было...

— Что-жъ ты не живешь, какъ должно?—опять сказалъ старикъ, — зачѣмъ бродяжничаешь? Православныхъ объѣдаешь...

— Зачѣмъ, зачѣмъ!.. такъ, стало быть, надо!..

— А давно вы такъ-то?—спросилъ я.

— Что?

— Ходите?..

— Да ужъ давненько! — Онъ помолчалъ и, обратившись къ старику, сказалъ.—Я тебѣ, старикъ, скажу, какой разъ со мной случай былъ, и какой я подлецъ есть. Слушай-ка. Жилъ я тогда въ Москвѣ, хорошо жилъ... только пилъ сильно... Какъ я свихнулся и на эту дорогу попалъ, по которой теперь хожу, я вамъ разскажу послѣ, а теперь вотъ мнѣ вспомнился одинъ случай. Шелъ я, помню, разъ передъ вечеромъ домой по бульвару полупьяный, и попался мнѣ навстрѣчу человѣкъ одинъ, не молодой ужъ, одѣтъ прилично, лицо пріятное и страсть какое грустное... Поровнялся со мной,—а шелъ то я не по главной аллеѣ, а по боковой, въ сторонкѣ, и гуляющихъ здѣсь не было,—посмотрѣлъ да и говоритъ мнѣ потихоньку: „Будте добры, дайте на хлѣбъ. Не ѣлъ вторыя сутки“. Остановился я, посмотрѣлъ на него, вижу: человѣкъ не вретъ... И странная мнѣ пришла мысль въ голову, странная и ужасно подлая! Захотѣлось мнѣ унизить этого человѣка и посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ...

Досталъ я три рубля, показалъ ему и говорю. Вотъ, говорю, я вамъ отдамъ эти три рубля, если вы встанете на колѣна и сапогъ у меня поцѣлуете... А самъ эдакъ ногу впередъ выставилъ...

...Посмотрѣлъ онъ на меня, трясутся, вижу, у него губы и поблѣднѣлъ весь, подумалъ, подумалъ, вижу, трудно ему, борется... однако, кончилъ тѣмъ, что опустился на колѣнки и поцѣловалъ сапогъ... А я его эдакъ будто нечаянно по носу сапогомъ-то чикъ! Извини, говорю, не нарочно. Отдалъ ему деньги... Взялъ онъ и говоритъ: „Мужикъ ты!“ Такъ это меня взорвало... А вотъ, говорю, хоть и мужикъ, а деньги-то ты у этого мужика взялъ да еще и ногу поцѣловалъ. „Мнѣ, говоритъ, жрать нечего. Не я цѣлую, а голодъ. У меня, говоритъ, жена, дѣти, мать слѣпая“. Эка штука, отвѣчаю, мнѣ кабы и жрать нечего было, такъ я бы и то не сталъ этого дѣлать, что ты сейчасъ сдѣлалъ... вотъ тебѣ и „мужикъ“... А ты дворянинъ, что-ли?.. Плюю я на тебя...

И пошелъ отъ него прочь... Только слышу, догоняетъ онъ меня... Сопитъ, какъ запаленная лошадь.

— На, говоритъ, возьми свои деньги назадъ... Стыдно тебѣ, когда-нибудь будетъ... вспомнишь, мерзавецъ, это.—„Что-жъ, говорю, давай. Я ихъ вотъ на землю брошу, а ты поднимешь“.— Подлецъ ты, говоритъ, мерзавецъ. Ты самъ поднимешь... и швырнулъ деньги на землю.—Нагнулся я, поднялъ и говорю:

— „Задаромъ ногу-то, значитъ, поцѣловалъ“.—Засмѣялся и пошелъ отъ него прочь. Отошелъ шаговъ десять, оглянулся, стоитъ онъ, смотритъ на меня Остановился я и крик-

нулъ ему:—„А жена-то съ дѣтишками всетаки не жрамши будутъ"!.. и пошелъ, не оглядываясь... Хорошъ эпизодецъ, а?..

Онъ замолчалъ и посмотрѣлъ на насъ. Я ничего не сказалъ, а старикъ подумалъ и сказалъ:

— Нашелъ чѣмъ хвастать... Подлецъ и есть!

— Ну то-то же! Да мало ли,—началъ опять рыжій,—что со мной бывало и что я продѣлывалъ, пока не попалъ на свою настоящую точку. Я давеча говорилъ вамъ,—обернулся онъ ко мнѣ,—что у меня отецъ строгій былъ, бывшій крѣпостной... Понятія у него самыя дикія были. Хамъ, однимъ словомъ, съ ногъ до головы, царство ему небесное, не тѣмъ будь помянутъ. Жилъ я у него лѣтъ эдакъ до двадцати трехъ и надоѣлъ ему до смерти... Видитъ онъ, что я дѣлать ничего не хочу, а только книжки читаю, да барина изъ себя корчу, прогналъ меня. Говоритъ: „Ступай отъ меня ко всѣмъ чертямъ. Не стану я тебя держать... Добывай себѣ хлѣбъ. Можетъ, узнаешь, какъ люди живутъ, очухаешься". Далъ мнѣ деньжонокъ и того... выставилъ!—„Ищи, говоритъ, мѣсто. Люди ищутъ, находятъ".—Ну, отправился я въ Москву, кое-какіе знакомые были, просить сталъ. Пріискали мнѣ мѣста, въ магазинъ къ купцу одному. Сталъ я жить, приглядываться. И скоро постигъ купца этого! Понравился ему. Полюбилъ онъ меня... Стали у меня деньжонки водиться. Одѣлся франтомъ, водочку сталъ попивать, мѣста разныя эдакія узналъ, вошелъ во вкусъ... Прожилъ годъ, совсѣмъ привыкъ, въ выручку сталъ лазить... Умѣлъ скрывать. Хозяинъ во мнѣ просто души не чаялъ.—„Честный ты, говоритъ, Мишутка, парень".—Ладно, думаю, честный!.. Разъ, помню, у насъ разговоръ былъ.. Онъ говоритъ: „вотъ мнѣ, это ему-то то есть, люди за добро зломъ платятъ. Не одинъ разъ такъ было". А я, понимаете, такое удивленное лицо сдѣлалъ и спрашиваю:—„Да неужели, Иванъ Петровичъ, такіе люди есть? Господи, да какъ же это—за добро зломъ?!"—„А ты, думаешь, какъ? Эхъ ты, говоритъ, Емеля, простота!" и по плечу меня похлопалъ. „Жизни ты, братъ, не знаешь, простъ! Материно молоко на губахъ не обсохло"... Слушаю я его, разиня ротъ. А онъ-то, дурья голова, передо мной распинается. Эхъ ты, думаю, скотина, дуракъ!—Ну, ладно, такъ и жилъ я. Знакомство у меня завелось и, между прочимъ, одна сваха, т. е., собственно говоря, и не сваха, а прямо-таки сводня. Познакомился я съ ней, и вотъ тутъ у меня романъ затѣялся... Пошло все къ чорту, и свихнулся я. Объ этомъ вотъ я вамъ и разскажу сейчасъ... Хотите?.. Дѣдъ, хошь, а?..

— Болтай ужъ, коли затѣялъ!—отозвался старикъ и добавилъ:—ври, Емеля, твоя недѣля!

— Я, братъ, не вру, а правду говорю. Ну, ладно. Слушайте.

Онъ опять сѣлъ, прислонившись спиной къ стѣнѣ, и заговорилъ.

XX.

— Есть россійская гадкая поговорка: „деньги не Богъ, а милуютъ больше"... Въ большой модѣ эта поговорка. Вотъ, соображаясь, такъ сказать, съ этой поговоркой, я и жилъ, т. е. исключительно жилъ для денегъ... выше и лучше ихъ для меня ничего не было... Хорошо-съ. И вотъ, когда у меня такія понятія были, сошелся я съ дѣвушкой, впрочемъ, даже и не съ дѣвушкой, а съ дѣвочкой, ей еще и шестнадцати не было... Сваха-то та, про которую говорилъ, свела меня съ ней... Стоило мнѣ это удовольствіе рублей... ну, десять, т. е. свахѣ въ зубы за хлопоты.

...Помню все это дѣло въ праздникъ было, на Рождествѣ, на третій, кажется, день. Былъ я у свахи въ гостяхъ съ товарищемъ; ну, пили, много пили и вдругъ, понимаете приходитъ эта дѣвушка... все это сводня раньше подстроила. Просилъ я ее. Робкая такая, вижу, дѣвушка... краснѣетъ... жмется, говорить боиться... А хорошенькая, прелесть! Упросилъ я ее посидѣть съ нами... винца предложилъ... не хочетъ... приставать сталъ выпить... И сводня говоритъ: „да выпей, говоритъ, Груня!.. Рюмочку-то ужъ авось ничего... Обручъ съ тебя отъ нея не соскочитъ"—„Да я, отвѣчаетъ, не пила отъ роду".—„Ну что-жъ такое, а ты выпей, не хорошо ломаться передъ кавалерами".

Послалъ я кухарку за портвейномъ, за виноградомъ, вообще за лакомствомъ... и, понимаете, ухитрился ей въ рюмку портвейну водки влить на половину. Выпила она, выпила потому, что боялась не выпить.—„Какъ же, молъ, вѣдь просятъ".—Есть такія натуры и среди нашего брата мужчинъ, которыя отказатся не могутъ... безхарактерность это, что-ли?.. Ну-съ, выпила она и того, готова, опьянѣла... Много-ли ей, цыпленку, надо. Я еще подлилъ... „Чокнемтесь, говорю, за того, кто любитъ кого". Эдакой вѣдь саврасъ былъ... Она только смѣется и розовенькая такая сдѣлалась — чудо! Выпили еще... сдѣлалась она совсѣмъ готова. Шепчетъ мнѣ сваха въ ухо, какъ злой духъ: — „теперь ваше дѣло, не зѣвайте"!.. Поднялся я съ дивана и говорю: пойдемъ теперь, Груня, въ манежъ.—„Ахъ, что вы, говоритъ, стыдно". — Надѣлъ я на нее безо всякихъ разговоровъ пальтишко ея старенькое, взялъ за руку, вывелъ на улицу, нанялъ извозчика и того... въ номера...

Проснулся по утру, гляжу, сидитъ она на кровати, голову руками обхватила и рыдаетъ, волоса у ней, какъ ленъ,

растрепались, а тѣло все такъ ходуномъ и ходитъ.—Объ чемъ ты?—спрашиваю.

Ничего она не отвѣтила, только затряслась еще шибче да сквозь всхлипыванья, какъ малый ребенокъ, лепечетъ: „мамочка, мамочка, ахъ, мамочка“.—Лежу я руки подъ голову подложилъ, поглядываю... жду, что будетъ... И вдругъ, понимаете, мнѣ захотѣлось ее еще больше унизить.—„Будетъ тебѣ, говорю, чего ты ревешь-то? Не первый чай разъ?.. Давай-ка выпьемъ!—Посмотрѣла она на меня... А рожа у меня въ тѣ поры нахальная была: румяная, гладкая... Посмотрѣла да и говоритъ:—А мнѣ сказывали, что вы добрый!..—„А что-жъ, злой, что-ли“? — Не честный... за что вы меня обидѣли?—А ты зачѣмъ шла, дура? Вотъ позову сюда кого надо, да желтый билетъ и дамъ.

Посмотрѣла она на меня, помолчала да и говоритъ — ни дать, ни взять, какъ тотъ человѣкъ на бульварѣ, которому я трешницу далъ. — „Подлецъ ты! Рыжая твоя морда безстыжая„!..—А, такъ ты вотъ какъ, говорю, хорошо же! Вотъ я сейчасъ позвоню. Скажу лакею, чтобы призвалъ кого надо.

Взялъ да и позвонилъ. Она какъ заплачетъ. Такъ и упала на подушки... Вошелъ лакей. — „Принеси, говорю, водки“.

Ушелъ онъ. Подняла она голову, глядитъ на меня.—Зачѣмъ вы, говоритъ, за водкой послали?..

— „А тебѣ какое дѣло?

— „Такъ я.

— „Молчать! — говорю. Заставлю тебя пить и будешь пить!.. А ты, небось, струсила... Думала насчетъ билета.

— „Ничего я, отвѣчаетъ, не струсила, а совѣстно мнѣ, что съ такимъ человѣкомъ сошлась.

— „Съ какимъ это человѣкомъ?

— „Съ нехорошимъ... У меня мамочка есть... Господи, кабы узнала!..

— „Дура, говорю, мы вмѣстѣ теперь жить станемъ... Я человѣкъ умный, со мной не пропадешь. Чѣмъ занимаешься?

— „Портниха.

— „У хозяйки живешь?

— „Да.

— „Сколько получаешь?

— „Пять.

— „А сейчасъ при тебѣ деньги есть?

— „Есть.

— „Сколько?

— „Полтора рубля.

— „Давай!

— „Зачѣмъ?

— „Давай!.. надо... Жалко?

— „Это у меня на платокъ.

— „Давай!.. Надо же за номеръ отдать... Не стану я одинъ платить... За всякую шкуру да плати... Я деньги то трудомъ добываю, не такъ, какъ ты... затылкомъ наволочки стираешь...

Заплакала она опять. Кошелекъ, однако, достала, вынула изъ него деньги...

— „На, говоритъ, только отпусти меня, Христа ради"!

Онъ замолчалъ и потупился. Лицо его какъ-то потемнѣло. Онъ сжалъ кулакъ и стукнулъ имъ по койкѣ такъ, что задрожали доски.

— Давно все это было, — заговорилъ онъ, — но какъ вспомню—гадко мнѣ станетъ, точно кто-то по голому тѣлу щеткой проведетъ... б-ррры!.. Ну, ладно... Просится она... Что-жъ, спрашиваю, противенъ я тебѣ?

Молчитъ. Я опять: „противенъ"? Молчитъ. Тутъ лакей вошелъ, принесъ водку. Всталъ я, одѣлся... налилъ рюмки.

— „Пей!—говорю.

— „Не могу!

— „Пей, шкура, убью!

— „Оставьте меня, говоритъ, Христа ради! Я бѣдная.. за что обижаете? Господи, Господи! Ахъ я, дура, несчастная!..

— „Пей, сволочь, а то на голову вылью!

Плачетъ она. Христа ради проситъ, чтобы отпустилъ ее. Взялъ я рюмку и, понимаете, какъ плесну ей въ лицо водкой.

— „Врешь—не пьешь, махонькую пропустишь!

— Закрыла она лицо руками. Стою я, гляжу на нее и вдругъ, понимаете, захотѣлось мнѣ по другому надъ ней помытариться. Думаю: что будетъ?.. Опустился я передъ ней на колѣна.

— „Груня, прости... не по злобѣ я... прости!

Ноги у ней съ пьяныхъ-то глазъ цѣлую. Сѣла она... глядитъ на меня, какъ безумная... Глядѣла, глядѣла, потомъ, знаете, положила руку свою ко мнѣ на голову, гладитъ, какъ ребенка, а сама говоритъ:

— „Что вы? что вы? Мнѣ стыдно!

— А я, вотъ истинный Господь, не вру, какъ заплачу вдругъ... понимаете, словно оборвалось у меня что-то въ груди... А она гладитъ меня по головѣ и плачетъ тоже... слова ласковыя говоритъ... это за то, что я опозорилъ ее... Дѣвочка, святая!..

Онъ опять замолчалъ и, торопясь, трясущимися руками свернулъ папироску и, закуривъ, продолжалъ:

— Ну, и того... полюбилъ я ее съ той поры... Но только полюбилъ себѣ на муку, а ужъ про нее и говорить нечего.. Привязалась она ко мнѣ, какъ собака... вся мнѣ отдалась и

душой, и тѣломъ... Стали мы съ ней жить вмѣстѣ на одной квартирѣ... Машинку я ей купилъ швейную... Работать она стала... Прожили мы съ ней такъ ладно около года, потомъ все пошло подъ гору, къ чорту. Началось съ того, что сталъ я ее ревновать... Глупо, дико ревновать... мучить сталъ... ругать сталъ... бить... Напьюсь пьяный и ну придираться... Кусать ее начну... по щекамъ бить... плеваться... а она молчитъ! Это молчаніе-то ея еще больше меня бѣсило. Точно каменная... Смотритъ только, какъ пришибленная... Скажетъ иногда, впрочемъ: „помру я скоро... избавлю тебя“.

Онъ провелъ рукой по лицу и, переведя духъ, началъ опять говорить.

— Да, скоро это случилось: пить я сталъ сильно... развратничать... самъ подлости дѣлаю, а ей запрещаю изъ дому лишній разъ выдти... Денегъ не стало хватать мнѣ... воровать началъ... Разъ цапнулъ сотню цѣлую и попался: увидали... Хозяинъ все не вѣрилъ... Да пришлось повѣрить.— „Подлецъ ты, говоритъ, а я думалъ—честный. Хитрая ты, бестія“... Ну, понятное дѣло, прогналъ меня съ позоромъ въ шею изъ магазина. „Надо бы, говоритъ, тебя подъ судъ, да ужъ чортъ съ тобой, не хочу связываться!“

...Сталъ я мѣста другого искать... нѣтъ мѣста!.. Ей не сказываю... Злость на меня напала: и всю эту злость свою я на нее выливалъ, какъ помои на паршивую собаку...

Однако, стала она догадываться, что безъ дѣловъ я. Иногда спроситъ: „ну какъ ты съ хозяиномъ“?—А тебѣ какое дѣло?— отвѣчу. Денегъ нѣтъ... что дѣлать? Началъ вещи таскать— закладывать... Заложу, а деньги пропью... и чѣмъ больше пью, тѣмъ мнѣ гаже все... Особливо утромъ... мука!.. Пьяный я вообще не покойный, гадкій, страшный. Ухаживаетъ она за мной, раздѣнетъ, уложитъ... Да, чортъ тебя возьми, кричу ей, съ твоимъ ухаживаньемъ то!.. бей меня! рѣжь! кусай! только не ухаживай, Христа ради!

...Очумѣлъ... Допился до кошмара... Лежу ночью, вдругъ слышу въ ухо мнѣ кричитъ кто-то: „Степановъ! Степановъ! Степановъ! страшно громко... Ужасъ! Наконецъ, нечего стало закладывать... и не на что пить... Вотъ тутъ-то я за нее и принялся: т. е. понимаете, цѣлыхъ почти два года, до самой ея смерти, кормила она меня, поила, обувала и одѣвала... Билъ я ее... охъ, какъ я билъ ее, вспомнить страшно! Смертнымъ боемъ билъ! Да... терпѣла вѣдь... Цѣлый день работаетъ... ночь работаетъ... Надо за квартиру отдать... жрать надо... мало ли, что надо... папиросъ мнѣ надо... водки... безобразіе, однимъ словомъ!

...Ну, ладно... пришелъ конецъ... померла она! Родами померла... Цѣлый мѣсяцъ передъ этимъ нездорова была... из-

велась вся... высохла... кости да кожа... А я въ это время взялъ, да пальтишко у ней послѣднее пропилъ... Она больная, страдаетъ, а я пьяный... До нищеты дѣло дошло... уголъ грязный, вшивый, съ клопами... вонь!

...Помню, ночью она родила, выкинула мертвую дѣвочку... за три дня до Рождества Христова... Кричала какъ... и я тутъ былъ, да старуха какая-то... померла въ эту же ночь!.. Что мнѣ дѣлать? Хоронить не на что... Поцѣловалъ я ее, помню, въ губы холодныя, да потихоньку, какъ воръ, и ушелъ... Ушелъ и ужъ больше не возвращался... Кто ее хоронилъ? Гдѣ? Какъ? не знаю!

Сначала я съ себя пиджакъ продалъ, пропилъ... И началось съ тѣхъ поръ, и началось! Хитровка... грязь... одурь какая-то... тоска смертная... бродяжничество, куда глаза глядятъ... голодъ... холодъ... тюрьмы... и вотъ, какъ видите, весь тутъ... дошелъ, какъ говорится, до дѣла... больше ужъ идти некуда и нѣтъ, кажись, ничего ужъ такого, чего бы я не перенесъ на своей шкурѣ... Выпита чаша до дна... осталось разбить ее только... Такъ-то!..

Онъ замолчалъ и легъ навзничъ, подложивъ подъ голову руки. Коптѣвшая и плохо свѣтившая лампочка вдругъ догорѣла и тихо погасла. Въ каморкѣ стало темно... Мы молчали... мышь заскреблась сильнѣе...

— Догорѣла!—тихо сказалъ онъ и, помолчавъ, добавилъ:—и жизнь наша такъ же вотъ догоритъ и тихо погаснетъ, никому ненужная... Давайте-ка спать, братцы, пора!

— Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!—проворчалъ старикъ, укладываясь на полу.—Семенъ, спишь?!

— Нѣтъ.

— А ты спи... Что не спишь?... Не думай... брось... спи... идти намъ съ тобой далече...

XXI.

Утромъ, когда совсѣмъ разсвѣло, солдатъ-надзиратель отперъ дверь, вошелъ въ каморку, взялъ со стола лампочку, обругалъ насъ матерными словами, велѣлъ подмести полъ и вынести „парашку“.

Когда онъ ушелъ, мы посмотрѣли другъ на друга, думая одно и тоже, кому выносить ее?..

— Я ужъ таскалъ,—сказалъ рыжій послѣ продолжительнаго молчанія,—какъ хотите, чередъ за вами!

— Что-жъ, Семенъ,—сказалъ старикъ,—я постарше тебя... неси... Я бы и снесъ, да у меня, признаться, руки дрожатъ... расплескаешь!.. Въ зубы натычутъ... тащи ужъ ты!..

Дѣлать было нечего; я взялъ „парашку“ за ручку и потащилъ. Въ корридорѣ попался навстрѣчу какой-то краснорожій, здоровый арестантъ и, увидя меня, сказалъ:

— Волоки, братъ, волоки... дѣло хорошее! все не дарма хлѣбъ-то казенный жрать станешь... го, го, го!..

— Что-жъ, давайте съ горя попьемъ хоть кипяточку! — сказалъ рыжій, когда я снова возвратился въ каморку.—Все оно какъ-то повеселѣе на душѣ будетъ.

— Чайку бы теперь!—сказалъ старикъ,—съ хлѣбцемъ... гоже!..

— Чайку!—передразнилъ его рыжій,—чайку дома попьешь... Дома то тебѣ, небось, рады будутъ... а? ха, ха! Ахъ ты, Магометъ пятнадцатый! Водочки тоже, небось, гоже бы было, а?..

Онъ досталъ изъ-подъ койки большой жестяной, почернѣвшій отъ грязи чайникъ и пошелъ куда-то за кипяткомъ. Возвратившись съ кипяткомъ, онъ ушелъ опять и скоро принесъ три чайныхъ чашки. Поставя все это на столъ, онъ улыбнулся и сказалъ:

— Чай поданъ... пожалуйте!..

Мы усѣлись пить „чай“. Я и старикъ на полу, а рыжій на койкѣ.

— Сахарку бы кусочекъ вотъ эдакой—сказалъ старикъ,— все бы не такъ жгло... О, Господи!.. До чего мы, ребята, сами себя допустить можемъ... А все что? Все простота наша насъ губитъ. Не даромъ пословица-то молвится: „простота хуже воровства“.

— Н-н-н-да!—согласился рыжій, какъ-то необыкновенно громко, угломъ рта схлебывая съ блюдца „чай“.—Вѣрно это... просты мы...

— Выпьемъ,—продолжалъ философствовать старикъ,—всѣ чужіе... Что хошь съ нами дѣлай... что хошь бери... для всѣхъ душа на распашку, какъ дверь въ кабакѣ, входи, пей!..

— Мы-то такъ,—согласился рыжій,—да для насъ-то не такъ. Нашего брата, какъ звѣря, каждый чортъ словить да въ шею накласть норовитъ... А ужъ эти мужики подлые, хуже всѣхъ...

— Строго стало!—сказалъ старикъ.

— Имъ что, чертямъ,—продолжалъ рыжій,—у нихъ и земство, и земля, и все, а у насъ? Ночевать не пускаютъ безъ паспорта, подлецы!—„Кто ты такой будешь? Видъ кажи“. А, чортъ ихъ возьми, подлецовъ! Нѣтъ хуже дикарей этихъ да еще поповъ... Подлый народъ!..

— Нашего-то брата очень много, — сказалъ старикъ,— Сила!.. Одолѣли!

— Ну, такъ что же?..

— Ну и того... кому охота дармоѣдовъ-то кормить.

Слово „кормить“ напомнило намъ, что мы страшно голодны.

— Полощешь кишки-то водой, - сказалъ старикъ,—а какая польза?.. Пожевать бы теперь... тьфу!..

— Колбаски бы,—кривя усмѣшкой ротъ, сказалъ рыжій и, плюнувъ на полъ, добавилъ, — экая жизнь подлая... собачья!..

— Авось, помремъ скоро!—тихо и задумчиво произнесъ старикъ,—тогда, значитъ, всему крышка!..

— Ты-то, можетъ, и скоро помрешь, — отвѣтилъ рыжій, почти съ завистью глядя на него, — вонъ ты какой старый и плохой... не долго тебѣ.

— Дай-то, Господи, поскорѣй бы!—молитвенно произнесъ старикъ и перекрестился,—дай-то, Господи!—Онъ вздохнулъ, крѣпко зажмурилъ глаза, задумался о чемъ-то...

Вскорѣ намъ принесли обѣдъ. Въ большой деревянной чашкѣ была налита постная похлебка, сваренная съ селедочными головами... Похлебка эта была покрыта какой то рыжеватой ржавчиной, вѣроятно, потому, что селедочныя головы были ржавыя и, какъ были, грязныя, вонючія, такъ ихъ и положили въ котелъ. „Сожрутъ, молъ, не господа“!..

Мы съ жадностью голодныхъ собакъ набросились на эту похлебку и, опорожнивъ то, что было въ чашкѣ,—а было для троихъ очень не много,—почувствовали, что страшно голодны.

— Пообѣдали!—съ ироніей вымолвилъ рыжій, сидя на койкѣ и болтая ногами.

— Слава тебѣ, Господи!—добавилъ старикъ,—заморили червячка!.. теперь, гляди, на питье потянетъ...

— Дьяволы!—выругался рыжій и, сердито плюнувъ, началъ вертѣть папироску...

XXII.

Не прошло и часа послѣ обѣда, какъ насъ со старикомъ потребовали внизъ, въ ту комнату, въ которую привели вчера вечеромъ съ вокзала. Тамъ сидѣлъ тотъ же человѣкъ, который принялъ насъ вчера... Кромѣ его, въ комнатѣ было два солдата... Около печки, въ углу стояли ружья, а на лавкѣ лежали желѣзныя „баранки“.

Солдаты были одѣты въ шинели съ башлыками. На ногахъ у нихъ были валенки, а на рукахъ варежки. Посмо-

трѣвъ на нихъ, я догадался, что это конвойные, которые поведутъ насъ.

Принявшій насъ вчера человѣкъ, выдалъ одному изъ нихъ какія-то бумаги и сказалъ:

— Ну, съ Богомъ.

— Мнѣ бы вотъ полушубокъ,—сказалъ мой старикъ,—не дойти мнѣ такъ-то, студено!..

— Ладно! дойдешь и такъ, не великъ баринъ-то! Серега!—обратился онъ къ солдату.—Надѣнь на нихъ баранки.

— Небось, не убѣжимъ и такъ!—сказалъ старикъ.

— Ладно! Толкуй, кто откуль... видали мы медали-то, а кресты то нашивали...

Солдатъ взялъ со скамьи поручни и надѣлъ мнѣ на правую руку, а старику на лѣвую.

— Господи, помилуй насъ грѣшныхъ,—сказалъ, тяжело вздохнувши, старикъ и перекрестился на висѣвшую въ углу икону.—Мучители вы! Какъ мнѣ идти-то на старости лѣтъ, подумали бы. Ай, мы какіе разбойники... куда намъ бѣчь-то? Намъ бѣчь-то некуда.

— Не разговаривать!—крикнулъ старшой,—старый чортъ! Серега!—обратился онъ снова къ солдату,—получай кормовыя...

Онъ вынулъ изъ кошелька двадцать копѣекъ мѣдью и подалъ солдату.

— Ну, готовы?

— Готовы!—отвѣтилъ солдатъ.

— Съ Богомъ, маршъ!..

Солдаты взяли ружья, вложили въ казенники по боевому патрону и, посторонившись, пропустили насъ впередъ въ дверь.

Выйдя за ворота на улицу, одинъ изъ нихъ пошелъ впереди, другой позади насъ.

Намъ со старикомъ идти было ужасно неловко. Старикъ спотыкался и вязъ въ глубокомъ снѣгу, дергая меня за руку до боли. Попадавшіеся навстрѣчу немногочисленные прохожіе таращили на насъ глаза.

На душѣ у меня было гадко и стыдно.

— Господа служивые,—взмолился, наконецъ, старикъ, и въ голосѣ его задрожали слезы,—кавалеры, не знаю, какъ и величать васъ. Ослобоните вы насъ, Христа ради! Поимѣйте жалость. Смерть! О, Господи помилуй!..

Шедшій передомъ солдатъ полуобернулся и сказалъ:

— Погоди, старикъ, не скули, выдемъ за городъ, сыму, дай городомъ пройти.

Пройдя длинную, пустынную улицу, миновавъ кузницы, какіе-то огороды, мы вышли, наконецъ, въ поле и, пройдя немного по большой дорогѣ, свернули влѣво на проселокъ. Здѣсь солдаты остановились, и одинъ изъ нихъ снялъ съ насъ „баранки". Послѣ этого мы пошли дальше. Идти было тяжело. Погода стояла холодная. Дулъ пронзительный вѣтеръ навстрѣчу. Дорогу передувало. Ноги вязли въ снѣгу мѣстами по колѣно. Плохо одѣтое тѣло сильно зябло, въ особенности лицо и руки. Идти навстрѣчу вѣтру приходилось, нагнувшись, и дѣлать усилія, точно пробиваясь сквозь что то. Мнѣ было жалко старика. Онъ шелъ, согнувшись, засунувъ руки въ рукава, жалкій, трясущійся. Хорошо и тепло одѣтые солдаты, перекинувъ за плечо ружья, твердыми, привычными шагами торопливо шли впередъ, перекидываясь словами, относившимися къ погодѣ, къ дорогѣ.

Намъ со старикомъ было не до разговоровъ. Чѣмъ дальше шли мы, тѣмъ становилось труднѣе.

Ноги вязли и заплетались. За голенища худыхъ сапогъ насыпался снѣгъ.

— Господи помилуй!—шепталъ старикъ,—Господи, Владыко живота моего, спаси, сохрани. О, Владычица!

На него тяжело было смотрѣть. Старый, сгорбившійся, трясущійся, онъ былъ похожъ на засохшую елку въ лѣсу, которую безпощадно треплетъ непогода и которая жалобно скрипитъ и стонетъ, точно плачетъ, жалуясь кому то, вспоминая свою лучшую долю.

— Семенъ! Батюшка, отецъ родной! — закричалъ онъ вдругъ какимъ-то жалостнымъ, плачущимъ голосомъ.—Да скоро ли деревня-то? Смерть моя... Сме-е-е-рть!..

— Шагай, шагай, старикъ!—крикнулъ солдатъ,—небось, умѣлъ кататься, умѣй и саночки возить.

— Я-то возилъ!—какъ-то громко, съ дрожью въ голосѣ завопилъ старикъ.—Я-то возилъ. Гляди, тебѣ не пришлось бы этакъ повозить. О, Господи, хоть бы сдохнуть.

Это „хоть бы сдохнуть" онъ выкликнулъ такъ отчаянно-жалобно, что мнѣ стало жутко. Очевидно, слово было сказано не зря, а какъ окончательный выводъ о жизни, которая не стоитъ ничего другого, какъ именно только „сдохнуть".

— Не скули, старый чортъ. Дуй тя горой!—крикнулъ солдатъ, шедшій сзади,—и безъ тебя тошно. Диви, кто виноватъ. Самъ виноватъ. Молчи, песъ! Дери тебя дёромъ.

Солдатъ началъ ругаться матерными словами, жалуясь и проклиная насъ, свою долю и вьюгу.

А вьюга, точно на зло, разгулялась и расшумѣлась во всю. Воя и плача, она швырялась снѣгомъ, била насъ и,

довольная своимъ дѣломъ, съ хохотомъ кружилась и плясала въ какой-то фантастично-отчаянной пляскѣ.

Въ воздухѣ, всюду, куда ни посмотришь, стояла какая то сѣрая колеблющаяся муть. Низкое свинцовое небо точно давило и хотѣло упасть на землю. По сторонамъ дороги торчали „вѣшки“ и росли какіе-то жалкіе кусты вереска. Вдали чернѣлъ лѣсъ. Къ этому лѣсу мы держали нашъ путь. Передовой солдатъ торопливо шагалъ, не оглядываясь. Я не отставалъ отъ него, но старикъ сталъ отставать. Слышно было, какъ другой солдатъ ругалъ его.

Наконецъ, мы вошли въ лѣсъ. Дорога пошла лучше. Стало тише. Лѣсъ былъ еловый, строевой; могучія, прямыя, какъ свѣчи, ели достигали необыкновенной вышины. Вѣтеръ шумѣлъ по вершинамъ, заставляя ихъ колыхаться и наполняя лѣсъ какими-то странными звуками: то слышался жалобный скрипъ, похожій на плачъ, то какъ будто кто-то вдали кричалъ и аукался. Сверху падали на дорогу, сшибленные вѣтромъ съ макушекъ, пушистые и мягкіе, какъ вата, хлопья снѣга, какъ будто кто-то сидѣлъ тамъ наверху и швырялся ими.

Мы пошли тише. Солдаты закурили. Я хотѣлъ тоже было свернуть папиросу, но не могъ, пальцы не дѣйствовали. Увидя это, солдатъ далъ мнѣ свою папиросу и сказалъ:

— На, курни, горе лукавое. Да вонъ и старику дай, ишь онъ замерзъ. Дѣдъ, замерзъ, что ли?

Старикъ потрясъ головой и какъ-то жалобно ухнулъ, точно филинъ.

Пройдя лѣсомъ версты двѣ, мы вышли на поляну, гдѣ стояла сторожка. Проходя мимо, мы увидали бабу-сторожиху, тащившую на коромыслѣ ведра съ водой. Увидя насъ, она поставила ведра на тропку и, сложивъ на груди руки, закачала головой, выражая этимъ качаніемъ и жалость, и состраданіе, и удивленіе.

— Служивенькіе,—крикнула она, когда мы совсѣмъ поровнялись съ ней,—подьте, родные, въ избу, погрѣйтесь.—И потомъ, обратясь уже лично къ намъ, она жалобно добавила,—ахъ вы, несчастные арестантики, иззябли, чай, до смерти!..

— Нельзя, тетка, заходить,—сказалъ солдатъ. — Шагай! шагай!—закричалъ онъ намъ.

— Погрѣться бы... вздохнуть,—вымолвилъ старикъ.

— Придешь на этапъ, нагрѣешься,—насмѣшливо сказалъ солдатъ.—Отдохнешь. Ну, маршъ!

Мы тронулись дальше. Баба стояла и качала головой, долго провожая насъ глазами.

XXIII.

Лѣсъ сталъ рѣдѣть и, чѣмъ ближе пододвигались мы къ опушкѣ, тѣмъ все хуже и хуже становилась дорога. Когда же, наконецъ, мы выбрались изъ лѣсу, то увидали, что дѣло наше совсѣмъ плохо: дорогу занесло и въ полѣ видно было только, какъ кружится и воетъ какая-то сѣрая муть.

Передовой солдатъ вязъ въ снѣгу и злобно ругался. Я, молча, стиснувъ зубы и вооружившись терпѣніемъ, шагалъ за нимъ, стараясь попадать своими сапоженками въ его слѣдъ, похожій на слѣдъ медвѣдя. За мной поспѣшалъ старикъ и сопѣлъ, и пыхтѣлъ, какъ лошадь, везущая возъ неподсилу.

Такъ шли мы всѣ четверо, одинаково злые, одинаково недовольные, думая только о томъ, какъ бы поскорѣе добраться до мѣста, поѣсть, отогрѣться и лечь спать.

Дошли до деревни. Въ деревнѣ солдаты дали передышку. Они зашли за общественный „магазей“ и сѣли съ той стороны, откуда не дулъ вѣтеръ, на толстыя бревна, отдохнуть и покурить.

— А похоже,—сказалъ одинъ изъ нихъ, вертя папироску,— не скоро мы доберемся до ночлега. Погода!

— Темно придемъ,—сказалъ другой и, помолчавъ, добавилъ.—Эхъ, жизнь собачья! Води вотъ всякую сволочь, погода -иди.

— Да, — отвѣтилъ первый, — теперь бы дома, на печкѣ, эхъ-ма!..

Онъ махнулъ рукой и задумался, глядя вдаль.

Мы со старикомъ молчали. Я думалъ о томъ, какъ приду домой, что буду говорить, что дѣлать. Какъ узнаютъ о томъ, что меня пригнали этапомъ, и какъ будутъ надо мной глумиться люди. На душѣ было горько.

Старикъ сидѣлъ, согнувшись, разставя ноги, низко опустивъ голову. Что думалъ онъ? Вся его согнувшаяся, жалкая фигура изображала молчаливое покорное страданіе.

— Ну, ребята, идемъ!—точно проснувшись, вскочилъ и крикнулъ солдатъ,—сиди не сиди, а идти надо. Пораньше придемъ... айда! Трогай, бѣлоногой!

Мы молча и нехотя тронулись. Дорога пошла въ гору. Вѣтеръ все такъ же дулъ навстрѣчу и валилъ съ ногъ. Мы шли, согнувшись, жалкіе и маленькіе, борясь, изнемогая и напрягая всѣ силы, чтобы двигаться, двигаться, двигаться!..

Между тѣмъ, стало темнѣть. Декабрьскій день коротокъ. Вдали мутно и неясно чернѣли кусты, мелкорослый осин-

никъ, какія-то кочки, и надъ всѣмъ этимъ стояла и заполоняла собой все больше и больше начинавшая темнѣть, все та-же колеблющаяся муть.

Усталые, перезябшіе и голодные, шли мы, а навстрѣчу намъ грозно двигалась холодная, темная ночь. И по мѣрѣ того, какъ она двигалась, на душѣ дѣлалось жутко и боязно.

— Эхъ, да и запоздаемъ мы здорово!—сказалъ солдатъ, шедшій впереди, и, оглянувшись назадъ, крикнулъ:—Наляжь, ребята! Прибавь ходу.

— Издохнуть бы!—застоналъ опять старикъ.—Не могу я больше... О-о-охъ, Господи!

— Успѣешь издохнуть, погоди!—крикнулъ солдатъ,—а ты не робѣй, двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать!.. „Эхъ, ты, зимушка зима, морозная была“!—запѣлъ онъ вдругъ высокимъ голосомъ и также сразу смолкъ, точно оборвалъ; похлопывая рука объ руку, онъ зашагалъ впередъ, прибавляя шагу.

XXIV.

— Ребята, не робѣй, огонь видать!—закричалъ передовой солдатъ.—Слава тебѣ, Господи!.. село, этапъ, малымъ дѣломъ помаяться и крышка, отдыхъ.

Дѣйствительно, вдали сквозь мракъ, мелькали рѣдкіе огоньки, то пропадая, то опять вспыхивая, какъ звѣздочки.

— Прибавь ходу!—крикнулъ снова солдатъ,—съ версту осталось, не больше. Запоздали мы здорово, гляди, какъ бы трактиръ не заперли... Вотъ будетъ штука-то, Ивановъ, а?..

— Чай, не заперли,—сказалъ другой солдатъ,—а чайку теперь испить первый сортъ.

— Намъ хлѣбушка купите!—простоналъ старикъ.

— Хлѣбушка!—засмѣялся первый солдатъ,—а ты тоже ѣсть хочешь? Я думалъ, ты совсѣмъ замерзъ, а ты, накоподи, хлѣба захотѣлъ... Ладно,—купимъ.

Придя въ село, мы прошли какую-то длинную пустынную улицу, на которой не было никого, кромѣ собакъ, злобно брехавшихъ на насъ, и, свернувъ направо, остановились у какого-то темнаго зданія.

— Контора,—сказалъ солдатъ,—волость, пришли, слава тебѣ, Господи... Ну, и погодку Господь послалъ... Неужли Григорій дрыхнетъ, а?

— Небось, дрызнулъ здорово и спитъ,—сказалъ другой солдатъ,—что ему, гладкому, дѣлается... Ему хорошо... Не съ нашей собачьей жизнью сравнять... Отворяй дверь-то, что-ли,—добавилъ онъ,—чего всталъ?.. Небось, не заперто.

Первый солдатъ толкнулъ дверь, и мы слѣдомъ за нимъ

вошли сначала въ темныя сѣни, а изъ сѣней уже въ контору.

Здѣсь принялъ насъ заспанный съ похмѣлья сторожъ и, долго оглядывая наши трясущіяся фигуры, сказалъ:

— Эхъ вы, дуй васъ горой, вшивые черти!.. Вшей только носите... Провалиться бы вамъ, жулье!.. Ну, идите, что-ли... А, окаянная сила!..

Говоря эти любезныя слова, онъ провелъ насъ въ какую то темную нору и сказалъ:

— Сичасъ огня дамъ... Посидите покамѣстъ.

Онъ заперъ дверь, ушелъ и точно сквозь землю провалился. Мы сначала стояли, поджидая его, потомъ сѣли на полъ и сидѣли въ темнотѣ, не видя другъ друга и не зная, гдѣ мы находимся.

— Семенъ!—прошепталъ старикъ дрожащимъ голосомъ,—живъ ли, милый?..

— Живъ—отвѣтилъ я,—только не знаю, гдѣ сидимъ?

— Гдѣ сидимъ... Въ холодной, надо думать. О Господи, неужли и на томъ-то свѣтѣ насъ этакъ мучить станутъ?!.. Владычица, холодно то какъ!

Я молчалъ. Мнѣ слышно было, какъ дрожитъ старикъ, громко стучитъ зубами, ерзаетъ какъ то по полу, стараясь согрѣть свое старое тѣло.

— Иззябъ?—спросилъ я.

— Сме-е-е-рть!

— Хоть бы огня скорѣе!

— Песъ его знаетъ, провалился... Пьяный лѣшманъ...

Наконецъ, пришелъ сторожъ, принесъ хлѣба, воды, и освѣтилъ насъ и нашъ клоповникъ свѣтомъ коптѣлки-лампочки.

— Вотъ вамъ и свѣтъ,—сказалъ онъ,—гожа бить вшей то... свѣтло! Лампочку-то вонъ тамотка повѣсьте на стѣнку... Эна гвоздокъ-то... Спать ляжете, задуете... А то нетрогъ виситъ такъ... Ну, спокойной ночи!..

Онъ заперъ дверь и ушелъ. Мы остались одни. Въ каморкѣ было холодно, гадко, печально и пусто. Голыя стѣны, грязный полъ, уголъ ободранной печи, и больше ничего. Стѣны, и въ особенности печка, были покрыты пятнами раздавленныхъ клоповъ. Печку, должно быть, не топили,—она была холодная. Отъ пола дуло... На потолкѣ и по угламъ висѣла паутина. Воздухъ былъ какой-то промозглый, кислый, точно въ этой каморкѣ стояла протухлая кислая капуста, которую недавно вынесли...

Мы сидѣли на полу другъ противъ друга и молчали. Около насъ стояла лампочка и тускло свѣтила, коптя и моргая. Тутъ же лежалъ завернутый въ желтую бумагу черный хлѣбъ и стояла кружка съ водой.

— Ну, что-жъ намъ теперь дѣлать?—спросилъ я и посмотрѣлъ на старика.

— Давай пожуемъ,—отвѣтилъ онъ,—а тамъ спать ляжемъ.

— Холодно здѣсь.

— А дай-ка выстынетъ,—смерть!

Мы раздѣлили хлѣбъ поровну и стали „жевать“, прихлебывая холодной водой. Хлѣбъ былъ черствый, испеченный изъ низкаго сорта муки. Онъ разсыпался и хрустѣлъ на зубахъ, точно песокъ. Старикъ размачивалъ куски въ водѣ и глоталъ, почти не разжевывая...

— Теперь бы щецъ,—сказалъ онъ,—горяченькихъ... эхъ!..

— Да,—отвѣтилъ я,—важно бы!

— Да спать бы на печку на теплую, а?...

— Хорошо-бы!

— Живутъ же люди,—продолжалъ онъ, съ трудомъ глотая куски,—и все у нихъ есть... И сыты, и одѣты, и почетъ имъ... Мы же, прости Господи, какъ псы, маемся всю жизнь, и нѣтъ намъ ни въ чемъ удачи... А за что, подумаешь?.. Ты кобылу кнутомъ, а кобыла хвостомъ... Эхъ-ма! Спать, что-ли?...

— Гдѣ?

— Давай, вотъ, къ печкѣ ляжемъ... Мое пальтишко подстелемъ, твоимъ одѣнемся... Сапоги подъ голову. Аль несымать сапогъ то?... У меня ноги зашлись... Печку-то знать не топили... Экономія на спичкахъ... О, Господи!.. Клопа здѣсь сила, надо быть, не сосвѣтимая... До чего мы сами себя, Семенъ, допустили, а?... Подумать страшно... холодно-то какъ, батюшки!.. Ну, давай ложиться... Чего сидѣть-то... Сиди не сиди, цыплятъ не высидишь...

Онъ снялъ съ себя пальто и разостлалъ его въ углу около печки. Потомъ разулся, сапоги положилъ въ голову и, прикрывъ ихъ портянками, перекрестился нѣсколько разъ и легъ, скорчившись, къ стѣнкѣ.

— Ложись, Семенъ, и ты рядомъ,—сказалъ онъ,—сапоги то тоже сыми... Ногамъ вольготнѣе... Отдохнутъ они... Огонь-то заверни... На што онъ намъ?.. Ложись скорѣй... Холодно, смерть какъ!

Я снялъ пальто, разулся, положилъ сапоги точно такъ же, какъ и онъ, подъ голову и, погасивъ лампочку, легъ рядомъ съ нимъ, накрывъ и его, и себя пальто.

— Двигайся ближе ко мнѣ,—говорилъ онъ,—крѣпче жмись... Теплѣй будетъ... Дай-кось я тебя обойму вотъ эдакъ... Вотъ гоже... Словно жену... А?... Семъ, у тебя жена-то есть-ли?...

Я промолчалъ и тоже обнялъ его... Такъ мы и лежали,

плотно прижавшись другъ къ другу и дыша—я ему въ лицо, а онъ мнѣ.

Въ клоповникѣ было тихо, точно въ подземельѣ. Слышно было только наше тяжелое дыханіе... Мы оба не спали. Мрачныя мысли, тоскливыя и злыя, кружились въ головѣ, какъ воронье въ ненастное, осеннее утро.

— Семъ!—тихонько произнесъ старикъ послѣ долгаго молчанія.

— А!—такъ же тихо отозвался я.

— Не спишь, голубь?..

— Нѣтъ.

— Объ чемъ думаешь? Тоскуешь, небось, а?

— А ты?..

— Я что, моя пѣсня спѣта, тебя мнѣ жалко... Вотъ какъ передъ Истиннымъ говорю, до смерти жалко... Парень, я вижу, ты хорошій, душевный... отъ этого отъ самаго и пропадаешь...

Онъ говорилъ это тихо, нѣжно и любовно. Мнѣ отъ этихъ ласковыхъ словъ сдѣлалось вдругъ невыносимо грустно и такъ жалко самого себя, что я не выдержалъ и заплакалъ... Мнѣ вдругъ вспомнилась моя мать, ея ласки, милое дѣтство и все то дорогое, далекое, невозвратимое, что прошло навсегда, кануло въ вѣчность, забылось, закидалось грязью, залилось водкой, заросло дремучимъ лѣсомъ всякихъ гадостей...

— Что-ты, родной?—шепталъ старикъ, крѣпко обнимая меня,—что это ты?.. Брось!.. Ну вотъ, экой ты какой на сердце слабый, брось!.. Голубь ты мой, съ кѣмъ грѣхъ да бѣда не бываютъ... А ты Господу молись... Его, Создателя нашего, проси укрѣпить тебя отъ всякія скорби, гнѣва и нужды... Полно, сынокъ, полно, родной!..

Онъ говорилъ это дрожащимъ голосомъ, сдерживая дыханіе, и что-то неподдѣльно-искреннее, дѣтски-доброе звучало въ его рѣчи.

— Трудно жить на бѣломъ свѣтѣ,—продолжалъ онъ шепотомъ,—ахъ трудно!.. Каждому свой крестъ отъ Господа даденъ... Нести его надо... Тяжело его нести, особливо старому человѣку... И грѣхи мучаютъ, и все, что дѣлалъ, вспоминается... Охъ, тяжело это, соколъ ты мой!.. Ты вотъ молодъ да и то плачешь, а мнѣ то каково легко... Кабы ты зналъ, что я видалъ въ своей жизни... Что дѣлалъ?... Какъ жилъ? Господи, грѣхъ юности и невѣдѣнія моего не помяни!..

Онъ перекрестился въ темнотѣ.

— Иной разъ лежишь вотъ эдакъ ночью одинъ да раздумаешься, страхъ нападетъ, ужасъ! И не вѣрится... А вѣдь все правда, все было.

— Молодъ былъ,—продолжалъ онъ, помолчавъ,—не думалъ, что пройдетъ она, молодость-то... Вали во всю! Пилъ, гулялъ, на гармошкѣ первый игрокъ былъ... плясать—собака!.. Дѣвки эти за мной, какъ козы... По двадцать второму году женился... въ домъ взошелъ... домъ богатый... огородъ... триста грядъ одного луку сажали... Двѣ лошади, корова... Жена ласковая, тихая, красивая... Жить бы.. анъ нѣтъ! не любилъ я ее, жену-то... женился больше изъ-за богатства... надулъ ее... Гулять отъ нее сталъ... Отъ этого пошелъ въ дому раздоръ... да!.. вспомнить гнусно! Отецъ-то ея, женинъ-то, строгій человѣкъ былъ... по старой вѣрѣ... курить и то заказывалъ мнѣ... Ну, а я не уважалъ его... противенъ онъ мнѣ былъ... вотъ какъ, страсть! Онъ слово, а я ему десять... Онъ бы меня по себѣ-то и прогналъ бы, да дочку жалѣлъ, за нее и терпѣлъ только... Немного онъ съ нами пожилъ... года, знать, съ три, не больше... померъ... Я его, сынокъ, по правдѣ-то сказать, и ухайдакалъ... Повезли мы съ нимъ разъ капусты возъ за городъ, въ имѣніе одно барское... Дѣло было осенью... погода—смерть... дорога—сибирь!.. Стали въ одномъ мѣстѣ подъ гору спускать, а гора крутая, возъ тяжелый, разъѣхались колеса по глинѣ, наклонился возъ... вотъ упадетъ... Забѣжалъ мой старикъ сбоку на ту сторону, куда падать-то возу, уперся плечомъ. „Помоги“!—кричитъ. А я взялъ да правой возжей лошадь и тронь... Рванула она, дернула... благая была лошадь, сытая... возъ-то брыкъ!.. Ну и того... придавило его... Побѣжалъ я въ деревню... собралъ народъ... вытащили его изъ-подъ воза мертваго... Ну, что жъ тутъ дѣлать? Задавило и задавило... Дѣло, видно, Божье... Никто не видалъ, какъ дѣло было... Ну, сталъ я жить съ женой вдвоемъ... Родила она дѣвочку... Пожила дѣвочка съ полгода—померла... Ну, что-жъ... живу... Хозяинъ дому сталъ полный... жена смирная... безотвѣтная... Началъ пить... пьяный я безпокойный, озорноватый... Приду,—сейчасъ, коли что не по мнѣ, въ зубы... Родила она мнѣ еще ребенка, мальчика... сталъ рости этотъ мальчикъ... Гринька я его звалъ... такой-то веселый, здоровый, любо!.. Привязался я къ нему, милый, всей душой и пить сталъ меньше... Около дому сталъ хлопотать, гоношить... Думаю: коли помру, все ему пойдетъ... Съ женой сталъ жить по закону... драться бросилъ... расцвѣла моя баба... души во мнѣ не чаетъ... люди стали завидовать... Жить-бы да жить, анъ нѣтъ!.. Богъ-то взялъ, да по своему и сдѣлалъ... наслалъ на меня напасть... горе такое и сказать страшно... Заболѣлъ Гринька скарлатиной... Поболѣлъ, поболѣлъ, да и того... скончался... Охъ, Семенъ, Семенъ, коли будутъ у тебя дѣтки, да, спаси Богъ, помретъ который,—вспомнишь меня, старика... Все одно, я тебѣ скажу, взять,

вотъ, да ножемъ по сердцу полыхнуть... вотъ какъ легко это!..

...Стали мы его хоронить... Дѣло-то зимой было... морозъ... холодъ несосвѣтимый... Земля-то аршина на полтора промерзла... Самъ я могилу рылъ... билъ, билъ, ломомъ-то!.. рою, а самъ думаю: кому рою?.. да... ну ладно... Убрала его жена во все чистое въ гробу. Дѣвки, цвѣточницы сосѣдки, цвѣтовъ дали... обложили его цвѣтами-то... Лежитъ онъ въ нихъ, аки ангелъ Господень, и словно бы улыбочка на устахъ... Жалко! подойду, посмотрю—жалко!.. Сердце-то точно кто раскаленными клещами схватитъ... Ну, пришло время, надо его изъ дому выносить... Что тутъ было,—и сказать тебѣ, родной, не сумѣю. Жена, какъ мертвая... обхватила гробъ-то, застыла... У меня и руки, и ноги трясутся, и плачу я, и топчусь на одномъ мѣстѣ, какъ баранъ... Понесли его въ церковь... Я иду сзади... жена идетъ... качаетъ ее, какъ былинку... Шаль на одномъ плечѣ виситъ, съѣхала... и треплется эта шаль по вѣтру, какъ птица крыломъ... Ну, отпѣли въ церкви... Снесли на погостъ, зарыли въ землю... Пришли мы съ женой домой... тоска-то, Господи!.. Полѣзъ я на печку, легъ, лежу и думаю... Вспомнилъ, какъ мы съ нимъ на печкѣ спали вмѣстѣ... какъ, бывало, скажетъ онъ мнѣ: „Тятька, обойми меня ручкой"...

Вспомнилъ, и такая меня тоска взяла—смерть! Слѣзъ съ печи, гляжу: жена держитъ сапожонки его, валенки, въ рукахъ и разливается, плачетъ... Еще пуще взяла меня тоска! Опротивѣло все... весь домъ... Глаза-бъ не глядѣли ни на что!.. Взялъ шапку—ушелъ со двора... и началъ я, милый ты мой, съ эстаго разу пить... Забылъ все... и стыдъ, и совѣсть, и Бога... и Богъ меня забылъ... Наплевать, думаю, все одно, коли такъ... Точно, понимаешь, самому Господу на зло дѣлалъ... Озвѣрѣлъ... совсѣмъ опустился... жена опостылѣла... бить ее сталъ смертнымъ боемъ, мытарить всячески... въ ея мукахъ отраду себѣ находилъ... Что только я съ ней ни дѣлалъ... Молчала она... извелась... высохла, какъ лучина... Разъ я, что съ ней сдѣлалъ, не повѣритъ, а правда... распялъ ее!..

— Распялъ?—переспросилъ я.

— Распялъ!—повторилъ онъ,—съ пьяныхъ глазъ сдѣлалъ это... Вывелъ ее на дворъ, привязалъ ноги къ столбу, а потомъ взялъ двѣ веревки, привязалъ одной за руку, перекинулъ конецъ за переводъ, прикрутилъ, другую руку взялъ, перекинулъ опять конецъ за переводъ и эту прикрутилъ... Повисла она... голову на грудь свѣсила, глядитъ на меня... Взялъ я кнутъ да и давай ее полыхать..

Онъ замолчалъ... Мнѣ слышно было, какъ онъ весь дрожитъ.

— Страшно!—зашепталъ онъ,—огонь бы вздуть... покурить... а?.. Семенъ... Что ты молчишь?..

— Тебя слушаю.

— Страшно мнѣ, жутко... Жмись ко мнѣ, Христа ради... Не гнушайся ты моимъ тѣломъ, ради Господа... Человѣкъ я тоже... пожалѣй ты меня, старика!..

— Богъ съ тобой!.. развѣ я тобой гнушаюсь... мнѣ самому не легче твоего...

— Горюны мы... лежимъ вотъ, какъ псы... И никому-то мы не нужны... Не жалко насъ никому... Такъ, молъ, имъ и надо... Пьяницы... золотая рота!.. О, Господи!.. да, справедливо наказуешь... А тяжко... ахъ, тяжко на старости лѣтъ терпѣть!..

Онъ опять замолчалъ... Въ трубѣ жалобно завылъ вѣтеръ... Гдѣ-то стукнуло, упало что-то, въ сѣняхъ замяукала кошка...

— Немного проскрипѣла она,—началъ опять шепотомъ старикъ,—изврелась, впала въ чахотку, отдала Господу душу о самаго вешняго Миколу...

— Подожди!—перебилъ я его,—за что-же, собственно, ты ее билъ?..

— За что? не знаю!.. такъ... Стоитъ, бывало, мнѣ ее только разъ ударить, то и пойдетъ, и начну, и начну, удержу нѣтъ! Молчитъ она, а меня пуще злость беретъ... Да что ужъ—вспомнить страшно!..

— Ну, какъ же ты безъ нее жить сталъ? — спросилъ я, видя, что онъ молчитъ.

— Какъ жилъ? пить сталъ, пить и пить, пить и пить... Все, что было въ дому, пропилъ... Нечего стало пропивать, взялъ да домъ съ землей продалъ... за полцѣны, по пьяному дѣлу, кузнецу отдалъ... Съ годъ, должно, на эти деньги гулялъ, а потомъ вышелъ въ чистую... Сталъ нагъ и босъ... Ну, и сталъ жить: день не жрамши, да два такъ, пока не привыкъ... Попадешь, братъ, въ золотую роту, не скоро изъ нее выскочишь, засосетъ она тебя, какъ болото, особливо, коли характера нѣтъ, укрѣпиться не можешь... шабашъ! крышка! пиши пропало! Голодная жизнь, за то вольная, ничего ты не робѣешь,—потому нѣтъ у тебя ничего!.. Какъ птица, куда задумалъ, туда и полетѣлъ... Я, вотъ, всю Россію исходилъ. Спроси, гдѣ не былъ? На Дону жилъ, въ Соловкахъ жилъ, въ Крыму, на новомъ Аѳонѣ два года выжилъ... Гдѣ только не былъ! всего наглядѣлся,—и голодалъ, и сытъ бывалъ по горло, и битъ былъ, и самъ билъ... всего было, всего! И въ людяхъ живалъ, и топоръ на ногу обувалъ, и топорищемъ подпоясывался...

— Ну, а теперь ты что-жъ думаешь дѣлать?..

— Что дѣлать?.. дѣло мое одно: стрѣлять... издохну, авось, скоро... Охъ-хо, хо!.. курнемъ, а?..

— Не охота вертѣть, холодно...

— Какъ-то намъ по утру идти придется?.. ужъ и не знаю, дойду-ли!.. Объ чемъ думаешь, Сёмъ?.. Ты сказалъ бы хоть что ни на есть?.. Умрешь вѣдь съ тоски такъ-то лежать... Сна нѣтъ... дума... Клопы стали покусывать.. Слышишь?..

— Слышу...

— Чиркни-ка спичку... Вотъ небось ихъ высыпало на на печку.

Я чиркнулъ спичку. Она вспыхнула и тихо загорѣлась, освѣтивъ слабымъ трепетнымъ свѣтомъ каморку... Испуганные свѣтомъ клопы побѣжали по печкѣ во всѣ стороны... Спичка догорѣла и погасла... Я зажегъ другую и засвѣтилъ лампочку. Множество клоповъ побѣжало по нашей постели, убѣгая отъ свѣта... Старикъ поднялся и сѣлъ, сложивъ ноги калачикомъ. Въ каморкѣ дѣлалось все холоднѣе. Паръ отъ нашего дыханья ходилъ волнами... Лампочка тускло мигала, какъ старая старуха глазомъ. Въ деревянной переборкѣ, часто и назойливо, чикали, точно карманные часы, червячки, точа гнилыя, трухлявыя доски...

Мы сидѣли около лампочки, глядя на мигающій свѣтъ, курили и оба молчали, думая свои думы.

XXV.

Такъ сидѣли мы довольно долго. Вдругъ гдѣ-то на крыльцѣ за дверью раздался крикъ, отъ котораго мы со старикомъ вздрогнули, потомъ затопали и застучали въ сѣняхъ, и вслѣдъ за тѣмъ кто-то подошелъ къ нашей двери, отперъ замокъ и, распахнувъ ее настежъ, крикнулъ:

— Волоки его, чорта, сюда!

Кричалъ это, какъ оказалось, сторожъ. Въ сѣняхъ опять застучали, завозились, и слышно было, какъ волокутъ кого-то по полу.

— Да ну!—крикнулъ сторожъ,—ай не совладаете!..

— Здоровъ, дьяволъ! — раздался изъ темноты хриплый голосъ, и вслѣдъ за нимъ мы увидали, какъ двое сотскихъ, съ бляхами на груди, съ возбужденными, красными лицами, выволкли на полосу свѣта, къ нашей двери, какого-то, упиравшагося пятками въ полъ и злобно хрипѣвшаго, человѣка.

Сотскіе, пыхтя и сквернословя, втащили его къ намъ въ каморку и бросили на полъ. Человѣкъ вскочилъ и ринулся къ двери. Сотскіе оттолкнули его и выскочили вмѣстѣ со сторожемъ за дверь.

— Сиди вотъ здѣсь, дьяволъ тебя задави! — сказалъ одинъ изъ нихъ, — дурь-то выскочитъ... троимъ-то вамъ весело...

— Проклятые! — закричалъ человѣкъ и застучалъ объ дверь кулаками,—пустите!.. Разнесу!..

— Разнесешь!

— Разнесу!

Человѣкъ этотъ былъ пьянъ. На его худое, бѣлое, какъ бумага, лицо и на огромные, налитые кровью, дико бѣгающіе глаза страшно и противно было глядѣть. Одѣтъ онъ былъ въ одежду монастырскаго послушника. Длинные, совсѣмъ рыжіе, волосы мокрыми прядками трепались по плечамъ. Голосъ его, отвратительно хриплый, какой-то скрипучій, билъ по нервамъ и раздражалъ, какъ скрипъ немазанной оси.

— Пустите!—вылъ онъ дикимъ голосомъ и колотилъ кулаками въ дверь.—Дьяволы! Антихристы!.. дверь вышибу!

Мы со старикомъ молча глядѣли на него. Онъ не унимался. Наконецъ, старикъ не выдержалъ и крикнулъ:

— Не ори... Эй ты, рабъ Божій!.. ложись спать...

„Рабъ Божій“ обернулся и посмотрѣлъ на насъ. Налитые кровью глаза его какъ-то завертѣлись необыкновенно дико и страшно, и онъ вдругъ совершенно неожиданно, ничего не говоря, какъ кошка, отпрыгнулъ отъ двери, бросился къ старику, повалилъ его навзничь и, вцѣпившись ему въ горло руками, началъ душить, воя и визжа, какъ волкъ.

Старикъ вытаращилъ глаза, захрипѣлъ и замахалъ мнѣ рукой.

Я сперва испугался, — до того это было дико и неожиданно. Потомъ, видя, что онъ задушитъ старика до смерти, схватилъ „раба Божьяго“ за его длинныя, рыжія космы обѣими руками и поволокъ по полу. Онъ, очевидно, отъ страшной боли, сейчасъ-же выпустилъ старика и, отбѣжавъ въ уголъ, всталъ тамъ спиной къ стѣнѣ, дико глядя на насъ безумными глазами.

— Господи Іисусе!—простоналъ перепуганный старикъ,— вотъ было гдѣ смерть свою нашелъ... Ну, Семенъ, гляди теперь за нимъ въ оба... Коли что, бей его сапогомъ въ рыло... парень, я вижу, ты ловкій... Вотъ чорта-то, прости Господи, притащили. Что-жъ теперь намъ дѣлать?..

— Не знаю... увидимъ.

— Полоумный знать?

— Чортъ его знаетъ... Спать, видно, намъ не придется.

— Гдѣ спать... гляди, гляди!

Полоумный „рабъ Божій“, глядя на насъ, поднялъ вдругъ руки надъ головой и, махая ими, пустился по каморкѣ плясать въ присядку, крича во всю глотку какую-то

кабацкую пѣсню. Онъ долго вертѣлся по полу, похожій на чорта, встряхивая волосами и размахивая полами подрясника. Потомъ, очевидно, измучившись, пересталъ плясать и, подскочивъ къ двери, завопилъ:—Отоприте! отоприте! отоприте!..

— Господи помилуй!—шепталъ перепуганный старикъ,— Царица Небесная... Семенъ, нà сапогъ, держи, будь на готовѣ... Коли что, бей его въ торецъ. Вотъ вляпались-то мы съ тобой... Гляди, какъ бы лампочку, спаси Богъ, не разбилъ...

— Отоприте! — вылъ между тѣмъ пьяный монахъ такъ громко и дико, что, я думаю, на улицѣ былъ слышенъ этотъ крикъ.

— Не ори!—раздался за дверью голосъ сторожа.

— Отоприте!—еще шибче закричалъ пьяный.

— Ну погоди-жъ ты, чортъ!—крикнулъ сторожъ,—мы тя уймемъ... Погоди!..

Онъ ушелъ и скоро возвратился назадъ съ двумя сотскими. Всѣ они трое ворвались въ каморку, набросились на монаха, сшибли его съ ногъ и начали колотить и таскать по полу, какъ какой-нибудь мѣшокъ съ трухой... Монахъ дико визжалъ и рвался...

— По рылу не бей! по рылу не бей!—кричалъ сторожъ,— охаживай его по бокамъ, вотъ такъ! вотъ такъ! ловко! что, чортъ, будешь орать, а?.. будешь, а?..

Его били и волочили за волоса до тѣхъ поръ, пока онъ не пересталъ кричать. Потомъ связали ему веревкой руки и, бросивъ въ уголъ на полъ, ушли, какъ ни въ чемъ не бывало... Очевидно, дѣло это для нихъ было привычное, неинтересное, обыденное...

— Успокоили!—подмигивая и весело ухмыляясь, сказалъ старикъ, когда они ушли, — ловко отдѣлали: за дѣло... не ори. Задушилъ было, проклятый! Гляди, не издохъ бы ночью, наживешь съ нимъ бѣды... на насъ еще свалятъ... Погляди, дышетъ-ли?

Я подошелъ и взглянулъ на лежавшаго навзничь монаха. Лицо его было бѣло и страшно. Изъ угла рта сочилась кровь. Глаза были закрыты. Онъ тихо и рѣдко дышалъ.

— Ну, что?—спросилъ старикъ.

— Дышетъ!—отвѣтилъ я.

— Ну, а дышетъ, значитъ, ничего... отойдетъ...

Избитый монахъ вдругъ завозился, застоналъ и, повернувшись на бокъ, лицомъ къ стѣнѣ, захрапѣлъ.

— Не отходитъ-ли?—испуганно воскликнулъ старикъ. — Семъ, батюшка, посмотри!

— Нѣтъ,—сказалъ я, послушавъ,—спитъ.

— Ну песъ съ нимъ!.. пущай спитъ... Проспится, будетъ по утру бока почесывать...

Мы поговорили еще кое о чемъ и, погасивъ огонь, легли опять спать точно такъ-же, какъ давеча, крѣпко прижавшись другъ къ другу...

XXVI.

Долго-ли я спалъ,—не знаю. Проснулся я отъ того, что меня кто-то тихо трогалъ по лицу чѣмъ-то холоднымъ и мокрымъ. Испугавшись, я вскочилъ и закричалъ:—Кто тутъ?!

Отъ моего крика проснулся старикъ, и слышно было, какъ онъ сперва ошарилъ то мѣсто, гдѣ лежалъ я, и, не найдя меня, испуганнымъ шепотомъ спросилъ:

— Семенъ! гдѣ ты?..

— Здѣсь!—отвѣтилъ я тоже шепотомъ и добавилъ,— меня кто то разбудилъ... за лицо трогалъ.

— Зажигай скорѣй огонь!—заволновался старикъ и заерзалъ по полу.—Убьетъ, проклятый! И какъ это мы, дураки, оплошали,—огонь погасили.

Я торопливо чиркнулъ спичку, зажегъ лампу, и вотъ что увидали мы при ея слабомъ свѣтѣ.

На полу, около нашей постели, головой къ стѣнѣ, ногами къ намъ, лежалъ навзничь монахъ. Ноги его, обутые въ опорки, поверхъ грязныхъ портянокъ, находились какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ была моя голова. Очевидно, онъ толкалъ меня въ потемкахъ по лицу этими опорками...

Онъ лежалъ, глядѣлъ на насъ мутными страшными глазами и улыбался, скаля зубы, какой-то страшной и противной улыбкой...

— Что? Что ты?—спросилъ я, отшатнувшись отъ него.

Онъ ничего не отвѣтилъ и молча, не переставая улыбаться, водилъ глазами то на меня, то на старика.

Мнѣ стало страшно. Вся эта долгая ночь стала казаться какимъ-то кошмаромъ...

— Не во снѣ-ли я все это вижу?—думалось мнѣ,—не заболѣлъ ли я горячкой... не бредъ ли это?..

— Рабъ Божій!—заговорилъ старикъ,—что ты, а? проснулся, родной, а?.. А ты усни еще... вставать-то рано.

— Гдѣ я?—прохрипѣлъ монахъ.

— Въ хорошемъ мѣстѣ, землячекъ,—съ усмѣшкой отвѣтилъ старикъ,—на даровой квартирѣ.... въ гостиницѣ господина Клопова.

— Какъ я попалъ сюда?—опять прохрипѣлъ монахъ.

— Доставили тебя, рабъ Божій, сюда добрые люди, подъ ручки привели... съ почетомъ...

Монахъ завозился по полу, стараясь встать.

— Развяжите мнѣ руки!—простоналъ онъ.

— Этого мы не можемъ,—сказалъ старикъ,—не мы тебя связывали.

— Христа ради!..

— Развяжи тебя, а ты опять скандалъ поднимешь, дверь ломать начнешь... Меня давеча совсѣмъ было задушилъ... Вотъ кабы добрый человѣкъ не помогъ,—былъ бы я теперь въ раю.

— Христа ради!—опять простоналъ монахъ.

— Чудакъ, да ты пойми: какъ намъ тебя развязать... намъ вѣдь за это влетитъ... нельзя, рабъ Божій, ей-Богу нельзя.

Монахъ обвелъ насъ глазами и, плюнувъ, крикнулъ:

— Тьфу ты, дьявольское навожденіе! Угораздило меня... Били меня, что-ли, а?..—спросилъ онъ, глядя на старика.

— Да, было дѣло... повозили порядкомъ... чай, слышно въ бокахъ-то...

— Покурить бы!

— А табакъ то есть?

— Въ карманѣ кисетъ... развяжи руки.—И, видя, что старикъ молчитъ, онъ обратился ко мнѣ и сказалъ:—Паренекъ, развяжи... Христа ради прошу.

Мнѣ стало жаль его. Хмѣль съ него соскочилъ. Онъ сталъ понимать свое положеніе.

— Что-жъ, Семенъ, аль развязать?—сказалъ старикъ,—кажись, очухался... Шумѣть, рабъ Божій, не будешь,—развяжемъ.

— Не буду.

— Побожись!

— Да не буду! ей-Богу, не буду... На меня вѣдь находитъ на пьянаго-то... ничего не помню.

— Ну, ладно, коли такъ, что самдѣли тебя томить... Развяжи-ка его, Семенъ!

Я нагнулся и развязалъ веревки. Монахъ сѣлъ и, помахавъ руками по воздуху, сказалъ:

— Отекли!—Потомъ, помолчавъ еще, прибавилъ:—ничего не помню, хоть зарѣжь.

Онъ досталъ кисетъ и, закуривъ отъ лампочки, задумался, глядя на огонь. Мы тоже молчали, поглядывая на него.

— А, что, братцы, меня сюда безъ котомки привели?—спросилъ онъ вдругъ, точно проснувшись, и передалъ старику окурокъ.

— Ничего у тебя не было,—сказалъ старикъ,—вотъ такъ какъ есть... Да тебя откеда взяли-то?

— Да опять же изъ трактира!

— За что?..

— Наскандалилъ я, небось... ужъ такая замычка у меня подлая.

— А не помнишь?..

— Хоть убей, ничего! Котомку-то знать посѣялъ... жалко! Фу ты, провалиться бы тебѣ!

— А было что въ котомкѣ?

— Бѣльишко... еще кое что... рублей на пять.

— А видъ-то цѣлъ-ли?

— Видъ при мнѣ... за пазухой, вотъ здѣсь... кому онъ нуженъ?

Мы помолчали... Въ каморкѣ стояла таинственная, полная какихъ-то призраковъ, гнетущая тишина.

— Утро знать скоро,—сказалъ старикъ и, обратившись къ задумавшемуся монаху, спросилъ:—А ты куда идешь-то, отецъ?..

— На Калугу иду... къ Тихону... знаешь?

— Ну, вотъ, какъ не знать... ночевалъ тамъ на странней... ужъ и странняя тамъ: хуже тюрьмы... А жилъ-то гдѣ?—опять спросилъ онъ.

— Тутъ, въ одномъ монастырѣ, не далеча... А что тебѣ?

— Да такъ... загулялъ знать?

— Нѣтъ... такъ...

— Руки длинны, а?—спросилъ старикъ и подмигнулъ глазомъ.

Монахъ ничего не отвѣтилъ и задумался.

— Голова, небось, трещитъ?—опять спросилъ старикъ.

— Все трещитъ!—мрачно отвѣтилъ монахъ и, поднявшись съ полу, потянулся, зѣвая во весь ротъ.—А вы какъ сюда попали?

— Мы изъ Питера этапомъ,—отвѣтилъ старикъ и, помолчавъ, спросилъ:—Давно по монастырямъ-то?

— Давно.

— Какъ житьишко-то?.. Живалъ я, только не по здѣшнимъ мѣстамъ... Харчи-то какъ?

— Ничего харчи...

— А ты самъ-то чей?..

— Дальній я... съ Камы... слыхалъ?.. рѣка такая... въ Волгу пала...

— Знаю... Что-жъ, опять въ монастырь?

— А то куда-жъ больше?

— Пьете вы здорово!

— Какъ придется тоже...

— Да, правда,—гдѣ въ монастырѣ денегъ взять?

— Захочешь, такъ найдешь гдѣ, коли ловокъ.

— Извѣстно, ловкому вездѣ ловко... А ты, что-жъ, самъ ушелъ, аль прогнали?

— Прогнали!

— За что?..

— За что, за что... за воровство!

— Свиснулъ?

— А тебѣ что?

— Да такъ... любопытно... скука такъ-то сидѣть, молчать...

— Я часовню обкрадывалъ!—сказалъ монахъ, помолчавъ.

— Н-у-у? — удивился старикъ. — Какъ-же ты исхитрялся-то?.. разскажи, братъ.

— Такъ и исхитрялся... Вишь ты, братецъ мой, дѣло-то это просто дѣлалось... Наладилъ было я ловко, да сорвалось... Самъ виноватъ: сказалъ товарищу, а онъ, сукинъ сынъ, меня въ яму и всадилъ, подвелъ... забѣжалъ къ игумену съ язычкомъ... Сволочь!.. попадется когда нибудь—голову оторву!..

— Ишь ты!—покачавъ головой, сочувственно произнесъ старикъ,—вотъ-такъ товарищъ, ну, ну!?

— Ну и того... поперли меня. Жалко!.. Житьишко у меня наладилось было форменное. Деньжонки каждый день... выпьешь, бывало, и закусишь... бабенку пріучилъ... Жалко!..

— Бабенку?!

— Сколько хошь добра этого... сами лѣзутъ.

— Ахъ, сволочь!.. Въ святое мѣсто и то отъ нихъ не уйдешь!.. Ну, ну! какъ-же ты108 кралъ-то, скажи...

— А вотъ какъ. Есть, братецъ мой, около монастыря этого, гдѣ жилъ я, часовня на большой дорогѣ, съ версту эдакъ отъ обители, въ честь пророка Предтечи и Крестителя Господня Іоанна. Всѣ, понимаешь, кто ни идетъ и ни ѣдетъ, безпремѣнно въ нее заходятъ. Ну и того... жертвуютъ кто сколько можетъ... Икона въ часовнѣ-то... большая икона Предтечи и Крестителя Господня Іоанна... Передъ иконой аналойчикъ, а на аналойчикѣ оловянное блюдо для денегъ поставлено, на это блюдо и кладутъ. Ладно. Къ часовнѣ этой старецъ приставленъ—отецъ Августалій, за порядкомъ глядѣть и деньги получать. Старый, этотъ самый Августалій, престарый, лѣтъ 80 ему... глухой, дурковатый, видитъ плохо, сидитъ, клюетъ носомъ, молитвы шепчетъ. Отлично. Вотъ я и того... смекнулъ. Вижу, дѣло-то подходящее. Сталъ слѣдить за этимъ старцемъ: когда онъ приходитъ въ часовню, когда уходитъ обѣдать. Замѣтилъ, что онъ поутру не рано ходитъ туда изъ обители, часовъ эдакъ въ семь. Я, понимаешь, возьми, да туда маршъ пораньше. Часовня-то постоянно отпертая стояла, потому тамъ, окромя образа, ничего не было. Ну, ладно. Богомольцы поутру лѣтнее время, чуть свѣтъ, идутъ по холодку. Ну, я и того... что накладено на блюдѣ, то—въ карманъ себѣ... Ловко?..

— Ловко!—воскликнулъ старикъ.—Ну, ну!..

— Наладилось у меня дѣло... малина!.. передъ большими праздниками хорошо добывалъ... Рубля по полтора, а то и больше.

— Ну-у-у!?.

— Сейчасъ провалиться, не вру... Водочка это у меня каждый день... закусочка... колбаска... рыбка... манность! Все бы ладно, да дернула меня нелегкая, по пьяному дѣлу, разсказать про это пріятелю... Поилъ его, дьявола... угощалъ... а онъ къ игумену,—и разсказалъ все... Ну, меня и намахали... Пошелъ я съ горя да и загулялъ... Какъ сюда попалъ,—не помню.

— А не мало ты, похоже, денегъ побралъ эдакъ-то?..

— Не мало.

— Да,—задумчиво сказалъ старикъ,—денежки эти тебѣ отольются... У кого кралъ-то? у пророка, Предтечи Крестителя Господня Іоанна!.. Можетъ, какая баба, копѣйку ту какую клала, а?.. Слезовую! кровяную! мозольную!.. Думала—Богу, анъ ты ее на глотку... Сукинъ сынъ, братъ, ты отецъ, не въ обиду будь тебѣ сказано. Тебѣ за это дѣло, знаешь, что надо?..

— Чего ты меня учишь?.. Наплевать!..

— Наплевать то наплевать, а счастья тебѣ не будетъ.

— А мнѣ и не надо!

— Что такъ?..

— Да такъ... все одно... Эхъ, да и надоѣло мнѣ все!— воскликнулъ онъ съ тоской.—Кажись, кабы кто застрѣлилъ меня изъ поганаго ружья,—спасибо сказалъ бы.

— Чего-жъ тебѣ не достаетъ?.. человѣкъ ты молодой.

— Надоѣло все!.. глаза-бъ не глядѣли! Только и живешь, пока пьянъ... Налакаешься—одурѣешь... все позабылъ и богатъ, и веселъ!..

— Ну это, братъ, не одному тебѣ, а и всѣмъ такъ-то... Жизнь то мачиха... жизнь, братъ, задача... Намъ съ тобой и не понять... Не даромъ пословица-то молвится: не такъ живи, какъ хочется, а какъ Богъ велѣлъ.

— Богъ, Богъ! — опять какъ-то отчаянно и злобно воскликнулъ монахъ,—все Богъ! Голова болитъ—Богъ наказалъ! Не спится—Богъ наказалъ! На этапъ попалъ,—Богъ наказалъ! все Богъ... а можетъ Бога-то и нѣтъ... пугаютъ только насъ, дураковъ.

— Ну, это ты ужъ заливаешь съ пьяныхъ-то глазъ.

— Ничего не заливаю! Сказано: гора двинется съ мѣста, коли попросишь... ну-ка, коли вѣришь, попроси, чтобы тебя Богъ отсюда вывелъ въ трактиръ... да выпить бы далъ, да закусить... Ты, чай, не жралъ путемъ съ роду... ну-ка!.. а?.. что!

— Дуракъ!—сказалъ старикъ, — теперь всѣ трактиры за-

перты.—И, помолчавъ еще, сказалъ:—А святые-то отцы?.. а мощи то?

— Мощи...

— Отстань! Ну тебя ко псамъ! И вѣрно тебя изъ поганаго ружья убить стоитъ... Семенъ!—обратился онъ ко мнѣ,—вотъ, гусь-то, а?..

Я ничего не сказалъ. Монахъ покурилъ и легъ, отвернувшись отъ насъ лицомъ къ стѣнѣ.

— Вѣрь всему,—сказалъ онъ,—дураковъ-то и въ алтарѣ бьютъ... Деньги—Богъ! Уснуть бы,—добавилъ онъ,—да не уснешь... о, Господи!..

— Да,—сказалъ, помолчавъ, старикъ и покачалъ сѣдой головой,—много на свѣтѣ всякаго народу... всякаго... и всякой дуракъ по своему съ ума сходитъ... Гляди, Семъ, учись... вѣкъ живи, вѣкъ учись, а дуракомъ помрешь... Такъ-ли, а?.. Что присмирѣлъ?.. Давай опять спать... Можетъ, уснемъ, а?..

— Теперь скоро за вами, дьяволы, придутъ!—заворчалъ монахъ.

— Да ужъ одинъ бы конецъ! — отвѣтилъ старикъ и растянулся на полу,—всю душу вымотали! Давай спать, Семенъ, больше ничего. Увидимъ тамъ. Утро вечера мудренѣе. Нечего думать-то... Ложись-ка!..

XXVII.

Рано утромъ солдаты разбудили насъ и повели въ дальнѣйшій путь.

Погода утихла. Было тихо и морозно. Заря только что начинала заниматься. Серпъ мѣсяца стоялъ надъ горизонтомъ, медленно погасая подъ лучами разгоравшейся зари. Ночь, какъ бы нехотя и лѣниво, уступала мѣсто короткому зимнему дню.

Дороги не было. Ее совсѣмъ задуло вчерашней мятелью. Мѣстами снѣгъ отвердѣлъ такъ, что не проваливался подъ ногами. Идти было трудно и не споро. Еловыя вѣшки, скупо натыканныя далеко одна отъ другой, показывали намъ дорогу. Мы шли молча, вязли и злились. Морозъ крѣпчалъ и хваталъ за лицо. Яркое солнце, огромнымъ огненнымъ шаромъ, тихо выплыло изъ-за лѣса. Снѣгъ заискрился и заблестѣлъ такъ, что на него больно стало глядѣть. Направо, въ деревнѣ, затопились печки, и дымъ изъ трубъ тихо, столбами поднимался къ небу. Гдѣ-то вдали звонили въ колоколъ, и откуда-то доносился крикъ: „Но! но!.. да, но, дьяволъ тебя задави!..“ Вездѣ кругомъ, куда ни посмотришь, было свѣтло и необыкновенно красиво. Природа точно переодѣлась за

ночь во все чистое и, свѣтлая и радостная, показалась въ такомъ нарядѣ взошедшему яркому солнцу.

Мы прошли полемъ, спустились подъ гору, въ лощину, перешли по мосту чрезъ занесенную снѣгомъ рѣчку и, взобравшись на гору, усталые, остановились покурить.

Съ горы, передъ нашими глазами, разстилался чудесный видъ. Куда могъ только проникнуть глазъ, уходила какая-то синяя, безконечная, какая-то наводящая на сердце и бодрость, и грусть, манящая къ себѣ даль. Надъ этой далью опрокинулось, какъ огромная чашка, голубое, ясное, необыкновенно прозрачное небо... Отдаленыя села, съ горящими на солнцѣ крестами церквей, черныя пятна деревень, полоса чернаго лѣса на горизонтѣ, высоко и быстро съ говоромъ летящія галки, сверкающій ослѣпительно снѣгъ,—все это радовало и ободряло. Что-то здоровое, свѣжее, радостное вливалось въ душу.

— Ну и простору здѣсь, братцы мои!—воскликнулъ старикъ, заслонясь рукой отъ солнца.—Эва, какъ плѣшь!..

— Говори, слава Богу, погода утихла, — сказалъ солдатъ.—Кабы здѣсь да по вчерашнему—взвылъ-бы! Вонъ какіе сугробы насадило! Есть гдѣ погулять вѣтру. Ну трогай, ребята, верстъ двадцать съ гакомъ идти еще.

Мы пошли дальше. Вскорѣ насъ догнали ѣхавшіе порожнемъ мужики и любезно предложили подвезти. Старый мужикъ, широкоплечій и кряжистый, съ большущей бородой лопатой, къ которому вмѣстѣ съ солдатомъ я сѣлъ въ дровни, вытаращилъ на меня глаза съ такимъ удивленіемъ и любопытствомъ, что мнѣ стало неловко, досадно и смѣшно.

— Куда-жъ ты яво, служба, ведешь-то, — спросилъ онъ солдата, не спуская съ меня глазъ,—въ замокъ, что-ли?

— Сдамъ тамъ! — неопредѣленно махнулъ солдатъ рукой,—наше дѣло доставить...

— Тотъ-то никакъ старый?—сказалъ опять мужикъ, кивнувъ на другія дровни, гдѣ сидѣлъ старикъ съ солдатомъ.—А этотъ, вишь ты, совсѣмъ молодой,—обратился онъ снова ко мнѣ, — чай, поди, родители живы? Вотъ грѣхи-то тяжки. Эдакой молодой, а до чего достукался... За воровство, чай, молодчикъ, ась?.. Что рыло-то воротишь, а? стыдно!.. И какъ живъ только?—началъ онъ опять, видя, что я молчу,—дивное дѣло! Эдакой холодъ, почитай, раздѣмшись!.. Чай, тебѣ, холодно, ась? Что молчишь, холодно баю, чай?

— Тепло!—сказалъ я.

— Быть тепло,—онъ покачалъ головой,—ахъ ты, парень, парень!.. Родители-то есть-ли? Женатъ, небось, тоже, ась?..

— Его жена по лѣсу задеря хвостъ бѣгаетъ!—отвѣтилъ за меня солдатъ.

— Н-н-да!—заговорилъ опять мужикъ,—и много васъ такихъ-то вотъ, сукиныхъ сыновъ, развелось... дармоѣдовъ... То и дѣло на чередъ водятъ, отбою нѣтъ, одолѣли. Откуда тебя гонятъ-то?..

— Изъ Питера!—отвѣтилъ опять за меня солдатъ.

— Изъ Пи-и-и-тера, — глубокомысленно протянулъ мужикъ,—да, не близко.—Онъ помолчалъ и, снова обратившись ко мнѣ, спросилъ: — Неужли же тебѣ не стыдно?.. И давно ты эдакъ-то? А все, чай, водочка?.. Ты откуда? Чей?..

— Да отвяжись ты отъ меня! — сказалъ я, разсердившись.—Какое тебѣ дѣло?..

— А ты не серчай... такъ я. На, покрой ноги-то дерюгой, отзнобишь, мотри... Ахъ, робята, робята, какъ это вы сами себя не бережете!.. Родителямъ-то каково на тебя глядѣть, на эдакого, какъ заявиться домой-то... Страшно подумать. И не стыдно! Правда, стыдъ не дымъ, глаза не выѣстъ, такъ знать?..

— Захотѣлъ отъ нихъ стыда,—сказалъ солдатъ,—у этого, отецъ, народа стыдъ подъ пяткой...

— Необузданный народъ,—сказалъ мужикъ,—отчаянный... вольный народъ... избалованный... пороть бы... шкуру спускать...

— Хоть убей, все одно,—сказалъ солдатъ.

Я сидѣлъ, слушалъ ихъ и думалъ:

„Ни на что такъ не способенъ и не скоръ человѣкъ, какъ на осужденіе своего ближняго“.

— Осатанѣли,—продолжалъ разсуждать мужикъ,—вольный народъ... не рабочій... не ломаный... работать-то лѣнь, ну, и допускаютъ сами себя до низости... необразованный народъ... Ты, землякъ, по какому же дѣлу-то?—опять обратился онъ ко мнѣ,—мастеровой, что-ль, аль такъ трепло́?..

— Онъ золотыхъ дѣлъ мастеръ,—сказалъ солдатъ и засмѣялся.—Чудакъ ты, дѣдъ!—воскликнулъ онъ.—Какой же онъ мастеровой... Чай, видишь, небось—жуликъ.

— Мастерство выгодное,—сказалъ мужикъ и, отвернувшись, хлестнулъ лошадь и крикнулъ:—Ну, голубёнокъ, качайся... небось!..

Косматая, пузатая лошаденка махнула хвостомъ и побѣжала шибче, кидая копытами сухой снѣгъ.

— Вонъ въ томъ лѣсу,—указалъ мужикъ кнутовищемъ,—мы васъ ссадимъ... Мы отсель дрова возимъ на фабрику... Чай, жрать хочешь?—обратился онъ опять ко мнѣ и, ударивъ еще разъ по лошаденкѣ кнутомъ, продолжалъ,—погодика-сь, бабы, чай, мнѣ наклали лепешекъ... Гдѣ мѣшокъ-то?.. А, чтобъ те пусто было! Вотъ онъ гдѣ—подо мной...

Онъ развязалъ мѣшочекъ и досталъ изъ него двѣ лепешки, испеченныя съ мятой картошкой.

— Нако-сь, прими Христа ради, — сказалъ онъ, — поправься!.. Чай, кишка кишкѣ шишъ кажетъ...

Я взялъ и, отломивъ, сталъ ѣсть... Солдатъ сидѣлъ и косился на меня, глотая слюни... Я видѣлъ, что ему хочется лепешки, а спросить совѣстно.

— Не хошь-ли?—сказалъ я, подавая ему кусокъ.

— Ѣшь самъ-то, — сказалъ онъ и отвернулся,—что тебя обижать-то!..

— Да на!—опять сказалъ я,—съ меня хватитъ.

— Нешто кусочекъ.—Онъ взялъ кусокъ.—Спасибо! Признаться,—обратился онъ къ мужику, точно извиняясь,—поѣсть хотца... Чаемъ однимъ живемъ... а что чай—вода.

— Понятное дѣло, — согласился мужикъ и, подумавъ, сказалъ,—я вамъ, пожалуй, еще дамъ одну... ѣшьте на здоровье... съ меня хватитъ... ѣдунъ-то я не ахти какой...

Онъ досталъ еще одну и далъ намъ.

— Ну, вотъ и пріѣхали, — сказалъ онъ, въѣзжая въ лѣсъ.—Слѣзать вамъ.

Мы слѣзли. Мужики поѣхали шагомъ и, свернувъ съ большака въ сторону, скрылись въ лѣсу...

Мы пошли дальше.

XXVIII.

Лѣсомъ было идти хорошо, и мы прошли его скоро. За лѣсомъ дорога пошла между кудрявыхъ, старыхъ, развѣсистыхъ березъ, насаженныхъ по обѣимъ сторонамъ. Мы шли, точно по аллеѣ какого-нибудь стариннаго барскаго сада. Дорогу успѣли наѣздить и идти было легко, тѣмъ болѣе, что насъ подгонялъ морозъ, больно пощипывая за лицо и скрипя подъ ногами.

Пройдя верстъ восемь,—до деревни, гдѣ былъ трактиръ, мы попросили солдатъ купить хлѣба на оставшійся гривенникъ и, отдохнувъ за деревней, около овина, на ометѣ соломы, тронулись дальше.

Солнце стало спускаться, холодъ усилился. Мы торопились, разсчитывая придти въ городъ засвѣтло. Мысль, что скоро будетъ конецъ нашимъ мытарствамъ, подгоняла насъ.

— Скоро придемъ, ребята,—сказалъ солдатъ,—недалеча... верстъ пять... вотъ взойдемъ на лобокъ, и городъ видно.

— Слава тебѣ, Господи!—отвѣтилъ старикъ,—Семенъ!—обратился онъ ко мнѣ, — знакомыя мѣста... чай, бывалъ здѣсь?.. Что не веселъ, головушку повѣсилъ, а?..

Я молчалъ и думалъ, какъ, на самомъ дѣлѣ, я заявлюсь къ своимъ... Я зналъ, что невеселая готовилась мнѣ встрѣча... На душѣ было такъ тоскливо, что хоть бы вернуться и идти назадъ, опять снова голодать, холодать, валяться гдѣ-нибудь подъ нарами и знать, что ни кругомъ, ни около нѣтъ никого, кто бы сталъ „пилить“ и читать житейскую, азбучную мораль на тему не „упивайтеся виномъ“ и т. п.

— Ну, вотъ и городъ,—сказалъ солдатъ,—эвонъ!..

Въ лощинѣ, версты за двѣ отъ насъ раскинулся городишка. Лучи заходящаго солнца играли на церковныхъ крестахъ. Въ соборѣ звонили къ вечернѣ. Звуки большого колокола, тяжелые и рѣдкіе, медленно плыли и таяли въ холодномъ воздухѣ.

Старикъ снялъ картузъ и перекрестился.

— Слава тебѣ, Создателю,—сказалъ онъ,—пришли! живы остались... Ну, а теперь, что будетъ, увидимъ...

Мы вошли въ городъ.

Длинная, пустынная улица, съ почернѣвшими, занесенными снѣгомъ домишками, тянулась передъ нами. Мы торопливо шли по срединѣ ея. Рѣдкіе пѣшеходы останавливались и глядѣли на насъ, долго провожая глазами. Изъ-подъ воротъ то и дѣло выскакивали собаки и съ лаемъ кидались на насъ. Какой-то, возвращавшійся изъ города домой, пьяный мужикъ, весь черный, какъ негръ, очевидно, угольщикъ, поровнявшись съ нами, обругалъ насъ на всю улицу матерно и долго смѣялся, остановивъ лошадь, намъ вслѣдъ, находя въ этомъ, должно быть, какое-то особенное удовольствіе.

Чѣмъ дальше шли мы, тѣмъ все больше и больше попадалось людей... Иные изъ нихъ качали головами и показывали на насъ пальцами... Бабы останавливались и глядѣли, разиня ротъ, съ такимъ напряженно-дурацкимъ выраженіемъ удивленія на лицѣ, что казалось, глядятъ они не на людей, а на какихъ-то чудовищъ со звѣриными головами.

Какой-то лавочникъ, здоровый и красный, одѣтый въ короткій пиджакъ, перевязанный по брюху краснымъ кушакомъ, увидя насъ, подперъ руки въ боки и закричалъ:

— Господамъ-съ... съ прибытіемъ-съ... честь имѣю кланяться... все-ли здоровы-съ!.. Го, го, го!—заржалъ онъ на всю улицу.

Съ котомкой за плечами, горбатый и худой мужикъ, поровнявшись съ нами, подалъ старику монету и, снявъ шапку, перекрестился на церковь...

Все это—удивленіе прохожихъ, и пьяный угольщикъ, и толстый лавочникъ, и подавшій копѣйку мужикъ—дѣйство-

вало на меня удручающе. Я шелъ, мысленно моля Бога, чтобы вся эта срамота и униженіе кончились поскорѣе.

Наконецъ, все это кончилось. Солдаты подвели насъ къ желтому, облупившемуся, мрачному зданію и, обколотивъ объ ступеньки съ валенокъ снѣгъ, ввели насъ въ холодныя, полутемныя сѣни. Въ сѣняхъ, прямо передъ нами, была дверь, а надъ дверью надпись, по зеленому полю бѣлыми буквами: „Тюрьма“.

— Неужели опять въ тюрьму?—съ ужасомъ подумалъ я, прочитавъ эту надпись.

Но благодареніе Богу! въ тюрьму насъ на этотъ разъ не повели. Оправившіеся солдаты пошли вверхъ по лѣстницѣ, какъ оказалось, въ канцелярію. Въ канцеляріи былъ только сторожъ да какой-то носатый не то писарь, не то еще кто— Богъ его знаетъ... Солдаты передали ему бумаги и ушли, оставя насъ сторожу.

Носатый человѣкъ, одѣтый въ коротенькій коричневый пиджакъ и въ сѣрыя клѣтчатыя брюки, записалъ что-то, закурилъ папиросу и сказалъ сторожу:—Веди ихъ въ мѣщанскую управу.

— Что-жъ вести,—отвѣтилъ сторожъ,—тамъ теперь нѣтъ никого.

— Ну, а куда-жъ ихъ?.. Веди... тамъ на съѣзжую посадятъ, завтра разберутъ... На вотъ бумаги, отдашь тамъ... Небось, въ полицейскомъ управленіи есть кто-нибудь?

— Ну, ладно,—сказалъ сторожъ, надѣвая шапку,—пойдемте!—обратился онъ къ намъ..—Стойте, правда, покурить сверну... У васъ есть-ли табакъ-то? а то дамъ... вертите, здѣсь можно... торопиться-то все одно, некуда.

Мы посидѣли, покурили, удовлетворили его любопытство относительно того, откуда насъ пригнали, и уже послѣ этого онъ повелъ насъ, опять городомъ, въ мѣщанскую управу.

Помѣщеніе управы находилось во второмъ этажѣ бѣлаго каменнаго дома, стоявшаго на площади. Когда мы пришли туда, тамъ не было никого,—ни писарей, ни старосты. Сторожъ повелъ насъ внизъ, гдѣ находилось полицейское управленіе, казармы для городовыхъ и „съѣзжая“, т. е. вонючая, грязная, кишащая клопами, полутемная каморка...

Въ комнатѣ полицейскаго управленія сидѣлъ спиной къ двери, за большимъ, покрытымъ черной клеенкой столомъ, черный, пожилой писарь и что-то строчилъ. Сторожъ ввелъ насъ и, поставя на порогѣ, подалъ ему бумаги и отрекомендовалъ насъ. Писарь поглядѣлъ въ бумаги, фыркнулъ но-

сомъ, оглянулся и, уставя на насъ мутные глаза, спросилъ у меня:

— Кто ты такой?

Я сказалъ.

— Врешь, можетъ, а?—сказалъ онъ.—Точно-ли ты здѣшній мѣщанинъ? Есть у тебя въ городѣ, кто-бы могъ удостовѣрить твою личность?

— Я приписной,—сказалъ я,—живу не въ городѣ, а въ деревнѣ. Но всетаки у меня найдется здѣсь человѣкъ, который можетъ удостовѣрить мою личность.

— Кто такой?

Я опять сказалъ.

— А... ну, ладно! Что-жъ ты въ Питерѣ-то—пропился, что-ли?

Я промолчалъ. Онъ перевелъ глаза на старика и спросилъ:

— Ну, а ты кто? тоже здѣшній?

— Здѣшній.

— Врешь?.. Подлецы вы, ребята, ей-Богу! Намедни тоже привели одного; говоритъ здѣшній, а потомъ оказалось,—не здѣшній, а изъ Углича... Народъ тоже... Ну, что-жъ?.. веди ихъ въ холодную,—обратился онъ къ сторожу,—пусть ночуютъ, завтра отпустимъ...

Вслѣдъ за сторожемъ мы вышли въ переднюю... Здѣсь сидѣлъ на скамейкѣ и дремалъ старый, сѣдой, должно быть, еще бывшій Николаевскій солдатъ, дежурный городовой. Около того мѣста, гдѣ онъ сидѣлъ, была дверь съ знакомымъ отверстіемъ посрединѣ. Инвалидъ нехотя поднялся съ насиженнаго мѣста, нехотя отперъ эту дверь и сдѣлалъ движеніе рукой, означавшее: „пожалуйте, господа!"

Мы вошли и, ничего не видя со свѣту, остановились у порога.

Въ полутьмѣ кто-то засмѣялся и сказалъ:

— Ну вотъ. и сваты пріѣхали!

— Здорово живете!—сказалъ старикъ.

— Здравствуй!—отвѣтилъ кто-то,—милости просимъ!.. васъ только и не хватало.

Я оглядѣлся и увидалъ, что на полу, подложивъ подъ голову верхнюю одежду, лежатъ босые, въ однѣхъ рубахахъ, два мужика: одинъ старый, сѣдобородый, худой и длинный, другой молодой, коренастый, съ круглымъ, точно надутымъ лицомъ, съ обнаженными по локоть руками...

Они оба глядѣли на насъ. Старый серьезно и строго, а молодой съ улыбкой, весело игравшей на толстыхъ губахъ.

— Что за народъ?—спросилъ мой старикъ, усаживаясь на полъ къ печкѣ,—православные аль нѣтъ?

— А вы откеда прибыли?—спросилъ молодой.

— Мы изъ Питера.

— Этапомъ?

— Само собой...

— Золотая рота... жулье, значитъ!

— Какъ хошь понимай, землякъ... А вы кто? графья, что-ли?..

— Мы-то?.. мы староста!..

— Та-а-къ! Что-жъ вы тутъ сидите? За какое дѣло?

— Да опять же за оброкъ!

— За какой оброкъ?

— Да брось, Гурей,—сказалъ старый мужикъ,—что связался съ дерьмомъ... Какое имъ дѣло.

— За васъ вотъ, чертей, и сидимъ,—продолжалъ молодой.—Ты кто, хрестьянинъ, что-ли?.. Оброкъ-то, небось, и забылъ, когда платилъ. А съ нашего брата требуютъ: давай!.. А не собралъ во время—на съѣзжую вшей парить, понялъ?..

— Понялъ... Признаться я не крестьянинъ, а только все одно, гдѣ взять-то?.. Взять негдѣ—не возьмешь... дубиной не выбьешь... Зря васъ здѣсь морятъ...

— Начальство знаетъ, зря ли, нѣтъ ли,—сказалъ старый,—ты вотъ сиди...

— Ну, а харчи-то какъ, казенныя?

— Захотѣлъ, казенныя!.. свои, на своихъ, другъ, лепешкахъ...

— Плохо!

— Да, не важно... Ну а вы какъ?.. разскажи, братъ!...

Старикъ сталъ разсказывать, а я снялъ съ себя пальтишко, разулся и, положивъ все это на полу, легъ навзничь.

Въ передней инвалидъ зажегъ лампу. Свѣтъ отъ нея проникъ въ нашу конуру сквозь дверную щель и легъ по грязному полу тусклой полосой. Съ полу несло вонючей сыростью... Черный, низкій потолокъ мрачно висѣлъ надъ головами, точно собираясь упасть и раздавить насъ. По угламъ сгустился мракъ черный, какъ чернила. Клопы, тихо шурша, бѣгали по стѣнѣ и падали на полъ. Гдѣ-то за стѣной громко стучали: кололи дрова...

— Семенъ!—окликнулъ вдругъ меня старикъ.—Ты чего-же это, спишь, что-ли?

— Нѣтъ.

— Гдѣ ты тутъ? Не видать въ потьмахъ-то!

— Здѣсь я. А что?..

Старикъ подползъ по полу ко мнѣ и легъ рядомъ.

— Знаешь что?—шепотомъ спросилъ онъ.

— А что?

— Сколько у насъ капиталу?

— Ну, сколько?

— Пятнадцать монетъ, вотъ сколько! Мы,—онъ зашепталъ еще тише,—завтра съ тобой выпьемъ... Какую я, братецъ мой, штуку обмозговалъ... Очень ловко!..

— Какую?..

— Помалкивай!.. Узнаешь.—Онъ помолчалъ и потомъ, шепотомъ и тихо хихикая, заговорилъ:—Мы вотъ что... купимъ завтра пару лаптей,—больше пятиалтыннаго не дадимъ. Портянки у насъ есть, веревочекъ выпросимъ... Понялъ?

— Нѣтъ, не понялъ,—отвѣтилъ я, дѣйствительно не догадываясь, къ чему онъ клонитъ рѣчь.

— Не понялъ... Эхъ ты, Антонъ!.. А сапоги-то!

— Ну, что сапоги?

— А сапоги по боку!—воскликнулъ онъ уже вслухъ и радостно засмѣялся.—Чудакъ!—продолжалъ онъ.—Твои да мои, двѣ пары. Какъ ни плохи, а все, на худой конецъ клади, полторы бумажки дадутъ... Ловко, а?!. Шарикъ у меня еще работаетъ, а?..

— Ловко!—согласился я, улыбнувшись.

— То-то, чудачекъ!—радовался старикъ, точно открылъ Америку.—Шарикъ-то у меня работаетъ! Главное дѣло, я и такъ думалъ и эдакъ, все выходитъ: не нужны сапоги! На кой ихъ лядъ?! Здѣсь провинція, и въ лаптяхъ сойдетъ. Куда ходить-то!.. Ужъ и выпьемъ мы утромъ... эхъ!.. Колбаски возьмемъ, велимъ поджарить, рубца, чайку съ баранками. Баранки здѣсь, братъ, пекутъ, во всей Россіи не найдешь... патока!.. Что самдѣль, наголадались мы. Хоть часъ, да нашъ! А счастье, братъ Семенъ, не въ однихъ сапогахъ ходитъ... Наплевать на нихъ, да и вся недолга!..

Все это онъ говорилъ, волнуясь и радуясь, какъ ребенокъ, получившій новую игрушку. Я слушалъ его, и мнѣ стало весело.

— Въ какомъ угодно положеніи можетъ, значитъ, найти себѣ человѣкъ радость,—думалось мнѣ.—Чего-жъ я-то? Да не все-ли равно... такъ-то, пожалуй, и лучше. Вѣдь не въ сапогахъ-же, на самомъ-то дѣлѣ, счастье-то ходитъ... „Хоть часъ, да нашъ“... и вѣрно, хоть часъ!..

XXIX.

Утромъ, на другой день, часу въ десятомъ, насъ повели наверхъ къ старостѣ. Староста и писарь знали меня лично и сейчасъ-же отпустили. Отпустили и старика. Мою казенную шапку отъ меня отобрали. Спасибо, писарь выручилъ далъ мнѣ какой-то рваный завалявшійся картузишко. Я надѣлъ его, сказалъ спасибо и, не помня себя отъ радости,

сбѣжалъ по лѣстницѣ на улицу. Мнѣ не вѣрилось, что я на свободѣ, что могу идти и дѣлать, что хочу, что позади меня нѣтъ какого нибудь солдата или сторожа...

— Погоди, что ты разскакался,—остановилъ меня старикъ.—Вырвался на свободу-то, какъ жеребецъ... Радъ, радехонекъ!

Я посмотрѣлъ на него. Онъ улыбался во весь ротъ, глаза весело играли. Онъ точно помолодѣлъ и выросъ.

— Значитъ того... пьемъ?—сказалъ онъ.—Перво наперво вотъ что: идемъ лапти купимъ, а тамъ увидимъ...

Мы скоро нашли и сторговали за пятиалтынный пару берестовыхъ лаптей и тутъ-же, въ лавченкѣ, нарядились въ нихъ. Лавочникъ, снисходя къ нашему положенію, далъ намъ даромъ по бичевкѣ, которыми мы и скрутили икры ногъ, прикрѣпивъ предварительно бичевки къ лаптямъ.

Сдѣлавъ такъ, мы пошли и продали какому-то цыгану у трактира на конной за рубль семьдесять пять коп. двѣ пары нашихъ сапогъ.

— Теперь куда-же?—спросилъ старикъ.

— Куда?—отвѣтилъ я и, засмѣявшись, крикнулъ,—пока что—„одна открыта торная дорога къ кабаку"!..

— Вѣрно!—согласился старикъ . . . . . .

. . . .

Туда мы и направились. . . . .

С. Подъячевъ.

---

* * *

Мнѣ снилось—умеръ тотъ, кого я такъ люблю...
Душистые цвѣты его чело покрыли,
Но милыя уста и, смолкнувъ, сохранили
Улыбку скорбную свою.

И я, припавъ на грудь, могла ему шептать
Всѣ нѣжныя слова, что́ я въ душѣ таила...
Какъ будто смерть его мнѣ щедро подарила,
Что́ жизнь была не въ силахъ дать.

У двери гробовой сбылась моя мечта,
Наполнивъ сердце мнѣ отрадою печальной:
Мой первый поцѣлуй, безумный и прощальный,
Сомкнулъ любимыя уста...

Г. Галина.

Изъ исторіи крестьянства въ первой половинѣ XIX вѣка.

I.

Крестьянское самоуправленіе въ удѣльныхъ имѣніяхъ.

Моментъ образованія удѣльныхъ имѣній былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и моментомъ организаціи въ нихъ крестьянскаго самоуправленія на новыхъ и довольно широкихъ основаніяхъ. Изданное 5 апрѣля 1797 г. „Учрежденіе объ Императорской Фамиліи“ предоставляло Департаменту Удѣловъ и удѣльнымъ экспедиціямъ попеченіе лишь объ общихъ дѣлахъ имѣній и такихъ дѣлахъ крестьянъ, которыя могли восходить къ суду, отстраняя эти учрежденія отъ непосредственнаго вмѣшательства въ сельское управленіе. „Всякое разбирательство внутренняго сельскаго дѣла, согласно этому законодательному акту, отъ управленія и распоряженія экспедицій должно быть чуждо, и для того всякое участіе до внутренности тѣхъ сельскихъ дѣлъ экспедиціямъ удѣльнымъ наистрожайше запрещается“. Избраніе должностныхъ лицъ въ селахъ и деревняхъ, раскладка и собираніе податей, отбываніе повинностей,—все это должно было составлять „внутреннія сельскія дѣла“, отдававшіяся „на собственные мирскіе разборы“, по отношенію къ которымъ за департаментомъ и экспедиціями предполагалось оставить только контроль, переходившій въ активное вмѣшательство лишь при неисполненіи сельскими обществами своихъ обязательствъ и при явныхъ злоупотребленіяхъ со стороны мірскихъ властей.

Создавая на-ново организацію сельскаго управленія, „Учрежденіе“ 1797 г. прежде всего установило новую территоріальную и административную единицу подъ именемъ приказа. Такой приказъ, соотвѣтствовавшій волости, объединялъ нѣсколько селъ и деревень, расположенныхъ по возможности въ одномъ округѣ, при чемъ его населеніе не должно было превышать 3.000 душъ. Въ центральномъ изъ этихъ селъ должно было помѣщаться самое управленіе приказа, носившее то же самое имя и состоявшее изъ

четырехъ лицъ: приказнаго выборнаго или головы, казеннаго и приказнаго старостъ и писаря; сверхъ того во всякомъ селѣ или деревнѣ долженъ былъ существовать сельскій или деревенскій выборный, при церкви—ктиторъ, а на каждые 10 крестьянскихъ дворовъ—одинъ десятскій. Всѣ эти должностныя лица, за исключеніемъ десятскихъ, которые, неся низшія полицейскія обязанности, назначались выборными по очереди изъ всѣхъ домохозяевъ и смѣняли другъ друга черезъ мѣсяцъ, выбирались крестьянскими обществами; при этомъ приказныя власти выбирались, въ присутствіи члена экспедиціи, всѣми входившими въ составъ приказа обществами на трехлѣтній срокъ, сельскіе же и деревенскіе выборные и ктиторы, избираемые каждый своимъ обществомъ, несли свою службу въ теченіе одного года. На выборныхъ, приказныхъ и сельскихъ, возлагался общій надзоръ за управленіемъ, за благосостояніемъ и нравственностью крестьянъ и за отбываніемъ ими указныхъ работъ; они же объявляли крестьянамъ касающіеся ихъ законы и исправляли полицейскія обязанности, слѣдя за починкой дорогъ и мостовъ, за предосторожностями отъ заразныхъ болѣзней людей и скота и отъ пожаровъ, наблюдая за порядкомъ среди крестьянъ и предупреждая преступленія; наконецъ, приказные выборные или головы должны были еще охранять цѣлость удѣльныхъ владѣній, ежегодно осматривая границы своихъ приказовъ и оберегая ихъ неприкосновенность. На обязанности казенныхъ старостъ лежало собираніе съ крестьянъ казенныхъ податей и хозяйственныхъ сборовъ въ пользу Удѣловъ и доставленіе ихъ въ подлежащія высшія учрежденія, равно какъ охрана недвижимыхъ удѣльныхъ имѣній. Приказные старосты обязаны были „имѣть надъ вдовами и сиротами, равномѣрно надъ лѣнивыми и нерадивыми о хозяйствѣ опеку", наблюдать вообще за хозяйствомъ крестьянъ и судить ихъ въ мелкихъ дѣлахъ, предоставляя, однако, на ихъ волю обращаться при недовольствѣ рѣшеніемъ къ суду. Ктиторъ долженъ былъ охранять церковь съ ея имуществомъ, собирать на нее пожертвованія и снабжать ее всѣмъ необходимымъ, съ согласія и подъ наблюденіемъ прихожанъ, передъ которыми онъ обязанъ былъ ежегоднымъ отчетомъ. Всѣ должностныя лица сельскаго управленія находились подъ контролемъ экспедиціи, которая при неисправности и упущеніяхъ съ ихъ стороны могла не только отрѣшить ихъ отъ должности, но и отослать на опредѣляемый ею самою срокъ въ рабочій домъ, а въ случаѣ какихъ-либо преступленій предавала ихъ суду. Все дѣлопроизводство въ приказахъ, въ видахъ бо́льшаго удобства контроля, должно было вестись письменно. Должностныя лица за свою службу получали денежное жалованье—головы по 20 р. въ годъ, старосты и писаря по 15 р., сельскіе выборные по 10 р.—и освобождались отъ отбыванія всѣхъ натуральныхъ повинностей, но не отъ уплаты казен-

ныхъ податей и удѣльныхъ сборовъ; только служба въ десятскихъ, разсматривавшаяся скорѣе какъ повинность, не давала ни жалованья, ни льготъ. Своего рода льготой являлась и особая охрана чести мірскихъ властей, установленная закономъ: за ослушаніе головы или оскорбленіе его словомъ виновный крестьянинъ подвергался штрафу въ размѣрѣ 1 р., за такой же проступокъ по отношенію къ другому приказному или сельскому старшинѣ назначался штрафъ въ 50 к., въ случаѣ же оскорбленія дѣйствіемъ штрафъ повышался втрое и сверхъ того виновный отправлялся въ тюрьму или употреблялся „въ разныя работы“. Чтобы выбранные въ старшины крестьяне могли отправлять службу, не разстраивая собственнаго хозяйства, было установлено правило, согласно которому они могли на день или на два въ недѣлю отлучаться въ свои дома, съ обязательствомъ являться немедленно въ приказъ по первому требованію. Головы и сельскіе выборные созывали въ приказахъ и селахъ сходы, на которые крестьяне должны были являться „по одному съ каждаго двора или сколько приказано будетъ“; неявка на сходъ вопреки полученному приказанію наказывалась штрафомъ въ 50 к., а „безчинство и шумъ“ на сходѣ влекли за собою для виновнаго штрафъ, вчетверо большій *).

Такимъ образомъ въ „Учрежденіи“ 1797 г. роль приказнаго и сельскаго схода была ясно очерчена только въ дѣлѣ избранія старшинъ, въ дальнѣйшихъ же функціяхъ управленія онъ представлялся какъ бы выполняющимъ лишь приказанія головъ и сельскихъ выборныхъ и не имѣющимъ рядомъ съ ними самостоятельнаго значенія. Нѣкоторыя недомолвки въ этомъ вопросѣ „Учрежденія“ были восполнены изданнымъ Департаментомъ Удѣловъ, черезъ полтора года послѣ своего возникновенія, именно въ декабрѣ 1798 г. „Наставленіемъ сельскимъ приказамъ“, которое было разослано черезъ экспедиціи для руководства приказнымъ старшинамъ. Въ немъ было оговорено, что всякаго рода подати, сборы и повинности „приказъ располагаетъ на мірянъ по общему съ ними о семъ приговору“, а экспедиція во всѣ подобныя раскладки „ни подъ какимъ видомъ вмѣшиваться не должна“. Въ случаѣ необходимости построить на общественный счетъ какое-либо зданіе, для самаго-ли приказа, для хлѣбнаго магазина, богадѣльни или школы, приказъ долженъ былъ по согласію съ обществомъ составить смѣту такой постройки и представить ее экспедиціи, которая испрашивала разрѣшеніе на нее у департамента; равнымъ образомъ всякій расходъ, требовавшій новаго сбора съ крестьянъ, могъ быть вводимъ только по мірскому приговору, утвержденному по представленію экспедиціи департаментомъ, но „ни экспедиція, ни приказъ на крестьянъ

*) «Учрежденіе объ Императорской Фамиліи», §§ 168—9, 177—189, 195.

никакихъ налоговъ сами собою класть не могутъ, подъ строжайшимъ за сіе отвѣтомъ и взысканіемъ". „Наставленіе" опредѣлило точнѣе и составъ приказныхъ сходокъ, разрѣшивъ „въ облегченіе поселянъ" каждому селенію выбирать на эти сходки „довѣренныхъ отъ себя крестьянъ или повѣренныхъ". Приказы обязывались принимать отъ экспедицій и другихъ присутственныхъ мѣстъ только письменныя приказанія, словесныя же должны были оставлять безъ исполненія. Наконецъ, одна изъ статей „Наставленія" устанавливала порядокъ жалобъ на удѣльную администрацію: на сельскихъ и приказныхъ старшинъ, равно какъ и на отдѣльныхъ чиновниковъ экспедиціи, въ случаѣ обидъ съ ихъ стороны, крестьяне могли жаловаться въ завѣдующую ими удѣльную экспедицію, а если послѣдняя не удовлетворяла ихъ жалобы, то могли искать себѣ защиты у департамента; за несправедливую жалобу имъ угрожало, впрочемъ, „непремѣнное взысканіе и наказаніе" *).

Установленныя закономъ правила создавали такимъ путемъ въ удѣльныхъ имѣніяхъ крестьянское самоуправленіе въ видѣ исключительно выборныхъ властей приказнаго и сельскаго управленія, дѣйствовавшихъ подъ двойнымъ контролемъ—избиравшихъ ихъ крестьянскихъ „міровъ" и высшей удѣльной администраціи, при чемъ законъ стремился оградить ихъ отъ возможнаго произвола со стороны послѣдней. Но затѣмъ примѣненіе опредѣлявшагося „Учрежденіемъ" порядка на практикѣ на первыхъ же порахъ вызвало частью болѣе детальное развитіе отдѣльныхъ его положеній, частью же измѣненіе этихъ положеній, порою заходившее очень далеко.

Прежде всего основная единица сельскаго управленія—приказъ—не удержалась въ первоначально принятыхъ для нея размѣрахъ. При распредѣленіи на приказы селеній, отведенныхъ въ вѣдомство петербургской экспедиціи, чиновникъ ея Полонскій, производившій это распредѣленіе, устроилъ два приказа, превышавшіе назначенное для нихъ число душъ, именно одинъ въ 3.231 душу, а другой въ 3.505 душъ, и на запросъ экспедиціи по этому поводу объяснилъ, что при соблюденіи предписанной нормы пришлось бы или причислить нѣкоторыя селенія къ такому приказу, отъ котораго они находятся въ далекомъ разстояніи (90, 110 и даже 140 верстъ), или устроить чрезмѣрно дробные приказы, содержаніе которыхъ было бы обременительно для крестьянъ бѣдной мѣстности. Экспедиція тѣмъ не менѣе предписала Полонскому соблюдать установленную для приказовъ норму, но

*) Архивъ Главнаго Управленія Удѣловъ, по части правителя канцеляріи, св. 22, № 804, «Наставленіе сельскимъ приказамъ, по Высочайшему о Императорской Фамиліи Учрежденію въ удѣльныхъ имѣніяхъ учрежденнымъ», §§ 13, 14, 25, 24 и 27.

департаментъ, не одобривъ его самовольныхъ дѣйствій, нашелъ, однако же приведенныя имъ соображенія убѣдительными и неоспоримыми и, съ согласія министра, рѣшился войти съ докладомъ къ государю по данному поводу. На докладъ министра 18 іюня 1798 г. послѣдовалъ указъ, разрѣшавшій въ крайнихъ случаяхъ увеличивать размѣры приказовъ до 4.000 душъ *). Вообще при распредѣленіи на приказы рекомендовалось по возможности сохранять старое волостное дѣленіе, но этотъ совѣтъ исполнялся рѣдко, и новое дѣленіе часто оказывалось чрезмѣрно дробнымъ и запутаннымъ. Совѣтникъ архангельской экспедиціи жаловался, напр., въ 1800 г., что его предшественникъ при образованіи приказовъ раздробилъ всѣ старыя волости, произведя тѣмъ не малую путаницу въ отбываніи повинностей и въ пользованіи земельными участками; онъ просилъ въ виду этого разрѣшенія на новое раздѣленіе приказовъ, которое было бы ближе къ старому волостному, но департаментъ опасался путаницы при новой большой перемѣнѣ и не далъ просимаго разрѣшенія на нее **). Впрочемъ, на частныя измѣненія въ распредѣленіи селъ между приказами департаментъ соглашался не разъ, и иногда такія измѣненія происходили по просьбѣ самихъ крестьянъ ***).

Другой вопросъ по устройству приказовъ былъ возбужденъ костромскою экспедиціей, которая въ 1798 г. спрашивала департаментъ, какой сборъ слѣдуетъ установить съ крестьянъ для постройки приказныхъ зданій во вновь учреждаемыхъ приказахъ. Департаментъ рѣшилъ этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: такъ какъ названныя зданія нужны самимъ крестьянамъ, то они и должны выстроить ихъ изъ принадлежащаго приказамъ лѣса, но во избѣжаніе какого-либо отягощенія крестьянъ экспедиція должна не производить съ нихъ никакого побора, а предоставить это дѣло „собственному ихъ между собою соглашенію" ****). Крестьянскому міру вообще удѣлялась въ эту пору видная роль въ сельскомъ управленіи и, когда въ томъ же году московская экспедиція возбудила вопросъ, какимъ порядкомъ слѣдуетъ разбирать жалобы крестьянъ на приказныхъ старшинъ, если онъ требуютъ изслѣдованія на мѣстѣ, департаментъ, на основаніи

*) Архивъ Гл. Упр. Уд., по части правителя канцеляріи, св. 21, № 790.

**) Архивъ Гл. Упр. Уд., по части прав. канц., св. 1, № 26.

***) Такое измѣненіе было произведено, напр., въ вѣдомствѣ архангельской экспедиціи въ томъ же 1800 г.: крестьяне одной части Борецкой волости просили раздѣлить ее на двѣ части, ссылаясь на то, что данная волость раздѣлена рѣкой, благодаря чему общія мірскія сходки бываютъ неудобны, особенно весною, и одна половина волости притѣсняетъ другую при распредѣленіи повинностей; производившій разслѣдованіе на мѣстѣ товарищъ совѣтника экспедиціи нашелъ ходатайство крестьянъ справедливымъ, и департаментъ удовлетворилъ его. Архивъ Гл. Упр. Уд., 2 отдѣл., 1 стола, св. 15 № 525.

****) Тамже, по части прав. канц., св. 8, № 272.

резолюціи министра, рѣшилъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что такія жалобы надо посылать въ приказъ для разбирательства „на сходкѣ всему міру", а въ особенно важныхъ случаяхъ долженъ быть посылаемъ для изслѣдованія одинъ изъ товарищей совѣтника экспедиціи. Въ слѣдующемъ году та-же экспедиція сообщала, что крестьяне нѣкоторыхъ приказовъ смѣнили головъ по ихъ болѣзни и просьбамъ, а въ одномъ приказѣ—и приказнаго старосту за пьянство и обиды крестьянамъ, и выбрали новыхъ старшинъ. Департаментъ предписалъ разслѣдовать дѣло и, если мотивы смѣщенія прежнихъ старшинъ окажутся правильными, утвердить вновь выбранныхъ, внушивъ крестьянамъ необходимость осторожности при выборахъ *). Въ данномъ случаѣ департаментъ сохранилъ самостоятельность крестьянскаго міра, но около того же времени ему пришлось нарушить ее въ иномъ, гораздо болѣе существенномъ и важномъ для крестьянъ вопросѣ, допустивъ въ составъ мірскихъ властей лицъ постороннихъ, ничѣмъ не связанныхъ съ крестьянскими обществами.

При введеніи въ жизнь установленнаго „Учрежденіемъ" порядка управленія онъ встрѣтилъ непредвидѣнное, повидимому, авторами реформы препятствіе, заключавшееся въ рѣдкости въ крестьянской средѣ грамотныхъ людей, способныхъ къ отправленію должности приказнаго писаря, которая между тѣмъ должна была, подобно всѣмъ другимъ, замѣщаться выборными изъ самихъ удѣльныхъ крестьянъ. Уже 3 сентября 1798 г. орловская экспедиція вынуждена была обратиться за указаніями къ департаменту по слѣдующему случаю. Берестовскій приказъ доносилъ ей, что выбранный въ писаря крестьянинъ Паршиновъ оказался совершенно неспособнымъ къ этой должности, почему приказъ подговорилъ знающаго и надежнаго писаря „со стороны" и собралъ общество для договора съ нимъ, но тогда Паршиновъ объявилъ, что онъ можетъ вести дѣла, и „общество принять сторонняго писаря не согласилось". Съ своей стороны экспедиція прибавляла, что по присылаемымъ изъ берестовскаго приказа бумагамъ замѣтна уже „крайняя къ дѣламъ неспособность" Паршинова, „равно и отъ другихъ приказовъ поступаютъ бумаги большею частью весьма неисправныя"; принимавшіе удѣльныя имѣнія по орловской губерніи чиновники „замѣтили, что въ селеніяхъ удѣльныхъ повсюду людей грамотныхъ и къ письменнымъ дѣламъ способныхъ недостаточно, а потому избираемые ими писаря со всѣмъ усиліемъ къ ихъ вразумленію подаютъ причину сомнѣваться, чтобы оными исправно по приказамъ дѣла были выполняемы". Считая въ сущности неизбѣжнымъ при такихъ условіяхъ приглашеніе на писарскія должности постороннихъ лицъ, экспедиція

*) Тамже, по части прав. канц. по письмоводству, св. 7, № 136, л. 4; тамже, по части прав. канц. по бухгалтеріи, св. 18, № 424.

не рѣшалась, однако же, сама нарушить „Учрежденіе" и испрашивала указаній департамента. Подобныя жалобы и просьбы приходили и изъ другихъ мѣстъ. Въ октябрѣ того-же 1798 года вятская экспедиція сообщала, что въ одномъ изъ ея приказовъ заболѣлъ выбранный въ писаря крестьянинъ, а другого „въ томъ приказѣ избрать некого", почему крестьяне „по мірскому согласію приговорили отставнаго губернскаго регистратора Крошихина" на писарскую должность съ жалованьемъ по 12 р. 50 к. въ мѣсяцъ и просили экспедицію утвердить его; при обсужденіи этой просьбы въ экспедиціи чиновниками ея, принимавшими удѣльныя имѣнія въ вятской губерніи, было указано, что во многихъ приказахъ вовсе не имѣется грамотныхъ крестьянъ, способныхъ быть писарями, тогда какъ въ другихъ есть грамотные и помимо избранныхъ уже въ писаря. Имѣя въ виду этотъ фактъ, экспедиція не считала удобнымъ замѣщать данную должность, вопреки „Учрежденію", людьми, совершенно посторонними удѣльнымъ имѣніямъ, и просила только о разрѣшеніи крестьянамъ приглашать на нее жителей другихъ приказовъ, предупреждая, впрочемъ, что положенное „Учрежденіемъ" жалованье окажется и для нихъ недостаточнымъ, такъ какъ они принуждены будутъ забросить собственное хозяйство. Но данный вопросъ былъ рѣшенъ въ департаментѣ еще раньше, чѣмъ писался этотъ рапортъ вятской экспедиціи, и такимъ образомъ ея проектъ не могъ имѣть никакого вліянія на это рѣшеніе. Еще 2 октября въ департаментѣ составлена была докладная записка министру, въ которой ссылкой на представленіе орловской экспедиціи доказывалась необходимость разрѣшить наемъ вольныхъ людей въ приказные писаря по договору съ крестьянскими обществами, съ тѣмъ условіемъ, однако, чтобы такой писарь обязывался прослужить въ своей должности 3 года, но за неисправность могъ быть удаленъ и ранѣе. По докладу министра государю 20 октября 1798 г. послѣдовалъ именной высочайшій указъ, разрѣшавшій въ тѣхъ приказахъ, гдѣ не найдется способныхъ къ писарской должности крестьянъ, нанимать въ писаря свободныхъ людей на установленныхъ департаментомъ условіяхъ *).

При обиліи бумажнаго дѣлопроизводства въ приказахъ на наймѣ писарей дѣло не остановилось и вскорѣ рядомъ съ ними явились еще ихъ помощники, точно также нанятые со стороны, хотя эта должность и не была предусмотрѣна „Учрежденіемъ". Въ 1799 г. петербургская экспедиція представила департаменту, что казанскій приказъ, въ виду множества дѣлъ, съ которыми не

---

*) Тамже, по части прав. канц., св. 22, № 829, лл. 1, 10, 6; указъ департамента экспедиціямъ 25 октября 1798 г. тамъ же, л. 8; докладная записка Департамента министру,—по части прав. канц. по письмоводству, св. 7, № 177, л. 91. Это правило о писаряхъ было внесено въ упомянутое выше «Наставленіе сельскимъ приказамъ»—§ 2, примѣчаніе.

могъ управиться одинъ писарь, нанялъ ему помощника „съ согласія всего міра“, и просила разрѣшенія утвердить какъ этого помощника писаря, такъ и другихъ, если бы они понадобились въ остальныхъ приказахъ. На этотъ разъ департаментъ рѣшилъ представившійся вопросъ путемъ обхода закона. Ссылаясь на „Учрежденіе“, назначавшее въ приказахъ по одному писарю, онъ отказалъ экспедиціи въ разрѣшеніи утверждать помощниковъ писарей, но вмѣстѣ указалъ, что писарь, нуждающійся въ помощникѣ, можетъ безъ утвержденія экспедиціи выбрать его изъ среды грамотныхъ крестьянскихъ дѣтей, за неимѣніемъ-же таковыхъ и нанять со стороны „съ согласія однако жъ и одобренія всего міра“; заботы же экспедиціи должны быть направлены „на пріобрѣтеніе посредствомъ школъ собственныхъ грамотныхъ людей“ *). Льготы, предоставленныя „Учрежденіемъ“ писарямъ изъ крестьянъ, равнымъ образомъ скоро уже подверглись нѣкоторому расширенію. Въ 1804 г. архангельская экспедиція возбудила ходатайство объ освобожденіи отъ рекрутской очереди семействъ писарей на время отбыванія послѣдними службы. Департаментъ въ виду того, что такая льгота писарей можетъ сдѣлать рекрутскую повинность болѣе обременительной для остальныхъ крестьянъ, обусловилъ свое разрѣшеніе на данное ходатайство предварительнымъ согласіемъ на такую льготу „всего міра“ тѣхъ обществъ, въ которыхъ служили писаря, и въ концѣ слѣдующаго года экспедиція представила мірскіе приговоры, удостовѣрявшіе такое согласіе; лишь одинъ приказъ отказался освободить братьевъ своего писаря отъ лежавшей на нихъ очереди по отбыванію рекрутчины **).

На первыхъ же порахъ такимъ образомъ вновь установленное сельское управленіе оказалось не столь близкимъ къ населенію, не столь однороднымъ, по своему составу, и, наконецъ, не столь дешевымъ, какъ оно первоначально предполагалось въ законѣ. Но и помимо этихъ измѣненій въ самой практикѣ управ-

---

*) Тамже, по части прав. канц., св. 22, № 829, л. 32. Нѣсколько ранѣе сдѣлана была еще попытка дополнить «Учрежденіе» въ другомъ его пунктѣ, по вопросу о жалованьѣ приказныхъ властей. Именно, архангельская экспедиція въ 1798 г. просила разрѣшить назначать равное съ приказнымъ старостой жалованье и старостѣ казенному, о содержаніи котораго, по ея словамъ, «Учрежденіе» умалчивало. Департаментъ, усмотрѣвъ въ этомъ общій вопросъ, вошелъ съ докладомъ къ министру, но послѣдній далъ слѣдующую резолюцію: «поелику въ Учрежденіи ничего не сказано, то и опредѣлять (жалованье) не нужно». Архивъ Гл. Упр. Уд., по части прав. канц. по письмоводству св. 7, № 177, л. 17. Едва-ли, однако, въ данномъ случаѣ не произошло недоразумѣніе, основанное на простой недомолвкѣ закона, такъ какъ иначе трудно было бы объяснить, почему казенные старосты были лишены жалованья (см. Учрежденіе о И. Ф., § 186).

**) Архивъ Гл. Упр. Уд., по части прав. канц. по письмоводству. св. 9, № 250, лл. 69, 76.

ленія уже очень скоро послѣ его организаціи сказались такія особенности, которыя не были предусмотрѣны „Учрежденіемъ“, а порою и стояли въ прямомъ противорѣчіи съ нимъ. Почти немедленно вслѣдъ за образованіемъ удѣльныхъ экспедицій департаменту пришлось принимать мѣры къ ограниченію нѣкоторыхъ изъ нихъ, черезчуръ широко понявшихъ свои права надъ крестьянами. Архангельская экспедиція, напр., правило „Учрежденія“, что удѣльное начальство обязано защищать крестьянъ въ судахъ, поняла въ томъ смыслѣ, что суды должны испрашивать согласія экспедиціи на постановляемые ими приговоры относительно удѣльныхъ крестьянъ, и въ 1798 г., найдя, что Шенкурскій уѣздный судъ и Архангельская палата поступили неправильно, присудивъ крестьянина Попова за проживаніе въ Гатчинѣ безъ паспорта къ наказанію плетьми и не испросивъ предварительно согласія удѣльной экспедиціи, имѣющей права помѣщика надъ крестьяниномъ и могшей заступиться за него, просила мѣстнаго губернатора и Департаментъ Удѣловъ, чтобы впредь судебныя мѣста рѣшали подобныя дѣла согласно съ законами. Департаментъ, которому жаловался обиженный губернаторъ, нашелъ дѣйствія экспедиціи неправильными и сдѣлалъ ей выговоръ, доведя объ этомъ до свѣдѣнія губернатора *). Въ томъ же самомъ году, когда архангельская экспедиція повела такъ далеко свою заботу о крестьянахъ, министръ вынужденъ былъ обратиться вообще къ удѣльнымъ экспедиціямъ съ предписаніемъ, въ которомъ обращалъ ихъ вниманіе на то, что онѣ, какъ видно изъ ихъ меморій и журналовъ, вмѣшиваются во внутреннія дѣла сельскихъ обществъ и даже въ семейную жизнь крестьянъ,—въ поставку рекрутъ, мірскіе расходы, даже „въ самое учрежденіе крестьянской одежды“, — и вмѣстѣ съ тѣмъ обращаются въ департаментъ за разрѣшеніемъ такихъ вопросовъ, о которыхъ естъ вполнѣ ясные законы **). Подобныя предписанія оказывали, однако, повидимому, лишь весьма небольшое вліяніе, слѣдить же непосредственно за дѣятельностью экспедицій департаментъ не имѣлъ возможности, и, благодаря этому, для произвольныхъ дѣйствій послѣднихъ, между прочимъ и въ области сельскаго управленія, открыто было широкое поприще. Въ началѣ XIX столѣтія такое положеніе дѣла обратило на себя серьезное вниманіе и вызвало реформу въ управленіи въ видѣ учрежденія при департаментѣ особыхъ ревизоровъ для осмотра имѣній, при чемъ непосредственнымъ поводомъ къ этой реформѣ послужили открывшіяся злоупотребленія чиновниковъ смоленской экспедиціи. Какъ писалъ министръ въ своемъ докладѣ государю 9 мая 1803 г., „безпо-

*) Также, по части прав. канц. по бухгалтеріи, св. 26, № 955.

**) Также, по части прав. канц., св. 22, № 830, предписаніе министра отъ 18 октября 1798 г.

рядки начались тому уже около двухъ лѣтъ, но до департамента свѣдѣнія объ этомъ не доходили; жалобы были не допускаемы или крестьяне терпѣливо сносили притѣсненія; но какъ скоро посланный отъ департамента въ экспедицію явился, то и всѣ неустройства открылись“. Обнаруженныя злоупотребленія были, однако, такъ велики, что понадобилось отрѣшить отъ должностей служившихъ въ экспедиціи чиновниковъ и предать ихъ уголовному суду *). Разосланные послѣ того для осмотра имѣній ревизоры во многихъ мѣстностяхъ нашли значительныя неустройства въ сельскомъ управленіи, и прежде всего въ основной его ячейкѣ—сельскихъ и приказныхъ сходахъ. „На мірскія сходки,—писалъ, напр., ревизоръ Нѣмчиновъ послѣ осмотра Яранскаго округа вятской экспедиціи,—даже на валовыя собирается народа весьма мало, иныя селенія присылаютъ отъ себя несоразмѣрно малое число повѣренныхъ, иныя же совсѣмъ не посылаютъ, а въ Большепольскомъ приказѣ наряжаютъ на сходъ всякаго безъ разбора, т. е. и хозяина дома, и бобыля, и умнаго, и непонятнаго, и престарѣлаго, и несовершенныхъ лѣтъ“. Тотъ же ревизоръ свидѣтельствовалъ, что приказные и сельскіе старшины нерѣдко нерадиво относятся къ своимъ обязанностямъ и что самое распредѣленіе приказовъ по мѣстности произведено экспедиціею неудачно. Напротивъ, чиновники, ревизовавшіе костромскую и архангельскую экспедиціи, не обнаружили въ дѣлопроизводствѣ ихъ приказовъ особенныхъ упущеній и безпорядковъ **).

Кромѣ указанной причины, правильному ходу крестьянскаго самоуправленія въ удѣльныхъ имѣніяхъ немало препятствовало и другое обстоятельство, значеніе котораго попыталась выяснить департаменту въ 1804 г. вятская экспедиція, принадлежавшая къ числу тѣхъ, которыя наиболѣе навлекли на себя упрековъ въ различнаго рода упущеніяхъ. Совѣтникъ этой экспедиціи, Соколовъ, представилъ въ департаментъ обширный рапортъ, въ которомъ старался оправдать ее и объяснить истинныя причины такихъ упущеній. Онѣ заключались, по его словамъ, въ неисправности приказовъ, а послѣдняя зависѣла отъ безграмотности большинства приказныхъ и сельскихъ старшинъ, благодаря которой „всѣ по должности приказа распоряженія... происходятъ единственно отъ писаря, коего нерадѣніе или и самое злоупотребленіе остаются безъ препоны“. Наказанія, полагающіяся старшинамъ за нерадивое исправленіе должности, мало дѣйствительны, такъ какъ отрѣшеніе отъ службы „пріемлется ими даже охотно“ въ виду требуемой службой трехлѣтней отлучки отъ хозяйства и незначительности жалованья, а въ случаѣ отдачи ихъ подъ

*) Тамже, по части прав. канц., св. 1, № 13.

**) Тамже, по части прав. канц. по письмоводству, св. 8, № 195, лл. 21 7; св. 8, № 179, лл. 33 и 40.

судъ послѣдній иногда вынужденъ миловать ихъ по незнанію ими законовъ и приказнаго порядка, иногда же караетъ ихъ „и по совершенной ихъ невиновности, ибо, будучи безграмотны, употребляемое вмѣсто подписи приложеніе печати совершается ими къ такому приговору или къ такой исходящей бумагѣ, кои писаремъ написаны вопреки ихъ мнѣнію или приказанію“. Самые писаря, которые являлись такимъ путемъ въ сущности главными лицами въ приказахъ, набирались изъ людей, „не только совершенно чуждыхъ малѣйшаго въ законахъ познанія, но и не имѣющихъ свѣдѣнія о самомъ приказномъ порядкѣ, не говоря уже о весьма ограниченномъ ихъ умѣ и таковомъ же искусствѣ въ письменномъ мыслей выраженіи“. Хорошихъ писарей со стороны, по словамъ экспедиціи, также трудно было найти, даже и за большую плату, и страхъ наказанія также мало удерживалъ ихъ отъ злоупотребленій; вообще же „замѣчено, что для исправленія оной должности изъ способныхъ и добраго поведенія людей гораздо меньше идутъ въ удѣльные приказы, нежели въ волостныя (государственныхъ селеній) правленія“. Въ концѣ концовъ Соколовъ признавалъ сельскихъ и приказныхъ старшинъ „людьми весьма къ должностямъ своимъ неспособными“, такъ что, по его утвержденію, приказы нерѣдко не понимаютъ посылаемыхъ къ нимъ бумагъ и въ свою очередь присылаютъ рапорты безъ всякаго смысла, не будучи въ состояніи правильно выполнить даже такихъ требованій экспедиціи, какъ составленіе какой-либо вѣдомости по доставленному имъ образцу. Всѣ затрудненія въ сельскомъ управленіи еще увеличивались большимъ пространствомъ, которое занимали управляемыя экспедиціею имѣнія, и неудачнымъ распредѣленіемъ приказовъ, благодаря чему на ревизію всего имѣнія товарищу совѣтника требовался цѣлый годъ. Ближайшимъ средствомъ къ исправленію этихъ безпорядковъ Соколовъ считалъ увеличеніе числа канцелярскихъ служителей при экспедиціи, которыхъ можно было бы командировать и въ приказы для наставленія приказныхъ писарей, при чемъ такое увеличеніе, по его разсчету, потребовало бы отъ экспедиціи лишнихъ 800 р. въ годъ. Департаментъ нашелъ, однако же, что такимъ средствомъ „не можно замѣнить ни просвѣщенія сельскихъ старшинъ, ни искусства писарей“, и потому принялъ другую мѣру, распорядившись именно 8 февраля 1804 г., чтобы какъ вятская, такъ и другія экспедиціи выбрали изъ каждаго приказа по одному грамотному крестьянину, который могъ бы быть обученъ при экспедиціи порядку приказнаго дѣлопроизводства, и по три крестьянскихъ мальчика, которыхъ отдали бы въ уѣздныя народныя училища, содержа ихъ тамъ на счетъ мірскихъ суммъ, а по окончаніи ученія назначали бы въ приказные писаря, показавъ имъ предварительно въ экспедиціи порядокъ дѣлопроизводства. Но и эта мѣра при своемъ осуществленіи мѣстами встрѣтила препят-

ствія. Въ двухъ приказахъ петербургской экспедиціи, Псковскомъ и Вязовскомъ, вовсе не нашлось грамотныхъ крестьянъ. Не нашлось такихъ и среди удѣльныхъ крестьянъ Лифляндской губерніи, которые просили освободить ихъ и отъ посылки мальчиковъ въ народное училище, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что содержаніе этихъ учениковъ обойдется обществу не менѣе 350 р., а между тѣмъ они еще могутъ современемъ оказаться „невнятнаго понятія либо нетрезваго состоянія". Такъ какъ для рижскихъ крестьянъ составлялось въ эту пору особое положеніе, то департаментъ на время отмѣнилъ для нихъ свое приказаніе. Костромская экспедиція, отдавъ изъ нѣкоторыхъ приказовъ выбранныхъ мальчиковъ въ народныя училища, въ другихъ, въ виду дальняго разстоянія ихъ отъ уѣздныхъ городовъ, во избѣжаніе „отягощенія и излишняго убытка крестьянъ", не рѣшилась сдѣлать этого, а передала избранныхъ обществами дѣтей „къ обученію священнослужителямъ или желающимъ людямъ съ письменными условіями" *).

Слабость надзора со стороны центральнаго учрежденія, произвольныя подчасъ дѣйствія мѣстныхъ экспедицій и, наконецъ, незнакомство съ законами и безграмотность крестьянской массы, ослаблявшія надзоръ міра за приказными властями и нерѣдко передававшія всѣ нити сельскаго управленія въ руки писаря, часто къ тому же бывшаго постороннимъ крестьянскому обществу человѣкомъ,—всѣ эти условія создавали такую почву, на которой легко было возникнуть различнаго рода злоупотребленіямъ. Послѣднія, дѣйствительно, существовали въ данную пору въ области сельскаго управленія въ довольно широкихъ размѣрахъ. Уже 9 октября 1802 г. департаментъ, руководясь дошедшими до него съ разныхъ сторонъ свѣдѣніями, что во многихъ мѣстностяхъ „приказные старшины... при разборѣ между поселянами мірскихъ дѣлъ чинятъ многія злоупотребленія и собираютъ съ оныхъ на разные расходы деньги, въ противность даннаго сельскимъ приказамъ Наставленія, не испрося отъ экспедиціи позволенія", предписывалъ экспедиціямъ имѣть „неослабное смотрѣніе" за приказами, тѣмъ болѣе, что произведенная въ департаментѣ ревизія отчетовъ о мірскихъ суммахъ вполнѣ подтвердила такія свѣдѣнія **). Въ иныхъ случаяхъ, однако, крестьяне находили въ

*) Тамже, по части прав. канц. по письмоводству, св. 9, № 250.

**) Тамже, св. 23, № 842 и дѣло 2 отдѣл., 5 стола, св. 18, № 528, л. 68. Приведемъ конкретный примѣръ такихъ злоупотребленій: въ 1798 г. крестьянка Зарѣцкой Боярщины, Шенкурской округи, Архангельской губ., Екатерина Ворониныхъ, жаловалась на голову Курголинскаго приказа, приказныхъ старшинъ и волостнаго старосту, что они «бывшую ее въ тяжкой болѣзни, взявъ, привезли въ домъ старосты, гдѣ оный староста принесъ толстое полѣно и, положа ей подъ спину, мучилъ и волочилъ по избѣ не по одинъ день и держана подъ карауломъ двѣ недѣли, требуя ея дочери для отсылки на полотняную фабрику не въ очередь, которая тогда была въ работницахъ у крестьянина Пучежской волости, куда она за болѣзнью сходить

экспедиціяхъ плохую защиту отъ притѣсненій своихъ старшинъ. Въ 1805 г. крестьянинъ д. Куземиной (Касимовской округи Рязанской губ.), подалъ на высочайшее имя жалобу на самовольный сборъ головою Селецкаго приказа „по согласію съ другими старостами“ лишнихъ оброчныхъ денегъ съ жителей данной деревни; при этомъ онъ сообщалъ, что онъ жаловался уже московской экспедиціи, „но вмѣсто удовлетворенія претерпѣлъ только жестокіе побои и увѣчье и былъ закованъ, какъ преступникъ, въ желѣзы и содержался два мѣсяца въ тюрьмѣ, въ Касимовскомъ нижнемъ земскомъ судѣ *). Въ свою очередь и мірской приговоръ, который требовался отъ приказныхъ властей, иногда составлялъ только ширму, за которой скрывались ихъ произвольныя дѣйствія. Въ томъ же 1805 году крестьянка Коротинскаго приказа Новгородской губ., Осипова, желовалась на мѣстнаго голову, отдавшаго ея послѣдняго сына въ рекруты. Разслѣдовавшій это дѣло по приказанію министра ревизоръ Нѣмчиновъ нашелъ жалобу вполнѣ справедливой: не подлежавшій очереди сынъ Осиповой былъ „за свезеніе съ сосѣдственной полосы двухъ бабокъ пшеницы отданъ въ военную службу по приговору мірскому“, и какъ это несоотвѣтствіе наказанія преступленію, такъ и разсмотрѣніе рекрутскихъ очередей привели ревизора къ убѣжденію, что „поступокъ мірскаго общества въ семъ дѣлѣ былъ умышленный нападокъ на сироту къ облегченію очередей богатыхъ и большесемейныхъ крестьянъ“; сынъ Осиповой былъ по испрошенному министромъ высочайшему повелѣнію возвращенъ изъ службы, на мѣсто его отданъ крестьянинъ по жребію изъ очередныхъ большихъ семей, а старшины и подписавшіе приговоръ крестьяне наказаны штрафомъ въ пользу Осиповой въ размѣрѣ 50 р. **).

Замѣченныя департаментомъ темныя стороны въ ходѣ сельскаго управленія играли не послѣднюю роль въ числѣ мотивовъ общей реформы управленія удѣльными имѣніями, предпринятой въ царствованіе Александра I и осуществленной съ изданіемъ Положенія Департамента Удѣловъ 15 мая 1808 г. Приказное управленіе, писалъ министръ Гурьевъ въ своемъ докладѣ государю по этому поводу, „не приведено доселѣ въ порядокъ, соотвѣтственный прямому намѣренію“. Приказы и экспедиціи охватывали слишкомъ большія пространства, такъ что отдѣльныя селенія отстояли иногда отъ своихъ приказовъ на 200,300 и даже 500 в., а отъ экспедицій и болѣе, чѣмъ на 1,000 верстъ.

не могла, а той дочери отъ роду 23 года и больна»; старшины вымогали у жалобщицы взятку—50 р., обѣщая, что въ такомъ случаѣ «дочь ея отъ выбора отмѣнится». Архивъ Гл. Упр. Уд., по части прав. канц. по письмоводству, св. 8, № 183, л. 23.

*) Архивъ Гл. Упр. Уд., именныя повелѣнія, отъ 23 января 1805 г.

**) Тамже, отъ 22 апрѣля 1805 г.

Порядокъ избранія старшинъ черезъ три года представлялся министру неудобнымъ, такъ какъ на выборахъ „по большой части присвоиваютъ себѣ званіе старшинъ тѣ, кои смѣлѣе и дерзновеннѣе прочихъ въ обществѣ, напротивъ того, люди кроткіе, домовитые и занимающіеся промысломъ отъ того уклоняются“; равнымъ образомъ выборъ писарей крестьянами сводился, по мнѣнію министра, къ назначенію ихъ по волѣ старшинъ, что порождало злоупотребленія и запутанность въ управленіи. Въ этихъ замѣчаніяхъ сказалось уже недовѣріе къ крестьянскому самоуправленію со стороны центральной администраціи и стремленіе ея съузить предѣлы полномочій крестьянскаго міра въ удѣльныхъ имѣніяхъ. Такое съуженіе и было дѣйствительно достигнуто „Положеніемъ“ 1808 г., во многомъ измѣнившимъ правила и порядки, установленные „Учрежденіемъ“ 1797 г. и послѣдующими узаконеніями и распоряженіями департамента. Размѣры приказовъ были установлены теперь въ предѣлахъ отъ 2.000 до 4.000 душъ, при чемъ на обязанность управляющихъ конторами, замѣнившими прежнія экспедиціи, возлагалось осмотрѣть приказы и, если существующее ихъ распредѣленіе окажется неудобнымъ, составить проектъ новаго. Старшины приказа оставались тѣми-же самыми, но изъ нихъ голова долженъ былъ избираться уже не на три года, а на безсрочное время, что въ докладѣ министра, сопровождавшемъ „Положеніе“, оправдывалось особыми качествами, необходимыми для исправленія этой должности. Для выбора головы крестьянскія общества, входившія въ составъ приказа, должны были назначить съ каждыхъ 100 душъ по 2 домохозяина, не подвергавшихся наказанію и не замѣченныхъ ни въ чемъ дурномъ. Изъ числа этихъ лицъ, составлявшихъ избирательную сходку, управляющій конторой назначалъ 10 кандидатовъ, которые въ его присутствіи и баллотировались шарами; затѣмъ списокъ ихъ, съ отмѣтками управляющаго о свойствахъ и поведеніи каждаго и о числѣ полученныхъ имъ избирательныхъ шаровъ, представлялся въ департаментъ, утверждавшій одного изъ нихъ въ должности, тогда какъ другіе оставались кандидатами и въ случаѣ смерти или увольненія головы замѣняли его по порядку полученныхъ ими избирательныхъ шаровъ. Такимъ же образомъ избирались и казенный и приказный староста (иначе называвшіеся теперь еще засѣдателями приказа), съ той лишь разницей, что получившіе при баллотировкѣ большее число голосовъ утверждались въ этой должности самимъ управляющимъ. Селенія, удаленныя на большое разстояніе отъ другихъ и недостаточно многолюдныя, чтобы самимъ по себѣ составить приказъ, могли составлять такъ называемыя отдѣленія, подчиняясь непосредственно конторѣ и имѣя двухъ выборныхъ старшинъ, „одного въ видѣ головы, а другого въ видѣ засѣдателя“. При вступленіи на службу всѣ старшины

приводились къ присягѣ. Жалованье и привилегіи выборныхъ властей увеличивались „Положеніемъ“, какъ объяснилъ министръ въ своемъ докладѣ, „сколько для приведенія ихъ въ приличное уваженіе отъ крестьянъ и отъ лицъ постороннихъ, столько и для поощренія ихъ самихъ къ добропорядочному поведенію и ревности въ исполненіи ихъ обязанностей“. Голова долженъ былъ получать впредь жалованья 250 р. въ годъ и сверхъ того ему ежегодно шился на счетъ мірскихъ суммъ кафтанъ; оба засѣдателя—по 120 р.; кромѣ того, голова на время своей службы освобождался отъ всѣхъ хозяйственныхъ сборовъ, казенныхъ податей и общественныхъ повинностей, которыя уплачивались и отбывались за него міромъ; семейство головы, считая таковымъ его жену и дѣтей, увольнялось отъ всякихъ общественныхъ работъ и нарядовъ; засѣдатели же, пока находились на службѣ, были освобождены отъ тѣлеснаго наказанія. За оскорбленіе головы или засѣдателя словомъ или дѣйствіемъ виновному въ этомъ удѣльному крестьянину угрожало „строгое взысканіе“, хотя, въ противоположность „Учрежденію“ 1797 г., „Положеніе“ не опредѣляло его вида и размѣра. Всѣ эти старшины обязаны были ежегодно представлять избравшему ихъ обществу отчетъ въ расходованіи мірскихъ суммъ и раскладку сборовъ и податей на будущій годъ; утвержденные мірскимъ приговоромъ, отчетъ и раскладка восходили еще на утвержденіе управляющаго. При нетрезвой жизни и дурномъ поведеніи кого-либо изъ этихъ выборныхъ старшинъ управляющій могъ смѣстить его съ должности; при обнаружившейся неспособности къ отправленію должности со стороны головы его смѣщалъ, по представленію управляющаго, департаментъ, засѣдателей же смѣщалъ въ такихъ случаяхъ самъ управляющій; наконецъ, „за упущеніе должностей, сопряженное со вредомъ интересовъ департамента, а паче за лихоимство“, старшины предавались суду уголовной палаты. Приказные писаря были теперь поставлены въ совершенно особое положеніе: они уже не выбирались крестьянами, а назначались управляющими конторъ, числились въ штатѣ департамента и, являясь такимъ образомъ чиновниками, должны были получать 200 р. жалованья въ годъ; въ томъ случаѣ, если управляющій находилъ въ приказѣ крестьянъ, способныхъ къ исправленію этой должности, онъ могъ назначать и ихъ на нее, но не исключая ихъ изъ крестьянскаго званія, при чемъ такіе писаря получали и уменьшенное жалованье, всего 120 р. въ годъ. Наконецъ, „Положеніе“ 1808 г., сохраняя въ каждомъ селеніи старостъ и десятскихъ, присоединяло къ нимъ еще новую, неоплачиваемую жалованьемъ, должность—крестьянскихъ судей: именно, для разбора тяжебъ между удѣльными крестьянами въ каждомъ селеніи должны были избираться ежегодно, — „изъ лучшихъ и добросовѣстнѣйшихъ крестьянъ по два“, которые всѣ такія тяжбы старались бы

окончить примиреніемъ сторонъ; въ случаѣ неуспѣха ихъ въ этомъ дѣло переносилось въ приказъ, а если онъ не успѣвалъ примирить тяжущихся, то къ управляющему, рѣшеніе котораго приводилось въ исполненіе, если на него въ теченіе двухъ мѣсяцевъ не было подано жалобы. При этомъ за неправильную жалобу на рѣшеніе управляющаго жалобщикъ подвергался заключенію въ смирительномъ домѣ и тѣлесному наказанію на мірской сходкѣ, управляющаго же за несправедливое рѣшеніе дѣла министръ каралъ „строгимъ взысканіемъ или отрѣшеніемъ отъ мѣста“ *). Такимъ образомъ удѣльные крестьяне въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ между собою были исключены изъ-подъ дѣйствія общихъ судовъ имперіи и подчинялись послѣднимъ только въ дѣлахъ уголовныхъ и въ гражданскихъ столкновеніяхъ съ посторонними удѣльному вѣдомству лицами.

Минуя уже тотъ фактъ, что сельское управленіе въ томъ видѣ, какъ оно было создано „Положеніемъ“ 1808 г., оказывалось гораздо болѣе дорогимъ, немало увеличивая своимъ содержаніемъ тяжесть мірскихъ сборовъ, лежавшихъ на крестьянахъ,—фактъ, значеніе котораго нѣсколько уменьшается тѣмъ обстоятельствомъ, что и ранѣе недостаточность жалованья мірскихъ властей отчасти восполнялась ихъ самовольными сборами съ крестьянъ **), — нельзя не видѣть, что черты собственно самоуправленія въ значительной мѣрѣ затерялись въ новомъ порядкѣ, дѣлавшемъ приказныхъ старшинъ похожими болѣе на чиновниковъ, нежели на выборныхъ властей. Приказный писарь, назначаемый управляющимъ, поставленный внѣ всякой зависимости отъ крестьянскаго общества и приказныхъ старшинъ, окончательно обратился въ чиновника. Голова, выбиравшійся на безсрочное время изъ кандидатовъ, указанныхъ управляющимъ, и по его же указаніямъ утверждавшійся департаментомъ, часто могъ не быть дѣйствительнымъ из-

---

*) «Положеніе Департамента Удѣловъ, Высочайше утвержденное 15 мая 1808 г.», отд. изд., сс. 4—5, 10—11; §§ 65, 70—71, 72, 74—77, 79—80, 77, 83, 78, 84, 85—7, 81—2, 181—3.

**) Такъ, напр., управляющій Тверской удѣльной конторой, осмотрѣвъ приказы, 19 января 1809 г. писалъ въ департаментъ, что сверхъ положенныхъ по закону сборовъ на жалованье старшинамъ и канцелярскіе расходы въ селеніяхъ и приказахъ «міръ самъ по произволенію своему на общей мірской сходкѣ полагаетъ ежегодно при счетѣ головы и старшинъ въ добавленіе жалованья ихъ по нѣскольку копѣекъ съ души; въ приказахъ же, гдѣ нѣтъ построенныхъ домовъ, содержатъ съ общаго согласія кормовые дома, гдѣ всѣ старшины живутъ на готовой пищѣ; раскладку же сію дѣлаютъ въ началѣ новаго года по мірскимъ приговорамъ. Сбору сего бываетъ отъ 20 до 35 к. въ годъ, смотря по количеству душъ, въ приказѣ находящихся: въ которомъ болѣе душъ, тамъ менѣе сборъ». Управляющій объяснялъ крестьянамъ, что впредь такихъ сборовъ не должно существовать, такъ какъ «въ высочайшемъ Положеніи назначено весьма достаточное жалованье какъ головамъ, такъ и старшинамъ». Архивъ Гл. Упр. Уд., оп. 8, св. 17, № 391.

бранникомъ общества. То же самое можно сказать о засѣдателяхъ, опять-таки едва-ли не въ большей мѣрѣ получавшихъ свои полномочія отъ управляющаго удѣльной конторой, чѣмъ отъ крестьянскаго міра.

„Положеніе Департамента“ было дополнено еще изданной въ томъ же 1808 году министромъ Удѣловъ инструкціей управляющимъ удѣльными конторами, въ которой роль и значеніе приказныхъ старшинъ въ нѣкоторыхъ частныхъ сторонахъ ихъ дѣятельности обрисовывались еще ярче и рельефнѣе. Названная инструкція предписывала, между прочимъ, управляющему послѣ выбора и назначенія старшинъ сдѣлать имъ наставленіе объ ихъ обязанностяхъ. На голову по прежнему возлагался общій надзоръ за исполненіемъ крестьянами ихъ повинностей, равно какъ за ихъ нравственностью; обвиняемаго въ непослушаніи старшимъ въ семействѣ, въ ссорахъ съ сосѣдями или въ нетрезвой и распутной жизни голова, продолжала инструкція, „долженъ прежде стараться вразумить совѣтомъ и приличнымъ наставленіемъ, потомъ въ случаѣ неисправленія его сдѣлать ему подтвержденіе предъ обществомъ всего селенія, когда же и затѣмъ не усмотритъ исправленія, то съ общаго мірскаго приговора сдѣлать наказаніе или употребленіемъ въ общественную работу, или денежною пенею въ пользу вдовъ и сиротъ, или, если и за симъ уже коснѣетъ въ непослушаніи, то наказать тѣлесно, записывая всякій таковой штрафъ или наказаніе въ дневномъ журналѣ приказа и донося о томъ конторѣ“. На обязанности казеннаго старосты оставался сборъ и храненіе казенныхъ податей и хозяйственныхъ удѣльныхъ сборовъ. Должность приказнаго старосты опредѣлялась въ „Инструкціи“ точнѣе, какъ лица обязаннаго наблюдать вообще за „соблюденіемъ порядка и тишины“ въ приказѣ, почему ему подчинялись сотскіе и десятскіе. Писарь обязанъ былъ только вести письменную часть и исполнять приказанія головы и засѣдателей, „не вмѣшиваясь отнюдь ни въ сужденіе по дѣламъ, ниже въ сношенія съ крестьянами, а наипаче въ пріемъ и разборъ просьбъ ихъ, равнымъ образомъ и не писать просьбъ для крестьянъ безъ приказанія головы“. При назначеніи писарей управляющимъ предписывалось стараться отыскивать способныхъ и благонадежныхъ крестьянъ и, если бы такихъ нашлось нѣсколько въ одномъ приказѣ, то съ согласія обществъ, къ которымъ они принадлежатъ, опредѣлять ихъ писарями и въ другіе приказы; вмѣстѣ съ тѣмъ управляющіе должны были стараться воспитывать малолѣтнихъ сиротъ на счетъ мірскихъ суммъ при приказахъ, гдѣ бы они обучались грамотѣ и пріучались къ должности писаря. „Инструкція“ устанавливала и порядокъ жалобъ крестьянъ на властей въ восходящемъ порядкѣ отъ приказовъ, куда можно было жаловаться на сельскихъ старшинъ, до государя, къ которому допускалась апелляція на министра, при чемъ строго воспре-

щалось нарушать этотъ порядокъ и жаловаться въ высшія инстанціи по дѣлу, не разобранному въ низшихъ *).

Какъ за изданіемъ „Учрежденія“ 1797 г. послѣдовало изданіе особаго „Наставленія“ приказамъ, такъ нѣчто подобное имѣло мѣсто и послѣ введенія въ дѣйствіе „Положенія“ 1808 г. Именно, одинъ изъ чиновниковъ, служившихъ въ вѣдомствѣ Департамента Удѣловъ, надв. сов. Жмакинъ, въ октябрѣ 1811 г. предложилъ министру принять и разослать по приказамъ для свѣдѣнія крестьянъ составленный имъ проектъ „руководства къ познанію правъ и обязанностей для удѣльныхъ поселянъ“, передававшій въ краткомъ изложеніи касающіяся крестьянъ статьи „Положенія“ и инструкціи министра управляющимъ. Департаментъ принялъ проектъ Жмакина съ нѣкоторыми измѣненіями и, напечатавъ его, разослалъ приказамъ. Въ этомъ „руководствѣ“ по вопросамъ сельскаго управленія не было, однако, ничего новаго, за исключеніемъ одной статьи, точнѣе опредѣлявшей характеръ наказаній, которыя приказы могли налагать на провинившихся крестьянъ. „За неисполненіе правилъ вѣры,—говорилось здѣсь,—за буйство, пьянство, ябедничество, мотовство, лѣность, неповиновеніе старшинамъ и старшимъ наказываются виновные, съ утвержденія управляющаго, публично на мірскомъ сходѣ розгами, или отдачею въ смирительный или рабочій домъ, а поступокъ записывается въ журнальную въ приказѣ книгу; всякій изъ таковыхъ записанныхъ считается подозрительнымъ и ни на какія мірскія сходки не допускается, и при первой подобной винѣ годный отдается въ рекруты, а негодный ссылается на поселеніе“ **).

Между тѣмъ за 1808—1810 гг. управляющіе, дѣйствуя согласно данной имъ инструкціи, объѣхали имѣнія, отданныя въ вѣдѣніе ихъ конторъ, составили проекты новаго распредѣленія приказовъ и по утвержденіи ихъ департаментомъ произвели выборы старшинъ по новымъ правиламъ ***). Вновь производимое распредѣленіе селеній между приказами и отдѣленіями должно было, по настояніямъ департамента, составляться такимъ образомъ, чтобы единицы управленія не были слишкомъ дробны и, слѣдовательно, содержаніе старшинъ не ложилось слишкомъ тяжелымъ бременемъ на крестьянъ. Имѣя въ виду эту цѣль, департаментъ стремился къ возможному уменьшенію количества приказовъ, „хотя бы то было и съ превосходствомъ числа душъ, для нихъ предназначенныхъ Положеніемъ“ ****). Впрочемъ, управ-

---

*) Архивъ Гл. Упр. Уд., 2 отдѣл., 5 стола, св. 18, № 528, л. 126 и слѣд.: «Инструкція управляющимъ удѣльными конторами, данная отъ министра Удѣловъ въ 1808 г.», §§ 11, 15 и 12.

**) Архивъ Гл. Упр. Уд., отд. 1, столъ 2, св. 17, № 737: «Руководство для удѣльныхъ поселянъ къ познанію правъ и обязанностей», § 19.

***) Архивъ Гл. Упр. Уд., опись 8, св. 16—17, №№ 578—596.

****) Изъ предписанія Департамента управляющему псковской конторой,

ляющіе не особенно широко воспользовались этимъ разрѣшеніемъ отступать отъ правилъ „Положенія“: по первоначальному распредѣленію лишь въ небольшомъ сравнительно числѣ приказовъ населеніе нѣсколько превышало норму 4.000 душъ и только въ одномъ приказѣ доходило до 5.500 душъ. Произведя осмотръ имѣній, многіе управляющіе нашли, что старое дѣленіе ихъ сопровождалось большою дробностью и запутанностью, и при новомъ стремились къ возстановленію волостнаго дѣленія или, по крайней мѣрѣ, къ соединенію цѣлыхъ волостей подъ властью одного приказа. Нѣкоторое участіе въ этихъ работахъ по распредѣленію селеній на приказные округа и по назначенію мѣста для самыхъ приказовъ принимали и крестьянскія общества: иногда это участіе выражалось въ формѣ указаній, дѣлаемыхъ управляющему, если онъ обращался къ крестьянамъ за совѣтомъ, иногда же въ формѣ просьбъ объ измѣненіи составленнаго или уже и утвержденнаго росписанія; въ большой части извѣстныхъ намъ случаевъ просьбы такого рода и удовлетворялись департаментомъ *). При устройствѣ приказовъ нѣкоторыми управляющими

Архивъ Глав. Упр. Удѣл., оп. 8, св. 17, № 584. Архангельскій управляющій доносилъ, что онъ расположилъ приказы такимъ образомъ, что «сборъ для приказовъ обойдется въ годъ съ души по 20 к., съ нѣкоторою въ иныхъ малою прибавкою, а съ другихъ и меньше 20 к.», тамже, св. 16, № 578; подобно этому, и другіе управляющіе, какъ, напр., костромской, орловскій, вятскій, сообщали, что они при распредѣленіи приказовъ имѣли въ виду сокращеніе мірскихъ издержекъ. Напротивъ, московская контора за свои первоначальныя дѣйствія въ этомъ вопросѣ заслужила отъ Департамента выговоръ, такъ какъ онъ нашелъ, что составленное ею «расположеніе нѣкоторыхъ отдѣленій и приказовъ по малому числу входящихъ въ составъ ихъ душъ для крестьянъ отяготительно», тамже св. 17, № 594.

*) Такъ, по донесенію воронежскаго управляющаго, тамошніе крестьяне просили его объ устройствѣ нѣсколькихъ отдѣленій приказа, Архивъ Гл. Упр. Уд., оп. 8, св. 17, № 586; крестьяне одного изъ приказовъ архангельской конторы просили, послѣ утвержденія росписанія, о перемѣщеніи приказной избы изъ куртоминской волости въ заостровскую, что и было исполнено, тамже, св. 16, № 578. Подобную же просьбу представили крестьяне одного изъ симбирскихъ приказовъ, мотивируя ее тѣмъ, что назначенное для помѣщенія приказа село стоитъ на большой дорогѣ и, благодаря большому количеству проѣзжающихъ, отличается крайней дороговизной квартиръ и съѣстныхъ припасовъ, тамже, св. 17, № 590. Въ ближайшіе годы (1812—1814) просьбы о раздѣленіи слишкомъ большихъ приказовъ поступили, напр., отъ крестьянъ балаковскаго приказа саратовской конторы и устиновскаго—вятской и равнымъ образомъ были удовлетворены, тамже, св. 17, №№ 592 и 593. Были, однако, и обратные случаи: крестьяне красногорской части велейскаго приказа (псковской конторы) заявляли въ 1816 г., что они изстари принадлежали къ воронецкому приказу, но въ 1809 г. были причислены управляющимъ къ велейскому. Такъ какъ, однако, они замѣтили, что «по примѣру велейскихъ крестьянъ начались дѣлаться за ними время отъ времени въ оброкахъ недоимки, въ хлѣбныхъ магазинахъ недоборы и несоблюденіе должнаго порядка и строгости,—то по сей причинѣ и просятъ составить изъ нихъ особое отдѣленіе, подчиняя псковской удѣльной конторѣ, по примѣру прочихъ бывшихъ двор-

съизнова былъ поднятъ вопросъ объ обязательной постройкѣ особыхъ приказныхъ избъ и о способахъ такой постройки. Псковской управляющій, ссылаясь на то, что „по неимѣнію ни въ одномъ приказѣ сборной избы весьма неудобно, да и невозможно, особливо въ зимнее и въ осеннее время, разговаривать съ крестьянами, что по образцу нынѣшняго управленія необходимо нужно", просилъ разрѣшенія „согласить крестьянъ во всѣхъ приказахъ сдѣлать мірскіе приговоры на постройку при каждомъ сборной избы". Департаментъ, оставаясь при старой своей точкѣ зрѣнія на этотъ вопросъ, согласился на такую постройку, „буде оную произвести добровольно сами для себя крестьяне пожелаютъ". Когда же Московская контора предположила обложить крестьянъ одного приказа особымъ сборомъ для постройки приказной избы, департаментъ потребовалъ свѣдѣній о томъ, согласны-ли на такую постройку крестьяне и нельзя-ли произвести ее безъ денежнаго сбора, хозяйственнымъ способомъ изъ удѣльныхъ лѣсовъ *).

Послѣ 1810 года какихъ-либо общихъ для всего удѣльнаго вѣдомства перемѣнъ въ распредѣленіи приказовъ уже не происходило, если не считать за таковую устройства приказнаго управленія въ бывшихъ казенныхъ имѣніяхъ симбирской губерніи, переданныхъ въ удѣльное вѣдомство. Частныя измѣненія, въ предѣлахъ отдѣльныхъ конторъ, совершались, однако же, отъ времени до времени, вызываясь то естественнымъ ростомъ населенія, то указаніями на неудобства существующаго дѣленія, шедшими со стороны управляющихъ или самихъ крестьянъ, то даже дисциплинарными соображеніями. Въ 1840 г., напр., управляющій Самарской конторой указывалъ на черезполосицу и запутанность въ распредѣленіи ея приказовъ, благодаря чему одни селенія удалены отъ своего приказа болѣе, чѣмъ на 50 верстъ, другія подчинены сразу двумъ приказамъ, а населенность послѣднихъ

цовыхъ крестьянъ», или причислить ихъ къ воронецкому приказу. Департаментъ, однако, не счелъ возможнымъ исполнить ихъ просьбу,—тамже, св. 17, № 584.

*) Архивъ Гл. Упр. Уд., оп. 8, св. 17, №№ 584 и 594. Значительно позднѣе, въ 1831 г., московская контора вновь подняла этотъ вопросъ, въ нѣсколько иной формѣ, предлагая именно, въ виду ветхости существовавшихъ тогда приказныхъ избъ, замѣнить ихъ каменными двухъэтажными зданіями, въ которыхъ могли бы помѣщаться приказъ, квартира писаря и школа и для постройки которыхъ контора проектировала пригласить архитектора съ жалованьемъ 700—800 р. въ годъ. Средства для этого, по мнѣнію конторы, могли быть почерпнуты частью изъ вспомогательнаго сельскаго капитала, частью изъ особаго сбора съ крестьянъ, «который не можетъ быть для нихъ обременителенъ, ибо постройка каждаго корпуса не дороже будетъ стоить со всѣми расходами 8.000—9.000 р.». Департаментъ, однако, отвергъ совмѣщеніе школъ съ приказами въ одномъ зданіи, а вопросъ о перестройкѣ приказныхъ избъ поручилъ управляющему передать, слѣдуя закону, «на разсмотрѣніе самихъ крестьянъ». Архивъ Гл. Упр. Уд., 1 отд., 4 стола, св. 5, № 208, лл. 1—2, 5.

крайне неравномѣрна, и просилъ разрѣшенія на общее переустройство приказовъ въ границахъ своей конторы, на что департаментъ и согласился *). Подобнымъ образомъ Архангельская контора въ 1850 г., представляя о неудобномъ раздѣленіи ея имѣній, предлагала произвести общее перераспредѣленіе ихъ по волостямъ и приказамъ, „предоставивъ самимъ крестьянамъ постановить о томъ мірскіе приговоры“, что и было выполнено съ согласія департамента **). Въ 1851 г. крестьяне понизовской волости ивицкаго приказа Тверской конторы, въ количествѣ 1813 душъ, просили въ виду дальняго разстоянія ихъ деревень отъ приказа (50—70 вер.) отчислить ихъ въ особый приказъ, и департаментъ по наведеніи подробныхъ справокъ удовлетворилъ эту просьбу ***).

Что касается состава сельскаго управленія, то въ немъ равнымъ образомъ послѣ изданія Положенія 1808 г. происходили лишь частныя измѣненія, хотя порою и имѣвшія весьма серьезное значеніе. Однимъ изъ наиболѣе существенныхъ измѣненій такого рода были постановленія относительно приказныхъ и сельскихъ сходовъ, принятыя сперва въ 1826 г. въ качествѣ частной мѣры по Псковской конторѣ, а въ слѣдующемъ году распространенныя на всѣ удѣльныя имѣнія. Въ виду накопленія чрезмѣрнаго количества недоимокъ на нѣкоторыхъ приказахъ Псковской

---

*) Архивъ Гл. Упр. Уд., отд. 1, столъ 4, св. 11, № 486.

**) Також, св. 13, № 635; активнаго участія крестьянъ въ этомъ распредѣленіи въ данномъ дѣлѣ, впрочемъ, не видно.

***) Также, св. 15, № 749. Въ 1847 г. управляющій Красносельской Конторой просилъ учредить въ загатчинскомъ имѣніи особое отдѣленіе приказа, на томъ основаніи, что названное «имѣніе за удаленіемъ отъ нихъ сельскаго начальства совершенно одичало, чему служитъ соблазнительный примѣръ крестьянъ д. Перякюль, безпрестанно подающихъ просьбы Его Императорскому Величеству и отказавшихся отъ повиновенія своему начальству». Департаментъ нашелъ, однако, предположенныя издержки слишкомъ большими (болѣе 20 к. на душу лишнихъ для крестьянъ всего имѣнія, и еще болѣе для отходившихъ въ вѣдомство новаго отдѣленія) и запросилъ управляющаго, не обременятъ ли онѣ крестьянъ и нельзя ли обойтись безъ устройства этого отдѣленія. Въ своемъ отвѣтѣ управляющій указывалъ, что «примѣръ перякюльскихъ крестьянъ, доселѣ упорствовавшихъ въ неповиновеніи къ предписаніямъ и волѣ начальства, къ сожалѣнію, подѣйствовалъ и на остальныхъ чухонъ загатчинскаго имѣнія», проявившихъ «строптивость свою» въ двухъ случаяхъ: когда чиновникъ конторы потребовалъ отъ нихъ подводъ для перевозки перякюльскихъ крестьянъ, они «въ числѣ 50-ти пришли къ нему съ ругательствами и объявленіемъ, что не повезутъ перякюльскихъ крестьянъ безъ собственнаго ихъ самихъ на то согласія»; въ другой разъ они не хотѣли принять вновь назначеннаго къ нимъ пастора. Считая въ виду этого устройство отдѣленія необходимымъ, управляющій предлагалъ сократить издержки, отказавшись отъ постройки приказной избы и хлѣбнаго магазина и отъ содержанія училища и сливъ должности казеннаго и приказнаго старостъ въ одну; департаментъ на этотъ разъ согласился на его предложеніе. Также, св. 12, № 554.

конторы, департаментъ принялъ для понужденія крестьянъ къ уплатѣ ихъ рядъ мѣръ, сводившихся къ ограниченію правъ неисправныхъ плательщиковъ и, между прочимъ, права участія на сходкахъ. Сельскія сходки и впредь, согласно „Учрежденію“ 1797 г., должны были составляться по призыву сельскихъ старшинъ, но послѣдніе обязывались исключать отъ призыва крестьянъ, накопившихъ на себѣ недоимку „по нерадѣнію и безпорядочной жизни“. Такіе недоимщики исключались и изъ состава приказныхъ сходокъ, которыя должны были составляться изъ двухъ „лучшихъ людей“ съ каждыхъ 100 душъ крестьянъ и изъ добросовѣстныхъ, приглашаемыхъ, по крайней мѣрѣ, по одному отъ каждой деревни; о недоимщикахъ, самовольно явившихся на сходъ и не удалявшихся съ него, не смотря на требованіе старшинъ, приказъ доводилъ до свѣдѣнія конторы, которая подвергала ихъ наказанію *). Сходка могла состояться лишь въ томъ случаѣ, если на нее являлось не менѣе двухъ третей призванныхъ крестьянъ. Самое рѣшеніе вопросовъ, „для отвращенія чрезвычайнаго шума и крика“ и жалобъ на неправильное составленіе приговоровъ, должно было производиться посредствомъ баллотировки шарами, при чемъ меньшинство обязывалось подчиниться приговору большинства, но денежная отвѣтственность по приговорамъ, соединеннымъ съ поручительствомъ въ подрядахъ и т. п. случаяхъ, ложилась лишь на лицъ, подписавшихъ такіе приговоры **).

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого ограниченія числа лицъ, имѣвшихъ право присутствовать на сходѣ, послѣдовало, по инымъ, правда, мотивамъ, и съуженіе круга лицъ, могшихъ быть избранными на должности по сельскому и приказному управленію. 14 марта 1833 г. департаментъ потребовалъ отъ управляющихъ списки должностныхъ лицъ изъ крестьянъ, состоящихъ на службѣ въ приказахъ и отдѣленіяхъ, съ обозначеніемъ ихъ вѣроисповѣданія. По представленнымъ свѣдѣніямъ оказалось, что въ громадномъ большинствѣ всѣ такія лица принадлежали къ православной религіи; за исключеніемъ весьма небольшого числа католиковъ и лютеранъ, среди старшинъ нашлось, впрочемъ, и 65 раскольниковъ различныхъ толковъ и согласій; наибольшее количество ихъ было въ Саратовской (18), Московской (12), Костромской (11) и Нижегородской (9) конторахъ; по остальнымъ конторамъ они встрѣчались въ видѣ рѣдкаго исключенія. Собравъ эти свѣдѣнія, департаментъ 12 декабря 1833 г. разослалъ управ-

---

*) Конторѣ предлагалось именно такихъ крестьянъ штрафовать 2 р., а «зачинщиковъ или возмутителей, которыхъ всегда бываетъ не болѣе одного или двухъ человѣкъ, препровождать въ нижній земскій судъ для изслѣдованія и сужденія въ уѣздномъ судѣ уголовнымъ порядкомъ».

**) Архивъ Гл. Упр. Уд., 2 отдѣл., 5 стола, св. 18, № 528, лл. 425 и слѣд.; ср. Сводъ Удѣльныхъ Постановленій 1843 г., ч. I, ст. 95—104.

ляющимъ циркуляръ, въ которомъ знакомилъ ихъ съ высочайшимъ повелѣніемъ о раскольникахъ 27 мая 1820 г. и предписывалъ впредь соблюдать его; смыслъ этого повелѣнія заключался въ томъ, что изъ раскольниковъ разрѣшалось допускать къ занимаемымъ по выбору общественнымъ должностямъ только тѣхъ, которые признаютъ священство и молятся за царя, и то лишь въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ совершенно нѣтъ православныхъ *).

Должности головъ и засѣдателей послѣ 1808 года остались безъ серьезныхъ измѣненій за все время существованія удѣльнаго управленія крестьянами, но, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, эти должности, не смотря на привилегіи, какими сопровождалось ихъ отбываніе, не особенно, повидимому, привлекали къ себѣ крестьянъ. До департамента доходили свѣдѣнія, что избранные въ головы крестьяне нерѣдко подъ разными предлогами уклоняются отъ этой должности, и, чтобы положить конецъ такому уклоненію, онъ циркуляромъ 17 января 1810 г. предписалъ, чтобы заявленія крестьянъ о нежеланіи быть головою по слабости здоровья или по другимъ причинамъ предварительно разсматривались міромъ и представлялись управляющему, а отъ послѣдняго министру, лишь съ мірскимъ приговоромъ, удостовѣряющимъ дѣйствительность выставленныхъ просителемъ основаній его отказа **).

Существенное видоизмѣненіе потерпѣла съ теченіемъ времени должность добросовѣстныхъ, учрежденная первоначально „Положеніемъ“ 1808 г. во всякомъ селеніи, а въ началѣ второй четверти столѣтія перенесенная въ число приказныхъ должностей. И эта должность не избѣгла сильнаго воздѣйствія со стороны мѣстной удѣльной администраціи. Въ 1821 г. управляющій Тамбовской конторой попытался даже собственною властью измѣнить порядокъ производства дѣлъ добросовѣстными, предписавъ имъ „производить впредь дѣла письменно, завести особыя книги и все производство на письмѣ возложить на земскихъ писарей“. Департаментъ, которому тамбовскій управляющій донесъ о своемъ распоряженіи, нашелъ, однако же, послѣднее несогласнымъ съ собственными предписаніями и „совершенно невмѣстнымъ“ и, отмѣнивъ его, далъ знать о такой отмѣнѣ всѣмъ управляющимъ, предписывая, чтобы и впредь добросовѣстные „судъ и расправу по тяжебнымъ дѣламъ, между удѣльными крестьянами бываемымъ, производили словесно, безъ всякаго письменнаго производства“ ***). Немного позднѣе, въ 1827 г., Вологодскій управляющій предста-

*) Архивъ Глав. Упр. Уд., отдѣл. 1, столъ 4, св. 7, № 274; см. также, 2 отд., 5 стола, св. 18, № 529, лл. 601—2.

**) Также, 2 отд., 5 стола, св. 18, № 528, л. 198.

***) Также, 2 отд., 5 стола, св. 18, № 528, л. 334.

вилъ департаменту результаты своихъ наблюденій надъ выборами въ должность добросовѣстныхъ, сводившіеся къ тому, что при существовавшемъ порядкѣ ежегодныхъ выборовъ въ каждой деревнѣ или волости и при рѣдкости среди крестьянъ людей, способныхъ къ названной должности, „добросовѣстные избираются нынѣ по нуждѣ, а не по достоинству ихъ, по очереди“ и не могутъ поэтому разрѣшать, какъ слѣдуетъ, тяжебныя дѣла, благодаря чему послѣднія во множествѣ заполняютъ приказы и контору. Для улучшенія дѣла управляющій предлагалъ выбирать по два добросовѣстныхъ „изъ самыхъ лучшихъ и отличныхъ крестьянъ“ для цѣлаго приказа, при томъ на безсрочное время, чтобы они могли усовершенствоваться въ своей должности и назначить имъ жалованье. Департаментъ присоединился къ доводамъ и проекту вологодскаго управляющаго и, дополнивъ съ своей стороны этотъ проектъ нѣкоторыми правилами, внесъ его, какъ измѣняющій правила „Положенія“ на высочайшее утвержденіе, которое и было дано 24 апрѣля 1827 г., съ сохраненіемъ, однако же, ежегоднаго выбора добросовѣстныхъ, при чемъ крестьянамъ предоставлялось на волю оставлять ихъ и на слѣдующій годъ, если они будутъ довольны ихъ службой. Во всемъ остальномъ добросовѣстные приравнивались теперь къ прочимъ приказнымъ старшинамъ: выбирались они по баллотировкѣ, жалованье получали такое же, какъ засѣдатели, уйти со службы могли лишь съ согласія избравшаго ихъ общества, а за нетрезвую жизнь и дурное поведеніе отрѣшались управляющимъ отъ должности и лишались права впредь занимать ее; сельскіе выборные и сотскіе обязаны были давать знать имъ о всѣхъ ссорахъ между удѣльными крестьянами, и они должны были немедленно являться для разбирательства дѣла въ данное селеніе, стараясь окончить свой разборъ примиреніемъ сторонъ и передавая въ случаѣ неуспѣха дѣло приказу *).

Но изъ всѣхъ должностей приказнаго управленія едва-ли не наибольшее вниманіе и мѣстныхъ администраторовъ, и департамента обращала на себя должность писаря, остававшагося, дѣйствительно, и послѣ 1808 года центральною фигурой приказа, такъ какъ не только условія, создавшія ранѣе для него такую роль, продолжали сохранять непоколебленнымъ свое значеніе, но къ нимъ присоединились еще и новыя, дѣйствовавшія въ томъ же самомъ направленіи. Распоряженія 1804 г. о заведеніи своего рода школъ въ приказахъ и отдачѣ крестьянскихъ дѣтей для выучки грамотѣ въ народныя училища далеко не оправдали надеждъ, какія, повидимому, возлагались на нихъ центральнымъ управленіемъ. Тамъ, гдѣ школы были тогда же выстроены, онѣ за неимѣніемъ средствъ либо едва влачили свое существованіе,

*) Тамже, 1 отд., 2 стола, св. 16, № 736.

либо совершенно пустовали и понемногу разрушались. Подъ конецъ двадцатыхъ годовъ была предпринята реформа въ области школьнаго дѣла, но и послѣ того еще главная цѣль этихъ школъ—доставленіе приказамъ грамотныхъ писарей—достигалась весьма неполно и съ большими затрудненіями, и еще въ 1833 г. въ приказахъ конторъ Владимірской и Московской всѣ писаря были изъ чиновниковъ, а во многихъ другихъ чиновники на этихъ должностяхъ составляли сильное большинство *). Управляющіе конторъ, которымъ предоставлено было назначать приказныхъ писарей, нерѣдко собственною властью и смѣщали ихъ, и департаменту приходилось неоднократно защищать свои права въ этомъ отношеніи, разъясняя, что управляющему принадлежитъ только право удалить писаря отъ исправленія должности, всѣ же дальнѣйшія дѣйствія должны быть предоставлены департаменту *).

„Положеніе" 1808 г., подобно „Учрежденію" 1797 г., устанавливало въ приказахъ только одного писаря, но уже ранѣе, какъ мы видѣли, къ нему на практикѣ прибавлялся еще его помощникъ, и скоро сдѣланы были попытки урегулировать эту новую должность путемъ закона. Въ 1809 г. смоленскій управляющій представлялъ, что при осмотрѣ приказовъ онъ во всѣхъ нашелъ помощниковъ писарей, получающихъ отъ міра жалованье по 60 р., 100 р. и болѣе въ годъ; первоначально онъ предполагалъ уничтожить эту должность, какъ противную „Положенію", но затѣмъ убѣдился, что одному писарю нѣтъ возможности справиться съ дѣлами приказа, особенно при необходимости отлучекъ въ селенія, и потому просилъ о введеніи ея въ штатъ приказа. Департаментъ, соглашаясь съ доводами управляющаго, не рѣшился, однако же, собственною властью измѣнить „Положеніе" и представилъ данный вопросъ на разсмотрѣніе министра, но вмѣстѣ постановилъ дать знать сперва смоленскому, а затѣмъ и всѣмъ управляющимъ, что „если крестьяне согласны содержать такихъ помощниковъ на мірскомъ коштѣ", то это предоставляется на ихъ волю *). Въ 1829 г., исходя изъ аналогичнаго представленія вятскаго управляющаго о необходимости имѣть помощниковъ писарей въ приказахъ, департаментъ пошелъ дальше и

*) Тамъ же, 1 отд., 4 стола, св. 7, № 274. Еще циркуляръ департамента отъ 20 декабря 1857 г. предписывалъ управляющимъ опредѣлять въ писаря грамотныхъ и благонадежныхъ крестьянъ, при отсутствіи ихъ—людей посторонняго вѣдомства по вольному найму и «только въ самомъ крайнемъ случаѣ чиновниковъ на правахъ дѣйствительной службы», тамже, 1 дѣлопроизводства, св. 46, № 536, л. 80.

*) Циркуляры Департамента 16 сентября 1828 г. и 19 сентября 1833 г., тамже, 2 отд., 5 стола, св. 18, № 528, л. 659 и № 529, л. 568.

*) Тамже, 1 отд., 2 стола, св. 16, № 731; общій циркуляръ — 2 отд., 5 стола, св. 18, № 528, л. 195.

въ регулированіи этого вопроса, разрѣшивъ помощниковъ писарей въ тѣхъ приказахъ, гдѣ крестьяне согласятся производить имъ жалованье путемъ сбора его по раскладкѣ съ душъ, и установивъ, что оно должно равняться половинѣ жалованья писаря *). Постепенное усложненіе управленія и развитіе бумажнаго дѣлопроизводства продолжали, однако, увеличивать количество письменныхъ дѣлъ приказовъ, и въ той же Вятской конторѣ департаменту пришлось, напр., уже въ 1842—1843 гг. разрѣшить почти для всѣхъ приказовъ, вторыхъ помощниковъ писарей съ жалованьемъ въ 57 р. 15 к. въ годъ *). Подобныя же причины вызвали, наконецъ, появленіе писарей и въ отдѣльныхъ селахъ, сперва по вольному найму отъ сельскихъ старшинъ или крестьянскаго міра, а затѣмъ и съ утвержденія центральнаго управленія. Въ 1835 г. нижегородскій управляющій, отвѣчая на запросъ департамента относительно сельскихъ писцовъ, доказывалъ необходимость ихъ существованія въ виду безграмотности сельскихъ старшинъ, не позволяющей имъ вести правильной отчетности и вынуждающей нанимать писцовъ самимъ изъ своего, и безъ того недостаточнаго, жалованья, и проектировалъ для найма такихъ писцовъ и покупки письменныхъ принадлежностей въ селахъ ввести сборъ по 15 к. съ души, что и было ему разрѣшено съ тѣмъ, чтобы жалованье имъ назначалось отъ 25 до 80 р. въ годъ **). И въ дальнѣйшемъ введеніе этой должности совершалось путемъ частныхъ разрѣшеній департамента на представленія отдѣльныхъ управляющихъ. Такъ, орловскій управляющій въ 1843 г., указывая на найденный имъ безпорядокъ въ хозяйствѣ и управленіи селеній его конторы и объясняя этотъ безпорядокъ безграмотностью мѣстныхъ старшинъ просилъ разрѣрѣшенія назначить по писцу въ каждый участокъ общественной запашки съ жалованьемъ въ 23 р. 33 к. с. (для всей конторы этотъ расходъ выразился въ суммѣ 979 р. 86 к. с.) и ввести для этой цѣли особый сборъ съ крестьянъ въ размѣрѣ 3 к. съ души; департаментъ далъ свое согласіе на эту просьбу ***).

Таковы были наиболѣе существенныя черты исторіи отдѣльныхъ должностей приказнаго и сельскаго управленія ****). Прежде, чѣмъ перейти къ самому ходу этого управленія на практикѣ, остановимся еще на вопросѣ о вознагражденіи его должностныхъ лицъ. Первоначально была принята такая система вознагражде-

---

*) Такія чисто-хозяйственныя должности, какъ ктиторовъ и смотрителей общественныхъ запашекъ, мы минуемъ въ своемъ изложеніи; равнымъ образомъ не касаемся мы полицейскихъ сотскихъ и разсыльныхъ, хотя и подчинявшихся удѣльному управленію, но бравшихъ свое начало не въ немъ.

**) Тамже, 2 отд., 5 стола, св. 18, № 529, л. 103.

***) Тамже, 1 отд., 4 стола, св. 11, № 527.

****) Тамже, 1 отд., 4 стола, св. 8, № 328.

*****) Тамже, 1 отд., 4 стола, св. 115, № 17.

нія, при которой въ каждомъ приказѣ собиралось и уплачивалось жалованье его старшинамъ. Благодаря неодинаковой величинѣ приказовъ и разницѣ въ жалованьи писарей изъ чиновниковъ и изъ крестьянъ, такая система вела къ крайней неравномѣрности мірскихъ сборовъ по отдѣльнымъ приказамъ. Уже въ концѣ 1808 г. псковскій управляющій обратилъ на это обстоятельство вниманіе департамента и предлагалъ ввести уравнительный сборъ со всѣхъ крестьянъ, подвѣдомственныхъ его конторѣ. Министръ, циркуляромъ отъ 4 января 1809 г., одобрилъ это предположеніе и далъ знать о немъ всѣмъ управляющимъ для такихъ же дѣйствій. Въ 1810 г. сдѣланъ былъ новый шагъ въ этомъ направленіи: въ виду неравномѣрности сбора на жалованье приказнымъ старшинамъ по отдѣльнымъ конторамъ, колебавшагося въ предѣлахъ 19—45½ к. съ души, министръ предписалъ установить общій уравнительный сборъ на данный предметъ съ крестьянъ всего удѣльнаго вѣдомства въ размѣрѣ 23 к. съ души, при чемъ общая сумма этого расхода вычислена была въ 114.416 р. 2 к. Но черезъ восемь лѣтъ „для прекращенія всякихъ недоразумѣній“ было признано болѣе удобнымъ вернуться къ порядку 1809 г., и циркуляромъ департамента отъ 20 февраля 1818 г. былъ вновь возстановленъ уравнительный сборъ съ крестьянъ лишь въ предѣлахъ удѣльныхъ конторъ *). Размѣры жалованья, установленные „Положеніемъ“, вслѣдствіе ходатайствъ управляющихъ конторами, были измѣнены въ 1829 г. Департаментъ, съ утвержденія министра Двора, согласился именно увеличить жалованье головъ и писарей, „ибо на нихъ собственно лежитъ вся отвѣтственность по дѣламъ“, подтвердилъ различіе въ размѣрѣ жалованья между писарями изъ чиновниковъ и изъ крестьянъ и установилъ раздѣленіе приказовъ, въ зависимости отъ ихъ населенности, на три разряда, съ различными нормами жалованья должностныхъ лицъ; при этомъ, однако, уравнительный характеръ сбора на жалованье приказныхъ старшинъ въ предѣлахъ каждой конторы былъ сохраненъ **). Въ 1840 г. департа-

*) Тамже, 2 отд., 5 стола, св. 18, № 528, лл. 152, 216 и 299.

**) Тамже, 1 отд., 4 стола, св. 3, № 113, л. 130 и слѣд. Приказы дѣлились слѣдующимъ образомъ: приказы перваго разряда—съ населеніемъ болѣе 3.500 рев. душъ; втораго—отъ 2.500 до 3.500 душъ; третьяго—отъ 1.500 до 2.500 душъ; отдѣленія перваго разряда—отъ 1.000 до 2.000 душъ; второго—съ населеніемъ менѣе 1.000 душъ; приказы, имѣвшіе менѣе 1.500 душъ, приравнивались къ отдѣленіямъ перваго разряда. Нормы жалованья устанавливались такія:

	головамъ:	писарямъ изъ крестьянъ:	писарямъ изъ чиновниковъ:
въ приказахъ 1 разряда . .	500 р.	400 р.	600 р.
» » 2 » . .	450 »	350 »	550 »
» » 3 » . .	400 »	300 »	500 »
въ отдѣленіяхъ 1 » . .	350 »	250 »	450 »
» » 2 » . .	300 »	200 »	400 »

ментъ согласился повысить и размѣръ жалованья добросовѣстныхъ и засѣдателей, установивъ для нихъ половинный окладъ противъ оклада, назначеннаго въ 1829 г. для головъ *). Предоставленная головамъ и писарямъ изъ крестьянъ льгота освобожденія отъ рекрутской повинности въ 1843 г. была распространена и на засѣдателей приказа **).

Что касается отвѣтственности должностныхъ лицъ сельскаго управленія передъ управляющими удѣльными конторами, то нормы такой отвѣтственности и размѣры налагаемыхъ управляющими взысканій были подробнѣе опредѣлены циркуляромъ департамента 19 ноября 1852 г. Управляющій могъ безъ предварительнаго разрѣшенія департамента подвергнуть каждаго должностнаго крестьянина, кромѣ головы, аресту при приказѣ отъ одного до семи дней, равно какъ могъ на всякаго приказнаго старшину, не исключая головы и писаря, налагать денежный штрафъ, не превышающій ихъ мѣсячнаго жалованья; за обиду, нанесенную крестьянину, управляющій могъ, точно также не испрашивая разрѣшенія отъ департамента, налагать по своему усмотрѣнію на виновнаго старшину денежное взысканіе въ зависимости отъ важности вины, но не свыше годоваго оклада всѣхъ сборовъ, падавшихъ на душу того общества, къ которому принадлежалъ обиженный; старшины, въ теченіе одного года подвергшіеся уже три раза денежному взысканію, при новомъ проступкѣ карались удаленіемъ отъ должности или предавались суду департамента, и послѣднему управляющій обязанъ былъ сообщать о всѣхъ налагаемыхъ имъ на старшинъ наказаніяхъ ***).

Обращаясь къ практикѣ сельскаго управленія въ томъ видѣ, какъ оно было организовано „Положеніемъ“ 1808 г. и послѣдующими узаконеніями, мы не можемъ, конечно, разсчитывать въ предѣлахъ настоящаго очерка дать сколько-нибудь полную исторію этой практики и предполагаемъ отмѣтить лишь наиболѣе

При этомъ подъ данное положеніе не подводилась Красносельская контора, гдѣ головы уже ранѣе получали по 500 р., а писаря по 400 р. въ годъ; въ Псковской же конторѣ, гдѣ «писаря сверхъ жалованья получаютъ нынѣ по согласію мірскихъ обществъ извѣстную сумму, взамѣнъ хлѣба, который прежде имъ выдавался», жалованье по новой раскладкѣ предписывалось производить только тамъ, гдѣ оно оказалось бы выше стараго, и въ такомъ случаѣ уже отмѣнить сборъ денегъ вмѣсто хлѣба. Эти же правила предписывали въ приказахъ первыхъ двухъ разрядовъ имѣть по два добросовѣстныхъ, а въ приказахъ третьяго разряда и въ отдѣленіяхъ — по одному. Ср. тамже, 2 отд., 5 стола, св. 18, № 529, лл. 66—7.

*) Тамже, 2 отд., 5 стола, св. 19, № 531, л. 498. Изъ новаго порядка опять-таки исключалась Красносельская контора, гдѣ эти старшины «достаточное получаютъ содержаніе». Слѣдуетъ упомянуть еще, что съ заведеніемъ общественныхъ запашекъ головы получали особыя, довольно значительныя, награды за успѣшное ихъ веденіе, въ зависимости отъ размѣровъ урожая.

**) Тамже, 2 отд., 5 стола, св. 19, № 532, л. 534.

***) Тамже, 2 отд., 3 стола, св. 89, № 2553, лл. 245—6.

существенныя и важныя ея черты, поскольку онѣ сохранились въ архивныхъ документахъ. „Положеніе" 1808 г. сильно измѣнило, какъ видѣли мы выше, характеръ приказныхъ властей: оно не разорвало, правда, окончательно ихъ связи съ міромъ, но сильно ослабило во всякомъ случаѣ такую связь, въ то же время введя въ самый приказъ чиновническій элементъ въ лицѣ писаря и болѣе подчинивъ старшинъ приказа власти управляющихъ удѣльными конторами. Позднѣе, съ окончательнымъ устраненіемъ недоимщиковъ отъ участія въ сходахъ, связь между міромъ и выборными его властями приняла еще болѣе односторонній характеръ. Между тѣмъ, хотя съ установленіемъ ревизоровъ, замѣной экспедицій конторами и расширеніемъ штата департамента, контроль его надъ мѣстными учрежденіями по управленію удѣльными имѣніями и усилился, такой контроль все же оказывался недостаточнымъ для предупрежденія случаевъ произвола и злоупотребленій въ сельскомъ управленіи. Бороться съ этимъ зломъ пришлось на первыхъ же порахъ послѣ введенія въ дѣйствіе „Положенія". Въ 1811 г. до свѣдѣнія министра было доведено полиціею, что голова покровскаго приказа пензенской губерніи „употребляетъ крестьянъ для помѣщичьихъ работъ безденежно или за малую плату, отдаетъ общественную землю въ наемъ для своихъ выгодъ, отдаетъ крестьянъ по пристрастію въ рекруты, изнуряетъ ихъ побоями, излишними поборами и взятками", а мѣстный управляющій и его помощникъ покровительствуютъ головѣ и не допускаютъ жалобъ на него со стороны крестьянъ. Произведенное разслѣдованіе вполнѣ подтвердило эти факты и вскрыло подобные имъ въ управленіи другихъ приказовъ, почему министръ удалилъ отъ должностей управляющаго и двухъ чиновниковъ конторы, отдалъ подъ судъ покровскаго голову, а въ другихъ приказахъ велѣлъ произвести разсчетъ въ сборахъ между крестьянами и старшинами, съ тѣмъ, чтобы на старшинъ, уличенныхъ въ пристрастныхъ дѣйствіяхъ, было наложено въ примѣръ другимъ тѣлесное наказаніе, а лишніе поборы покрыты изъ ихъ имущества *). Съ другой стороны, приказныя власти нерѣдко являлись лишь пассивнымъ орудіемъ въ рукахъ ближайшаго своего начальства, безпрекословно исполняя всѣ распоряженія чиновниковъ конторъ, хотя бы такія распоряженія далеко выходили за предѣлы закона. Подобное положеніе создавалось для выборныхъ крестьянскихъ властей тѣмъ легче, что управляющіе конторами даже въ случаѣ обнаруженія явно незаконныхъ дѣйствій своихъ подчиненныхъ пытались порою покрывать послѣднихъ, избавляя ихъ отъ возможнаго преслѣдованія по закону. Яркій эпизодъ такого рода разыгрался въ 1809 г. въ вѣдомствѣ псковской конторы. Въ началѣ января 1809 года въ Островскій

*) Тамже, именныя повелѣнія, 7 октября 1811 г.

нижній земскій судъ поступила жалоба отъ крестьянина удѣльной деревни Баловина Ивана Васильева. Жалобщикъ разсказывалъ, что 3 января „взялъ отца его родного Василія Ермолаева изъ дому въ Грибулевскій приказъ староста Анкудинъ Мартыновъ“, а въ приказѣ пріѣхавшій изъ Пскова удѣльный чиновникъ „онаго отца неизвѣстно за что сѣкъ плетьми и расшибъ голову такъ сильно, что онъ того жь дня и умеръ“. Хотя Иванъ Васильевъ и просилъ приказныхъ властей сообщить объ этой смерти его отца въ земскій судъ, но ему „только сказали, чтобъ скорѣе хоронилъ и помирился“. Выѣхавъ по этой жалобѣ на мѣсто происшествія, земскій судъ осмотрѣлъ тѣло Василія Ермолаева и нашелъ на немъ ясные „боевые знаки“. Вскрывшій трупъ штабъ-лѣкарь далъ заключеніе, что смерть Ермолаева „приключилась отъ убійства“. Начатое земскимъ судомъ слѣдствіе выяснило, что староста Анкудиновъ представилъ въ приказъ Ермолаева „за состоящую на немъ хлѣбную недоимку“. Въ приказѣ Ермолаевъ по распоряженію бухгалтерскаго помощника псковской удѣльной конторы губернскаго секретаря Осипа Якимова былъ высѣченъ розгами, „и сіе наказаніе продолжалось довольное время“; въ ночь, послѣдовавшую за этимъ наказаніемъ, Ермолаевъ умеръ. При дальнѣйшемъ ходѣ слѣдствія земскій судъ наткнулся, однако, на неожиданное препятствіе. Управляющій псковской конторой, получивъ извѣстіе о происшествіи въ д. Грибуляхъ, командировалъ туда стряпчаго Сумцова, который, прибывъ на мѣсто, воспретилъ удѣльнымъ крестьянамъ являться на допросы и пытался даже лишить земскій судъ квартиры, занятой имъ въ домѣ одного изъ крестьянъ. Членамъ земскаго суда пришлось обратиться къ губернатору и просить его вмѣшаться въ дѣло. Съ своей стороны Сумцовъ писалъ управляющему, что, благодаря „наглости Островскаго земскаго суда“, въ Грибуляхъ „мужики съ послушанія вышли, все остановилось, оброкъ не собранъ, недоимка не взыскана и хлѣбъ не перемѣриваютъ“. Въ виду этого стряпчій просилъ управляющаго дать ему „предписаніе о выгнаніи таковыхъ бунтовщиковъ“ или же пріѣхать въ Грибули самому. Управляющій конторой въ свою очередь, недовольствуясь оффиціальными донесеніями по начальству, обратился къ министру Удѣловъ съ особымъ письмомъ, въ которомъ рѣшительно защищалъ дѣйствія своихъ подчиненныхъ и объяснялъ всѣ неблагопріятные толки о происшествіи въ Грибуляхъ исключительно неудовольствіемъ, возбужденнымъ среди многихъ должностныхъ лицъ новымъ учрежденіемъ объ управленіи удѣльными имѣніями. Чрезмѣрно рѣшительныя дѣйствія стряпчаго Сумцова вызвали, однако, протестъ какъ губернатора, такъ и губернскаго прокурора, донесшаго объ этомъ дѣлѣ министру юстиціи. Высшая удѣльная администрація также не признала возможнымъ стать на точку зрѣнія псковского управляющаго, и министръ

Удѣловъ предписалъ ему немедленно уволить отъ службы Якимова и Сумцова и предоставить все дѣло „законному теченію". При этомъ относительно старшинъ Грибулевскаго приказа министръ замѣчалъ, что они, „быть можетъ, ничто иное были, какъ исполнители приказаній Якимова, слѣдовательно, и виновными наравнѣ съ нимъ почитаться не должны". Управляющему конторой предписывалось принять это къ свѣдѣнію и ходатайствовать передъ судомъ о возможномъ смягченіи участи приказныхъ властей, бывшихъ исполнителями экзекуціи, которая повела къ смерти Ермолаева *). Отъ постановленій „Положенія" дѣлались при такихъ условіяхъ на практикѣ немаловажныя отступленія. Въ 1815 г., напр., стряпчій Вологодской конторы показывалъ, что ея управляющій, Бровцынъ, для присутствія при производимыхъ полиціей слѣдствіяхъ, вмѣсто опредѣленныхъ „Положеніемъ" чиновниковъ конторы, командируетъ приказныхъ писарей, и въ томъ числѣ опредѣленнаго имъ въ писаря „канцеляриста Андреева, который, не говоря о его познаніяхъ, имѣетъ 12 или 13 лѣтъ отъ роду". Указанные стряпчимъ факты оказались вполнѣ справедливыми и Бровцынъ оправдывался лишь тѣмъ, что „Андреевъ хотя и дѣйствительно еще молодъ, но, не дѣлая крестьянамъ никакихъ притѣсненій, выходитъ для нихъ не въ тягость по малому окладу получаемаго имъ жалованья и, состоя подъ распоряженіемъ опытныхъ и грамотныхъ засѣдающихъ, исправляетъ должность свою какъ слѣдуетъ"; опредѣленъ же онъ въ писаря потому, что среди крестьянъ способныхъ къ этой должности не нашлось, а посторонняго человѣка за 75 р. жалованья отыскать было невозможно **).

Далеко не всегда, впрочемъ, права крестьянъ были достаточно охранены и въ тѣхъ случаяхъ, когда буква „Положенія" соблюдалась, и депутатами отъ удѣльнаго вѣдомства при производимыхъ уѣздной полиціей слѣдствіяхъ являлись чиновники. Послѣдніе въ свою очередь порою далеко отступали отъ требованій „Положенія" и не только не воздерживали полицію отъ незаконныхъ дѣйствій, но иногда даже служили энергичными пособниками ея въ такого рода дѣйствіяхъ. Какое положеніе создавалось при этомъ для крестьянъ, можно видѣть хотя бы изъ слѣдующихъ двухъ примѣровъ.

Въ 1814 г. дворянскому засѣдателю Весьегонскаго земскаго суда Батюшкову былъ представленъ сидѣльцемъ питейнаго дома въ удѣльномъ селѣ Архангельскомъ „сомнительный" серебряный рубль, и Батюшковъ, вмѣстѣ съ удѣльнымъ чиновникомъ подпоручикомъ Слободскимъ, приступилъ къ слѣдствію. Къ сидѣльцу, какъ оказалось, „сомнительный" рубль попалъ отъ солдатки

*) Арх. Гл. Упр. Уд., 3 отд., 1 ст., по арх. 49, св. 5.
**) Тамже, 3 отд., 1 стола, св. 2, № 14, лл. 9, 11 и 33.

удѣльной деревни Карповской Анны Васильевой, которая получила его отъ неизвѣстнаго ей человѣка на ярмаркѣ. При обыскѣ у Васильевой нашелся и другой „сомнительный“ рубль. Въ виду этого Батюшковъ заподозрилъ ее въ ложномъ показанiи, и примѣнилъ къ ней весьма суровыя мѣры слѣдствiя. Онъ, по словамъ оффицiальнаго акта, „допрашивая ее въ Арханскомъ приказѣ, многократно билъ по щекамъ, потомъ, взявъ ее изъ д. Карповской въ собственное сельцо Засорье, держалъ первоначально трое сутокъ свободною, токмо подъ присмотромъ сотскихъ, потомъ посадилъ въ холодной банѣ въ стулъ съ цѣпью на шеѣ, въ каковомъ положенiи и находилась болѣе шести недѣль и въ теченiе сего времени четыре дня кряду не давали ей ни пищи, ни питiя, отъ чего оная, утомясь голодомъ, сломавъ до половины цѣпь, ушла въ окно для объявленiя о томъ въ какомъ бы то ни случилось присутственномъ мѣстѣ, но, будучи поймана сотскими, также была бита и посажена въ другую цѣпь съ угрозами сѣчь розгами. Недѣли-жъ за двѣ до Рождества Христова просила она по случаю беременности объ освобожденiи ея изъ цѣпей, но на мѣсто стула и двухъ цѣпей, бывшихъ на шеѣ, наложены ей на ноги кандалы, въ коихъ она 25 декабря, въ праздникъ Рождества Христова, разрѣшилась отъ бремени мужескаго пола младенцемъ, который, упавши на кандалы, выбилъ глаза“, а затѣмъ вскорѣ и умеръ. Всѣ эти факты раскрылись, благодаря тому лишь, что Батюшковъ поссорился съ Слободскимъ и подалъ на него жалобу, вызвавшую новое разслѣдованiе дѣла. При этомъ новомъ разслѣдованiи и заподозрѣнные рубли, найденные у Васильевой, оказались настоящими. Батюшковъ былъ преданъ суду уголовной палаты и приговоренъ ею къ отрѣшенiю навсегда отъ права службы государственной и по выборамъ и къ денежному взысканiю въ пользу Васильевой. Послѣднее, впрочемъ, было отмѣнено по просьбѣ самой Васильевой, и въ такомъ видѣ рѣшенiе палаты было утверждено сенатскимъ указомъ 17 декабря 1817 г. Тѣмъ же указомъ было предписано „немедленно предать суду по законамъ удѣльнаго чиновника Слободского, который, какъ изъ дѣла видно, бывши въ удѣльномъ сельскомъ приказѣ, гдѣ содержалась Васильева, не токмо не удерживалъ отъ беззаконныхъ дѣйствiй Батюшкова, но еще самъ, какъ Васильева удостовѣряетъ, съ устращиванiемъ и насилiемъ сдѣлалъ съ ней блудъ“ *).

Въ томъ же 1817 году, когда разбиралось сенатомъ это дѣло, Тамбовской удѣльной конторой былъ командированъ въ города Спасскъ, Елатомъ и Темниковъ губ. секр. Мухинъ для составленiя сообща съ уѣздными предводителями дворянства и земскими судами росписанiя земскихъ повинностей. Въ Темни-

*) Архивъ Гл. Упр. Уд. оп. 10, отд. 3, ст. 1, по арх. 59, св. 5.

ковѣ онъ принялъ участіе въ возбужденномъ мѣстной полиціей дѣлѣ по обвиненію удѣльныхъ крестьянъ Капитона и Василія Ивановыхъ въ убійствѣ двухъ человѣкъ, донеся объ этомъ конторѣ лишь тогда, когда слѣдствіе было уже закончено и обвиняемые крестьяне посажены въ тюрьму. Управляющій конторой, въ виду такого нарушенія правилъ, предписывавшихъ представлять о командируемыхъ къ слѣдствію чиновникахъ на утвержденіе департамента, не рѣшился вообще донести департаменту о данномъ дѣлѣ и сдѣлалъ лишь выговоръ Мухину. Но дѣло дошло до свѣдѣнія департамента другимъ путемъ, черезъ губернатора, который призналъ все обвиненіе противъ названныхъ крестьянъ вымышленнымъ въ интересахъ наживы. „При ревизіи мною въ уѣздномъ городѣ Темниковѣ присутственныхъ мѣстъ,— писалъ губернаторъ министру Удѣловъ,—нашелъ я въ тамошней тюрьмѣ 5 человѣкъ несчастныхъ, содержщихся подъ предлогомъ убійцъ неизвѣстныхъ двухъ человѣкъ, по разсмотрѣніи о коихъ мною слѣдствія не только виновными ихъ не можно было почитать, но и къ самому подозрѣнію слѣдовъ не было, тѣмъ наипаче, что ни тѣлъ якобы убитыхъ нигдѣ найдено не было, ниже слуху каковаго, что кто-либо гдѣ былъ убитъ, не существовало. Почему тотчасъ сіи изнурявшіеся люди по приказанію моему были освобождены, а по слѣдствію, тогда же учиненному, обнаружилось, что симъ несчастнымъ чинены были при допросахъ разнаго рода истязанія и все, судя по богатству изъ нихъ двухъ удѣльныхъ крестьянъ деревни Такушевой, Капитона и Василія Ивановыхъ, и трехъ ихъ ближайшихъ родственниковъ, изъ однихъ видовъ корыстолюбія“. Губернское правленіе, разсмотрѣвъ по приказанію губернатора это дѣло, нашло, что уѣздная полиція не только возбудила обвиненіе и брала людей подъ стражу по однимъ лишь слухамъ, но и сама создавала такіе слухи, побуждая свидѣтелей къ ложнымъ доносамъ и записывая несуществовавшія показанія. Обвиняемые содержались въ тюрьмѣ въ кандалахъ и наручняхъ и на допросахъ подвергались жестокимъ пыткамъ и истязаніямъ, благодаря которымъ нѣкоторые изъ нихъ оказались изувѣченными. Мухинъ же не только не защищалъ крестьянъ и не доносилъ своему начальству, но „употребилъ еще себя орудіемъ извлекать для суда и для себя во взятокъ деньги“. Въ виду этого губернское правленіе рѣшило предать суду всѣхъ членовъ земскаго суда, исключая лишь крестьянскаго засѣдателя, съ котораго, въ виду его непросвѣщенія и подчиненности исправнику, постановлено было взять только 50 р. штрафу въ приказъ общественнаго призрѣнія. Послѣ того, управляющій тамбовской конторой отрѣшилъ Мухина отъ должности и это распоряженіе было утверждено департаментомъ для преданія Мухина суду *).

*) Тамже, 3 отд., 1 ст., по арх. 57, св. 5.

Не особенно значительными оказывались права крестьянскаго населенія на практикѣ и въ другомъ отношеніи. Обнаруженіе злоупотребленій приказныхъ старшинъ передъ центральной администраціей давалось крестьянамъ лишь съ большимъ трудомъ и требовало отъ нихъ подчасъ не мало жертвъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда въ такихъ злоупотребленіяхъ было замѣшано и мѣстное начальство. Для характеристики той обстановки, какая вызывала подобныя жертвы, позволимъ себѣ привести одинъ конкретный примѣръ. Въ 1824 г. управляющій Вологодской конторой Готовцевъ сообщалъ департаменту, что крестьяне Спасскаго приказа подали ему жалобу на своихъ приказныхъ старшинъ. Послѣдніе, по словамъ жалобщиковъ, съ 1817 по 1823 годъ взимали съ нихъ незаконные сборы по 70 к. съ души на постройку сборной избы, на устройство при деревняхъ столбовъ съ обозначеніемъ названія деревни и количества населенія и на уплату штрафа за непредставленіе въ срокъ вѣдомостей о запасныхъ магазинахъ; въ виду этого жалобщики просили произвести учетъ старшинъ и выборныхъ за всѣ означенные годы. Такъ какъ на указанные сборы имѣлись мірскіе приговоры, то управляющій съ своей стороны признавалъ всѣ эти сборы законными; учетъ же выборныхъ за прошлые годы онъ считалъ ненужнымъ и невозможнымъ въ виду безграмотности выборныхъ и того, что они, получивъ въ свое время учетныя квитанціи, могли не сохранить никакихъ счетовъ и записокъ. Департаментъ согласился съ рѣшеніемъ управляющаго, за исключеніемъ, однако же, переноса полагавшагося со старшинъ штрафа за недоставленіе вѣдомостей о хлѣбныхъ магазинахъ на крестьянъ, и предписалъ собранныя для уплаты этого штрафа деньги зачислить крестьянамъ въ мірскіе сборы. Между тѣмъ управляющій въ своемъ донесеніи указывалъ и зачинщиковъ неудовольствія среди крестьянъ, въ лицѣ „буйнаго сочинителя“ просьбы, крестьянина Дмитрія Гамиловскаго и его брата Гаврила, которые были вытребованы въ контору, но вмѣсто явки въ нее скрылись. Департаментъ распорядился о розыскѣ Гамиловскихъ, и они были задержаны полиціей въ Петербургѣ, но лишь послѣ того, какъ имъ удалось подать жалобу лично государю. Почти одновременно крестьяне Шевденицкаго приказа жаловались, также чрезъ своихъ довѣренныхъ ходоковъ, министру Удѣловъ, что и у нихъ уже нѣсколько лѣтъ установлены незаконные сборы, доходящіе до 16 р. съ души, „каковыя тяжести несли они съ крайнимъ стѣсненіемъ, и оныя увеличиваются не отъ чего другого, какъ только отъ настойчивости приказныхъ старшинъ, которые каждый порознь и всѣ вообще при дѣлаемыхъ раскладкахъ принуждаютъ крестьянъ ихъ мірскими приговорами на сборъ денегъ, а для сокрытія злоупотребленія сего старшины вынужденно отбираютъ учетныя письма и подписки, якобы

излишнихъ сборовъ не было, и куда таковое немалое количество денегъ собирается, крестьянамъ неизвѣстно"; просители, по ихъ словамъ, жаловались управляющему, но послѣдній не обратилъ на ихъ жалобу никакого вниманія. Запрошенный по этому поводу департаментомъ, Готовцевъ отвѣтилъ, что не хотѣлъ производить слѣдствіе въ рабочее время и отвлекать крестьянъ отъ полевыхъ работъ, такъ какъ это могло бы повести къ ихъ раззоренію. Тѣмъ временемъ вслѣдствіе жалобъ, поданныхъ государю, разслѣдованіе по данному дѣлу было поручено сперва мѣстному генералъ-губернатору, а затѣмъ спеціально посланному съ этой цѣлью сенатору Горголію. Поставленное такимъ образомъ разслѣдованіе дало неожиданные результаты. Оказалось именно, что въ незаконныхъ сборахъ съ крестьянъ Шевденицкаго и Спасскаго приказовъ принимала самое дѣятельное участіе Вологодская контора, на нужды которой, въ видѣ снабженія чиновниковъ деньгами и припасами, эти сборы главнымъ образомъ и взимались. Бывшему до Готовцева управляющему, Егорову, мірскими властями было переплачено 14.212 р. 63 к., самому Готовцеву – 5.582 р. 96 к. и ему же однимъ головою Шевденицкаго приказа при сдачѣ 15 рекрутъ въ 1824 г.—3.000 р. Помощникамъ управляющаго при сдачѣ рекрутъ платилось по 200 р. за каждаго; сверхъ того, одному изъ этихъ помощниковъ было дано 342 р. 60 к., другому — около 3.200 р., да для управляющаго Егорова 11.061 р. 25 к. Столоначальники, ихъ помощники, словомъ, почти всѣ чиновники конторы оказались замѣшанными въ дѣлежѣ бравшихся съ крестьянъ поборовъ. Между тѣмъ первый жалобщикъ, Дм. Гамиловскій, два года до разслѣдованія дѣла провелъ въ тюрьмахъ и уголовная палата рѣшила было за неповиновеніе властямъ отправить его въ ссылку, но вологодскій вице-губернаторъ предложилъ, въ виду дознанной справедливости доноса Гамиловскаго, освободить отъ наказанія какъ его, такъ и его „сообщниковъ" по жалобѣ, съ чѣмъ согласился и Сенатъ *).

Частыя злоупотребленія сельскихъ властей, особенно проявлявшіяся въ незаконныхъ поборахъ и въ растратахъ, вызвали, наконецъ, мысль о прекращеніи ихъ путемъ усиленія наказаній за подобныя преступленія. Въ 1827 г. департаментъ, разбирая дѣло о растратѣ общественныхъ суммъ нѣкоторыми старшинами вѣдомства Костромской конторы, рѣшилъ, съ утвержденія министра, виновныхъ отдать въ рекруты, а въ случаѣ негодности къ военной службѣ сослать на поселеніе, растраченныя же деньги взыскать съ избравшихъ ихъ обществъ „въ наказаніе за неосторожность въ избраніи неблагонадежныхъ крестьянъ" и „за невыполненіе той обязанности, которую мірскія общества имѣли,

*) Тамже, 3 отд., 1 ст., св. 2, № 15; ср. св. 11, № 204.

наблюдая за дѣйствіями ихъ, требовать отъ нихъ отчетовъ и дѣлать онымъ надлежащія повѣрки"; объ этой мѣрѣ департаментъ оповѣстилъ крестьянъ удѣльныхъ имѣній, какъ объ имѣющей примѣняться и впредь. Въ томъ же году открыты были противозаконные сборы денегъ съ крестьянъ старшинами нижегородскаго имѣнія, и виновные были преданы суду, но не успѣлъ еще окончиться послѣдній, какъ въ слѣдующемъ году обнаружились подобныя преступленія въ трехъ приказахъ того же имѣнія. На этотъ разъ министръ, находя, что „судъ, сопровождаемый своими формами, отдалитъ на долгое время заслуженное ими наказаніе, тогда какъ въ примѣръ прочимъ необходимо строгое и безотлагательное возмездіе", испросилъ согласіе государя „виновнѣйшихъ изъ нихъ",—одного голову, двухъ старостъ и писаря, — не предавая суду, отдать въ рекруты или, при неспособности къ военной службѣ, сослать въ Сибирь на поселеніе *).

Въ надеждѣ, вѣроятно, положить конецъ безпрестаннымъ жалобамъ на приказныхъ старшинъ и требованіямъ ихъ учета со стороны крестьянъ, департаментъ Удѣловъ еще въ 1825 г. истолковалъ относившійся собственно къ казеннымъ имѣніямъ указъ 9 мая 1805 г., какъ не позволяющій требовать и отъ удѣльныхъ головъ и приказныхъ старшинъ отчета за прошлые годы. 8 января 1828 г. это дѣйствіе департамента, по докладу Сената, было признано Высочайшимъ указомъ незаконнымъ, и члены департамента Крейтеръ и Шишовъ, равно какъ начальникъ отдѣленія Окуневъ, уволены, а соотвѣтствующій циркуляръ департамента отмѣненъ **). Въ томъ же 1828 г. въ одиннадцати конторахъ были обнаружены крупныя злоупотребленія въ области сельскаго управленія. Не пересказывая подробно этихъ злоупотребленій, мы укажемъ только болѣе характерныя и общія ихъ черты. Вологодскій управляющій въ своемъ отчетѣ по имѣнію за 1828 г. указывалъ на плохое исполненіе сельскими выборными своихъ обязанностей и даже на незнаніе ими послѣднихъ. Въ Вятской конторѣ приказный голова Байдинъ и писарь Шестаковъ обвинялись крестьянами и были уличены въ томъ, что принуждали общество сдать подрядъ на ямскую гоньбу по непомѣрно высокой цѣнѣ, являясь сами подрядчиками, и выбирали на различныя общественныя должности большее число лицъ противъ того, какое требовалось и было назначено обществомъ, а затѣмъ лишнихъ освобождали отъ службы за деньги. Саратовскій управляющій нашелъ въ одномъ изъ подчиненныхъ ему приказовъ (Юловскомъ) давно практиковавшійся сборъ съ крестьянъ по 80 к. съ души на прибавочное жалованье головѣ, засѣдателямъ и писарю, въ одномъ

*) Тамже, 2 отд., 5 стола, св. 18, № 528, л. 465; тамже, именныя повелѣнія, 11 августа 1828 г.

**) Тамже, 3 отд., 1 стола, св. 5, № 66, л. 5.

изъ отдѣленій (Богородскомъ) практиковались подобные же незаконные поборы и крестьяне не были допущены къ торгамъ на содержаніе лошадей при приказѣ, и т. п. Дѣйствія мірскихъ сходовъ при отбываніи рекрутской повинности, при провѣркѣ Саратовскимъ управляющимъ, оказались произвольными и несправедливыми, такъ какъ крестьяне усвоили здѣсь порядокъ сдачи рекрутъ сперва изъ семействъ съ меньшимъ числомъ годныхъ мужчинъ, т. е. „двойниковъ прежде тройниковъ и даже четверниковъ". Здѣсь такимъ образомъ власть управляющаго ограничила произволъ схода надъ менѣе зажиточною частью крестьянскаго общества, но гораздо чаще эта власть играла въ практикѣ сельскаго управленія совершенно другую роль *). Иного рода дѣло возникло въ томъ же году въ вѣдомствѣ Костромской конторы. Здѣсь при сборѣ недоимокъ спеціально командированнымъ для этой цѣли чиновникомъ конторы Семеновымъ въ д. Ручьѣ Махловскаго приказа была высѣчена беременная крестьянка Анна Семенова, которая на другой день послѣ наказанія и выкинула мертваго ребенка. При разслѣдованіи этого происшествія полиціей Соколовъ, „въ сѣченіи женки Соколовой не запираясь нимало, показывалъ, что сѣчена она была бывшимъ при немъ ямщикомъ деревни Махлова крестьяниномъ Дмитріемъ Федоровымъ по настоянію старшины д. Ручья Андреяна Михайлова за неисправный платежъ податей". Съ своей стороны ревизовавшая полицейское

*) Архивъ Гл. Упр. Уд., отчеты конторъ Вологодской, Вятской, Саратовской, Тамбовской, Нижегородской, Московской, Орловской и Воронежской за 1828 г.; тамже, именныя повелѣнія, отъ 19 авг. 1828 г. Въ Московской конторѣ злоупотребленія производились въ теченіе цѣлыхъ пяти лѣтъ, за время существованія управляющаго Егорова, когда, по словамъ доклада министра Государю, «съ крестьянъ производились беззаконные и отяготительные сборы, преимущественно на подарки Егорову, который, нагло требуя оныхъ, говорилъ, что занимаемое имъ мѣсто стоитъ ему болѣе 30.000 р.». «Сверхъ того дѣлались отъ крестьянъ лично или чрезъ сельскихъ начальниковъ особыя приношенія Егорову и прочимъ удѣльнымъ чиновникамъ, ибо безъ подарковъ никакая просьба, по частному или общественному дѣлу, никогда не была уважаема и не получала удовлетворенія». Назначенное еще въ 1825 г. слѣдствіе, производившееся членомъ департамента Шишовымъ, было чисто формальнымъ и не привело ни къ какимъ результатамъ, такъ какъ Шишовъ «удостовѣрилъ министра, что беззаконныхъ сборовъ и злоупотребленій со стороны удѣльныхъ чиновниковъ не происходило, между тѣмъ какъ лихоимство доведено было тамъ до высшей степени». Самъ Шишовъ былъ заподозрѣнъ во взяткахъ съ Егорова и находился въ «предосудительной перепискѣ» съ нимъ, какую вели съ послѣднимъ и еще нѣкоторые члены департамента, въ данное время уже умершіе или выбывшіе со службы. Новое слѣдствіе, производившееся жандармскимъ генералъ-майоромъ Волковымъ, раскрыло какъ указанные факты, такъ и то, что «крестьяне, страдая отъ корыстолюбія чиновниковъ, были сверхъ того отягощаемы взятками какъ со стороны головъ и волостныхъ писарей, такъ равно и со стороны чиновниковъ вѣдомства военнаго, губернскаго и лѣснаго, имѣвшихъ вліяніе на нихъ по дѣламъ». Высочайшимъ повелѣніемъ 19 августа 1828 г. Шишовъ, Егоровъ и другіе обвиняемые чиновники были преданы уголовному суду.

слѣдствіе уголовная палата нашла, что „хотя оные кучеръ и старшина и оправдываются, первый тѣмъ, что онъ сѣкъ ту Семенову по приказанію Соколова, а послѣдній, что онъ о наказаніи ея никакого настоянія не дѣлалъ, но сіи оправданія никакого не заслуживаютъ вниманія, ибо ямщикъ передъ наказаніемъ могъ видѣть ея беременность и не долженъ былъ въ такомъ беззаконномъ дѣлѣ Соколова слушаться, а старшина, если не дѣлалъ о наказаніи женки Семеновой настоянія, то, бывши старшиною и живши съ нею въ одной деревнѣ, безъ сомнѣнія зналъ и знать долженъ, что она беременна, да и самое наказаніе въ дому и въ виду его происходило, то онъ обязанъ былъ сказать о томъ Соколову, но имъ того не учинено". Поэтому палата рѣшила „обоихъ ихъ, ямщика Федорова и старшину Михайлова, наказать при вотчинѣ чрезъ полицейскихъ служителей плетьми, давъ по 30 ударовъ, и по наказаніи оставить въ вотчинѣ", а чиновника Соколова за нарушеніе должности предать суду. Управляющій конторой, признавая это рѣшеніе справедливымъ, отрѣшилъ Соколова отъ должности и „препроводилъ къ поступленію съ нимъ по законамъ въ уголовную палату" *).

Отдѣльные случаи злоупотребленій вызывали и общія мѣры со стороны центральнаго управленія. Ревизія, произведенная въ орловскомъ имѣніи, вскрыла въ одномъ изъ его приказовъ такіе порядки, при которыхъ отъ мірскаго самоуправленія оставалась одна только форма, тогда какъ въ дѣйствительной жизни царилъ грубый произволъ должностныхъ лицъ. Мѣстный голова за 22 года своего пребыванія въ этой должности „избиралъ засѣдателей и сельскихъ старшинъ по своему произволу, управлялъ крестьянами самовластно, употребляя ихъ въ свои работы и собирая съ нихъ, что хотѣлъ; однако жъ, будучи остороженъ, старался брать деньги безъ свидѣтелей"; другіе старшины приказа помогали головѣ въ его дѣйствіяхъ. Хотя до ста отдѣльныхъ крестьянъ и цѣлыя крестьянскія общества заявляли объ этомъ, однако министръ не рѣшался отдать виновныхъ подъ судъ, опасаясь, что „судъ не только отдалитъ на долгое время заслуженное ими наказаніе, но, можетъ быть, и совершенно освободитъ ихъ отъ онаго, единственно потому, что не было свидѣтелей при отдачѣ имъ денегъ". Поэтому министръ испрашивалъ разрѣшенія государя отдать виновныхъ безъ суда въ рекруты, а при негодности сослать на поселеніе, и впредь примѣнять такую же мѣру. Государь далъ согласіе на это, съ замѣною лишь ссылки на поселеніе отсылкою въ крѣпостныя рабочія команды *). Въ томъ же году, по поводу открывшихся въ Архангельской конторѣ

*) Архивъ Гл. Упр. Уд., 3 отд., 1 ст. по арх. 28, св. 3, лл. 1—3.

**) Архивъ Гл. Упр. Уд., именныя повелѣнія, 30 октября 1828 г.; ср. 2 отд., 5 стола, св. 18. № 528, лл. 690—1.

приношеній управляющему Назимову, ради которыхъ крестьяне облагались сборомъ отъ 40 до 50 к. съ души и которыя совершались „не принужденно, а по доброй волѣ крестьянъ и введенному у нихъ изстари обыкновенію“, департаментъ издалъ циркуляръ, въ которомъ, ссылаясь на сенатскіе указы 10 марта 1812 г. и 11 октября 1821 г., воспрещалъ на будущее время принятіе всякихъ подобныхъ приношеній отъ крестьянъ. Дѣло же о Назимовѣ было передано на „разсмотрѣніе по законамъ“ въ Архангельскомъ губернскомъ правленіи. Почти одновременно принята была департаментомъ и другая мѣра: въ виду волненій крестьянъ въ Качкинскомъ приказѣ Вятской и Писковскомъ приказѣ Смоленской конторъ онъ распорядился, чтобы управляющіе впредь непремѣнно ранѣе губернской администраціи доставляли въ Петербургъ свѣдѣнія о волненіяхъ среди удѣльныхъ крестьянъ; съ другой стороны, такъ какъ „изъ многихъ слѣдствій о неповиновеніи и возмущеніи крестьянъ въ удѣльныхъ имѣніяхъ замѣчено, что всегда тому причиною нѣкоторые безпокойные крестьяне, имѣющіе на прочихъ вредное вліяніе, или такіе, которые, вопреки постановленій, принимая на себя званіе повѣренныхъ изъ корысти, употребляютъ во зло ихъ невѣжество“, то управляющіе обязывались имѣть такихъ крестьянъ на замѣчаніи и вести имъ особый списокъ, а сельскому начальству поручить „неослабно за ними наблюдать“; наконецъ, управляющіе должны были при первомъ извѣстіи о волненіи отправляться на мѣсто происшествія и стараться „благоразумными распоряженіями и рѣшительными мѣрами упреждать всякое безпокойство при самомъ его началѣ“ *).

Новый путь, на который было поставлено сельское управленіе реформой 1808 г., не оправдалъ такимъ образомъ возлагавшихся на него ожиданій и въ итогѣ двадцатилѣтняго опыта оказался не особенно ровнымъ и гладкимъ. Ограниченія, наложенныя на крестьянское самоуправленіе, не ослабили недостатковъ, замѣченныхъ въ его ходѣ, а скорѣе усилили ихъ, и департаментъ, въ своихъ заботахъ сгладить сказывавшіяся въ ходѣ сельскаго управленія неправильности и шероховатости, вынужденъ былъ прибѣгать все къ болѣе сильнымъ мѣрамъ репрессіи по отношенію къ приказнымъ властямъ и къ попыткѣ установить надзоръ за недовольными элементами среди крестьянскихъ обществъ; такой надзоръ могъ, конечно, содѣйствовать подавленію недовольства, но нимало не способствовалъ устраненію тѣхъ недостатковъ управленія, которые были одною изъ причинъ, вызывавшихъ недовольство. Что касается попытокъ исправить подобные недостатки путемъ закрытія отдѣльныхъ источниковъ злоупотребленій и строгихъ взысканій какъ съ сельскихъ вла-

*) Тамже, 2 отд., 5 стола, св. 18, № 528, лл. 632 и 643.

стей, такъ и съ стоявшихъ надъ ними управляющихъ, то онѣ и послѣ 1828 г. въ немаломъ количествѣ дѣлались департаментомъ, то въ отдѣльныхъ случаяхъ, то въ видѣ общихъ мѣръ. Въ 1832 г. департаментъ повторилъ въ общей формѣ распоряженіе, сдѣланное имъ еще въ 1827 г. относительно наказанія за растрату общественныхъ суммъ и способа пополненія послѣднихъ. Циркуляръ 16 октября 1833 г. воспретилъ сборы съ крестьянъ натурою на мірскіе расходы въ виду ихъ неуравнительности и возможныхъ при нихъ злоупотребленій. Послѣдній мотивъ вызвалъ еще другой циркуляръ 2 ноября 1833 г., которымъ запрещались сборы съ крестьянъ въ видѣ пожертвованій на разныя общественныя надобности, такъ какъ до свѣдѣнія департамента дошло, что „оные не всегда бываютъ добровольны, но часто сопровождаются неумѣстною настойчивостью и принужденіемъ“ *). Дѣйствіе мірскихъ сходовъ и составляемые на нихъ приговоры также привлекали къ себѣ вниманіе департамента и ему же приходилось обращать на нихъ вниманіе управляющихъ. По словамъ циркуляра 31 августа 1834 г., въ департаментѣ было „замѣчено, что сборы на общественныя надобности назначаются часто слишкомъ въ увеличенномъ количествѣ и очевидно несоразмѣрно съ дѣйствительною потребностію, а иногда даже на такіе предметы, на кои вовсе не слѣдуетъ дѣлать сборовъ, напр., на жалованье вторымъ помощникамъ писарей въ приказахъ, на печеніе просфоръ въ приходскихъ церквахъ и т. п.“; управляющимъ ставилась на видъ необходимость болѣе внимательнаго отношенія къ „предмету, по существу своему столь важному“, какъ мірскіе сборы. Въ слѣдующемъ году департаменту пришлось констатировать тотъ фактъ, что управляющіе въ своихъ отчетахъ „ограничиваются большею частію общими выраженіями, нисколько не удовлетворительными, или свѣдѣніями, столь краткими, что изъ оныхъ нельзя вывести никакого положительнаго заключенія“. Департаментъ пытался также своими распоряженіями возбудить положительную дѣятельность со стороны мѣстнаго управленія и, когда, напр., въ 1838 г. ревизовавшій костромское имѣніе чиновникъ Рудневъ нашелъ у крестьянъ „нѣкоторый родъ недовѣрія ко всѣмъ вновь вводимымъ благодѣтельнымъ мѣрамъ высшаго удѣльнаго начальства“, департаментъ, по предложенію Руднева, предписалъ управляющимъ, не ограничиваясь приказаніями крестьянамъ, объяснять имъ на сходкахъ цѣль и существо нововведеній **). Въ 1840 г. при обнаруженіи случая безплатной работы крестьянъ одного приказа на голову по наряду сельскими выборными министръ распорядился запретить подобныя

---

*) Тамже, св. 18, № 529, л. 424; тамже, св. 51, № 2226, лл. 57 и 58.

**) Тамже, св. 18, № 530, л. 74; тамже, св. 51, № 2226, л. 129; тамже, 1 отд. 4 стола, св. 9, № 385 и 2 отд., 5 стола, св. 19, № 531, л. 77.

злоупотребленія подъ угрозой, что „виновные не только подвергнутся взысканію въ пользу крестьянъ полной платы за работу, но по отрѣшеніи отъ должностей будутъ преданы суду; равномѣрно не останутся безъ наказанія и тѣ сельскіе выборные, которые осмѣлятся наряжать крестьянъ въ частныя работы по требованію приказныхъ старшинъ" *). Съ введеніемъ въ удѣльныхъ имѣніяхъ общественной запашки появился еще новый видъ злоупотребленій въ видѣ растратъ общественнаго хлѣба смотрителями запашки и приказными властями, самовольной продажи его, наложенія на крестьянъ излишнихъ работъ по запашкѣ полей и перевозкѣ проданнаго хлѣба и т. п., и департаментъ до самаго конца 50-хъ годовъ боролся съ этими злоупотребленіями, устанавливая наказанія за растраты, не разрѣшая безплатной перевозки проданнаго хлѣба далѣе 30 верстъ, воспрещая самоуправство смотрителей надъ крестьянами и т. д. **).

Эти и подобныя имъ постановленія указывали на стремленіе центральнаго учрежденія поправить ходъ разлаживавшагося сельскаго управленія, но въ нихъ же отчасти сказались и причины малой успѣшности такихъ заботъ. Вынужденный ограничивать свой контроль надъ мѣстными учрежденіями по преимуществу бумажнымъ дѣлопроизводствомъ, департаментъ часто по необходимости сводилъ этотъ контроль на соблюденіе формы и, знакомясь съ реальной практикой управленія лишь въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, каралъ отдѣльныя злоупотребленія, мало воздѣйствуя или не воздѣйствуя вовсе на ихъ общія причины. Уже одно частое повтореніе однихъ и тѣхъ же предписаній и наставленій само по себѣ достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, что ихъ содержаніе мало и плохо прививалось къ жизни и порядки послѣдней оставались довольно однообразными. Отношенія, установившіяся между крестьянскимъ міромъ и приказными властями, съ одной стороны, и этими послѣдними и чиновниками конторъ— съ другой, не подвергались въ дальнѣйшемъ періодѣ никакимъ существеннымъ перемѣнамъ и результаты этихъ отношеній тоже продолжали существовать въ неизмѣнномъ почти видѣ. Мы уже видѣли, что и въ 40-хъ годахъ встрѣчались случаи безплатной работы крестьянъ на приказныхъ старшинъ. Лихоимство и незаконное пользованіе мірскими суммами равнымъ образомъ не составляли очень исключительнаго явленія въ средѣ послѣднихъ.

*) Тамже, 2 отд., 5 стола, св. 19, № 531, л. 417.

**) Тамже, 2 отд., 3 стола, св. 89, № 2553, лл. 189, 212; № 2254, лл. 69 и 72; № 2553, л. 217. Циркуляръ вице-президента Департамента Удѣловъ отъ 18 сент. 1837 г. свидѣтельствовалъ о практиковавшемся въ вѣдомствѣ нѣкоторыхъ конторъ «важномъ злоупотребленіи, а именно: вмѣсто того, чтобы продавать излишки общественнаго хлѣба вольнымъ покупателямъ, раздаютъ оные крестьянамъ противъ ихъ желанія по цѣнамъ, назначаемымъ отъ самыхъ приказовъ». Тамже, 2 отд., 5 стола, св. 18, № 530, л. 597.

Ревизуя въ 1829 г. воронежское имѣніе, вице-президентъ департамента нашелъ, между прочимъ, что въ Бобровскомъ приказѣ изъ 5 троекъ лошадей, содержавшихся обществомъ, двѣ находились въ постоянномъ пользованіи писаря и его семьи. Въ 1842 г. одинъ изъ головъ тверскаго имѣнія подвергъ крестьянина собственною властью семидневному аресту, и незаконность такого распоряженія была разъяснена уже департаментомъ. Въ Бургскомъ приказѣ новгородскаго имѣнія голова въ 1852 г. былъ былъ уличенъ въ цѣломъ рядѣ злоупотребленій: онъ, участвуя черезъ подставныхъ лицъ, сыновей и родственниковъ, въ содержаніи ямской гоньбы, устранялъ отъ подряда всѣхъ конкуррентовъ и повышалъ цѣны далеко противъ нормы, держалъ на счетъ общества особаго разсыльнаго и, для сбереженія своихъ лошадей, наряжалъ на гоньбу крестьянскихъ; онъ же самъ составилъ якобы мірской приговоръ о пособіи своему родственнику, отдавалъ безъ вѣдома начальства въ содержаніе оброчныя статьи и расходовалъ деньги безъ приговоровъ общества; онъ, наконецъ, утаилъ часть лѣса, назначеннаго для училища, а учителемъ опредѣлилъ своего сына, человѣка не трезваго и буйнаго. Подложные мірскіе приговоры, составленные писарями безъ крестьянъ, были найдены въ 1860 г. въ нѣсколькихъ приказахъ *). Старыя формы злоупотребленій дожили такимъ образомъ до самаго конца пятидесятыхъ годовъ, и на основаніи сохранившихся судебныхъ дѣлъ и отчетовъ, представлявшихся управляющими конторами, можно, кажется, сказать, что и число ихъ съ теченіемъ времени не уменьшалось особенно замѣтно.

Не приводя болѣе такихъ отдѣльныхъ примѣровъ подобныхъ злоупотребленій со стороны приказныхъ старшинъ и писарей, которые свидѣтельствовали бы о недостаткахъ въ дѣйствовавшемъ механизмѣ сельскаго управленія, мы ограничимся указаніемъ нѣкоторыхъ цифръ, сюда относящихся, взявъ ихъ изъ послѣдняго пятнадцатилѣтія существованія даннаго управленія. За 1846 годъ такія крупныя сравнительно преступленія, какъ растрата старшинами мірскихъ денегъ и хлѣба, собраннаго въ запасные магазины, какъ назначеніе незаконныхъ поборовъ на крестьянъ и принужденіе послѣднихъ къ работамъ на властей приказа, наконецъ, какъ составленіе подложныхъ мірскихъ приговоровъ, безъ дѣйствительнаго участія въ нихъ общества, открыты были управляющими въ шести конторахъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ подобныя открытія были сдѣланы по нѣсколькимъ приказамъ. Въ 1850 г. управляющіе восьми конторъ доносили въ своихъ отчетахъ объ обнаруженіи такихъ злоупотребленій, при чемъ во Владимірской и Симбирской конторахъ было по семи такихъ

*) Тамже, св. 18, № 529, л. 113; тамже, св. 19, № 532, л. 254; тамже, св. 52, № 2230, л. 56; св. 55, № 2270, л. 14.

случаевъ, въ Московской—4. Въ 1856 г. опять восьми управляющимъ пришлось сообщать о случаяхъ такого рода. Если прибавить, что при обнаруженіи злоупотребленій обыкновенно открывалось и то, что они практиковались въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, если присоединить къ указаннымъ случаямъ еще такіе, когда главными отвѣтственными лицами передъ судомъ являлись управляющіе и чиновники конторъ, а приказныя власти лишь выполняли ихъ распоряженія, то сказанное выше относительно малаго вліянія принимавшихся департаментомъ мѣръ не будетъ казаться преувеличеніемъ. Общіе недостатки въ системѣ сельскаго управленія и вытекавшій изъ нихъ, какъ частое, если не обычное явленіе, антагонизмъ крестьянскаго міра и его приказныхъ властей ярко сказывались въ моменты недовольства, овладѣвавшаго массой, въ моменты крестьянскихъ волненій. Подъ конецъ 50-хъ годовъ сознаніе этихъ недостатковъ начало становиться все сильнѣе и на высшихъ ступеняхъ администраціи. Отъ частныхъ мѣръ по поводу отдѣльныхъ случаевъ, отъ запрещеній и наказаній, медленно и осторожно начали подходить къ измѣненіямъ въ порядкахъ сельскаго управленія, къ сокращенію его должностныхъ лицъ, къ уменьшенію бумажнаго дѣлопроизводства, слишкомъ часто сводившагося на безплодную переписку, и т. п. Эти мѣры, впрочемъ, скоро были захвачены болѣе широкимъ реформаторскимъ движеніемъ 1858—1863 гг., которое уже не входитъ въ рамки настоящаго очерка.

В. Мякотинъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*)

*
* *

(Посвящ. В. Ст—му).

Наше прошлое свѣтло,
Но оно не возвратится...
Ахъ, какъ часто, часто снится
То, что было, но прошло!
Да, прошло... Но лучезарной,
Яркой свѣтитъ полосой
Въ жизни мелочной, угарной
И мучительно пустой.
Въ дикой битвѣ съ злой нуждою
Чахнетъ тѣло, гаснетъ умъ...
Сны отравлены тоскою,
Роемъ злыхъ и черныхъ думъ!
Тяжело!.. О, гдѣ-жъ взять силы,
Поддержать и духъ, и страсть,—
Презирая рокъ постылый,
Не согнуться и не пасть?!
Гдѣ?—Да въ прошломъ, другъ мой милый!
. . . .
Оглянись: ты тамъ увидишь
Души чудной красоты,—
Зло сильнѣй возненавидишь,
Свѣтъ сильнѣй полюбишь ты.
Ихъ дѣла и ихъ страданья,
Стойкость, вѣра и любовь
Въ сердцѣ скорбномъ упованья
Юныхъ дней пробудятъ вновь.
Братъ и другъ! Коль гнетъ страданій
Слишкомъ тяжекъ,—убѣгай
Въ свѣтлый міръ воспоминаній,
Въ добромъ прошломъ отдыхай!

С. Синегубъ.

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧЪ.

Изъ старой записной тетради.

I.

Я родился баричемъ.

Хотя мой прадѣдъ былъ простымъ мужикомъ и пахалъ землю, но отецъ—уже сынъ купца — былъ откупщикомъ и жилъ на широкую ногу, подражая во всемъ складѣ жизни помѣстному дворянству. А съ начала 60-хъ годовъ, когда, послѣ освобожденія крестьянъ, старыя помѣщичьи дворни разбрелись во всѣ стороны и стали поступать по вольному найму къ богатому купечеству, нашъ домъ былъ поставленъ, съ внѣшней стороны, еще болѣе на барскую ногу. Мы — купцы—шли на смѣну дворянству, а сущность вещей оставалась неизмѣнной. Le roi est mort, vive le roi! Завелись у насъ дорогіе повара и поварята, камердинеры съ бакенбардами, попугаи и медвѣжата, казачки, два карлика, — не доставало только арапки. О „бѣлыхъ невольницахъ“ и не вспоминаю.

Не было у насъ, впрочемъ, псовой охоты: отецъ не любилъ охоты вообще. За то на конюшнѣ въ усадьбѣ стояло десятка два выѣздныхъ лошадей; четыре изъ нихъ были мои верховыя. И случалось, что я, или съ гувернеромъ, или одинъ, иногда цѣлый день съ утра до ночи, проводилъ въ бѣшеной скачкѣ по лугамъ и лѣсамъ, перескакивая чрезъ канавы, пни и изгороди, догоняя вѣтеръ въ полѣ; мѣняя коней, я взмыливалъ за день всю мою четверку.

На рѣчкѣ, у воротъ усадьбы, у насъ стоялъ огромный катеръ, съ двухсаженными веслами; въ дни прогулокъ, къ нему выходило двѣнадцать человѣкъ гребцовъ въ кумачныхъ рубахахъ, плисовыхъ штанахъ и шапочкахъ съ павлиньими перьями. Это были рабочіе нашего виннаго склада, — большинство отчаянные головорѣзы, и все люди привыкшіе къ водкѣ, какъ къ простой водѣ: ихъ дневная порція при ра-

ботѣ ничѣмъ не ограничивалась, кромѣ условія не быть пьяными. Когда, бывало, на широкомъ раздольѣ весенняго половодья, эти—все молодые—парни затянутъ хоромъ

Снаряженъ стружокъ,
Какъ стрѣла летитъ!
Какъ на томъ стружкѣ,
На снаряженномъ,
Сорокъ два гребца,—

а мой отецъ, стоя у руля, смотритъ — черезъ головы сидящихъ въ катерѣ гостей—въ удалыя лица своихъ молодцовъ,— мнѣ, тогда еще подростку, почти ребенку, это напоминало наши волжскія легенды, и чѣмъ-то разбойничьимъ вѣяло на меня отъ всей картины.

Какъ откупщикъ, отецъ держалъ собственную кордонную стражу, охранявшую, съ оружіемъ въ рукахъ, границу нашихъ откупныхъ владѣній отъ ввоза контрабанды—вина сосѣднихъ откупщиковъ. Начальникомъ стражи былъ мой двоюродный братъ, красавецъ, съ бородой Фридриха Барбароссы, и я любилъ слушать его разсказы о стычкахъ съ „контрабандистами", стычкахъ, кончавшихся, впрочемъ, не кровопролитіемъ, а синяками и шишками.

Наши стражники носили мундиръ: ополченки изъ сѣраго сукна съ красными кушаками. По моей просьбѣ отецъ велѣлъ сшить и мнѣ такую же: это вселяло въ меня не столько воинственный, сколько властолюбивый духъ,—я чувствовалъ себя маленькимъ князькомъ въ нашемъ уѣздномъ болотѣ.

Подражаніе дворянскому образу жизни не ограничивалось у моего отца одной внѣшней стороной. Онъ неустанно пополнялъ свое скудное образованіе разностороннимъ чтеніемъ, получалъ всѣ главнѣйшіе журналы, всѣ новыя, выдающіяся книги, скупалъ цѣлыя старинныя библіотеки, а для воспитанія меня и моего младшаго брата, оставшихся послѣ смерти матери малолѣтками, выписывались прямо изъ-за границы образованные гувернеры.

Въ общемъ, мнѣ и окружавшимъ меня хорошо жилось въ то время, очень хорошо.

Когда-нибудь я изъ моей прошлой жизни изображу рядъ картинъ—красивыхъ, занимательныхъ и поучительныхъ. Теперь это не входитъ въ рамку моего повѣствованія. И, приподнявъ уголокъ завѣсы надъ моимъ давнопрошедшимъ, я этимъ только хотѣлъ сказать, что съ дѣтства я былъ достаточно избалованъ всѣмъ, чѣмъ можетъ быть избалованъ богатый барчукъ; и всѣ черты характера помѣщичьей складки тѣхъ временъ были мнѣ не чужды.

Но — рядомъ съ этимъ—во мнѣ крѣпко сидѣлъ по на-

слѣдству и мужикъ. И какъ у моего отца, такъ и у меня, многія родовыя особенности мужицкаго міровозрѣнія и мужицкаго характера самымъ тѣснымъ образомъ переплетались съ благопріобрѣтеннымъ барствомъ. Все, что трудовая и трудная жизнь крестьянина вырабатываетъ путемъ естественнаго подбора въ наиболѣе сильныхъ представителяхъ рабочаго типа: упорство въ достиженіи своей цѣли; готовность къ перенесенію всякихъ невзгодъ и лишеній, если это требуется для проложенія намѣченнаго пути; голодная жадность къ благамъ міра и въ то же время презрѣніе ко всякимъ бѣлоручкамъ, лѣнтяямъ и лежебокамъ, презрѣніе, граничащее съ ненавистью,—всѣ это съ дѣтства пустило корни въ моей душѣ. А не по годамъ раннее развитіе и предоставленная мнѣ отцомъ большая свобода давали мнѣ возможность даже и проявлять всѣ черты моего характера, хотя бы въ предѣлахъ дѣтскихъ и отроческихъ отношеній къ окружающему. При томъ, я былъ во многомъ похожъ на моего отца, онъ служилъ для меня въ то время примѣромъ во всемъ, и поэтому, живя вмѣстѣ съ нимъ, я въ сущности не видѣлъ границы, гдѣ кончается его жизнь и начинается личная моя. А понималась у насъ радость жизни такъ: трудъ, — какой бы то ни было тяжелый, настойчивый, непосильный трудъ; рискъ, какой бы то ни было большой, самый отчаянный, безумный, но принимаемый всегда съ легкимъ сердцемъ; наконецъ, самая смерть на пути къ цѣли—все ни почемъ; а когда цѣль достигнута, когда трудъ и рискъ принесли свой плодъ — разгулъ и пиръ на весь міръ. Изъ полной—непремѣнно полной—чаши жизни я хотѣлъ пить не только самъ, но любилъ подносить чару веселаго хмеля и другому, такому же трудовому смѣлому добытчику житейскихъ благъ,—а заодно и всѣмъ, кто подвернется мнѣ въ такую минуту, всѣмъ обездоленнымъ жизнью, всѣмъ обиженнымъ матерью природой.

Такъ какъ я говорю здѣсь объ очень раннемъ, отроческомъ періодѣ моей жизни, то упоминаніе о „чарѣ веселаго хмеля“ можетъ показаться неумѣстнымъ; но я могу употребить здѣсь эти слова не только въ переносномъ, но и въ прямомъ ихъ смыслѣ: мнѣ было двѣнадцать лѣтъ, когда я въ обществѣ гостей моего отца напился въ первый разъ до безпамятства. Когда я очнулся въ своей комнатѣ, кѣмъ-то сюда принесенный, раздѣтый и уложенный въ постель, мнѣ стало стыдно. Но я стыдился не того, что напился, а того, что не могъ выдержать столько, сколько пили взрослые,—я стыдился, что не былъ сильнѣе другихъ, что оказался еще ребенкомъ.

Ко всему, что слабо, я никогда не чувствовалъ никакого

расположенія и не находилъ удовольствія въ томъ, чтобъ няньчиться въ какой бы то ни было формѣ со слабымъ.

Но еще гораздо больше не любилъ я все угнетающее. Эти чувства: поклоненіе силѣ, презрѣніе къ слабости и ненависть къ угнетенію вытекали одно изъ другого. Если нѣтъ ничего угнетающаго,—думалось мнѣ,—всему обезпеченъ свой природный ростъ—ни больше, ни меньше.

Я не любилъ и богатства ради богатства. Видѣть накопленіе его мнѣ было любо только потому, что именно въ этомъ проявлялась сама сила, созидающая его. Скряга, дрожащій надъ своимъ богатствомъ, былъ ненавистенъ мнѣ, какъ угнетатель той силы, которая попала къ нему подъ замокъ. Обладаніе безъ пользованія не имѣло въ моихъ глазахъ никакой цѣны. Если я любилъ богатство, такъ больше всего тогда, когда оно умѣющему пользоваться имъ давало свободу, волю,—а это я всегда ставилъ выше всего на свѣтѣ.

Ради этой воли-свободы я во всякое время готовъ былъ отказаться и отъ самаго богатства, если бъ оно чѣмъ-нибудь связало меня.

Изъ-за моей воли-свободы я, мальчишкой, не разъ ссорился съ моимъ отцомъ, ставя при этомъ на карту всѣ мои будущія отношенія къ нему и его крупному наслѣдству. Эти ссоры, впрочемъ, всегда длились недолго. Въ основѣ ихъ лежали не какіе-либо проступки съ моей стороны, а только мое своеволіе, моя непокорность; а отецъ, кажется, именно за это проявленіе душевной силы и любилъ меня больше всего. Когда я говорилъ ему, что я „брошу все и уйду, куда глаза глядятъ", онъ зналъ, что отъ меня это станется. Но, боясь за меня, любя и жалѣя меня, онъ обыкновенно уступалъ, мы мирились, и наша взаимная любовь только крѣпла отъ этихъ маленькихъ испытаній.

Но точно какой-то демонъ любопытства постоянно манилъ меня непремѣнно извѣдать то, къ чему я столько разъ порывался: броситься въ водоворотъ жизни и плыть куда-то, хотя и навстрѣчу всякимъ опасностямъ, но за то не зная надъ собой никакой опеки. Быть можетъ, въ этомъ стремленіи сказывалось даже пресыщеніе слишкомъ обезпеченной, слишкомъ праздничной и свободной жизнью, которую я велъ подъ родительскимъ кровомъ.

И кончилось тѣмъ, что послѣ одного, дѣйствительно серьезнаго, столкновенія съ отцомъ, я рѣшительно настоялъ на своемъ: уѣзжаю!

II.

Мнѣ шелъ тогда семнадцатый годъ.

До четырнадцати лѣтъ я учился дома, подъ руководствомъ гувернеровъ и учителей, а въ четырнадцать отецъ нашелъ нужнымъ, „по домашнимъ обстоятельствамъ", отдать меня въ гимназію. Я поступилъ въ четвертый классъ, былъ тамъ первымъ ученикомъ, но систематическое ученіе возбуждало во мнѣ отвращеніе. По многимъ предметамъ я уже зналъ гораздо больше, чѣмъ требовалось программой, по другимъ—всегда выучивалъ дальше заданнаго урока. Сидѣніе въ классахъ было для меня и безплодной, и мучительной потерей времени. Чтобъ наверстать эту потерю, я цѣлыя ночи, до разсвѣта, проводилъ за чтеніемъ книгъ, не входившихъ въ гимназическій курсъ, чередовалъ Жоржъ-Зандъ и Альфреда де-Мюссе съ Боклемъ, и Понсонъ дю-Террайля и Боккачіо съ Бюхнеромъ и Фейербахомъ. Что умственное напряженіе можетъ быть иногда непосильнымъ, этого я тогда не признавалъ.

Въ то же время я пользовался всякими развлеченіями и внѣ дома. И въ концѣ концовъ мои юношескія силы не выдержали,—и, перейдя въ пятый классъ, я долженъ былъ, въ самомъ началѣ учебнаго года, покинуть гимназію и уѣхать жить въ деревню. Иначе, по словамъ доктора, мнѣ угрожала чахотка.

Откуповъ тогда уже давно не было, но у отца были винокуренные заводы, и я поселился при одномъ изъ нихъ, верстахъ въ пятидесяти отъ нашего губернскаго города. Тамъ, среди сельской природы, мое здоровье быстро возстановилось, и я опять почувствовалъ прежній избытокъ физическихъ и духовныхъ силъ. Я прожилъ въ деревнѣ около года, занимался немного отцовскими дѣлами, попрежнему очень много читалъ и на свободѣ размышлялъ не столько о суетѣ мірской, сколько о предстоявшихъ мнѣ практическихъ задачахъ въ этой самой суетѣ: силы, отпущенныя мнѣ природою, надо было израсходовать наилучшимъ образомъ. Къ концу года пребываніе въ деревенской глуши стало для меня тягостнымъ; дѣло при заводѣ казалось слишкомъ незначительнымъ. Юная душа хотѣла чего-то неизвѣданнаго, Я начиналъ сознавать, что цѣль нашей жизни не простой x, отыскиваемый легко по пропорціи отношеній между нашими способностями и данными обстоятельствами. Я тогда еще не умѣлъ рѣшать даже и алгебраическихъ уравненій со многими неизвѣстными, а уже понималъ, что жизнь есть именно

рядъ такихъ уравненій, и что въ моемъ умственномъ багажѣ нѣтъ ни *у'а*, ни *z'а*, а безъ нихъ мнѣ на найти и искомый *x*, самое существованіе котораго я могъ представлять себѣ лишь довольно смутно.

И вотъ это-то неопредѣленное, но и непреодолимое влеченіе въ невѣдомую даль и было, кажется, главной причиной, почему я на семнадцатомъ году моей жизни рѣшилъ уѣхать подальше отъ родного дома; а послѣдняя упомянутая мною ссора съ отцомъ сыграла лишь роль неизбѣжнаго въ такихъ случаяхъ ближайшаго повода къ безповоротному рѣшенію.

Само собой разумѣется, что я строилъ и болѣе или менѣе опредѣленные планы того будущаго, ради котораго я теперь хотѣлъ или навсегда, или хотя бы только временно порвать съ настоящимъ. Фундаментомъ же для всѣхъ этихъ плановъ являлось твердое намѣреніе такъ или иначе закончить свое систематическое образованіе, прерванное выходомъ изъ гимназіи.

Диплому въ то время не придавалось такого значенія, какъ теперь—послѣ введенія всеобщей воинской повинности и съ переходомъ значительной части помѣстнаго дворянства въ чиновники. Тогда образованіе гораздо больше цѣнилось само по себѣ. Оставаясь при отцѣ, при его дѣлахъ, я, подобно многимъ, смѣло могъ ограничиться однимъ домашнимъ образованіемъ, и при тѣхъ исключительно благопріятныхъ условіяхъ, въ какихъ я находился дома съ дѣтства, оно могло быть даже и болѣе разностороннимъ и болѣе широкимъ, чѣмъ образованіе школьное. Но мнѣ этого было мало: я стремился во что бы то ни стало къ самостоятельности, я хотѣлъ ни нынѣ, ни во вѣки вѣковъ не зависѣть отъ отцовской воли, хотѣлъ жить непремѣнно своимъ трудомъ и хотѣлъ имѣть въ рукахъ усовершенствованное орудіе труда и борьбы—спеціальныя знанія, скрѣпленныя дипломомъ.

Мой отецъ, да и мой дядя—братъ отца,—оба достигли крупнаго благосостоянія и виднаго общественнаго положенія только путемъ труда и благодаря своимъ личнымъ способностямъ. При этомъ они пользовались репутаціей безупречно честныхъ людей и могли служить для меня добрымъ примѣромъ. Я считалъ себя въ правѣ гордиться ихъ жизнью. Но именно эта гордость и побуждала меня идти тѣмъ же путемъ самостоятельнаго труда для проложенія себѣ прямой дороги къ благосостоянію и видному общественному положенію. Какъ не хотѣлъ я ничьей власти надъ собой, такъ не хотѣлъ и ничьей помощи.

Это настроеніе свободолюбія доходило до странностей, сказывалось даже въ мелочахъ. Такъ, я съ нескрываемымъ презрѣніемъ смотрѣлъ на всѣхъ молодыхъ людей моего возра-

ста, если видѣлъ у нихъ въ рукахъ тросточки или—еще хуже того—палки. Мнѣ это всегда почему-то казалось эмблемой опоры на чужую помощь: я въ опорѣ не нуждался! Самое богатство, благами котораго я пользовался во всю ширь въ родительскомъ домѣ, казалось мнѣ чѣмъ-то такимъ, безъ чего я во всякое время легко могу обойтись—была бы только свобода. Когда мнѣ при многихъ поѣздкахъ по проселочнымъ дорогамъ приходилось попадать въ какія-нибудь первобытныя условія: ѣхать въ простой мужицкой телѣгѣ, быть промоченнымъ насквозь дождемъ, питаться цѣлый день однимъ черствымъ хлѣбомъ и огурцами,—это меня радовало, это доставляло мнѣ удовольствіе. Точно въ это время во мнѣ просыпался потомокъ мужика, и я чувствовалъ себя дома среди родныхъ мужицкихъ условій существованія. Вслѣдъ за этимъ я, разумѣется, опять сейчасъ же попадалъ въ барскую изнѣживающую обстановку, и... чувствовалъ себя въ ней точно такъ же какъ нельзя болѣе дома.

Въ эти ранніе годы мои мнѣ всегда казалось, что нѣтъ такихъ тяжелыхъ условій, которыхъ бы я не перенесъ, что нѣтъ такого труда, который бы я не былъ въ силахъ поднять на свои трудовыя плечи и нести его, нести не только ради достиженія цѣли, но и ради удовольствія чувствовать свою силу, ради наслажденія самымъ процессомъ труда. Я, какъ Кольцовскій косарь, всегда готовъ была воскликнуть:

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!

Да, это былъ избытокъ силъ постоянно просившихся наружу, избытокъ силъ, выросшій изъ зерна закаленной выносливости моихъ здоровыхъ предковъ на тучной почвѣ окружавшаго меня теперь большого довольства.

III.

Когда я, давъ улечься раздраженію и обдумавъ свое намѣреніе, пришелъ къ отцу и заявилъ, что намѣренъ уѣхать завтра, послѣзавтра, онъ отнесся къ моимъ словамъ серьезнѣе, чѣмъ я ожидалъ. Спокойствіе, съ которымъ онъ выслушалъ меня, произвело на меня хорошее впечатлѣніе: въ немъ я почувствовалъ какъ будто уваженіе къ моему праву самостоятельно рѣшать свою судьбу. Но мнѣ стало и немного жутко,—я вѣдь шелъ въ первое сраженіе съ жизнью.

Отецъ помолчалъ довольно долго, пристально посмотрѣлъ на меня и, наконецъ, сказалъ:

— Ну, что-жъ, ступай, попробуй, поживи въ чужихъ лю-

дяхъ. Въ шестнадцать лѣтъ я и самъ уже былъ на службѣ, и мнѣ поручали не маленькія денежныя и отвѣтственныя дѣла. Съ Богомъ. Поѣзжай.

На минуту опять наступило молчаніе, и прежде, чѣмъ я успѣлъ что-нибудь сказать,—отецъ спросилъ:

— Что-жъ ты хочешь дѣлать? Куда ты ѣдешь?

Я отвѣтилъ вполнѣ опредѣленно:

— Въ Москву. Хочу поступить тамъ въ Техническое училище.

Отецъ подумалъ и сказалъ:

— Что жъ, дѣло доброе... Почему ты именно выбралъ это училище?

— Потому что въ гимназію мнѣ поздно, въ высшія учебныя заведенія рано, а тутъ, кромѣ приготовительныхъ, есть такъ называемые „общіе“ классы, куда я какъ разъ подойду, и переходъ къ высшему курсу совершится самъ собой.

Отцу видимо понравилось, что я, принимая свое рѣшеніе, такъ обсудилъ его и сдѣлалъ такой подходящій къ моимъ обстоятельствамъ выборъ. Онъ сразу повеселѣлъ, а я, съ возрастающимъ увлеченіемъ, сталъ развивать передъ нимъ свои планы. Было совершенно естественно, что я, выросши въ торговой средѣ, мечталъ о предпріятіяхъ и побѣдахъ именно въ этой области. И я говорилъ отцу, что наше винокуренное дѣло кажется мнѣ одностороннимъ, что для народнаго благосостоянія гораздо важнѣе другія отрасли промышленности, въ которыхъ и развернуться можно гораздо шире, и наживать много больше; что я со временемъ думаю основать разные фабрики и заводы и для этого хочу обладать необходимыми познаніями; что я уже ознакомился съ разными программами и облюбовалъ Техническое училище потому, что тамъ обращено большое вниманіе на практическія работы, а я, хотя бы и въ роли хозяина, не хочу быть бѣлоручкой, а мастеромъ своего дѣла.

— Все это прекрасно,—вторилъ мнѣ отецъ,—что-жъ, поѣзжай. Учись, учись.

Подъ конецъ разговора,—онъ спросилъ:

— Ну, а какъ ты разсудилъ насчетъ проживанія въ Москвѣ?

Я немного покраснѣлъ и уже съ меньшей самоувѣренностью отвѣтилъ:

— Я надѣюсь, что доѣхать туда вы дадите мнѣ, сколько нужно, а тамъ... тамъ я уже и самъ пробьюсь. Буду давать уроки иностранныхъ языковъ, буду работать. Пробивались же другіе. Развѣ я первый? Вы сами по себѣ знаете.

Отецъ съ легкой иронической усмѣшкой замѣтилъ:

— Ну, не всегда это удается.

Я почувствовалъ себя немного обиженнымъ тѣмъ, что

онъ не считаетъ меня для этого еще болѣе способнымъ, чѣмъ былъ въ мои годы онъ самъ, прошедшій только курсъ уѣзднаго училища. Хотя теперь, при этомъ разговорѣ, уже не было помину, что мой отъѣздъ вызванъ происшедшей между нами ссорой,—и, казалось, наступило полное примиреніе,—однако, въ душѣ у меня опять закипѣло знакомое раздраженіе противъ надоѣвшаго мнѣ сознанія подчиненности, обусловленной жизнью на отцовскія средства. И я съ чувствомъ гордости сказалъ:

— Не можетъ быть, чтобъ при желаніи работать я не нашелъ себѣ достаточно дѣла и денегъ

Но отецъ, не очень довѣрявшій въ этомъ отношеніи не столько мнѣ, сколько міровому порядку, далъ мнѣ понять, что онъ обезпечитъ мнѣ возможность безбѣднаго существованія до окончанія курса. Сколько именно онъ дастъ мнѣ, онъ ничего не сказалъ. Я же отнесся къ этому довольно равнодушно. Съ одной стороны, я, пожалуй, готовъ былъ принять это какъ должное, съ другой—мнѣ казалось въ это время, что если я не отказываюсь отъ этого предложенія помощи, такъ только потому, что не хочу обижать отца при разставаньи.

IV.

Я уѣхалъ въ Москву съ радужными надеждами.

Дорогой я предавался мечтамъ о томъ, какъ я со временемъ „завоюю весь міръ“, и припоминалъ разсказы о разныхъ богачахъ, начинавшихъ свою карьеру безъ единаго гроша. И я такъ увлекся далекими перспективами, что почти совсѣмъ не думалъ о ближайшемъ. Картины будущей широкой дѣятельности по окончаніи курса совершенно заслоняли въ моемъ воображеніи предстоящее добываніе средствъ къ существованію для настоящаго. Да и что тутъ было думать. Разъ отецъ обѣщалъ высылать мнѣ денегъ, зачѣмъ же сталъ бы я еще терять время на добываніе ихъ своимъ трудомъ когда это время можно было потратить болѣе производительно—на пріобрѣтеніе драгоцѣнныхъ знаній.

Я такъ свыкся теперь съ мыслью, что мое существованіе во все время ученія обезпечено, что, когда пріѣхалъ въ Москву, почувствовалъ себя все тѣмъ же баричемъ, какимъ былъ дома. Охъ, эти барскія привычки! Онѣ кажутся намъ совершенно естественными и необходимыми, пока жизнь не сломитъ ихъ.

Отецъ не счелъ нужнымъ давать мнѣ какія бы то ни было наставленія, но предъ отъѣздомъ далъ мнѣ на дорогу, вмѣстѣ съ родительскимъ благословеніемъ, сумму, показав-

шуюся мнѣ болѣе чѣмъ достаточной. По пріѣздѣ у меня осталось отъ нея около ста рублей, а затѣмъ я разсчитывалъ на обѣщанное отцомъ ежемѣсячное „жалованье“.

Я остановился въ одной изъ лучшихъ московскихъ гостиницъ, въ небольшомъ, но хорошемъ номерѣ, и сталъ обдумывать, какъ мнѣ устроить тутъ свою жизнь.

Было начало зимы, пріемъ въ Училище кончился; но недалеко отъ Училища существовалъ частный пансіонъ, гдѣ можно было, въ качествѣ приходящаго, заниматься не только всѣми научными предметами для подготовки въ Училище, но и токарнымъ и столярнымъ ремесломъ.

Я отказался отъ мысли поступить и сюда, рѣшивъ готовиться до весеннихъ экзаменовъ дома и только обонироваться въ пансіонѣ на изученіе необходимыхъ практическихъ работъ по токарному мастерству. „Найму небольшую квартирку,—думалъ я,—приглашу студента репетитора, возьмусь, по обыкновенію, за дѣло круто, буду работать день и ночь, и подготовлюсь живо.“

Къ собственной квартирѣ нужна была, разумѣется, и собственная прислуга. Мнѣ казалось всего удобнѣе нанять повара, который былъ бы въ то же время и лакеемъ. Хотѣлось бы кого-нибудь изъ отпускныхъ дворовыхъ. Невольно вспоминался старый почтенный камердинеръ отца. „Вотъ такого бы!“—думалъ я про-себя.

Я обратился къ корридорному, прислуживавшему въ моемъ номерѣ: нѣтъ ли у него знакомаго подходящаго для меня „человѣка“? Корридорный подумалъ и обѣщалъ прислать. А я отправился на поиски квартиры въ Лефортовской части, поближе къ Техническому училищу и пансіону. Цѣлый день проходилъ я по „Лафёртову“ и вернулся въ свой номеръ усталый и разочарованный: всѣ небольшія свободныя квартиры не соотвѣтствовали моимъ требованіямъ. У насъ, дома, старшіе приказчики и тѣ жили лучше и просторнѣе.

На другой день утромъ, когда я еще пилъ чай, корридорный ввелъ въ мою комнату старика довольно почтеннаго вида и, сказавъ: „вотъ-съ!“—сейчасъ же помчался далѣе по корридору, призываемый звонками только-что просыпавшихся квартирантовъ.

Я оглядѣлъ старика съ головы до ногъ и спросилъ:

— Ты поваръ?

— Такъ точно-съ,—отвѣчалъ онъ съ достоинствомъ.

— Хорошо готовишь?

— Готовилъ-съ, оставались довольны господа.

— Не такъ, какъ въ этой гостиницѣ? — съ усмѣшкой спросилъ я.—Здѣсь, чортъ знаетъ, чѣмъ кормятъ. Я привыкъ къ хорошему столу.

— Потрафлю-съ,—улыбнулся и поваръ.

— А за лакея можешь служить?

— Не служилъ-съ. Да вѣдь наука небольшая. Ежели, какъ говорилъ корридорный, вы одни...

— Я одинъ, и буду цѣлый день занятъ, гостей не будетъ...

— Что же, можно-съ.

— Сколько ты получалъ жалованья?

— Разно-съ. И двадцать рублей, и тридцать.

Я сообразилъ, что поваръ изъ хорошихъ, но цѣна не показалось мнѣ дорогой: у насъ повара получали и сорокъ рублей въ мѣсяцъ, камердинеры двадцать пять. Торговаться мнѣ казалось неумѣстнымъ, да я бы и не сумѣлъ. Старикъ мнѣ нравился. Патріархальнымъ крѣпостнымъ строемъ вѣяло на меня отъ него, мнѣ онъ казался не слугой, а дядькой. И я сказалъ, что возьму его, объяснилъ ему свои планы и велѣлъ придти навѣдаться чрезъ нѣсколько дней, когда я найму квартиру.

Онъ почтительно поклонился:

— Слушаю-съ,—и ушелъ... чтобъ не возвратиться больше. Сообразилъ ли опытный старикъ сразу, что мѣсто не изъ „сурьезныхъ", или ему подвернулось сейчасъ же что-нибудь лучшее, но моя радость, что я такъ скоро нанялъ себѣ прекраснаго „человѣка", оказалась пустой мечтой.

Какъ мечта, ускользала и надежда найти небольшую хорошую квартирку: еще нѣсколько дней поисковъ оказались такими же безплодными, какъ и первый.

Но самое большое разочарованіе ждало меня впереди.

Въ первый же день моего пріѣзда въ Москву я, какъ любящій сынъ, извѣщая отца о благополучномъ окончаніи путешествія, въ то же время, какъ подобаетъ мальчику вполнѣ серьезному, просилъ его написать, сколько именно онъ будетъ высылать ежемѣсячно: мнѣ это необходимо было знать сейчасъ-же, чтобы правильно разсчитать, какъ устроиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ я просилъ прислать мнѣ первую ежемѣсячную ассигновку тотчасъ по полученіи моего письма, такъ какъ за квартиру надо платить впередъ, да необходимо было кое-что и купить для хозяйства. Соображаясь съ тѣмъ, сколько давалъ мнѣ дома отецъ на мои личные мелкіе расходы, я разсчитывалъ теперь получить болѣе или менѣе крупную сумму.

И я немножко сердился на отца, что отвѣтъ его запоздалъ дня на два противъ моего разсчета; сердился я уже и на то, что нанятый поваръ не приходитъ; сердился, что Техническое училище такъ далеко отъ центра города, сердился, что потерялъ напрасно столько времени на поиски

квартиры,—словомъ, былъ въ очень плохомъ расположенiи духа, когда получилъ, наконецъ, ожидаемое письмо.

Отецъ писалъ кратко, что радуется моему благополучному прiѣзду и тому, что я здоровъ, извѣщалъ меня, что будетъ высылать мнѣ ежемѣсячно 60 рублей, и что первый такой платежъ я получу къ первому числу слѣдующаго мѣсяца.

Я какъ съ неба упалъ.

Я перечиталъ еще разъ письмо и все еще не могъ повѣрить, что человѣкъ, который подписался здѣсь „любящiй тебя отецъ“, не шутитъ. Всѣ мои планы: квартира, поваръ, репетиторъ,—все, что казалось для меня такимъ простымъ, естественнымъ слѣдствiемъ прежней жизни въ родительскомъ домѣ и добрыхъ отношенiй между отцомъ и мною, теперь оказывалось мальчишескими бреднями. Сразу же какъ-то заволоклись туманомъ и недавнiя грезы о завоеванiи если не цѣлаго мiра, то всей Россiи моими торговыми предпрiятiями по окончанiи курса.

Я былъ очень недоволенъ образомъ дѣйствiй отца. Онъ и здѣсь, думалось мнѣ, показалъ опять свою власть надо мной, унизилъ меня. Зачѣмъ же было подавать мнѣ надежду на родительскую помощь?

Я не разъ читалъ и слыхалъ разсказы о томъ, какъ живутъ дѣти богатыхъ родителей въ ихъ студенческiе годы, и, по богатству отца, считалъ себя въ правѣ ожидать отъ него совсѣмъ не того, что онъ предложилъ мнѣ. Сумма 60, написанная не прописью, а цифрами, наводила меня даже на мысль объ ошибкѣ: не слѣдуетъ ли читать 600 или 160? Но 600—много, 160—еще мало. Быть-можетъ 260, 360?

Сгоряча, взволнованный, я написалъ въ отвѣтъ отцу, что ассигнованная имъ сумма совсѣмъ не обезпечиваетъ меня, что въ Москвѣ все дорого, а устроиться я разсчичывалъ такъ-то и такъ-то: цѣлую смѣту составилъ.

Но, едва отправивъ это письмо, я сейчасъ же и раскаялся въ этомъ. Если я не послалъ въ догонку другого, съ отреченiемъ отъ всего написаннаго, такъ только потому, что не хотѣлъ показаться отцу слишкомъ малодушнымъ. Достаточно съ меня было и того, что я, точно протрезвившись, вдругъ понялъ, какимъ я былъ глупымъ въ то время, когда воображалъ, что дѣйствую и разсуждаю очень умно. Перебирая въ умѣ всѣ мои недавнiя мысли и поступки и прозрѣвая всю ихъ непослѣдовательность, я краснѣлъ передъ самимъ собой. Мнѣ стыдно было теперь и за мои ссоры съ отцомъ. Само собой разумѣется, что во время этихъ ссоръ я всегда считалъ себя правымъ и окружалъ свои воззрѣнiя на жизнь и людей ореоломъ непогрѣшимости; теперь, взвѣ-

шивая всѣ обстоятельства, я убѣждался, что у отца было больше и нравственной устойчивости, и терпимости къ моимъ дѣтскимъ выходкамъ, чѣмъ у меня къ нему и къ его взглядамъ человѣка, уже одержавшаго кое-какія серьезныя побѣды надъ жизнью и людьми.

И я готовъ былъ уже благословлять эту первую непріятность, которой подарила меня мать-жизнь, до сихъ поръ нянчившаяся со мной, какъ съ балованнымъ ребенкомъ. Съ этого времени я становился старше—не годами только, а самосознаніемъ.

Я чувствовалъ, что отецъ побѣдилъ меня, и я смирялся. Смирялся не предъ нимъ, не предъ его произволомъ, а предъ несокрушимой силой разницы нашихъ лѣтъ и нашихъ положеній. Для меня это смиреніе выражалось не въ томъ только, что я готовъ былъ удовольствоваться назначенной мнѣ суммой, а въ томъ, что я не отвергалъ ея совсѣмъ. Я чувствовалъ, что по прежнимъ моимъ настроеніямъ мнѣ слѣдовало бы сказать: „ахъ, вы не хотите дать мнѣ столько, сколько мнѣ нужно и сколько вы легко могли бы дать,—такъ мнѣ ничего не нужно! Я лучше погибну, если не смогу справиться съ жизнью безъ вашихъ подачекъ, но не возьму отъ васъ ни гроша“.

Теперь такой задоръ начиналъ казаться мнѣ смѣшнымъ. Я призналъ за отцомъ право не исполнять моихъ желаній, потому что именно это обезпечивало мнѣ право быть самостоятельнымъ; но не видѣлъ и причинъ отталкивать подарокъ, который онъ желалъ мнѣ сдѣлать. Вмѣсто смѣты расходовъ, которую я послалъ ему, надо было просто поблагодарить его. Слава Богу, что я еще не настаивалъ на увеличеніе моего „жалованья“, а только просилъ сообщить мнѣ „окончательное рѣшеніе“, чтобъ знать, какъ устраивать свою жизнь.

Отвѣтить я просилъ на этотъ разъ телеграммой и въ ожиданіи ея провелъ нѣсколько мучительныхъ дней, нервничая отъ неопредѣленности положенія.

Телеграмма, наконецъ, пришла. Въ ней было всего четыре слова: „буду высылать шестьдесятъ рублей“.

Если бъ тутъ стояло шестьсотъ, я бы не былъ такъ обрадованъ, какъ теперь. Улыбаясь отъ удовольствія, я сейчасъ же сѣлъ писать отцу благодарственное письмо. Я откровенно высказалъ ему все, что передумалъ въ эти дни, и искренно благодарилъ его не только за средства, которыя онъ давалъ мнѣ, но и за то, что онъ посмотрѣлъ на меня, какъ на юношу, которому дѣйствительно пора выучиться жить такъ, какъ живутъ трудящіеся бѣдняки—всѣ тѣ, кого я уважалъ, кому готовъ былъ подражать.

Съ этого момента для меня не существовало больше неопредѣленности положенія: всѣ условія жизни были ясны. Я говорилъ себѣ: если мнѣ этихъ денегъ мало, надо взяться за то, на что я разсчитывалъ въ минуту размолвки съ отцомъ,—надо самому давать уроки, самому дѣлаться репетиторомъ учениковъ, которые моложе меня. Но стоитъ ли? Не лучше ли, отказавшись отъ всякихъ удобствъ жизни, отдать все свое время собственному ученію? И, разумѣется, я ухватился за послѣднее рѣшеніе, какъ простѣйшее.

Теперь приходилось составить уже для самого себя совсѣмъ другую смѣту расходовъ, чѣмъ та, которую я посылалъ отцу и гдѣ однимъ изъ слагаемыхъ были 30 руб. въ мѣсяцъ повару—онъ же „человѣкъ“! Теперь писались другія цифры ежемѣсячныхъ расходовъ:

Въ пансіонъ за право пользованія токарнымъ станкомъ и инструментами и за уроки мастера . . .	10 рублей.
Студенту за уроки алгебры и геометріи, въ которыхъ я былъ слабъ	10 „
На покупку пальмы и березы для точенія	5 „
На всякіе мелочные расходы	10 „
За комнату, на обѣдъ, чай и пр.	25 „
Итого . . .	60 рублей

„Прекрасная“ стипендія, какую имѣютъ не многіе студенты.

Но, Боже мой, на какія лишенія обрекала она меня, привыкшаго къ роскоши.

V.

Въ одномъ изъ узенькихъ, глухихъ переулковъ „Лафёртова“ стоялъ въ тѣ времена одноэтажный деревянный домикъ, принадлежавшій бѣдному отставному чиновнику. Старикъ жилъ на грошовую пенсію и отдавалъ въ своемъ домѣ въ наймы три комнаты съ полнымъ пансіономъ. Двѣ изъ нихъ были заняты, третью нанялъ я.

Если домикъ казался невзрачнымъ снаружи, гдѣ всетаки требуется извѣстное столичное благообразіе, то внутри онъ былъ еще непригляднѣе. Переборки картонныя; половицы ходили, какъ фортепіанныя клавиши; двери затворялись съ трудомъ, а ужъ запирать ихъ никто и не пытался,—кому охота мучиться потомъ полчаса съ отпираніемъ ржаваго замка: вертится-вертится старый ключъ въ замочной скважинѣ, пока-то, наконецъ, попадетъ на настоящую зарубку! А

поставить новые замки—на это не было средствъ ни у хозяина, ни у жильцовъ.

Этому недвижимому. имуществу соотвѣтствовало и все движимое: мебель такая старомодная и такая ветхая, что рѣдко гдѣ и въ лавкѣ старьевщика найдешь подобную. Хозяинъ, прислуга, кушанье, все было въ гармоніи съ внѣшнимъ убожествомъ домика. Но когда вамъ за 25 рублей въ мѣсяцъ даютъ, кромѣ комнаты, обѣдъ и ужинъ и два раза въ день чай—что же можно и требовать.

И когда я переѣхалъ изъ гостиницы въ эту комнату, я чувствовалъ себя тріумфаторомъ, точно я въѣзжалъ на побѣдной колесницѣ въ Римъ! Наконецъ-то, я самостоятельный человѣкъ, наконецъ-то, надо мной нѣтъ опеки! Не только мелочной, ежедневной, но нѣтъ этой опеки сердца, которая всегда достается на долѣ маменькиныхъ и папенькиныхъ сынковъ. Отецъ поступилъ со мной, какъ поступаютъ съ дѣтьми, когда ихъ учатъ плавать: бросилъ въ воду — барахтайся. И я, чувствуя, что я поплылъ, радовался, барахтался и плескался руками и ногами.

Чрезъ маленькія стекла старыхъ рамъ, чрезъ эти потускнѣвшія отъ времени стекла съ заплатами, солнце свѣтило мнѣ такъ привѣтливо и радостно, какъ никогда, кажется, не свѣтило оно мнѣ ни раньше, ни потомъ. Все мнѣ нравилось въ моей убогой комнатѣ. И старинный диванъ безъ пружинъ, съ деревянной необитой спинкой; и простой бѣлый столъ, покрытый сѣрымъ солдатскимъ сукномъ и служившій мнѣ и для занятій, и для обѣда, и для склада всякихъ вещей; и безногія кресла, и этажерка, у которой была выломана одна полка; и кисейныя занавѣски, на которыхъ рядъ накопившихся годами дыръ нарисовалъ своеобразныя кружева; огромный комодище плохого краснаго дерева съ пузатыми ящиками, гдѣ, вмѣсто выломанныхъ замковъ, зіяли дыры; старая деревянная кровать самой грубой, топорной работы, выкрашенная муміей не то на маслѣ, не то на клею, — все было мило, все казалось мнѣ лучше, чѣмъ самыя прекрасныя вещи, оставшіяся дома, тамъ, позади. То было отцовское, это уже въ извѣстной степени мое.

Единственной вещью, съ которой я не могъ примириться въ моей новой обстановкѣ, оказался матрацъ. Изъ дешеваго сѣро-синяго тику мелкими полосками, набитый мочаломъ, онъ отъ долгой и видимо тяжелой службы превратился въ тоненькую лепешку, грязную и засаленную, точно половикъ изъ передней. По неволѣ пришлось на послѣдніе гроши позволить себѣ роскошь: пошелъ и купилъ самый дешевый скатывающійся валиками матрацъ, набитый оленьей шерстью. Послѣ этого расхода и за уплатой за мѣсяцъ впередъ за

квартиру, у меня осталось въ карманѣ рубль съ мелочью, а ждать до перваго числа приходилось еще недѣли двѣ.

А будь деньги, я въ то время купилъ бы и кровать: та, которая стояла въ моей комнатѣ, была черезчуръ коротка для меня. Съ согнутыми колѣнями я упирался въ глухую ея стѣнку въ ногахъ. Спать въ этомъ положеніи не было никакой возможности. Вдобавокъ, купленный новый матрацъ, выбранный по росту, оказался не по кровати длиннымъ; часть его валиковъ пришлось подвернуть подъ подушку, и это еще болѣе укорачивало мое Прокрустово ложе. Спать на диванѣ было нельзя,—тоже коротокъ и узокъ, — новой кровати хозяинъ дать не могъ, и мнѣ оставалось бы спать на холодномъ полу, если бъ я не придумалъ своеобразнаго приспособленія. У самой кровати въ ногахъ, немного въ сторону, стоялъ комодъ. На ночь я выдвигалъ одинъ изъ среднихъ ящиковъ комода, накладывалъ на выдвинутый ящикъ сверху шубу, затѣмъ стлалъ мой длинный матрацъ по діагонали кровати такъ, что конецъ его ложился въ комодъ. Такимъ образомъ я могъ свободно вытянуться. А чтобы ночью не свалиться, подставлялъ сбоку кровати пару стульевъ. Въ письмахъ домой я писалъ, что я настолько сократилъ мои потребности, что на ночь даже складываю ноги въ комодъ.

На другой же день по переѣздѣ, я, съ утра, энергично принялся за работу.

Условія, при которыхъ мнѣ приходилось теперь заниматься рѣшеніемъ алгебраическихъ задачъ, были неособенно благопріятны. Сквозь картонныя переборки было слышно рѣшительно все, что дѣлалось не только въ сосѣдней комнатѣ, но и въ комнатахъ черезъ корридоръ; а иногда и изъ кухни долетали громкіе возгласы ссорившихся хозяйки и кухарки.

Въ сосѣдней со мной комнатѣ жила какая-то дама, зарабатывавшая свой хлѣбъ тѣмъ, что выпиливала лобзикомъ разныя ажурныя рамочки и корзиночки изъ дерева. Пиленіе продолжалось съ утра до поздней ночи. Сначала я былъ къ нему равнодушенъ. Но уже чрезъ три, четыре дня оно стало производить на меня такое впечатлѣніе, какъ будто мнѣ зубъ сверлили. Къ этому древесному пиленію прибавлялось другое. Дама жила съ дочкой—подросткомъ, да къ ней приходили ежедневно въ разные часы еще нѣсколько дѣвочекъ, и она учила ихъ всѣхъ, одну за другой, французскому языку. Столъ, за которымъ она занималась съ ними, стоялъ у самыхъ дверей изъ ея комнаты въ мою, — дверей, разумѣется, закрытыхъ, но ничѣмъ не завѣшанныхъ; и чрезъ ихъ щели каждое слово учительницы и каждое слово ученицы были мнѣ явственно слышны. Одно и то же склоненіе какого нибудь слова, повторяемое на разные лады разными

голосами, я слышалъ въ теченіе цѣлаго дня. На какомъ-нибудь мѣстѣ одна ученица дѣлала одну ошибку, другая другую, барыня поправляла ихъ, заставляла повторять за собой, но ученица опять повторяла ошибку, и начиналось пиленіе, брань. Голосъ ученицы становился плаксивымъ. Опять повтореніе, опять ошибка, вспышка негодованія, иногда слезы и опять сначала,—какъ про бѣлаго бычка! И все это подъ акомпаниментъ визжащей пилы и скрипъ буковаго дерева.

Ахъ, какіе у меня были въ то время крѣпкіе нервы!

Я выросъ на привольѣ, выросъ въ деревнѣ; бывало, послѣ цѣлаго дня скачки по полямъ спалъ цѣлую долгую ночь, какъ убитый, и, вставъ утромъ со свѣжими силами, или снова мчался въ поле, или отправлялся на рыбную ловлю въ лодкѣ и могъ грести добрыхъ десять верстъ, не отдыхая. Ахъ, какіе у меня были тогда канаты-нервы! Ни этотъ визжащій лобзикъ, ни французскіе глаголы и ихъ спряженія, ни вѣчно постукивающія, какъ клавиши, половицы моей комнаты, ничто не мѣшало мнѣ углубляться въ изслѣдованіе алгебраическихъ формулъ.

Не мѣшали этому и всѣ другіе звуки этого домика. А ихъ было-таки немало.

Комнату черезъ корридоръ, изъ дверей въ двери противъ моей, занималъ жилецъ довольно спокойный. Онъ уходилъ изъ дома въ девятомъ часу утра, возвращался пообѣдать, потомъ спалъ часа два и нерѣдко уходилъ и на весь вечеръ. Но въ его отсутствіе въ его комнату, всегда стоявшую съ открытыми дверями, забирался обыкновенно хозяйскій сынъ. Это былъ ражій двадцатилѣтній малый, который нигдѣ и никакъ не могъ найти себѣ подходящихъ занятій, жилъ у отца на хлѣбахъ и цѣлый день только игралъ на гитарѣ и хриплымъ баскомъ напѣвалъ-мурлыкалъ разные романсы. Погруженный въ свою алгебру, я обыкновенно не замѣчалъ, поетъ-ли онъ и что именно; но былъ романсъ, который всякій разъ неизбѣжно нарушалъ мое душевное равновѣсіе. Я уже не помню его содержанія, но какъ сейчасъ слышу одну изъ фразъ: „устрой мнѣ душу“! Эти слова приходились гдѣ-то въ заключительномъ куплетѣ, и послѣ нихъ хозяйскій сынъ обыкновенно вздыхалъ, произносилъ нѣсколько разъ: „охъ! охъ! охъ“!—потомъ вставалъ, и грузными шагами, раскачивая половицы, уходилъ по корридору въ свою комнату. Я ненавидѣлъ этотъ романсъ; но въ тоже время и любилъ его: онъ означалъ конецъ пѣнія.

Была въ этомъ домикѣ одна особенность, съ которой мнѣ никогда нигдѣ больше не приходилось встрѣчаться. Всѣ печи дома топились снизу изъ подвала, — нѣчто въ родѣ

„амосовскаго“ отопленія. Тамъ же въ подвалѣ хранились и дрова, и тамъ же, между печами и дровами, жилъ дворникъ. Черный накатъ подъ поломъ былъ, очевидно, сдѣланъ изъ очень тонкихъ досокъ, съ тонкимъ же слоемъ земли, а такъ какъ въ верхнемъ полу щели были такія, что въ нихъ можно было свободно просунуть палецъ, то изъ подвала доносились въ комнату не только всякіе звуки, но проникали и запахи. На мою бѣду кровать дворника оказалась какъ разъ подъ моей комнатой. И я слышалъ постоянно и колку дровъ, и хлопанье дверью, когда дворникъ входилъ или выходилъ изъ своего логовища, слышалъ и смутный гулъ голосовъ, когда въ дворницкой появлялись гости и гостьи; а всего чаще раздиралъ мнѣ душу неумолимый звукъ гармоники. Нашъ дворникъ былъ молодой здоровенный парень, дѣлать ему по дому было собственно нечего, съ ноской воды и дровъ, съ чисткой снѣга онъ управлялся легко, посылать его ни хозяину, ни жильцамъ не къ кому и не зачѣмъ, дѣваться ему некуда,—и онъ, бывало, заберется въ подвалъ и цѣлыми часами терзаетъ свою несчастную гармонью. Случалось, что именно въ это же время ему вторилъ на гитарѣ хозяйскій сынъ въ комнатѣ моего визави и неизмѣнно пилила и дерево, и дѣтскіе мозги моя сосѣдка-учительница. Этихъ „случаевъ“ не выдерживали даже мои нервы, и приходилось иногда поневолѣ выбирать это время для прогулки и нѣкотораго отдыха.

Какъ насъ кормили, и говорить не стоитъ. Я, избалованный дома чуть не лукулловскими обѣдами, долженъ былъ привыкать не только къ спартанской, а просто къ скверной московской чиновничьей стряпнѣ.

Но все это нисколько не измѣняло моего прекраснаго расположенія духа, нисколько не умаляло моихъ душевныхъ силъ; напротивъ, пожалуй, подбадривало меня усерднѣе работать, чтобъ скорѣе выйти изъ этого переходнаго состоянія. Вѣдь цѣль моей жизни была для меня тогда совершенно ясна: надо было „побѣдить міръ“, начавъ поступленіемъ въ Техническое училище. А когда человѣку ясна такая цѣль жизни, какъ побѣда надъ цѣлымъ міромъ, то онъ, какъ загипнотизированный, можетъ идти даже босыми ногами по колючимъ терніямъ, не чувствуя боли и не испуская крови изъ уколовъ.

Какое это счастіе быть молодымъ, здоровымъ и имѣть ясно сознанную цѣль жизни! Чего не далъ бы я теперь, чтобы опять вернуться въ мою маленькую комнату въ „Лафёртовѣ“, въ узенькомъ Аптекарскомъ переулкѣ, услыхать гармонику, гитару и пилу и вернуть то настроеніе, какое у меня тогда было!

Ахъ, вернуть бы хоть тѣ силы!..

Какая у меня тогда была сила!.. Бывало, еще дома, я сажалъ себѣ на каждое плечо по человѣку и поднимался съ ними по лѣстницѣ во второй этажъ. Мы, помню, хвастались другъ передъ другомъ силой съ моимъ двоюроднымъ братомъ, а онъ вносилъ на своихъ плечахъ маленькаго пони по лѣстницѣ террасы въ свою комнату. Озорникъ становился подъ лошадь, прижимался спиной къ ея брюху, охватывалъ ее за переднія ноги и быстро поднимался. Смирная лошаденка въ недоумѣніи пробовала брыкнуть задними ногами, но онъ уже волокъ ее по лѣстницѣ. Я на такіе подвиги еще способенъ не былъ, но предъ его силой благоговѣлъ и старался развивать свою. Теперь, живя въ Москвѣ, я зналъ, что я мой запасъ физическихъ силъ претворяю въ силы духовныя, и съ тѣмъ же задоромъ, съ какимъ бросаются въ борьбу, я предавался ученію, хвастаясь предъ моимъ репетиторомъ-студентомъ тѣми умственными tours de force'ами, на которые я былъ способенъ. А ученье давалось мнѣ легко. Пока моя сосѣдка не могла вдолбить какого-нибудь несчатнаго спряженія какой-нибудь худосочной дѣвочкѣ, формулы за формулами, теоремы за теоремами, разъ просмотрѣнныя, уже въ стройномъ порядкѣ нагромождались одна за другой въ моей головѣ.

И я, какъ фанатикъ, вѣрилъ, что съ моей силой да съ наукой предо мной открытъ широкій путь. Встрѣтятся на немъ и преграды,—это ужъ каждому на роду написано,—но я легохонько сломлю ихъ и дойду, куда мнѣ надо. Куда я приду, и зачѣмъ собственно, я еще не отдавалъ себѣ отчета. Но при томъ поклоненіи силѣ, какимъ я былъ окруженъ донынѣ, я зналъ только, что надо идти къ власти надъ всѣмъ окружающимъ меня, къ власти путемъ силы ума, знаній, богатства, и все расширять и расширять кругъ своего вліянія. Изъ этой власти должна была создаваться радость жизни для меня и для всѣхъ соприкасающихся со мной, съ моей работой.

Если я иногда о чемъ скучалъ, такъ развѣ только о томъ, что въ моей теперешной жизни мнѣ негдѣ, не на чемъ было показать удаль молодецкую. Только кое-какіе пустяки представлялись мнѣ въ этомъ отношеніи, но я и ими спѣшилъ воспользоваться. Бывало, въ пансіонѣ, гдѣ я уже началъ учиться токарному мастерству, встану за токарный станокъ, заколочу въ него огромнѣйшее березовое полѣно, возьму рейеръ, поставлю ногу на педаль, и быстро завертится колесо, завертится неотесанное полѣно, становясь въ своемъ вращеніи тѣнью правильной цилиндрической формы; я нажму рейеръ на суппортъ, и крупныя стружки, какъ градъ, поле-

тять во всѣ стороны. Дрожитъ станокъ, дрожатъ стекла въ рамѣ, а мнѣ любо легкими свободными нажимами ноги производить это дрожаніе тяжеловѣснаго станка. Нѣсколько минутъ—и неотесанное полѣно, уже не въ видѣ тѣни, а въ дѣйствительности выходитъ правильнымъ цилиндромъ. Пройдусь разъ другой по нему мазилемъ, и оно какъ полированное. Въ какой-нибудь мѣсяцъ я выучился точить чаши и чашечки, вазы и подсвѣчники изъ пальмы.

Отъ Лефортова до Красной площади сколько верстъ? Пальмой торговали въ лавкахъ Гостинаго двора. Пойду, бывало, туда, куплю и для себя и по порученію товарищей пальмовое трехъ-четырехъ вершковое бревно, аршина въ 2—2$^1/_2$ длины. Сколько вѣситъ это, какъ камень тяжелое, дерево, не помню, а взвалю его себѣ на плечо, да такъ съ этимъ бревномъ и шагаю чрезъ всю Москву съ Красной площади въ Лафёртово. Прохожіе съ удивленіемъ смотрятъ на страннаго молодого человѣка въ хорьковомъ пальто съ дорогимъ бобровымъ воротникомъ и въ бобровой шапкѣ: чего онъ, сумасшедшій, претъ такую штуку, заставляя всѣхъ сторониться? А мнѣ любо, смѣшно... Вспоминается теперь это, и думаю: сколько еще дѣтскаго, наивнаго во всякой удали!

VI.

Такова была моя жизнь въ Москвѣ въ эту зиму, таково было мое настроеніе.

Когда я оглядываюсь теперь на то давно прошедшее время, мнѣ приходитъ въ голову, что я отъ юности до старости жилъ бы спокойнѣе и счастливѣе, чѣмъ теперь, если бъ тогдашнее настроеніе мое сохранилось. Но когда я въ то же время думаю: хотѣлъ ли бы я, ради этого спокойствія и счастія, отречься отъ всего пережитаго и выстраданнаго, отъ всего, что наполнило мою душу, вмѣсто самоувѣренности, скептицизмомъ,—что нерѣдко дѣлало меня изъ сильнаго слабымъ, и что, взамѣнъ ограниченной доли счастья, дало мнѣ безконечную горечь познанія добра и зла, я отвѣчаю себѣ: нѣтъ, я не хотѣлъ бы ради сытости и тузоваго благополучія отречься отъ того пути сомнѣній и страданій, на который толкнула меня судьба.

Жизнь и отдѣльныхъ людей, и цѣлыхъ обществъ бываетъ похожа или на стоячія воды, замкнутыя навѣки въ ограниченномъ пространствѣ своихъ береговъ, или на рѣки, пролагающія свой путь чрезъ горы, лѣса и долины; прорывая или огибая всякія препятствія, рѣки неудержимо несутся къ сліянію съ моремъ вѣчности. Чѣмъ больше преградъ на ихъ

пути, чѣмъ эти преграды выше и неодолимѣе, тѣмъ красивѣе и величественнѣе картина теченія: рѣки, текущія по прямой линіи, по плоской однообразной мѣстности, возбуждаютъ въ нашей душѣ мертвящее уныніе. Какъ горы или пропасти даютъ иногда и совершенно неожиданное направленіе рѣкѣ, измѣняютъ и ширину русла, и быстроту теченія, такъ нашу жизнь бросаютъ изъ стороны въ сторону встрѣчающіяся на нашемъ пути случайности.

Одной изъ такихъ направляющихъ случайностей и стала для меня встрѣча съ Николаемъ Петровичемъ Хрусталевымъ,—это былъ жилецъ той комнаты чрезъ корридоръ отъ моей, куда хозяйскій сынъ приходилъ распѣвать свои романсы.

Изъ случайныхъ разговоровъ съ прислугой я узналъ, что Николай Петровичъ ходитъ на службу въ гимназію, но что онъ не учитель, а только надзиратель или классный наставникъ,—не помню какъ ихъ тогда называли,—и что, кромѣ того, онъ „пишетъ въ газетахъ". Но, не смотря на близкое сосѣдство, я въ теченіе первыхъ трехъ недѣль со дня переѣзда сюда познакомиться съ нимъ не успѣлъ. Съ утра до ночи я работалъ, и мнѣ и въ голову не приходило искать знакомства, какъ развлеченія въ часы отдыха: потребности въ отдыхѣ я тогда еще не зналъ. Въ тѣ времена вопроса о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ не существовало. Бывало, отецъ мой нанималъ отъ подрядчиковъ артели каменьщиковъ и плотниковъ съ условіемъ работать по четырнадцати часовъ въ сутки. Такъ работаетъ всякій крестьянинъ во время страды въ полѣ—отъ восхода до заката солнца, съ небольшими перерывами на ѣду и на полуденный сонъ,—такая продолжительная работа казалась совершенно естественной и нанимателямъ, и нанимаемымъ на всякое дѣло. Естественнымъ казалось и отцу моему, и мнѣ всегда и самимъ работать по четырнадцати часовъ въ сутки, а нерѣдко и больше. Тутъ не было и рѣчи ни объ утомленіи, ни о подвигѣ, ни вообще о чемъ-то необычайномъ. Такъ и теперь, въ Москвѣ, я работалъ по четырнадцати часовъ въ сутки, и это меня нисколько не утомляло; напротивъ, въ той быстротѣ, съ какой подвигались мои научныя занятія, была для меня особенная прелесть, придававшая мнѣ силы. Но если у насъ дома, у отца, отдыхъ замѣнялся и гомерическими попойками по двадцати часовъ безъ перерыва, то здѣсь, въ Москвѣ, я твердо рѣшилъ и начала этому не класть. И это было вѣской причиной, чтобъ не только не желать, но и избѣгать знакомства съ моимъ сосѣдомъ: онъ довольно часто возвращался вечеромъ пьяненькимъ, и мнѣ было слышно, какъ онъ бурлилъ въ своей комнатѣ, кричалъ черезъ весь корри-

доръ прислугу, или брелъ къ ней по корридору, покачиваясь и стукаясь плечомъ въ картонныя переборки и буквально сотрясая стѣны.

Но, не смотря на мое нежеланіе, знакомство съ Николаемъ Петровичемъ началось,—и началось именно въ одну изъ такихъ нежеланныхъ минутъ.

Какъ-то разъ вечеромъ, сидя надъ рѣшеніемъ уравненій съ тремя неизвѣстными, я, при нѣкоторой относительной тишинѣ у сосѣдки, услыхалъ стоны въ комнатѣ Николая Петровича. Я насторожился, прислушался: стонетъ. То вскрикнетъ, то опять медленно, тихо стонетъ. Я пріотворилъ свою дверь, стонъ сталъ явственнѣе. Но дверь въ комнату Николая Петровича оказалась закрытой. Я пошелъ въ кухню сказать объ этомъ прислугѣ.

— Пьяный вернулся съ часъ тому назадъ,—сердито проговорила Пелагея, направляясь въ комнату Хрусталева,—пришелъ и спать легъ. Чего, всякое можетъ съ такимъ человѣкомъ случиться, помретъ въ одночасье, помилуй Господи, бѣды наживешь. Пойдемте ужъ вмѣстѣ.

Она отворила дверь къ Николаю Петровичу, и мы вошли. Въ комнатѣ было жарко, душно и темно. Пелагея нашарила спички на столѣ и зажгла свѣчу.

Мнѣ и раньше случалось, чрезъ открытыя двери, въ отсутствіе Николая Петровича, бросить иногда бѣглый взглядъ на эту убогую комнату. Она почти ничѣмъ не отличалась отъ моей, только у меня было два окна на улицу, а у него одно—во дворъ, и на сажень отъ этого окна—высокій заборъ сосѣдняго дома. Обстановка еще неприглядънѣе, чѣмъ у меня. Но самого Николая Петровича я до сихъ поръ никогда не видалъ,—какъ-то не приходилось сталкиваться даже въ корридорѣ. И теперь я съ нѣкоторымъ любопытствомъ смотрѣлъ на этого человѣка.

Это былъ мужчина невысокаго роста, довольно плотный, съ всклокоченной бородой, темнорусой, съ просѣдью. Онъ лежалъ на своей кровати навзничь, въ шубѣ, въ шапкѣ и съ шарфомъ на шеѣ. Очевидно, какъ пришелъ, такъ и рухнулся. Успѣлъ только снять калоши—высокіе ботики московскаго фасона—и они валялись тутъ же, у кровати, распространивъ около себя лужицу отъ растаявшаго снѣга. Николай Петровичъ спалъ крѣпкимъ, но тревожнымъ сномъ; колѣни были согнуты, руки разметались, правая рука свѣсилась съ кровати, налилась кровью и побагровѣла; да и лицо было багровое, а шапка надвинулась на лобъ до самыхъ бровей. Это лицо, съ опухшими закрытыми вѣками, темносиними, производило отталкивающее впечатлѣніе. Щеки были надуты, а губы плотно сжаты; но онѣ постоянно открывались,

точно клапанъ, выпускали съ шумомъ струю воздуха и опять закрывались.

— Ишь вѣдь уходился какъ!—ворчала Пелагея.—Что же теперь съ нимъ дѣлать? Раздѣвать что ли надо.

— А можетъ-быть за докторомъ послать?—сказалъ я.

Пелагея сдвинула свои черныя брови, и красивое лицо ея приняло выраженіе раздумья. Помолчавъ, она рѣшила:

— Надо позвать хозяина, я одна и притронуться боюсь. Было со мной разъ: умеръ на рукахъ человѣкъ; такъ послѣ таскали меня, таскали по участкамъ-то...

Она подошла къ дверямъ и громко крикнула въ корридоръ:

— Семенъ Васильевичъ, подь-те-ка сюда!

Въ концѣ корридора, изъ открытыхъ дверей хозяйской комнаты, высунулась голова нашего старичка.

— Что тебѣ?

— Да подь-те-ка сюда скорѣй, говорятъ вамъ.

Старичекъ, въ халатѣ, шлепая туфлями, прибрелъ къ намъ.

— Вотъ полюбуйтесь-ка на красоту нашу.

Семенъ Васильевичъ покачалъ головой и добродушно произнесъ:

— Чего же ты, раздѣвать надо.

Пелагея подошла къ спящему и сняла съ него шапку. Большой лобъ, уже лысѣющій, съ жиденькими волосами, былъ влаженъ и красенъ. Лицо Николая Петровича, очень характерное, показалось мнѣ теперь, не смотря на его багровость, интереснымъ.

— Помогите поднять-то,—сказала Пелагея.

Обязанность помочь ей принялъ на себя я,—тщедушный хозяинъ остался нѣмымъ свидѣтелемъ.

Мы съ Пелагеей приподняли Николая Петровича и стали снимать шубу. Намъ удалось сдѣлать это, даже не разбудивъ его. Потомъ мы разстегнули ему жилетъ, рубашку и брюки на животѣ. Я поддерживалъ его за плечи, а Пелагея потянула съ его плечъ сюртукъ. Николай Петровичъ безчувственно поворачивался въ нашихъ рукахъ и уже не стоналъ, а только отъ времени до времени мычалъ. Въ боковыхъ карманахъ сюртука торчалъ съ одной стороны бумажникъ, съ другой—газета и какія-то бумаги. Пелагея повѣсила сюртукъ въ шкафъ у кровати.

Облегченный отъ давившей его одежды, Николай Петровичъ вздохнулъ теперь свободнѣе, кровь отлила отъ лица, и, когда мы опять опустили его голову на подушку, онъ, показалось мнѣ, сквозь сонъ улыбнулся!

Пелагея принялась стаскивать съ него сапоги. Но это оказалось не такъ-то легко: вмѣстѣ съ сапогами здоровенная

баба потащила за ноги и все тѣло. Пришлось мнѣ придержать его за плечи. Но тутъ Николай Петровичъ проснулся. Онъ открылъ глаза, приподнялся на постели и, окинувъ всѣхъ насъ мутнымъ, пьянымъ взглядомъ, крикнулъ неистово:—Ахъ, вы такіе-сякіе!.. Караулъ!..—но сейчасъ же, вглядѣвшись въ насъ пристальнѣе и узнавъ свою комнату и державшую его за ноги Пелагею, онъ совсѣмъ очнулся и съ пьяной улыбкой забормоталъ:

— Полинька, это вы? Это вы, радость моя трехъаршинная? Это вы что же?..

— Да что же и гдѣ же это видано, чтобы спать въ шубѣ?— сердитымъ голосомъ, но уже съ доброй улыбкой напустилась на него Пелагея,—мы думали, вы тутъ помрете.

Николай Петровичъ посмотрѣлъ на меня, на хозяина и, сдѣлавъ намъ ручкой, очень мило произнесъ:

— Зачѣмъ помирать, когда все такъ прекрасно на этомъ свѣтѣ!

Я, видя, что мое дальнѣйшее пребываніе здѣсь излишне, слегка кивнулъ Николаю Петровичу головой и пошелъ къ дверямъ. Хозяинъ послѣдовалъ моему примѣру, но при этомъ укоризненно замѣтилъ своему давнему жильцу:

— Эхъ, всѣхъ только безпокоите!

Николай Петровичъ буркнулъ намъ вслѣдъ весьма выразительно:—Дураки!—и сейчасъ же, въ игриво-ироническомъ тонѣ, обратился къ помогавшей ему раздѣваться Пелагеѣ:

— Цѣль вашей жизни, Полинька?

— Ну-ка, поворотитесь,—ворчала Пелагея,—люди-то въ это время ко всенощной ходятъ, а вы, посмотрите-ка что!

Николай Петровичъ поворачивался, давая ей снять съ себя жилетку, и продолжалъ:

— Позвольте узнать цѣль вашей жизни, прелестная дѣвица?

— А, ну, чтобъ тебя тутъ! Раздѣвайтесь что-ли скорѣй, Николай Петровичъ, мнѣ спать пора.

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи, зачѣмъ ты и спишь, и бодрствуешь на этомъ свѣтѣ, Полинька?

Дальнѣйшаго разговора я уже не могъ разобрать, уйдя въ свою комнату. Я слышалъ только, какъ Пелагея, раздѣвъ Николая Петровича, ушла и затворила за собой двери.

VII.

Я сѣлъ за работу и отъ времени до времени прислушивался. Николай Петровичъ уже не стоналъ. Но, раздѣтый и уложенный въ постель, онъ, кажется, не могъ уснуть. Онъ

то замолкалъ, то что-то довольно громко напѣвалъ пьянымъ голосомъ.

Прошло съ четверть часа, и я слышу, что дверь у Николая Петровича отворилась, и онъ какъ будто шепотомъ, но достаточно громко, зоветъ:

— Полинька! Полинька, а, Полинька!

Шепотъ переходитъ въ пѣвучій фальцетъ, смѣющійся и дразнящій:

— По-ли-нь-ка!—раздается по всему корридору.

И опять тихимъ, густымъ шепотомъ:—Полинька, а, Полинька!

Въ концѣ корридора, наконецъ, показалась Пелагея:

— Ну, что вамъ еще, Николай Петровичъ?

— Пожалуйте ко мнѣ, прелестная дѣвица.

Полинька была уже у его двери и опять спрашивала:

— Что вамъ надоть?

— Цѣль вашей жизни позвольте узнать, Полинька.

— Тьфу! Да вы говорите, что вамъ нужно-то?

— Ничего больше, радость моя. Цѣль вашей жизни?

— Бога вы не боитесь, Николай Петровичъ, вотъ что! Я и такъ-то день-то деньской маюсь - маюсь на васъ на всѣхъ, шмыгаю изъ кухни въ комнаты, да ломаюсь съ утра до вечера, а вы, и на ночь глядя, покою не даете.

— Но цѣль вашей жизни, Полинька? Позвольте, узнать, для чего вы существуете?

— Ахъ, Николай Петровичъ, да говорите скорѣе, подать вамъ, что ли, что-нибудь?

Для Пелагеи эта сцена была не новость; она знала, что это только прелюдія къ какому-нибудь требованію въ родѣ посылки въ лавку за папиросами или за водкой. Николай Петровичъ всегда щедро вознаграждалъ ее, и она относилась со свойственнымъ ей спокойствіемъ къ его непонятнымъ ей выходкамъ. Но на этотъ разъ онъ все еще продолжалъ дразнить ее.

— Ничего не нужно, прелесть моя, одно хочу знать: на кой чортъ вы существуете на этомъ прекрасномъ свѣтѣ, гдѣ все было бы такъ хорошо, если бы васъ не было, Полинька!

— А, ну васъ, Николай Петровичъ, некогда мнѣ съ вами пустяки болтать!—и Пелагея повернулась, чтобы уйти въ кухню.

Но онъ торопливо, точно боясь, чтобы она въ самомъ дѣлѣ не ушла, опять громкимъ шепотомъ сталъ звать ее:

— Полинька, Полинька, Полинька! Постойте, Полинька, вернитесь, ангелъ мой!

Пелагея вернулась. Николай Петровичъ умоляющимъ го-

лосомъ медленно, стараясь быть убѣдительнымъ, произнесъ простирая къ ней руки:

— Цѣль вашей жизни, родная моя?

Онъ точно плакалъ теперь, произнося эти слова, но Пелагея, уже ничего не отвѣтивъ ему, повернулась и рѣшительно пошла въ кухню. Въ догонку ей Николай Петровичъ громко засмѣялся и вызывающимъ тономъ крикнулъ:

— Полинька, милліонъ англичане даютъ, если скажете, слышите, милліонъ!

Но Пелагея уже ушла. А Николай Петровичъ, смѣясь, сокрушенно повторялъ ей вслѣдъ:—глупая, глупая!

Мнѣ было немного досадно, что онъ такъ безцеремонно шумитъ, и никто не протестуетъ. Но, вспомнивъ всѣ другіе шумы, которыми былъ такъ богатъ нашъ убогій домикъ, я улыбнулся и подумалъ: „школа терпѣнія!“ При нашей бѣдности, ни хозяину, ни жильцамъ не полагалось быть не въ мѣру требовательными.

Между тѣмъ, Николай Петровичъ, вѣроятно, замѣтивъ у меня чрезъ дверныя щели огонь, пріотворилъ немного дверь въ мою комнату и просунулъ голову.

— Вы не спите, прекрасный молодой человѣкъ?

Я, не вставая изъ-за стола, повернулся къ нему съ улыбкой и сказалъ:

— Нѣтъ. Что вамъ угодно?

— Позвольте отдать вамъ визитъ, не откладывая до завтрашняго утра.

Онъ рѣшительно отворилъ при этихъ словахъ дверь и вошелъ ко мнѣ, какъ былъ, въ рубашкѣ, подштанникахъ и чулкахъ, безъ туфлей. Онъ подошелъ прямо ко мнѣ, протянулъ руку и рекомендовался:

— Магистръ богословія, Николай Петровичъ Хрусталевъ.

Я привсталъ и, здороваясь съ нимъ, назвалъ себя. Онъ повернулся ко мнѣ спиной, пошелъ къ дивану и сѣлъ на него, поджавъ подъ себя ноги, по-турецки, калачикомъ.

— Чортъ возьми, какая жесткая мебель у нашего стараго хрыча,—проворчалъ онъ, ощущая нѣкоторую неловкость въ этой позѣ. — Не можетъ завести настоящаго турецкаго дивана.

Онъ слѣзъ, взялъ первый попавшійся стулъ и, сѣвъ снова на диванъ, протянулъ ноги на стулъ.

— Вотъ такъ удобнѣе.

Я молчалъ и всматривался въ его лицо. Оно было „пьяно“, но въ глазахъ моего нежданнаго гостя уже свѣтилась яркая, умная улыбка; крѣпкій сонъ видимо протрезвилъ его. И мнѣ показалось, что онъ чудитъ теперь не столько спьяна, сколько по свойству своей натуры, своихъ привычекъ.

Въ свою очередь внимательно посмотрѣвъ на меня, Николай Петровичъ спросилъ:

— Позвольте узнать, чему обязанъ былъ сейчасъ вашимъ посѣщеніемъ?

Я какъ-то не сразу нашелся, что отвѣтить. Съ нѣкоторой запинкой я разсказалъ ему, что, услыхавъ стонъ изъ его комнаты, я подумалъ, что ему больно, и пошелъ помочь.

Онъ улыбнулся и кивнулъ головой:

— Благодарствуйте.

Потомъ, немного помолчавъ, онъ точно о чемъ-то раздумывая, очень серьезно спросилъ:

— А съ какой собственно цѣлью вы явились ко мнѣ на помощь?

— То есть какъ, съ какой цѣлью? — немного изумился я:—съ цѣлью избавить васъ отъ страданій. Вамъ могло быть очень худо.

— Изъ человѣколюбія, стало-быть?

— Ну, да, изъ человѣколюбія, если хотите.

— Такъ-съ. Боялись, стало-быть, что вдругъ можетъ пресѣчься моя плодотворная, много-полезная жизнь?

— Какова бы ни была жизнь, мы должны предохранять ее отъ преждевременнаго прекращенія,—замѣтилъ я.

— Преждевременнаго?—Онъ сдѣлалъ удивленное лицо, широко раскрытыми глазами посмотрѣлъ на меня и тѣмъ же вопросительнымъ тономъ повторилъ:—Преждевременнаго?... Такъ-что вы изволите точно знать предѣлъ времени, назначеннаго мнѣ для жизни?—И съ усмѣшкой прибавилъ:— Чрезвычайно любопытно!

Я чувствовалъ, что его манера говорить начинаетъ раздражать меня, и довольно сухо отвѣтилъ ему:

— Я не знаю времени, отмѣреннаго вамъ для жизни, но разъ она случайно могла нѣсколько минутъ тому назадъ прекратиться отъ удара или удушенія и, благодаря постороннему вмѣшательству, не прекратилась, значитъ, ея прекращеніе было бы преждевременнымъ.

— Вы думаете? — сказалъ онъ, принимая невозмутимо серьезный видъ.—Такъ-что вы думаете, что мнѣ еще неопредѣленное время весьма нужно продолжать всѣ нынѣ возложенныя на меня благостью Всевышняго плодотворныя занятія?

На этотъ разъ я почувствовалъ въ его тонѣ уже не простое шутовство. Едва уловимая нотка глубокой скорби прозвучала въ его словахъ. И мнѣ почему-то стало теперь несравненно больше жаль его, чѣмъ въ ту минуту, когда я увидалъ его давеча на кровати, багровымъ и стонущимъ.

И я, уже съ чувствомъ невольнаго уваженія къ чужому страданію, отвѣтилъ:

— О вашей жизни я собственно ничего не думаю, а дѣйствовалъ въ извѣстную минуту просто подъ вліяніемъ какого-то внутренняго внушенія, говорившаго мнѣ, что нужно идти и помочь.

— Такъ-съ. Это очень хорошо, когда человѣкъ можетъ дѣйствовать подъ вліяніемъ самому ему непонятнаго влеченія.

Помолчавъ, онъ съ улыбкой спросилъ:

— Такъ-что вы, можетъ-быть, можете такимъ же непонятнымъ для меня и для васъ образомъ объяснить мнѣ, зачѣмъ я буду, напримѣръ, пить завтрашній день?

Я разсмѣялся.

— Нѣтъ, этого я вамъ объяснить не могу. Да и почему же вы непремѣнно будете пить?

— Буду. Это мнѣ ужъ доподлинно извѣстно. А почему?— вотъ это вы и потрудитесь разрѣшить. А то я не знаю, а знать хотѣлось бы. Дайте-ка папиросу.

— Я не курю, у меня нѣтъ,—отвѣтилъ я.

— Эхъ! У меня тоже нѣтъ! А я-то думалъ!—Онъ въ огорченіи покачалъ головой и, помолчавъ, рѣшительно отрѣзалъ:—ну, наплевать.—Немного задумавшись, онъ вдругъ совершенно серьезно, какъ будто задавалъ мнѣ самый дѣловой вопросъ, безъ малѣйшихъ слѣдовъ опьяненія или шутовства, спросилъ:

— А позвольте узнать цѣль вашей жизни, молодой человѣкъ?

Я невольно улыбнулся и, не торопясь, отвѣтилъ:

— Это не такой вопросъ, на который я могъ бы вамъ отвѣтить такъ... сразу... въ двухъ словахъ.

— Вотъ, вотъ!—прервалъ онъ меня, сохраняя серьезный, спокойный видъ.—Вотъ и Полинька то же самое говоритъ. Сколько разъ ни обращался я къ этой прекрасной дѣвицѣ,— „не могу знать“—говоритъ. Да что Полинька!..

Онъ вскочилъ и началъ ходить по комнатѣ.

— Къ кому ни обращаюсь, никто не можетъ отвѣтить!.. Но я васъ очень прошу, молодой человѣкъ, вы мнѣ скажите, вѣдь есть же у васъ какая-нибудь цѣль въ жизни?

Я нерѣшительно произнесъ:

— Что же... прежде всего учиться...

— Прекрасно. Потомъ?

— Потомъ дѣлать дѣло.

— Какое?

— Какое въ извѣстное время представится по обстоятельствамъ, по моимъ силамъ и способностямъ.

— Восхитительно. Для чего?

Я на секунду задумался, потомъ отвѣтилъ:

— Для того, чтобы быть полезнымъ другимъ.

— Пять съ плюсомъ. А для чего вамъ нужно быть полезнымъ другимъ, для чего имъ нужно, чтобы вы были имъ полезны?

Я отвѣтилъ:

— Для того, чтобы всѣмъ было хорошо жить.

— Четверка. Но что значитъ—хорошо жить? Зачѣмъ всѣмъ нужно хорошо жить? Зачѣмъ вообще жить?

Мнѣ было ясно, что онъ говоритъ продуманныя имъ, заученныя фразы, и мнѣ стало интересно, до чего онъ договорится. Я съ своей стороны отвѣчалъ ему уже машинально, первое, что приходило въ голову. Я сказалъ:

— Жить надо хорошо потому, что жить худо непріятно, а мы родились на свѣтъ затѣмъ, чтобъ жить. А хорошо жить—это жить такъ, какъ каждому нравится.

— Три съ минусомъ. Но вѣдь вы не знаете, зачѣмъ вы родились? Вы можете сдѣлать глупость—народить другихъ. И всѣ такимъ образомъ народившіеся будутъ приносить пользу, помогая другъ другу жить столь прекрасно, какъ кому нравится? Да?

— Совершенно вѣрно,—отвѣтилъ я.

Онъ тономъ выговора возразилъ мнѣ:

— Такъ какъ же вы будете помогать мнѣ жить, когда *у меня нѣтъ* цѣли жизни?

— Я думаю, что у каждаго человѣка должна быть одна цѣль—жить для пользы другихъ. Эта же цѣль должна быть, мнѣ кажется, и у васъ... Я такъ это понимаю... и съ этой цѣлью считаю своимъ долгомъ помогать жить и вамъ, если придется.

— Такъ-съ!—разсмѣялся онъ.—Благодарствуйте!.. Благодарствуйте, что нашли даже и для меня цѣль жизни.— И впадая въ азартъ, онъ продолжалъ: — Но вѣдь это она ваша, эта цѣль-то, и вы мнѣ ее изволили навязать. Благодарствуйте! Позвольте возвратить обратно. Замирилъ да подъ тебя. Да-съ, это *ваша* цѣль, ну, и извольте ею пользоваться во всю. А вотъ гдѣ она, моя-то, та, которую я для себя желалъ бы найти, чтобъ сказать: вотъ! Гдѣ она-то, позвольте узнать?

— Да, ужъ этого я не знаю, — съ нѣкоторой досадой на него отвѣтилъ я.

— Ну, вотъ, представьте себѣ, и я не знаю, — сердито проворчалъ Николай Петровичъ. Потомъ, подойдя ко мнѣ вплотную и уперевъ фертомъ руки въ боки, онъ началъ кричать на меня.—Ну, такъ какъ же ты хочешь мнѣ помогать жить! Какъ же ты хочешь быть мнѣ полезнымъ и дѣлаешь изъ этого цѣль жизни себѣ! Мальчишка, дуракъ, и больше ничего! Колъ! Въ уголъ и на колѣни, на горохъ!

Но въ его полупьяныхъ глазахъ свѣтилась при этомъ такая добрая улыбка, что и я, слушая его ругательства, невольно улыбнулся.

А онъ, внезапно вздрогнувъ, уже подпрыгивалъ съ ноги на ногу и быстро заговорилъ:

— Брр!.. Однако, какъ холодно, чортъ возьми! Ну, до свиданья! Теперь спать пойду... А къ завтраму урокъ приготовь, а то опять поставлю единицу—и въ уголъ! До свиданья.

Онъ протянулъ мнѣ руку и ушелъ.

XIII.

Минутъ черезъ пять я уже услыхалъ доносившійся изъ его комнаты крѣпкій храпъ съ посвистомъ.

А я,—я забылъ, что наступила ночь, что въ домѣ все затихло, что прошелъ и тотъ часъ, когда обыкновенно укладывался на свое неудобное ложе и я. На столѣ, предо мной, лежала начатая алгебраическая задача, но уже никакія отвлеченныя формулы не шли мнѣ въ голову. Я точно и въ самомъ дѣлѣ уже готовилъ теперь тотъ „урокъ“, который этотъ пьяный человѣкъ задалъ мнѣ „на завтра“.

„Цѣль вашей жизни?“

Какъ это просто—поставить такой вопросъ. Это можно спьяна. И какъ это трудно — отвѣтить на него!.. Отвѣтить трезво, обдуманно, сознательно, а не повторяя вычитанныя или навѣянныя чужія рѣшенія, за которыми мы, бросаясь изъ стороны въ сторону, большею частію бредемъ безцѣльно.

Моя мысль понеслась, какъ испуганный конь, по степи воображенія, прыгая черезъ овраги и бугры всякихъ воспоминаній прошлаго, всякихъ надеждъ на будущее, понеслась въ невѣдомое, ища эту загадочную „цѣль“. И чѣмъ я углублялся дальше, чѣмъ больше встрѣчалось въ этой необъятной степи овраговъ и бугровъ, тѣмъ они становились шире и круче и тѣмъ болѣе ослабѣвалъ мой конь—моя мысль.

Я долго сидѣлъ въ раздумьи, долго ходилъ я по комнатѣ, и опять садился за столъ; и о чемъ я ни думалъ теперь, все сводилось къ одному: найти бы одинъ только этотъ проклятый x или y—цѣль жизни,—и всякія другія неизвѣстныя величины въ сложной формулѣ нашего бытія будутъ находиться уже съ величайшей легкостью.

По счастливо сложившимся обстоятельствамъ, мнѣ съ самаго дѣтства пришлось, въ домѣ отца, наслушаться немало всякихъ споровъ на отвлеченныя темы: и о религіи, и о взаимныхъ отношеніяхъ классовъ, правящихъ и упра-

вляемыхъ, и о задачахъ искусства, о свободѣ, равенствѣ и братствѣ, о чувствѣ долга и любви, — и я считалъ себя въ то время очень развитымъ юношей съ опредѣленными взглядами и былъ доволенъ не только собой, но и всѣмъ міромъ; несовершенства мірового порядка казались мнѣ случайными, временными, легко исправимыми при дружномъ усиліи людей съ такими хорошими намѣреніями, какія были у меня: жить и давать жить другимъ.

А сегодня... этотъ случайный разговоръ съ пьянымъ сосѣдомъ—и я чувствую, что всѣ устои моего жизнерадостнаго, самоувѣреннаго міровоззрѣнія получили такой грубый толчокъ, послѣ которого необходимо опять привести ихъ въ порядокъ: безъ этого нельзя продолжать строить на нихъ зданіе жизни.

Пусть его слова—софизмы; пусть онъ человѣкъ съ расшатанной волей, съ надломленной душой,—но онъ всетаки еще живой и мыслящій человѣкъ, видимо не мало подумавшій надъ „проклятыми вопросами", и я долженъ, я не могу не считаться съ нимъ, съ его нежеланіемъ принять одну изъ тѣхъ цѣлей жизни, которыя мы съ легкимъ сердцемъ готовы навязать другъ другу.

Такъ въ этотъ вечеръ, въ эту ночь и остались неразрѣшенными мною и начатая алгебраическая задача, и заданная мнѣ Николаемъ Петровичемъ. Утомленный, я, наконецъ, легъ, но и въ постели долго не могъ уснуть. Уже засыпая, вспомнивъ разговоръ Николая Петровича съ Полинькой, я съ улыбкой повторялъ: — Да, англичане милліонъ даютъ, ежели найдешь... Много денегъ, а стоитъ!

IX.

На другой день утромъ я проснулся довольно поздно. Николай Петровичъ, оказалось, всталъ ранѣе меня. Какъ только Пелагея подала мнѣ чай, онъ пріотворилъ мою дверь и спросилъ:

— Можно войти?

— Пожалуйста.

Онъ былъ совсѣмъ одѣтъ и вполнѣ приличенъ; не замѣтно было и слѣдовъ вчерашняго пьянства, кромѣ развѣ нѣкотораго утомленія на лицѣ, но это выраженіе было у него, повидимому, всегдашнимъ.

— Милостивый государь, господинъ молодой человѣкъ,— началъ онъ въ шутливомъ тонѣ, подходя ко мнѣ и протягивая мнѣ руку,—вы меня извините за вчерашнее.

— Полноте, что вы,—прервалъ я его.

— Ну, тамъ полноте не полноте, а всетаки извините. Знаете, въ пьяномъ видѣ и не такого еще наговоришь, языкъ мелетъ, а голова не думаетъ. Но я вижу, вы малый порядочный, а я вѣдь всетаки постарше васъ. Дѣятельность моя, надо вамъ сказать, заключается въ томъ, чтобы въ гимназіи мальчишекъ въ порядокъ приводить. Ну, эти оболтусы каждый день меня изъ терпѣнія выводятъ, я ихъ и ругаю. А они всетаки за что-то меня любятъ и, пострѣлята, нимало не боятся меня. Ну, такъ вотъ и привыкъ къ начальническому тону: страхъ внушаю. Вы вѣдь не сердитесь на меня, что я съ вами такъ говорю?

— Помилуйте... развѣ я не понимаю, — сказалъ я, чтобы что-нибудь сказать.

— Ну, вотъ. Вы вчера проявили ко мнѣ... сочувствіе... Хоть оно, собственно, и незачѣмъ было... но я всетаки чувствую къ вамъ теперь нѣкоторое расположеніе. Будемте друзьями. Я вѣдь тоже не каждый же день пьянъ бываю, можетъ быть, чѣмъ нибудь и вамъ могу быть полезенъ. Вы тутъ что, собственно, дѣлаете?

Онъ сѣлъ на диванъ опять на тоже мѣсто, гдѣ сидѣлъ вчера, но уже совершенно чинно. И, слово за словомъ я разсказалъ ему, кто я и зачѣмъ пріѣхалъ въ Москву. Онъ сидѣлъ спокойно, молчалъ и слушалъ внимательно, изрѣдка задавая мнѣ вопросы, точно экзаменуя меня и по исторіи моего прошлаго, и по „метафизикѣ" моего будущаго. Но чѣмъ опредѣленнѣе выяснялъ я ему мои будущіе планы, мою будущую практическую дѣятельность въ качествѣ фабриканта по окончаніи курса Техническаго училища, тѣмъ онъ становился равнодушнѣе. Повидимому, судьба такого человѣка, съ такими планами, нисколько его не занимала. И онъ какъ-то машинально сказалъ въ заключеніе:

— Что-жъ, дѣло доброе.

Но въ звукѣ его голоса слышалость какъ будто: „много васъ такихъ-то!"

И я послѣ вчерашняго разговора, невольно какъ-то подсказывалъ за него: „ну, а цѣль вашей жизни?"

Мы поговорили еще о пансіонѣ, гдѣ я занимался токарнымъ мастерствомъ, о программѣ Техническаго училища, о гимназіяхъ, но этотъ разговоръ былъ сухъ и безжизненъ. Перейти же на почву разсужденій во вчерашнемъ духѣ Николай Петровичъ, повидимому, не рѣшался. Раза два въ минуты короткихъ паузъ онъ неопредѣленно вздохнулъ. Потомъ вдругъ круто оборвалъ какую-то мою рѣчь:

— А что, господинъ молодой человѣкъ, какъ вы думаете: если намъ пойти въ трактирчикъ позавтракать?.. Да какъ васъ зовутъ то?

Я назвалъ себя. Хотя я уже рекомендовался ему вчера, но онъ, очевидно, забылъ.

— Ну, такъ вотъ что, миленькій Иванъ Матвѣевичъ,— заговорилъ онъ, оживляясь, — пойдемъ-ка въ трактирчикъ. Сегодня воскресенье, нельзя же вамъ все надъ книжками корпѣть, вѣрьте моей педагогической опытности, это ни къ чему хорошему не поведетъ. Ну, для меня! Я сегодня, чортъ возьми, проснулся съ похмѣлья рано, теперь вотъ подъ ложечкой сосетъ, а вѣдь отъ нашего хозяйскаго брандахлыста, сами знаете, сытъ не будешь. Дѣло, гляди-ка, къ полудню, пока дойдемъ, да что,—самое настоящее будетъ время. Идемъ что ли?

Я сталъ-было отнѣкиваться. Но онъ настаивалъ:

— Нѣтъ, ужъ если вы приняли вчера во мнѣ участіе, если вы на меня не сердитесь, и въ душѣ къ пьяному человѣку презрѣнія не чувствуете, знакомствомъ со мной не брезгаете, такъ позвольте угостить васъ. Я вѣдь по общественному-то положенію, какъ ни какъ, гожусь и вамъ если не въ наставники, такъ въ надзиратели. Такъ маршъ—пожалуйте со мной!

Я по опыту зналъ, что если чортъ любопытства манитъ васъ къ чему-то неизвѣстному, то ужъ лучше сразу добираться въ этомъ неизвѣстномъ до дна: по крайней мѣрѣ, потомъ опять войдешь въ обычную рабочую колею; не то будешь сидѣть у дѣла, дѣла не дѣлая, а только перебирая въ мысляхъ то, къ чему тянетъ чортъ любопытства. Николай Петровичъ отнялъ у меня вчера весь вечеръ, я буду думать о немъ и сегодня, такъ ужъ лучше договориться съ нимъ до конца.

Я согласился, и мы пошли.

Когда мы вышли на улицу, Николай Петровичъ нѣкоторое время молчалъ. Онъ раза два искоса взглянулъ на мой бобровый съ просѣдью воротникъ и бобровую шапку. Не знаю, что онъ думалъ въ это время, но я отчетливо испытывалъ чувство неловкости, глядя на его сильно потертое пальто на черномъ овчинномъ мѣху, съ плохимъ овчиннымъ же воротникомъ, и очень старую барашковую шапку. Мнѣ было какъ-то стыдно передъ нимъ за то, что на мнѣ слишкомъ дорогое платье. А Николай Петровичъ, повидимому, не могъ разобраться въ контрастѣ, какой представляла моя внѣшность съ той убогой обстановкой, гдѣ судьба свела насъ. Поэтому въ трезвомъ видѣ, идя теперь рядомъ со мной, онъ, казалось, еще не зналъ, какой взять тонъ.

Погода стояла чудная. Былъ конецъ ноября. Зима только-что окончательно установилась, морозы были легкіе, и снѣгу немного. Бѣлокаменная была похожа на красную русскую

дѣвицу, что вышла на прогулку въ ясный солнечный день, одѣвшись въ новую заячью шубку.

Морозъ и солнце дѣйствовали на меня возбуждающимъ образомъ; я чувствовалъ съ каждымъ шагомъ приливъ энергіи и необъяснимой радости бытія. Каждый ветхій домикъ, окутанный искрящимся снѣгомъ, каждая золоченая маковка попадавшихся намъ на пути старинныхъ церквей, сіяли подъ лучами солнца юностью сегодняшняго дня и наполняли мою душу восторгомъ. Отдаваясь этому настроенію, я, минутами, просто не замѣчалъ шагавшаго вмѣстѣ со мной Николая Петровича и забывалъ не только про „цѣль жизни", но и про ближайшую цѣль нашего путешествія.

А Николай Петровичъ, уткнувши носъ въ воротникъ, молчаливо смотрѣлъ въ землю и, по морозцу, все ускорялъ шагъ, какъ будто торопился поскорѣе добраться до мѣста: точно его что-то гнало съ поля жизни въ тихую пристань.

— Ну, вотъ, сейчасъ придемъ,—повторялъ онъ по мѣрѣ того, какъ мы поворачивали изъ улицы въ улицу,—тутъ у меня есть трактирчикъ такой, знакомый... уголокъ насиженный... кредитъ. Разъ въ мѣсяцъ расплачиваюсь.

Мнѣ опять стало непріятно при мысли, что я иду угощаться на его счетъ. Но, не отказавшись сначала, теперь уже надо было настраивать себя на подобающій ладъ, и я рѣшалъ, что буду платить за свою долю или „дамъ реваншъ".

Мы подошли, наконецъ, къ трактирчику средней руки, и Николай Петровичъ обрадованно произнесъ:

— Вотъ!

Въ залѣ было довольно людно,—и все воскресная публика: пріодѣтые мастеровые, мелкіе приказчики, два-три чиновника, судя по лежавшимъ около нихъ фуражкамъ.

Николай Петровичъ повелъ меня въ дальнюю комнату; но, увы, его насиженное мѣсто тамъ оказалось занятымъ. Это видимо очень огорчило и разстроило Николая Петровича. Онъ какъ будто растерялся. Но подлетѣвшій къ нему знакомый половой тотчасъ успокоилъ его:

— Тамъ уже кончили-съ и сейчасъ уйдутъ. Пожалуйте сюда покудова, присядьте.

Николай Петровичъ взялъ карточку, заказалъ холодной осетрины и спросилъ меня:

— Вы бѣлое вино пьете?

— Пью всякое.

— Кахетинское?

— Кахетинскаго у насъ не пивали,—отвѣтилъ я, и съ улыбкой добавилъ,—но давайте, будемъ пить кахетинское.

— Ну, вотъ и отлично. Попробуете, такъ во вкусъ войдете. Вѣрно говорю вамъ.

Въ это время столикъ въ нишѣ у окна освободился, и Николай Петровичъ радостно скомандовалъ:

— Гуляй туда!

На этомъ насиженномъ мѣстѣ у него былъ такой видъ, какъ будто онъ вошелъ на каѳедру.

Половой поставилъ передъ нами приборы, подалъ вино. Николай Петровичъ налилъ стаканы и, чокаясь со мной, почему-то подмигнулъ мнѣ и съ усмѣшкой произнесъ:

— Ну-съ, Иванъ Матвѣевичъ, для перваго знакомства!— Потомъ вдругъ спросилъ:—Да вы, папенькинъ сынокъ, вина-то не боитесь?

Я улыбнулся и „съ достоинствомъ" отвѣтилъ:

— Пивалъ, Николай Петровичъ. И съ папенькой пивалъ, и съ вами могу выпить.

— Вотъ это хорошо!—обрадовался онъ.—Вотъ этакихъ люблю!.. Да вотъ что: выпьемъ мы съ тобой на брудершафтъ. Пить молча—тоска одна; а не могу я съ человѣкомъ по душѣ на *вы* разговаривать. Я и Гилярову-Платонову въ пьяномъ видѣ *ты* говорю. Выпьемъ брудершафтъ!

Я протянулъ ему стаканъ, чокнулся и сказалъ:

— Не церемоньтесь, говорите мнѣ ты. Я вѣдь и въ самомъ дѣлѣ мальчикъ передъ вами.

— Ну, вотъ, за это—молодецъ!

И онъ сразу допилъ до дна свой стаканъ и налилъ снова...

Половой подалъ осетрину.

X.

— Пойми ты, другъ мой,—говорилъ Николай Петровичъ:— ну, какое можетъ быть у человѣка къ человѣку расположеніе, если каждую минуту бояться, съ позволенія сказать, на хвостъ его самолюбія наступить.

Но, не смотря на брудершафтъ, нашъ разговоръ сначала всетаки не выходилъ изъ колеи общихъ мѣстъ: мы говорили и объ осетринѣ и другихъ рыбахъ, и о московскихъ трактирахъ, и о винѣ. Бутылка тѣмъ временемъ была опорожнена. Николай Петровичъ потребовалъ другую. Я согласился продолжать только на томъ условіи, что я плачу въ свою очередь за эту вторую. Николай Петровичъ круто оборвалъ меня:

— Не говори глупостей. Что же ты думаешь, что ты богатый папенькинъ сынокъ, такъ тебѣ мое вино пить зазорно? А почему ты думаешь, что мнѣ не зазорно пить вино на деньги твоего папеньки? Вѣдь ты ихъ не заработалъ? А я свои заработалъ.

И, насмѣшливо смотря на меня, онъ продолжалъ поддразнивающимъ тономъ:

— У тебя, братъ, вонъ цѣль жизни есть, тебѣ деньги нужны для какихъ-то тамъ дѣлъ... А я—что зарабатываю, все вотъ здѣсь пропиваю. Ты думаешь, я мало зарабатываю, что живу я въ такой же конурѣ, какъ ты? Такъ ты не думай этого. Жалованье получаю, уроки даю, въ газетахъ строчу. Понялъ? Дѣтей у меня нѣтъ, наслѣдниковъ нѣтъ, матушка пенсію получаетъ. Раскуси-ка. Ты можешь меня угостить въ другой разъ, сколько хочешь, а сегодня, если ты считаться будешь, бери шапку и пошелъ вонъ!

Я улыбнулся и дружелюбно чокнулся съ нимъ полнымъ стаканомъ уже изъ новой бутылки.

Вино, повидимому, дѣйствовало на Николая Петровича довольно быстро; но опьяненіе какъ будто остановилось сразу на извѣстной степени, и дальнѣйшія дозы уже мало измѣняли установившееся полухмельное состояніе. Николай Петровичъ только становился все разговорчивѣе и началъ говорить безъ умолку въ томъ же своемъ саркастическомъ тонѣ и въ томъ же духѣ, что и вчера.

Что касается меня—я могъ въ то время выпить неограниченное количество какого бы то ни было вина безъ видимыхъ послѣдствій для себя: наступало только легкое возбужденіе, чувствовалась маленькая слабость въ ногахъ, подъ конецъ сонливость,—но голова моя всегда оставалась совершенно свѣжей. И когда Николай Петровичъ спросилъ меня теперь еще разъ:—„да ты не боишься пить-то?“—я ему хвастливо отвѣтилъ, что не прочь съ нимъ потягаться: до сихъ поръ меня никто изъ сверстниковъ не перепивалъ.

— Ну, пить на споръ не стану,—равнодушно возразилъ на это Николай Петровичъ,—этимъ могутъ дураки заниматься, которымъ дѣлать больше нечего. А я, братъ, пью для души... для удовольствія... сколько хочется.

Онъ вдругъ сталъ грустенъ и на мгновеніе задумался. Потомъ, посмотрѣвъ на меня печальнымъ и въ то же время ласковымъ взглядомъ, онъ точно нехотя произнесъ:

— Я въ твои-то годы совсѣмъ ничего не пилъ.

— Ну, вотъ видите,—сказалъ я съ шутливымъ упрекомъ,—а меня заставляете. А я вотъ первый разъ былъ пьянъ, когда мнѣ всего три года было.

— Это какъ?—изумился Николай Петровичъ.

— Да такъ. Мнѣ нельзя, я около водки выросъ, — посмѣялся я.

И я разсказалъ ему, какъ еще въ дѣтствѣ, кто-нибудь изъ пьяныхъ гостей отца привлекалъ потихоньку и меня къ выпивкѣ сладенькаго.

— Знатно! Ну и воспитаніе!—покачалъ головой Николай Петровичъ.

Но я горячо вступился за характеръ моего свободнаго воспитанія: оно, какъ прививка, предохраняло меня теперь отъ всякихъ увлеченій.

— Ну, счастливъ твой Богъ,—сказалъ Николай Петровичъ.—Можетъ быть, это и вправду такъ. А меня вотъ воспитали въ строгости, и самъ я все жилъ въ страхѣ Божіемъ. Только ужъ такъ должно быть было мнѣ на роду написано сдѣлаться пьяницей.

Онъ опустилъ голову и на минуту задумался. Чтобы прервать молчаніе, я спросилъ:

— А кто ваши родители?

Николай Петровичъ поднялъ на меня глаза и отвѣтилъ не сразу, и не на мой вопросъ, а, повидимому, на свою собственную мысль:

— Да, отецъ былъ человѣкъ трезвый, а дѣдъ пьяный.

Затѣмъ уже добавилъ:

— Дѣдъ былъ попомъ въ селѣ, а отецъ попомъ въ городѣ. Почему одинъ пилъ, а другой не пилъ, поди, разбери ихъ. Да и я—почему я въ дѣда, скажи-ка?.. Учился я, братецъ ты мой, въ семинаріи—не пилъ,—яко кринъ сельный цвѣлъ! То-есть на самомъ лучшемъ счету былъ у начальства.

Замѣтивъ, что я внимательно слушаю; что я, повидимому, заинтересованъ тѣмъ, что онъ скажетъ, Николай Петровичъ точно поддался моему нѣмому вызову: опять, на мгновеніе опустивъ глаза, какъ бы заглянувъ въ глубину воспоминаній своего прошлаго, онъ вдругъ заговорилъ тѣмъ рѣшительнымъ тономъ, какой является у словоохотливыхъ разсказчиковъ, когда они говорятъ о самихъ себѣ.

— Кончилъ я семинарію—сразу въ академію, —повѣствовалъ мнѣ Николай Петровичъ.—Скажу тебѣ, уже въ семинаріи я началъ немножко колебаться въ вѣрѣ. Ну, думаю, вотъ въ академіи я дойду до самой сути; тамъ уже умъ мой прояснится, всѣ колебанія исчезнутъ предъ лицомъ настоящаго знанія: яко таетъ воскъ отъ лица огня!

Онъ усмѣхнулся и продолжалъ:

— Произошло, братецъ ты мой, совсѣмъ не то. Проглотилъ я всю богословскую науку, вышелъ я магистромъ богословія, и стало мнѣ, братецъ ты мой—жутко!.. Неохота мнѣ въ попы идти да и конецъ!.. А у отца связи разныя были. Онъ, знай себѣ, обо мнѣ хлопочетъ, чтобы вытянуть меня — выше да выше,—потому что отъ начальства академическаго обо мнѣ самые что ни на есть лестные отзывы: способный, де, человѣкъ, прямо кандидатъ въ архіереи. Ну, думаю, въ архіереи, такъ въ архіереи, а то подавай хоть и выше, только бы теперь не въ попы. И вотъ, братецъ ты мой, надоумилъ кто-то отца пристроить меня псаломщикомъ къ посольской Женев-

ской церкви. Оно, какъ видишь, до архіерея далеко; но, говорили, путь тутъ вѣрный. — „Тутъ, говорятъ, ты связи будешь имѣть: изъ Женевскаго посольства въ Парижское попадешь, а тамъ, говорятъ, куда-нибудь въ Петербургъ, потомъ, говорятъ, рукой тебя не достанешь". И съ чего имъ вся эта блажь почудилась, Господь ихъ вѣдаетъ! Ну, мнѣ было какъ-то все равно что въ архіереи, что въ псаломщики. А поѣхать за границу все таки пріятно. Ужъ ежели свѣтскіе чины для довершенія образованія ѣдутъ за границу, отчего же и мнѣ, духовному, не довершить его тамъ же... Ну, и довершилъ!..

Николай Петровичъ опять усмѣхнулся, помолчалъ и развязнымъ тономъ, въ которомъ слышалась горькая иронія надъ самимъ собой, продолжалъ:

— Какъ попалъ я туда, въ Женеву, познакомился я тамъ, братецъ ты мой, съ художниками. Жилъ въ то время въ Женевѣ Каламъ. Слыхалъ ты про такого пейзажиста?

— Слыхалъ,—отвѣтилъ я.

— Ну, такъ вотъ. Съ Каламомъ я знакомъ не былъ, а человѣкъ десятокъ учениковъ его я зналъ. Молодцы,—ребята, хорошіе ребята!

Николай Петровичъ сказалъ эти слова съ такимъ увлеченіемъ, такъ смачно, что я невольно улыбнулся и спросилъ:

— А что же, чѣмъ особенно?

Онъ прищурился и, насмѣшливо посмотрѣвъ на меня, убѣжденно произнесъ:

— Не намъ съ тобой чета! Свободный народъ — художники!.. Такъ, бывало, ничего въ жизни, кромѣ пейзажа, и не признаютъ. Все отвергли: и Господа Бога, и науку, и суету мірскую, и любостяжаніе. „Ничего-ничего,—говорятъ, —этого нѣтъ, а есть одно на свѣтѣ — пейзажъ! И есть одинъ учитель—Каламъ. „Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ — пророкъ его!" „Каламъ,—говорятъ,—и les écoliers de Calam! А остальное все—ерунда. Ну, тамъ, нужно еще, разумѣется, чтобы покупатели были, потому что пейзажъ безъ покупателей, оно все-таки какъ-то неудобно". Ну, а если нѣтъ покупателя, такъ дожидаются, надеждой живутъ. Пріѣдетъ англичанинъ... купитъ у кого-нибудь пейзажъ... да еще какой-нибудь écolier за самого Калама ему вотретъ... вѣдь англичанину, что же, все равно,—развѣ онъ что-нибудь понимаетъ: „Каламъ!"—говоритъ. Ну, и вотъ ежели у одного которого-нибудь пейзажиста деньги заведутся, другіе ужъ тутъ какъ тутъ: сейчасъ торжество... выпивку устроятъ... Сейчасъ по всей Женевѣ кличъ: „собирайтесь, écoliers de Calam! Англичанинъ пейзажъ купилъ!" Такъ они разсуждали, что „у насъ, говорятъ, fédération". „Тамъ, говорятъ, fédération des

cantons suisses, а у насъ—fédération des écoliers de Calam!“ А какъ соберутся, такъ здóрово хватятъ! Швейцарцы вѣдь это выпить—что нашъ братъ русскій: лицомъ въ грязь не ударятъ! У другого одни штаны да блуза, а пріятелей угостить не поскупится. Одинъ, въ особенности, между ними былъ славный малый... и талантливая бестія: ни одинъ пейзажъ у него не залеживался — и сейчасъ компанія. Этотъ жилъ—вся мебель у него одинъ мольбертъ да кровать.

При этомъ воспоминаніи Николай Петровичъ какъ-то особенно оживился, забезпокоился, и, точно готовясь къ чему-то важному, поспѣшно „хлопнулъ“ остатокъ вина въ стаканѣ, налилъ себѣ снова полный стаканъ, долилъ мой и, успокоившись на этомъ, опять весело заговорилъ:

— Купилъ разъ этотъ парень горшокъ для краски. А тутъ какъ разъ кстати собралась къ нему компанія: вина притащили, закусокъ—а выпить не изъ чего. Онъ передъ этимъ послѣдній стаканъ разбилъ. Давай,—говоритъ,—братцы, изъ новаго горшка! Ну, ребятамъ понравилось—„давай“! А въ горшокъ бутылка цѣликомъ уходитъ, и еще до краешковъ не достаетъ. „Ну, какъ же теперь быть?“ „Давай, говоритъ, по очереди.“ Живо роспили. Ну, давай другую! „Вотъ это,—говорятъ—у насъ будетъ pot fédéral. Ну, и дули изъ этого pot fédéral'я, кто сколько хочетъ. Потомъ говорятъ: „нѣтъ, братцы, это не порядокъ. Кто, говорятъ, больше пьетъ, кто меньше. Pot,—говорятъ,—одинъ, такъ каждый пусть по pot fédéral'ю до конца и пьетъ. А потомъ другому передавай, по очереди... Ну, такъ и пили... Душевные были ребята,—съ чувствомъ воскликнулъ Николай Петровичъ.—Давай, за ихъ здоровье!

Мы выпили, и Николай Петровичъ продолжалъ:

— Сошелся я съ ними, какъ съ родными. Пивалъ и я этотъ ихъ pot fédéral,—я его по своему „полведра“ называлъ... Полведра не полведра, а посудина была большая.

Онъ на минуту задумался и грустно добавилъ:

— Вотъ тутъ я, братецъ мой, и привыкъ... Да вотъ такъ до сихъ поръ и отвыкнуть не могу.

И онъ покачалъ головой.

Онъ взялся-было за бутылку, чтобъ налить себѣ еще,—бутылка была пуста. Николай Петровичъ поднялъ ее надъ головой, дѣлая знакъ половому подать другую.

Пока ее принесли, я, какъ мальчикъ, похвастался Николаю Петровичу, что въ домѣ моего отца пивали точно такъ же или въ томъ же родѣ.

— У насъ, если пьютъ послѣ обѣда портеръ или шампанское, такъ передъ каждымъ ставится своя бутылка. Каж-

дый долженъ выпить ее всю, наравнѣ съ другими, и выпитыя смѣняются новыми, одна за другой.

— Вотъ это добре!—сочувственно сказалъ Николай Петровичъ.—А что же, всѣ выдерживаютъ?

— Всѣ не всѣ, бываетъ, и подъ столъ сваливаются.

— Ну, слава Богу!—разсмѣялся Николай Петровичъ.— Значитъ: „не посрамимъ земли русской".

— Отецъ выдерживаетъ!—съ гордостью говорилъ я.—Противъ всѣхъ выдерживаетъ.

— Крѣпкая, значитъ, голова!—сказалъ съ иронической улыбкой Николай Петровичъ.—Да онъ умный у тебя, отецъ-то?

— Умный,—серьезно и убѣжденно отвѣтилъ я.

— Ну, а цѣль его жизни какая?

Я не хотѣлъ уже переводить разговоръ на эту тему, во вчерашнемъ духѣ, и шутливымъ тономъ, но внушительно сказалъ:

— Цѣль его—добывать деньги, чтобы имѣть возможность перепивать всѣхъ на шампанскомъ.

Николай Петровичъ понялъ, что я не расположенъ говорить съ нимъ въ неуважительномъ тонѣ о моемъ отцѣ, и на время замолчалъ. Онъ опять сталъ немного грустенъ, видимо пьянѣя; онъ налилъ вина и, попивая, заговорилъ ласково, душевно:

— Ты—малый хорошій, и ты меня не слушай... Ты цѣли не ищи. Учись, пей, живи... Ты цѣли не ищи... Къ чорту ее, цѣль!.. Я ищу, а ты не ищи. Найду я—и тебѣ скажу... а ты наплюй. У тебя вотъ теперь цѣль: учиться,—учись!.. Я, когда въ семинаріи учился, ахъ, какъ эта цѣль была близка. „Вотъ,—думаю, бывало,—сейчасъ кончу—и въ академію." Иногда задавалъ себѣ вопросы: „ну, а потомъ?" Ну, и сейчасъ его по боку, вопросъ-то!.. *Потомъ*, молъ, это будетъ, *потомъ*. Еще надо академію кончать... А вотъ, бывало, выпью „полведра", говорю: „messieurs les écoliers de Calam", вотъ вы говорите: пейзажъ!.. Ну, а цѣль вашей жизни? Собственно, говорю, для чего вамъ, говорю, для англичанина пейзажъ писать? Цѣль-то, говорю, какая?" А ребята смѣются: „да пейзажъ",—говорятъ. Да цѣль-то вашей жизни?—говорю. А они опять свое: „пейзажъ!" „А ваша?"—говорятъ,—меня спрашиваютъ. Ну что я имъ отвѣчу? „Полведра"—говорю. Ну, расхохочутся, нальютъ мнѣ этотъ „pot fédéral", и вотъ я и ищу тамъ, на днѣ его, цѣль моей жизни.

Николай Петровичъ закрылъ на нѣкоторое время лицо руками, точно желая устранить внѣшній свѣтъ, чтобы во тьмѣ яснѣе представить себѣ дно своей „горькой чаши". Потомъ, какъ бы очнувшись, онъ протянулъ мнѣ черезъ столъ руку и довольно скучнымъ тономъ сказалъ:

— А ты не ищи.

И опять заговорилъ быстро, немного путаясь:

— Я вотъ говорю Гилярову: „ты, говорю, убѣжденный человѣкъ—и всякій убѣжденный человѣкъ—дуракъ!.. Вотъ, говорю ему, ты говоришь, моя статья—прекрасная статья... Ну, вотъ, говорю, въ ней то-то и то-то скверно, и это скверно, и то-то не такъ, и это, говорю, все вздоръ, вотъ тебѣ, говорю, возраженія". Ну, а онъ говоритъ, что такъ, говоритъ, отъ всего отречься можно, и отъ себя самого отречешься. „Отрицаюсь"—говорю.

Николай Петровичъ взглянулъ мнѣ при этомъ въ глаза, какъ бы ища сочувствія, и продолжалъ:

— Да, братъ... ты, братъ, эти „убѣжденія" всѣ оставь... Что у эмигранта, что у Гилярова, убѣжденія эти, братъ, все пустяки. И тотъ, и другой начнетъ мнѣ „убѣжденія" развивать, ну, просто не надо лучше: такъ все хорошо, такъ все гладко... А я ему вопросъ,—одинъ, другой, третій,—глядишь, и сдался немножко! Еще вопросъ, еще вопросъ. Какъ будетъ потомъ? зачѣмъ? почему? „Ну, а это,—говоритъ,—все *потомъ* выяснится. Теперь, говоритъ, ничего сказать нельзя. Вотъ, говоритъ, такіе-то и такіе-то шаги сдѣлай, а тамъ, говоритъ, *потомъ*". А,—говорю,—*потомъ*!.. Нѣтъ, говорю, врешь. Ты мнѣ сейчасъ подай!.. Ты мнѣ формулу выведи!.. Такъ вотъ, какъ въ математикѣ ясно. Чтобы я зналъ, чѣмъ все кончится. Тогда я пойду съ тобой и за тобой. А то ты говоришь: „потомъ",—ты меня обмануть хочешь. Я тебѣ первый-то шагъ сдѣлаю, и второй сдѣлаю, въ болото обѣими ногами увязну, а ты отъ меня уйдешь да будешь говорить: „потомъ"!.. Ты мнѣ все *теперь* покажи. Цѣль! А твое „потомъ" это что! „Потомъ" это—Ефремъ Сиринъ.

— Почему Ефремъ Сиринъ?—спросилъ я въ недоумѣніи.

— Ефремъ-то?—отвѣтилъ Николай Петровичъ, съ улыбкой смотря на меня немного посоловѣлыми глазами.—Мудрый былъ мужчина, Ефремъ-то. Многихъ язычниковъ въ христіанскую вѣру вдохновенными своими рѣчами обратилъ... А ты житіе его не читалъ?

— Не читалъ,—отвѣтилъ я.

— Напрасно. Ты вѣдь, поди-ка, и Библію не читалъ?

— Не читалъ.

— Отчего же ты не читалъ?—комически-сердитымъ тономъ буркнулъ Николай Петровичъ.

— Да такъ. Мнѣ казалось, это должно быть скучно,—сказалъ я.

— Дуракъ. Почему ты думаешь, что скучно, когда ты не читалъ?

— Да вѣдь тамъ все то же, что въ „Законѣ Божіемъ",

которому меня учили,—такъ зачѣмъ же я буду перечитывать?

— Еще разъ дуракъ. А ты почитай. Прелюбопытная книжка!.. А впрочемъ, не читай... Съ ума сойдешь.

— Это я слыхалъ,—улыбнувшись, сказалъ я.—Это мнѣ въ дѣтствѣ—старуха-приживалка у насъ была,—она всегда говорила: „кто Библію читаетъ, съ ума сойдетъ". Я всегда думалъ, что это правда: „отъ скуки, вѣроятно".

— А ты прочти.

— Ну хорошо, прочту,- сказалъ я.—А что же Сиринъ?

— Сиринъ?.. А вотъ что, братъ, написано въ житіи его... Слушай. „Бѣ Аполлинарій еретикъ. Хитръ же сый въ словесѣхъ и въ еллинстѣй премудрости искусенъ и зѣло многихъ прельщая въ свою ересь. И написа многія противу правовѣрныхъ книги, изряднѣе же двѣ, въ нихъ же вся душевредная бѣ его хитрость", и книги эти „аки нѣкое оружіе употребляше" въ преніяхъ своихъ съ благочестивыми. И положилъ онъ эти двѣ книги на сохраненіе „у нѣкія жены, любодѣйцы его". Узналъ про это преподобный Ефремъ Сиринъ, и „изобрѣте противу еретическія его хитрости чудную хитрость"... Пришелъ онъ, братецъ ты мой, къ этой Аполлинаріевой дамѣ, „самъ ученикъ его быти сказуяся и невѣдомыя премудрости научитися у него аки бы желая", выпросилъ онъ у нея эти самыя книги, чтобы кой-что изъ нихъ, дескать, переписать. Та, дура-баба, повѣрила, дала книги, съ условіемъ никому не говорить да поскорѣе вернуть. „Earned убо святый Ефремъ книги, несе въ свою обитель и, сотворивши клей, вся въ нихъ листы, по единому разгибая, клеяше одинъ ко другому, и склеи вся такъ, яко обоей книзѣ быти аки нѣкоему единому древу или камени, ни единому же листу могущу отъ другаго отлучитися, и отнесе женѣ". Та взяла, не посмотрѣла и поставила на полочку. Вернулся Аполлинарій, и опять съ Ефремомъ гдѣ-то публично заспорили; и когда ему „нестаяше прѣтельныя хитрости, оскудѣвшей памяти старости ради, восхотѣ отъ оныхъ книгъ своихъ побѣду надъ правовѣрными составити", и взявъ ихъ, „не можаше разогнути, яко, крѣпко склеены бывше, окаменѣша. Исполнився стыда велика и отыде изъ собора побѣжденъ и посрамленъ. И вскорѣ отъ туги и стыда велія лишися жизни, и злѣ извергъ окаянную свою душу. А преподобный отецъ нашъ Ефремъ, довольная лѣта богоугодно поживъ, и многихъ ко спасенію приведъ, провидѣ свое скончаніе, и завѣтъ ученикомъ своимъ поучительный написа. Мало же поболѣвъ, въ глубоцѣй старости отыде ко Господу, честное же тѣло его погребено бысть въ обители его, а душа его святая предстоитъ нынѣ престолу Владычню, ходатайствуя о насъ, да

пріимемъ прощеніе грѣховъ нашихъ молитвами его, благодатію же и милосердіемъ Господа нашего Іисуса Христа, ему же слава во вѣки, аминь".

Николай Петровичъ былъ совсѣмъ пьянъ; но когда онъ началъ произносить по-славянски эту цитату, съ особой интонаціей, съ особымъ, свойственнымъ духовенству говоромъ на *о*, это выходило у него удивительно гладко. Очевидно, затверженное въ юности, быть-можетъ еще въ семинаріи, сидѣло въ его головѣ прочно и въ извѣстныя минуты выливалось оттуда безсознательно.

— Вотъ онъ, Ефремъ-то, былъ какой мудрый,—сказалъ Николай Петровичъ въ заключеніе и, многозначительно поднявъ палецъ кверху, съ комическимъ умиленіемъ произнесъ:— Поучиться у него нашему брату надо!

Потомъ, съ отчаяніемъ покачавъ головой, онъ опять забормоталъ пьянымъ голосомъ:

— А я не могъ!.. Все житіе вызубрилъ, а все дуракомъ остался... Я говорю Гилярову: „ты все говоришь—потомъ, да потомъ выяснится. Ты, говорю, этимъ „потомъ" мнѣ ротъ замазалъ, какъ Ефремъ еретику, а развѣ это доказательство?.. Я-то долженъ злѣ извергнуть свою злокозненную душу, а ты хочешь сѣсть одесную престолу Владычню. А ты меня такъ научи, чтобы я тебѣ никакого возраженія не могъ сдѣлать... ты мнѣ такъ скажи, чтобы я тебѣ въ ножки поклонился и сказалъ: „согласенъ". А это что!—я тебя спрашиваю: „зачѣмъ? потомъ-то что? цѣль какая?" А ты говоришь: „выяснится". Это, братъ: „дондеже окаменѣша".

Толпа народу въ трактирѣ все прибывала, становилось все тѣснѣе, становилось душно. Намъ захотѣлось на воздухъ. Николай Петровичъ подозвалъ полового, велѣлъ подать счетъ, положилъ его въ карманъ, сказалъ: „запиши", всталъ и обратился ко мнѣ довольно рѣшительно:

— Пойдемъ теперь въ другой кабакъ.

XI.

Какъ только мы вышли на улицу, на Николая Петровича сразу напала сонливость. Мы попробовали идти; но Николай Петровичъ покачивался, мнѣ приходилось его поддерживать, и онъ вдругъ сказалъ:

— Возьмемъ-ка извозчика.

— Домой что-ли?—спросилъ я.

— Да домой должно-быть... Соснуть бы.

Я ничего не имѣлъ противъ того, чтобы вернуться домой. Николай Петровичъ, пока мы ѣхали, клевалъ носомъ и бол-

талъ что-то такое себѣ въ бороду. А я старался всячески втянуть его въ разговоръ, чтобы онъ не заснулъ до дому.

Пріѣхали, я помогъ Николаю Петровичу раздѣться, и, уложивъ его спать, взялся опять за свои учебники.

Около пяти часовъ я попробовалъ разбудить Николая Петровича къ обѣду, но онъ только выругалъ меня и Пелагею, повернулся на другой бокъ и продолжалъ храпѣть.

Послѣ обѣда я вышелъ погулять. Когда я черезъ часъ вернулся, Николай Петровичъ сидѣлъ у себя за столомъ, въ одной рубашкѣ и подштанникахъ, и съ трудомъ жевалъ пережаренное жаркое. Недоѣвъ куска, онъ сказалъ:

— Наплевать! Закушу въ трактирѣ, все равно. Да и аппетиту какъ-то нѣтъ. Ну, что же, голубчикъ, пойдемъ опять въ трактирчикъ,—сказалъ онъ, ласково смотря мнѣ въ глаза.

Я было сталъ отнѣкиваться, но Николай Петровичъ уговаривалъ настойчиво:

— Ну, душа моя, ну, посвяти ужъ мнѣ сегодня денекъ. Ей Богу же, больше не буду тебя безпокоить. Ну, одинъ денекъ. Очень ужъ ты мнѣ полюбился. Мальчикъ ты мой хорошій, будь ты мнѣ другомъ, пойдемъ со мной!

Его глаза смотрѣли на меня при этомъ такъ грустно, что мнѣ какъ-то было жаль отказать ему. Я все равно чувствовалъ себя ни на что не способнымъ сегодня, и у меня уже созрѣвала та, извѣстная многимъ, рѣшимость, что „безобразно начатый день надо безобразно и кончить“. Вѣдь все равно завтра, *съ понедѣльника*, я больше пить съ Николаемъ Петровичемъ не буду и опять засяду на четырнадцать часовъ въ сутки за алгебру.

Мы велѣли Пелагеѣ подать поскорѣе самоваръ, выпили стакана по два чаю, и потомъ „отправились въ походъ“.

Николай Петровичъ таскалъ меня теперь изъ портерной въ портерную. Мы пили пиво, болтались по улицамъ и переулкамъ и вернулись домой только послѣ полночи, когда Николай Петровичъ уже настолько нагрузился, что не могъ выговорить ни тяти, ни мамы.

Я спалъ ночь крѣпко, проснулся поздно, но со свѣжей головой.

Николай Петровичъ, разбуженный своевременно Пелагеей, въ это время уже собирался въ гимназію. Услыхавъ, что я встаю, онъ просунулъ ко мнѣ голову въ дверь и, улыбаясь, спросилъ:

— Ну, что? Живъ?

Я довольно сухо отвѣтилъ ему:

— Какъ видите.

— Тебѣ что! У меня въ твои-то годы, какъ съ гуся вода. А теперь трещитъ башка! А вотъ бѣжать надобно: съ маль-

чишками „Преблагій Господи“ распѣвать. А то вѣдь ужъ не мнѣ ихъ ставить въ уголъ придется, а меня самого за порогъ выставятъ. Ну, прощай. Тверди урки-то.

Я не чувствовалъ сегодня физическаго недомоганія, какъ похмелья; но въ душѣ у меня былъ какой-то скверный осадокъ. Бывало, дома, еще и совсѣмъ мальчишкой, я уже любилъ „встряхнуться“ и „кутнуть“. Но это всегда дѣлалось съ молодымъ задоромъ, съ весельемъ, съ извѣстной красотой. Вчерашній день былъ моимъ первымъ кутежемъ въ Москвѣ, и въ немъ не было ничего ни радостнаго, ни красиваго. Я зналъ, что люди часто запиваютъ съ горя, что въ винѣ часто топятъ душевныя муки, и я понималъ возможность этого состоянія. Но у меня не было ни горя, ни мукъ, а весь вчерашній кутежъ походилъ именно на какое-то мучительное пьянство. И все это только потому, что каждый глотокъ вина, каждая кружка пива были приправлены ѣдкими, пряными словами человѣка, ищущаго „цѣль жизни“. Сегодня мнѣ уже казалось, что съ нимъ я былъ не товарищемъ по кутежу, а какой-то сидѣлкой при больномъ.

Между тѣмъ, вспоминая всѣ подробности, всѣ разговоры, я видѣлъ, что Николай Петровичъ и не могъ кутить иначе; что онъ и не могъ думать иначе; и что все, что онъ говорилъ, было мнѣ интересно, иногда прямо захватывало меня, по своей новизнѣ именно для меня, не знавшаго до сихъ поръ ни горя, ни сомнѣній.

И вотъ—сегодня я уже тревожно заглядывалъ въ свою душу: мнѣ казалось, что туда проникла какая-то зараза.

Я старался устранить изъ своего воображенія все еще торчавшій передо мной образъ пьянаго Николая Петровича, старался забыть и всѣ его слова. Но моя, до сихъ поръ твердая, воля оказывалась на этотъ разъ безсильной. Все, что вчера наболталъ Николай Петровичъ, лѣзло теперь мнѣ въ голову, чередуясь съ квадратными и кубическими корнями, съ разными а+в, и, смѣшиваясь съ плюсами и минусами формулъ, становилось въ свою очередь то плюсомъ, то минусомъ въ цѣпи моихъ сужденій о безобразномъ вчерашнемъ днѣ и о таинственномъ будущемъ.

Иногда какая-нибудь запавшая вчера мысль, вспоминаясь, внезапно поражала меня теперь своей убѣдительностью, и я записывалъ ее на память въ тетрадку. Я старался подыскать опроверженіе ей, но, увы, я чувствовалъ, что все, что я ни придумывалъ въ противорѣчіе, а высказанное Николаемъ Петровичемъ оказывалось незыблемымъ, какъ высѣченное изъ камня. Я убѣждалъ себя, что можетъ-быть есть кто-нибудь, кто можетъ опровергнуть его, но сознавался себѣ, что

у меня-то никакихъ возраженій, сколько-нибудь вѣскихъ, не находилось.

И я чувствовалъ, какъ я—бодрый, здоровый, сильный — вдругъ пошелъ, какъ пойманная на удочку рыбка, за этимъ слабымъ, за этимъ не знающимъ куда идти человѣкомъ.

За кружкой скврнаго пива въ скверной портерной, развертывая предо мной картины всей гадости человѣческаго общежитія, онъ говорилъ вчера, что вся наша жизнь не что иное, какъ обманчивая фата-моргана. Сады, дворцы и башни, отражающіеся радужными красками въ нашихъ умахъ и сердцахъ, все это воздушное отраженіе предметовъ совсѣмъ непрекрасныхъ.

И сейчасъ въ моихъ ушахъ какъ будто все еще звучала его хриплая, обрывистая, коснѣющая рѣчь и мѣшала мнѣ сосредоточиться. Плюсы и минусы моихъ алгебраическихъ задачъ не подвигались дальше первой четверти страницы. Они были крѣпко разрисованы карандашемъ, но ихъ было немного. Знаки извлеченія квадратныхъ корней были вычерчены съ художественной тщательностью, но самые корни остались не извлеченными. Сегодня у сосѣдки, подъ визжаніе пилы, уже четвертая ученица пискливымъ голосомъ твердила: que j'eusse, que tu eusses, qu'il êut, que nous eussions, que vous eussiez, qu'ils eussent, а я все сидѣлъ и думалъ: „Фата-моргана!.. Неужели только созерцаніе фатаморганы цѣль нашей жизни?“

XII.

Николай Петровичъ вернулся въ пятомъ часу, пообѣдалъ и, не заглянувъ ко мнѣ въ комнату, легъ спать. Вечеромъ мы встрѣтились въ корридорѣ. Онъ ласково похлопалъ меня по плечу и сказалъ:

— Учись, братъ, учись!

„Науки юношей питаютъ,
„Отраду старцамъ подаютъ“.

— Я, братъ, тебѣ не мѣшаю. Я братъ, тоже за работу принялся. Вотъ надо статью писать. У меня всегда послѣ пьянства вдохновеніе.

И онъ, къ великой моей радости, затворился въ своей комнатѣ.

На другой день я вошелъ-таки въ рабочую колею. Просто, не раздумывая много, покончилъ я со всѣми вопросами, возбужденными въ моемъ умѣ Николаемъ Петровичемъ. Я вспомнилъ объ Ефремѣ Сиринѣ и сказалъ себѣ, что это

самый лучшій способъ заставить себя увѣровать. Я взялъ тетрадку, въ которую у меня были занесены мысли Николая Петровича, вырвалъ первую и единственную написанную въ ней страницу, подошелъ къ умывальному тазу, зажегъ спичку и сжегъ эти смущавшія меня мысли. „Вотъ вамъ!.. Дондеже испепелишася!“

И опять усердно принялся за алгебру.

А. Луговой.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

* * *

Ни вѣтерка... И нѣтъ предѣла зною!
Нещадно солнце жжетъ съ безоблачныхъ небесъ.
Зеленый бархатъ травъ степныхъ исчезъ,
И даль задернулась безвлажной полумглою.
Торчитъ кой-гдѣ ковыль, и желтъ, и сухъ...
Не слышно птицъ; забились гады въ норы;
Трещатъ кузнечиковъ мучительные хоры,
Терзая нестерпимо слухъ.

Ни деревца не видно, ни куста.
Вся степь охвачена тоскою по прохладѣ...
И жажда жгучая палитъ мои уста,
Усталый взоръ томитъ безбрежность глади.

Вдругъ свѣтлый прудъ разлился предо мной—
Прозрачная вода, смѣясь, въ глаза блеснула...
Я чувствую—въ лицо прохладою живой
Оттуда на меня пахнуло!
Мнѣ слышится и свистъ веселый кулика,
Мнѣ чудится, что тамъ и аистъ гордо бродитъ...
Бѣгу туда... О, жажда такъ тяжка!..
Но, Боже мой,—куда жъ вода уходитъ?!
Съ отчаяньемъ я подавляю стонъ...
Такъ близокъ прудъ, заманчиво блеснувшій,—
Вотъ шагъ еще... И исчезаетъ онъ!..
Ахъ, это былъ миражъ, скитальца обманувшій!

С. Синегубъ.

Нерѣшенныя проблемы біологіи.

ЧТО ТАКОЕ ЖИЗНЬ?

Тяжба механистовъ съ виталистами.

Der Mensch ist nicht geboren, die Probleme der Welt zu lösen, wohl aber zu suchen, wo das Problem angeht, und sich sodann in der Grenze des Begreiflichen zu halten *).

Goethe.

Отъ гипотезъ, пытающихся вскрыть истинный смыслъ жизненнаго процесса, перехожу опять къ фактамъ: они помогутъ намъ представить въ нѣсколько новомъ свѣтѣ ту проблему, которая одинаково волнуетъ и механистовъ, и виталистовъ.

Въ житейскомъ обиходѣ понятія *жизнь* и *смерть* толкуются очень просто. Пока человѣкъ дышетъ, пока сердце его бьется, мы говоримъ: „онъ живъ еще“. Когда-же дыханіе прекращается и сердце перестаетъ работать, мы считаемъ себя въ правѣ сказать: „наступила смерть“. И это вѣрно, разумѣется, въ примѣненіи къ человѣку, *взятому въ цѣломъ*, вѣрно въ этомъ смыслѣ и по отношенію ко всѣмъ остальнымъ животнымъ, имѣющимъ сердце и надѣленнымъ либо легкими, либо жабрами. Но имѣемъ-ли мы право утверждать, что смерть *всего* тѣла, всѣхъ строительныхъ элементовъ его наступаетъ вмѣстѣ съ послѣднимъ вздохомъ и послѣднимъ ударомъ сердца? Факты даютъ на это отрицательный отвѣтъ. Когда человѣкъ, какъ таковой, уже мертвъ, отдѣльные мускулы его въ теченіе часа, а то и больше, все еще живы: они сокращаются подъ вліяніемъ раздраженія, они отвѣчаютъ на внѣшній импульсъ движеніемъ и подергиваніемъ соотвѣтствующихъ членовъ тѣла. Еще дольше продолжаютъ жить другіе строительные элементы нашего организма. Напримѣръ, клѣтки мерцатель-

*) Человѣкъ не рожденъ для рѣшенія міровыхъ проблемъ; ему дано лишь искать, гдѣ проблема начинается, чтобы затѣмъ держаться въ предѣлахъ постижимаго. (*Гёте*)

наго эпителія, выстилающія внутреннюю поверхность дыхательныхъ путей, остаются дѣятельными въ теченіе цѣлыхъ сутокъ послѣ того, какъ сердце сдѣлаетъ свой послѣдній, предсмертный ударъ; еще упорнѣе заявляютъ свои права на жизнь бѣлые кровяные шарики или лейкоциты. То же наблюдается и при смерти другихъ животныхъ.

Сдѣлаемъ скачокъ отъ человѣка къ одноклѣтному организму.

Предъ нами одна изъ корненожекъ. Одѣта она въ изящную известковую раковину, сквозь отверстія которой выступаютъ пучки протоплазматическихъ нитей, называемыхъ псевдоподіями или ложноножками; онѣ служатъ корненожкѣ органами движенія и захватыванія добычи. Если отрѣзать у корненожки часть псевдоподій, то онѣ, вскорѣ вслѣдъ за операціей, съежатся въ протоплазматическій комочекъ; затѣмъ комочекъ этотъ начнетъ выпускать длинные отростки, которые двигаются, реагируютъ на внѣшнія раздраженія, сватываютъ добычу, т. е. продолжаютъ жить, не смотря на то, что они, по волѣ экспериментатора, отдѣлены отъ того организма, которому принадлежали раньше. И вотъ что замѣчательно: они. „живутъ“ и нормально функціонируютъ довольно долго послѣ того, какъ приключилась съ ними эта бѣда: жизненность ихъ лишь постепенно понижается, и только по прошествіи нѣсколькихъ дней они дѣйствительно „умираютъ“. Совершенно такія-же явленія имѣютъ мѣсто и у многоклѣтныхъ животныхъ. Давно извѣстно, что вырѣзанное сердце лягушки или изолированная отъ тѣла ея мышца сохраняютъ нѣкоторое время основныя жизненныя свойства: сердце пульсируетъ, мышца не только обнаруживаетъ возбудимость и сократимость, но продолжаетъ поглощать кислородъ и выдѣлять углекислоту, т. е. дышать. А новѣйшіе опыты показываютъ, что большую жизнеспособность въ изолированномъ состояніи обнаруживаютъ и другія части сложнаго организма, напр., кожа, печень, слизистыя оболочки, нервы, надкостница, костный мозгъ, зубная мякоть и даже сѣтчатая оболочка глаза.

Этихъ фактовъ вполнѣ достаточно для того, чтобы мы могли сдѣлать такой выводъ: отдѣльные органы и ткани многоклѣтнаго организма и отдѣльныя части организма одноклѣтнаго надѣлены различною степенью жизнеспособности—„умираютъ“ они разновременно, переживая то тъмоментъ, когда для „цѣлаго“ ужъ наступила смерть. Или, говоря иначе, между смертью и жизнью нѣтъ рѣзкаго, крутого перехода, и цѣлый рядъ неуловимыхъ измѣненій ведетъ отъ жизни нормальной, бьющей ключемъ, къ полной, окончательной смерти: жизнь постепенно переходитъ въ смерть, смерть незамѣтно развивается изъ жизни.

Существуютъ факты иной категоріи, которые дѣлаютъ этотъ выводъ еще болѣе правдоподобнымъ. Я говорю о явленіяхъ такъ

называемой *мнимой* смерти или *скрытой* жизни. Остановимся на нѣкоторыхъ наиболѣе яркихъ въ этомъ отношеніи данныхъ.

Кто не знаетъ, что сѣмена нѣкоторыхъ растеній, пролежавши въ совершенно сухомъ видѣ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ, сотни и даже двухсотъ лѣтъ, все же не теряютъ способности проростать? Удивительную живучесть обнаруживаютъ и нѣкоторыя животныя, напримѣръ, маленькіе круглые черви, извѣстные подъ именемъ *угрицъ* и живущіе въ пшеничныхъ зернахъ. Еще любопытнѣе въ этомъ отношеніи *тардиграды*—животныя, близкія клещамъ—и микроскопическіе *черви-коловратки*. Во влажной средѣ, напримѣръ, въ каплѣ воды подъ микроскопомъ, эти послѣдніе живутъ, что называется, во всю ширь: двигаются, ловятъ добычу, переваривають ее, размножаются. Но вотъ капля высыхаетъ, и всѣ характерныя для коловратокъ проявленія жизни постепенно прекращаются. Тѣльце ихъ сморщивается, покрывается складками и, наконецъ, совершенно высыхаетъ: передъ вами точно не коловратки, а безформенныя песчинки. Пусть „песчинки" эти пролежатъ въ такомъ видѣ два, три года. Окропите затѣмъ ихъ водой—эффектъ получится поразительный, такой, съ которымъ можетъ сравниться лишь дѣйствіе „живой воды" въ сказкѣ. Очутившись въ родной стихіи, „мертвецы" воскреснутъ: морщины и складки на тѣлѣ ихъ постепенно исчезнутъ, сухія „песчинки" набухнутъ оформятся, пріобрѣтутъ вновь видъ настоящихъ коловратокъ и задвигаются, сначала медленно, лѣниво, какъ и должно быть послѣ тяжелаго, продолжительнаго сна, а потомъ все энергичнѣе и быстрѣе, пока жизнь попрежнему не вступитъ полностью въ свои права...

Жизнь, говоритъ намъ физіологія, покоится цѣликомъ на обмѣнѣ веществъ: какъ только послѣдній прекращается, останавливается и жизненный процессъ. Спрашивается теперь: какъ это правило примѣнить къ высохшимъ коловраткамъ, сохраняющимъ свою жизнеспособность въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и къ сѣменамъ растеній, пролежавшимъ въ сухомъ видѣ цѣлую сотню лѣтъ и, несмотря на это, не потерявшимъ способности проростать? Мы считаемъ ихъ *мнимо*-умершими. Прекрасно. Въ такомъ случаѣ надо предположить, что жизнь въ нихъ теплилась даже тогда, когда все, казалось бы, заставляетъ думать, что они мертвы; въ такомъ случаѣ приходится допустить, что обмѣнъ веществъ на самомъ дѣлѣ имѣетъ мѣсто и въ сухихъ сѣменахъ растеній, и въ засохшихъ коловраткахъ, но онъ пониженъ настолько, что всѣ связанные съ нимъ *внѣшнія* проявленія жизни замираютъ. Это, однако, все лишь предположеніе, вытекающее, правда, съ логической необходимостью изъ допущенной нами предпосылки—жизнь покоится на обмѣнѣ веществъ. Самыя тонкія и тщательныя наблюденія съ такою же необходимостью, на этотъ разъ уже *фактическою*, приводятъ къ совершенно обратному выводу. Оказывается,

что высохшіе организмы не обнаруживаютъ даже слѣдовъ того процесса, которому дано названіе „обмѣнъ веществъ“. Какъ же быть въ такомъ случаѣ? Считать ихъ дѣйствительно безжизненными и вѣрить въ воскресеніе изъ мертвыхъ? Или, быть можетъ успокоиться на чисто словесномъ объясненіи, напр., Прейера, который сравниваетъ высохшій организмъ съ часами, которые заведены, но стоятъ, такъ что нуженъ лишь толчекъ, чтобы они пошли, а мертвый организмъ употребляетъ часамъ, которые сломаны и никакимъ толчкомъ не могутъ быть пущены въ ходъ? (См. общую физіологію М. Ферворна). Согласитесь, что сравненіе это, при всемъ своемъ остроуміи, не разсѣеваетъ того недоумѣнія, которое вызывается явленіями мнимой смерти во всякомъ непредубѣжденномъ наблюдателѣ. Наблюдатель видитъ, что разница между организмами мнимо-умершими и дѣйствительно мертвыми на самомъ дѣлѣ громадна: въ то время, какъ послѣдніе никакимъ образомъ не могутъ быть возвращены къ жизни, первые вновь начинаютъ жить, какъ только попадутъ въ подходящую для этого обстановку. Но въ чѐмъ эта разница и чѣмъ она опредѣляется— загадка тѣмъ болѣе досадная, что въ данномъ случаѣ нѣтъ возможности ухватиться за такой спасительный аргументъ, какъ „обмѣнъ веществъ“: обмѣна веществъ у этихъ мнимо-умершихъ, повторяю, не наблюдается, а между тѣмъ они не мертвы. Остается признать, — другого выхода тутъ нѣтъ! — что существуетъ у организмовъ какое то среднее между живымъ и мертвымъ состояніе, когда ихъ нельзя назвать ни живыми, ни мертвыми, когда какъ для жизни, такъ и для смерти имъ чего-то не достаетъ: въ первомъ случаѣ не хватаетъ какого то плюса— быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ обмѣна веществъ?—во второмъ, какого то минуса, но какого именно не извѣстно.

Итакъ, въ явленіяхъ скрытой, потенціальной жизни или мнимой смерти мы имѣемъ новое доказательство той мысли, что *жизнь, постепенно понижаясь, подготовляетъ все необходимое для наступленія смерти.*

Однако, вотъ въ чемъ дѣло. Допустимъ, что существованіе состоянія средняго между жизнью и смертью—фактъ, не подлежащій никакимъ сомнѣніямъ; допустимъ, что дѣйствительно можно установить рядъ постепенныхъ переходовъ отъ жизни къ смерти. Но развѣ этимъ самымъ рѣшается та проблема, которой такъ много вниманія удѣляетъ современная біологія? Развѣ вопросъ, что такое жизнь, станетъ хоть сколько-нибудь яснѣе отъ того, что мы признаемъ рядъ естественныхъ переходовъ отъ живого къ мертвому? Вѣдь всякій вдумчивый наблюдатель имѣетъ право сказать: укажите мнѣ, гдѣ граница между мнимо-умершимъ и подлинно-мертвымъ. Она неуловима! Положимъ, что высохшая коловратка дѣйствительно находится въ состояніи какого-то оцѣпенѣнія, изъ котораго ей ничего не стоитъ пробудиться при под-

ходящихъ условіяхъ, даже два—три года спустя послѣ того, какъ она замерла. Но вотъ настаетъ моментъ—именно моментъ!—когда ужъ никакими силами не воскресишь ее. Быть можетъ, за нѣсколько секундъ до этого момента, она еще способна была зажить попрежнему; но вы упустили эти роковыя секунды, и дѣла ужъ ничѣмъ не поправишь: смерть вступила въ свои права и отнять ихъ у нея нѣтъ болѣе никакой возможности. Какъ же все это объяснить? Какимъ образомъ организмъ, *находящійся на рубежѣ между жизнью и смертью*—въ данномъ случаѣ высохшая коловратка,—преодолѣваетъ смерть? И что, наоборотъ, „обрывается"—другого болѣе подходящаго выраженія не подберу—при переходѣ такого организма отъ послѣднихъ ступеней жизни, хотя бы и скрытой, къ явной смерти? Вотъ вопросы, на которые наука, къ сожалѣнію, отвѣтовъ пока не имѣетъ...

II.

Итакъ, нужно признать, что отъ жизни къ смерти ведетъ цѣлый рядъ этаповъ, и что, стало быть, мы имѣемъ право говорить о *степеняхъ* жизни.

Оставимъ, однако, въ сторонѣ всѣ эти сравненія и разсмотримъ жизнь, какъ таковую, независимо отъ отношеній ея къ смерти—я имѣю въ виду въ данномъ случаѣ жизнь, какъ понятіе *собирательное*, обнимающее собою всю совокупность *живыхъ формъ* природы и ихъ отправленій: предъ нами станетъ еще одинъ вопросъ, играющій громадное значеніе въ занимающей насъ темѣ.

Природа, этотъ геніальный художникъ, одаренный всевозможными талантами, поражаетъ насъ необычайнымъ разнообразіемъ тѣхъ формъ, въ которыхъ проявляется жизнь. Гигантское „генеалогическое дерево" организмовъ растительнаго и животнаго происхожденія можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ исключительной творческой фантазіи природы. Нѣтъ, однако, никакого сомнѣнія, что существуетъ нѣчто, объединяющее въ болѣе или менѣе стройное цѣлое весь этотъ роскошный калейдоскопъ живыхъ формъ. Подъ знакомъ жизни стоятъ существа весьма разнокалиберныя: и предательская чумная бацилла, и великолѣпный полипъ-актинія, и злостная каррикатура на человѣка—шимпанзе и, наконецъ, самъ вѣнценосецъ—homo sapiens. Компанія, какъ видите, довольно-таки разношерстная и даже, можно сказать, тенденціозная. Всѣ мы до извѣстной степени освѣдомлены на счетъ того, что собственно роднитъ бациллу съ человѣкомъ и актинію съ шимпанзе. Но родство родствомъ, а все же нельзя не согласиться, что отъ перваго члена біологической лѣстницы до послѣдняго такъ же далеко, какъ до звѣзды небесной, что раз-

ница, иногда весьма существенная, наблюдается и между всѣми отпрысками того символическаго дерева, имя которому „древо жизни“. Если же это такъ, то, спрашивается, имѣемъ ли мы достаточное основаніе считать жизнь чѣмъ то *однороднымъ?* Нѣтъ, для этого не имѣется не только достаточныхъ, но и сомнительныхъ основаній. Наука говоритъ: жизнь есть явленіе прогрессивное и прогрессирующее. А гдѣ постулируется прогрессъ, тамъ должны быть на лицо и различныя фазы его. Значитъ, и тутъ мы можемъ говорить о *степеняхъ* жизни, а стало быть, и о *разнородности* ея.

Признавая прогрессивность жизни, мы тѣмъ самымъ не предрѣшаемъ еще одного въ высшей степени важнаго вопроса, а именно: въ чемъ разница между различными ступенями жизни, какъ сказывается разнородность ея—*качественно* или *количественно.* Ставя вопросъ такимъ именно образомъ, мы должны ожидать, по крайней мѣрѣ, двухъ отвѣтовъ на него. Одинъ изъ нихъ гласитъ примѣрно слѣдующее: рѣшительно всѣ элементы жизни сказались сразу въ тѣхъ простѣйшихъ организмахъ, которые впервые появились на землѣ; прогрессъ органическаго міра выражался въ томъ, что элементы эти съ теченіемъ вѣковъ росли, крѣпли, становились ярче и сильнѣе, оставаясь, однако, всегда и вездѣ слитыми въ одно нераздѣльное цѣлое. Говоря иначе: *жизнь прогрессировала количественно.* Другой отвѣтъ—діаметрально противоположнаго характера, и формулировать его мы можемъ такъ: качественно различные элементы жизни постепенно создавались на различныхъ ступеняхъ прогресса; у организмовъ послѣдующихъ періодовъ возникали новыя особенности, не существовавшія въ болѣе ранніе періоды; низшія формы жизни вовсе не заключаютъ въ себѣ нѣкоторыхъ элементовъ, встрѣчающихся въ формахъ высшихъ. Или другими словами: *жизнь прогрессируетъ качественно.*

Эти отвѣты возвращаютъ насъ къ старому спору преформистовъ съ эпигенетистами о сущности эмбріональнаго развитія. Если помните, по смыслу теоріи *предобразованія* (преформація), въ одноклѣтномъ зародышѣ всякаго организма уже напередъ имѣются всѣ характерные органы взрослой формы: имъ остается лишь „расти, крѣпнуть, становиться ярче и сильнѣе“, т. е. измѣняться *количественно*; по теоріи же *новообразованія* (эпигенезъ), развитіе одноклѣтнаго зародыша представляетъ собою постепенный переходъ отъ простого—однороднаго къ сложному—разнородному, т. е. свидѣтельствуетъ о *качественныхъ* измѣненіяхъ. Развѣ только что приведенныя формулы органическаго прогресса не являются на самомъ дѣлѣ повтореніемъ тѣхъ взглядовъ, которые царили въ естествознаніи XVII вѣка по вопросу объ индивидуальномъ развитіи живыхъ существъ? Не даромъ вѣдь біологія такъ энергично настаиваетъ на аналогіи между онтогенезомъ (превращеніе одноклѣтнаго зародыша во взрослую форму) и фи-

логенезомъ (исторія развитія даннаго вида, рода, семейства и т. д.): оказывается, что мысль человѣческая, въ попыткахъ вскрыть содержаніе прогресса жизни, фатальнымъ образомъ приходитъ къ тѣмъ же рѣшеніямъ, которыя она давала раньше на вопросъ о томъ, какимъ образомъ и почему одноклѣтный зародышъ становится сложнымъ организмомъ, надѣленнымъ разнообразными и различно функціонирующими аппаратами. Наука безповоротно осудила теорію предобразованія, поскольку дѣло шло объ индивидуальномъ развитіи организмовъ. Такъ же рѣшительно должна высказаться она объ этой теоріи и въ примѣненіи ея къ исторіи развитія всего организованнаго міра. Ибо, признавая лишь количественный прогрессъ жизни, мы придемъ къ цѣлому ряду дикихъ абсурдовъ, хотя бы къ такому, напримѣръ, выводу, что простѣйшая изъ амебъ имѣетъ не только позвоночникъ, сердце, легкія, пищеварительные органы и т. д. „въ зачаточномъ состояніи", но и „задатки" всѣхъ тѣхъ элементовъ психики, которые распустились пышнымъ цвѣтомъ лишь въ совершеннѣйшемъ изъ созданій земли, въ человѣкѣ. А, проводя этотъ асбурдъ еще дальше, за предѣлы „живой" природы, мы должны будемъ, какъ говорилось раньше, придти къ панпсихизму *). Остается, конечно признать, что разница между отдѣльными ступенями жизни сказывается качественно. Мысль эта нашла себѣ прекрасное выраженіе въ той формулѣ органическаго прогресса, которая была дана еще Спенсеромъ. Онъ, какъ извѣстно, говоритъ, что прогрессъ жизни обнаруживается, какъ „переходъ отъ неопредѣленной однородности къ опредѣленной разнородности". Но тутъ мы наталкиваемся на новыя затрудненія. Впрочемъ, прежде, чѣмъ говорить объ этихъ затрудненіяхъ, сдѣлаю одну поправку къ формулѣ—жизнь прогрессируетъ качественно. Вѣдь качественное измѣненіе живыхъ формъ не исключаетъ количественнаго измѣненія ихъ; на ряду съ возникновеніемъ новыхъ „элементовъ жизни—морфологическихъ, физіологическихъ и психическихъ—совершается и количественное измѣненіе старыхъ „элементовъ": они „растутъ, крѣпнутъ, выражаются ярче и опредѣленнѣе". Слѣдовательно, объективное изученіе органическихъ формъ на самомъ дѣлѣ приводитъ къ заключенію, что *жизнь прогрессируетъ и качественно, и количественно*. Это же доказывается не только развитіемъ всего органическаго міра, но и развитіемъ отдѣльнаго организма, такъ что и въ этомъ отношеніи филогенезъ находитъ себѣ поддержку въ явленіяхъ онтогенеза. Но количественный прогрессъ жизни для насъ сейчасъ не интересенъ, хотя бы потому, что при объясненіи его наука не встрѣчаетъ особенно серьезныхъ затрудненій. Совсѣмъ иное дѣло качественный прогрессъ жизни. При желаніи объяснить его въ головѣ поднимается цѣлая вереница

*) См. «Русское Богатство», мартъ. «Что такое жизнь?»

вопросовъ, одинъ труднѣе и запутаннѣе другого. Какъ въ самомъ дѣлѣ *возникали* тѣ своеобразныя и качественно-различныя особенности, которыми надѣлены живыя формы послѣдовательныхъ ступеней прогресса? Откуда и подъ вліяніемъ какихъ причинъ сложились всѣ *первоначальныя, цѣлесообразныя* приспособленія организмовъ—приспособленія морфологическія и функціональныя? При какихъ обстоятельствахъ и какими силами были вызваны къ жизни всѣ тѣ „элементарныя качества", безъ которыхъ немыслима никакая жизнь? И, наконецъ, самый загадочный изъ вопросовъ: *какъ возникла жизнь на землѣ?* Оставляя обсужденіе остальныхъ вопросовъ до слѣдующей главы, займемся пока послѣднимъ изъ нихъ.

Допуская качественную разницу между отдѣльными ступенями жизни, предполагая, что различные періоды прогресса характеризуются возникновеніемъ совершенно новыхъ, дотолѣ вовсе не существовавшихъ элементовъ жизни, мы должны будемъ признать громадную разницу также между „живымъ" и „мертвымъ". Если амеба качественно отличается отъ червя, а червь отъ человѣка, то несомнѣнно, что не меньшая разница существуетъ также между неорганическимъ міромъ съ одной стороны, и организованнымъ—съ другой. Вѣдь прогрессъ жизни составляетъ лишь звено въ прогрессѣ мірозданія вообще. До возникновенія „живого" жизни не существовало; а возникновеніе ея совпало, очевидно, съ образованіемъ чего-то новаго и качественно несходнаго съ тѣмъ, чѣмъ обладала природа *уже до жизни.* Что-же именно случилось, и какъ оно случилось — вотъ вопросъ, на который наука пока отвѣта не имѣетъ: „Первое возникновеніе жизни,—говоритъ Дю-Буа-Реймонъ,—теперь окутано еще большимъ мракомъ, чѣмъ тогда, когда могли еще надѣяться увидѣть происхожденіе живого изъ мертваго въ лабораторіи, подъ микроскопомъ... Гдѣ раньше предполагали возникновеніе жизни, тамъ жизнь просто развивалась изъ существовавшихъ уже зародышей. Тѣмъ не менѣе, положеніе дѣла измѣнилось настолько, что всякій, кто въ состояніи разстаться съ чисто-дѣтскимъ взглядомъ, вынужденъ самою логикой допустить механическое возникновеніе жизни. Даже тотъ, кто вѣритъ въ конечныя причины, долженъ сознаться, что творческой силѣ достаточно было всего одинъ разъ проявить свое сверхъестественное вмѣшательство въ міровую механику — вызвать къ бытію лишь простѣйшіе зародыши жизни, надѣленные, однако, такими свойствами, чтобы изъ нихъ, безъ всякой дальнѣйшей помощи, могъ развиться теперешній органическій міръ. Разъ допустить это, возникаетъ такого рода вопросъ: не достойнѣе-ли было бы для творческаго всемогущества избавить себя также и отъ однократнаго вмѣшательства въ данные имъ законы, и съ самаго начала снабдить матерію такими силами, чтобы, при соотвѣтствующихъ условіяхъ, на землѣ и на другихъ небесныхъ тѣлахъ

безъ всякой дальнѣйшей помощи возникли зародыши жизни? Отрицать это допущеніе нѣтъ никакого основанія... При надлежащихъ условіяхъ, столь-же недоступныхъ нашему воспроизведенію, какъ и тѣ, при которыхъ совершается множество неорганическихъ процессовъ, можетъ получиться также и особенное состояніе динамическаго равновѣсія матеріи, называемое нами жизнью..." *).

Это—nec plus ultra того, что можетъ механическое міровоззрѣніе отвѣтить сейчасъ на вопросъ, какъ возникла жизнь на землѣ. Но для того, у кого не пропала еще охота читать со смысломъ напечатанное чернымъ по бѣлому, ясно, какимъ въ сущности безсиліемъ звучитъ этотъ, съ виду увѣренный и не допускающій никакихъ возраженій, отвѣтъ Дю-Буа-Реймона. Да, достаточно было „снабдить матерію *такими силами*", чтобы изъ нея могла свободно развиться жизнь на землѣ; но какія это силы и какъ съ помощью ихъ „возникли зародыши жизни"—неизвѣстно; да, „при надлежащихъ условіяхъ" получается „такое особенное состояніе матеріи", которое мы величаемъ жизнью; но каковы эти условія и въ чемъ это „особенное состояніе", — опять-таки неизвѣстно. Поэтому будемъ скромны, признаемся открыто въ своемъ невѣжествѣ,—вѣдь знаніе дѣло наживное, а наука не нами началась и не нами кончится, — и скажемъ вмѣстѣ съ А. Данилевскимъ: „Какъ бы ни началась жизнь на землѣ—она растетъ, расширяется и захватываетъ въ свою оживляющую сферу все большія и большія массы мертваго вещества. Искра жизни, брошенная на землю, одѣла ее уже колоссальнымъ живымъ пламенемъ, и это пламя продолжаетъ все еще расти. Жизнь отъ первобытныхъ временъ стала интенсивнѣе, ярче, разнообразнѣе, сложнѣе... Какъ дѣйствительная огневая искра можетъ дать все большее пламя на горючемъ матеріалѣ только при помощи новыхъ и новыхъ массъ кислорода, предоставленная-же себѣ самой среди камней—погасла-бы, такъ и брошенная на землю искра зажгла и продолжаетъ зажигать пламя жизни на строго опредѣленной матеріи при помощи такого-же матеріала, на какомъ она сама въ благословенный часъ пришла на землю. Какой матеріалъ служилъ носителемъ этой благодатной искры, откуда явилась она на землю,—мы не знаемъ, но мы должны спросить себя, какой матеріалъ служилъ и служитъ для *распространенія* жизни на все новыя и новыя массы мертваго вещества" **).

Мы знаемъ, что это—матеріалъ *уже* живой: только пройдя сквозь горнило „живого вещества", мертвое становится само живымъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ пока весь научный опытъ. И кто знаетъ, быть можетъ, наука только тогда постигнетъ воз-

---

*) *Дю-Буа-Реймонъ*. Семь міровыхъ загадокъ.

**) *А. Данилевскій*. Живое вещество.

никновеніе жизни на землѣ, когда ей доподлинно будетъ извѣстно, какимъ образомъ „мертвое“—вода, углекислота, минеральныя части почвы—преобразуется въ живой растительный бѣлокъ. Представимъ себѣ, что физіологу дѣйствительно удастся когда-нибудь уловить шагъ за шагомъ всѣ тѣ измѣненія, которыя испытываетъ „мертвое вещество“ съ того момента, какъ оно поступаетъ въ листья, вплоть до преобразованія его въ „живой бѣлокъ“; представимъ себѣ далѣе, что химикъ, воспользовавшись изслѣдованіями физіолога, съумѣетъ у себя въ лабораторіи воспроизвести въ точности весь этотъ сложный процессъ отъ исходнаго до заключительнаго момента его. Вѣдь тотъ день, когда это случится, будетъ однимъ изъ торжественнѣйшихъ дней въ исторіи науки, ибо задача, надъ рѣшеніемъ которой такъ безнадежно билось столько выдающихся умовъ, перестанетъ существовать: „живое вещество“, вышедшее изъ лабораторіи ученаго, созданное творческимъ геніемъ человѣка, будетъ на лицо. И очень вѣроятно, что съ разрѣшеніемъ этой загадки спадетъ завѣса и съ другой великой тайны природы: процессъ возникновенія жизни на землѣ предстанетъ въ новомъ свѣтѣ. По онтогенезу мы судимъ сейчасъ о филогенезѣ; исторія развитія данной особи является для насъ краткою, но весьма наглядною исторіей того вида, къ которому принадлежитъ эта особь: каждый организмъ, въ процессѣ эмбріональнаго развитія, какъ бы воспроизводитъ свою родословную, ведетъ свои генеалогическіе списки, набрасываетъ общими штрихами абрисы своихъ ближайшихъ и отдаленныхъ предковъ. И вотъ, въ томъ отдаленномъ будущемъ, когда станутъ доподлинно извѣстны всѣ послѣдовательные фазисы прогрессивнаго метаморфоза веществъ въ лабораторіи листьевъ, когда химикъ научится создавать послѣдовательно живое вещество изъ мертваго, — тогда, быть можетъ, на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, мы въ состояніи будемъ болѣе или менѣе правильно объяснить и возникновеніе жизни на землѣ: процессъ образованія живого вещества изъ „мертваго“ въ растеніяхъ будетъ служить для насъ какъ бы краткою исторіей возникновенія жизни на землѣ, а отдѣльные моменты его возсоздадутъ въ нашемъ воображеніи тѣ этапы, которые лежатъ на пути, ведущемъ изъ міра неорганическаго въ міръ организованный. Да, повторяю, возможно, что генезисъ живого вещества въ листьяхъ является наиболѣе правдоподобною лѣтописью тѣхъ метаморфозъ, которые незамѣтно привели къ возникновенію жизни на нашей планетѣ...

III.

„Органическая субстанція, говоритъ Махъ, существенно отличается отъ неорганической тѣмъ, что послѣдняя легко поддается внѣшнимъ воздѣйствіямъ физическихъ и химическихъ явленій, тогда какъ первая стремится *наперекоръ имъ* сохранить опредѣленное состояніе... Силы организма направляютъ его въ извѣстную сторону, къ извѣстному состоянію" *). Мы ужъ знакомы съ этой мыслью, которую раздѣляютъ и многіе механисты и, разумѣется, всѣ виталисты. Какъ тѣ, такъ и другіе признаютъ, что организмъ—даже наипростѣйшій—дѣйствительно надѣленъ „защитными свойствами", что способность „сохранять" опредѣленную форму и функціонировать въ интересахъ самосохраненія, „наперекоръ" внѣшнимъ физическимъ и химическимъ воздѣйствіямъ, составляетъ исключительное достояніе „живого вещества", и что въ этомъ смыслѣ строеніе и дѣятельность его безусловно „цѣлесообразны" **). А потому врядъ ли я ошибусь, если скажу, что проблема жизни сводится въ сущности къ проблемѣ *возникновенія* цѣлесообразныхъ органическихъ формъ. Непонятнымъ въ этихъ формахъ является именно „цѣлесообразное", и особенно непонятно возникновеніе „цѣлесообразнаго" въ тѣхъ простѣйшихъ организмахъ, которые считаются древнѣйшими обитателями земли: въ нихъ кроется вся такъ называемая „тайна жизни", въ нихъ же и ключъ для выясненія ея. Если, въ самомъ дѣлѣ, „цѣлесообразное" есть необходимый аттрибутъ жизни, если мы не въ силахъ представить себѣ такіе организмы, силы которыхъ не направляли бы ихъ „въ извѣстную сторону, къ извѣстному состоянію", то остается предположить, что, какъ только жизнь загорѣлась впервые на землѣ, появилось уже и „цѣлесообразное", явилась способность живыхъ существъ не только поддерживать свое индивидуальное существованіе при наличности разрушительныхъ, враждебныхъ вліяній среды, но и передавать этотъ счастливый даръ по наслѣдству въ ряды идущихъ имъ на смѣну поколѣній. Ну, а такъ какъ живущіе сейчасъ на бѣломъ свѣтѣ простѣйшіе организмы имѣютъ, повидимому, много общаго съ піонерами жизни на нашей планетѣ, то становится понятнымъ, почему неовиталисты удѣляютъ такое большое вниманіе вопросу о цѣлесообразномъ строеніи и цѣлесообразныхъ отправленіяхъ этихъ именно организмовъ. „Именно жизнедѣятельность элементарныхъ организмовъ", говоритъ, напримѣръ, Шёлеръ, „при

---

*) *Эрнестъ Махъ.* Научно-популярные очерки. Вып. I. Этюды по теоріи познанія 1901.

**) См. мою предыдущую статью въ «Р. Б.» за май 1903 г.

всѣхъ нормальныхъ и патологическихъ процессахъ является великой загадкой. Было бы удивительно, если бы въ основѣ ея лежало стремленіе къ цѣли, но еще удивительнѣе было бы предположить, что въ результатѣ безцѣльнаго сочетанія дѣйствій, лишенныхъ всякаго плана, безсознательно и случайно появляется цѣлесообразно функціонирующее чудесное строеніе организма" *).

Смыслъ послѣднихъ словъ станетъ вполнѣ понятнымъ, если мы обратимся къ другому неовиталисту, Густаву Вольфу, который въ книжкѣ своей „Mechanismus und Vitalismus" заявляетъ слѣдующее: „Дарвинизмъ пытается объяснить возникновеніе цѣлесообразнаго; но такъ какъ онъ имѣетъ въ виду организмы, то здѣсь возможно одно изъ двухъ: или они цѣлесообразны, или же нѣтъ. Въ первомъ случаѣ все, подлежащее объясненію, уже дается напередъ; во второмъ же случаѣ *дарвинизмъ требуетъ, чтобъ мы представили себѣ организмъ, лишенный всякихъ признаковъ цѣлесообразности*. Но подобнаго организма *мы представить себѣ не можемъ*, такъ какъ опытъ говоритъ намъ, что каждый организмъ обладаетъ этими свойствами и, слѣдовательно, эти характерные признаки принадлежатъ эмпирическому *понятію организмъ*". (Курсивъ Вольфа). Къ этой тирадѣ Вольфа необходимо сдѣлать одну весьма существенную поправку. Самъ Дарвинъ никогда не задавался мыслью объяснить *возникновеніе* жизни, а, стало быть, и возникновеніе „цѣлесообразнаго" въ первичныхъ организмахъ. Критическое чутье геніальнаго изслѣдователя заставило его прямо отказаться отъ рѣшенія этого вопроса не только въ виду исключительной трудности его, но и потому, что для рѣшенія такой сложной проблемы наука не располагаетъ еще нужными средствами. Строить же безпочвенныя гипотезы онъ, какъ извѣстно, не любилъ. Всѣ усилія его были направлены на рѣшеніе другого, хотя и не менѣе труднаго вопроса. Дарвинъ и дарвинизмъ въ его чистомъ видѣ, безъ позднѣйшихъ наслоеній, брались истолковать не возникновеніе жизни, а *расширеніе и усложненіе ея*, не возникновеніе первичныхъ цѣлесообразныхъ формъ, а *трансформацію и эволюцію ихъ*. Этого обстоятельства забывать не слѣдуетъ, не надо, значитъ, и сваливать на дарвинизмъ такіе грѣхи, въ которыхъ онъ совершенно неповиненъ. Если механисты, поскольку они дарвинисты, не даютъ удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ о томъ, почему и какъ появились на землѣ исходныя формы жизни, то вѣдь и виталисты не оказались въ этомъ отношеніи болѣе счастливыми, и они не дали чего-нибудь дѣйствительно стоющаго вниманія: „Здѣсь", пишетъ Альбрехтъ, „мы, какъ телеологи—читай: неовиталисты!—такъ и механисты, должны будемъ остановиться предъ исторической проблемой и признать ее неразрѣшимой. „Исходная структура

---

*) *H. Schoeler*. Probleme. Kritische Studien über den Monismus. 1900.

имѣется на лицо: кто и какъ ее создалъ—на это пусть пытаются отвѣчать гипотезы или догмы". Можно, конечно, думать, что Альбрехтъ напрасно считаетъ проблему эту неразрѣшимой только потому, что до сихъ поръ она еще не рѣшена; но, во всякомъ случаѣ, никто не станетъ отрицать, что въ этомъ заявленіи его видно серьезное и вдумчивое отношеніе къ такимъ вопросамъ, которые обыкновенно очень легко и ставятся, и рѣшаются большинствомъ механистовъ. О догмахъ, которыя имѣетъ въ виду Альбрехтъ, намъ разсуждать не приходится: это дѣло вѣры, и тутъ никто никому не указчикъ. Что же касается „гипотезъ", то мы ужъ до нѣкоторой степени знакомы съ общимъ духомъ ихъ, такъ что можемъ оцѣнить ихъ по достоинству.

Однако, дарвинизмъ не рѣшаетъ и другого важнаго вопроса, и этого нельзя ужъ не поставить ему на счетъ: онъ въ сущности пока еще не объяснилъ, *какъ возникали качественно-различныя цѣлесообразныя приспособленія на различныхъ ступеняхъ жизни.* И эти „приспособленія"—собственно „зачатки" ихъ—берутся имъ опять таки, какъ нѣчто данное. Такъ какъ тутъ рѣчь идетъ о самомъ больномъ мѣстѣ дарвинизма, то не лишнее будетъ нѣсколько подробнѣе остановиться на немъ.

Кому неизвѣстно, какъ многообразны и часто изумительны тѣ приспособленія, которыми надѣлены представители обоихъ живыхъ царствъ природы? Одни только приспособленія къ перекрестному опыленію у растеній и факты покровительственной окраски и мимекріи у животныхъ могли бы составить роскошный букетъ подлинныхъ „чудесъ" природы. Напомню хотя бы о тѣхъ остроумныхъ снарядахъ для приманки насѣкомыхъ и нагруженія ихъ пыльцей, которыми надѣлены орхидеи, и о той способности копировать, какую проявляютъ имитирующія насѣкомыя. А потомъ, развѣ не верхъ искусства всѣ тѣ дивныя приспособленія къ завлеченію, ловлѣ и перевариванію насѣкомыхъ, которыми природа надѣлила „хищныя" растенія? И, наконецъ, вся серія такъ называемыхъ „вторичныхъ половыхъ признаковъ" у многихъ насѣкомыхъ и птицъ? Какъ изящны и красивы они иногда! Какъ старательно и тонко выполнены! Можно смѣло сказать, что ни одинъ живописецъ не нашелъ бы на палитрѣ своей подходящихъ красокъ для воспроизведенія всѣхъ тѣхъ рисунковъ, узоровъ, полосокъ, глазковъ и пятенъ, которыми украшены перья нѣкоторыхъ видовъ колибри. Богатая фантазія и творческія силы природы и тутъ не спасовали, и тутъ оказались на недосягаемой для человѣка высотѣ. Всѣ „эти „приспособленія" стали съ давнихъ поръ предметомъ самаго тщательнаго изученія натуралистовъ. Истолковать ихъ возникновеніе и развитіе всегда составляло особенно заманчивую задачу для науки.

*) *Eugen Albrecht.* Vorfragen der Biologie 1899.

И, надо правду сказать, всѣ объясненія, которыя давались до Дарвина, носили удивительно поверхностный характеръ. Это были даже не объясненія, а скорѣе поэтическія фантазіи, апологія міразданія, панегирикъ „верховному разуму", вдохновенныя рѣчи объ „абсолютномъ духѣ" и „міровой гармоніи", о „волѣ въ природѣ",—словомъ, все, что хотите, только не объясненія. Пришелъ дарвинизмъ и наложилъ свою властную руку и на эту область явленій природы. Но все-ли онъ объяснилъ—вотъ вопросъ. Можно-ли считать его толкованія всеисчерпывающими? Нѣтъ, къ сожалѣнію, утверждать этого нельзя. И вотъ почему.

Естественный подборъ подхватываетъ, совершенствуетъ и закрѣпляетъ такія измѣненія, въ строеніи и отправленіяхъ организма, которыя оказываютъ послѣднему какую-либо услугу въ борьбѣ за существованіе. Таковъ основной тезисъ дарвинизма. Отсюда слѣдуетъ, что измѣненіе, надъ которымъ оперируетъ подборъ, *уже до начала дѣйствія послѣдняго*, должно представлять несомнѣнную цѣнность для организма, оказавшагося счастливымъ обладателемъ этого измѣненія: иначе подбору не къ чему было бы подхватывать его и передавать по закону наслѣдственности въ ряды слѣдующихъ поколѣній. Другими словами: всякое измѣненіе, поступающее въ распоряженіе естественнаго подбора, есть на самомъ дѣлѣ *уже приспособленіе*, по крайней мѣрѣ, зачатокъ приспособленія, т. е. нѣчто до извѣстной степени *цѣлесообразное.* Попробуемъ иллюстрировать мысль эту двумя-тремя примѣрами, взятыми изъ обширной области явленій покровительственной окраски и мимекріи. Передъ нами кузнечикъ, живущій въ зеленой травѣ, и самъ совершенно зеленый. По смыслу теоріи Дарвина, окраска этого насѣкомаго выработалась постепенно подъ вліяніемъ борьбы и переживанія наиболѣе приспособленныхъ. Но, чтобы такое „переживаніе" могло, благодаря подбору, дѣйствительно осуществиться, необходимо допустить, что среди предковъ этого кузнечика имѣлось достаточное число недѣлимыхъ, *окраска которыхъ уже въ значительной степени гармонировала съ окраской окружающей среды*: только при такихъ условіяхъ подборъ могъ приступить къ своей благотворной для даннаго вида кузнечиковъ работѣ. Возьмемъ другой примѣръ. Вотъ знаменитая бабочка-каллима. Со сложенными крыльями она всѣмъ обликомъ своимъ и окраской удивительно какъ похожа на сухой листъ растенія. Это обстоятельство позволяетъ ей съ большимъ успѣхомъ скрываться отъ насѣкомоядныхъ птицъ среди высохшихъ вѣтвей. Спрашивается, откуда и какъ взялось это поистинѣ великолѣпное приспособленіе? Ученіе о подборѣ и переживаніи наиболѣе приспособленныхъ даетъ вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ о томъ, какъ могло *развиться* и *усовершенствоваться* такое приспособленіе; но какъ оно *возникло*—на этотъ счетъ пока можно строить однѣ лишь догадки да предположенія. Вѣдь не-

сомнѣнно, что подборъ и въ данномъ случаѣ могъ начать свою полезную дѣятельность только тогда, когда среди отдаленныхъ предковъ каллимы появились, по неизвѣстнымъ еще причинамъ, такія особи, которыя видомъ своимъ и окраской *уже нѣсколько походили на сухой листъ растенія.* Вотъ, наконецъ, еще одинъ интересный примѣръ: существуетъ на бѣломъ свѣтѣ нѣсколько видовъ бабочекъ, которыхъ даже на близкомъ разстояніи не трудно принять за пчелъ или осъ. На тернистомъ жизненномъ пути такой маскарадъ далеко не безполезенъ: для беззащитныхъ бабочекъ сходство съ жалоносною пчелой или осой дѣло выгодное, приспособленіе безспорно цѣлесообразное. Но объяснить, откуда взялось это приспособленіе, опять-таки не легко,—не легко потому, что обычная аргументація дарвинизма и въ данномъ случаѣ не отвѣчаетъ на самый важный вопросъ, а именно: что создало у разсматриваемыхъ нами видовъ бабочекъ такую степень сходства съ пчелами или осами, при которой стала возможной отборка „наиболѣе приспособленныхъ“?

Всѣ эти разсужденія полностью примѣнимы и къ остальнымъ случаямъ приспособленій, чего бы ни касались они—все равно. Подборъ всегда и вездѣ находилъ уже готовыми, по крайней мѣрѣ, зачаточныя формы цѣлесообразныхъ измѣненій организмовъ,—готовыми въ томъ смыслѣ, что отбирать, совершенствовать и закрѣплять ихъ имѣется полное основаніе. Если же это вѣрно, то вѣрно и то, что ученіе о естественномъ подборѣ раскрываетъ намъ не процессъ *возникновенія* цѣлесообразныхъ приспособленій, а исторію ихъ *развитія*: отбирается только то, что подлежитъ отбору, т. е. цѣнное, полезное, цѣлесообразное. А откуда послѣднее берется—на это, быть можетъ, отвѣтитъ наука только тогда, когда она путемъ непосредственныхъ наблюденій и экспериментовъ обсудитъ досконально не только вопросъ *о прямомъ вліяніи внѣшнихъ условій* на измѣненіе живыхъ формъ природы, но и вообще всѣ такъ называемыя „причины измѣнчивости“ организмовъ.

IV.

Есть слова, которыя служатъ предметомъ идіосинкразіи для многихъ образованныхъ людей. Къ разряду такихъ словъ-неудачниковъ относится и неуклюжее выраженіе „телеологія“. Всякій разъ, какъ рѣчь заходитъ о „цѣлесообразномъ въ природѣ“, въ памяти нашей встаютъ различныя натурфилософскія системы, въ которыхъ огромное значеніе играла телеологія, и этого одного уже достаточно, чтобы почувствовать острые приступы идіосинкразіи. Но врядъ-ли въ настоящее время можно оправдать такого рода словобоязнь. Телеологія современныхъ натуралистовъ имѣетъ мало общаго съ телеологіей метафизиковъ и натурфилософовъ.

„Предустановленныя конечныя цѣли“, къ осуществленію которыхъ яко бы стремится природа, давно уже отошли въ область преданія, и не онѣ имѣются въ виду въ теоретическихъ построеніяхъ нынѣшнихъ телеологовъ и виталистовъ. Впрочемъ, различіе между старыми и новыми телеологами идетъ еще дальше. Вотъ, что находимъ мы, напримѣръ, въ книжкѣ неовиталиста, а, стало быть, и телеолога, Густава Вольфа: „Разсматривая какое-нибудь явленіе телеологически, я хочу только показать, что оно представляется мнѣ въ видѣ системы причинъ и дѣйствій, построенныхъ по аналогіи съ такою системой причинъ и дѣйствій, какую создаетъ моя собственная мысль въ виду достиженія той или иной цѣли. Но лишь только я уклонюсь отъ простого сравненія, лишь только предположу, для выясненія такого порядка въ ряду явленій, какую-нибудь волю, интеллектъ и т. п.—я покидаю фактическую почву и вступаю въ область гипотезъ“ *).

Изъ всего сказаннаго выше слѣдуетъ вотъ что: организмы, даже простѣйшіе изъ нихъ, подлежатъ телеологическому разсмотрѣнію не потому, что они послушно исполняютъ велѣнія „верховнаго разума“, ведущаго ихъ къ осуществленію „конечныхъ цѣлей природы“, и не потому, что въ нихъ заложено представленіе о тѣхъ цѣляхъ, которыя имъ выполнить надлежитъ, а по совсѣмъ инымъ соображеніямъ. Строеніе организма *приспособлено* къ выполненію различныхъ функцій, а вся совокупность этихъ функцій служитъ *цѣлямъ* самосохраненія организмовъ—вотъ и все, на чемъ, повидимому, настаиваютъ современные телеологи. Обыкновенно утверждаютъ, что даже въ такой формѣ всѣ разсужденія о „цѣлесообразномъ“ носятъ чисто антропоморфическій характеръ, ибо понятія „цѣль“, „мотивъ“ и т. д. выводятся полностью изъ наблюденій надъ сознательною дѣятельностью человѣка. Совершенно вѣрно. Но, спрашивается, въ правѣ-ли мы отрицать такой именно антропоморфизмъ? Вѣдь тогда надо будетъ отнестись отрицательно и къ причинному объясненію жизненныхъ явленій: оно такъ же антропоморфно, по скольку является необходимою формою *человѣческаго*, а не *до* или *сверхъ*-человѣческаго познанія. Самъ дарвинизмъ—а его-то уличить въ симпатіяхъ къ телеологіи никакъ ужъ невозможно—самъ дарвинизмъ страдаетъ антропоморфизмомъ въ только что упомянутомъ и, на мой взглядъ, совершенно безобидномъ смыслѣ этого слова. Всякій дарвинистъ разсматриваетъ существованіе различныхъ органовъ и функцій съ точки зрѣнія ихъ полезности или безполезности; всякій дарвинистъ—да иначе онъ и не былъ бы дарвинистомъ——утверждаетъ, что такой-то признакъ у животныхъ или растеній могъ развиться только при условіи его полезности и долженъ былъ погибнуть, какъ только сталъ ненуженъ или вреденъ. Понятія-же

*) *Gustav Wolff.* Mechanisimus und Vitalismus, 1902.

„полезный“ и „вредный“ естественно предполагают вопросъ: для чего полезенъ? для чего вреденъ? Тутъ ужъ получается, какъ видите, своего рода телеологія, ибо на вопросъ „для чего“ отвѣчаютъ обстоятельства *цѣли*; а гдѣ выдвигаются на сцену цѣли, тамъ начинается антропоморфизмъ, тамъ справедливость стариннаго изреченія—„человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей“—даетъ себя особенно сильно чувствовать. Все это настолько элементарно, что не заслуживало-бы даже такого рода изложенія, если бъ... если бъ не идіосинкразія и словобоязнь...

Психо-физическая организація человѣка и сознательныя, разумныя дѣйствія его являются высшею мѣрою „цѣлесообразнаго“ на землѣ. По сравненію съ такимъ мѣриломъ весь остальной организованный міръ нашей планеты долженъ казаться мало-цѣлесообразнымъ, а часто и вовсе не цѣлесообразнымъ. „Если бы человѣкъ для того, чтобы убить зайца, выстрѣлилъ изъ милліона ружей на большомъ полѣ по всевозможнымъ направленіямъ; если бы онъ, чтобы войти въ запертую комнату, купилъ себѣ 10,000 различныхъ ключей и всѣ ихъ испробовалъ; если бы онъ, чтобы имѣть домъ, построилъ себѣ цѣлый городъ и лишніе дома предоставилъ въ распоряженіе вѣтра и непогоды, то никто не назвалъ бы этого цѣлесообразнымъ, а еще менѣе стали бы искать въ такихъ пріемахъ какой-нибудь высшей мудрости, таинственныхъ основаній и необычайнаго практическаго ума“. А между тѣмъ такую именно ужасную, безсмысленную расточительность обнаруживаетъ природа. „Начиная съ цвѣточной пыли растеній до оплодотвореннаго сѣмени, отъ сѣмени до проростающаго растенія, отъ такого растенія до растенія вполнѣ выросшаго, которое само приноситъ сѣмена, мы постоянно видимъ механизмъ, который, путемъ тысячекратнаго воспроизведенія для немедленной гибели и благодаря лишь случайному совпаденію благопріятныхъ условій, сохраняетъ жизнь настолько, насколько мы ее видимъ сохраненной вокругъ насъ. Гибель жизненныхъ зародышей, недовершеніе начинающагося есть общее правило; „сообразное-же съ природою“ развитіе есть частный случай между тысячами другихъ, „несообразныхъ“; это есть исключеніе, и это-то исключеніе создаетъ ту природу, цѣлесообразному самосохраненію которой удивляется близорукій телеологъ“ *). Эти строки изъ „Исторіи матеріализма“ Ланге не разъ цитировались для посрамленія телеологовъ стараго закала, вдохновляемыхъ идеей о сверхъ эмпирическихъ и надъ-эмпирическихъ цѣляхъ природы. Думается, однако, что иронія Ланге не такъ ужъ ядовита въ примѣненіи къ тѣмъ натуралистамъ, которые являются защитниками новой телеологіи.

Да, скажетъ такой неотелеологъ, природа несовершенна: не-

---

*) *Фр. Ланге.* Исторія матеріализма.

совершененъ человѣкъ—иначе онъ былъ бы безсмертенъ и тѣлесно и духовно,—еще болѣе несовершенны всѣ остальные чада земли, занимающія менѣе почетныя мѣста зоологической табели о рангахъ. Но значитъ-ли это, что созданныя природою живыя формы нецѣлесообразны? Исторія органическаго міра не есть одинъ лишь сплошной мартирологъ. Правда, основной фонъ ея составляетъ неумолимая борьба за существованіе, которая смела и продолжаетъ сметать съ лица земли милліоны живыхъ существъ только потому, что они недостаточно приспособлены. Но вѣдь неприспособленность ихъ сказывается особенно ярко съ измѣненіемъ окружающей среды и съ усложненіемъ жизни. При наличности же подходящихъ условій всѣ эти „неприспособленные"—ну, скажемъ, различные тамъ калламиты, лепидодендроны, древовидные папортники, ихтіозавры, стегозавры и атлантозавры—не только жили, но и пользовались всѣми преимуществами истинныхъ владыкъ земли. Уже самый фактъ ихъ существованія, а тѣмъ болѣе господства, показываетъ, что они были до нѣкоторой степени приспособлены къ жизни. Гибель ихъ обусловливалась тѣмъ, что природа выдвинула имъ на смѣну другія, болѣе приспособленныя формы Словомъ, какъ организмы минувшихъ геологическихъ эпохъ, такъ и современные организмы можно считать болѣе или менѣе приспособленными къ жизни, въ большей или меньшей степени цѣлесообразными; и суть дѣла вовсе не въ томъ, совершенны-ли они и можно-ли ихъ дѣятельность уподобить цѣлесообразной дѣятельности человѣка,—врядъ-ли кто теперь серьезно этимъ интересуется,—а въ томъ, какимъ образомъ выработалась въ организмахъ даже та, допустимъ, ничтожная, низшая форма цѣлесообразности, которую мы въ нихъ сейчасъ наблюдаемъ.

Мнѣ кажется, что въ этихъ разсужденіяхъ неотелеолога кроется большая доля правды. Если вникнуть, какъ слѣдуетъ, въ споръ между механистами и виталистами, то окажется, что всегда яблокомъ раздора для нихъ служилъ вопросъ о возникновеніи „цѣлесообразнаго", которое, какъ я старался показать выше, имѣется на лицо уже у простѣйшихъ изъ населяющихъ землю организмовъ. Виталистъ настаиваетъ на этомъ обстоятельствѣ особенно энергично; механистъ же признаетъ его съ нѣкоторыми оговорками. Однако, примирить противниковъ на этой почвѣ представляется еще возможнымъ; вражда ихъ собственно коренится гораздо глубже. Сторонникъ механическаго міровоззрѣнія считаетъ возможнымъ объяснить полностью процессъ возникновенія „цѣлесообразнаго" на основаніи тѣхъ аргументовъ, которые даются теоріей подбора и выживанія наиболѣе приспособленныхъ: простѣйшія формы жизни, равно какъ и сложнѣйшіе изъ организмовъ возникли, по мнѣнію механиста, благодаря сохраненію наиболѣе жизнеспособныхъ комбинацій того матеріала, надъ ко-

торымъ оперировалъ подборъ. Виталистъ же и неотелеологъ находятъ, что теорія подбора не выясняетъ самаго существеннаго въ той проблемѣ, рѣшить которую онъ берется. Типичнымъ для всѣхъ механистовъ вообще является, напримѣръ, слѣдующее разсужденіе О. Бючли—разсужденіе, подъ которымъ не подпишется, разумѣется, ни одинъ неовиталистъ. Онъ говоритъ: „Не смотря на всѣ возраженія, я считаю возможнымъ допустить, что *случайно* появившійся, способный къ сохраненію и размноженію, простѣйшій организмъ можетъ прогрессировать по пути къ усложненію цѣлесообразнаго, благодаря накопленію *случайныхъ* новыхъ комбинацій, закрѣпляющихся въ томъ *случаѣ*, если они были цѣлесообразными при данныхъ общихъ условіяхъ“ *). (Курсивъ мой).

Вотъ это-то нагроможденіе „случайностей“, которыя въ лучшемъ случаѣ должны служить показателемъ нашего невѣжества, это-то возведеніе „случайнаго“ чуть-ли не въ какой-то непреложный законъ природы служитъ причиною той преувеличенно низкой оцѣнки, которую нѣкоторые зарвавшіеся неовиталисты даютъ всему дарвинизму вообще. Во всякомъ случаѣ, не нужно вовсе считать себя неовиталистомъ, а достаточно быть просто безпристрастнымъ человѣкомъ, чтобы согласиться, что вопросъ о *возникновеніи* простѣйшихъ цѣлесообразныхъ формъ жизни, равно какъ и вопросъ о *первичномъ возникновеніи* различныхъ приспособленій, пока еще не рѣшенъ.

V.

Не знаю, удалось-ли мнѣ убѣдить читателя въ томъ, что у насъ нѣтъ достаточнаго основанія отожествлять современныхъ виталистовъ съ метафизиками и телеологами стараго закала: полемизируя съ механистами они все время остаются на почвѣ эмпирическихъ данныхъ и не обращаются къ помощи недоказуемыхъ, сверхъ-опытныхъ предпосылокъ. Многія замѣчанія неовиталистовъ противъ механическаго міровоззрѣнія можно признать справедливыми, но это никого не обязываетъ соглашаться и съ тѣмъ „новымъ“, что пытаются они внести въ біологію.

Въ чемъ-же это „новое“? Какія поправки къ механическому міровоззрѣнію предлагаютъ неовиталисты? Что даютъ они взамѣнъ отвергаемыхъ ими „догмъ“ механизма? Попробую отвѣтить и на этотъ вопросъ возможно кратко.

При внимательномъ чтеніи работъ неовиталистовъ—я имѣю въ виду ихъ попытки къ „строительству“, стремленія дать нѣчто положительное—вы должны будете вычитать изъ этихъ работъ приблизительно слѣдующее: всѣ грѣхи механическаго міровоз-

*) *O. Bütschli.* Mechanismus und Vitalismus. 1901.

зрѣнія, всѣ недочеты и промахи его объясняются несостоятельностью самого метода, которымъ пользуются сторонники этого міровоззрѣнія при изученіи жизненныхъ явленій; механисты считаютъ причинное объясненіе достаточнымъ и въ біологіи, тогда какъ здѣсь первенствующая роль должна принадлежать объясненію *телеологическому*. Вотъ собственно одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ разногласія между борющимися сторонами; и сами механисты, по крайней мѣрѣ наиболѣе безпристрастные изъ нихъ, признаютъ это. Такъ, напримѣръ, Альбрехтъ, давъ обстоятельный анализъ неовиталистическихъ взглядовъ, резюмируетъ свой выводъ въ слѣдующихъ словахъ: „Принципіальныя противорѣчія между виталистической и механистической біологіей сводятся исключительно къ методамъ изслѣдованія, которые измѣняются по желанію и необходимости...“ *). „Вопросъ о томъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, какой изъ этихъ методовъ является болѣе вѣрнымъ—механистическій или виталистическій—для насъ уже не существуетъ: *оба имѣютъ одинаковое право на существованіе*, какъ способы разсматриванія и изслѣдованія, и дополняютъ другъ-друга, смотря по выбору „элементовъ“; ни одинъ не совершененъ въ смыслѣ возможнаго всеисчерпывающаго познанія явленій; оба покидаютъ насъ, какъ только мы задаемъ вопросъ о „сущности“ жизни, вокругъ котораго и загорѣлся споръ“ (Ibid.).

Къ цитатѣ этой необходимо добавить кое-какія важныя разъясненія, ибо съ нѣкоторыми мыслями ея никакъ нельзя согласиться. Несомнѣнно, что витализмъ и „механизмъ“ представляютъ собою прежде всего различные „способы обсужденія и изслѣдованія“ явленій; несомнѣнно, что оба они въ концѣ-концовъ одинаково безсильны рѣшить вопросъ о „сущности“ жизни; вѣрно, наконецъ, и то, что причинный и телеологическій методы изслѣдованія до извѣстной степени дополняютъ другъ друга. Но признавать за ними одинаковое право на существованіе, считать ихъ равноцѣнными въ научномъ изслѣдованіи нѣтъ никакихъ основаній. Все говоритъ скорѣе за то, что телеологическое объясненіе стоитъ несравненно ниже причиннаго; оно, правда, очень часто предшествуетъ причинному, но само по себѣ совсѣмъ не удовлетворяетъ запросовъ нашего разума, создавая лишь *иллюзію* объясненія тамъ, гдѣ недостаетъ настоящаго объясненія. Для оцѣнки относительнаго достоинства причиннаго и телеологическаго объясненія явленій не мѣшаетъ остановиться на нѣкоторыхъ въ высшей степени интересныхъ разсужденіяхъ Э. Маха по этому поводу.

Еще Аристотель различалъ двоякаго рода причины; однѣ онъ называлъ *причинами движущими*, другія—*конечными* или *цѣлями*. Обыкновенно думаютъ, что первыя управляютъ явленіями неоргани-

---

*) *Eugen Albrecht*. Vorfragen der Biologie. 1899.

ческой природы, послѣднія же, напротивъ, обусловливаютъ специфически-жизненные процессы; однѣ царятъ въ области *физики*, въ обширномъ смыслѣ этого слова, другія—только въ *біологіи*. Понять строеніе какого-либо организма, уразумѣть связь между отдѣльными частями его и зависимость между одновременными и послѣдовательными функціями его можно, говорятъ намъ, только тогда, когда постигнешь тѣ цѣли, волею которыхъ и призванъ къ жизни данный организмъ со всѣми присущими ему особенностями въ строеніи и отправленіяхъ. Я не знаю, положимъ, какими причинами создана покровительственная окраска у многихъ насѣкомыхъ; но она становится для меня понятною, если я въ достаточной степени оцѣнилъ ту роль, которую она играетъ въ жизни этихъ насѣкомыхъ. Мнѣ могутъ быть неизвѣстны причины, создавшія всѣ особенности въ устройствѣ того дивнаго аппарата, который мы называемъ человѣческимъ глазомъ; но съ телеологической точки зрѣнія для меня становятся ясными всѣ мельчайшія подробности какъ въ строеніи, такъ и въ дѣятельности его. Еще болѣе безнадежны попытки мои „причинно" истолковать процессъ развитія того или иного организма; но въ свѣтѣ „конечныхъ причинъ" *) онъ оказывается вполнѣ понятнымъ: каждая стадія эмбріональнаго развитія этого организма приближаетъ его къ осуществленію той цѣли, выполнить которую ему надлежитъ; а цѣль эта—самосохраненіе, возможная полнота жизни.

Все это совершенно справедливо. Біологія дѣйствительно широко пользуется понятіемъ цѣли при изученіи подлежащихъ ея вѣдѣнію процессовъ. Но не является ли это скорѣе печальною необходимостью, чѣмъ желаннымъ идеаломъ? Не идутъ ли познавательные запросы нашего разума дальше тѣхъ неполныхъ, поверхностныхъ объясненій, которыя даетъ телеологія? „Когда какая-либо область фактовъ", говоритъ Махъ, „вполнѣ постигнута телеологически, все же остается потребность въ „причинномъ" уразумѣніи ея".

Считать „телеологическое" объясненіе эквивалентнымъ, равноцѣннымъ „причинному" можетъ только тотъ, кто имѣетъ самое смутное представленіе объ основныхъ запросахъ познающаго разума. За неимѣніемъ подлиннаго, т. е. именно „причиннаго" объясненія, мы можемъ лишь на нѣкоторое время и до извѣстной степени удовлетвориться „телеологическимъ" толкованіемъ біологическихъ явленій. Но успокоиться на немъ вполнѣ—это значило бы остановиться на полпути, отказаться сознательно или безсознательно отъ всеисчерпывающаго—въ предѣлахъ доступныхъ намъ формъ познанія, конечно,—изслѣдованія этихъ явленій. И

*) Считаю нужнымъ еще разъ напомнить читателю, что въ устахъ новѣйшихъ телеологовъ выраженія «конечныя причины» или «цѣли» имѣютъ чисто *методологическое* значеніе.

поскольку „телеологія“ служитъ какъ бы преддверіемъ въ храмъ истиннаго познанія, постольку изученіе данныхъ біологіи въ свѣтѣ „конечныхъ причинъ“ является неизбѣжнымъ, а слѣдовательно, и необходимымъ моментомъ въ познавательномъ процессѣ вообще, постольку, разумѣется, становятся понятными и слѣдующія слова Маха: „Повидимому, нѣтъ пока *вовсе никакой необходимости* настаивать на признаніи глубокой разницы между *телеологическимъ* и *причиннымъ* изслѣдованіемъ. *Первый изъ нихъ есть всего лишь предварительный*“ (ibid).

Что же въ такомъ случаѣ представляетъ собою та хваленая „телеологическая методологія“, которую такъ усиленно и краснорѣчиво рекомендуютъ біологамъ современные виталисты? Это, по просту говоря, кремневый топоръ, съ которымъ миришься только потому, что не имѣешь подъ руками или не можешь при данныхъ условіяхъ примѣнить къ дѣлу настоящій стальной топоръ, это—*провизорные* пріемы изслѣдованія, которыми волей-неволей приходится пользоваться при изученіи біологическихъ фактовъ, такъ какъ другіе, болѣе совершенные пріемы пока оказываются непримѣнимыми къ этой области знанія. Нисколько, поэтому, не обезцѣнивая значенія такого топора и признавая его инструментомъ очень полезнымъ, въ особенности, если нѣтъ лучшаго, нужно все же твердо помнить, что онъ—орудіе каменнаго вѣка. Чтобы представить себѣ нагляднѣе, насколько мало удовлетворительны, а иногда и прямо иллюзорны тѣ объясненія, которыя получаются путемъ „телеологическаго метода“, возьмемъ какой-нибудь обыкновенный примѣръ изъ области біологіи.

Положимъ, что мы слѣдимъ за эмбріональнымъ развитіемъ сложнаго организма. Когда знаешь, что отдѣльные моменты этого процесса подготовляютъ все необходимое для *будущей* жизни *взрослаго* организма, когда видишь, какъ планомѣрно смѣняется одна стадія развитія другою, обособляя постепенно и вырисовывая все ярче и ярче тѣ органы, которымъ придется функціонировать лишь *современемъ* и въ интересахъ самосохраненія *уже* завершившаго свое развитіе организма,—то первымъ дѣломъ приходишь къ мысли, что тутъ, должно быть, дѣйствуютъ какіе-то особенные факторы, которымъ даешь названіе „конечныхъ причинъ“, въ отличіе отъ причинъ „обыкновенныхъ“: кажется, будто эти именно „причины“, а не что другое, управляютъ ходомъ эмбріональнаго развитія, дѣйствуя точно на разстояніи, изъ туманнаго далека,—и вотъ вамъ объясненіе по новѣйшему „телеологическому“ рецепту ужъ готово. А между тѣмъ развѣ это объясненіе? Настоящее объясненіе явленій онтогенеза нужно искать въ филогенезѣ, отдѣльныя стадіи въ развитіи каждаго организма нужно привести въ связь не съ „конечными причинами“,

*) *E. Mach.* Die Analyse der Empfindungen. Causalität und Teleologie. 1903.

а съ причинами, дѣйствовавшими de facto въ прошедшемъ, на протяженіи филогенетическаго развитія того вида, къ которому принадлежитъ этотъ организмъ. Тогда „телеологическое объясненіе“ должно будетъ уступить мѣсто объясненію „причинному“, и мы увидимъ, что въ вопросѣ объ онтогенезѣ правда не на сторонѣ виталистовъ, цѣпляющихся за „конечныя причины“, а на сторонѣ, напримѣръ, Маха, по мнѣнію котораго тутъ вліяетъ не какое-то тамъ „возможное будущее“, а безчисленное множество разъ повторявшееся *прошедшее,* которое несомнѣнно дѣйствовало. Я не хочу этимъ сказать, что для онтогенеза уже найдено причинное объясненіе; я утверждаю только, что искать его надо тамъ, гдѣ указываетъ Махъ, а вовсе не тамъ, куда такъ энергично приглашаютъ насъ виталисты. Механическое міровоззрѣніе не удовлетворяетъ многихъ совсѣмъ не потому, что оно переноситъ причинный методъ изслѣдованія и въ область біологіи; наоборотъ, вся вина его въ томъ и состоитъ, что оно либо оставляетъ невыясненными причины нѣкоторыхъ очень важныхъ біологическихъ фактовъ, либо ограничивается отвѣтами, не выдерживающими строгой критики, либо, наконецъ,—и это особенно курьезно, хотя въ то же время вполнѣ понятно,—при всей своей антипатіи къ „телеологіи“, преподноситъ намъ порою чисто-телеологическое толкованіе такихъ явленій, для которыхъ у него пока не существуетъ толкованія болѣе совершеннаго.

Итакъ, пресловутый „телеологическій методъ“ далеко не такъ универсаленъ, какъ это увѣряютъ виталисты, и не такъ ужъ страшенъ для будущихъ успѣховъ біологіи, какъ это думаютъ механисты.

Пусть претензіи неовиталистовъ внести въ науку о жизни нѣчто новое оказались несостоятельными; отсюда еще не слѣдуетъ, что правы механисты, утверждающіе, будто всѣ біологическія явленія могутъ быть полностью истолкованы въ терминахъ механики, физики и химіи, будто теоріи, выработанныя наукою о неорганической природѣ, и тѣ пріемы мышленія, которые вполнѣ соотвѣтствуютъ этой области знанія, должны быть распространены и на науку о природѣ органической. Приведу нѣсколько отрывковъ изъ различныхъ статей Маха, которые, какъ мнѣ кажется, являются въ высшей степени цѣнными для рѣшенія только что упомянутаго вопроса объ отношеніи физики и химіи къ біологіи.

Указавши на тотъ фактъ, что, благодаря необычайнымъ успѣхамъ физики, наука эта чуть-ли не всецѣло завладѣла физіологіей органовъ чувствъ, Махъ продолжаетъ: „Такой оборотъ дѣла долженъ показаться намъ не совсѣмъ цѣлесообразнымъ, если мы примемъ въ соображеніе, что физика, не смотря на свое значительное развитіе, все-же представляетъ собою только часть болѣе обширнаго знанія и не въ состояніи исчерпать его содержаніе при помощи своихъ одностороннихъ интеллектуальныхъ средствъ,

приспособленныхъ къ одностороннимъ цѣлямъ. Не отказываясь отъ поддержки физики, физіологія чувствъ можетъ не только продолжать самостоятельное развитіе, но еще оказывать и самой физикѣ значительную поддержку" *).

Все, что говорится здѣсь о физіологіи органовъ чувствъ, можно цѣликомъ примѣнить и къ біологіи вообще: не только физика въ отдѣльности, но и вкупѣ съ химіей, не въ состояніи рѣшить всѣ біологическіе вопросы при помощи своихъ „одностороннихъ интеллектуальныхъ средствъ, приспособленныхъ къ одностороннимъ цѣлямъ". Біологія всегда съ благодарностью принимала и впредь будетъ принимать поддержку, оказываемую ей физикой и химіей, но это не мѣшаетъ ей имѣть свои самостоятельныя задачи и цѣли, которыя она рѣшитъ съ помощью своихъ собственныхъ „интеллектуальныхъ средствъ", приспособленныхъ къ этимъ именно задачамъ и цѣлямъ.

„Теорія", читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ у Маха, всегда ставитъ на мѣсто одного факта А—*другой*, болѣе простой или болѣе намъ доступный фактъ—В. Фактъ В можетъ въ *извѣстномъ* отношеніи замѣнить собой А,—но именно потому, что В представляетъ собою *другой* фактъ, онъ въ *другомъ* отношеніи, *навѣрное, не въ состояніи* вполнѣ замѣнить собой А. Если не принять этого во вниманіе, то самая плодотворная теорія можетъ стать помѣхой изслѣдованію" (Ibid. Курсивъ Маха).

Можно съ увѣренностью сказать, что всѣ неудачи, которыми кончались старанія физіологовъ вскрыть истинный смыслъ жизненнаго процесса, объясняются именно недостаточнымъ вниманіемъ къ мысли, высказанной здѣсь Махомъ. Идеи и теоріи, вполнѣ пригодныя въ такихъ сравнительно несложныхъ наукахъ, какъ физика и химія, оказываются непригодными для несравненно болѣе сложной отрасли знанія, каковою является біологія. Вмѣсто того, чтобы изучать явленія этой послѣдней болѣе или менѣе самостоятельно, мы сразу вступаемъ въ нее съ готовыми формулами и обобщеніями, почерпнутыми изъ другой сферы явленій, и тѣмъ самымъ, разумѣется, только запутываемъ и безъ того запутанные вопросы. Вѣдь остается-же химія въ значительной степени самобытною наукою, имѣющею свои собственные обобщенія, законы и пріемы изслѣдованія; и никто не покушается на ея самобытность, никто не претендуетъ утопить ее цѣликомъ въ физикѣ и механикѣ. Зачѣмъ-же такая немилость по отношенію къ біологіи? Откуда это страстное желаніе растворить ее безъ остатка въ физикѣ и химіи?

Объясненіе этого мы найдемъ все у того-же Маха.

Различныя отрасли знанія, говоритъ онъ, развиваются довольно долгое время независимо другъ отъ друга, не оказывая почти

*) *Э. Махъ.* Этюды по теоріи познанія. 1901.

никакого вліянія на сосѣднія отрасли. Но вотъ настаетъ моментъ, когда онѣ приходятъ въ болѣе тѣсное соприкосновеніе и когда становится замѣтно, что теоріи и обобщенія одной отрасли знанія находятъ себѣ примѣненіе въ другой. Тогда естественно возникаетъ тенденція свести эту послѣднюю цѣликомъ на первую — такова, напримѣръ, тенденція свести жизненный процессъ на физико-химію, а эту послѣднюю—на механику атомовъ. Но, продолдолжаетъ Махъ, „за временемъ преувеличенныхъ надеждъ и слишкомъ высокой оцѣнки этой мнимой всеобъясняющей зависимости между различными областями знанія вскорѣ наступаетъ періодъ разочарованія и вторичнаго разъединенія ихъ, когда снова каждая изъ нихъ преслѣдуетъ свою цѣль, ставитъ свои особые вопросы и примѣняетъ свои собственные методы“ *).

Мнѣ кажется, что сейчасъ именно біологія переживаетъ какъ разъ такое время, когда ей снова хочется быть наукой независимой, хочется освободиться отъ тяготѣющаго надъ нею гнета старшихъ сестеръ, хочется преслѣдовать свои спеціальныя цѣли, ставить самостоятельно вопросы и пользоваться своими собственными методами. И вновь загорѣвшійся споръ между механистами и виталистами доказываетъ, какъ нельзя лучше, что такая пора дѣйствительно уже настала.

VI.

„Вообрази себѣ: это — тамъ, въ нервахъ, въ головѣ, то есть тамъ эти нервы... ну, чортъ ихъ возьми! Есть такіе-этакіе хвостики, у нервовъ этихъ хвостики, ну, и какъ только они тамъ задрожатъ... то есть видишь, я посмотрю на что-нибудь глазами вотъ такъ, и они задрожатъ, хвостики-то... а какъ задрожатъ, то является образъ, и не сейчасъ является, тамъ какое-то мгновеніе, секунда такая пройдетъ, и является такой будто-бы моментъ, то есть не моментъ,—чортъ его дери моментъ—а образъ, то есть предметъ, али происшествіе, ну, тамъ, чортъ дери!—вотъ почему я и созерцаю, а потомъ мыслю... потому что хвостики, а вовсе не потому, что у меня душа и что я тамъ какой-то образъ и подобіе, все это глупости... Химія, братъ, химія! Нечего дѣлать, ваше преподобіе, подвиньтесь немножко, химія идетъ“...

Эту безалаберную тираду выпалилъ Димитрій Карамазовъ въ бесѣдѣ съ братомъ своимъ, Алешей, когда тотъ посѣтилъ его въ тюрьмѣ. Прочитавши ее, можно прекрасно понять то озлобленіе, съ которымъ нѣкоторые натуралисты, въ томъ числѣ и Геккель, отнеслись къ рѣчи Дю-Буа-Реймона „О границахъ познанія природы“,—можно понять, почему они упрекали знаменитаго физіо-

*) *E. Mach.* Die Analyse der Empfindungen.

лога въ „консисторскомъ смиренномудріи“ и зачислили его въ ряды „черной банды“: они интинктивно почувствовали, что дюбуа-реймоновское „Ignorabimus“ будетъ прежде всего подхвачено нечистыми руками героевъ „черной банды“ и—обезцвѣченное, затасканное, изуродованное—преобразится въ лозунгъ противъ науки во имя „консисторскаго смиренномудрія“. Конечно, самъ Дю-Буа-Реймонъ и высказанныя имъ идеи тутъ не при чемъ, но... впрочемъ вотъ что. Злостная, насквозь пропитанная ядомъ презрѣнія къ естествознанію выходка Достоевскаго—вѣдь это онъ глаголетъ устами своего несчастнаго героя — есть, несомнѣнно, плодъ недоразумѣнія, и если бъ при разговорѣ братьевъ Карамазовыхъ присутствовалъ какой-нибудь толковый послѣдователь „проклятаго Бернарда“—такъ Димитрій Карамазовъ величаетъ французскаго физіолога, Клодъ-Бернара,—то онъ могъ бы съ своей стороны обратиться къ Алешѣ съ такими словами: Да, „ваше преподобіе“, эти „чортъ ихъ возьми, хвостики“—фактъ, неподлежащій сомнѣнію, и, очень вѣроятно, что они и вправду „дрожатъ“ въ то самое вотъ время, какъ мы съ вами о нихъ бесѣдуемъ. Но смѣю васъ увѣрить, что ни учитель мой, ни иные истинные учителя науки—ну, хотя бы Гельмгольцъ и Дю-Буа-Реймонъ — никогда не утверждали, что „дрожаніе хвостиковъ“ и „созерцаніе“ одно и то же. Такъ думали когда-то вульгарные матеріалисты; но теперь такихъ не много осталось. Большинство же натуралистовъ, хотя и не чувствуютъ особенной симпатіи къ разсужденіямъ о „душѣ“ или объ „образѣ тамъ какомъ-то и подобіи“, но знаютъ, что выводить ощущеніе и сознаніе изъ „дрожанія хвостиковъ“ и „механики атомовъ“—затѣя химеричная. И это было уже извѣстно тому самому „проклятому Бернарду“, котораго такъ плохо понимаетъ вашъ братецъ и такъ пристрастно рекомендуетъ говорящій за него авторъ „Братьевъ Карамазовыхъ“...

Остановился я на этомъ эпизодѣ только потому, что онъ является въ высшей степени типичнымъ для характеристики того, какъ разбирается „большая публика“ въ нѣкоторыхъ основныхъ проблемахъ науки. Ну, а теперь перейдемъ прямо къ предмету нашей послѣдней главы.

Мы, собственно говоря, вновь подошли къ роковому вопросу о возникновеніи ощущенія и сознанія, къ вопросу, о которомъ говорилось уже кое-что въ первой моей статьѣ. Выдающимся моментомъ для естествознанія въ исторіи этого вопроса нужно считать то время, когда Дю-Буа-Реймонъ, основываясь на данныхъ критической философіи, заявилъ во всеуслышаніе, что возникновеніе психики — одна изъ величайшихъ тайнъ природы, постигнуть которую уму человѣческому не дано. Отсюда и— Ignorabimus! Что же собственно утверждалъ Дю-Буа-Реймонъ? Въ качествѣ послѣдовательнаго механиста, онъ допускалъ, разу-

мѣется, только одинъ способъ познанія: познаніе въ терминахъ „механическаго міровоззрѣнія“. А съ точки зрѣнія этого именно міровоззрѣнія сознаніе должно быть выведено изъ „механики атомовъ“. Естественно возникалъ вопросъ: возможно-ли это сдѣлать, или нѣтъ. Дю-Буа-Реймонъ отвѣтилъ отрицательно. Какъ-же разсуждалъ онъ? Обратимся къ его рѣчи „О границахъ познанія природы“, гдѣ и найдемъ слѣдующее мѣсто: „Самая возвышенная душевная дѣятельность по своей сущности не представляетъ большихъ затрудненій для постиженія ея изъ *матеріальныхъ условій*, чѣмъ сознаніе на первой ступени—въ формѣ чувственнаго ощущенія. Съ того момента, когда наипростѣйшее существо впервые съ начала жизни на землѣ почувствовало удовольствіе или боль, иными словами — съ перваго воспріятія качествъ міръ сталъ непостижимъ“ *),—непостижимъ, повторяю еще разъ, въ свѣтѣ, „механики атомовъ“. Мысль свою Дю-Буа-Реймонъ иллюстрируетъ великолѣпнымъ примѣромъ, который не мѣшаетъ припомнить и намъ.

Предположимъ, что развитіе естествознанія пошло такъ далеко впередъ, что умъ нашъ обладаетъ „астрономическимъ знаніемъ“ всѣхъ матеріальныхъ процессовъ, разыгрывающихся въ человѣкѣ въ каждое данное мгновеніе; предположимъ затѣмъ, что, благодаря такому именно знанію, намъ удалось бы скомбинировать и снабдить надлежащимъ движеніемъ всѣ тѣ атомы, изъ которыхъ состоялъ Цезарь, — ну, хотя бы въ ту минуту, когда находился у Рубикона и не произносилъ еще своей исторической фразы: „Жребій брошенъ“. Несомнѣнно, что „искусственный Цезарь“ былъ бы такимъ образомъ вновь возстановленъ со всѣми тѣми тѣлесными и душевными особенностями, которыми онъ былъ надѣленъ въ предполагаемую нами минуту его жизни, и вся разница между дѣйствительнымъ Цезаремъ и его фантастическимъ двойникомъ сводилась бы только къ тому, что первый жилъ въ первомъ вѣкѣ до Р. Х., а второму суждено явиться вновь изъ царства тѣней на землю, быть можетъ, еще черезъ тысячу столѣтій: такъ, по крайней мѣрѣ, долженъ думать убѣжденный механистъ. Но въ томъ-то и все несчастіе, по мнѣнію Дю-Буа-Реймона, что воображаемый умъ далекаго будущаго, „создавъ новаго Цезаря и нѣсколько его копій, всетаки не понималъ бы, какимъ образомъ имъ самимъ надлежаще расположенные и въ надлежащемъ направленіи съ надлежащею скоростью движущіеся атомы обусловливаютъ ихъ душевную дѣятельность“ (ibid). Да, не понималъ бы и никогда не пойметъ, потому что *въ самой попыткѣ объяснить ощущеніе движеніемъ атомовъ, вывести сознаніе изъ „механики ихъ“, хотя бы и невообразимо-сложной, кроется грубая методологи-*

*) *Э. Дю-Буа-Реймонъ.* О границахъ познанія природы.

ческая ошибка. Выясненію этой ошибки много вниманія удѣлили различные натуралисты и философы. Сошлюсь для примѣра на Маха и Риля.

Не разъ уже, говоритъ Махъ, ставился такого рода вопросъ: какимъ образомъ можно было бы объяснить ощущеніе движеніемъ атомовъ мозга? Отвѣтить на него дѣйствительно никогда не удастся, ибо „и вопроса тутъ собственно никакого нѣтъ“ *). Вѣдь уже само понятіе „матерія“ есть всего лишь „мысленный *символъ* для комплекса чувственно-данныхъ элементовъ“. Еще въ большей степени символами, „алгебраическими знаками“ являются такія искусственно созданныя гипотетическія понятія, какъ молекулы физиковъ и атомы химиковъ. Отъ символовъ этихъ мы не имѣемъ права ожидать больше того, что напередъ сами же вложили въ нихъ на основаніи непосредственныхъ чувственныхъ воспріятій. И кто въ достаточной степени уяснилъ себѣ эту мысль, тому врядъ ли придетъ въ голову странная фантазія воспользоваться атомами для объясненія психическихъ явленій: „они служатъ лишь символами тѣхъ своеобразныхъ комплексовъ чувственныхъ элементовъ, съ которыми мы имѣемъ дѣло въ узкой области физики и химіи“ (ibid). Спрашивать, какимъ образомъ матерія можетъ ощущать—все равно, что спрашивать—„какимъ образомъ можетъ ощущать *мысленный символъ* для данной группы явленій“. Это одинъ изъ тѣхъ абсурдовъ, къ которымъ неизбѣжно приходитъ разумъ человѣческій всякій разъ, какъ начинаетъ приписывать объективное существованіе своимъ же собственнымъ измышленіямъ—правда, измышленіямъ, необходимымъ въ процессѣ мышленія и до извѣстной степени полезнымъ въ дѣлѣ познанія. Такъ же смотритъ на дѣло и Риль. „Не трудно замѣтить, говоритъ онъ, что вопросъ, выдвинутый Дю-Буа-Реймономъ, поставленъ навыворотъ; и уже одна правильная постановка этого вопроса достаточна, чтобы вся загадочность его исчезла. Какъ изъ какого-либо сочетанія или движенія атомовъ можетъ возникнуть ощущеніе, или, короче, какимъ образомъ атомы въ состояніи ощущать — этого совершенно нельзя постигнуть; вѣрнѣе, что здѣсь нѣтъ вовсе настоящей проблемы, и самъ вопросъ въ этой формѣ не имѣетъ никакого смысла. Намъ даны не атомы, а ощущенія; и вмѣсто того, чтобы совершенно безплодно искать пути отъ атомовъ къ ощущеніямъ, мы съ большимъ правомъ можемъ поставить такой вопросъ: какъ, исходя изъ ощущеній, мы приходимъ къ признанію атомовъ? И въ этой формѣ вопросъ можетъ быть почти такъ же скоро рѣшенъ, какъ и поставленъ. Атомъ есть понятіе, продуктъ методологическаго пріема... А что *понятіе, мысленный символъ для ощущеній, само*

---

*) Махъ. Этюды по теоріи познанія.

не можетъ ощущать—въ этомъ нѣтъ ровно ничего загадочнаго *). (Курсивъ мой).

Итакъ, грѣхопаденіе ума совершилось тогда, когда въ немъ впервые сказалась тенденція гипостазировать свои же собственныя абстракціи. Естественнымъ плодомъ такого грѣхопаденія являются всевозможные миѳы, а въ томъ числѣ и миѳъ объ „ощущающемъ атомѣ". Понявши, что та постановка вопроса о психикѣ, которую далъ Дю-Буа-Реймонъ, покоится на крупной методологической ошибкѣ, мы поймемъ, какъ создаются различныя *мнимыя* проблемы, къ числу которыхъ относится безспорно и проблема о возникновеніи ощущенія и сознанія изъ „механики атомовъ". А, уразумѣвши это, надо будетъ признать чистѣйшею химерой стремленіе „все" объяснить при помощи этой самой „механики",—стремленіе, которымъ особенно гордятся многіе близорукіе механисты...

Итоги.

Ихъ будетъ не много, да при томъ они и не новы для того, кто сколько-нибудь внимательно прочелъ всѣ три статьи мои на тему „Что такое жизнь?" Тѣмъ не менѣе приведу на всякій случай эти итоги.

Самое крупное заблужденіе механистовъ состоитъ въ томъ, что они берутся за рѣшеніе химерическихъ вопросовъ — таковы вопросы о сущности и возникновеніи ощущенія и сознанія, рассматриваемые въ свѣтѣ „механики атомовъ". Однако и для задачъ совсѣмъ не химерическихъ они не имѣютъ пока удовлетворительнаго „причиннаго" объясненія: истинный смыслъ жизненнаго процесса, происхожденіе органическаго міра и возникновеніе качественно различныхъ приспособленій—вотъ главнѣйшія изъ этихъ не рѣшенныхъ еще задачъ.

Такъ какъ неовитализмъ устанавливаетъ и доказываетъ наличность *такихъ именно* пробѣловъ въ механическомъ міровозрѣніи, то въ этомъ отношеніи его можно только привѣтствовать, хотя не слѣдуетъ забывать, что на ряду съ нимъ ту же критическую работу исполняютъ и всѣ механисты-еретики и отступники отъ механической „догмы"; претензіи же виталистовъ на роль революціонеровъ въ біологіи, по меньшей мѣрѣ, несостоятельны, ибо всякое истинно-научное объясненіе было и навсегда останется только „причиннымъ" объясненіемъ; „телеологія же" допустима, какъ пріемъ временный, предварительный, иногда, за неимѣніемъ лучшаго,—неизбѣжный.

---

*) *Alois Riehl.* Zur Einführung in die Philosophie der Gegenwart. 1903.

Поскольку сторонники механическаго міровоззрѣнія настаивають на только что высказанномъ принципѣ, и поскольку сами они будуть послѣдовательно и неуклонно проводить его на дѣлѣ, постольку будущее принадлежитъ, разумѣется, механистамъ, а не виталистамъ. Но послѣдовательное проведеніе принципа тѣсно связано съ признаніемъ относительной самостоятельности за біологіей и съ отказомъ отъ нецѣлесообразныхъ поползновеній свести ее цѣликомъ на механику и физико-химію...

Я прекрасно сознаю, что тема, выставленная въ заголовкѣ этихъ статей, далеко не исчерпана мною: многое брошено лишь вскользь и разсмотрѣно слегка, многое не договорено. Поэтому прошу читателя извинить меня за всѣ эти недомолвки и пробѣлы. Быть можетъ, какъ-нибудь въ другой разъ мнѣ и представится случай загладить здѣсь же, на страницахъ этого журнала, свои грѣхи.

В. В. Лункевичъ

СКАЗКА.

Помнишь, какъ съ тобой когда-то
Сказку мы одну любили:
Отъ судьбы ея героевъ
Часто въ страшномъ горѣ были.
И, бывало, темной ночью,
Полной чаръ волшебной сказки,
Не смыкала долго-долго
Ты заплаканные глазки.
„Гдѣ-то... но не въ нашемъ царствѣ,
А за дальними морями...
Во дворцѣ жилъ Змѣй Горынычъ..."
Помнишь? Вьюга за дверями...
Огонекъ шипитъ въ каминѣ...
— Это змѣй!—мнѣ подъ секретомъ
Шепчешь ты... Но намъ уютно,
Хоть и страшно...
„А въ дворцѣ томъ,—
Повѣствуетъ важно няня,—
За цѣпями, подъ замками
Полоненная царевна
Крѣпко-крѣпко спитъ вѣками.
Къ ней, сквозь лѣсъ, спѣшатъ пробиться

Всѣ, чья грудь отвагой дышетъ...
За ея спасенье гибнутъ,
А она... она не слышитъ!“
Плача, чувствовалъ щекою
На твоей щекѣ я слезы...
— Погоди ты, змѣй проклятый!—
Шепчемъ мы свои угрозы.

Но за то съ какимъ восторгомъ
Узнавали мы съ тобою,
Что проснулась царь-дѣвица,
И что змѣй сраженъ борьбою.
— Это, няня, все взаправду?
Молодцы! Убили змѣя!
Мы такими будемъ тоже...—
Горячились мы, краснѣя.

А теперь? Ты ужъ большая...
Ты уже не вѣришь въ сказки,
И не дѣтскими слезами
Могутъ плакать эти глазки.
Отчего-жъ они не плачутъ?
Иль не вѣрятъ страшной были?
Вѣдь и впрямь за чащей лѣса
Спитъ царевна, какъ въ могилѣ!
Или ты уснула тоже?
Такъ проснись! Кипитъ сраженье!
Тамъ борцы своею кровью
Добываютъ искупленье...
Нѣтъ! Ты быль считаешь сказкой,
Какъ считала сказку былью,
И священный прахъ героевъ
Ты зовешь со смѣхомъ пылью!
О, тогда прости навѣки,
Уходи въ объятья къ змѣю!
Тяжело мнѣ, но, сражаясь,
Я забыть тебя сумѣю!

В. Львовъ.

ПОѢЗДКА.

Антонъ Валерьяновичъ Хрущовъ, земскій врачъ, ходилъ, насупившись и опустивъ голову, взадъ и впередъ по длинной, узкой комнатѣ, носившей названіе кабинета. Мысли въ его головѣ перегоняли одна другую, сливались въ одно общее тоскливое, гнетущее цѣлое и опять выскакивали отдѣльными образами безъ видимой связи, обгоняя другъ друга и путаясь. Онъ сразу думалъ и объ умирающемъ отъ нарыва на почкахъ Тимоѳеѣ Опорчиковѣ, и о томъ, что онъ, Антонъ Валерьяновичъ, за два года своей службы въ селѣ Бѣлоталовомъ остался почти чужимъ для населенія, и о щемящей тоскѣ длинныхъ, зимнихъ вечеровъ, о лихорадочныхъ ожиданіяхъ почтоваго дня, приносившаго газеты и кое-когда письма отъ бывшихъ товарищей, и о томъ ужасномъ болью и стыдомъ колющемъ случаѣ, когда у оперируемой больной выпало изъ глаза стекловидное тѣло...

— Подано обѣдать-то,—буркнула изъ сосѣдней столовой кухарка Хрущова, жирная баба, лѣтъ тридцати трехъ. Антонъ Валерьяновичъ вздрогнулъ и едва не уронилъ стоявшій на дорогѣ вѣнскій стулъ. Голосъ Татьяны напомнилъ ему самую тяжелую, самую позорную страницу его жизни. Самъ не зная какъ, весной прошлаго года молодой докторъ вступилъ съ Татьяной въ связь. Съ тѣхъ поръ,—почти годъ тому назадъ— онъ ни разу не посмотрѣлъ ей прямо въ лицо, избѣгалъ съ Татьяной какихъ-либо столкновеній и разговоровъ и всетаки отъ времени до времени сближался съ нею... Татьяна же со времени ихъ связи совершенно перемѣнилась. Антонъ Валерьяновичъ часто слышалъ въ кухнѣ пѣсни, визгъ гармоніи и топотъ пляски, но въ комнаты Татьяна входила всегда, какъ будто чѣмъ-то на смерть оскорбленная, съ надменно приподнятой головой и тупымъ, упорнымъ взглядомъ, отъ котораго Антона Валерьяновичъ встряхивался и нервно вертѣлъ головой.

И теперь, встрѣтивъ этотъ взглядъ, загадочный, словно

повертывавшій остріе ножа въ сердцѣ,—онъ подумалъ, какъ хорошо было бы куда нибудь уѣхать, хотя не надолго вырваться изъ вѣчной утренней сутолоки, убійственныхъ разъѣздовъ на земскихъ лошадяхъ, томительныхъ вечернихъ часовъ, уйти отъ тяжелыхъ мыслей и странной подавленности воли, которую онъ испытывалъ въ присутствіи Татьяны...

— Что это, блины?—спросилъ онъ машинально, взглянувъ на обѣденный столъ.

— Чай, масляница!—буркнула Татьяна неодобрительно.

Антонъ Валерьяновичъ метнулъ на нее искоса быстрый взглядъ, и она представилась ему съ необыкновенной ясностью: жирная, раскраснѣвшаяся, съ подоткнутымъ подоломъ, изъ-подъ котораго видны были толстыя ноги въ грубыхъ, грязныхъ, шестяныхъ чулкахъ... Ея присутствіе непоправимо испортило ему самыя лучшія минуты жизни въ Бѣлоталовомъ: елку для дѣтей церковно-приходской школы и открытіе новой амбулаторіи... И онъ не смѣлъ взглянуть ей прямо въ лицо!

Медленно, неохотно прожевывая пухлые, пахнущіе кислымъ блины, Антонъ Валерьяновичъ придумывалъ, куда бы и какъ ему уѣхать, и вдругъ просіялъ, вспомнивъ про своего предшественника, доктора Василія Евгеньевича Гурьянова, перешедшаго на службу въ довольно большой городъ, Буланскъ. Уѣзжая и цѣлуясь со всѣми на прощальномъ обѣдѣ, Гурьяновъ такъ просилъ навѣщать его на новомъ мѣстѣ; жена Гурьянова, простая, ласковая и сдержанная, представилась Антону Валерьяновичу въ такихъ радужныхъ краскахъ, что онъ громко и весело выговорилъ:

— Нынче вечеромъ я ѣду.

Татьяна ничего не отвѣтила и, уходя, сильно хлопнула дверью. Когда она вернулась съ горшкомъ пшенной, молочной каши въ рукахъ, Антонъ Валеріановичъ произнесъ отрывисто:

— Приготовить мнѣ подушку и чемоданъ, я самъ уложу, что нужно, да позвать Раису Викторовну.

Окончивъ обѣдъ, докторъ всталъ и опять началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. То будто бы выглянуло изъ за тучи солнышко, то снова кругомъ стало какъ будто еще темнѣе. При мысли о томъ, что нужно укладываться, собираться, ѣхать восемьдесятъ верстъ по дурной дорогѣ, встрѣчаться съ людьми, отъ которыхъ совсѣмъ отвыкъ, Антонъ Валерьяновичъ начиналъ испытывать жуткое чувство страха передъ необходимостью порвать установившійся образъ жизни. Жутко было подумать уйдти изъ стѣнъ своего дома, гдѣ каждый уголокъ былъ полонъ его мыслями, созданными имъ образами, нарушить тотъ образъ жизни, который, какъ ни

былъ плохъ, все же защищалъ Антона Валерьяновича отъ вторженія чужихъ людей.

Черезъ нѣсколько минутъ пришла Раиса Викторовна фельдшерица, окончившая пять лѣтъ тому назадъ рождественскіе курсы и попавшая сюда прямо изъ Петербурга.

— Вы зачѣмъ звали меня, Антонъ Валерьяновичъ?—спросила она тихимъ голосомъ, поднимая на доктора черные, печальные глаза. И когда она поднимала глаза, то ея некрасивое, длинное, блѣдное лицо, украшенное только черными, бархатными бровями, дѣлалось прекраснымъ и трогательнымъ выраженіемъ покорной скорби и ласки.

Этотъ взглядъ взбудоражилъ Антона Валерьяновича, и, вмѣсто отвѣта на вопросъ, онъ произнесъ насмѣшливо и раздраженно:

— Въ Петербургъ?

— Да... въ Петербургъ...

Антонъ Валерьяновичъ яростно пробѣжалъ по комнатѣ и, остановившись передъ Раисой Викторовной, заговорилъ:

— Такъ неужели же вы не понимаете, что это—банкротство, наше банкротство? Мы живемъ здѣсь съ вами два года, и я только одно и слышу, одно на вашемъ лицѣ и читаю: „въ Петербургъ, въ Петербургъ“! И правда. Что мы? Не умѣемъ подойти, не знаемъ, какъ подойти, какъ заговорить, когда на нашихъ глазахъ милліоны говорятъ и подходятъ другъ къ другу совершенно просто. А люди-то вонъ что пишутъ!

Антонъ Валерьяновичъ взялъ съ окна книгу и съ размаху стукнулъ ею. Раиса Викторовна мелькомъ взглянула на знакомый ей переплетъ.

— Я бы поняла и оцѣнила разсказъ, который вы имѣете въ виду,—заговорила она,—если бы въ немъ была изложена вся жизнь человѣка, въ крайнемъ случаѣ его дѣятельность хотя бы за нѣсколько лѣтъ, его отношеніе ко всему укладу жизни, начиная съ религіи и кончая семьей... А то ѣдетъ авторъ по дорогѣ, разсказываютъ ему о новомъ типѣ, симпатичномъ человѣкѣ, потомъ онъ мелькомъ видитъ этого человѣка, „энергичное, живое лицо“, и разсказъ готовъ. Охотно читаютъ того, кто возбуждаетъ бодрость, вкусъ къ жизни, рисуетъ „свѣтлыя явленія“. Но правда ли эти свѣтлыя явленія, правда ли? Не случай ли это? Отрадный случай. А я знаю возмутительный случай. Два, три возмутительныхъ случая. Все это ничего не доказываетъ. Я хочу жить одной жизнью съ окружающими меня людьми, я задыхаюсь отъ этого душевнаго голода. Что мнѣ эта четырнадцати-часовая работа? Что мнѣ эти подачки, пресловутое „ограничиваніе“ себя ради этихъ подачекъ?

Она помолчала немного и, слабо усмѣхнувшись, продолжала:

— Оспа въ Путятинѣ такъ и гуляетъ. Я нынче утромъ была тамъ на родахъ. Предлагаю старшей снохѣ—у нея три маленькихъ дѣвочки—привить оспу. Не соглашается. Я всячески убѣждаю. Говорю: „Онѣ будутъ слѣпыя. Ты будешь мучиться, на нихъ смотря, какія онѣ несчастныя“. А она такъ высокомѣрно: „Счастье ужъ не отъ этого. Какъ Богъ. И зрячія-то несчастными угождаютъ и слѣпенькія счастливыми живутъ“. Наконецъ, видимо, желая прекратить разговоръ, только для того, чтобы я отстала отъ нея, говоритъ: „Да вотъ брательникъ мой поѣдетъ въ волость сѣчься—накажу тебѣ съ нимъ“... Оказывается, брата ея, сорокалѣтняго мужика, будутъ сѣчь за какую-то грубость сельскому старостѣ. Съѣздъ утвердилъ...

— Что же вы про книгу-то говорите? А сами?..—нервно перебилъ Антонъ Валерьяновичъ. — По вашему это — не случай?

— Нѣтъ, нѣтъ, не случай! — вскрикнула Раиса Викторовна.—Вся жизнь изъ такихъ случаевъ... Сейчасъ я иду къ вамъ, а навстрѣчу священникъ, должно быть, къ смотрителю въ гости. И вдругъ обращается ко мнѣ: „Госпожа фельдшерица, я слыхалъ, вы собираете у себя въ послѣобѣденное время окончившихъ церковную школу, преподаете имъ какіе-то предметы, а разрѣшенія на сіе не имѣете. Считаю поэтому долгомъ своимъ вамъ сообщить, что я двоекратно дѣлалъ вамъ черезъ Петра Гавриловича предупрежденіе, на кое результатовъ не послѣдовало. А въ настоящее время я счелъ необходимымъ довести о всемъ до свѣдѣнія начальства“.

Антонъ Валерьяновичъ ничего не сказалъ и, молча, продолжалъ мѣрять комнату торопливыми, подпрыгивающими шагами.

Раиса Викторовна опустила голову на сложенныя руки и просидѣла такъ нѣсколько секундъ.

— Вотъ тоже эта школа,—заговорила она слегка дрожащимъ голосомъ,—знаете... я всетаки всѣмъ этимъ мальчуганамъ—чужая. Вотъ Никифоръ. Ему уже шестнадцать лѣтъ... Мнѣ чувствуется иногда, что въ немъ такъ много силы, но говорить съ нимъ, какъ я говорила бы съ любымъ четырнадцатилѣтнимъ гимназистомъ, я не могу. Мнѣ чудится, что между нами словно стѣна стоитъ, тонкая, тонкая, почти незамѣтная, но непроницаемая... Можетъ быть, она рушилась бы современемъ, но... вы сами видите. Помните, я встрѣтила разъ у васъ такого бывалаго высокопоставленнаго господина, очень авторитетнаго на видъ и довольно симпатичнаго. Онъ пріѣзжалъ, кажется, какую-то родню хоронить. Такъ вотъ

онъ говорилъ, что, по его мнѣнію, приступить къ народу можно только на почвѣ православія... А другой, старшій земскій агентъ говорилъ, что надо идти путемъ компромиссовъ: сойтись прежде всего съ земскимъ начальникомъ, потомъ съ предсѣдателемъ управы, потомъ съ становымъ приставомъ, волостнымъ писаремъ,—тогда, дескать, можно что нибудь сдѣлать, можно видѣть результатъ своей работы... Я думаю, сколько времени тратятъ иные на всякаго рода компромиссы, на ломку себя, на притворство... и что же получаютъ взамѣнъ?

Антонъ Валерьяновичъ давно уже сидѣлъ около Раисы Викторовны, подперевъ голову одной рукой, а пальцами другой выбивая на столѣ какой-то невѣдомый мотивъ.

— Почему меня такъ разстраиваетъ написанное на вашемъ лицѣ стремленіе убѣжать, улетѣть въ недоступный вамъ Петербургъ? Потому что... потому что я самъ часто страдаю тѣмъ же чувствомъ, которое мнѣ такъ не нравится въ васъ,—сказалъ онъ, не перемѣняя позы и не глядя на свою собесѣдницу.—Но уѣхать изъ Бѣлоталоваго я не могъ-бы... Не могъ. Если бы я уѣхалъ теперь отсюда, передо мной всю жизнь стоялъ бы какой-то укоръ, мучительный, нерѣшенный вопросъ... А что Опорочкинъ? Вы заходили?

— Заходила... Что же? умираетъ...—промолвила Раиса Викторовна тихо. — Ахъ, Антонъ Валерьяновичъ! Онъ соглашался на операцію!

— Но вѣдь я-то, я-то! Не могу же я рѣзать человѣка на авось... Вы думаете, мнѣ легко? Какой я хирургъ? Клиническая операція... Вотъ Гурьяновъ сдѣлалъ бы... Вы его знали?

— Нѣтъ. Я пріѣхала недѣли черезъ три послѣ его отъѣзда въ Буланскъ.

— Какъ онъ работалъ! Съ утра и до ночи. Вечеромъ еще дѣлалъ операціи при двухъ лампахъ-молніяхъ. Съ нимъ служила ваша подруга, красавица такая.

— А, Кольчугова. Да! Она была какая-то необузданная на работу.

— И онъ такой же... А какой всегда веселый, жизнерадостный, румяный... Я собственно затѣмъ васъ и позвалъ, чтобы сказать, что я хочу съѣздить къ нему въ Буланскъ. Я утомился... усталъ... Мнѣ, кажется, необходимы другія впечатлѣнія.

— Поѣзжайте, поѣзжайте! — торопливо перебила Раиса Викторовна.—Это правда, что вамъ нужно хоть какое-нибудь развлеченіе.

— Да нѣтъ... Мнѣ уже не хочется... Про Опорочкина вы забыли... Или еще какой-нибудь случай...

— Если случится какое-нибудь несчастье, я вызову врача

Урванова. Тимоѳей... Тимоѳею вы уже не поможете. А во всемъ прочемъ неужели вы мнѣ не довѣряете? Вамъ прямо необходимо, необходимо проѣхаться,—горячо убѣждала Раиса Викторовна.

Приходъ аптечнаго сторожа, Михайлы, не далъ ей кончить. Михайла, высокій, бѣлокурый парень съ румянымъ лицемъ и странными, неопредѣленными чертами лица, улыбнулся, встряхнулъ желтыми волосами и подалъ доктору пакетъ. Антонъ Валерьяновичъ молча взялъ бумагу. Ему всегда казалось, что Михайло потому такъ усмѣхается, что знаетъ о его связи съ Татьяной. „Гурьяновъ кричалъ на нихъ, ругался скверными словами, иногда даже толкалъ, а они уважали его больше, чѣмъ меня“, — мелькнула у него горькая мысль.

— Вотъ, когда же устраивать увеселительныя поѣздки? — произнесъ докторъ, быстро пробѣжавъ бумагу: — удостовѣреніе волостнаго правленія, подтверждающее, что крестьянинъ села Чекуши дѣйствительно тяжело боленъ и нуждается въ немедленной медицинской помощи... Въ Чекуши мнѣ ѣхать.

— Такъ что же? — живо возразила Раиса Викторовна.— До Чекушъ всего 15 верстъ. Къ восьми - девяти часамъ вечера вы обернетесь. Закажите заранѣе лошадей и поѣзжайте. Утромъ рано будете въ Буланскѣ.

— Хорошо, хорошо!—перебилъ Антонъ Валерьяновичъ.— Тамъ увидимъ... Михайло, сходите, пожалуйста, за лошадьми. А мы пройдемъ съ вами въ больницу, Раиса Викторовна.

И какъ только Антонъ Валерьяновичъ вышелъ изъ своей комнаты, такъ острѣе, чѣмъ когда-либо, онъ почувствовалъ ту невидимую, тонкую, но неразрушимую стѣну, которая отдѣляла его отъ другихъ людей. Даже Раиса Викторовна начала казаться ему какой-то чужой и далекой. На низкій почтительный поклонъ распахнувшаго дверь больничнаго стоража Ильи онъ отвѣтилъ, опустивъ глаза.

Больница—старое, толстое, каменное зданіе, экономически передѣланное земствомъ изъ бывшаго помѣщичьяго дома—дохнула на Антона Валерьяновича специфически тяжелымъ воздухомъ, улучшить который не могла никакая вентиляція. Въ два ряда стояли койки, покрытыя грубыми, желтыми одѣялами. Скупой, сѣрый свѣтъ изъ небольшихъ оконъ, затѣнёнyыхъ голыми вѣтвями акаціи, грустно боролся съ ползущей изъ всѣхъ угловъ тяжелой темнотой. Мужская палата на половину пустовала. Къ масленицѣ остались только очень тяжелые больные, да безродные, которымъ некуда было пойти. Старый нищій, Конидычъ, только что возвратившійся изъ комнаты хожалки, куда ходилъ покалякать, поспѣшно

натянулъ на себя одѣяло и началъ охать протяжно, жалобно съ какимъ то самоуслаждающимся надрывомъ. Антонъ Валерьяновичъ посмотрѣлъ на него почти съ ненавистью и, съ трудомъ подавляя брезгливое раздраженіе, прошелъ дальше, къ койкѣ больного Ларіона Петрова, атлетическаго тѣлосложенія тридцати-пяти-лѣтняго мужика, съ большой лысиной на темени и курчавыми, пышными висками.

Антонъ Валерьяновичъ присѣлъ на табуретѣ около постели больного, взялъ въ руки листокъ съ обозначеніемъ температуры и глубоко задумался. Въ теченіе шести недѣль Ларіонъ таялъ на его глазахъ, превращаясь изъ молодого богатыря въ кучу костей, обтянутыхъ сухой, вялой кожей, а докторъ не только не могъ ему помочь, но хорошенько даже и не зналъ, что съ нимъ собственно такое. Температура у него была такая странная, скачущая.

Сначала Антону Валерьяновичу показалось, что у Ларіона болотная лихорадка. Онъ началъ энергично лѣчить больного хиной, впрыскиваніями мышьяка. Селезенка Ларіона быстро уменьшилась, но больному становилось все хуже и хуже... Температура какъ бы указывала на тифъ. Антонъ Валерьяновичъ готовъ былъ волосы на себѣ рвать. Теперь температура упала до 36,8, видъ Ларіона, однако, не показывалъ ни происшедшаго кризиса, ни того, чтобы больному сдѣлалось хоть немного легче.

— Ну что? Какъ ты?—спросилъ Антонъ Валерьяновичъ, почти машинально щупая у больного пульсъ.—Гдѣ болитъ?

Ларіонъ медленно повернулъ огромную голову и проговорилъ, смотря прямо въ лицо доктора, большими безжизненными глазами:

— Ничего, ваше благородіе, не болитъ. А горитъ. Нутро горитъ. Спалило нутро.

— Я пропишу,—пробормоталъ Антонъ Валерьяновичъ.

— Мнѣ бы вотъ что, ваше благородіе,—медленно сказалъ Ларіонъ своимъ угасшимъ голосомъ.—Узнать бы мнѣ, какая у меня боль?..

— Да зачѣмъ тебѣ это? — отозвался Антонъ Валерьяновичъ недовольно. — Легче, что ли, будетъ тебѣ, если ты узнаешь, что у тебя тифъ или воспаленіе легкихъ, или болотная лихородка?

Не дожидаясь отвѣта, онъ прошелъ къ слѣдующему больному, еще къ двумъ и, наконецъ, подошелъ къ стоявшей поодаль койкѣ, на которой лежалъ Тимоѳей Опорочкинъ. Отъ больного шелъ ужасный запахъ разлагающихся отдѣленій. Увидѣвъ доктора, онъ приподнялъ отъ подушки свое худое лицо съ горящими скулами, со смоченными потомъ,

безпорядочно торчащими вихрами рѣдкихъ волосъ и сейчасъ же опять уронилъ голову на подушку.

— Нельзя,—захрипѣлъ онъ,—на спину никакъ лечь нельзя... Видно, пожили да и будетъ?

Въ послѣднемъ вопросѣ прозвучало столько робкаго желанія быть разувѣреннымъ, что Антонъ Валерьяновичъ поспѣшно отвѣтилъ:

— Ну, что ты?.. Зачѣмъ... Пока человѣкъ не умеръ—надежда существуетъ.—Голосъ доктора прозвучалъ жалко, неувѣренно. Тимоѳей кинулъ на него изъ подъ воспаленныхъ вѣкъ негодующій, оскорбленный взглядъ.

— Я потому... сповѣдаться надо, сообщиться... домъ приказать...—прохрипѣлъ онъ сурово.

— Что-жъ! Исповѣдаться дѣло хорошее.

Антонъ Валерьяновичъ не выдержалъ больше и повернулся уходить.

— Хорошее дѣло... Самъ знаю... Не о томъ рѣчь...—долетѣло до него хриплое клокотанье Тимоѳея.

Съ села донесся звукъ приближавшагося колокольчика. Подали пару земско-полицейскихъ лошадей, запряженныхъ въ валкія, узенькія саночки. Михайло подсадилъ доктора и улыбнулся, какъ показалось Антону Валерьяновичу, съ видимой насмѣшкой.

Надъ деревней столъ ясный закатъ конца февраля. Въ слегка морозномъ, свѣжемъ воздухѣ, отчетливо сѣрѣли крыши избъ, съ которыхъ уже стаялъ снѣгъ. Невысокое, мягко-синее небо рѣзко и красиво отдѣлялось отъ бѣлаго снѣга на пустыряхъ и грязной дорогѣ, почти сплошь убитой навозомъ. Въ воздухѣ чуялось дыханіе близкой весны. Былъ первый день деревенскаго катанья. Непрерывной вереницей тянулись сани и дровни, облѣпленныя ребятишками. Катались взрослыя дѣвушки и парни.

Изъ нѣкоторыхъ саней неслись звуки гармоній и усердныхъ пѣсенъ; изрѣдка чей нибудь роскошный, парный выѣздъ, собранный большей частью съ двухъ дворовъ, съ крикомъ и гиканьемъ вырывался изъ движущейся ленты поѣзда и вылеталъ впередъ. На завалинкахъ сидѣли старики и пожилыя женщины, съ снисходительнымъ любопытствомъ поглядывавшіе на молодёжь. Катанье уже кончалось. Однѣ за другими сани заворачивали къ своимъ дворамъ; молодёжь торопливо сдавала на руки кому-нибудь лошадь и шла „на гору“. Горой называлось совершенно ровное мѣсто на площади, около волостнаго правленія. Туда въ сумеркахъ на масленицу сходилась не только молодежь, но и пожилые мужчины и женщины.

Дѣвушки и парни гуляли парами, угощаясь сѣмячками

и конфектами, охотники выходили бороться по одиночкѣ и стѣна на стѣну. Въ урожайные годы на „гору“ выѣзжали торговцы со сластями и дешевой галантереей.

И теперь со стороны волостного правленія доносился смутный гулъ и вмѣстѣ съ вѣтромъ долетали звуки протяжныхъ, старинныхъ пѣсенъ. Издали онѣ казались такими прекрасными, художественными и будили смутныя представленія о какой-то давно прошедшей, но понятной красотѣ. Катающіеся придержали лошадей и дали Антону Валерьяновичу проѣхать. Изъ проулка наперерѣзъ вышли три женщины въ яркихъ платкахъ и шубкахъ, сбереженныхъ еще со временъ дѣвичества. Онѣ пѣли серьезно, одушевленно. Особеннно ярко выдѣлялся одинъ высокій, звонкій голосъ, и каждая, взятая имъ заключительная нота, казалось, долго еще стояла въ гулкомъ, морозномъ воздухѣ.

— Тетенька Катя распраздновалась,—произнесъ полунасмѣшливо, полузавистливо ямщикъ, молодой парень лѣтъ двадцати.

Никогда не чувствовалъ Антонъ Валерьянычъ такъ глубоко и живо свою неудовлетворенность жизнью и отчужденность отъ окружающей среды, какъ въ тѣ минуты, когда видѣлъ, какъ все Бѣлоталовое выходило послѣ обѣдни изъ церкви, или собиралось около волостного правленія на сельскій сходъ, или веселилось, пѣло пѣсни, забывъ недоимки, неурожаи, нехватки.

Быстро промелькнуло село съ зажигавшимися кое-гдѣ огоньками, съ визгомъ гармоній, съ яркими пятнами праздничныхъ сумерокъ. Впереди лежало бѣлое поле, торчали сломанныя и согнутыя вѣшки. Только что видѣнныя картины веселья и шума вспоминались, какъ что то далекое, полузабытое...

Сани заныряли въ огромныхъ ухабахъ выбитой дороги. Приходилось все время съ колотьемъ въ бокахъ переваливаться со стороны на сторону и хвататься за край саней. Наконецъ, послѣ получасовой пытки лошади свернули съ базарнаго тракта. Пошла довольно гладкая дорожка среди невысокаго дубоваго лѣса. Деревья уже освободились отъ снѣжнаго покрова и стояли черными, голыми, готовыми принять въ себя первые солнечные лучи весны. Только между толстыми вѣтвями оставались, какъ гнѣзда сказочныхъ сѣверныхъ птицъ, круглые, слежавшіеся комья снѣга, бѣлѣвшіеся въ наступившей темнотѣ. Лошади пошли шагомъ. Ямщикъ Титушка, или, какъ всѣ его звали въ Бѣлоталовомъ, Китушка сердито покрикивалъ на пристяжную, забивавшуюся на оглобли. Парень былъ недоволенъ. Всѣ его мысли, мечты, желанія остались позади на „горѣ“, въ „кельѣ“, куда онъ

съ товарищами имѣлъ обыкновеніе ходить. На разспросы доктора онъ отвѣчалъ крайне неохотно. У Китушки, грамотнаго и проживавшаго двѣ зимы въ Астрахани, былъ свой и не малый запасъ мыслей, наблюденій и соображеній, но матеріалъ его умственнаго багажа такъ отличался отъ того, что въ данное время интересовало Антона Валерьяновича, что никакого разговора не вышло и выйдти не могло.

Слегка побрякивая бубенчиками, бѣжали лошади, скользили по тихой, лѣсной дорожкѣ санки и, погруженный каждый въ свои мысли, сидѣли въ нихъ двое одинокихъ людей.

Пріѣхали въ Чекуши. Опять та же картина, которую Антонъ Валерьяновичъ имѣлъ случай наблюдать не разъ. Душная, тѣсная изба, удушающая гарь отъ привернутой лампочки, больной въ углу на печкѣ подъ рванымъ тулупомъ, кишащемъ насѣкомыми; всѣ признаки голоднаго тифа, отказъ везти больного въ больницу, бьющее въ глаза неискренностью согласіе давать больному молоко и, наконецъ, робкая просьба прислать съ кѣмъ-нибудь уксусу мочить голову...

Въ разныя времена Антонъ Валерьяновичъ держалъ себя во время этихъ сценъ по разному: убѣждалъ, сердился, просилъ, принимался иногда даже браниться и грозить. На этотъ разъ онъ только спросилъ тихимъ, глубоко обиженнымъ голосомъ, зачѣмъ его заставили проѣхать тридцать верстъ, если не хотятъ ни слѣдовать докторскимъ совѣтамъ, ни везти больного въ Бѣлоталовое. Уксусу онъ всегда могъ прислать съ ямщикомъ или съ другимъ, любымъ посланнымъ.

— Все вотъ и думали... полегче будетъ... дохтуръ поглядитъ,—произнесла, потупившись, жена больного.

Неувѣренный, пришлютъ ли за лѣкарствомъ, Антонъ Валерьяновичъ всетаки прописалъ рецептъ.

Отправились въ обратный путь. Цѣлую дорогу молчали. Бѣлоталовое почти все тушилось и погружалось въ сонъ. Свѣтились только окна келій, да избушки двухъ-трехъ „помощницъ“, какъ называли вдовъ, пускавшихъ къ себѣ распивать взятую въ казенной лавкѣ водку.

На встрѣчу путешественникамъ попалось лишь трое пьяныхъ мужиковъ, толкавшихся, обнявшись, на дорогѣ и оравшихъ дикими голосами какой-то безсмысленный наборъ фразъ.

— Другу пару, штоль, велѣли подавать, въ Грузилово ѣхать?—сурово освѣдомился Китушка, подъѣзжая къ больницѣ.

Китушка зналъ, что отецъ ни за что не поѣдетъ ночью; младшаго брата, Петряньку, съ собаками не сыщешь, а ра-

ботникъ Милитонъ, пожалуй, загулялъ, и везти доктора до Грузилова придется опять ему, Китушкѣ. Парень въ эту минуту отъ души ненавидѣлъ и докторовъ, и медицину, и больныхъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я никуда не поѣду!—возразилъ Антонъ Валерьяновичъ почти съ испугомъ.

Китушка мгновенно просіялъ, спряталъ полученный двугривенный въ карманъ и, выѣхавъ шагомъ за ворота больницы, затянулъ вполголоса старинную пѣсню:

Плавала лебедушка бѣлая, плавала...

Къ своему величайшему удовольствію, Антонъ Валерьяновичъ нашелъ ужинъ уже приготовленнымъ. Большая лампа горѣла на его письменномъ столѣ, мягко освѣщая сглаженныя очертанія предметовъ. Посерединѣ лежала неразрѣзанная почта. Отъ всѣхъ впечатлѣній дня Антонъ Валерьяновичъ чувствовалъ себя такимъ разбитымъ, уставшимъ. Поѣздка въ Буланскъ представлялась ему дѣломъ совершенно ненужнымъ, утомительнымъ, скучнымъ.

Онъ взялъ кусочекъ хлѣба, положилъ на него ломтикъ соленой рыбы и, медленно прожевывая, началъ прохаживаться взадъ и впередъ по комнатѣ. Въ домѣ было очень тихо. И какое-то умиротвореніе нисходило и на душу Антона Валерьяновича. Онъ досталъ костяной ножикъ и началъ читать статью о результатахъ послѣднихъ работъ по микробіотикѣ, произведенныхъ въ Парижѣ. Умѣлое изложеніе, новизна открытій, широта общей идеи совершенно поглотили его вниманіе. Онъ припоминалъ, что еще студентомъ грезилъ о чемъ-то подобномъ, студентомъ же онъ задумалъ написать статью о философіи медицины въ связи съ общей философіей вѣка. Антонъ Валерьяновичъ кончилъ книгу и, весь полный мыслью о прочитанномъ, прилегъ на диванъ. Онъ чувствовалъ въ себѣ приливъ какихъ-то новыхъ силъ, мечталъ о начатой работѣ, о тѣхъ матеріалахъ, которые онъ уже собралъ, о томъ, какая сила—знаніе и какъ встряхнетъ она старый свѣтъ, заскорузлый въ невѣжествѣ и отжившихъ формахъ...

Ему показалось, что онъ всталъ, подошелъ къ столу, вынулъ изъ ящика заботливо хранимые матеріалы, выписки и, развернувъ тетрадь, началъ писать. Перо быстро бѣгало по листамъ. Острыя, блестящія мысли плавно и кругло ложились на бумагу... Антонъ Валерьяновичъ сдѣлалъ маленькое усиліе и очнулся. Онъ сидѣлъ на диванѣ, а его кресло около стола стояло пустымъ и, казалось, манило скорѣй сѣсть, сбросить съ себя апатію, сомнѣнія, вылить всѣ мысли, уже готовыя, живыя, всѣ мечты, выразить лучшія стороны своего

„я“. Да онъ, Антонъ Валерьяновичъ, и сдѣлаетъ все это, но только раньше полежитъ немного на диванѣ, приведетъ въ ясность, въ общую связь нѣкоторые разрозненные факты...

Онъ проснулся часа въ три, съ болью во всѣхъ членахъ, съ тяжелой, пустой головой. Лампа погасала и чадила... Антонъ Валерьяновичъ едва дошелъ до своей кровати, едва стащилъ платье съ своихъ одеревенѣвшихъ членовъ и вытянулся, разбитый отъ усталости, на своей узкой, жесткой постели. „Нѣтъ, такъ невозможно, невозможно!“—съ отчаяніемъ кричалъ въ немъ какъ будто чей-то чужой голосъ.

Его разбудила Татьяна. На дворѣ сіяло великолѣпное утро. Изъ окна видно было .поле, какъ тонкимъ слоемъ серебра, покрытое блестящимъ настомъ. Слышалось оживленное турлыканье голубей. Пѣтухъ закричалъ гдѣ-то совсѣмъ по весеннему.

Къ чаю пришла Раиса Викторовна, замкнутая, спокойная. Она слегка удивилась, отчего это Антонъ Валерьяновичъ еще не уѣхалъ, нашла, что это обстоятельство, пожалуй, кстати, и, говоря объ его отъѣздѣ, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ, попросила привести кое-что изъ лѣкарствъ. Списокъ, длинный и аккуратный, она пронесла съ собой.

— Но вѣдь я не поѣду: раздумалъ,—сказалъ Антонъ Валерьяновичъ.

— Вотъ вздоръ! Вы поѣдете!—возразила Раиса Викторовна, подходя къ окну.—Какое счастье ѣхать въ такой чудный день, ѣхать по собственной охотѣ!.. Я сама переживала такое настроеніе, когда мысль замыкается въ однихъ и тѣхъ же образахъ... Какъ хорошо тогда уѣхать...

Она послала Михайлу за лошадьми. Антонъ Валерьяновичъ не протестовалъ.

Ослѣпительно-блестящими лежали передъ нимъ поля, лошади дружно бѣжали по новому слѣду, рядомъ съ выбитой, грязной дорогой, и подъ говоръ неумолчно гремѣвшихъ бубенчиковъ мысли Антона Валерьяновича растягивались и ложились безконечной, свивающейся лентой. Онъ вспоминалъ свое дѣтство, разсказы близкихъ людей о прошломъ. Какъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ ясны и просты были тогда идеалы.

Теперь же почему-то даже то большинство, которое ничѣмъ, кромѣ своихъ успѣховъ не живетъ, всегда тревожится смутнымъ безпокойствомъ; радости безпечальнаго житія чѣмъ то отравлены. И почему бы человѣку не жить такъ, какъ живетъ всякій организмъ, беззаботно и настойчиво берущій отъ жизни то, что ему нужно... Давно начался этотъ расколъ въ человѣческой природѣ. Онъ начался въ тотъ моментъ, когда одинъ голодный человѣкъ, пожирая

добытую имъ пищу, не ударилъ дубиной по головѣ своего рычащаго отъ голода, больного собрата, а бросилъ ему кусокъ, который хотѣлъ съѣсть самъ. Въ эту минуту родилась жалость. Она явилась мѣриломъ дурного и хорошаго. Сколько вопіющихъ преступленій она открыла, сколько подвиговъ нашла!.. Да, она живетъ среди людей давно. Почему же именно теперь поколѣнію Антона Валерьяновича выпало на долю мучительное рѣшеніе вопроса о примиреніи звѣринаго образа съ жалостью? Какъ найти ту дивную гармонію, за которой начинаются или чудовищные полеты внизъ, къ звѣриному образу, или отреченіе отъ жизни, аскетизмъ, единственный, говорятъ, правый путь... Но какъ же нелѣпа была тогда природа, создавъ человѣка такимъ, каковъ онъ есть. Существуетъ свободная воля или нѣтъ? Отвѣтственъ человѣкъ за свои поступки или нѣтъ? Что такое представляетъ та сила, которая вызвала міръ къ бытію и зачѣмъ она это сдѣлала? Гдѣ найти мѣрило для новой оцѣнки того, что дряхло, негодно, живо, только благодаря привычкѣ, и все-таки держитъ подъ своимъ гипнозомъ такое множество людей?..

Въ большомъ, казенномъ сосновомъ лѣсу, гдѣ дорога была ровнѣе, Антонъ Валерьяновичъ задремалъ. Онъ проснулся только, когда подъѣзжали къ станціи, четвертой по счету. Катанье и гульба были въ полномъ разгарѣ, и Антону Валерьяновичу пріятно стало смотрѣть на расфранченную, веселую толпу, забывшую на мгновеніе всѣ невзгоды. Онъ закусилъ на взъѣзжей и съ удовольствіемъ пошутилъ съ наивно-бойкой бабенкой, добивавшейся—кто онъ, откуда и зачѣмъ. Лошади сползли съ огромнаго, почти отвѣснаго ската и, миновавъ рощу могучихъ, раскидистыхъ тополей, вылетѣли на рѣку. Исчерченная колеями, изрѣзанная колкой льда и рыбачьими ставками, рѣка доживала свои послѣдніе, зимніе дни. Длинныя, голубоватыя полыньи слегка дымились. На дорогѣ стояла вода. Издали, подъ лучами заходящаго солнца, она казалась ярко голубой. Лошади, чуя близкій отдыхъ, дружно подхватили. Село осталось позади. Впереди лежала розовая отъ заката пелена рѣки съ близко подошедшими къ лѣвому берегу лѣсами. Холодныя, синія глыбы наколотаго льда сверкали тысячами разноцвѣтныхъ огней.

На правомъ, отвѣсномъ берегу, поросшемъ ветлами и вязами, мелькали кое-гдѣ уединенныя дачи, и видъ ихъ напоминалъ о жгучемъ солнцѣ, ясномъ небѣ, шумномъ, голубомъ разливѣ рѣки.

Лошади отфыркивались и разбрасывали ногами сверкающія, всхлипывающія водяныя брызги. И казалось, что они

бѣгутъ и не бѣгутъ, что солнце какъ будто стоитъ на одномъ мѣстѣ и замерло въ золотистыхъ тонахъ безоблачное небо.

Антонъ Валерьяновичъ сидѣлъ, какъ очарованный, и вмѣстѣ съ свѣжимъ, хрустящимъ холодкомъ въ жилы его вливался какой-то страстный огонь сознанія своей молодости, предвидѣнія и требованія отъ жизни какого-то большого, широкаго счастья; его душило безпокойство, граничащее со слезами. Издали мелькнули и опять скрылись синія въ звѣздахъ главы собора.

Выросли трубы огромнаго желѣзодѣлательнаго завода. Около него, на расчищенномъ и огороженномъ каткѣ, скользило, падало, смѣялось цѣлое общество молодыхъ барышенъ и юношей. Они показались Антону Валерьяновичу будто выхваченными нарочно для него изъ видѣнной когда-то очаровательной картины. И для него такъ сіялъ закатъ и пылала рѣка и звенѣли, на никѣмъ еще не подслушанный мотивъ, звонкіе, говорливые бубенчики.

Лошади ухнули въ отошедшую отъ берега сажени на двѣ, почти черную воду и, дрожа, начали взбираться на пологій, городской въѣздъ. Сразу налетѣли сумерки. Поблѣднѣли краски неба. Отъ солнца осталось только умирающее, золотистое сіянье. Рѣка погасла.

Улицы Буланска загромождены были катающимися: тутъ были и великолѣпныя, кровныя пары, и тройки, и одиночки, и извощичьи клячи. Все это, подъ бдительнымъ надзоромъ двухъ озябшихъ, охрипшихъ квартальныхъ и нѣсколькихъ городовыхъ, медленнымъ, погребальнымъ шагомъ тянулось по одной сторонѣ улицы и, повернувъ на площади, бѣшено мчалось обратно. На перекресткахъ цѣлыми часами терпѣливо стояли кучки мѣщанъ въ длинныхъ чуйкахъ, глазѣли на катающихся и обмѣнивались по поводу лошадей и сѣдоковъ тяжеловѣсными замѣчаніями. Тротуары заняты были сплошной движущейся массой народа. Кое-кто остановился и не безъ удивленія осмотрѣлъ деревенскія сани и сидящую въ нихъ смѣшную фигуру доктора въ тулупѣ и въ шапкѣ-треухѣ.

Настроеніе Антона Валерьяновича потускло. Оно потускло еще больше, когда, послѣ долгихъ поисковъ, нашли, наконецъ, квартиру Гурьянова.

На электрическій звонокъ вышла горничная въ фартучкѣ, со взбитой чолкой на лбу, и заявила, что Василія Евгеньевича нѣтъ дома. Была-ли горничная непонятлива, или Антонъ Валерьяновичъ плохо объяснялъ, но она долго не могла понять, что незнакомый баринъ пріѣхалъ въ гости изъ деревни.

Сообразивъ, наконецъ, въ чемъ дѣло, она съ странной

ужимочкой начала звать какого-то Финагея помочь донести чемоданъ и подушку въ пестрой наволочкѣ. Софья Евтихіевна, жена Гурьянова, затянутая въ корсетъ, завитая, непріятно помолодѣвшая, сначала не узнала Антона Валерьяновича, а потомъ, узнавъ, не потрудилась даже представиться обрадованной.

Съ холодной вѣжливостью показала она гостю комнату, гдѣ можно было умыться и переодѣться, и велѣла подавать самоваръ. Антона Валерьяновича стѣсняла вылощенная чистота новой обстановки Гурьяновыхъ. Его старый, студенческій чемоданъ и подушка въ несовсѣмъ чистой ситцевой наволочкѣ неуклюжимъ пятномъ лежали на новомъ, зеленомъ атласномъ диванѣ, съ какими-то нашитыми черными лапами. Зеркало, вдѣланное въ изящный умывальникъ, отразило сѣрый, потасканный пиджакъ Антона Валерьяновича, его давно нестриженную голову и усталое лицо съ безпорядочно висѣвшей, клочковатой бородой.

Онъ еще не успѣлъ кончить своего туалета, какъ услыхалъ въ сосѣдней комнатѣ свѣжій сочный голосъ Гурьянова.

— Что же, Сонечка, ты готова?

— Да нѣтъ!—отвѣтила Гурьянова досадливымъ полушопотомъ.—Тамъ пріятель твой пріѣхалъ, Хрущовъ.

— Какой такой Хрущовъ?

— Да тише ты, ради Бога. Изъ Бѣлоталоваго. Онъ здѣсь въ кабинетѣ...

— А! Да, да... Да что это онъ?

Антонъ Валерьяновичъ торопливо пригладилъ волосы и вышелъ въ столовую серьезный, тысячу разъ проклинающій свою глупую затѣю съ поѣздкой.

Гурьяновъ, толстый, румяный мужчина съ большими бѣлыми зубами, съ улыбкой ступилъ къ нему на встрѣчу.

— Ну вотъ и хорошо, что надумалъ... отлично, что пріѣхали,—заговорилъ онъ, мѣшая вы и ты. На процальномъ обѣдѣ онъ былъ съ Хрущовымъ на ты.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ довольно мучительной неловкости, разговоръ кое-какъ наладился. И когда Антонъ Валерьяновичъ заговорилъ въ столовой этихъ чужихъ, равнодушно настроенныхъ людей о Бѣлоталовомъ, то его служба въ деревнѣ, сношенія съ людьми, наблюденія и обобщенія, сдѣланныя имъ за два года,—словомъ, вся его жизнь показалась ему гораздо важнѣй и содержательнѣй, чѣмъ сутки тому назадъ въ разговорѣ съ Раисой Викторовной. Нѣсколько разъ онъ пытался разсказать объ елкѣ въ школѣ, но всякій разъ Гурьяновъ прерывалъ его короткими вопросами объ общихъ знакомыхъ. Наконецъ, когда Василій Евгеньевичъ

во второй разъ спросилъ, какъ здоровье помѣщика Охлябина, съ которымъ Хрущевъ не былъ даже знакомъ, Антонъ Валерьяновичъ вдругъ замолчалъ и потянулся за нераспечатанной газетой, лежавшей на столѣ.

Этимъ моментомъ воспользовалась Софья Евтихіевна и промолвила вполголоса:

— Отъ Вахрамѣевыхъ приходили.

— Ну?—отозвался Гурьяновъ, оживившись.

— Звали тебя непремѣнно сегодня къ восьми.

— Ты что-же сказала?

— Я сказала, что передамъ тебѣ. Довѣренный ихній пріѣзжалъ. Я спрашиваю: „да у васъ, кажется, Оглоблинъ лѣчитъ"?—Оглоблинъ-то, говоритъ, Оглоблинъ, да мы вашего барина желаемъ.

— Гм... что-же...—самодовольно произнесъ Гурьяновъ и взглянулъ на жену. Лицо ея оживилось еще больше, въ глазахъ играла сдержанная, лукавая усмѣшка.

— Что еще?—спросилъ онъ, заранѣе улыбаясь.

— Я гуляла.. встрѣтила Пахомова. Ну и вотъ! Совершенно вѣрно: вчера у Горяйновыхъ былъ скандалъ. Онъ перехватилъ ея письмо къ Добросмыслову.

— Ага! Ожидать слѣдовало... А какъ-же Вахрамѣевъ?

— Лошадь хотѣли прислать къ восьми.

— А ты?

Антонъ Валерьяновичъ положилъ на столъ газету, въ которой не прочиталъ еще ни одной строчки, и сказалъ, запинаясь и краснѣя:

— Вы, Софья Евтихіевна, хотѣли куда-то ѣхать, кажется... Я не стѣсняю васъ?.

— Да ты чѣмъ-же, братъ, можешь стѣснить?—безцеремонно перебилъ Гурьяновъ.—Я думаю, ты съ дороги и самъ радъ отдохнуть... Вотъ сходишь къ парикхахеру, поужинаешь и ложись спать. А насъ извини. Ей, видишь-ли, одѣться нужно, а мнѣ сейчасъ къ больному... къ тремъ больнымъ. Ты ужъ не взыщи: обѣщались. А завтра кстати у насъ блины. Можетъ быть, ты въ клубъ хочешь пойдти? Я сейчасъ дамъ рекомендательную карточку.

— Нѣтъ, въ клубъ я не пойду, а ты, можетъ быть, заѣдешь домой послѣ визитовъ. Мнѣ бы хотѣлось поговорить съ тобой.

— Если только успѣю, если только успѣю!—горячо отвѣтилъ Гурьяновъ, вынимая изъ кармана жилетки толстые часы съ монограммой.—Ахъ, чортъ возьми, рано еще... Какъ-же ты то? скучать будешь?—продолжалъ Гурьяновъ, вставая.—Развѣ поѣдемъ вмѣстѣ къ Пахомовымъ? Они люди славные, безпритязательные...

— Лошадь отъ Вахрамѣевыхъ!—доложила горничная.

— Право, голубчикъ, поѣдемъ къ Пахомовымъ, а то мнѣ неловко...

— Нѣтъ, нѣтъ, что ты?—заторопился Антонъ Валерьяновичъ.—Тебѣ, кажется, лошадь подали. Возьми меня съ собой, довези до парикмахера.

Часа два проходилъ Хрущовъ по незнакомымъ улицамъ незнакомаго города, прислушиваясь къ говору встрѣчныхъ и разглядывая большіе и маленькіе дома. Во многихъ былъ свѣтъ; на занавѣскахъ мелькали тѣни, въ иныхъ было видно, какъ семьи садились за ужинъ. Дѣти вставали, благодарили родителей.

Какъ уютно и мило казалось все это съ улицы и какъ скучно, затхло, тяжело было, вѣроятно, тамъ, внутри...

Отказавшись отъ ужина, Антонъ Валерьяновичъ поговорилъ съ полъ-часа съ десятилѣтнимъ сыномъ Гурьянова, явившимся изъ клуба съ дѣтскаго вечера, и попросилъ у него на сонъ грядущій какую-нибудь книгу. Мальчикъ принесъ валявшуюся на рояли толстую книгу, приложеніе къ какому-то журналу. Это оказалась „Исповѣдь“ Жанъ-Жака Руссо.

Антонъ Валерьяновичъ читалъ когда-то это произведеніе и всегда помнилъ то чувство жгучаго любопытства и стыда, которое она въ немъ возбуждала. Онъ развернулъ книгу и, минуя предисловіе, началъ читать съ первой страницы и вновь почувствовалъ захватывающее, обжигающее любопытство, въ которомъ было что-то нескромное. Недавнія событія, больные, оставленные въ Бѣлоталовомъ, не особенно любезный пріемъ Гурьяновыхъ, къ которымъ онъ пріѣхалъ, видимо, не кстати,—все это стушевалось, отошло на задній планъ, и Антонъ Валерьяновичъ стоялъ лицомъ къ лицу съ удивительнымъ человѣкомъ, который считалъ себя настолько лучше другихъ, что рѣшился снять съ себя всѣ покровы.

Антонъ Валерьяновичъ еще читалъ, когда вернулись Гурьяновы.

Василій Евгеньевичъ взошолъ въ кабинетъ въ полномъ облаченіи: бѣлой жилеткѣ, изъ кармана которой свѣшивалась толстая цѣпочка съ брелоками, и въ очень хорошо сшитомъ смокингѣ.

— А, ты еще не спишь?—сказалъ онъ.—Что такъ? А я въ карты игралъ. Усталъ чертовски.

Блестящіе глаза Гурьянова и его свѣжее, хорошо выбритое лицо краснорѣчиво противорѣчили, однако, жалобѣ на усталость.

— Ты въ винтъ играешь?—освѣдомился Антонъ Валерьяновичъ деликатно.

— Ну, въ винтъ! Здѣсь, братецъ, эта игра не въ модѣ. Тутъ все стуколочка.

— А какъ твоя работа, Василій Евгеньевичъ?—продолжалъ Антонъ Валерьяновичъ, кладя книгу на столикъ и дѣлая движеніе, чтобы присѣсть на диванѣ.

— Работа?.. Да ты лежи... Видишь-ли: тутъ у меня своей больницы нѣтъ. Я тутъ больше практикой занимаюсь... Такая полоса подошла... У меня все полосами.

— Неужели тебѣ не жалко? А какъ ты хорошо работалъ! Я помню одно грыжесѣченіе... Прямо художественно было сдѣлано

— Да-а, работалъ... Такъ все подошло. На Еленинскіе ѣздилъ, встряхнулся... рѣзать-то я, положимъ, всегда любилъ. Помогала мнѣ тогда... какъ бишь ее? Елизавета? нѣтъ! Елена... Красивая была шельма. У нихъ все это... идеи. Ну я и потрафлялъ... самъ пристрастился... По вечерамъ работалъ... Влюбился. Такъ куруномъ и ходилъ. Сколько здоровья потратилъ... Теперь безъ отвращенія и вспомнить не могу объ этомъ каторжномъ трудѣ. А ее, пожалуй, и не узнаю...

— Значитъ, ты не жалѣешь, что ушелъ изъ земства?

— Нисколько. Эти разъѣзды, грязь, вонища, у иного вши по сорочкѣ, какъ бисеръ, а ты его выслушивай... Я объ этихъ телѣгахъ земско-полицейскихъ говорить—и то разстраиваюсь. Нѣтъ, будетъ... Я на свой пай поработалъ... Пускай другіе работаютъ.

— И не тянетъ тебя въ Бѣлоталовое?

— Охъ, нѣтъ, нисколько!

— А я хотѣлъ было разсказать тебѣ одинъ случай...— Антонъ Валерьяновичъ пытливо посмотрѣлъ на Гурьянова. Тотъ не мѣнялъ оживленнаго выраженія лица.

Хрущовъ, волнуясь и повторяясь, разсказалъ исторію о Тимоѳеѣ, объ его болѣзни и о томъ, какъ онъ, Антонъ Валерьяновичъ, не рѣшился дѣлать операцію и какъ онъ мучается теперь сознаніемъ, что могъ помочь человѣку и не помогъ...

Черты лица Гурьянова по мѣрѣ того, какъ товарищъ разсказывалъ, принимали все болѣе и болѣе скучающій видъ. Наконецъ, онъ откровенно широко зѣвнулъ и, оканчивая зѣвокъ, промямлилъ:

— Да какъ тебѣ сказать, братъ... По-моему ты тутъ не при чемъ... Врядъ-ли бы исходъ-то былъ хорошій... Все равно, умеръ бы. Такъ, по крайней мѣрѣ, у тебя на душѣ не гребтитъ, что зарѣзалъ человѣка... Ну, голубчикъ, спокойной ночи тебѣ желаю. Времени-то ужъ много.

Антонъ Валерьяновичъ спалъ плохо, рано проснулся и уже подумывалъ о томъ, не велѣть-ли ямщику подавать

лошадей. Пили чай. Софья Евтихіевна была такъ озабочена предстоящими блинами, что могла говорить только о нихъ. Василій Евгеньевичъ сейчасъ послѣ чая уѣхалъ. Побродивъ немного по городу и закупивъ въ аптекѣ лѣкарства по списку Раисы Викторовны, Антонъ Валерьяновичъ дождался условленнаго часа и пошелъ въ амбулаторію Гурьянова. Низкое, вонючее помѣщеніе въ старомъ-престаромъ домѣ, загроможденный ящиками дворъ, пріемная съ истертыми, расщелившимися полами, бѣдный наборъ старыхъ инструментовъ—все это произвело на Антона Валерьяновича сложное, двойственное впечатлѣніе. Съ одной стороны, онъ возмущался, какъ въ такомъ большомъ сравнительно городѣ, какимъ былъ Буланскъ, врачу могли съ легкимъ сердцемъ предложить работать въ такой отвратительной амбулаторіи; съ другой—ему пріятно было, что его, Антона Валерьяновича, амбулаторія не въ примѣръ лучше. Первое настроеніе, скоро, однако, взяло верхъ. Изъ деликатности онъ обошелъ съ Гурьяновымъ все помѣщеніе и принялъ двухъ больныхъ.

— Ну что, какъ тебѣ нравится? — спросилъ Гурьяновъ

— Ничего... не особенно...—отвѣтилъ Антонъ Валерьяновичъ.—Я думалъ, что у тебя во всякомъ случаѣ лучше.

— Поди вотъ, столкуйся съ ними... съ отцами-то, — произнесъ Гурьяновъ совершенно спокойно.—Сулились все-таки поправить. Да что же ты нашелъ очень-то плохого? У многихъ-ли земскихъ врачей такая?

Не зная, куда дѣваться, Антонъ Валерьяновичъ опять пошелъ къ Гурьяновымъ. Софья Евтихіевна усадила его въ столовой, гдѣ съ помощью горничной сама устанавливала на раздвинутомъ столѣ рюмки, стаканы, тарелочки съ разной солёной снѣдью и бутылки съ виномъ.

— Вы свой человѣкъ,—говорила она Антону Валерьяновичу съ холодной безцеремонностью,—извините меня. Посидите здѣсь, а я похлопочу. Вы не можете себѣ представить, какая здѣсь плохая прислуга. Сама не сдѣлаешь,—Богъ знаетъ, что наварганятъ. А не ловко какъ нибудь... Боже мой, что это! Доппель - кюммель и забыли. Анемподистъ Яковлевичъ только его и пьетъ. Марфуша! Ахъ, нѣтъ... тебѣ некогда. Гриша, Гриша! бѣги скорѣй, принеси доппель-кюммеля... Знаешь, доппель-кюммель?.. Да ужъ не заперты-ли лавки?.. Ахъ, Боже мой! Скорѣй, ради Бога... Разскажите-ка, Антонъ Валерьянычъ, какъ вы тамъ поживаете... жениться не думаете-ли?.. Ахъ, Марфуша, что за идіотизмъ! Куда ты балыкъ поставила? Я думаю, его одна тарелка... ставить надо посерединѣ... Ужъ пора бы и собираться. Терпѣть я не могу, когда опаздываютъ. Не знаю, хороши-ли будутъ блины, не перекисли-ли? Марфуша, бѣги скорѣй

къ Настасьѣ, скажи ей, чтобы посмотрѣла блины... Постой, постой... Если начинаютъ пузыриться, пусть обдасть ихъ кипящимъ молокомъ, варомъ... Я говорила ей—какъ... А я, знаете, привыкла здѣсь. Къ намъ такъ хорошо отнеслись. Гриша отлично выдержалъ экзаменъ въ приготовительный. Теперь въ первомъ. По его годамъ даже рано.

Антонъ Валерьяновичъ чинно сидѣлъ на стулѣ и внутренно смѣялся. Ему было даже весело при мысли, что съ этой женщиной онъ хотѣлъ говорить о деревенской жизни, о вліяніи интеллигенціи на народъ, о многихъ нерѣшенныхъ, мучительныхъ вопросахъ. „Мы, быть можетъ, съ ней и поговоримъ, —иронизировалъ онъ мысленно,—если я доживу до Великаго поста. Въ чистый понедѣльникъ, послѣ бани...“

Пріѣхалъ Василій Евгеньевичъ, тоже очень озабоченный, и напалъ на Софью Евтихіевну за то, что она велѣла поставить на столъ маринованныя миноги.

— Кто этакую гадость будетъ ѣсть? Чухны-извозчики только въ Петербургѣ ею закусываютъ. Марфушка, сними эту мерзость. Какія-то ящерицы.

— Пожалуйста, не распоряжайся! Прелестныя миноги, выписныя... Дарья Ивановна ихъ очень любитъ.

— Никогда я у Дарьи Ивановны этихъ ящерицъ не видалъ... Никто ихъ и ѣсть не будетъ.

— Я сама буду... и этого довольно.

— Ну, сама можешь и въ одиночку поѣсть.

Въ эту секунду раздался громкій звонокъ. Лица супруговъ быстро измѣнились, и къ тому моменту, когда первые гости—два члена городской управы съ женами—вошли въ гостиную, Софья Евтихіевна, расцвѣтшая, сіяющая медовыми улыбками, обворожительнымъ голосомъ пропѣла:

— Милости просимъ... Дорогіе гости!

Звонки раздавались одинъ за другимъ. Слышались чмоканья дамъ, возгласы мужчинъ. Софья Евтихіевна улыбалась всѣмъ съ одинаковой привѣтливостью. Гостиная, зала и кабинетъ Гурьяновыхъ наполнились народомъ. Явились, наконецъ, и самые важные гости: директоръ гимназіи, городской голова и трое денежныхъ тузовъ. Нѣсколько тревожныхъ выходовъ хозяйки, маленькая перемолвка съ мужемъ,—и гостей торжественно повели въ столовую. Общество еще до блиновъ разбилось на нѣсколько кружковъ, и за столъ сѣли тоже компаніями. Къ тремъ денежнымъ тузамъ, державшимся всегда вмѣстѣ, прикомандировались члены управы. Нѣсколько важныхъ, толстыхъ дамъ, сѣдыхъ, съ наколками на головахъ, въ неуклюжихъ, черныхъ платьяхъ, солидно толковали о женскихъ рукодѣльяхъ и общихъ знакомыхъ.

Тонъ держала какая-то особа, обладавшая громкимъ голосомъ и удивительнымъ даромъ выпускать по сту словъ въ минуту. Она все знала, начиная съ астрономіи и кончая меню Эдуарда VII, видѣла всѣхъ знаменитостей, пожимала руки всѣмъ министрамъ. Выходки этой особы, намёки на чье-то взяточничество, разсказы о необычайныхъ комплиментахъ, сдѣланныхъ ей высокопоставленными лицами,—принимались публикой съ довольной улыбкой.

— Кто эта дама? — спросилъ Антонъ Валерьяновичъ у своего сосѣда, маленькаго человѣчка, необыкновенно снотворно заговорившаго о красотахъ Кавказа и своей поѣздкѣ въ Ессентуки.

— Жена помощника акцизнаго надзирателя, Башанина. У нея родня въ Петербургѣ, въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ. Ей всѣ новости извѣстны...

Антонъ Валерьяновичъ съ любопытствомъ взглянулъ на даму. Разговоръ ея такъ и звенѣлъ: „Николай Александровичъ... Башанинъ... мой дядя... генералъ-адъютантъ"...

Около хозяйки сидѣлъ директоръ гимназіи, рослый мужчина, съ прекрасной, черной бородой, бѣлыми руками и большой бирюзой на пальцѣ. За нимъ слѣдовалъ инспекторъ, тоже высокій и плотный, съ вросшей въ плечи головой, въ толстыхъ золотыхъ очкахъ. Онъ, очевидно, привыкъ произносить рѣчи, и за блинами говорилъ много, съ пафосомъ, въ носъ. При нѣкоторыхъ патетическихъ словахъ, какъ, напримѣръ: „родина, честь, благородство", голосъ его замѣтно вибрировалъ и очень свѣтлые, сѣрые глаза покрывались влагой. Между нимъ и обществомъ полныхъ дамъ существовала очевидная пріязнь, выражавшаяся въ улыбкахъ и сочувственныхъ киваніяхъ головой.

На поклонъ маленькаго Гриши директоръ только задумчиво и разсѣянно кивнулъ головой, инспекторъ же подозвалъ мальчика поближе, подалъ, вызвавъ восторженную улыбку дамъ, малышу руку и, задержавъ его за талію, освѣдомился о здоровьи.

У Гурьяновыхъ было еще нѣсколько молодыхъ дамъ. Съ одной изъ нихъ Василій Евгеньевичъ перемигнулся довольно недвусмысленно. Среди мужчинъ выдѣлялся еще своей наружностью огромнаго роста черноволосый господинъ, очень серьезный на видъ, ни съ кѣмъ не разговаривавшій и сосредоточенно выпивавшій рюмку за рюмкой. Антонъ Валерьяновичъ спросилъ у своего сосѣда, кто это такой, и получилъ въ отвѣтъ, что это—Егоръ Матвѣевичъ Куманинъ, учитель русскаго языка въ гимназіи, человѣкъ очень строгій, и курсъ у него ученики знаютъ, какъ „Отче нашъ".

Сосѣдкой Антона Валерьяновича съ правой стороны ока-

залась очень бойкая барышня, съ длиннымъ лицомъ и чудовищно взбитыми волосами. Она уже знала, что Хрущовъ — земскій врачъ, знала, вѣроятно, и то, что онъ холостой. Бойко, непринужденно начала она съ нимъ игру словами, и, когда не сразу находила отвѣтъ на нѣкоторыя фразы своего собесѣдника, то произносила: „Да? Такъ?“ и разражалась долгимъ, звонкимъ хохотомъ. Антонъ Валерьяновичъ не входилъ въ тонъ барышни, но и не вносилъ въ разговоръ ничего своего. Она спрашивала его о деревнѣ, и онъ отвѣчалъ короткими, банальными фразами, банальными опредѣленіями, похвалами и осужденіями. Между тѣмъ, то огромное, важное, что онъ зналъ о деревнѣ, продолжало лежать на его сердцѣ тяжелымъ камнемъ... Послѣ нѣсколькихъ аттакъ барышня перемѣнила фронтъ и направила стрѣлы своихъ сѣренькихъ глазокъ на сосѣда справа.

Гурьяновы были неутомимы въ угощеніи гостей, при чемъ у Софьи Евтихіевны просьбы съѣсть еще блинъ, выпить еще рюмку вина звучали искусственной граціей и веселостью, а у Василія Евгеньевича выходили убѣдительно и сочно. Безпрестанно онъ выдумывалъ тосты, между прочимъ, попросилъ все общество выпить за здоровье неожиданно пріѣхавшаго гостя и друга, Антона Валерьяновича Хрущова. Нѣсколько разъ Гурьяновъ подходилъ къ Антону Валерьяновичу и собственноручно наливалъ ему рюмку вина. Тотъ сначала отнѣкивался, но кончалъ тѣмъ, что выпивалъ.

Шумъ голосовъ, звонъ рюмокъ и взрывы хохота сливались въ одинъ общій хаосъ звуковъ, въ которомъ трудно было разобраться. Относительное молчаніе воцарялось только тогда, когда начиналъ говорить инспекторъ гимназіи или кто-нибудь изъ булановскихъ магнатовъ.

Антонъ Валерьяновичъ чутко прислушивался къ словамъ и фразамъ и тутъ же упрекалъ себя за ожиданіе услышать разговоръ на интересующія его темы—за блинами, когда каждый или въ самомъ дѣлѣ расположенъ къ благодушію и веселымъ выходкамъ, или представляется, что расположенъ. Черезъ минуту онъ находилъ, что и за блинами человѣкъ отражается въ своихъ рѣчахъ такъ же, какъ и всегда, и опять начиналъ слушать. Нѣсколько разъ онъ пробовалъ заговаривать съ своимъ сосѣдомъ. Тотъ отзывался кратко и неохотно: „Какъ же... читалъ, слышалъ... Ахъ, объ этомъ давно еще писали“... и тутъ же переводилъ рѣчь на свою болѣзнь и лѣченье на Кавказѣ.

Наконецъ, за мороженымъ, громкій споръ въ концѣ стола и послышавшіяся въ немъ интересныя слова привлекли общее вниманіе и заставили смолкнуть даже жужжаніе важ-

ныхъ дамъ. Говорилъ какой-то очень молодой человѣкъ, сынъ податного инспектора, Головановъ, реалистъ, оставшійся за флагомъ на конкурсныхъ экзаменахъ, какъ узналъ послѣ Хрущовъ, и выхоленный, пожилой господинъ, помѣщикъ по обличью.

— Но ихъ экономическое положеніе...—робко говорилъ юноша.

— Что-жъ—экономическое положеніе? Я, конечно, не берусь судить о всей Россіи, но въ нашей мѣстности я знаю, что какъ только выдумали голодъ, такъ всѣ мельники завели себѣ французскіе жернова. Народъ чернаго хлѣба больше не желаетъ кушать, а только ситный... Квасъ варятъ изъ продовольственной муки... Въ нашей мѣстности, да не въ одной нашей, а вплоть до Моршанска... мужикъ съ лошадью тутъ можетъ выработать до рубля шести гривенъ въ день... Однако, не идутъ! Находятъ для себя невыгоднымъ.

— Лошадь кормить надо...—попробовалъ возразить Головановъ.

— Ахъ, молодой человѣкъ! Вы мнѣ уроковъ не давайте!—вскипѣлъ помѣщикъ.—Именно, да-съ! Кормить нужно, а не напиваться на полученныя деньги, а скотину оставлять безъ призора.

— Василій Евгеньевичъ,—перебилъ Хрущовъ, путаясь и смущаясь оттого, что при его возгласѣ, прозвучавшемъ нѣсколько громко, почти всѣ гости обернулись посмотрѣть на деревенскаго чудака, въ слежавшемся сюртукѣ.—Василій Евгеньевичъ! Ты такъ долго жилъ въ деревнѣ: неужели ты согласенъ съ подобной характеристикой, не скажешь ни одного слова въ защиту?

— Нѣтъ, братъ, не скажу. Жилъ я между ними и надоѣли они мнѣ, осточертѣли прямо. Неряхи, недѣлухи. На какую нибудь работу наймешь, такъ на немъ, подлецѣ, верхомъ надо ѣхать, чтобы онъ ее сдѣлалъ, инструментовъ не испортилъ бы, а то и вовсе не укралъ бы. Чуть силу заберутъ—дерзостей не оберешься. Нѣтъ. Богъ съ ними совсѣмъ и съ новыми порядками. Я откровенно говорю: мнѣ при старыхъ лучше живется...

— А у Гришухина Нила Трофимовича сыночка, слышь, исключили...—замѣтилъ одинъ изъ членовъ управы.

— Да! Вотъ еще негодяй!—сказалъ Василій Евгеньевичъ.—Отецъ всю жизнь только на нихъ и работалъ, нищенствовалъ, въ кускѣ калача себѣ отказывалъ, чтобы его, негодяя, до университета довести, и вотъ награда. Нѣтъ! Это, чортъ возьми, ужасно!—продолжалъ онъ, одушевляясь совершенно искренно.—Представьте себѣ, человѣкъ всю жизнь, всю жизнь съ двадцати пяти лѣтъ ограничивалъ себя для дѣтей,

на старшаго возложилъ всѣ надежды, а тамъ еще младшихъ тащится штукъ пять... и вдругъ что же?.. Всѣ надежды разбиты. Позади одни лишенія и впереди—ничего отраднаго... Я противъ этихъ глупостей.

Всѣ заговорили разомъ, торопясь высказать свои давно продуманныя и не разъ повторенныя мысли, свои выводы и афоризмы, представлявшіеся каждому весьма оригинальными и важными.

— Любопытнѣе всего то,—обратился къ Антону Валерьяновичу сидѣвшій противъ него господинъ въ путейскомъ мундирѣ,—что вся эта молодежь сохраняетъ свои идеалы и высокій строй мыслей лишь до той поры, пока не сойдетъ со студенческой скамейки. А какъ только соскочитъ съ нея, такъ и конецъ. Куда ушли всѣ идеалы! Остается только фанатизмъ... фанатизмъ устройства собственнаго благополучія.

Инженеръ смѣялся своему bon-mot и смотрѣлъ на молодого доктора съ злой усмѣшкой.

— А вы предпочитали бы, чтобы молодые съ перваго курса подлецами становилась?—брякнулъ Антонъ Валерьяновичъ, разсерженный.

— Нѣтъ, милостивый государь, я желалъ бы, чтобы они до конца жизни несли свѣточъ правды и добра и въ началѣ ея не нарушали теченія общественной жизни, не мѣшали бы другимъ работать.

— Работать? Вы что называете работой?..

Софья Евтихіевна переглянулась съ мужемъ и встала. Въ столовой поднялась давка: одни шли къ хозяйкѣ, другіе обратно. Всѣ разговоры оборвались для того, чтобы начаться вновь въ другихъ комнатахъ и при другой группировкѣ гостей.

Одинъ изъ магнатовъ велѣлъ подать шесть троекъ и торжественно пригласилъ всѣхъ кататься. Началось оживленное бѣганье, одѣванье, дамы посылали домой за ротондами и теплыми калошами.

На Антона Валерьяновича, мрачно и молча сидѣвшаго въ углу кабинета, обратила свое благосклонное вниманіе веселая, хорошенькая барыня, перемигивавшаяся съ Гурьяновымъ. Она такъ мило кокетничала съ молодымъ докторомъ, такъ храбро смѣялась при первыхъ его недружелюбно-равнодушныхъ отвѣтахъ, что невольно заражала своей веселостью окружающихъ. Антонъ Валерьяновичъ сдался, наконецъ, на ея просьбы и поѣхалъ кататься. Дорогой кричали, перегоняли другъ-друга, пѣли пѣсни, двѣ тройки опрокинулись. Антонъ Валерьяновичъ смѣялся вмѣстѣ съ другими и баскомъ подтягивалъ: „полно, братъ, молодецъ“... О тягостномъ впечатлѣніи, оставленномъ на немъ обѣдомъ у Гурьяновыхъ

онъ не думалъ. Бѣлоталовое и связанныя съ нимъ событія тоже ни разу не пришли ему на умъ. Онъ просто наслаждался близостью молодой, красивой женщины, праздничнымъ шумомъ и весельемъ окружающихъ. Въ такомъ же настроеніи, вернувшись съ катанья, онъ отправился вмѣстѣ съ Гурьяновыми въ клубъ „Соединеннаго Собранія“, гдѣ объявленъ былъ послѣдній танцовальный вечеръ. Недавно отстроенное зданіе клуба не успѣло еще запачкаться и насквозь пропитаться специфическимъ запахомъ прокислой трактирной ѣды и дешеваго табаку, какъ это обыкновенно бываетъ съ провинціальными клубами. Хорошенькая, голубая атласная гостиная не успѣла задымиться и подъ свѣтомъ матоваго голубого фонаря казалась уютной и элегантной. Весь буланскій beau-monde былъ въ сборѣ. Антонъ Валерьяновичъ изумился при видѣ богатыхъ, изящныхъ туалетовъ, которые не прошли бы незамѣченными даже гдѣ нибудь на балу или въ театрѣ въ Москвѣ или Петербургѣ. Когда вошли Гурьяновы, музыка играла вальсъ. Задорные, порхающіе звуки носились по бѣлому съ золотомъ залу, наполненному нарядной толпой, бились, просясь на свободу, и вновь возвращались, кружась, какъ рой ночныхъ, золотисто-сѣрыхъ мотыльковъ. Плавно и безумно-быстро кружились пары... Было жарко, пахло духами. Антона Валерьяновича охватило давно неиспытываемое имъ чувство блаженной отрѣшенности отъ настоящаго. Изрѣдка, съ самыхъ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ, когда онъ слушалъ музыку, или видѣлъ картины знаменитыхъ пейзажистовъ, или былъ въ лѣсу, на рѣкѣ—его охватывало особенное чувство, которому онъ не находилъ опредѣленія. Въ головѣ его толпились образы и мысли; вся красота видѣннаго, прочитаннаго, пригрезившагося вставала въ яркихъ непередаваемыхъ краскахъ; грудь разрывалась отъ напора восторженнаго, благодарнаго чувства. Такъ хотѣлось какой то необыкновенной, не похожей ни на чью, жизни, какой-то небыкновенной, небывалой любви, и, казалось, что еще одно мгновеніе, еще одно душевное усиліе и слово будетъ найдено: таинственный Сезамъ откроется...

Они вошли въ гостиную. Гурьяновъ перезнакомилъ товарища съ находящимся тамъ обществомъ. Вотъ какая то блѣдная, тонкая дама, съ болѣзненнымъ лицомъ и большими брилліантами въ ушахъ; коротенькій, толстенькій военный инженеръ, съ выдавшимся брюшкомъ и лысиной во всю голову; его жена... Острое чувство волной прихлынуло къ сердцу Антона Валерьяновича и щиплющимъ холодкомъ прошло по его тѣлу. Прямо на него смотрѣли два черныхъ глаза, влажные, сверкающіе, какъ двѣ южныхъ звѣзды. Къ нему протянулась тонкая ручка и хрустальный голосъ произнесъ

какія-то коротенькія, привѣтственныя слова. Антонъ Валерьяновичъ нашелъ въ себѣ гдѣ-то ловкость взять стулъ и поставить его немного сзади кресла, въ которомъ, стройно выпрямившись, въ бѣломъ, воздушномъ платьѣ сидѣла она. Василій Евгеньевичъ ушелъ играть въ карты. Софью Евтихіевну послѣ многократныхъ уговоровъ увлекъ танцовать кадриль какой-то купчикъ. Антонъ Валерьяновичъ остался одинъ съ женой инженера. Они вели пустячный разговоръ о деревнѣ, о московскомъ художественномъ театрѣ, гдѣ видѣли, хотя и въ разное время, одну и ту же пьесу, а ихъ блестящіе глаза, полнота и выразительность интонаціи говорили свое, особенное, не похожее на тѣ скучныя, обыденнныя слова, которыми они обмѣнивались. „Я привыкъ къ деревнѣ", говорилъ Антонъ Валерьяновичъ, а его глаза, устремленные на чистый, бѣлый лобъ, на тоненькія дужки бровей и малиновый ротикъ со вздернутой верхней губой,—говорили: „Какъ ты хороша, божественно хороша. Какое счастье быть около тебя".—„А я никогда не была въ деревнѣ", отвѣчалъ таинственный, мелодичный голосокъ, и въ его легкомъ дрожаніи и въ мерцаніи чудныхъ, похожихъ на звѣзды, глазъ Антонъ Валерьянычъ читалъ: „Ты восхищаешься мной, ты любуешься... Что же, ты правъ. И ты самъ такой смѣшной и славный"... Приходили и уходили какіе-то дамы и кавалеры. Нѣкоторые изъ нихъ здоровались съ Антономъ Валерьяновичемъ; онъ совершенно ихъ не помнилъ, но любезно отвѣчалъ на поклоны и вопросы—что̀ именно—онъ ни за что не могъ бы вспомнить черезъ минуту.

Въ залѣ заиграли pas d'Espagne. Въ Буланскѣ онъ былъ новинкой. Лучше всѣхъ танцовала его дочь мирового судьи, пробывшая зиму въ Петербургѣ. Смотрѣть на нее выходили изъ билліардной и изъ-за картъ.

— Пойдемте смотрѣть и мы!—предложилъ милый голосъ. Музыка играла то бойкій, то грустно-страстный танецъ, при звукахъ котораго оживали въ воображеніи южныя ночи, огненно-живая толпа, мужчины въ короткихъ плащахъ и широкополыхъ шляпахъ, женщины въ кружевныхъ мантильяхъ, подобранныхъ розами, трескъ кастаньетъ.

Держась довольно далеко отъ своего кавалера и улыбаясь ему, полузакрывъ глаза, танцовала барышня въ бѣломъ платьѣ и ярко-красномъ корсажѣ. Движенія ея были точны и красивы, слегка запрокинутая голова и улыбка выражали нѣгу; при каждомъ окончаніи восьми тактовъ она высоко взмахивала вѣеромъ и залихватски ударяла ребромъ его по ладони лѣвой руки. Дамы неодобрительно переглядывались; мужчины тихонько апплодировали.

Антонъ Валерьяновичъ смотрѣлъ на танцующихъ и смѣ-

ялся отъ удовольствія, безпрестанно оглядываясь на стройную, почти дѣвическую фигуру, стоявшую рядомъ съ нимъ. Подошла бойкая брюнеточка, компаньонка по катанью, и съ кокетливыми упреками за измѣнчивый нравъ начала звать Антона Валерьяновича танцовать. Антонъ Валерьяновичъ смѣялся и взглядывалъ на милое лицо. Это лицо говорило безъ словъ: „Что-жъ, иди... я позволяю... я буду довольна!..“ Антонъ Валерьяновичъ мысленно продѣлывалъ па танца, выученнаго имъ, какъ-то шутя, въ Петербургѣ, и подавалъ руку брюнеткѣ, готовясь идти танцовать съ нею. Потомъ на него нападалъ страхъ, онъ пожимался отъ внутренняго холодка и растерянно выпускалъ руку дамы изъ своей влажной, холодной руки. Всѣ трое смѣялись.

Осторожно пробираясь между двумя рядами креселъ у стѣны и танцующими, въ залу вошелъ клубный лакей, небольшого роста, въ засаленномъ сюртукѣ, съ измятой, заискивающей физіономіей.

Бочкомъ онъ подошелъ къ Антону Валерьяновичу и, прикрывъ, изъ приличія, ротъ рукой, произнесъ вполголоса:

— Вы вѣдь будете господинъ деревенскій докторъ, пріѣхамши къ Василію Евгеньевичу? Васъ спрашиваютъ.

— Кто?—громко отозвался Антонъ Валерьяновичъ.

— Учитель... Егоръ Матвѣичъ. Въ швейцарской они.

— Что такое? — проговорилъ Антонъ Валерьяновичъ въ недоумѣніи.—Pardon, mesdames, я сейчасъ,—галантно обратился онъ къ дамамъ, и это обращеніе, сопровождаемое легкимъ поклономъ, долгое время спустя рѣзало его сердце стыдомъ.

Въ швейцарской, закутанный въ енотовую шубу, съ мокрымъ отъ таявшихъ снѣжинокъ воротникомъ, расхаживалъ, какъ медвѣдь въ клѣткѣ, учитель Куманинъ. Увидѣвъ подходившаго Антона Валерьяновича, онъ круто повернулся, приподнявъ на секунду съ головы огромную, похожую на поповскую, шапку, и сказалъ, какъ показалось Антону Валерьяновичу, глухо и взволнованно:

— Поѣдемте, пожалуйста, ко мнѣ. У меня дочь опасно захворала.

— Я готовъ... Но отчего же вы заблагоразсудили именно меня пригласить?

— Былъ у двоихъ. Никого дома. Василій Евгеньевичъ играетъ въ карты, не хотѣлось бы его тревожить. Есть еще врачъ... недалеко... желѣзнодорожный... Если вамъ не угодно...

— Нѣтъ, что вы? Я просто освѣдомился. Я съ удовольствіемъ. Ѣдемте,—поспѣшно перебилъ Антонъ Валерьяновичъ.

На секунду въ душѣ молодого доктора сверкнуло удо-

вольствіе при мысли, что его зовутъ на практику и, навѣрное, платную въ чужомъ, незнакомомъ городѣ.

Они вышли. Куманинъ подозвалъ ожидавшаго извозчика. Погода перемѣнилась. Снѣгъ валилъ хлопьями. Темными, неуклюжими громадами стояли не освѣщенные, словно вымершіе дома, кое-гдѣ тускло желтѣли рѣдкіе уличные фонари; на свѣжемъ снѣгу, какъ гнилыя пятна въ яблокѣ, темнѣли слѣды пѣшеходовъ, переходившихъ черезъ улицу.

На Антона Валерьяновича пахнуло знакомой тоской, знакомыми, неотступными мыслями, и онъ поспѣшно началъ вызывать въ своемъ воображеніи лучезарный, сіяющій образъ красавицы, которая только что стояла съ нимъ и улыбалась таинственной, говорящей улыбкой. Онъ дѣлалъ страшныя напряженія воли и не могъ достигнуть того, чего хотѣлъ. Прелестный, живой образъ чуть-чуть мелькнулъ передъ нимъ и пропалъ, какъ будто убѣгая отъ скучной, длинной улицы, отъ скучнаго сѣраго неба, съ падающими тихо и безпрерывно, мокрыми хлопьями снѣга.

Куманинъ дорогой сосредоточенно молчалъ и только раза два потянулъ изъ бутылки, вынутой изъ внутренняго кармана шубы. Антонъ Валерьяновичъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что формой и бѣлѣвшимъ ярлычкомъ бутылка въ совершенствѣ похожа на казенную, монопольную посуду.

Извозчикъ остановился около неуклюжаго дома, съ подвальнымъ этажомъ и некстати прилѣпленнымъ мезониномъ— архитектурная модель, почему-то очень распространенная въ Буланскѣ. Куманинъ, кряхтя, слѣзъ съ извозчика и, отворивъ калитку, пропустилъ Антона Валерьяновича на очень узкій, грязный дворикъ.

— Нажмите пуговку!—крикнулъ учитель.

Антонъ Валерьяновичъ повиновался. Слышно было, какъ гдѣ-то за нѣсколькими стѣнами глухо прозвонилъ колокольчикъ. Прошло двѣ-три минуты. Никто не шелъ отворять. Куманинъ подошелъ самъ и сильно надавилъ кнопку. Опять никакого результата. Куманинъ пробормоталъ крупное ругательство и, прижавъ пуговку, уже не отнималъ отъ нея пальца. Ясно послышался безпрерывный, а въ комнатѣ, навѣрное, оглушительный трескъ звонка. Наконецъ, раздались шаги, загремѣлъ крючекъ. Растрепанная старуха въ розовой рубашкѣ и коротенькой юбченкѣ отворила дверь, высоко держа маленькую жестяную лампочку, сейчасъ же закоптившую при дуновеніи ворвавшагося въ сѣни вѣтра.

— Гдѣ барыня?—отрывисто спросилъ Куманинъ.

— Барыня... уснумши...—отвѣтила старуха, поправляя сползшую съ плеча рубаху и съ любопытствомъ оглядывая незнакомаго барина.

— Ну, идемте!—повелительно кинулъ Куманинъ, выхватилъ изъ рукъ старухи лампочку, отворилъ дверь прихожей и почти втолкнулъ Антона Валерьяновича, едва успѣвшаго сбросить шубу и калоши, въ маленькую гостиную.

— Я сейчасъ!—буркнулъ онъ и куда-то исчезъ.

Антонъ Валерьяновичъ осмотрѣлся. При свѣтѣ закопченной, мигающей лампочки выступала кое-гдѣ обстановка традиціонной провинціальной гостиной: „гарнитурчикъ", крытый малиновой, пеньковой матеріей; бархатная скатерть, на ней растрепанный альбомъ съ отогнутыми, изломанными металлическими украшеніями; голубой, помятый абажуръ надъ массивной лампой. Ни одного уютнаго уголка, ни одной вещицы, обличающей въ хозяевахъ личный вкусъ, привязанность къ чему-нибудь нешаблонному. Отъ всѣхъ предметовъ вѣяло тошною обывательскою жизнью, неудовлетворенностью, скукой, вялыми потугами на комфортъ и приличіе.

Прошло съ четверть часа. Антонъ Валерьяновичъ сидѣлъ, прислонясь къ спинкѣ кресла, и зѣвалъ нервно, утомленно, разъ за разомъ, какъ зѣваютъ пассажиры, дожидающіеся гдѣ-нибудь въ степи поѣзда, опоздавшаго на сутки. Въ головѣ у него не было ни одной мысли, глаза слипались. Гдѣ-то пробило два часа. Молодой докторъ встрепенулся и всталъ. Положеніе начало казаться ему смѣшнымъ, неловкимъ. Онъ прошелся раза два по гостиной, вышелъ въ переднюю, кашлянулъ тамъ довольно выразительно и громко и опять вернулся. Минутъ черезъ пять онъ повторилъ свой маневръ, немного погодя опять повторилъ, каждый разъ ступая все громче и громче и кашляя все выразительнѣе и выразительнѣе. Пробило половина третьяго. Антонъ Валерьяновичъ всталъ съ кресла и позвалъ вполголоса: „господинъ Куманинъ! господинъ Куманинъ!" Ему никто не отвѣтилъ. Онъ пожалъ плечами и пошелъ въ прихожую. Тамъ онъ досталъ съ вѣшалки свою шапку, погладилъ и, подумавъ, снова положилъ на мѣсто и, пожимая плечами, вернулся въ залу. Наконецъ, гдѣ-то близко раздалась перебранка: женскій голосъ говорилъ часто, часто, взвизгивающими интонаціями, со слезами въ горлѣ. Басъ Куманина отрубалъ слова коротко, злобно, съ негодующимъ рычаньемъ. Отворилась боковая дверь. Въ нее быстро прошла фигура Куманина. На ходу онъ крикнулъ:

— Докторъ! Выходите. Жду васъ на дворѣ.

Антонъ Валерьяновичъ всталъ и очутился лицомъ къ лицу съ худощавой, высокой женщиной. Бумазейный капотъ, коричнево-желтый, висѣлъ на ея плоской фигурѣ, какъ на вѣшалкѣ; жиденькіе волосы были схвачены на маковкѣ крошечнымъ, тугимъ узелкомъ; узенькіе ея глазки странно свѣ-

тились между темными пятнами, оставшимися на щекахъ послѣ беременности.

— Я пріѣхалъ къ больной... меня звали...—сказалъ Антонъ Валерьяновичъ, повинуясь вопросу, сквозившему въ лицѣ этой женщины.

— Но у насъ, слава Богу, никого больныхъ нѣтъ. Дочь моя кашлянула раза два съ вечера. Не знаю, кто возьмется считать это за болѣзнь,—отвѣтила женщина насмѣшливымъ, раздраженнымъ голосомъ.

— Я, право, не зналъ... меня позвали... Должно быть, тутъ вышло недоразумѣніе...

— Да-съ! Очевидно, тутъ вышло недоразумѣніе!—подхватила женщина, злобно сверкая своими блестящими глазками и, не отвѣтивъ на поклонъ Антона Валерьяновича, прошипѣла ему вслѣдъ:—Удивляюсь, что нѣкоторые люди находятся... Надо понять, въ какомъ человѣкъ видѣ... Сами, должно быть, таковы...

Куманинъ сидѣлъ на саняхъ, сгорбившись и подперевъ голову обѣими огромными руками. Увидѣвъ выходящаго Антона Валерьяновича, онъ встрепенулся и крикнулъ:

— Докторъ! садитесь сюда! Скорѣй!

— Благодарю васъ,—отвѣтилъ Антонъ Валерьяновичъ сухо.—Я дойду пѣшкомъ.

— Куда вы пойдете? Да что вы на меня сердитесь? За что? Вы и дороги-то не знаете, попадете гдѣ-нибудь въ лужу и до клуба не дойдете, а то кто-нибудь еще наложитъ вамъ по двадцатое число. Правду я говорю, Филаретъ?

— Конечно... Праздничнымъ дѣломъ... наложить могутъ въ лучшемъ видѣ.

— А вы садитесь... Черезъ десять минутъ въ клубъ я васъ предоставлю.

Антонъ Валерьяновичъ подумалъ и сѣлъ въ сани. Куманинъ привѣтствовалъ его дружелюбнымъ рычаньемъ и объятіемъ, отъ котораго доктору сразу стало душно и жарко.

— Въ какое вы меня поставили положеніе? Что вы со мной сдѣлали?—началъ онъ обиженнымъ голосомъ, высвободившись.

— Что я съ тобой сдѣлалъ?—заикаясь, переспросилъ Куманинъ, переходя неожиданно на ты.—Эка важность! А со мной что жизнь сдѣлала? А я вотъ не жалуюсь. Я понимаю, что я самъ никуда не гожусь. Задуплёный я человѣкъ, вотъ я кто. Влѣзъ въ дупло да и задуплился... заросъ тамъ... Проросли корой мои ноженьки, проросли рученьки, нѣтъ мнѣ выхода на вольный свѣтъ. А тоже мечталъ когда-то... Нельзя! Знакомые придутъ, нужно принять, какъ у людей, родные пріѣдутъ, „родители за направленіе обижаются“ у

учениковъ, то есть... пастыри духовные нравоученіе, любя, производятъ, и знаменитый третій пунктъ впереди... Отчего обросъ? Трюмо вонъ изъ Москвы выписали... костюмчики дѣтскіе... дочь невѣстится... соленые огурцы, картошка, капуста... Ты не смѣйся!—выкрикнулъ Куманинъ, самъ плача и смѣясь пьянымъ, истеричнымъ смѣхомъ.—Какъ-то осенью совсѣмъ я было задумалъ уйти отъ жены и отъ жизни этой постылой, ну, а потомъ какъ-то разбился мыслями... то... да другое... такъ вотъ вспоминаю отчетливо... Дѣло, говорю, осенью было, въ числѣ прочихъ разбивающихъ мыслей и эта была: „ахъ, молъ, запасли всего, намочили, насолили, жалко бросить"... Ты думаешь, я надъ Добролюбовымъ не горѣлъ, надъ Толстымъ не билъ себя въ грудь, не плакалъ кровавыми слезами?.. А задаю мальчишкамъ темы: „значеніе рѣкъ". Пересказать своими словами разсужденіе Жуковскаго: „кто истинно полезный человѣкъ", разобрать, опредѣлить красоты... Красоты! Сальныя свѣчи въ него завертывать и то большая честь! У насъ вонъ въ учебникѣ написано на 71 страницѣ, что синтезъ—это значитъ разложеніе, а анализъ—соединеніе... Терплю... Мальчишки нѣкоторые стали выражать сомнѣніе: „Нечего, молъ! Учи, какъ написано!" Ты на меня не сердишься?

— Нѣтъ, не сержусь,—отвѣчалъ Антонъ Валерьяновичъ, которому уже и самому неумѣстнымъ показался его сухой тонъ и напыщенное: „благодарю васъ, я самъ дойду".

— Ну, а по этому случаю надо закурить! Филаретъ, спичекъ у тебя нѣтъ?

— Никакъ нѣтъ.

— Ну, и у меня нѣтъ.—Куманинъ жестоко выругался.—Стой. Завертывай къ части.

Передъ глазами Антона Валерьяновича выросла высокая, черная каланча, съ огонькомъ гдѣ-то на самомъ верху, тускло мерцавшимъ круглой звѣздочкой съ расходящимися, красноватыми лучами. Мало-по-малу въ сѣромъ влажномъ сумракѣ, лишь слегка оттѣненномъ бѣлѣвшейся, мокрой дорогой, Антонъ Валерьяновичъ различилъ длинный навѣсъ и очертанія какихъ-то машинъ подъ нимъ. На пьяный, раскатистый окликъ Куманина: „дневальный!" вынырнула откуда-то изъ глубины черной пасти воротъ темная фигура въ коротенькой поддевкѣ.

Куманинъ велѣлъ мужику подойти поближе и зажечь спичку.

— А... Никонъ Симоновъ! Святая душа!—пробормоталъ онъ, вглядѣвшись.

— Такъ точно, ваше благородіе. Благодаримъ, что завсегда признаете.—Спичка вспыхнула, освѣтила на мгновеніе

русую съ просѣдью бороду съ тающими на ней снѣжинками, крупныя, добродушныя губы, и потухла, даже не мигнувъ.

Куманинъ опять выругался и вылѣзъ изъ саней. Началась процедура зажиганія, сопровождаемая соболѣзнующими охами „святой души" и ругательствами Куманина. Сзади раздался говоръ бубенчиковъ. Пискливые, женскіе голоса нестройно вперебивку выкрикивали какую-то исковерканную шансонетку. Въ хоръ безпрестанно врывался молодой, дикій басъ. Обрисовалась черная, движущаяся масса, и къ навѣсу подъѣхали огромныя сани со свѣсившимся ковромъ. Извозчикъ Куманина отъѣхалъ въ сторону. Кучеръ остановилъ лошадей пьянымъ, усталымъ голосомъ. Никонъ Симоновъ, Куманинъ и даже Антонъ Валерьяновичъ съ любопытствомъ оглядывали тройку. Съ балкончика каланчи свѣсилась голова часового, привлеченнаго шумомъ. Въ саняхъ перестали пѣть и послышался притворный смѣхъ, какимъ смѣются приблизительно всѣ женщины, когда чувствуютъ, что на нихъ обращаютъ вниманіе. Извозчикъ, раньше другихъ приглядѣвшись къ тѣсно насаженнымъ, колѣнями вмѣстѣ, женскимъ фигурамъ, произнесъ полупрезрительно, полузавистливо:

— Дѣвки... Цѣлый домокъ, видно, откупили...

— Извѣстно, цѣлый... Развѣ Тимоѳей Тимоѳеевичъ могутъ не цѣлый?—отвѣтилъ кучеръ заплетающимся языкомъ.

Изъ глубины саней, съ колѣнъ визжащихъ женщинъ поднялся лежавшій навзничь очень высокій, молодой человѣкъ въ барашковой шапкѣ и длинномъ, франтовски сшитомъ полушубкѣ.

— Дневальный! Штопоръ! — закричалъ онъ дерзкимъ, сиплымъ басомъ.

— Вотъ счастье-то! Въ карманѣ онъ у меня ваше благородіе. Третьяго дня еще дядю пивомъ угощалъ! Вотъ натека, батюшка!

Освобожденныя отъ тяжести, женщины, копошась, падая и ругаясь, вылѣзли изъ саней и сгруппировались около навѣса, разминая отсиженныя ноги. Куманинъ подошелъ къ нимъ ближе. Три изъ нихъ распахнули свои длинныя, прямыя шубы, потомъ быстро запахнули ихъ и шарахнулись въ сторону. Заинтересованный Куманинъ сдѣлалъ шагъ къ нимъ навстрѣчу. Онѣ опять повторили тотъ же маневръ, на этотъ разъ уже всѣ. Никонъ Симоновъ хлопнулъ себя по бедрамъ.

— Господи, Іисусе Христе, да онѣ нагишомъ!—вскрикнулъ онъ.

Женщины дружно засмѣялись.

— Ну, сукины дочери, лакайте!—сказалъ молодой человѣкъ, все время съ проклятіями и скрипомъ зубовъ возив-

шійся надъ раскупориваніемъ бутылки. — По-очереди! Не обливаться. У которой будетъ морда мокрая—сѣномъ вытру.

— Послушайте, господинъ Куманинъ, вы ѣдете или нѣтъ?—раздался взволнованный, негодующій голосъ Антона Валерьяновича.—Я ухожу...

— Нѣтъ, вы не уйдете, вы мнѣ прежде дорогу дадите!—злобно перебилъ молодой человѣкъ въ полушубкѣ. — Не знаю, какъ васъ величать, возчествовать, а жалаете—пожалуйте: выходи одинъ на одинъ!—продолжалъ онъ, подступая къ извозчичьимъ санямъ.

— Что за дикая сцена!—пробормоталъ Антонъ Валерьяновичъ.

— А-а! То-то дикая!.. Ну, вши, ползите, вколачивайтесь. Вотъ тебѣ трешница, дневальный! За догадку. Бери и другую бутылку шампанскаго. Выпей за здоровье Тимоѳея Тимоѳеевича.—Онъ дико, пронзительно визгнулъ: „робя, грабятъ“ и бросился поперекъ саней. Женщины, какъ по командѣ, зачастили шансонетку, бубенчики заговорили, загремѣли, и тройка медленно поползла куда-то внизъ.

Въ воздухѣ неожиданно прозвучалъ ударъ церковнаго колокола. Другой, третій... Медленно гудѣли другъ за другомъ печальные, однотонные удары.

— Грѣховъ-то, грѣховъ-то... Люди молиться идутъ... — промолвилъ Никонъ Симоновъ привычно-лицемѣрнымъ голосомъ, тяжело вздыхая и заворачивая полу поддевки, чтобы запрятать подальше въ жилетку полученную отъ Тимоѳея Тимоѳеевича трехрублевку.

— Заждались, голубчикъ вы мой,—разнѣженно заговорилъ Куманинъ, съ трудомъ влѣзая въ сани.—Вотъ вамъ... культура и князи міра сего... наши хозяева—капиталъ... Душа милая, я вотъ что тебѣ скажу...

— Извозчикъ! Поѣзжай въ клубъ! — перебилъ Антонъ Валерьяновичъ.

Куманину не понравился его окрикъ.

— Ты что же,—началъ онъ тихо, все повышая и повышая тонъ.—Взлѣзъ на чужія сани, на чужую лошадь и командуешь!.. Филаретъ, поѣзжай къ Гнилой-Мордѣ. Я велю. Знаешь?

— Кто тетеньку не знаетъ?

— Нѣтъ, это, Богъ знаетъ, что такое. Пустите меня, пожалуйста. Зовете меня неизвѣстно зачѣмъ, возите по всему городу...

Озябшіе пальцы Антона Валерьяновича тщетно старались отстегнуть туго натянутую басонную петлю на полости.

— А ты не карабкайся... Жарь, Филька, наяривай во всю мочь. Знаешь Егорку Куманина?—ревѣлъ учитель, крѣпко

охватывая своей тяжелой лапой талію Антона Валерьяновича.—Я тебя звалъ? Расходовалъ твое время? Гонораръ! Получи гонораръ.—Лѣвой рукой изъ того кармана, гдѣ хранилась бутылка съ водкой, онъ досталъ серебряный рубль и сунулъ его въ руку Антона Валерьяновича. Теплый, непріятно липкій металлъ коснулся пальцевъ доктора и заставилъ его инстинктивно сжать кулаки.

— Да вы съума сошли! — закричалъ онъ.—Остановите сію минуту лошадь. Уберите ваши деньги. Я ихъ не возьму!

— Нѣтъ, врешь, возьмешь! Филька, жарь!—Куманинъ пересыпалъ свои слова ругательствами, одно другого забористѣе.

— По какому праву вы меня оскорбляете? Что я вамъ за „ты“?

— А то „вы“? Да ты кто? Ты какъ себя понимаешь? Я тебя раскусилъ, ого! Василій Евгеньичъ Гурьяновъ—буржуй, но онъ—сильный, откровенный буржуй. Я у него водку пью и пить буду. А ты трусливый, подленькій слизнячишко. Сочувственникъ! Ничтожество! Всю жизнь будешь только охать да ахать. Формулу себѣ выработалъ, навѣрное: „Хотя медленно, но неуклонно подрывать основы того, что считаешь неправильнымъ“. О, рыло свиное! Что ты подроешь?! Себя самого. Сгинешь гдѣ нибудь старымъ, нищимъ, безполезнымъ!.. Народу служить? Что ты можешь? Гдѣ твоя личность? Народъ глупѣе тебя, что-ли? Онъ видитъ, что ты весь—фальшь. Шкуренку свою бережешь, за сто рублей на всякіе компромиссы идешь. А внутри что-то мельтешится. Схватишь кусочекъ и мяукнешь: пардонъ, дескать, месье и медамъ. Мразь! Гдѣ твоя личность?! Посмотрѣлъ я на тебя за обѣдомъ, эхъ! А сейчасъ Тимошкѣ Суслопарову ничего не могъ сказать?! Было бы у тебя внутри, ты не вякалъ бы, ты бы ему такое слово сказалъ!.. Ты только тѣхъ людей компрометтируешь, съ которыми за одно себя считаешь. Живешь кисло, подло, скучно... Сочувственникъ несчастный! Гдѣ твоя личность?

Извозчичья лошаденка неслась вскачь. Филаретъ натягивалъ возжи и съ видимымъ удовольствіемъ слушалъ ругательства Куманина, изрѣдка только, приличія ради, произнося:

— Егоръ Матвѣичъ, а вы... будетъ! Нехорошо, чай. А вы полноте-ка, Егоръ Матвѣичъ.

Антонъ Валерьяновичъ, закусивъ губы, тщетно старался отстегнуть полость.

Лошадь круто свернула въ переулокъ.

— Стой!—дикимъ голосомъ закричалъ Куманинъ.—Стой!

— Аль случилось что?

— Рубль потерялъ. Ну-ка, пинцетъ, подвинься!

— Да гдѣ онъ у васъ былъ?

— Да вотъ этой чертовой куклѣ давалъ... въ лѣвой рукѣ.

— Онъ, должно, черезъ сани перекатился.

Антонъ Валерьяновичъ отстегнулъ, наконецъ, петлю и вышелъ изъ саней. Въ груди у него ходила внутренняя дрожь, губы кривились и никакъ не могли произнести то слово, которое онъ хотѣлъ... Куманинъ уже вылѣзъ съ другой стороны и, стоя на четверенькахъ, шарилъ въ снѣгу.

— Я считаю лишнимъ... препирательства... съ такимъ возмутительно-пьянымъ человѣкомъ... — выговорилъ, наконецъ, Антонъ Валерьяновичъ кое-какъ и пошелъ, спотыкаясь, впередъ.

— Назадъ верни, верни назадъ! Не туда взялъ...—крикнулъ Филаретъ добродушно. — Что, Егоръ Матвѣичъ, не нашли? Ну-ко-сь, я съ вами.

Куманинъ грузно сѣлъ на снѣгъ.

— Удираешь?—бѣшенно заоралъ онъ.—Постой, постой... Я те догоню... Я те всыплю... Ахъ, ты!

Онъ хотѣлъ встать и не могъ.

— Да не трогъ его, Егоръ Матвѣичъ. Пусть идетъ. Что намъ въ ёмъ? Ищите-ка рубль-то.

Онъ завернулъ возжи за передокъ и, въ свою очередь, принялся ползать по снѣгу.

Антонъ Валерьяновичъ шелъ со всею скоростью, на какую былъ способенъ. Передъ нимъ разстилалась узкая, гористая улица, съ темными, маленькими трехъоконными домишками. Небо сѣрѣло. Гдѣ-то далеко внизу мерцало желтоватое пламя одинокаго уличнаго фонаря. Все только что происшедшее казалось Антону Валерьяновичу неразсѣвающимся ужаснымъ сномъ. Вдали зачернѣла какая-то фигура. Антонъ Валерьяновичъ впился въ нее глазами, стараясь что нибудь различить. Отвратительный страхъ затруднялъ ему дыханіе, отнималъ ноги, потерявшіе всякую упругость.

— Кто такой? — отрывисто спросила фигура, поровнявшись.

— Докторъ Хрущовъ,—отвѣтилъ Антонъ Валерьяновичъ, замирая при мысли, что вотъ сейчасъ случится что-то ужасное, неизбѣжное.

— Постовой я,—отрывисто промолвилъ человѣкъ и исчезъ, какъ будто на одно только мгновеніе вынырнувъ изъ сѣтки падающаго снѣга.

Пройдя нѣсколько шаговъ, Антонъ Валерьяновичъ повернулъ назадъ на гору и окликнулъ постового, прося показать дорогу въ клубъ.

— Да не вы ли давеча съ господиномъ Куманинымъ проѣхали, я на посту стоялъ?—освѣдомился полицейскій и, выслушавъ утвердительный отвѣтъ, словоохотливо добавилъ:— Я, пожалуй, провожу. Я на посту стоялъ, васъ примѣтилъ. Они у насъ первый учитель. До обѣда учатъ въ гимназіи, тамъ учениковъ принимаютъ... Вотъ только находитъ на нихъ... Это самое... Конечно, оченно добрый господинъ... ну, временемъ скандалъ отъ нихъ порядочный.

Изъ клуба почти всѣ разъѣхались. Лампы чадили. Утомленный лакей гасилъ ихъ, становясь ногами прямо на стулья. Въ остывшемъ воздухѣ ходили клубы вонючаго, табачнаго дыма. На паркетѣ валялись окурки, бумажки, какіе-то обрывки. Въ швейцарской Антонъ Валерьяновичъ встрѣтилъ инженера съ женой. Томные, отяжелѣвшіе, но все же сверкающіе необыкновенной красотой глаза съ удивленіемъ взглянули на него. Онъ слегка поклонился. Тысячу лѣтъ прошло, казалось, съ тѣхъ поръ, какъ онъ, счастливый, стоялъ около нея въ какой-то пышной, богатой залѣ и смотрѣлъ pas d'Espagne. Антонъ Валерьяновичъ взглянулъ мелькомъ въ лицо жирнаго пожилого инженера, и глубокое отвращеніе къ женщинамъ, къ ихъ любви заставило нервно вздрогнуть его горячее отъ ходьбы, истомленное тѣло.

Софьи Евтихіевны уже не было въ клубѣ. Василій Евгеньевичъ разыгрывалъ послѣдній штрафъ и ничуть не удивился внезапному появленію товарища.

Антонъ Валерьяновичъ сѣлъ около Гурьянова, все время испытывая впечатлѣніе какого-то сна на яву и чувствуя, что ему нужно проснуться, что-то рѣшить, подумать о чемъ-то существенно важномъ. Тусклое пламя свѣчъ расходилось передъ глазами острыми тоненькими лучами. Голова кружилась и мысль не давала ни одного опредѣленнаго образа.

— Э, братъ! Спишь?—услыхалъ онъ грубо-шутливый, веселый голосъ Гурьянова.—Поѣхали домой. Нынче маленько поиграли. Будетъ на покаяніе много-грѣшной души.

Дома Антонъ Валерьяновичъ заговорилъ о томъ, что уѣдетъ рано, часа черезъ три, и проситъ передать свое извиненіе Софьѣ Евтихіевнѣ, съ которой не успѣлъ проститься въ клубѣ. Василій Евгеньичъ не далъ ему кончить, подошелъ, началъ трясти его руку и, ласково глядя въ глаза товарищу, сказалъ съ чувствомъ:

— Спасибо, что пріѣхалъ. Я очень былъ радъ... видѣть... поговорить о прошломъ... Ты меня тронулъ. Служба вотъ только эта проклятая, минуты нѣтъ свободной... Сонечкѣ передамъ, передамъ... Вздумается, еще пріѣзжай... Я искренно буду радъ.

Антонъ Валерьяновичъ вздохнулъ съ облегченіемъ, когда хозяинъ дома отправился, наконецъ, спать. Хрущовъ подошелъ къ дивану, на которомъ бѣлѣли подушки, и, сѣвши на него, глубоко задумался...

Какъ вереницы перелетныхъ птицъ, проносились передъ его глазами картины то дѣтства, то юности, то недавней поры жизни, связанныя какой-то общей, слабо уловимой связью. И все время къ этимъ картинамъ примѣшивалось воспоминаніе о чемъ-то значительномъ, остро-непріятномъ, съ чѣмъ придется еще считаться.

Мозгъ Антона Валерьяновича болѣлъ отъ напряженія, отъ вихря сшибающихся, быстро пролетающихъ мыслей... Онъ раздѣвался медленно, съ большими промежутками снимая одну принадлежность туалета за другой, и долго еще сидѣлъ на диванѣ, сжавъ руки и нахмуривъ тонкія, подвижныя брови.

Въ эти три часа, до тѣхъ поръ, пока горничная разбудила его извѣстіемъ, что лошади готовы, Антонъ Валерьяновичъ принимался нѣсколько разъ дремать. Ему, какъ будто на яву, слышались порхающіе, смѣющіеся звуки вальса; онъ ощущалъ близость стройной фигуры въ бѣломъ платьѣ, видѣлъ смуглое личико и похожія на звѣзды глаза... Картина мѣнялась. Онъ шелъ въ незнакомомъ городѣ. Гдѣ-то мерцалъ свѣтъ. Ему нужно было туда, но враждебная, злая сила толкала его въ противоположную сторону, гдѣ темнѣли развалины зловѣщихъ, мрачныхъ домовъ. Ноги двигались помимо его воли, онъ упирался, но всетаки подвигался и вдругъ падалъ въ глубокій, рыхлый снѣгъ, дѣлалъ отчаянныя усилія, чтобы выпрыгнуть, и погружался въ сыпучую пучину все ниже и ниже, а голосъ Куманина гремѣлъ сверху: „Развѣ ты личность?“ И все-же сонъ не былъ бы такъ ужасенъ, если-бы передъ смертью Антонъ Валерьяновичъ успѣлъ рѣшить то важное, неизбѣжное, съ чѣмъ ему необходимо было покончить...

На дворѣ уже совершенно разсвѣло, когда онъ выѣхалъ въ Бѣлоталовое. Дулъ сильный вѣтеръ, снѣгъ пополамъ съ дождемъ шелъ, не переставая. Городъ совершенно измѣнилъ свой видъ.

Дома стояли, какъ выморочные; лавки были заперты, ихъ зеленыя массивныя двери рѣзко нарушали общій похоронный колоритъ. На улицахъ, прикрытыхъ бѣлой тающей пеленой, виднѣлись только рѣдкіе слѣды; по мокрому тротуару тянулись другъ за другомъ старухи въ длинныхъ шубахъ и черныхъ платкахъ, надвинутыхъ на самые глаза. Перемежаясь длинными интервалами, раздавались скучные, медленные удары великопостнаго звона.

На рѣкѣ съ неба и до земли виднѣлись лишь крутящіеся, снѣжные хлопья. Сквозь бѣлую мглу неясно обрисовывались мачты обсохшихъ съ осени судовъ и трубы заводовъ. Берега сравнялись цвѣтомъ и видомъ съ рѣкой, запорошились всѣ дороги и полыньи.

Антонъ Валерьяновичъ прикрылъ лицо отъ колющаго вѣтра воротникомъ чапана и погрузился въ свои мысли. И снова онъ вздрагивалъ, какъ отъ обжога, при воспоминаніи объ оскорбленіяхъ, выслушанныхъ имъ отъ Куманина, и снова чувствовалъ, что въ этихъ оскорбленіяхъ лежитъ еще не самое худшее. Мятель кружилась и вилась. Звенѣлъ колокольчикъ. Парень-ямщикъ покрикивалъ протяжно-предостерегающе. Антонъ Валерьяновичъ не могъ отдать себѣ отчетъ, какимъ образомъ онъ заснулъ крѣпкимъ, освѣжающимъ сномъ. На станціи онъ проснулся. И то, что онъ долженъ былъ вспомнить, окончательно рѣшить и привести въ связь со всей своей жизнью,—стояло въ его мозгу готовымъ, безусловно вѣрно рѣшеннымъ. Это была мысль: *Куманинъ правъ*.

Антонъ Валерьяновичъ не пошелъ въ избу къ ямщикамъ. Пока перепрягали лошадей, онъ стоялъ на крыльцѣ, занесенномъ снѣгомъ, и съ усиліями, въ которыхъ, не смотря на всю ихъ тяжесть, чувствовалось что-то радостное, начиналъ новую умственную работу, отпиралъ двери своей духовной жизни ключемъ, имя которому было: *Куманинъ правъ*.

Какъ мучился онъ, Антонъ Валерьяновичъ за два послѣдніе года своей жизни, да и раньше, кончая курсъ... Жить такъ дальше не хватало силъ... Онъ и самъ пришелъ бы скоро къ извѣстнымъ выводамъ, къ тому, что Куманинъ правъ. Татьяна... Какой ужасъ! А вѣдь онъ тысячу разъ подыскивалъ и переворачивалъ въ умѣ доводы, оправдывающіе его связь... Когда же собственно это началось? Началось съ того самого момента, когда онъ, окончивъ курсъ и получивъ мѣсто врача, не принялся строить свою жизнь по тѣмъ идеаламъ, которые ярко въ общемъ и смутно въ подробностяхъ рисовались въ его головѣ, а незамѣтно, безъ борьбы легъ въ старыя, изношенныя, чуждыя ему по духу, формы, сшилъ себѣ сюртукъ, дѣлалъ визиты, служилъ молебны, изъ вѣжливости былъ любезенъ съ людьми, которыхъ и на порогъ пускать не слѣдовало бы, изъ тактичности выслушивалъ возмутительные, пошлые разговоры... И жизнь жестоко отомстила ему. Она засосала, смяла, обезличила его прежде, чѣмъ онъ успѣлъ опомниться. Мучительно рѣзнуло его сердце воспоминаніе о томъ, какъ онъ, желая быть пріятнымъ предсѣдателю управы, сказалъ, что въ больницѣ еще можно работать...

А какъ посмотрѣлъ на него умирающій Тимоѳей, кото-

рому онъ солгалъ... Какъ мучительно-постыдны были всѣ его разговоры, всѣ отвѣты на разспросы, адресуемые ему разными лицами, начиная отъ товарищей-врачей и кончая сторожемъ Михайлой. У него не было силъ поставить никого изъ нахально спрашивающихъ на мѣсто, не было силъ поговорить ни съ кѣмъ изъ дружески-настроенныхъ правдиво, искренно... Куманинъ былъ правъ. Отчего онъ, Антонъ Валерьяновичъ, не смѣлъ взглянуть никому прямо въ глаза? Оттого, что вся его жизнь была трусливая, рабская ложь... Отчего у него не выростало никакой связи, никакихъ близкихъ отношеній съ крестьянами? О! все оттого же!

Антону Валерьяновичу было душно и жарко отъ наплыва мыслей, и, вмѣстѣ съ безпокойнымъ волненіемъ, съ стремленіемъ бѣжать куда-то скорѣй одному,—въ его душѣ выростало и крѣпло чувство большой хорошей рѣшимости.

Въ лѣсу мятель была почти незамѣтна. Только вверху между иглистыми верхушками шелъ неясный, рокочущій говоръ. Колокольчики звенѣли глухо. И вдругъ ямщикъ съ удивленіемъ обернулся, неловко ворочая шеей, туго обвязанной потерявшимъ цвѣтъ гаруснымъ шарфомъ. Пассажиръ его смѣялся. На ямщика глянули два добрыхъ, сѣрыхъ глаза, лучившихся отъ смѣха.

— Ты чего это?—спросилъ парень съ любопытствомъ.

— Такъ... Подумалъ, какъ слѣдуетъ, о своей жизни и смѣюсь,—отвѣтилъ Антонъ Валерьяновичъ, продолжая улыбаться.

Въ Бѣлоталовое онъ пріѣхалъ уже ночью. Татьяна, заспанная, сердитая, отворила дверь, ворча подъ носъ себѣ какія-то ругательства, но, встрѣтивъ взглядъ Антона Валерьяновича, замолчала, нѣсколько удивленная, и начала таскать вещи въ комнаты. Антонъ Валерьяновичъ ушелъ въ свой кабинетъ, спросилъ огня и черезъ четверть часа позвалъ Татьяну. Въ ладонь лѣвой руки онъ зажалъ стопочку золотыхъ монетъ. Въ его письменномъ столѣ отъ полутораста рублей, которые онъ накопилъ для микроскопа, осталось только пятьдесятъ. Услышавъ шаги Татьяны, онъ быстро выдвинулъ ящикъ и вынулъ изъ него деньги.

— Вотъ, Татьяна,—заговорилъ онъ, смотря женщинѣ прямо въ лицо и протягивая ей золото,—все, что я могу тебѣ дать. Не сердись на меня. Ребенка у тебя, я знаю, не будетъ Возьми и завтра пораньше уходи домой.

Татьяна взяла деньги, растерянно посмотрѣла кругомъ и вымолвила грубо:

— А какъ же посуду?

— Оставь все, какъ есть,—отвѣтилъ Антонъ Валерьяновичъ кротко.

Татьяна постояла еще, молча поклонилась хозяину въ ноги и ушла.

„Посуда? А гдѣ я въ самомъ дѣлѣ буду завтра обѣдать?“

„Грибы... картошка... капуста“... весело вспомнилось Антону Валерьяновичу. Онъ вздохнулъ широко, свободно, съ чувствомъ физическаго облегченія. Онъ чувствовалъ, что прорвался огромный, гнойный нарывъ, мѣшавшій ему дышать и жить.

Со двора глядѣла темная, скучная ночь, но для Антона Валерьяновича она была полна счастья, молодости, окрыляющихъ грезъ. Въ эту ночь онъ рѣшилъ жить такъ, какъ хотѣлъ и какъ помѣшала ему слѣпая, страшная сила протоpенныхъ дорожекъ. Онъ готовъ былъ плакать отъ радости, отъ безумно-счатливаго чувства свободы. Мысли, то укоряющія, то ласкающія душу, взлетали въ его головѣ, какъ искры на пожарѣ, и всѣ онѣ сулили ему новую жизнь... Онъ зналъ теперь, что ему доставитъ огромное нравственное удовлетвореніе жить, какъ во времена студенчества, на двадцать, нѣтъ, на пятнадцать рублей въ мѣсяцъ, ходить въ русской рубашкѣ, имѣть одинъ и тотъ-же пиджакъ для всѣхъ случаевъ, отложить всякую мысль о микроскопахъ. Онъ зналъ, что будетъ счастливъ, отказавшись разъ навсегда отъ вечеровъ съ разряженными, оголенными женщинами, отъ дорого стоющихъ кушаній, отъ желанія близости съ женщиною, хотя-бы даже съ такой красавицей, какъ жена инженера, о которой осталось у него какое-то смутное, будящее стыдъ, воспоминаніе... Онъ чувствовалъ, что нервы его какъ-бы выпрямляются, дѣлаются крѣпкими, упругими, какъ послѣ снятаго съ нихъ тяжелаго гнета...

Ходя взадъ и впередъ по комнатѣ, онъ подошелъ къ окну.

Сквозь стекла, отражавшія холодный свѣтъ лампы, глядѣла черная, влажная ночь. Кругомъ все, казалось, вымерло. Только черезъ дорогу въ амбулаторіи свѣтился огонекъ.

Въ Антонѣ Валеріановичѣ сейчасъ-же вспыхнуло профессіональное чувство врача. Онъ быстро накинулъ шубу и вышелъ посмотрѣть, отчего въ аптекѣ огонь — не привезли-ли какого-нибудь больного.

За стойкой, отдѣлявшей аптеку отъ пріемной, сидѣла Раиса Викторовна и работала надъ составленіемъ какой-то мази. Увидѣвъ вошедшаго доктора, она встала и, тихо улыбаясь, проговорила:

— Я чувствовала, что вы придете... Вы хотите узнать о Тимоѳеѣ?

— Онъ умеръ, навѣрное?

— Да...—На глазахъ Раисы Викторовны навернулись слезы,

и никогда еще ея лицо, лицо сестры, не казалось Антону Валерьяновичу такимъ прекраснымъ и одухотвореннымъ.

— А я вотъ пришла поработать,—заговорила она послѣ недолгаго молчанія.—Не могу заснуть... Вчера у меня былъ Никифоръ. Приходилъ прощаться. Мы говорили много: о религіи... о всемъ... Знаете,—продолжала она, взглядывая въ лицо Антона Валерьяновича и вся оживляясь,—къ какому выводу я пришла: къ печальному выводу, что, если я не говорю съ Никифоромъ и съ другими мальчиками такъ, какъ говорила бы съ гимназистами ихъ лѣтъ, то вовсе не потому, что Никифоръ не понялъ бы меня, а потому, что я *боюсь*. Боюсь чего-то неопредѣленнаго, а потому еще болѣе страшнаго... Поэтому-то я ничего и не могла дать. О, мой страхъ всякому замѣтенъ. Онъ унизителенъ глубоко. Я измучилась въ этой борьбѣ... Но силъ моихъ больше нѣтъ. Пусть будетъ, что будетъ...

— И что же Никифоръ?

— Онъ задумался, заинтересовался, хотѣлъ придти опять... скоро...

Антонъ Валерьяновичъ прошелся раза два по узенькому пространству за аптечной стойкой, потомъ рѣшительно шагнулъ къ Раисѣ Викторовнѣ и сѣлъ около нея. Рѣчь его потекла, какъ хлынувшая въ поднятыя шлюзы, пѣнящаяся вода. Онъ то смѣялся, то кусалъ губы, чтобы не заплакать, то вскакивалъ со стула. Онъ обнажалъ свою душу; ненавидѣлъ прошлое и шелъ, ликуя, навстрѣчу чудному будущему...

О. Рунова.

ПЕПЕЛИЩЕ.

Романъ *Ст. Жеромскаго.*

Переводъ съ польскаго Н. Ю. Татарова.

Солдатская доля.

На слѣдующій же день князь Гинтултъ уѣхалъ изъ Венеціи. Онъ получилъ извѣстіе, что вождь польскихъ легіоновъ находится или въ Веронѣ, или въ Монтебелло. Особенно указывали на Монтебелло, такъ какъ тамъ былъ главнокомандующій, окруженный, подобно коронованной особѣ, министрами Австріи, Рима, Неаполя, Сардиніи, Генуи, несчастной Венеціи, Пармы, швейцарскихъ кантоновъ и германскихъ государствъ. Князь Гинтултъ рѣшилъ протестовать противъ грабежа венеціанскихъ батальоновъ въ пользу Франціи. Возмущенный всѣмъ видѣннымъ, онъ стремительно направился на лошадахъ въ Падую, но въ дорогѣ мало-по-малу овладѣлъ собой.

Сѣрое, печальное небо было покрыто дождевыми тучами, поля на необозримое пространство поросли виноградными кустарниками и оливковыми деревьями, съ увядшими, серебристо-сѣрыми, будто инеемъ покрытыми, листьями. Вдали виднѣлись миндальныя, фиговыя деревья, тѣнистые каштаны, персики и дикіе гранаты, густо разросшіеся на плодородной землѣ. Деревья, отдавъ человѣку свой плодъ, предавались теперь отдыху. Только виноградныя кисти еще кое-гдѣ тяжело висѣли на нѣжныхъ вѣтвяхъ. Сонными глазами блуждалъ князь по благоухающимъ холмамъ, окружающимъ Падую.

Въ тотъ-же день, по широкой дорогѣ, усаженной липами, онъ достигъ Вероны. Прежде чѣмъ отыскать мѣстопребываніе генерала, онъ хотѣлъ осмотрѣть городъ, котораго не зналъ. Онъ безъ труда нашелъ римскій амфитеатръ и другія мѣстныя достопримѣчательности, но не того онъ искалъ: его влекло къ Веронѣ имя Юліи... Князь чувствовалъ невы-

разимую прелесть этой созданной воображеніемъ поэтовъ нѣжной веронской дѣвушки. Онъ ясно представлялъ себѣ ея лицо, помнилъ каждое ея слово, правдивое и прямое, полное любви. Подъ дивнымъ осеннимъ небомъ Вероны, которое сообщало бодрость и придавало силу и вѣру въ себя, какъ объятія друга, онъ бродилъ по улицамъ наугадъ. Онъ мечталъ наяву... Здѣсь, казалось, ждетъ его счастье... Уже темнѣло. Ему казалось, будто его самого ждетъ въ волшебномъ дворцѣ Юлія Капулети. „Ужъ ты идешь? Еще не скоро день... То соловья, не жаворонка голосъ въ твой боязливый слухъ ворвался звономъ... Ночью всегда поетъ онъ на гранатѣ... Повѣрь мнѣ, милый, это соловей!..“ Къ кому обращены эти безумно-счастливыя слова? Чтò это зарыдало въ груди, оборвалось и замерло?.. „Нѣтъ! жаворонокъ это—вѣстникъ утра, не соловей! Взгляни, любовь моя: завистливые лучи ужъ ярко край востока золотятъ... Сгорѣли свѣчи ночи, веселый день всталъ на высяхъ горъ туманныхъ“... Прошла волшебная ночь юности. Сгорѣли ея свѣчи...

Князь попросилъ прохожаго указать ему домъ Юліи, и вскорѣ былъ уже у его воротъ. Онъ увидѣлъ ободранный домишко, въ которомъ помѣщался плохой кабакъ. Въ глубинѣ волшебнаго дворца—кучи навоза, распространявшія ужаснѣйшую вонь. „Счастливая, о, счастливая ночь! Боюсь я только: не сонъ ли это? сонъ слишкомъ сладкій, чтобъ могъ быть правдой!..“ Недобрая улыбка промелькнула на губахъ князя, когда онъ вспомнилъ эти слова поэта...

Князь поплелся дальше по незнакомымъ улицамъ, подавленный тяжелымъ разочарованіемъ. Онъ блуждалъ безъ цѣли. Ночь сгустилась совсѣмъ, прохожихъ было все меньше, а тѣ, которые попадались, несли зажженные фонари. Луна взошла на небо. При ея смутномъ свѣтѣ выступали изъ тѣни волшебныя зданія и башни. Вотъ блѣдно освѣщенный, мраморный дворецъ. Арки и карнизы оконъ, балконы, портики, крыши отбрасывали причудливыя тѣни на стѣны сосѣдняго дворца...

На улицахъ ни души. Городъ какъ будто вымеръ. Даже изъ центра не доносился шумъ. Было безмолвно, какъ на кладбищѣ.

Князь присѣлъ на выступѣ стѣны и погрузился въ свои мысли. Вдругъ изъ темнаго переулка послышался шумъ шаговъ, громко раздававшійся на пустынной площади. Прямо на князя шелъ отрядъ солдатъ. Гинтултъ отошелъ въ сторону и хотѣлъ уйти по направленію къ площади dell'Erbe, но начальникъ отряда обратился къ нему и что-то сказалъ. Князь ничего не понялъ и пошелъ дальше. Тогда нѣсколько солдатъ окружили его и силой потащили къ офицеру. Офи-

церъ на ломанномъ итальянскомъ языкѣ сталъ строго спрашивать князя, почему у него нѣтъ фонаря, какъ его имя, откуда и куда онъ идетъ... Князь ничего не отвѣтилъ, и его втолкнули въ середину колонны и заставили маршировать вмѣстѣ съ солдатами. Прошли нѣсколько десятковъ шаговъ. Вдругъ князь услышалъ рядомъ съ собой шепотъ. Одинъ солдатъ обратился къ другому на чистомъ польскомъ языкѣ:

— Чортъ побери, полночь на носу, а тутъ шатайся по темнымъ угламъ, да лови бродягъ... Спать охота, носомъ клюешь, а гоняйся за ними!

— Выспишься еще, только бы пробраться за рѣку, да найти стогъ сѣна...

— Смирно! Въ строю не бормотать!

— Ишь ты!

— А вы, братцы, изъ какихъ мѣстъ?—спросилъ князь громкимъ голосомъ.

Впечатлѣніе отъ этихъ словъ было такъ велико, что солдаты безъ приказанія остановились. Даже строгій начальникъ отряда нарушилъ строй и протискался между солдатъ.

— Полякъ?—съ воинственнымъ выраженіемъ въ лицѣ спросилъ двадцатилѣтній воинъ, когда свѣтъ фонаря упалъ на лицо князя.

— Полякъ.

— Фамилія?

— Зачѣмъ вамъ?

— Я спрашиваю. Фамилія?

— Не скажу фамиліи.

— Что̀ вы тутъ дѣлаете одинъ на улицахъ Вероны?

— Я ходилъ на свиданіе съ Юліей Капулети. А вы что̀ здѣсь дѣлаете, господа, въ роли ночныхъ громилъ? И вы, панъ, во главѣ ихъ, въ такой большой шляпѣ и воротникѣ? Я васъ спрашиваю!

— Прошу безъ дерзостей, иначе посажу подъ арестъ на хлѣбъ и воду!

— Примите къ свѣдѣнію, что я старше васъ чиномъ, годами службы и всѣмъ прочимъ.

— Доказательства?

— Спрашиваю опять, что̀ вы тутъ дѣлаете?

— Исполняемъ приказаніе начальника гарнизона.

— То-есть чье именно?

— Сейчасъ—генерала Кильмена...—нерѣшительно отвѣтилъ офицерикъ.

Онъ отвелъ Гинтулта въ сторону и прошепталъ:

— Городъ волнуется. Вѣдь въ апрѣлѣ, съ 17-го по 24-е число, вырѣзали пятьсотъ французовъ. Въ одной больницѣ убили 400 беззащитныхъ больныхъ. Не смотря на взятіе

города и капитуляцію его 24 апрѣля, возмущеніе въ немъ не прекращается. Отсюда—строгости. Патруль за патрулемъ. Никому нельзя ночью выходить изъ дому. Мы не должны давать имъ спуску...

— А васъ тутъ много?

— Всего было 2.600 человѣкъ ветерановъ, сидѣвшихъ въ Мантуѣ подъ командой Вурмзера. Изъ нихъ-то и составился гарнизонъ. Такъ какъ главнокомандующій взялъ себѣ способнѣйшихъ офицеровъ, то извѣстныхъ именъ между нами нѣтъ. Нужно было аттаковать Верону, между тѣмъ генералъ Баллянъ принужденъ былъ пять дней защищаться отъ венеціанцевъ, взбунтовавшейся веронской черни и окрестныхъ мужиковъ. По цѣлымъ днямъ лупили они съ фортовъ С.-Пьеръ и С.-Феликсъ. Измѣнники венеціанцы послали за Лаудономъ, чтобы онъ шелъ ихъ спасать.

— Вы были тутъ?

— Конечно! Сидя въ старомъ замкѣ, мы совсѣмъ потеряли было надежду. Нечего было ѣсть, аммуниція вся вышла. Генералъ-комендантъ Бопуаль началъ переговоры... Они требовали, чтобы мы сложили оружіе и всѣ прошли черезъ порто-Весково. Тогда они бы насъ всѣхъ перерѣзали. Вдругъ получилось извѣстіе, что съ императоромъ заключенъ миръ. Лаудонъ уже не опасенъ! Насъ охватила радость...

— Радость, по случаю мира!.. — съ ироніей воскликнулъ князь.

— И тотчасъ же съ форта С.-Феликсъ замѣтили приближавшійся отрядъ... То былъ генералъ Шабранъ. Сразу начался штурмъ воротъ Санъ-Зено, такъ какъ съ нимъ было двѣнадцать пушекъ! Туда же шли и наши подъ командой Либерадзкаго. Но пророкъ въ Авиньонѣ предсказалъ ему смерть отъ первой пули,—онъ и палъ первымъ.

— Что̀ вы говорите!

— Святая правда! Но здѣсь не время и не мѣсто разговаривать. Пожалуйте за мной!

— Не отпустите-ли вы меня на офицерское слово. Я здѣсь проѣздомъ. Обѣщаюсь не бунтовать въ Веронѣ. Фамилія моя—Гинтултъ, князь Гинтултъ.

— Не дѣйствуютъ на меня княжескіе титулы: я далъ клятву ненавидѣть тирановъ!—сурово отвѣтилъ офицеръ.

— Чортъ возьми! Повинуюсь и иду.

Отрядъ двинулся въ путь. Князь противъ воли обошелъ весь городъ. Онъ страшно усталъ, но не жалѣлъ, что случилось. Онъ шелъ бодрымъ, твердымъ шагомъ. Шепотъ солдатъ возбуждалъ его, такъ же, какъ шумъ шаговъ и бряцаніе оружія... Приведенный въ крѣпостныя казармы, онъ былъ помѣщенъ въ комнатѣ, очень напоминавшей хлѣвъ.

Однако, его скоро освободили изъ этой темницы, гдѣ по угламъ храпѣли какіе-то люди, и, повидимому, изъ любезности, какъ земляка, провели въ офицерскую комнату. Она представляла изъ себя нѣчто вродѣ казино и служила столовой для офицеровъ дѣйствующей арміи. Тамъ стояли ломберные столы, трубки съ чубуками и билліарды. Залъ былъ полонъ офицерской молодежи. Князь былъ такъ утомленъ, что, не обращая ни на кого вниманія, усѣлся на скамьѣ и вытянулъ ноги. Послѣ нѣкотораго отдохновенія, онъ поднялъ голову. Табачный дымъ ѣлъ глаза и совершенно застилалъ всю комнату. Свѣчи едва мерцали. Отъ разговоровъ, криковъ, споровъ на польскомъ, французскомъ, итальянскомъ и нѣмецкомъ языкахъ стоялъ сплошной гулъ. Одна кучка людей, разсѣвшись вокругъ стола, пила, галдѣла и пѣла хоромъ какую-то скабрезную пѣсню. Рядомъ, за длиннымъ столомъ, играли въ карты, а въ другомъ мѣстѣ кто-то разсказывалъ, крикливо и съ выразительной мимикой, невозможные французскіе анекдоты, а слушатели, стоявшіе вокругъ, надрывались отъ смѣха. Все время звенѣли стаканы, бряцали сабли, стучали въ тактъ пѣснѣ кулаками... Въ самомъ отдаленномъ углу особнякомъ сидѣла съ таинственнымъ видомъ группа людей, склонившись надъ столомъ. „Молчаливая игра, значитъ, крупная ставка"...— подумалъ князь и направился въ ту сторону. Но уже издали онъ замѣтилъ, что тамъ не играютъ. Его ухо уловило знакомые польскіе математическіе термины... Старый офицеръ, съ коротко остриженными волосами и небольшими усами, съ суровымъ лицомъ, точно высѣченнымъ изъ камня, спокойно читалъ лекцію. Кругомъ, за его спиной, рядомъ и передъ нимъ, приблизивъ записныя книжки къ сальнымъ свѣчкамъ, группа людей сосредоточенно что-то записывала. Князь нашелъ себѣ мѣстечко позади всѣхъ и съ любопытствомъ сталъ слушать. Онъ исподлобья смотрѣлъ на неуклюжіе мундиры изъ плохого сукна, на погоны съ надписью: „Gli nomini liberi sono fratelli"... и, охвативъ голову руками, едва улавливая то, что̀ говорилось, задумался. Анекдоты, гамъ, насмѣшки, офицерская самоувѣренность, преклоненіе передъ ловкостью и силой,—все это напомнило ему старыя времена, и въ немъ что-то затрепетало. Что̀ за молодцы!— думалъ онъ, оглядывая толпу. — Каждый изъ нихъ навѣрно поклялся ненавидѣть всѣхъ тирановъ.. Нужно и мнѣ вообразить себѣ какого-нибудь тирана и возненавидѣть его, чтобы имѣть право вступить въ ряды этихъ дьяволовъ.

Замѣтивъ, что лекторъ сдѣлалъ перерывъ, и кое-кто изъ слушателей наклоняетъ къ своему стакану горлышко общей

бутылки, князь обратился къ первому съ краю юношѣ и спросилъ:

— Не откажитесь, пожалуйста, объяснить мнѣ, къ какому роду оружія вы принадлежите?

Юный офицеръ смѣрилъ его глазами, но отвѣтилъ галантно:

— Радъ привѣтствовать земляка... Можетъ быть, вы кандидатъ въ военную службу?

— Да, да...

— Нашъ полкъ самой новѣйшей формаціи: вспомогательные стрѣлки. Battaglione cacciatori legione polacca ausiliaria della Lombardia, — проговорилъ онъ, какъ заученный урокъ.

Въ эту минуту всѣ присутствующіе повернулись въ сторону входной двери. Гинтултъ также оглянулся. Въ залу вошелъ генералъ, лѣтъ за сорокъ. Онъ былъ очень высокъ ростомъ, и голова его съ большимъ продолговатымъ бритымъ лицомъ поднималась надъ всей толпой. Плащъ, покрытый пылью, свѣшивался съ его плечъ, шляпа была надвинута на глаза. Князь съ перваго взгляда узналъ Домбровскаго. Не задумываясь, онъ пошелъ за нимъ. Генералъ прошелъ черезъ залъ, быстро отдавая поклонъ привѣтствовавшимъ его офицерамъ. Онъ направлялся къ лѣстницѣ во второй этажъ. За нимъ шли его спутники, которые, видимо, только что откуда-то вернулись. Стараясь опередить послѣднихъ, князь быстро шелъ за генераломъ, рѣшившись покончить сразу со своимъ дѣломъ. У входа въ какой-то корридоръ во второмъ этажѣ, Домбровскій оглянулся и замѣтилъ подлѣ себя незнакомца. Онъ окинулъ его суровымъ и рѣзкимъ взглядомъ.

— Генералъ, я прошу удѣлить мнѣ минуту вниманія, — сказалъ Гинтултъ.

— Кто проситъ?

— Князь Гинтултъ.

— Гинтултъ... Гдѣ-то видѣлъ...

— Подъ Повонзками *)...

— Es ist... ja... Вы ѣдете изъ Парижа? Можетъ быть, изъ отеля Дисбахъ?

— О, нѣтъ! Я изъ Польши, а сейчасъ—изъ Венеціи. Я хотѣлъ сказать нѣсколько словъ о тамошнихъ нашихъ земнякахъ.

— Что-нибудь важное?

— Да.

---

*) Предмѣстье Варшавы. Сраженіе съ Суворовымъ, осаждавшимъ Варшаву. Пр. перев.

Генералъ открылъ дверь и впустилъ его въ комнату, съ низкимъ потолкомъ и глинянымъ поломъ. Домбровскій, извинившись передъ гостемъ, началъ стаскивать съ своихъ громадныхъ плечъ куртку, напоминавшую мундиръ народной кавалеріи, который онъ носилъ въ бригадѣ Бышевскаго и въ великомъ польскомъ походѣ.

— Я тороплюсь,—сказалъ Домбровскій.—Сегодня у меня еще много дѣла, потому, князь, говорите скорѣе.

Гинтултъ, не теряя времени, началъ разсказывать о томъ, что видѣлъ въ Венеціи. Сначала слова шли у него туго съ языка, но скоро имъ овладѣло уже пережитое негодованіе. Съ холоднымъ спокойствіемъ формулируя обвиненія, онъ бросалъ генералу неопровержимые аргументы. Но генералъ высоко засучилъ рукава рубашки и сталъ обливать водой свою голову. Обиженный этимъ пріемомъ, князь вдругъ замолчалъ.

— Я слушаю, князь, внимательно слушаю,—сказалъ Домбровскій.

— Можетъ быть, лучше послѣ...

— У меня нѣтъ никакихъ „послѣ!" Завтра я отправляюсь съ моими людьми въ походъ.

— Куда, если можно узнать?

— Какъ—куда? Лицомъ къ сѣверному вѣтру.

Онъ улыбнулся, сверкнувъ зубами.

— Вѣдь заключено перемиріе...

— Но миръ еще не заключенъ. Они медлятъ. Громъ оружія скажетъ намъ, хотятъ-ли они, или не хотятъ подписать миръ.

Вытирая полотенцемъ свое большое, красное лицо, онъ насмѣшливо произнесъ:

— Итакъ, наши поляки сняли коней Александра Великаго?..

— Я видѣлъ это собственными глазами.

— Ахъ, злодѣи!—воскликнулъ генералъ съ притворнымъ негодованіемъ.

— Генералъ!.. Это невозможно! Никогда еще нашъ народъ такъ не позорилъ себя. Я пришелъ сюда въ надеждѣ, что вы, генералъ, своею властью прикажете этимъ людямъ отказаться отъ постыдной службы. Развѣ топтать чужія республики достойно поляковъ? Затѣмъ ли пришли сюда наши ветераны?

Домбровскій равнодушно надѣлъ свою куртку и, подойдя къ князю, сухо спросилъ:

— Вы, князь, въ качествѣ кого разсказываете мнѣ это?

— Я говорю, какъ исконный польскій дворянинъ.

— Я тоже польскій дворянинъ! И вотъ вамъ мое рѣшеніе: нашъ солдатъ долженъ отличаться доблестью, готовно-

стью жертвовать жизнью, исполнительностью, желѣзной дисциплиной и энергіей. Только тогда будутъ довѣрять ему тѣ, кому я честью своей ручался за этого солдата. Вы совѣтуете мнѣ остановить солдатское рвеніе и начать съ возмущенія?

— Ничего не начинать, если путь позоренъ!

— Надѣть такой, какъ у васъ, князь, костюмъ туриста и поѣхать вояжировать. Я могъ бы уже прервать нашъ разговоръ, такъ какъ вы оскорбляете меня, но я помню васъ съ поля битвы, и потому объясню вамъ, въ чемъ дѣло. Вы говорите, что я и мои люди идемъ позорнымъ путемъ, и указываете на покореніе Венеціи? А что такое Венеція? Это тайный союзникъ Австріи, лукавый и хитрый врагъ. Увѣряя устами Джустиніани, Пезарро и другихъ въ своемъ нейтралитетѣ, она за спиной, когда республиканскія войска взяли Понтеббу, Штерцингъ и проливали кровь подъ Клагенфуртомъ,—организовала возмущеніе въ Веронѣ, вооружила все населенеі своей территоріи и убила офицера Лорье въ своей гавани. Что же такое Венеція? Вы, князь, жалѣете ту самую аристократію, которая не кровью записывалась въ золотую книгу, а всего лишь за десять тысячъ цехиновъ, награбленныхъ торговлей или въ чужихъ имѣніяхъ на Кипрѣ, въ Истріи, Горицѣ... чтобы на основаніи этого купленнаго дворянства имѣть право плевать въ театрѣ изъ ложъ на народъ. Я думаю, вамъ прекрасно извѣстны ихъ законы, ихъ нравственныя права. Развѣ дурно поступила Франція, принеся имъ свои великіе принципы? Венеціанскій народъ пѣснями привѣтствовалъ французскихъ солдатъ. И ваши бронзовые кони, князь, возвѣщавшіе побѣду, кому теперь должны принадлежать, какъ не великому вождю? Неужели венеціанцы имѣютъ на нихъ права? Какъ они ихъ пріобрѣли? Кулачнымъ правомъ и насиліемъ. Это военная добыча, и, какъ добыча, она переходитъ другому. Впрочемъ, я... Говорю вамъ: кони Лизиппа по справедливости принадлежатъ теперь великому вождю Бонапарту. Наши солдаты не сдѣлали ничего дурного, исполняя приказъ своихъ начальниковъ.

— Вижу, что мое дѣло проиграно. Мнѣ ничего больше не остается, какъ проститься съ вами, генералъ, — сказалъ Гинтултъ.

Домбровскій протянулъ ему руку. Добродушная улыбка освѣтила его лицо.

— Я не хотѣлъ бы разставаться съ вами въ ссорѣ, князь. Останьтесь. Я еще кое-что скажу вамъ.

Онъ почти силой довелъ его до открытой двери, выходившей на балконъ. Между тѣмъ, снизу стали появляться штабъ-офицеры. Старшій изъ нихъ, читавшій лекцію объ

окопахъ и мостахъ, подошелъ къ генералу съ поклономъ. Отъ товарищей, прибывшихъ изъ Монтебелло, всѣ уже знали о предстоящемъ походѣ.

— Пиши, братъ, приказъ на завтра,—сказалъ ему генералъ.— Пойдемъ прямо на Пальма-Нуова. Нужно соединиться съ нашими въ ущельяхъ Горицы.

Офицеры окружили столъ, у котораго Домбровскій, облокотившись и закрывъ лицо руками, началъ диктовать дневной приказъ. Офицеры торопливо записывали. Князь, слушая категорическія распоряженія Домбровскаго, невольно выпрямился, какъ подчиненный. „Опять, думалъ онъ, пойдутъ эти голодныя, оборванныя толпы форсированнымъ маршемъ, увѣренныя, что идутъ на Вѣну...“

Въ ночной тишинѣ слышался плескъ рѣки въ гранитныхъ берегахъ. Сонный городъ бѣлѣлъ въ слабомъ сіяніи луны.

Кончивъ диктовать и отдавъ цѣлый рядъ устныхъ распоряженій, генералъ всталъ и простился съ подчиненными. Всѣ тотчасъ-же вышли. Послѣднему генералъ изъ нихъ сказалъ:

— Илья, разбуди меня завтра на разсвѣтѣ...

Минуту спустя, онъ былъ у балконной двери.

— Простите, князь,—сказалъ онъ:—спать, спать хочу! Но скажу еще одно слово...

— Я не хотѣлъ бы быть навязчивымъ.

— Я долженъ сказать то, что считаю нужнымъ.

Домбровскій взялъ его подъ руку и, прижавшись къ нему, началъ шептать:

— Не ты одинъ страдаешь отъ всего, что видятъ твои глаза! Не ты одинъ не можешь спать по ночамъ отъ огорченій! Я тоже съ кровавыми слезами смотрѣлъ на все, когда пришелъ изъ гвардіи курфюрста. Но мое сердце создано не для печали, глаза—не для слезъ. Все нужно похоронить въ себѣ. Подумай только, изъ кого состоятъ эти легіоны, эти крестьянскія и мелкошляхетскія массы? Изъ арестантовъ и бѣглецовъ. Негодованіе кипитъ въ тебѣ при одной мысли о томъ, что они, на службѣ у Бонапарта, дѣлаютъ то, что имъ предписываетъ дневной приказъ... Но что дѣлали бы эти самые люди въ австрійскихъ рядахъ?..

— Насиліе—необходимость, а не добрая воля!

— Доброй воли нѣтъ больше! Богъ далъ, Богъ и взялъ. Выбрось это изъ головы. Теперь идетъ работа на смерть. Все надо начинать съ самаго начала и сдвинуть тяжесть въ десять разъ бóльшую! Сколько еще крови, труда и славы впитаютъ въ себя эти чужія поля, — кто знаетъ? Нужно искупить все и выработать сильный духъ. Что касается меня,— я буду вездѣ и всегда, доколѣ хватитъ моихъ силъ и крови. Ничто не совратитъ меня съ пути. Меня обвиняютъ, будто

я сталъ нѣмцемъ, потому что у Маврикія Бельгарда и у мудраго Блюхера я учился, какъ слѣпо слушаться приказаній, какъ строить войско въ ряды и какъ вести его въ битву. Да, жена у меня нѣмка!.. Кондотьеръ! Я ищу хлѣба и приключеній... Нѣтъ низости, которой бы мнѣ не приписали: обвинили даже въ измѣнѣ. Все, что я дѣлаю, это будто за прусскіе талеры. Ну, и пусть ихъ! Пусть Хоткевичъ клевещетъ! Товарищи по несчастью...

Домбровскій умолкъ, но черезъ минуту снова началъ:

— Да, князь, небольшое это удовольствіе имѣть дѣло съ французскими командирами, обивать чужіе пороги, выпрашивая для своихъ солдатъ жалованье, сапоги, кое-какую одеженку, и право на борьбу и смерть. Не особенно пріятно прислушиваться къ сплетнямъ о слабостяхъ парижскихъ и цизальпинскихъ воротилъ и по нимъ опредѣлять свои пути, потайныя тропинки и перелазы... А потомъ идешь по нимъ, какъ самъ знаешь, безъ отдыха, днемъ и ночью, среди тысячи огорченій, не досыпаешь и не доѣдаешь... Вѣдь я могъ попасть къ прусскому королю, пойти къ нему на службу. Послѣднее гнѣздо мое, Пежховецъ, я продалъ. Теперь мнѣ остался одинъ солдатскій хлѣбъ, такъ же, какъ и моему отцу. Кондотьеръ!.. Уѣзжай, князь, продолжай свое путешествіе, а то, чего добраго, захочешь еще попробовать нашего хлѣба и соли: горькій это хлѣбъ; лучше не родиться!..

И онъ съ печальной улыбкой посмотрѣлъ въ глаза князю и на прощанье пожалъ ему руку.

Отважный.

Въ мѣсяцѣ Nivôse VI года Республики „гражданинъ" Гинтултъ въ сумерки пасмурнаго январьскаго дня направлялся въ закрытомъ фіакрѣ на набережную Lunettes. Уже больше мѣсяца сидѣлъ онъ въ Парижѣ. Князь зналъ его передъ революціей. Теперь онъ долго осматривался, какъ въ совершенно новомъ и незнакомомъ мѣстѣ. Онъ тщательно избѣгалъ своихъ земляковъ, которые въ это время, между прочимъ, всѣ сходились на мысли о созваніи сейма. Все свое время князь употреблялъ на изученіе единой и нераздѣльной республики.

Въ этотъ день ему было не по себѣ.

Мокрый, тающій снѣгъ падалъ на улицы. Дома и люди имѣли непріятный, будто заплаканный видъ. Князь продрогъ до мозга костей. Міръ, съ которымъ онъ теперь знакомился во всей его полнотѣ, чудовищные въ своей наготѣ факты

всколыхнули въ немъ все, что онъ привыкъ считать прочнымъ, непоколебимымъ и своимъ собственнымъ. Наступившія новыя событія мучили его и расшатывали все, что онъ выработалъ въ себѣ своими собственными силами въ тяжелые дни своей жизни. И хотя часто было много причинъ для шутокъ и смѣха, онъ все же не могъ подавить тяжелыхъ и тревожныхъ мыслей. Жизнь шла, мчалась впередъ, кипѣла отъ пробужденныхъ силъ.

Фіакръ остановился у воротъ дома знаменитаго часового мастера Брегета, и князь съ непріятнымъ чувствомъ ступилъ на грязную мостовую. Въ сѣняхъ онъ встрѣтилъ швейцара и съ обычной высокомѣрной вѣжливостью попросилъ его показать ему квартиру князя Сулковскаго. Сонный и грязный человѣкъ, стоявшій передъ нимъ, такъ внимательно всматривался въ него, что князь изумился.

— Князь Сулковскій?—вѣжливо переспросилъ швейцаръ, съ выраженіемъ удивленія и злости.

— Князь Сулковскій,—повторилъ Гинтултъ, упорно глядя ему въ глаза:—адъютантъ генерала Бонапарта.

— Да, да... генерала Бонапарта...—пробормоталъ швейцаръ.

— Что вы говорите, гражданинъ?

— Что̀ я смѣю сказать о великомъ генералѣ Бонапартѣ? Князь у него адъютантомъ, хе-хе...

— Князь, настоящій князь.

— Да, да, у того самаго генерала Бонапарта, который велѣлъ своимъ живодерамъ палить изъ пушекъ въ народъ не далѣе, какъ два года тому назадъ...

— И разбилъ четыре арміи враговъ.

— Пусть онъ провалится съ своими побѣдами! Четыре арміи... Какое мнѣ до нихъ дѣло? Вотъ у меня рука раздроблена осколкомъ картечи... Пушки велѣлъ вывезти подъ Тюльери! Тотъ самый генералъ Бонапартъ...

Князь не хотѣлъ его больше слушать. Чувство брезгливости, близкое къ желанію дать пощечину или плюнуть въ лицо, заставило его подняться по лѣстницѣ. Онъ самъ нашелъ въ темнотѣ нужную дверь и постучался. Ему долго не отворяли. Наконецъ, послышались шаги и кто-то извнутри повернулъ ключъ. Князь вошелъ въ темную комнату и съ трудомъ могъ разсмотрѣть стоявшаго передъ нимъ человѣка.

— Я хочу видѣть „гражданина“ Сулковскаго...—сказалъ онъ, подчеркивая слова и боясь повторенія предыдущей сцены.

— Кто хочетъ видѣть?

— Я полякъ...

Неизвѣстный человѣкъ удалился. Немного погодя, онъ вернулся, неся въ рукѣ свѣчу. Князь пошелъ за нимъ по

холоднымъ и темнымъ комнатамъ. Наконецъ, онъ отперъ послѣднюю дверь и ушелъ, унеся съ собой свѣчку. Въ углу большой гостиной, на диванѣ сидѣлъ молодой человѣкъ въ военной формѣ. Замѣтивъ вошедшаго, онъ приподнялся и остановился въ ожиданіи.

— Узнаешь меня?—спросилъ Гинтултъ, подходя къ столу.

Сулковскій подошелъ къ нему съ улыбкой искренней радости, по-братски поцѣловалъ его. Они сѣли на диванъ и нѣкоторое время внимательно разсматривали другъ-друга. Сулковскій былъ юноша двадцати съ небольшимъ лѣтъ. Онъ былъ очень красивъ. Длинные, шелковистые, вьющіеся волосы были откинуты назадъ надъ бѣлымъ лбомъ. Большіе, необыкновенно выразительные глаза, оттѣненные длинными рѣсницами, и небольшіе усики украшали его улыбавшееся теперь лицо. Прежде, чѣмъ онъ узналъ стараго товарища, въ его глазахъ и прекрасномъ лицѣ было выраженіе леденящаго холода.

— Ты возвращаешься изъ тюрьмы?—тихо спросилъ Сулковскій.

— Изъ тюрьмы? Ахъ... да, правда. Но это было уже давно. Теперь я изъ Италіи, то-есть...—прибавилъ онъ съ ироніей:— изъ Транспаданской республики.

— Извини, прежде всего спрошу тебя: ты пріѣхалъ съ намѣреніемъ поступить въ военную службу? Въ легіоны или добровольцемъ?

Князь на мгновеніе задумался, немного смущенный неожиданнымъ вопросомъ; наконецъ, рѣшительно произнесъ:

— Нѣтъ.

— Жалѣю, что ты такъ-же твердо не сказалъ: да! Вѣдь въ корпусѣ ты получилъ прекрасное военное образованіе. Впрочемъ, не думай, пожалуйста, что я вербую тебя.

— Боже сохрани! Но, знаешь... Правду сказать, мнѣ уже надоѣла война.

Сулковскій медленнымъ движеніемъ красивой головы старался скрыть непріятное впечатлѣніе отъ этихъ словъ.

— А мнѣ—нѣтъ...—сказалъ онъ, немного погодя, съ холодной улыбкой.

— Послушай,—началъ Гинтултъ, поглаживая кружево своего жабо,—я не хочу, чтобы ты меня неправильно понялъ. Я пересталъ вѣрить въ войну не изъ трусости и даже не изъ лѣности. Просто, не вѣрю больше въ ея величіе и значеніе.

— Возможно ли это?

— Послѣ долгихъ размышленій я пришелъ къ заключенію, что всякая власть имѣетъ свои недостатки и свои хорошія стороны. Наиболѣе желанныя революціи ничто иное, какъ

замѣна извѣстныхъ злоупотребленій и недостатковъ другими злоупотребленіями и недостатками. По-моему,—продолжалъ онъ спокойно и равнодушно,—убійство на глазахъ толпы одного человѣка за то, что онъ былъ дурнымъ правителемъ, тираномъ, грабителемъ, мошенникомъ, есть во сто кратъ большее зло, чѣмъ его тиранія, грабительство, мошенничество. А изъ большого зла можетъ ли родиться добро? Зачѣмъ же воевать? Слѣдовало бы объявить отчаянную войну, но не людямъ, а самой тираніи, грабительству и обману.

— Великолѣпно! Только какъ же это сдѣлать, не трогая этихъ самыхъ грабителей и тирановъ?

— Врагъ очень близокъ. Нужно поискать его въ самомъ себѣ.

— Ахъ, ты дитя!..

Князь Гинтултъ заговорилъ о другомъ.

— Я слышалъ,—сказалъ онъ,—что въ послѣдней кампаніи ты состоялъ при главнокомандующемъ?

— Да.

— Значитъ, ты близко съ нимъ познакомился?

— Познакомился-ли? Полагаю... Впрочемъ, — прибавилъ онъ съ улыбкой:—часто мнѣ кажется, что я совсѣмъ его не знаю.

— Не увлеченъ-ли ты? Вѣдь въ любви мы доходимъ до ослѣпленія.

— Но суть въ томъ, что я не люблю Бонапарта и не выступаю его защитникомъ.

— Но ты преклоняешься передъ нимъ, какъ солдатъ передъ солдатомъ, что̀ часто бываетъ сильнѣе любви къ самой прекрасной женщинѣ. Я знаю это по опыту.

— Относительно меня ты ошибаешься. Я хотѣлъ быть возлѣ него и буду, если онъ не прогонитъ меня по особымъ причинамъ.

— Я догадываюсь...

— Да. Онъ бережетъ свою славу...

— Правда-ли, что онъ настолько довѣрялъ тебѣ, что ты отъ его имени отдавалъ приказы. Мнѣ говорили въ Мантуѣ, что ты съ его разрѣшенія подписывался даже его именемъ на своихъ распоряженіяхъ и дневныхъ приказахъ. То-же слышалъ я и здѣсь, въ очень вліятельныхъ сферахъ.

— Да, это правда. Бывало въ критическія минуты. Но это не важно... Такъ, ты говоришь, что война тебѣ надоѣла?— вдругъ спросилъ онъ.

— Да, надоѣла. Видно, я не рожденъ быть солдатомъ.

— Это странно. Не рожденъ быть солдатомъ! Я этого не понимаю. Я — только солдатъ.

— Ты, милый другъ,—ученый, а не солдатъ. Развѣ у

солдатъ бываютъ такія груды книгъ?.. Я увѣренъ, что въ аппартаментахъ Бонапарта нѣтъ книгъ...

— Ошибаешься. Съ момента прибытія въ Парижъ послѣ заключенія мира въ Кампо-Форміо...

— Ахъ, это Кампо-Форміо... — саркастически улыбнулся Гинтултъ.—Хорошій сюрпризъ былъ вамъ приготовленъ въ Кампо-Форміо! Послѣ стольких надеждъ и обѣщаній!..

— Еще счеты у насъ не кончены! — почти закричалъ Сулковскій. — Бонапартъ еще живъ, еще не умеръ, передъ нимъ и передъ нами еще цѣлые годы. Этотъ честолюбивый и надменный сынъ адвоката изъ Аяччіо долженъ будетъ вернуться къ роли солдата, любовь къ которой въ немъ сильнѣе, чѣмъ даже жажда славы... Но возвращаюсь къ прерванному разговору... Теперь онъ цѣлые дни проводитъ одинъ-одинешенекъ, запершись въ своемъ кабинетѣ, надъ огромными развернутыми картами. Бываетъ онъ только въ театрѣ, и то въ закрытой ложѣ. Онъ все время ползаетъ по полу отъ одной карты къ другой, съ компасомъ, циркулемъ и карандашомъ въ рукѣ. Въ своей уединенной комнатѣ онъ все взвѣшиваетъ, за всѣмъ слѣдитъ и, притаившись, превращаетъ въ ударъ свою страшную мысль. Нападеніе на Англію, походъ на Лондонъ или въ Египетъ...

— Поговариваютъ объ этомъ,—значитъ, правда?..

— Я бываю у него иногда по приглашенію, по спеціально-тактическимъ вопросамъ, для вычисленій и составленія плановъ... Раньше я видѣлъ въ его цифрахъ и комбинаціяхъ только желаніе нанести ударъ въ сердце Англіи,— низвергнуть ее съ пьедестала внезапнымъ вторженіемъ, растоптать могущество купцовъ и на развалинахъ олигархіи зажечь пламя революціи, чтобы дать свободу этому народу, которому кажется, что онъ свободенъ, потому что его въ этомъ увѣряютъ. Теперь ужъ это миновало. У него другой планъ: пріобрѣсти для французской націи область Нила, вырвать у Англіи источникъ ея силы. И еще одинъ... рѣшенъ уже въ умѣ. Надѣюсь, ты сохранишь все въ строгой тайнѣ?

— Можешь вѣрить моему слову.

— Теперь предстоитъ... осуществить мечту... Онъ поручилъ мнѣ разобрать огромный вопросъ, наиболѣе крупный со временъ крестовыхъ походовъ. Я занятъ имъ днемъ и ночью... Я учусь созидать мугущество.

— Созидать могущество...—повторилъ Гинтултъ.

— Можно научиться ударомъ ноги въ землю вызывать легіоны, подобно Помпею.

— Ты хотѣлъ сказать: подобно... Домбровскому.

Сулковскій сдѣлалъ гримасу и, помолчавъ, сказалъ:

— Нѣтъ, Домбровскій является зондомъ въ рукахъ какого-нибудь Бертье или Брюна. Партизанскія времена Чарнецкаго прошли, и напрасно онъ старается подражать ему. А вотъ три главные тарана: Сѣверная, Рейнская и Итальянская арміи.

— Вижу, что мнѣніе Бонапарта о тебѣ—святая истина,—сказалъ князь съ легкой ироніей въ голосѣ.

Разгорѣвшіеся глаза Сулковскаго быстро потухли.

— Какое мнѣніе?—глухо спросилъ онъ.

— Говорятъ, что, не смотря на всѣ твои заслуги, ты не получилъ до сихъ поръ ни одного чина, ни отличія... А когда кто-то изъ твоихъ друзей спросилъ Бонапарта, почему онъ оставилъ тебя въ томъ-же чинѣ, какой ты имѣлъ передъ войной, онъ, будто бы, отвѣтилъ: „Я не повысилъ Сулковскаго потому, что съ перваго же дня въ Санъ-Джорджіо, когда его узналъ, считаю его достойнымъ одного лишь поста—главнокомандующаго".

— Во всякомъ случаѣ, не онъ меня назначитъ на этотъ постъ, я самъ возьму его,—сказалъ дерзко Сулковскій.— Санъ-Джорджіо! Конечно, я тогда показалъ ему фокусъ. Съ двумя-стами гренадеръ взялъ фортъ, бывшій ключемъ крѣпости... Впрочемъ, онъ ошибается. Я еще не достоинъ быть главнокомандующимъ. Это я лучше его знаю. Я еще не годенъ и буду имъ, конечно, не здѣсь. Я себя слишкомъ хорошо знаю. Знаю, чего мнѣ не хватаетъ. У меня нѣтъ чутья, умѣнья все предвидѣть... Онъ—въ своемъ родѣ единственный человѣкъ, единственный изъ солдатъ,—владѣющій этимъ чутьемъ. Я не хуже его уже умѣю переходить черезъ горы труповъ, умѣю спокойно работать подъ огнемъ и быть безстрастнымъ въ бою; я люблю дымъ и грохотъ пушекъ, я сдерживаю свое увлеченіе, какъ сдерживаютъ дикую лошадь мундштукомъ...

— Что-жъ это за сила?

— Не знаю. Только предъ нею я преклоняю колѣни.

— Не понимаю.

— Вотъ этотъ самый генералъ Франціи, слуга отечества, защитникъ революціи, однажды сказалъ мнѣ по секрету: „необходимо, чтобы Франція испытала еще бо̀льшую анархію, чѣмъ теперь. Пока мы ради этого отправляемся въ Египетъ и ради этого изрубимъ тысячи людей..." Улица С.-Шарль, домъ, въ которомъ онъ родился, все уже забыто. Уже и рѣчи нѣтъ о возвращеніи въ Аяччіо. Фантастическіе замыслы бродятъ у него въ головѣ... „Тѣмъ хуже для республиканцевъ",—замѣтилъ онъ,—„если они безъ меня сожгутъ на вертелѣ свою республику". Слышишь! Тѣмъ хуже для республиканцевъ...

Князь Гинтултъ сухо и отрывисто засмѣялся.

— Я вѣдь говорилъ...—сказалъ онъ.

— Ты, можетъ быть, думаешь, что это въ немъ простая надменность жалкаго выскочки, котораго обезумѣвшая человѣческая толпа вознесла такъ высоко? Ошибаешься: это не надменность, это и есть присущая ему загадочная сила. Онъ любитъ себя, какъ св. Антоній любилъ Бога; только въ своихъ личныхъ видахъ наполняетъ онъ землю своей страшной, безмѣрной славой; въ этихъ его видахъ заключается новый, никому неизвѣстный міръ. Онъ стремится къ нему, какъ Колумбъ къ своей Америкѣ. Тамъ начнется новая эпоха въ исторіи человѣчества. О! если-бъ я обладалъ его таинственной силой... управлять своей душой, какъ управляешь войскомъ; спокойно становиться негодяемъ, когда это необходимо для достиженія мнѣ одному извѣстныхъ грандіозныхъ цѣлей — вотъ чего хотѣлъ бы я достигнуть!—страстно закончилъ Сулковскій.

— Я возненавидѣлъ войну и теперь вижу, что правъ,— не совсѣмъ искренно проговорилъ Гинтултъ. — Законъ молчитъ тамъ, гдѣ сверкаетъ оружіе, на войнѣ онъ пустое слово, сказалъ когда-то Цезарь Метеллу,когда тотъ запретилъ ему трогать общественную казну.

— Война—это единственный плугъ, оставляющій борозды въ землѣ, куда сѣятель можетъ бросить новыя сѣмена... Ты возненавидѣлъ войну! И это послѣ того, что мы видѣли! Возненавидѣть войну послѣ того, что я испыталъ, стоя подъ градомъ пуль у моста Зельвы!.. Послѣ того позора, который размозжилъ мнѣ душу, мнѣ слѣдовало бы, по твоему, остаться простымъ наблюдателемъ и ничего не дѣлать...

— Кто говоритъ это?

— Ты! Но вѣдь только съ оружіемъ въ рукахъ могу я сдѣлать то, что задумалъ. Иначе—ничего не будетъ! Если-бы я хотѣлъ работать только для себя, ради своей семьи или родни, своей деревни или уѣзда, учиться ради ученія, а не ради великаго дѣла, во имя человѣчества, то былъ-бы достоинъ, чтобы ты убилъ меня, какъ подлаго пса! Помню, какъ я пріѣхалъ изъ Константинополя,—пріѣхалъ уже слишкомъ поздно, когда отецъ былъ уже преданъ землѣ, а наслѣдство расхватали кредиторы... Помню, какъ уходилъ, а за мной по всей странѣ дымилась еще пролитая кровь... О, нѣтъ! Я люблю войну больше всего! Я изучу ее во всей полнотѣ, овладѣю всѣми ея таинственными силами и тогда вернусь, о, вернусь!..

Сулковскій замолчалъ, какъ будто замкнулся въ себѣ.

— По мѣрѣ того, какъ я теряю вкусъ къ войнѣ, — тихо

сказалъ князь,—мнѣ начинаетъ все больше нравиться дипломатія.

— Дипломатія,—отвѣчалъ Сулковскій измѣнившимся голосомъ, — напоминаетъ мнѣ всегда моего добрѣйшаго дядю Августа, который меня грѣшнаго готовилъ въ государственные мужи и поэтому строго запрещалъ учиться математикѣ, физикѣ и химіи. Онъ говорилъ что это только отнимаетъ время: вполнѣ достаточно общаго понятія объ этихъ предметахъ. За то онъ главное вниманіе обращалъ на изученіе музыки, пѣнія, живописи, игры въ шахматы и на искусство отгадывать загадки. Если-бъ не Сокольницкій, который по ночамъ, по секрету отъ дяди, училъ меня тригонометріи, инженерному искусству и математикѣ, я былъ-бы теперь отчаяннымъ дипломатомъ. Мой дядя былъ насквозь прогнившій человѣкъ: онъ искренно проклялъ меня и лишилъ наслѣдства за якобинскій образъ мыслей; но дипломатія и сейчасъ представляется мнѣ, по его рецепту, какъ искусство отгадывать загадки. Когда ты будешь государственнымъ дѣятелемъ, то обрати вниманіе на единственную въ этой области дѣйствительную силу,—на военную политику.

— Сомнѣваюсь, чтобъ я былъ когда-нибудь дипломатомъ. Я говорю только, что мнѣ это нравится. Наблюдать міръ со стороны, что бы ты ни говорилъ, поклонникъ дѣйствія,—не есть развѣ занятіе, достойное развитого человѣка? А окунуться въ омутъ измѣнъ, пронырства и мошенничествъ, поддѣть какого-нибудь Талейрана или другого министра вашей республики, угадать всѣ подвохи и разрушить ихъ остроумными и гибельными для цѣлыхъ странъ ухищреніями—развѣ это не интересно?

— Можетъ быть. А видѣлъ ты этого Талейрана?

— Даже былъ у него на балу, въ честь Жозефины, по ея прибытіи изъ Италіи 2 января.

— Въ отелѣ Галлифе?

— Да.

— Такъ ты долженъ былъ видѣть тамъ и Бонапарта?

— Видѣлъ. Имѣлъ счастье. Я, впрочемъ, не испыталъ волненія той дѣвочки, которая, съ трепетомъ приблизившись и внимательно разсмотрѣвъ его, изумленно закричала своей матери: „Мама, это мужчина!“ Я больше наблюдалъ демократическіе обычаи и самихъ демократовъ. Какіе костюмы у дамъ! Жозефина Бонапартъ была въ греческой туникѣ, съ прической камеи... Мадамъ Тальенъ, де Шаторено, Адріенъ де Камби, де-Крени... однѣ — какъ Сафо, другія какъ Клеопатра. И все это происходило въ санкюлотскомъ мѣсяцѣ nivôse...

Сулковскій задумчиво сидѣлъ въ уголкѣ дивана.

— Я былъ также и въ отелѣ Шантренъ, — прибавилъ Гинтултъ.

— Игрушка!

— Да. Я въ восторгѣ отъ гостиной съ фризами и картинами, писанными учениками Давида и Муатта; мебель въ греческомъ стилѣ, подражаніе Персье... Великолѣпно! Ручаюсь, что ты, хотя ребенкомъ и сидѣлъ въ Версалѣ на колѣняхъ у Маріи Антуанетты и воспитывался въ юности среди роскоши дворовъ европейскихъ монарховъ, не видѣлъ болѣе замѣчательныхъ вещей.

— Прежде меня это мало занимало, а теперь совсѣмъ не интересуетъ.

— Однако... ради этого... тоже ведутся войны.

— Я ради этого не поведу войны... Впрочемъ, я не имѣю права входа въ эти салоны...

— Но засѣданіе совѣта господъ въ тюрбанахъ, совѣтъ пятисотъ ты навѣрно видѣлъ? Не отрицай...

— Что-же тебя такъ смѣшитъ въ нихъ?

— Что ты, развѣ я смѣюсь! Пятьсотъ мужей въ бѣлыхъ юбкахъ до самой земли, въ необыкновенныхъ плащахъ алаго цвѣта и въ голубыхъ бархатныхъ тюрбанахъ...

— Ты видѣлъ?

— Я былъ на засѣданіяхъ въ толпѣ „гражданъ“ на одной изъ галлерей, слышалъ, какъ они ораторствовали съ жестами суровыхъ римлянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ добродѣтельныхъ продавцовъ телятины... Теперь вѣдь легко можно сдѣлаться геніемъ. Дорога открыта, вотъ всѣ и пользуются.

— Представители интересовъ народа...

— А совѣтъ старшинъ въ фіолетовыхъ тогахъ и бѣлыхъ плащахъ и туфляхъ! Я не имѣлъ счастья видѣть никого изъ членовъ Директоріи въ парадномъ костюмѣ, но, пожалуй, это и къ лучшему, потому что навѣрно мои слабые глаза не выдержали бы блеска ихъ костюма. Вѣдь они могущественнѣе монарховъ. Одинъ только разъ, когда въ театрѣ ставили „Горація Коклеса“, въ ложѣ былъ Барра, но этотъ, хотя и самый главный, не произвелъ на меня впечатлѣнія монарха. Напротивъ, онъ похожъ именно на то, что онъ есть: на жирнаго живодера, благородно задрапированнаго и соотвѣтственно раздутаго собственнымъ воображеніемъ. Но, можетъ быть, тебѣ непріятны мои рѣчи?

— Нѣтъ ничего. Я думалъ о другомъ.

— Вотъ какъ?

— Ты слышалъ, навѣрно, о Жуберѣ?

— О генералѣ Жуберѣ?

— Да. Повторится ли въ Египтѣ то-же самое, что мы встрѣтили въ Тиролѣ? Еслибъ ты видѣлъ этихъ сильныхъ,

огромныхъ, ловкихъ людей, въ темной одеждѣ, перепоясанныхъ широкими поясами съ блестящими бляхами! Такими, должно быть, племена Оргеторикса являлись передъ желѣзными легіонами Цезаря въ гастернскихъ ущельяхъ. Такъ мужественно, вѣроятно, сходили съ высотъ германцы противъ латинскихъ полковъ, одѣтые въ коровьи и телячьи шкуры, съ рогами на головахъ и съ буковыми палицами въ рукахъ. Это было новое столкновеніе латинскаго племени съ германскимъ. Тирольцы двигались на встрѣчу нашимъ штыкамъ крупными шагами, въ глубочайшемъ молчаніи. Они дрались на смерть. Ни одинъ изъ нихъ не просилъ пощады. Сбитые съ ногъ, они дрались на тѣлахъ умирающихъ товарищей и схватывались въ рукопашную, вырывали у нашихъ солдатъ винтовки и, держа ихъ за штыки, наносили удары прикладами, какъ палицами. Тысячи ихъ покрыли своими трупами поле сраженія. Наши солдаты съ почтеніемъ смотрѣли на этихъ мертвецовъ. Старые вояки говорили, что, растерзанные штыками, ихъ тѣла выпускали невѣроятное, какъ будто двойное количество крови.

Князь Гинтултъ молчалъ, понуривъ голову. Когда Сулковскій кончилъ, онъ сказалъ со вздохомъ:

— Слушая тебя, я испытываю такое чувство, какъ будто читаю исторію дикихъ войнъ Цезаря съ Помпеемъ.

— Дѣйствительно, Жуберъ, который, будучи окруженъ непріятелемъ, прошелъ по долинамъ Штерцинга среди возмущеннаго горскаго населенія, гоня передъ собой Лаудона, и пробилъ себѣ путь къ вражеской столицѣ,—заслуживаетъ сравненія съ Помпеемъ.

— Все это не стоитъ и одного стиха Данте.

— Утѣшайся, сколько хочешь, этимъ убѣжденіемъ! Ха-ха! Не стоитъ одного стиха Данте!.. Я знаю не изъ книги, не благодаря чужой мудрости, а по собственному опыту, что всякое слово само по себѣ — пусто и безсильно, даже слово геніальнѣйшихъ поэтовъ, даже писанія вдохновенныхъ пророковъ! Велики только дѣла. Они одни побѣждаютъ силы природы и даже самую смерть. Жизнь безъ великаго дѣла— жалка и ничтожна. Наше честолюбіе не удовлетворяется словомъ. Земному шару мы продиктуемъ новые, великіе законы. Мы идемъ сражаться съ кочевниками и вызываемъ на единоборство потомковъ Массинисы, которые покорили себѣ дикаго коня Аравіи. Пѣнится и ждетъ насъ далекое, бурное море, съ гнѣвомъ бьется оно объ красныя скалы Корсики, объ гранитный берегъ Мальты. Оно ждетъ насъ цѣлые вѣка. Мы овладѣемъ его бурными волнами. Вѣтры, не знавшіе власти, мы заставимъ надувать наши бѣлые паруса. Пусть гонятъ они наши боевые корветы. Я чувствую наслажденіе при

мысли о соленыхъ, голубыхъ равнинахъ, надъ которыми подъ хмурымъ небомъ раздается крикъ дикихъ гусей, пролетающихъ изъ угрюмыхъ сѣверныхъ тундръ. А тамъ таинственный Египетъ, засыпанные пескомъ великіе народы и окаменѣвшая мудрость іероглифовъ! Я чувствую радость при мысли, что меня будетъ обдувать тотъ самый вѣтеръ, который навѣвалъ геніальныя мысли Антонію и Александру, обвѣвалъ царственную красоту Клеопатры. Въ моихъ мечтахъ я касаюсь ногами горячей земли пустыни, и меня волнуетъ непонятное, тревожное желаніе увидѣть страшное, загадочное лицо Сфинкса..

Князь Гинтултъ нетерпѣливо всталъ и потянулся... Мгновенье онъ колебался, какъ будто хотѣлъ высказать Сулковскому затаенную мысль, но не поронилъ ни слова. Лицо Сулковскаго выражало вдохновеніе. Повидимому, мысли его были далеко, и весь онъ страстно стремился куда-то. Князь прошелся нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ взялъ шляпу и простился съ пріятелемъ, пожавъ ему руку.

Когда онъ вышелъ на улицу, дождь, смѣшанный со снѣгомъ, хлесталъ его по лицу и залѣплялъ глаза. Князь закутался въ плащъ, надвинулъ шляпу на лобъ и быстро пошелъ по темнымъ улицамъ. Въ груди онъ чувствовалъ рану, которую разбередили, и изъ нея вырывались теперь тяжелые вздохи. Онъ шелъ все быстрѣе, сжималъ кулаки и бормоталъ про себя какія-то отрывистыя слова, которыя переходили иногда въ глухой стонъ и подавленное рыданіе.

„Utrum Bucephalus habuit rationem sufficientem?“

Съ большимъ трудомъ Рафаилъ Ольбромскій преодолѣлъ, наконецъ, всѣ трудности версификаціи Горація и другихъ римскихъ поэтовъ, „съ отличіемъ“ кончилъ „поэтику“ и получилъ право поступить въ „академію“. Къ изумленію товарищей и всѣхъ знакомыхъ, онъ записался на курсъ философіи. Его неожиданное увлеченіе австрійской школой и латинско-нѣмецкими науками имѣло свои основанія. Князь Гинтултъ заплатилъ въ свое время за квартиру и содержаніе своего питомца только за одинъ годъ и самъ проживалъ гдѣ-то въ далекихъ краяхъ. Никто ничего не зналъ и не слышалъ о немъ. Рафаилъ очутился въ критическомъ положеніи. Домой возвращаться онъ не имѣлъ ни желанія, ни возможности, а отправиться въ Грудно не рѣшался. Молодые князья, помѣщенные въ частный пансіонъ эмигрантки-француженки, гдѣ они учились французскому языку и хорошимъ манерамъ,

не вели компаніи съ бѣднякомъ. Только ради приличія и въ угоду начальству они заходили въ гимназію и изрѣдка видали Рафаила. На каникулы они не пригласили его съ собой, и онъ остался одинъ. Правда, его и не тянуло изъ города. Время проходило здѣсь необыкновенно весело. Адвокатъ Доршть, довѣренный князя, у котораго онъ жилъ, совсѣмъ не интересовался ни образованіемъ, ни поведеніемъ юноши. Изъ своей комнатки, рядомъ съ кухней, Ольбромскій могъ уходить въ городъ во всякое время дня и ночи. Онъ и пользовался этимъ, особенно во время карнавала. Городъ Краковъ въ это время былъ полонъ музыки и веселья. Зажиточная шляхта съѣхалась со всей Новой Галиціи. Балы и вечера не прекращались. Во французскомъ фракѣ, который носили студенты реторики и поэтики, въ отличіе отъ низшихъ, по-польски одѣвавшихся учениковъ латинскихъ классовъ, онъ при помощи болѣе богатыхъ товарищей попадалъ то на одинъ, то на другой балъ и плясалъ до упаду. Рафаилъ умѣлъ уже дирижировать разными танцами. Но больше, чѣмъ танцы, привлекали и затягивали его кафэ, обставленные на нѣмецкій ладъ. Билліардъ, карты и тайныя попойки практиковались всю зиму ежедневно. Напрасно гимназическій проректоръ Гимоновскій (по прозванію Гимка) преслѣдовалъ шалопаевъ и днемъ, и ночью. Они отлично умѣли обманывать его бдительность и доводили старика до отчаянія. Вонючее кафэ Герерсдорфа, съ громадной курилкой, съ покрытыми саломъ столами и съ изорванными билліардами, заключало въ себѣ особенно таинственную прелесть. Чернымъ ходомъ, по грязной лѣстницѣ, ежедневно врывалась туда юная ватага, овладѣвала билліардомъ и проводила пріятные часы, пока караульные, стоявшіе на стражѣ, не давали знать, что приближается „Гимка“ или кто-нибудь изъ учителей. Съ такимъ же увлеченіемъ играли въ карты. Картежная игра велась у товарищей, жившихъ подъ опекой родныхъ, также процвѣтала и въ ученическихъ интернатахъ. Начинали обыкновенно съ невинной ставки въ нѣсколько копѣекъ и кончали иногда крупнымъ проигрышемъ. Выигрышъ давалъ возможность тайно посѣщать нѣмецкій театръ и—съ еще большимъ наслажденіемъ—балетъ, только-что заведенный нѣмцами, повидимому, съ культурными цѣлями. О нѣкоторыхъ юнцахъ послѣдняго класса съ ужасомъ разсказывали,—что они бываютъ даже за кулисами.

Рафаилъ не принадлежалъ къ послѣдней категоріи, по недостатку нужныхъ для этого средствъ. Когда миновала зима и подошло время второго въ школьномъ году экзамена, ему пришлось засѣсть за книги. Но пробужденное воображеніе и окрѣпшая лѣнь мѣшали что-нибудь дѣлать. Какъ только

обсохла земля, Рафаилъ началъ уходить за городъ, въ окрестные лѣса, на гору св. Брониславы, въ сторону Кшешовицъ и Бѣлянъ. Проснулась задремавшая было тоска, новое, будто весеннимъ вѣтромъ навѣянное, чувство забилось въ груди. Случалось, что онъ шелъ по полю, ни о чемъ не думая, уставившись глазами въ землю. Иногда закрывалъ лицо руками, чтобы ничего не видѣть вокругъ.

— Елена, Елена...—пѣлъ ему въ уши весенній вѣтеръ. Но проходилъ день, и эти звуки заглушались новыми впечатлѣніями. Снова проходили недѣли глухого забвенія и пустоты.

Въ это время Рафаилъ сблизился съ ученикомъ Яжимскимъ. Это былъ богатый юноша, сирота, жившій на попеченіи своего дяди, бывшаго ротмистра народной кавалеріи. Опекунъ владѣлъ большимъ имѣніемъ въ окрестностяхъ Сѣвежа и строго контролировалъ расходы своего воспитанника, который швырялъ деньгами направо и налѣво. Яжимскій ждалъ только своего совершеннолѣтія, чтобы вырваться изъ подъ тяжелаго ярма опеки. А пока, въ виду отсутствія денегъ на билліардную игру и балетъ, вынужденъ былъ занимать, у кого попало. У него-то по ночамъ и велась наиболѣе азартная игра и происходили попойки. Отъ него выѣзжали и на балы. У Яжимскаго всегда имѣлось нѣсколько бутылокъ прекраснаго венгерскаго, и для гимназистовъ онъ былъ законодателемъ моды и образцомъ молодечества. Ольбромскій былъ его правой рукой, помощникомъ и довѣреннымъ. Касса у нихъ была общая. Они дѣлились ею такъ-же безкорыстно, какъ каждымъ новымъ восторгомъ передъ балетной звѣздой или огорченіемъ послѣ карточныхъ проигрышей. Благодаря дружбѣ съ Яжимскимъ, Ольбромскій поступилъ на курсы философіи. Ротмистръ-опекунъ настойчиво требовалъ окончанія курса и хотѣлъ видѣть своего питомца занимающимъ одну изъ должностей, которыя открывались теперь въ провинціи. Онъ желалъ, чтобы племянникъ непремѣнно выдержалъ экзаменъ на должность судебнаго пристава, которая давала очень хорошіе доходы. Поэтому онъ настаивалъ, чтобы Яжимскій поступилъ въ „академію" и слушалъ лекціи естественнаго права, которое читалъ докторъ Неметцъ, и гражданское право, которое излагалъ адвокатъ Литвинскій. Яжимскій, желая жить въ согласіи съ опекуномъ, по неволѣ согласился. Онъ убѣдилъ и Рафаила для компаніи сдать экзаменъ въ академію. Къ осени они оба уже получили свидѣтельства на право слушать философію. Рафаила совсѣмъ не занималъ переходъ изъ лицея св. Анны въ коллегію. Ему надоѣли латынь, нѣмецкій языкъ, книжки и тетради. Онъ никогда не могъ понять, почему въ разговорѣ съ учителемъ можно за-

мѣнить непонятное латинское выраженіе непонятнымъ же нѣмецкимъ, но нельзя употребить понятное польское. Онъ никогда не увлекался латинскими стихами, не принималъ близко къ сердцу науки о силлогизмахъ, и теперь съ полнымъ равнодушіемъ и даже презрѣніемъ относился къ болтовнѣ педагоговъ. Нѣкоторые изъ его товарищей почитывали украдкой старыя польскія книги, писали даже вирши своимъ дамамъ сердца неуклюжими риѳмами или безграмотной прозой, по образцу старыхъ блюдолизовъ и панегиристовъ эпохи Станислава Августа. Ольбромскій никогда не касался лиры. Онъ думалъ, правда, по польски, но за время пребыванія въ школѣ, не слыша ни одного слова родной рѣчи, настолько отвыкъ отъ нея, что по окончаніи гимназіи не умѣлъ написать письма по-польски и едва читалъ на родномъ языкѣ. Рафаилъ гораздо лучше владѣлъ перомъ на нѣмецкомъ языкѣ и прекрасно говорилъ по нѣмецки, хотя и презиралъ его, какъ вездѣсущую и скучную латынь.

Однажды зимой въ аудиторіяхъ коллегіи собралось слушателей больше обыкновеннаго. На лекціи „профессора логики и метафизики“ Лоди видны были на заднихъ скамьяхъ даже оболтусы изъ Прошовскаго и Скальмерскаго уѣздовъ, которые обыкновенно блистали своимъ отсутствіемъ. Лоди всегда любовно обращался къ нимъ и часто задавалъ задачи, силясь научить западныхъ и восточныхъ галичанъ искусству обращаться съ изысканными силлогизмами. Легкость объясненія по латыни (всѣ предметы въ краковскомъ отдѣленіи философіи преподавались на этомъ языкѣ) мало приносила пользы, врожденная доброта профессора, соединенная съ глубокою ученостью, почти не дѣйствовала, такъ какъ большинство слушателей во время лекціи преспокойно играло въ карты подъ партами. Теплыя комнаты коллегіи привлекли въ этотъ разъ большое количество философовъ. Одни изъ нихъ дремали, другіе смотрѣли на играющихъ въ карты, третьи были заняты чтеніемъ вещей, болѣе интересныхъ, чѣмъ логика и метафизика. Къ числу занятыхъ игрой въ карты принадлежалъ и Рафаилъ. Замѣтилъ-ли профессоръ особенное оживленіе на его лицѣ и объяснилъ это глубиной излагаемаго предмета, или же сдѣлалъ это нечаянно,—только онъ задалъ Рафаилу вопросъ:

— Utrum Bucephalus, equus Alexandri Magni, habuit rationem sufficientem?

Ольбромскій владѣлъ латинскимъ языкомъ еще съ дѣтства гораздо лучше, чѣмъ даже старшіе ученики польскихъ школъ въ Австріи, но, захваченный врасплохъ, съ картами въ рукахъ, и желая скорѣе избавиться отъ скучнаго педагога, онъ началъ строить невозможный силлогизмъ и, въ

концѣ концовъ, доказалъ, что конь Александра былъ одаренъ разумомъ. Въ значительной степени въ этомъ помогъ ему своимъ подсказываніемъ Яжимскій. Рафаила такъ разсердилъ смѣхъ, вызванный его доказательствомъ, что, забывшись, онъ махнулъ рукой, въ которой были карты. Профессоръ пришелъ въ ужасъ и негодованіе, и долго не могъ опомниться и произнести ни одного слова. Грудь его тяжело подымалась, лицо горѣло гнѣвомъ и возмущеніемъ.

Трагедія кончилась только тогда, когда профессоръ ушелъ, и его мѣсто занялъ согбенный годами старикъ—ксендзъ Андрей Тшцинскій, профессоръ физики. Онъ пришелъ, продрогшій насквозь, въ своей потертой рясѣ, съ взъерошенными сѣдыми волосами. Чтобы согрѣться, онъ велѣлъ сторожу принести себѣ стаканъ кофе и булку. Старикъ собирался объяснить слушателямъ сквожность тѣлъ. Кофе и булка какъ разъ подходили для объясненія. Обрадованный такимъ благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, ученый педагогъ, не желая терять времени, сталъ пить теплый напитокъ и, макая въ него булку, съ увлеченіемъ разъяснялъ законъ всасыванія кофе въ булку. Между тѣмъ Яжимскій, которому не везло въ карты, мигнулъ одному изъ товарищей, и тотъ занялъ физика какимъ-то вопросомъ. Ксендзъ приблизился къ партамъ и вступилъ въ горячій споръ. Тогда Яжимскій за его спиной подошелъ къ каѳедрѣ, выпилъ кофе и съѣлъ булку.

— Ubi est mea caffa?—съ изумленіемъ спросилъ старикъ, вспомнивъ о своемъ кофе.

Яжимскій вытеръ губы, вѣжливо поклонился и сказалъ:

— Caffa et bucella per attractionem corporum venit ad meum stomachum.

Такъ какъ матеріалъ для опытовъ исчезъ, то ксендзъ не зналъ, что дѣлать, сталъ жаловаться на холодъ и, не ожидая конца лекціи, ушелъ домой пить кофе.

Затишье.

Весной того-же года Рафаилъ поссорился съ пріятелями, особенно съ Яжимскимъ, и потерялъ въ Краковѣ почву подъ ногами. Ему отказали отъ квартиры, въ карты онъ проигрался до тла, сразу одолѣло столько непріятностей и такъ опротивѣло посѣщеніе коллегіи, что онъ рѣшилъ бѣжать... Но куда? Долго онъ колебался и, наконецъ, рѣшился: ни слова не сказавъ никому, поѣхалъ домой. Онъ явился туда въ первыхъ числахъ апрѣля, передъ праздникомъ пасхи. Снѣга уже растаяли, хотя еще лежали грязными

полосами кое-гдѣ по оврагамъ. Двери избъ были открыты. Еще издалека онъ увидѣлъ на холмѣ родную усадьбу. Какимъ желаннымъ и дорогимъ показался ему старый, низкій, выбѣленный домикъ! Когда наемныя лошади подъѣхали къ крыльцу, Рафаилъ медленно вылѣзъ изъ повозки и велѣлъ кучеру обождать. Но навстрѣчу вышелъ самъ отецъ, приказалъ возницѣ возвращаться домой и даже прибавилъ ему пятиалтынный на пиво. Рафаила встрѣтили радушно. Его окружили со всѣхъ сторонъ и разсматривали, какъ венгерца съ товарами. Мать касалась руками его волосъ и незамѣтно гладила ихъ, сестры восхищались его сильно потертымъ фракомъ и запыленными чулками. Даже старый отецъ, надутый и угрюмый, позволялъ сыну говорить безпрепятственно и даже изволилъ смѣяться, разспрашивать и часто поддакивать ему. Когда заговорили о Петрѣ,— раздался плачъ. Сердце Рафаила размякло, и глаза покрылись слезами. Одну минуту онъ хотѣлъ броситься къ родительскимъ ногамъ и открыть, подобно блудному сыну, всѣ свои вины, совершенныя въ Груднѣ и Краковѣ. Но порывъ покаянія прошелъ очень быстро, и признаній никто не услышалъ.

Послѣ пасхи, въ теченіе которой Рафаиломъ интересовались всѣ сосѣди, настала пора полевыхъ работъ. Старый чесьникъ велѣлъ спрятать въ шкафъ фраки и чулки ех-философа и дать сыну деревенскій костюмъ: дерюжный камзолъ, такіе-же штаны, сшитые придворнымъ портнымъ Юдкой, грубые сапоги работы придворнаго сапожника Вонсика, и соломенную шляпу, изношенную уже въ прошломъ году другими членами семьи и сдѣланную изъ собственной пшеничной соломы пастухомъ Іоахимомъ. Втаскивая на свои изнѣженныя ноги грубые, вонючіе сапожища, Рафаилъ почувствовалъ отвращеніе и вспыхнулъ отъ стыда. Ему вспомнилась княжна Елисавета.

— Интересно, если бъ она увидѣла меня въ этомъ костюмѣ!—подумалъ онъ съ ироніей.—Былъ бы у нея хорошій предлогъ издѣваться надо мною...

Тѣмъ не менѣе, онъ надѣлъ свой костюмъ и отправился въ поле. Цѣлые дни проводилъ онъ за работой, среди сѣрыхъ, слегка уже пылившихся сандомирскихъ полей. Онъ ходилъ за плугомъ, наблюдалъ за посѣвомъ, ѣздилъ на крестьянскихъ возахъ съ мѣшками и по другимъ дѣламъ. Онъ сразу загорѣлъ, руки огрубѣли, прическа à la Titus - превратилась въ мужицкую чуприну. Рафаилъ рѣшилъ, что все, что было до сихъ поръ, было непохвально, дурно. Онъ рѣшилъ во всемъ слушаться родителей и ничего отъ нихъ не скрывать. Онъ будетъ думать такъ, какъ они, будетъ поступать,

какъ они хотятъ. Юноша, во что бы то ни стало, рѣшилъ забыть о своей любви къ Еленѣ, которая со своей опекуншей жила теперь то въ Берлинѣ, гдѣ вела какой-то процессъ о наслѣдствѣ, то гдѣ-то на водахъ въ Венгріи.

Чтобы совершенно побороть свою любовь, Рафаилъ продѣлывалъ разные опыты: нарочно выѣзжалъ верхомъ въ далекое поле, откуда видны были Дерславицы, останавливался тамъ и смотрѣлъ вдаль на группы деревьевъ, похожихъ на облака. Эти деревья всегда сохраняли одну и ту-же форму, всегда были одинаково видны, точно застывшія видѣнія. Глядя на дорогія когда-то мѣста, Рафаилъ заставлялъ себя быть равнодушнымъ, смѣялся надъ собой, остроумно издѣвался надъ своей глупостью и разсуждалъ такъ благоразумно, какъ бы его слушала вся семья. Онъ поворачивалъ лошадь и возвращался домой, увѣренный въ себѣ. Но не всегда бывали такія послѣдствія.

Однажды онъ незамѣтно очутился на краю поля, между двумя глубокими оврагами. Было это въ концѣ апрѣля, когда природа только что расцѣтала. Въ глубинѣ оврага, у своихъ ногъ онъ увидѣлъ нѣжную зелень травы. Солнце поднимало оттуда легкія, полупрозрачныя облачка тумана, голубоватаго и розоваго — вмѣстѣ, какъ цвѣтъ перламутра. Нѣсколько маленькихъ лужицъ чистой, голубой воды рябили и блестѣли между молодыми стеблями, какъ само солнце. Въ эту-то минуту какой-то туманъ спустился на душу желавшаго отрезвиться юноши. Ему послышались какіе-то неясные, таинственные и сладкіе звуки... Затуманенными глазами смотрѣлъ онъ на свѣтлый, весенній лугъ. Какъ сквозь сонъ, ощущалъ онъ неуловимый трепетъ жизни въ каждой травкѣ, въ журчаніи каждаго ручейка... На мгновенье какъ будто раскрылась его душа, затрепетало сердце... Это мгновеніе было такъ непохоже на всѣ другіе моменты, что онъ почти испугался. Но оно тотчасъ-же исчезло безъ слѣда, какъ борозда на поверхности озера.

Рафаилъ вернулся къ своей работѣ и забылъ бы навсегда объ этомъ ребячествѣ, если бы не сестра Зофка. За садомъ, который раскинулся на крутомъ скатѣ холма, лежалъ небольшой клочекъ земли, поросшій снизу ольховой чащей, а вверху боярышникомъ. Тамъ стояла большая, старая береза, сильно разросшаяся и на половину высохшая. Изъ подъ ея корней пробивался изъ земли родникъ и нѣсколькими ручейками пробѣгалъ между ольхами. Весной это было чудное мѣсто. Родникъ былъ окруженъ кучами незабудокъ, а по берегамъ ручейковъ росла масса золотистыхъ лютиковъ. Прелестные цвѣты поднимались надъ водой и склоняли къ ней свои задумчивыя головки. Кругомъ росли цвѣты съ фанта-

стическими, какъ дѣтскіе сны, очертаніями. Изъ воды торчали камыши, какъ колчанъ легкихъ зеленыхъ стрѣлъ. Надъ родникомъ свѣшивался яркій зеленый мохъ, а по мху ползла къ водѣ масса широкихъ листьевъ, точно огромныя перепончатыя лапы. Между ними росли ирисы и колокольчики, съ широкими лиловыми чашечками. Рафаилъ сорвалъ нѣжный цвѣтокъ и невольно прижалъ его къ губамъ.

Однажды онъ засталъ у родника сестру Зофку. Она, за время его отсутствія изъ дому, успѣла расцвѣсти, выросла и сдѣлалась очень красивой дѣвушкой. Рѣдко онъ съ нею встрѣчался съ глазу на глазъ. Теперь она спускалась съ горы по тропинкѣ. Она не замѣтила брата и, тихонько напѣвая, пошла вправо отъ родника. Ея голова съ свѣтлыми волосами была уже между кустами цвѣтущаго боярышника. Его удивило, что сестра проникла въ дѣвственную чащу, гдѣ онъ самъ еще не бывалъ. Рафаилъ пошелъ за ней и увидѣлъ протоптанную между кустами тропинку, которая вела въ скрытую въ чащѣ бесѣдку. Дерновая скамья занимала половину этой бесѣдки. Надъ ней густой, непроницаемой крышей лежали вѣтви боярышника, покрытые цвѣтами. Дикій хмѣль перебросилъ по вѣтвямъ свои крѣпкія нити, а одинокая березка, съ бѣлой растрескавшейся корой, тихо вздыхала въ этомъ уединеніи, когда легкій вѣтеръ тревожилъ ея серебристо-зеленую листву.

Зофка сконфузилась и покраснѣла, увидѣвъ брата. Практичная хозяйка, съ утра до вечера занятая коровами, телятами, курами, гусями, кладовой и буфетомъ, сидѣла здѣсь, пойманная на мѣстѣ преступленія. Она сама протоптала эту тропинку, сама натаскала камней и покрыла ихъ дерномъ. Зачѣмъ? для чего? Чтобы приходить сюда весной и сидѣть „такъ себѣ“. Какъ она сожалѣла теперь, что сдѣлала все это,—теперь, когда братъ смотрѣлъ на нее свысока своими насмѣшливыми глазами! Она ничего, рѣшительно ничего не могла сказать въ свое оправданіе. Ни коровамъ, ни телятамъ, ни гусямъ, ни даже челяди отъ этого не было пользы... Она опустила глаза, и въ лицѣ ея появилось выраженіе безпомощности. Долго сидѣла она такъ, перебирая пальцами траву. Наконецъ, сказала:

— Рафаилъ, не говори папенькѣ, что ты засталъ меня здѣсь...

— Не говорить?

— Не говори!

— Такъ скажи мнѣ, зачѣмъ ты тутъ сидишь?

— Не говори! Увидишь, что не пожалѣешь. Я ужъ отблагодарю тебя.

— Скажи, зачѣмъ ты тутъ сидишь?...

— Такъ себѣ, сижу, и конецъ. Когда устану въ кухнѣ или отъ стирки бѣлья, то... то прихожу сюда и отдыхаю.

— А развѣ нельзя отдыхать въ саду, а не тутъ, между кустами?

— Развѣ это мѣшаетъ тебѣ или кому-нибудь? Здѣсь меня никто не видитъ, а тамъ сейчасъ же какая нибудь дѣвка увидитъ и позоветъ или въ коровникъ, или въ пекарню...

Рафаилъ замолчалъ. Нѣкоторое время онъ стоялъ у входа въ бесѣдку, осматриваясь кругомъ. Потомъ сѣлъ на скамьѣ, рядомъ съ сестрой. Кругомъ пѣли птицы. Два бѣлыхъ мотылька носились въ воздухѣ, какъ нѣжные лепестки цвѣтка. Черезъ нѣкоторое время Зофка встала и, ни слова не говоря, вдругъ убѣжала. Рафаилъ еще долго лежалъ, лѣниво вытянувшись на скамьѣ. Нѣсколько часовъ прошло совсѣмъ незамѣтно. Ему казалось, что онъ въ Выгнанкѣ. Онъ забылся и запутался въ воспоминаніяхъ о прошломъ. Казалось, что долетавшіе до слуха звуки — удары Уриной кайлы, что слышится голосъ Михцика...

Наконецъ, онъ спохватился, что такъ непростительно лѣниво проводитъ время, и поспѣшилъ отправиться въ поле, давая себѣ слово никогда больше не заглядывать въ этотъ уголокъ. Но черезъ нѣсколько дней онъ нечаянно опять попалъ сюда. Очень ужъ пріятно было здѣсь помечтать. Онъ сѣлъ и задумался. Разбудилъ его шорохъ... Зофка пробиралась на ципочкахъ, осторожно выглядывая изъ-за кустовъ боярышника. Замѣтивъ брата, она хотѣла убѣжать, но Рафаилъ удержалъ ее съ громкимъ смѣхомъ. Ей пришлось войти и сѣсть. Теперь она уже не такъ была смущена, какъ въ первый разъ. Мало того, въ лицѣ ея свѣтилось живое и упорное любопытство. Она начала съ братомъ разговоръ и незамѣтно навела его на Краковъ и Грудно. Рафаилъ отдѣлывался подробностями, которыя уже десятки разъ разсказывалъ въ присутствіи всей семьи.

— Ты мнѣ объясни,—говорила сестра, потупивъ глаза и наморщивъ брови:—какой изъ себя этотъ князь?

— Какой? Я уже говорилъ: высокій, тонкій...

— Это я отлично знаю, какъ будто сто разъ его видѣла,— ты побольше разскажи о немъ.

— Я уже тысячу разъ разсказывалъ.

— Объясни мнѣ, какъ это онъ такъ сразу уѣхалъ... И никто не знаетъ, гдѣ онъ?

— Никто.

— Это удивительно и прелестно...

— Даже прелестно?

— Исчезъ и нѣтъ его. У насъ, — съ пренебреженіемъ продолжала она: — если кто-нибудь уѣзжаетъ, то только въ

Климонтовъ или въ Сандомиръ. Во всѣхъ избахъ знаютъ тогда, что такой-то уѣхалъ въ Климонтовъ или въ Сандомиръ и вернется къ вечеру или завтра утромъ. Всѣ евреи въ мѣстечкѣ говорятъ объ этомъ цѣлыхъ два дня. Разъ папенька уѣзжалъ въ Опатовъ,—такъ мы къ этому событію готовились цѣлую недѣлю, кормили лошадей, жарили цыплятъ. А твой князь поѣхалъ куда-то — и исчезъ. Можетъ быть, вернется, а можетъ быть и нѣтъ. Какъ, должно быть, пріятно-скрыться съ глазъ людей!

— Что это пришло тебѣ въ голову?

— Такъ себѣ. Мнѣ кажется, что ты и самъ не прочь бы отправиться путешествовать.

— Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ!

— Ну...

— Глупая ты сорока, и больше ничего. Ты думаешь, что свѣтъ похожъ на Климонтовъ вмѣстѣ съ Копшивницей. Влѣзешь на горку, спрячешься—и нѣтъ тебя! Посмотрѣла бы ты, что тамъ творится!

— Не увижу я,—нечего меня пугать.

— Конечно, не увидишь!

— Знаешь, мнѣ кажется, что князь долженъ быть... большой, прекрасный, сильный и ласковый... Какое это прелестное слово: князь... князь... князь...

Рафаилъ не отвѣчалъ.

— Скажи мнѣ,—не унималась Зофка:—онъ былъ такимъ пріятелемъ покойнаго брата Петра, — упокой, Господи, его душу!—развѣ послѣ смерти брата ему не слѣдовало бы пріѣхать къ намъ и поговорить по душѣ съ папенькой?

— О чемъ?

— Развѣ я знаю, о чемъ? Просто, поговорить.

— Знаешь, ты слишкомъ много времени проводишь съ коровами...

— О, конечно,—отвѣтила она серьезно и потупила глаза.

— Какъ такой панъ,—сказалъ Рафаилъ, желая смягчить жесткость своихъ словъ,—можетъ пріѣхать къ бѣдной шляхтѣ, въ родѣ насъ? Мы маленькіе паны, а онъ — магнатъ. И съ какой стати?..

— Съ такой стати, что я хотѣла бы его посмотрѣть. Интересно мнѣ, такой ли онъ...

— Раньше, — продолжалъ онъ,—пока еще Польша была цѣла, къ нашему двору, говорятъ, подкатывали кареты шестеркой великолѣпнѣйшихъ рысаковъ, потому что дѣло шло о голосѣ на выборахъ или еще о чемъ-нибудь. Но теперь!.. Если-бъ ты знала, какіе они... весь ихъ дворъ, родня, сестры...

— Такъ у него есть сестры?

— Есть...

Зофка подняла голову и взглянула на брата.

— Почему ты никогда не говорилъ мнѣ объ этомъ?

— А развѣ это для тебя важно?

— Важно ли?.. Ха—ха!..

Рафаилъ смутился, медленно всталъ и вышелъ. Лѣниво поплелся онъ по тропинкѣ вдоль источника и остановился, задумавшись. Онъ не обернулся, хотя слышалъ, что Зофка, напѣвая, идетъ за нимъ. Рафаилъ думалъ, что она пройдетъ мимо и удалится, давъ ему возможность вернуться въ бесѣдку. Но она стала взбираться по крутому подъему и своими сильными и гибкими ногами топтала бархатный мохъ и широкіе листья.

— Князь, мой князь! — весело повторяла она вполголоса про себя.

— Что ты болтаешь? Почему ты все говоришь объ этомъ князѣ?..

Зофка сорвала прелестный цвѣтокъ ириса и, показывая его издалека брату, сказала:

— Вотъ—князь...

Рафаилъ даже покраснѣлъ.

— Взгляни,—говорила Зофка:—развѣ ирисъ не красивѣе всѣхъ цвѣтовъ? Красивѣе ландыша и кукушкиныхъ слезокъ. Потому я и назвала его *княземъ*... Княжескій цвѣтокъ... Мой любимый цвѣтокъ... Какъ онъ прекрасенъ!..

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

* * *

Дождь прошумѣлъ надъ знойными полями,
И вѣтерокъ, увлаженный дождемъ,
Плыветъ по ржи зелеными волнами
И влажнымъ дышетъ мнѣ въ лицо тепломъ.

Пыль улеглась. На солнцѣ лугъ дымится.
Въ травѣ горятъ огни счастливыхъ слезъ.
Изъ рощи тихимъ шепотомъ струится
Смолистый запахъ молодыхъ березъ.

Вода сверкаетъ въ колеяхъ дороги.
Обрывки тучъ уноситъ вѣтеръ въ даль,
Съ души свѣваетъ черныя тревоги,
Свѣваетъ одиночества печаль.

Просторъ полей, зеленой ржи волненье,
Лазурь небесъ и рощи тихій шумъ—
Льютъ въ душу мнѣ отрадное забвенье
Моей тоски и одинокихъ думъ!

Л. Андрусонъ.

онъ говоритъ, что если бъ въ вазы сажали картофель, было бы больше пользы, но панъ Штерхъ глупъ, правда?

— Конечно, правда.

Карлъ чувствовалъ себя все лучше; наконецъ, когда Мада расхрабрилась и перестала думать о своемъ румянцѣ, всегда смущавшемъ ее, она заговорила такъ, что Карлъ посмотрѣлъ на нее съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

Ей недоставало свѣтской выправки: отецъ ея былъ новичкомъ-милліонеромъ, она воспитывалась между кухней и фабрикой, въ простомъ кругу рабочихъ и такихъ же выбившихся изъ бѣдности семей, какъ ихъ собственная, но у нея былъ живой умъ и много житейскаго пониманія.

Лицемѣріе свѣтской жизни не убило въ ней искренности, благодаря которой Мада нерѣдко казалась до смѣшного наивной, восхищая въ то же время своей простотой.

Она кончила какой-то пансіонъ въ Саксоніи, откуда Мюллеръ нѣсколько лѣтъ назадъ, простымъ ткачомъ, прибылъ въ эту землю, которая стала для него поистинѣ землей обѣтованной.

Мада имѣла даже нѣкоторое понятіе о цѣнѣ денегъ и въ разговорѣ объ одной знакомой замѣтила:

— Вы знате, Маня Готфридъ разошлась со своимъ женихомъ?

— Нѣтъ, а васъ это возмущаетъ?

— Только удивляетъ: она некрасива, не имѣетъ приданаго, а расходится уже со вторымъ.

— Можетъ быть, она предпочитаетъ подождать богатаго молодого фабриканта?

— Вѣдь и этотъ женихъ могъ бы разбогатѣть. Мой отецъ, когда женился, не имѣлъ ни одного талера, а теперь богатъ.

— А можетъ быть, панна Готфридъ хочетъ остаться старой дѣвой?

— Кто же захочетъ добровольно остаться старой дѣвой?— съ жаромъ воскликнула Мада.

— Вы въ этомъ увѣрены?

— Я бы никогда не осталась! Мнѣ всегда очень жаль старыхъ дѣвъ: онѣ такія одинокія, такія несчастныя!

— Вы очень добры...

— Кромѣ того, надъ ними смѣются. Если бъ отъ меня зависѣло, то у всѣхъ женщинъ въ мірѣ были бы мужья и дѣти, — она посмотрѣла, не смѣется ли Боровецкій, но онъ сдержалъ улыбку и, глядя на ея золотистыя рѣсницы и покраснѣвшее лицо, отвѣтилъ серьезно:

— Вы бы хорошо сдѣлали.

— А вы не смѣетесь надо мной?—подозрительно спросила дѣвушка.

— Я удивляюсь вашему доброму сердцу.

— Папа идетъ,—сказала она, немного отодвигаясь отъ Боровецкаго.

Мюллеръ былъ въ туфляхъ, стучавшихъ деревянными подошвами, въ бумазейномъ, подбитымъ ватой и сильно поношенномъ халатѣ.

Съ своимъ толстымъ, краснымъ лицомъ, совершенно лишеннымъ всякой растительности и блестѣвшимъ отъ жира, онъ походилъ на кабатчика; только вмѣсто фаянсовой трубки въ зубахъ, у него была сигара.

— Почему мнѣ не сказали, Мада, что у насъ панъ Боровецкій?—спросилъ старикъ, поздоровавшись.

— Мама не хотѣла мѣшать вамъ.

— Да, у меня большая непріятность! — Мюллеръ вынулъ сигару и пошелъ плюнуть въ плевальницу у пѣчки.

— Вы не сокращаете производства?

— Долженъ сократить: готоваго товара масса, а продаемъ мало. Сезонъ совсѣмъ пропалъ. Покупатели есть, но всѣ банкротятся. Въ этомъ году я достаточно потерялъ изъ-за нихъ. Видно, нужно ждать лучшихъ временъ.

— Ну, вамъ не страшенъ даже самый плохой сезонъ,— замѣтилъ Боровецкій съ улыбкой.

— Да! но то, что потеряешь сегодня, не наверстаешь въ самый лучшій сезонъ. У Бухгольца не уменьшаютъ рабочаго дня?

— Напротивъ, въ отдѣлѣ бѣлаго товара будутъ работать по вечерамъ.

— Ему всегда везетъ... Онъ все еще боленъ?

— Немного поправился, пробуетъ ходить.

— Почему ты, Мада, держишь тутъ пана Боровецкаго?— обратился Мюллеръ къ дочери: — вѣдь у насъ для гостей дворецъ.

— Пожалуйте,—пригласила Мада.

— Пойдемъ, я покажу вамъ свою хату...

— О которой чудеса разсказываетъ вся Лодзь.

— Посмотрите: она обошлась мнѣ въ сто шестьдесятъ тысячъ рублей, но за то все новое. Я не покупаю старой рухляди, какъ Эндельманы. У меня хватитъ денегъ и на новое.

Онъ обдернулъ халатъ на большомъ животѣ и презрительно выпятилъ губы, при воспоминаніи о старинной, очень дорогой мебели Эндельмановъ.

Они спустились по узкой лѣстницѣ, которая вела изъ стараго дома въ первый этажъ дворца; бель-этажъ его былъ занятъ главной конторой.

Мада побѣжала впередъ и открыла большую дверь, ручка которой была обвернута бумазеей.

— Хорошо, что вы пришли,—сказалъ Мюллеръ, сопя и не выпуская сигары изо рта.

— Я давно собирался, но все не было времени.

— Знаю, знаю!—старикъ похлопалъ его по плечу.

— У насъ скучно, потому вы и боитесь придти,—замѣтила Мада.

— Садитесь на этотъ красивый диванъ, — пригласилъ Мюллеръ.

Квартира утопала въ полумракѣ, но Мада подняла шторы, и яркій свѣтъ залилъ рядъ роскошно меблированныхъ комнатъ.

— Не хотите-ли хорошую сигару?

— Никогда не отказываюсь.

— Попробуйте-ка вотъ эти, — крѣпкія, семьдесятъ пять копѣекъ штука!

Мюллеръ вытащилъ изъ кармана сильно засаленныхъ штановъ горсть измятыхъ, изломанныхъ сигаръ.

— А эти, послабѣе, по рублю, попробуйте! — прибавилъ Мюллеръ, вытаскивая изъ другого кармана еще болѣе исковерканныя сигары. Онъ бросилъ ихъ на столъ, потомъ помялъ грязными руками, стараясь выпрямить, обкусилъ кончикъ одной и подалъ гостю.

— Я попробую крѣпкія, — сказалъ Карлъ и закурилъ не безъ отвращенія.

— Fein, правда? — спросилъ старикъ, развалившись на креслѣ по серединѣ комнаты и заложивъ руки въ карманы.

— Прекрасныя, но у той, которую вы курите, какой-то особенный запахъ.

— Моя стоитъ пять пфениговъ; я очень много курю и привыкъ къ этимъ,—объяснилъ Мюллеръ.—Не хотите ли осмотрѣть нашу квартиру?

— Съ удовольствіемъ. Максъ Баумъ много разсказывалъ мнѣ о ней.

— Это умный парень, а у отца его недостаетъ чего-то... въ головѣ... Смотрите хорошенько, да внимательно: это не какая-нибудь подержанная мебель, дешевка,—все сдѣлано на заказъ въ Берлинѣ.

— Вы все выписывали изъ-за границы?

— Все. Гюберманъ говорилъ мнѣ, что здѣсь у васъ ничего порядочнаго нельзя достать.

Карлъ замолчалъ и довольно поверхностно оглядѣлъ мебель, тяжелыя шелковыя и бархатныя портьеры, ковры картины, или, вѣрнѣе, великолѣпныя рамы, потому что Мюллеръ больше всего обращалъ вниманіе на нихъ; дорогіе, но безвкусные канделябры, печи изъ нѣмецкой маіолики будуаръ съ зеркалами въ рамахъ изъ саксонскаго фарфора.

Мада подробно объясняла Боровецкому каждый предметъ, довольная его присутствіемъ, и поминутно вскидывала на него свѣтлые глаза, опушенныя золотистыми рѣсницами.

Квартира, дѣйствительно, оказалась обставленной съ роскошью, свойственной выскочкамъ. Въ ней было все, что можно пріобрѣсти за деньги, но не хватало ни жизни, ни вкуса: очень роскошный кабинетъ, въ которомъ никто не работалъ; мраморная ванна, бассейнъ, выложенный бѣлой съ синимъ маіоликой, въ который нужно спускаться по ступенькамъ, покрытымъ матеріей; потолокъ, разрисованный въ помпейскомъ стилѣ... Но чувствовалось, что въ этихъ бассейнахъ и ваннахъ никто еще не купался.

Подъ башенкой, возвышавшейся надъ крышей палаццо, какъ комокъ толстой шерсти, находилась комната якобы въ мавританскомъ стилѣ; окна, стѣны и двери пестрѣли яркими, грубыми завитушками; длинныя, низкія отоманки въ ней были покрыты бумазеей восточнаго рисунка. Комната имѣла каррикатурный и пошлый видъ, благодаря крикливой пестротѣ; въ ней тоже никто никогда не садился подъ мавританскимъ куполомъ, блестѣвшимъ, подобно старой кастрюлѣ, мѣдно-кирпичнымъ цвѣтомъ.

— Это по-испанки,—объяснилъ Мюллеръ.

— По-мавритански, папа,—поправила Мада.

— Вы, пане Мюллеръ, сами это устраивали?

— Нѣтъ, я только деньги самъ платилъ, а устраивалъ Гюберманъ.

— Вамъ нравится эта комната?—спросила Мада.

— Очень, она прелестна и оригинальна, — солгалъ Боровецкій съ улыбкой на губахъ.

— Она очень дорого обошлась. Гюберманъ взялъ за нее лишнихъ двѣ тысячи. Я вообще не люблю пустяковъ, люблю только солидныя вещи; но когда онъ началъ мнѣ разсказывать, что въ каждомъ порядочномъ домѣ должна быть комната въ японскомъ или китайскомъ вкусѣ, и Мадѣ хотѣлось этого, — я велѣлъ устроить, ради оригинальности, въ мавританскомъ стилѣ. Мнѣ это не мѣшаетъ, пусть себѣ будетъ какой угодно стиль: я все равно не буду здѣсь жить.

— Такъ вы не живете въ этомъ дворцѣ?

— Пане Боровецкій, если бы я жилъ въ такомъ дворцѣ, надо мною смѣялись бы, какъ смѣются надъ Мейеромъ и Эндельманами. Мнѣ удобнѣе въ старой хатѣ!

— Но жаль держать домъ пустымъ.

— Всѣ строятъ дворцы, у всѣхъ есть экипажи, лошади, и у меня все это заведено; стòитъ дорого, и пусть себѣ стоитъ, за то люди знаютъ, что Мюллеръ можетъ имѣть дворецъ, хотя и предпочитаетъ жить въ старомъ домѣ.

Они стали осматривать дальше.

Въ серединѣ квартиры была обитая темной матеріей, длинная, узкая комната, съ однимъ окномъ, обращеннымъ къ аллеѣ, которая вела на фабрику.

У стѣнъ стояли низкія кушетки, обитыя красной кожей съ золотыми цвѣтами, со спинками, достигавшими до половины стѣнъ, и раздѣленныя на отдѣльныя сидѣнія, какъ въ купэ второго класса.

Это была комната для куренья, какъ объяснила Мада, но по безупречной чистотѣ кушетокъ, низкихъ столиковъ, симметрически разставленныхъ передъ ними, видно было, что здѣсь еще никто не курилъ.

Осмотрѣли огромную гостиную. Она была въ четыре окна, совершенно бѣлая, съ золоченнымъ потолкомъ и вся загромождена мебелью. Тутъ было множество картинъ, канделябровъ, колоннъ, диванчиковъ, креселъ, которыя длинными рядами въ бѣлыхъ чехлахъ стояли по стѣнамъ,—и тоже сразу кидалось въ глаза, что никто еще не сидѣлъ на этой мебели.

Кромѣ большого кабинета, имѣлись и маленькіе, золоченные, украшенные, какъ бомбоньерки, полные бездѣлушекъ, пустыхъ жардиньерокъ, съ изящными мраморными каминами, на которыхъ красовались фарфоровыя статуэтки.

Столовая, соединенная съ кухней подъемной машиной, была вся выложена квадратиками изъ краснаго дерева. Мюллеръ подходилъ и открывалъ поочереди буфеты въ стилѣ Empire, показывая посуду, еще не бывшую въ употребленіи.

Архитекторъ и обойщикъ ни о чемъ не забыли: была и библіотека—маленькая комнатка, уставленная шкафами бѣлаго дуба; на полкахъ виднѣлись золоченные корешки переплетовъ сочиненій всѣхъ великихъ писателей, которыхъ, однако, здѣсь никто не читалъ и даже не зналъ по имени.

Наконецъ, вошли въ спальню. по серединѣ, подъ синими шелковыми балдахинами, стояли двѣ громадныя кровати, покрытыя такими-же одѣялами; синіе ковры закрывали весь полъ, и стѣны были оклеены такого-же цвѣта обоями. Въ углу стоялъ большой мраморный умывальникъ на двухъ человѣкъ, такой большой, что въ немъ можно-бы, кажется, купать лошадей. Онъ соединялся трубой съ фабрикой, откуда доставлялась теплая вода. Спальней никто не пользовался.

— Восхитительная спальня!—сказалъ Карлъ.

— Это для Мады, когда она выйдетъ замужъ. Пойдемъ теперь въ ея будуаръ.

Но Мада начала протестовать, такъ какъ тамъ еще не прибрано.

— Глупая! — пробормоталъ старикъ и ввелъ Карла въ очень свѣтлую комнату, обтянутую блѣднорозовой матеріей.

Миніатюрная мебель стояла въ большомъ безпорядкѣ на свѣтломъ коврѣ.

— Прекрасное мѣсто для писанія писемъ,—сказалъ Карлъ, разсматривая маленькій столъ, на которомъ съ замѣчательной аккуратностью были разставлены коробки съ бумагой и письменныя принадлежности.

— Только мнѣ совсѣмъ некому писать, хотя такъ хотѣлось-бы!..—проговорила Мада искренно, подходя къ двумъ канарейкамъ, висѣвшимъ въ проволочной клѣткѣ на окнѣ.

— Ваша комната, какъ у гетевской Маргариты,—сказалъ Боровецкій.

Мада не нашлась, что отвѣтить, но покраснѣла до самыхъ волосъ.

Возвращаясь внизъ, Карлъ еще разъ осмотрѣлъ многочисленныя безжизненныя, чопорныя комнаты. Онѣ были такъ чисты, свѣжи, новы, что производили впечатлѣніе богатой, но безвкусной обойно-мебельной выставки.

Здѣсь жила одна Мада; домъ стоялъ напоказъ гостямъ, чтобы Мюллеръ могъ сказать: у меня есть дворецъ.

Внизу, въ маленькой комнаткѣ, рядомъ съ кухней и служившей столовой для всей семьи, мадамъ Мюллеръ подала кофе.

Карлъ отговаривался недостаткомъ времени, но Мюллеръ отнялъ у него шляпу, обнялъ и усадилъ въ кресло.

Карлъ остался, уступая краснорѣчивымъ глазамъ Мады: ему не хотѣлось огорчить ее,—но рѣшилъ всетаки поскорѣе уйти, чтобы попасть еще сегодня къ Бухгольцу.

Кстати онъ попросилъ Мюллера оказать Горну протекцію у Шаи.

Фабрикантъ торжественно обѣщалъ, что завтра-же лично переговоритъ съ Шаей, и даже ручался за успѣхъ, такъ какъ находится съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ.

Мадамъ Мюллеръ молча пододвигала разныя печенья своего издѣлія и нѣсколько разъ поправила Мадѣ волосы, которые золотыми прядями выбивались на лобъ: довольная дѣвушка все время смѣялась и сама ничего не замѣчала. Она не умѣла даже скрыть, что Карлъ ей очень нравится, и говорила ему это нѣсколько разъ.

Мюллеръ тоже былъ радъ присутствію Боровецкаго, обнималъ его, хлопалъ по колѣну и много распространялся о своей фабрикѣ.

Карлъ, насколько возможно, притворялся, будто интересуется разговоромъ, терпѣливо слушалъ, отвѣчалъ, но въ

глубинѣ души томился натянутостью положенія и банальностью темъ Мюллера.

На всемъ домѣ лежалъ отпечатокъ мѣщанства и въ тоже время порядка и чисто-нѣмецкаго трудолюбія: милліоны не испортили Мюллера, и у него сохранились потребности и привычки рабочихъ.

— Когда вы сдѣлаетесь нашимъ сосѣдомъ, вамъ можно будетъ чаще бывать у насъ,—сказалъ старикъ.

— А вы будете близко жить? — съ любопытствомъ спросила Мада.

— Да. Видите эти окна за фабрикой Травинскаго?—показалъ Карлъ.

— Старая фабрика Мейснера?

— Я ее купилъ.

— Значитъ, совсѣмъ близко! — радостно восклинула она и вдругъ задумалась. Она молча просидѣла до самаго ухода Карла и на прощанье попросила его заходить къ нимъ почаще.

Боровецкій, пообѣщавъ, такъ сильно пожалъ ея руку, что дѣвушка вспыхнула и долго потомъ слѣдила за нимъ въ окно.

Онъ отправился прямо къ Бухгольцу, но шелъ медленно: его тяготило задушевное отношеніе къ нему Мюллера и особенно—Мады.

Онъ улыбался какимъ-то мыслямъ и чувствовалъ, что Мюллеръ отдалъ бы ему дочь безъ малѣйшаго колебанія.

Карлъ почти громко разсмѣялся, вспомнивъ этого толстаго краснаго нѣмца въ бумазейномъ халатѣ, въ засаленныхъ штанахъ, въ старыхъ туфляхъ, среди роскошной обстановки гостиной... Мюллеръ смѣшонъ, но что ему за дѣло!

— Въ Мадѣ много неподдѣльной прелести, да въ придачу милліонъ приданаго... Чортъ возьми! — пробормоталъ онъ, вдругъ вспомнивъ Анку, ея письмо, полученное утромъ и до сихъ поръ еще не прочитанное.—Всегда что-нибудь станетъ поперекъ дороги!.. Всегда человѣкъ остается рабомъ!—думалъ Карлъ, входя въ контору.

Бухгольцъ уже нѣсколько оправился послѣ недавняго припадка и не только просиживалъ попрежнему въ конторѣ, но даже бродилъ по фабрикѣ, опираясь на костыль или на кого-нибудь изъ рабочихъ.

Съ Боровецкимъ онъ остался въ хорошихъ отношеніяхъ, не смотря на то, что тотъ рѣшилъ уйти отъ него, и что они ссорились съ нимъ по нѣскольку разъ въ день.

Старикъ довѣрялъ ему и нуждался въ немъ до возвращенія Кноля, который, когда его вызвали по телеграфу, от-

вѣтилъ, что если старикъ умретъ, то онъ пріѣдетъ, а иначе и не подумаетъ бросить дѣло.

Бухгольцъ перелистывалъ большую книгу, которую поддерживалъ Августъ, и только кивнулъ головой Боровецкому на его привѣтствіе.

Карлъ молча сталъ сортировать корреспонденцію, а затѣмъ занялся планами и смѣтами новыхъ приспособленій, которыя проектировалъ въ красильнѣ. Работа была спѣшная, потому что нужно было печатать товаръ къ предстоящему зимнему сезону.

Вечеръ быстро приближался, паркъ чернѣлъ все больше, голыя деревья шумѣли и заглядывали въ окна.

Работа подвигалась плохо: Боровецкій не могъ отдѣлаться отъ мысли о Мюллерѣ и, откладывая въ сторону твердый картонъ, покрытый чертежами, цифрами и замѣтками, погружался въ задумчивость.

Въ конторѣ водворилась тишина, только усилившійся вѣтеръ бушевалъ между деревьями, стучалъ вѣтвями о стѣны и окна и глухо гудѣлъ по крышамъ.

Электрическій свѣтъ, вздрагивая, скользилъ по темнымъ шкафамъ, съ рядами громадныхъ конторскихъ книгъ за нѣсколько лѣтъ.

Бухгольцъ оторвался отъ цифръ и прислушался къ отдаленнымъ звукамъ гармоники. Губы его нервно вздрагивали, круглые, ястребиные глаза, болѣе красные, чѣмъ обыкновенно, подернулись печалью; онъ долго слушалъ и, наконецъ, тихо проговорилъ:

— Скучно здѣсь, правда?

— Какъ вообще въ конторахъ,—отвѣтилъ Боровецкій.

— Мнѣ ужасно хочется музыки, только очень шумной, и хотѣлось бы даже видѣть людей.

— Вы еще успѣете попасть въ театръ: всего девять часовъ.

Бухгольцъ ничего не отвѣтилъ, положилъ голову на спинку кресла и засмотрѣлся куда-то въ даль; понемногу его лицо стало принимать выраженіе тоски.

— Какъ вы себя чувствуете сегодня?—спросилъ Карлъ.

— Хорошо, хорошо!—отвѣтилъ Бухгольцъ подавленнымъ голосомъ, и горькая улыбка скользнула по его синимъ губамъ.

Въ дѣйствительности ему было не хорошо. Сердце, правда, билось спокойно, боли въ ногахъ прошли, онъ могъ довольно свободно двигаться, но чувствовалъ, что ему всетаки плохо.

Онъ испытывалъ какую-то тяжесть, поминутно обрывалась нить мысли, и онъ впадалъ въ состояніе тупой апатіи. Ему надоѣла работа, надоѣли цифры, прибыли и убытки, — все стало совершенно безразлично, а въ глубинѣ, за предѣ-

лами сознанія, въ сѣромъ туманѣ тоски, бушевало пламя неясныхъ желаній...

— Страшно пусто въ домѣ,—тихо проговорилъ онъ, озираясь кругомъ—на шкафы, окна, на Августа, который ждалъ приказаній.

Бухгольцъ всматривался внимательнымъ взглядомъ, какъ будто видѣлъ все это первый разъ, и вдругъ, безсильно опустившись въ кресло, повѣсилъ голову на грудь. Его душу охватилъ какой-то необъяснимый страхъ; онъ ловилъ еще взглядомъ черные штрихи цифръ на бѣлой страницѣ книги, пламя свѣчи въ большомъ бронзовомъ подсвѣчникѣ; напряженно вслушивался въ все слабѣе и слабѣе доносившіеся звуки гармоники, въ шумъ деревьевъ въ паркѣ, въ далекій, глухой грохотъ экипажей, а въ душѣ его было темно...

Около десяти часовъ Боровецкій кончилъ работу и, отдавая бумаги, подробно объяснялъ каждую запись.

— Хорошо, хорошо!—говорилъ Бухгольцъ, ничего почти не слыша.

Все перестало его интересовать, онъ все глубже чувствовалъ пустоту и одиночество, все сильнѣе овладѣвало имъ равнодушіе и безсиліе.

— Зачѣмъ я занимаюсь такими вещами? Сколько стоитъ то или другое, это—дѣло кассира,—проворчалъ Бухгольцъ.

Карлъ собрался.

— Вы уже уходите?

— Я кончилъ. Спокойной ночи.

Пожавъ ему руку, Боровецкій вышелъ. Бухгольцъ не рѣшился попросить его остаться: въ послѣднюю минуту ему сдѣлалось стыдно своей ребяческой слабости.

Онъ вслушивался въ затихавшіе шаги и дорого далъ бы, еслибы Боровецкій вернулся.

— Августъ, пойдемъ наверхъ, — тихо сказалъ онъ и всталъ, не дожидаясь, пока лакей потушитъ огни и запретъ двери.

Другой лакей, сторожившій въ передней, освѣщалъ путь, и Бухгольцъ медленно брелъ по громадной, тихой, пустой квартирѣ.

Она казалась ему сегодня удивительно пустой и такъ тяготила его, что онъ заглянулъ къ женѣ, но та спала. Попугай, разбуженный свѣтомъ, спрыгнулъ съ клѣтки, повисъ на занавѣскѣ и жалобно закричалъ: — Каналья, каналья!

Бухгольцъ разочарованно повернулъ назадъ, въ свою комнату.

— Августъ!—позвалъ онъ въ полголоса.

Лакей остановился въ выжидательной позѣ, но Бухгольцъ ничего больше не сказалъ ему. Опустившись въ кресло передъ каминомъ, онъ принялся разгребать костылемъ потухавшіе угли и впервые испытывалъ чувство страха, думая о томъ, что сейчасъ долженъ остаться одинъ.

— Закрой окна, — проговорилъ онъ, наконецъ, и самъ провѣрилъ, хорошо ли заперты желѣзныя внутренніе ставни. Потомъ раздѣлся, легъ и попробовалъ читать, но вѣки были свинцовыя, и глаза отказывались служить.

— Можно мнѣ идти?—шепотомъ спросилъ лакей.

— Иди, иди!—отвѣтилъ Бухгольцъ съ сердцемъ, и когда лакей подошелъ уже къ дверямъ, закричалъ:—Августъ!

Лакей вернулся, но Бухгольцъ, вмѣсто приказаній, сталъ вдругъ разспрашивать его о женѣ, о дѣтяхъ и такъ милостиво, что Августъ невольно отодвинулся на безопасное разстояніе отъ его костыля...

Бухгольцу хотѣлось удержать его какъ можно дольше и въ то же время онъ не рѣшался прямо велѣть ему остаться.

Интимный разговоръ скоро утомилъ фабриканта, и онъ сдѣлалъ знакъ рукой, чтобы Августъ удалился.

Страхъ одиночества и непонятная глухая тревога захватывали его душу все сильнѣе. Онъ внимательно ловилъ звуки ночи, но улица уже спала, да и шумъ почти не могъ долетать черезъ обитые войлокомъ ставни.

Вдругъ ему почудились отчетливые, близкіе шаги въ пустыхъ комнатахъ.

Бухгольцъ приподнялся на локтѣ. Затаивъ дыханіе, конвульсивно сжимая револьверъ, онъ долго слушалъ, но никто не появлялся, только бой часовъ, какъ стонъ, донесся изъ какой-то комнаты.

Потомъ ему стало казаться, что тяжелая бархатная портьера какъ-то странно оттопыривается, словно за ней прячется человѣкъ...

Время тянулось безконечно. Бухгольцъ не успокаивался, его тревога постепенно росла и превратилась, наконецъ, въ страхъ смерти. Ему показалось, что онъ умираетъ. Эта ужасная мысль такъ ошеломила его, что онъ вскочилъ съ постели, точно собираясь бѣжать, и, весь дрожа, громко позвонилъ дежурнаго лакея, спавшаго внизу.

— Иди скорѣе за докторомъ,—произнесъ онъ посинѣвшими губами. А когда, немного погодя, явился Гамерштейнъ, Бухгольцъ сказалъ:

— Мнѣ дурно. Осмотрите меня, помогите мнѣ!

— Ничего не нахожу,—отвѣтилъ сонный докторъ, изслѣдовавъ его довольно тщательно.

Бухгольцъ сталъ характеризовать ему свое состояніе.

— Все пройдетъ, пане, если вы хорошо выспитесь.

— Дуракъ!—порывисто отвѣтилъ Бухгольцъ, но всетаки принялъ хлоралъ, и скоро заснулъ.

Боровецкій, измученный работой, поѣхалъ въ городъ пить чай.

Въ кондиторской Рошковскаго было уже пусто, только въ послѣдней комнатѣ, у зеркала, сидѣло трое: Высоцкій, Давидъ Гальпернъ и Мышковскій, инженеръ съ фабрики барона Мейера.

Карлъ подсѣлъ къ нимъ. Съ двумя онъ былъ знакомъ, а Высоцкому его сейчасъ представили.

Давидъ Гальпернъ, стуча по столу костлявой рукой, почти кричалъ:

— Вы, пане Мышковскій, не знаете, сколько создаетъ трудъ въ Лодзи, потому что не хотите этого знать, но я васъ могу убѣдить, я вамъ приведу факты.

Онъ вынулъ нѣсколько вырѣзокъ изъ „Курьера“ и прочелъ:

— Слушайте: „съ двадцать второго по двадцать восьмое число вывезено изъ Лодзи: желѣзныхъ издѣлій 1.791 пудъ, пряжи 11.614 пудовъ, хлопчатобумажныхъ издѣлій 22.852 пуда, шерстяныхъ издѣлій 10.309 пудовъ“. Это вамъ ничего не говоритъ, все само собой случилось? Я вамъ покажу, сколько въ теченіе недѣли сработали въ Лодзи.

— Оставьте насъ съ вашей статистикой!.. Гарсонъ, три стакана кофе... Панъ Боровецкій, выпьете съ нами?

— Я прочту вамъ нѣсколько цифръ, слушайте, господа, это такъ же важно, какъ библія, можетъ быть, даже больше: „привозъ такой: шерсти 11.719 пудовъ, пряжи 12.333, желѣза 7.303, машинъ 4.618, машиннаго масла 8.771, муки 36.117, хлѣба 8.794, овса 18.685, дерева 36.850, сырого хлопка 120.682, каменнаго угля 1.032.360 пудовъ“. Цифры говорятъ сами за себя! Лодзь должна имѣть хорошій желудокъ, чтобы все это переварить, и много работать, а вы говорите, что только глупцы работаютъ...

— Да, глупцы и скотъ, быдло, гонимое бичомъ,—спокойно сказалъ Мышковскій, попивая кофе.

— Ай, ай, что вы говорите! Гонимое бичомъ!.. Какимъ бичомъ, гдѣ бичъ? Люди должны работать. Скажите, что дѣлалъ бы, напримѣръ, простой хамъ, если бъ ему не приходилось работать? Онъ сгнилъ бы отъ лѣни, сдохъ бы отъ голода.

— Оставьте! восхищайтесь трудолюбіемъ Лодзи, восхваляйте этотъ великолѣпный городъ, цѣлуйте руки каждаго,

кто лѣзетъ въ милліонеры, разсказывайте, что у милліонеровъ только потому милліоны, что они очень много работаютъ...

— Да, потому у нихъ и милліоны! А то откуда бы они взялись!—кричалъ Гальпернъ.

— Просто, они глупѣе своихъ рабочихъ и потому имѣютъ деньги.

— Я совсѣмъ перестаю васъ понимать. Клянусь вамъ, пане Мышковскій, я совсѣмъ не понимаю, что вы говорите! Я до сихъ поръ зналъ: кто работаетъ, тотъ богатѣетъ, а кто, кромѣ того, уменъ, тотъ еще больше богатѣетъ, а кто очень уменъ и много работаетъ, тотъ зарабатываетъ милліоны!—горячился Гальпернъ.

— Изъ-за чего вы спорите, господа? — спросилъ Боровецкій.

— Я утверждаю, что всѣ милліонеры глупцы и кретины. Панъ Давидъ Гальпернъ доказываетъ противное. Онъ поетъ гимны труду, ставитъ на пьедесталъ животныхъ, гніющихъ на мѣшкахъ съ деньгами, и заставляетъ меня восхищаться ими.

— А правда должна быть посрединѣ!—замѣтилъ молчавшій до сихъ поръ Высоцкій.

— Отправляйтесь къ ангеламъ съ вашей серединной правдой! Человѣкъ — или полная скотина, или человѣкъ, переходовъ въ природѣ нѣтъ, развѣ только въ умахъ поглупѣвшихъ идеологовъ.

— Пане Мышковскій, я долженъ васъ убѣдить, что фабрикантъ, который хочетъ создать милліоны, дѣлаетъ во сто разъ больше, чѣмъ рабочій, и, слѣдовательно, его нужно уважать.

— Не говорите мнѣ о глупцахъ, которые надрываются ради денегъ, говорите лучше о тѣхъ, кто живетъ, чтобы жить, ибо они только умны.

— Пане Мышковскій, если бы у васъ были милліоны, вы говорили бы иначе.

— Я васъ уважаю, но могу вамъ сказать непріятную вещь, если вы будете говорить о томъ, чего не понимаете. У меня было довольно много денегъ, и я поступилъ съ ними вотъ какъ!—Мышковскій пустилъ дымъ въ глаза Гальперну.— Спросите Куровскаго, мы вмѣстѣ съ нимъ ихъ проживали. Я такъ же забочусь о деньгахъ, какъ о вчерашнемъ дождѣ. Считайте меня глупцомъ! Но ради того, чтобы заработать лишній рубль, не встану я и пятью минутами раньше, чѣмъ мнѣ хочется, а ради того, чтобы собрать даже милліарды,— не пожертвую удовольствіями полноты человѣческой жизни, не откажусь отъ потребности смотрѣть на солнце, гулять на открытомъ воздухѣ, свободно дышать, думать о вещахъ, не-

много болѣе важныхъ, чѣмъ милліарды, любовныя исторіи и т. д., и т. д. Я не буду работать, не буду, не буду! Я хочу жить, жить, жить! Я—не ломовая лошадь и не машина. Только дуракъ хочетъ денегъ и жертвуетъ ради милліоновъ—жизнью, любовью, правдой, философіей, всѣми сокровищами человѣчества. А когда онъ уже насытится милліонами до тошноты, что дальше?.. Подохнетъ, какъ и нищій, только на тюфякѣ, а не на голой землѣ! А если бъ его спросили, какъ онъ жилъ,—онъ отвѣтилъ бы: я работалъ. Зачѣмъ? Чтобъ нажить милліоны. Для чего? Чтобы имѣть милліоны, ѣздить въ экипажѣ и удивлять глупцовъ... И чтобы сдохнуть отъ переутомленія, но на милліонахъ? Тьфу, какая глупость!

— Вы затрогиваете важный вопросъ, о которомъ можно много сказать.

— Такъ говорите себѣ, а я пойду домой. Но берусь въ подходящую минуту убѣдить и васъ, пане Боровецкій, что всѣмъ вамъ привили страшную бациллу труда, которая точитъ міръ. Я думаю, что если люди не опомнятся, то человѣчество погибнетъ скорѣе, чѣмъ это предсказываютъ геологи...

Они уже шли по пустому троттуару, вверхъ по улицѣ.

Высоцкій послѣ продолжительнаго молчанія началъ доказывать, что зло не въ самой работѣ, а въ томъ, что не всѣ работаютъ.

Мышковскій ничего не отвѣтилъ и простился.

Боровецкій соннымъ взглядомъ смотрѣлъ на тихую, засыпавшую улицу.

Гальпернъ уловилъ этотъ взглядъ и сказалъ:

— Вы убѣждаетесь, что Мышковскій не правъ? Вѣдь если бъ поступали такъ, какъ онъ хочетъ, не было бы ни этихъ домовъ, ни дворцовъ, ни фабрикъ, ни складовъ, не было бы Лодзи, а только лѣсъ, въ которомъ охотились бы на кабановъ.

— Намъ это не помѣшало бы, пане Давидъ.

— Вамъ—можетъ быть, пану Высоцкому,—еще неизвѣстно; но мнѣ необходима Лодзь, мнѣ необходимы фабрики, необходимъ большой городъ, большая торговля. Чтобы я дѣлалъ въ деревнѣ съ мужиками?—воскликнулъ Гальпернъ.

— Были бы арендаторомъ,—холодно отвѣтилъ Боровецкій, ища глазами извозчика.

— Между арендаторами такая конкурренція, что они умираютъ съ голода.

— Только тѣ, которые не умѣютъ обманывать мужиковъ и помѣщиковъ.

— Это только слова, антисемитскій пріемъ, которому вы

сами не вѣрите: вы хорошо знаете, что пискаря съѣдаетъ окунь, окуня съѣдаетъ щука, а щуку... щуку съѣдаетъ человѣкъ. Человѣка же съѣдаютъ другіе люди, банкротства, болѣзни, огорченія и, въ концѣ концовъ, губитъ смерть. Все это въ порядкѣ вещей и очень хорошо устроено, потому что отсюда и движеніе.

— У васъ талмудическая философія, пане Давидъ.

— Это философія созерцанія, а я на свѣтъ смотрю очень давно, пане Высоцкій... Что вы думаете о Мышковскомъ?— спросилъ Гальпернъ.

— Прекрасный человѣкъ, — уклончиво отвѣтилъ Боровецкій.

— Геніальный! у него въ головѣ милліоны, но онъ не хочетъ воспользоваться ими. Вы знаете, онъ сдѣлалъ опять открытіе: новый способъ бѣлить матерію! Мейеръ зарабатываетъ на этомъ пятьдесятъ процентовъ, а сколько, по вашему, получаетъ Мышковскій?—Ничего. За изобрѣтеніе, которое стоитъ милліонъ, Мейеръ ему платитъ двѣ тысячи въ годъ жалованья. Онъ согласился, да еще ходитъ на фабрику, работаетъ въ лабораторіи. Я его очень уважаю, но не желать богатства, смѣяться надъ тѣми, кто обогащается, этого я не понимаю, для меня это непостижимо.

— Спокойной ночи,—сказалъ Карлъ.

— У меня есть къ вамъ дѣло, которое я кончу въ нѣсколькихъ словахъ,—сказалъ Высоцкій, обращаясь къ Карлу.— Хотя мы были и не знакомы, я, однако, собирался просить васъ за одного человѣка.

— Занятій для кого-нибудь?

— Да, для одного бѣдняка, который уже два года ищетъ работы.

— Спеціалистъ?

— Бывшій помѣщикъ и безупречно честный человѣкъ.

— Съ такимъ дипломомъ онъ можетъ еще два года искать занятій, и столь же безуспѣшно.

— Онъ очень бѣденъ, обремененъ семьей, которая почти умираетъ отъ голода.

— Это не исключительный случай, здѣсь такихъ много.

— Не можете ли вы помочь? Хоть какое-нибудь мѣсто, самое незначительное... Простите, что, почти незнакомый вамъ человѣкъ, я обращаюсь съ просьбой.

— Не въ томъ дѣло... Хорошихъ мѣстъ никогда не бываетъ: на каждую вакансію является двадцать кандидатовъ-спеціалистовъ.

— Я прошу о самой простой работѣ, и если вы только можете...

Боровецкій подалъ ему свою визитную карточку.

— Пусть вашъ протеже придетъ ко мнѣ съ этой карточкой на фабрику завтра, послѣ двѣнадцати. Я не могу распоряжаться мѣстами, но постараюсь что-нибудь сдѣлать. Хотя не ручаюсь за успѣхъ.

Они разошлись въ разныя стороны.

XIV.

Давидъ Гальпернъ медленно шелъ по Петроковской улицѣ, думая о Мышковскомъ и любуясь Лодзью.

Онъ забылъ, что этотъ городъ отнялъ у него все унаслѣдованное отъ отца. Уже много лѣтъ Гальпернъ гонялся за насущнымъ хлѣбомъ, постоянно мѣняя занятія. Онъ все еще былъ только на дорогѣ къ богатству, которое вѣчно ускользало изъ его рукъ. Гальпернъ объяснялъ это тѣмъ, что ему не везетъ счастье, и упорно открывалъ конторы, магазины, служилъ агентомъ. Всегда кончая банкротствомъ, но не теряя надежды, онъ стойко влачилъ свою жизнь и восхищался Лодзью, ошеломленный ея могуществомъ, загипнотизированный милліонами, которые протекали мимо...

У Гальперна не было дѣтей. Онъ работалъ, главнымъ образомъ, для жены,—чтобы она могла ежегодно ѣздить лѣчиться во Франценсбадъ, а самъ уже много лѣтъ не переступалъ предѣловъ Лодзи. Онъ не заботился о томъ, что ѣстъ, какъ живетъ, въ чемъ ходитъ, и былъ счастливъ, что городъ становится все богаче. Гальпернъ радовался, что можетъ слышать шумъ машинъ, гамъ на улицахъ, видѣть огромное движеніе, переполненные склады, новыя улицы, милліонеровъ, фабрики,—все, что служило колоссу, который теперь спалъ подъ тихимъ небомъ, освѣщенный луной.

Онъ любилъ Лодзь.

Какое ему было дѣло, что Лодзь грязна, плохо освѣщена, дурно вымощена, что дома ежегодно валятся на головы жителей, что въ темныхъ переулкахъ среди бѣла дня „подкалываютъ" людей.

О такихъ пустякахъ онъ не думалъ, какъ не думалъ о томъ, что тутъ тысячи людей умираютъ съ голоду, тысячи людей гніютъ въ нищетѣ, борются за жалкое свое существованіе, и что эта, ужасная своей непрерывностью, борьба безъ надежды на побѣду пожираетъ ежегодно больше, чѣмъ самыя жестокія эпидеміи.

— „Отсюда родится движеніе"—повторялъ онъ, радуясь, что городъ растетъ съ изумительной быстротой, что „ввозъ и вывозъ" достигъ громадныхъ цифръ, а общая цифра оборотовъ увеличивалась ежегодно на цѣлые десятки милліоновъ.

Его душа, искавшая наживы, утопала въ этихъ цифрахъ.

Съ гордостью посматривалъ онъ на новыхъ милліонеровъ, съ искреннимъ восхищеніемъ глядѣлъ съ троттуара на роскошные экипажи и костюмы; съ энтузіазмомъ распространялъ по городу, какія суммы бросали хлопчатобумажные царьки на украшеніе своихъ дворцовъ и квартиръ.

Таковъ былъ Давидъ Гальпернъ, который теперь шелъ на Среднюю улицу и размышлялъ о Мышковскомъ.

Ему, поклоннику денегъ, Мышковскій былъ совершенно непонятенъ. Онъ не могъ постигнуть, какъ это не брать милліоновъ, когда они сами лѣзутъ въ карманъ.

Съ такими мыслями онъ тихо отворилъ дверь въ третьемъ этажѣ большого дома и услышалъ слабые звуки музыки, доносившіеся изъ глубины темнаго корридора.

Жена уже спала. Ему захотѣлось ѣсть, но въ буфетѣ ничего не нашлось, и онъ съ кусочкомъ сахара отправился въ кухню налить себѣ чаю.

Самоваръ остылъ, но Гальпернъ налилъ чашку и, откусывая сахаръ, прохаживался по маленькой передней, чтобы не разбудить жену и слушать доносившуюся музыку.

Наконецъ, ему надоѣло такъ бродить, и съ чашкой въ рукѣ, пройдя черезъ корридоръ, онъ осторожно постучалъ въ дверь, за которой играли.

— Herein!—крикнулъ кто-то изъ комнаты.

Кивнувъ головой музыкантамъ, Гальпернъ сѣлъ у печки и сталъ слушать ихъ игру съ благоговѣйнымъ вниманіемъ, попивая чай маленькими глотками.

Горнъ игралъ на флейтѣ, Малиновскій на віолончели, Шульцъ на кларнетѣ, а на скрипкѣ Блюменфельдъ, который въ то же время дирижировалъ. Второй скрипкой былъ Стахъ Вильчекъ.

Юзефъ Яскульскій сидѣлъ въ другой комнатѣ за столомъ и переписывалъ какое-то письмо.

Кромѣ Горна, всѣ были товарищами по школѣ и собирались сюда два раза въ недѣлю.

Мызыкой они безсознательно оберегали себя отъ отупѣнія при ежедневномъ тяжеломъ трудѣ: всѣ они работали на фабрикахъ, въ конторахъ, въ качествѣ техниковъ, мастеровъ или практикантовъ.

Горнъ, какъ наиболѣе состоятельный, предложилъ свою квартиру и купилъ инструменты, но душой этихъ собраній былъ Блюменфельдъ, музыкантъ по призванію и образованію; такъ какъ музыка въ Лодзи не могла служить источникомъ заработка, то онъ временно работалъ въ конторѣ Гросглика къ качествѣ бухгалтера.

Юзефъ Яскульскій былъ самый младшій членъ компаніи.

Онъ не умѣлъ играть, но жилъ съ товарищами дружно и часто заходилъ послушать ихъ разсказы о разныхъ любовныхъ похожденіяхъ. Онъ мечталъ о любви со всею страстью восемнадцатилѣтняго, строго воспитаннаго юноши.

Пока другіе играли, онъ переписывалъ любовное письмо, которое далъ ему прочитать Малиновскій, получавшій ихъ довольно много.

Письмо было безграмотно, но написано съ такой страстью, что Юзефъ поминутно краснѣлъ и затуманенными глазами всматривался въ ряды кривыхъ, безобразныхъ буквъ.

Онъ упивался вспышками чувства въ письмѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ его терзала жажда самому быть такъ любимымъ или, вѣрнѣе, самому получать такія признанія.

Музыка, наконецъ, кончилась, прислуга внесла самоваръ. Горнъ помогалъ накрывать на столъ и разставлять стаканы.

— Вильчекъ, вы три раза сфальшивили. Вы взяли C вмѣсто D, а потомъ съѣхали на цѣлую октаву ниже,—замѣтилъ Блюменфельдъ.

— Это ничего, я скоро сравнялся съ вами,—смѣялся Вильчекъ, прохаживаясь и потирая руки, и сильно надушеннымъ платкомъ обтеръ свое толстое, круглое лицо, покрытое рѣденькой, неопредѣленнаго цвѣта, растительностью.

— Отъ васъ пахнетъ, какъ изъ парфюмернаго магазина,—замѣтилъ Горнъ.

— Я беру духи на коммиссію,—объяснилъ Вильчекъ.

— Чѣмъ только вы не торгуете!—смѣялся Шульцъ, который суетился, наливая чай.

— Человѣческимъ мясомъ, Шульцъ!

— Это не острота!—сказалъ Блюменфельдъ, садясь за столъ и поглаживая нервной, худой рукой свѣтло-золотистые волосы, которые падали на его высокій, красивый лобъ и окружали продолговатое, измученное, съ горькой усмѣшкой лицо.

— Подсаживайтесь къ намъ, пане Гальпернъ,—пригласилъ Горнъ.

— Съ удовольствіемъ выпью горячаго чаю. Вы, господа, все лучше и лучше играете эту вещь. Она произвела на меня такое впечатлѣніе, что я не могъ высидѣть дома. Прелестный концертъ!

— Пане Юзефъ, вашъ чай готовъ,—позвалъ Горнъ.

Юзефъ сѣлъ въ концѣ стола, чтобы скрыть волненіе, которое вызвало въ немъ письмо.

Онъ пилъ быстро, мысленно повторяя пламенныя слова любовнаго признанія и по временамъ съ восхищеніемъ посматривалъ на Малиновскаго, изумляясь въ то же время, что онъ такъ спокойно занятъ своимъ стаканомъ.

— Пейте водку и не смотрите на часы; куда вамъ спѣшить, Вильчекъ?—говорилъ Горнъ.—Идете на дежурство?

Вильчекъ работалъ въ желѣзнодорожныхъ складахъ.

— Нѣтъ, со службой я уже простился навсегда.

— Что?—заговорили всѣ наперебой,—что? Вы выиграли въ лотереѣ?

— Можетъ быть, женитесь на дочкѣ Мендельсона?

— Можетъ быть, собираетесь удрать съ желѣзнодорожной кассой въ Америку?

— Не то, у меня есть превосходное дѣльце! Увидите, что я сразу стану на всѣ четыре ноги.

— Ты всегда былъ четвероногимъ,—сказалъ Малиновскій, посмотрѣвъ на него своими зелеными глазами, въ которыхъ свѣтилось презрѣніе.

— Но никогда я не былъ безумцемъ, не занимался неосуществимыми изобрѣтеніями.

— Что ты смыслишь! Что ты можешь знать, кромѣ того, какъ надуть при покупкѣ и продажѣ,—ты, простой, грубый торгашъ! Знай, что безуміе геніальныхъ людей принесло міру больше добра, чѣмъ практическая глупость подобныхъ тебѣ, умѣющихъ дешево купить и дорого продать. Слышишь, Вильчекъ!

— Слышу и буду объ этомъ помнить, когда ты потребуешь новаго кредита.

— Кстати, достань мнѣ двадцать фунтовъ мѣдной проволоки, какъ въ послѣдній разъ,—спокойно сказалъ Малиновскій.

Вильчекъ, не смотря на свою досаду, записалъ заказъ въ книжечкѣ.

— Оставь и споры, и дѣла!—добавилъ Малиновскій.

— Одно другому не мѣшаетъ,—отвѣтилъ Вильчекъ. Онъ снова заходилъ по комнатѣ, нервно потирая руки, облизывая толстыя губы и поправляя волосы, примазанные и чолкой спускавшіеся на низкій, безобразно-сморщенный лобъ.

Малиновскій, слѣдя за нимъ глазами, сказалъ:

— Ты похожъ на старую кухарку.

— Какое тебѣ дѣло!

— Меня раздражаетъ твой видъ...

— Такъ гляди на самоваръ или на кончикъ собственнаго носа.

— Но кухарка именно и мѣшаетъ смотрѣть на самоваръ...

— Малиновскій!—прошипѣлъ Вильчекъ съ улыбкой. Его маленькіе, синенькіе, глубоко сидящіе глазки сверкнули гнѣвомъ, и онъ началъ теребить свою большую золотую цѣпочку.

— Вильчекъ!—мягко улыбнулся Малиновскій, нѣжно посмотрѣвъ на него.

— Вамъ скоро придется надѣвать намордники, а то вы когда-нибудь перегрызетесь!—сказалъ Шульцъ, свова наливая всѣмъ чай. — Я разскажу вамъ замѣчательную вещь, только не мѣшайте... Мнѣ сообщилъ ее сегодня Рекъ, который пріѣхалъ изъ Сосновца, отъ Дюльмана.

— Интересно, что можно еще новаго сказать объ этомъ животномъ!

— Сейчасъ узнаешь. Мѣсяцъ назадъ въ Сосновцѣ проѣздомъ остановился какой-то графъ. Дюльманъ, когда-то торговавшій свиньями, бывшій оберъ-кельнеръ въ Котовицахъ и старая каналья, пригласилъ графа къ себѣ. Мало того, для встрѣчи его воздвигнулъ тріумфальную арку, угощалъ великолѣпными обѣдами, спеціально выписанными изъ Берлина, снималъ съ графа сапоги,—и все это для того, чтобы при его посредствѣ получить какой-нибудь прусскій орденъ. Графъ прожилъ у него три дня, затѣмъ уѣхалъ въ фатерландъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ его отъѣзда Дюльманъ посылаетъ за Рекомъ, который служитъ техникомъ на его фабрикѣ въ столярномъ отдѣленіи и велитъ ему приготовить модель великолѣпнаго сундука. Рекъ сдѣлалъ что-то вродѣ громаднаго гроба; по этой модели изготовили въ Берлинѣ сундукъ и привезли Дюльману. И вотъ этотъ идіотъ спустилъ въ него кровать и все, чѣмъ пользовался графъ, заперъ на ключъ и украсилъ сундукъ бронзовой доской съ нѣмецкой надписью: „Въ этомъ сундукѣ стоитъ кровать, а на кровати лежитъ постель, а на этой постели и на этой кровати числа такого-то, года 18... изволилъ спать три раза ясновельможный графъ Вильгельмъ Іоганъ Зомерстъ-Зомерштейнъ“. Наконецъ, въ присутствіи семьи и всѣхъ своихъ директоровъ, онъ водрузилъ этотъ сундукъ въ гостиной.

— Ну, это фарсъ, это невозможно! — стали возражать другіе.

— Рекъ никогда не лжетъ.

— Но вѣдь это было бы чудовищно глупо.

— Почему? Какого-то эксъ-пастуха вдругъ осчастливила графская милость! Это возможно; развѣ въ Лодзи мало такихъ экземпляровъ среди милліонеровъ? Вѣдь всѣ знаютъ подробности дуэли между Станиславомъ Мендельсономъ и инженеромъ Мышковскимъ.

— А Кнабе развѣ не смѣшонъ? А старый Леръ, который въ ресторанѣ, при окликѣ: „кельнеръ!“—невольно вскакиваетъ со стула, потому что самъ былъ кельнеромъ; а Цукеръ еще моей матери приносилъ на домъ для продажи остатки матерій. Леръ, напримѣръ, умѣетъ только подписаться, а посѣтителей принимаетъ съ книгой въ рукахъ, которую лакей

подаетъ ему всегда раскрытою, такъ какъ бывали случаи, что Леръ держалъ ее вверхъ ногами.

— Каждый воленъ дѣлать, что ему угодно, я не вижу основаній издѣваться!—сказалъ Вильчекъ.

— Но каждый воленъ смѣяться надъ тѣмъ, что глупо,— возразилъ Шульцъ.

— Ты, Вильчекъ, отстаиваешь, собственно, себя: надъ тобой, надъ твоей чолкой, надъ привычкой душиться, надъ твоими цѣпочками и колечками, надъ твоимъ шикомъ тоже смѣются.

— Глупцы смѣются по всякому поводу. Тотъ смѣется по праву, кто смѣется послѣдній.

— То есть, когда ты сколотишь милліонъ, то обѣщаешь смѣяться надъ всѣми нами?

— Что-жъ? вы достойны смѣха.

Гальпернъ пожалъ всѣмъ руки и вышелъ. Онъ не любилъ, когда молодежь подтрунивала надъ фабрикантами.

— Почему достойны? Объясните, Вильчекъ.

— Потому, что вы не искренно смѣетесь; вы издѣваетесь изъ зависти.

— Это что-то новое! Я думалъ, вы скажете что-нибудь путное, а если такъ хотите говорить, то лучше молчите.

— Постойте, господа, минуту: есть важное дѣло,—возвысилъ голосъ Малиновскій.—Юзефу Яскульскому нужно сто рублей къ завтрашнему вечеру, и онъ проситъ всѣхъ насъ дать ему эту сумму; онъ будетъ выплачивать по десяти рублей въ мѣсяцъ. Деньги эти для него—вопросъ жизни и смерти, поэтому я и отъ себя прошу васъ всѣхъ оказать ему дружескую помощь. Я ручаюсь за полную уплату.

— Поручишься своимъ изобрѣтеніемъ?—спросилъ Вильчекъ.

— Вильчекъ!—раздраженно крикнулъ Малиновскій, ударяя кулакомъ по столу.—Сдѣлаемъ складчину, господа,—прибавилъ онъ мягче и положилъ на столъ послѣдніе пять рублей. Шульцъ положилъ тоже пять, Блюменфельдъ десять.

— Сегодня у меня нѣтъ, но завтра я могу занять остальные, — сказалъ Горнъ. — Ну, Вильчекъ, дайте-ка рублей двадцать.

— Честное слово, у меня нѣтъ съ собой даже трехъ рублей, положите за мой счетъ пять,—отвѣтилъ Вильчекъ.

— Остроумная комбинація,—проворчалъ Горнъ.

— На него не разсчитывайте, — сказалъ Малиновскій. — Придется вамъ, Горнъ, занять восемьдесятъ рублей, здѣсь всего двадцать,—и непремѣнно до шести часовъ завтрашняго дня.

— Навѣрняка; зайдите ко мнѣ, пане Юзефъ.

Юзефъ со слезами благодарилъ всѣхъ, кромѣ Вильчека, который презрительно улыбался и все быстрѣе ходилъ по комнатѣ. У него были деньги, но онъ никогда никому не давалъ въ займы.

— Зачѣмъ тебѣ столько денегъ?—спросилъ онъ Юзефа.

— Если ничего не даешь, то нечего и спрашивать,—отвѣтилъ юноша.

— Кланяйся отъ меня мамѣ.

Юзефъ ничего не отвѣтилъ: ему было очень обидно при мысли о томъ, какъ много обязанъ его семьѣ Вильчекъ; кромѣ того, онъ спѣшилъ съ радостной вѣстью домой: эти деньги нужны были матери, чтобы внести залогъ за лавочку, которую какой-то булочникъ отдавалъ въ аренду. Эти деньги были спасеньемъ для Яскульскихъ: они получали квартиру при лавочкѣ безплатно и, кромѣ того, имъ шелъ извѣстный процентъ съ выручки. Юзефъ торопливо простился, но съ лѣстницы вернулся и шепотомъ попросилъ Малиновскаго:

— Адамъ, одолжи мнѣ на нѣсколько дней это письмо, я возвращу тебѣ его.

— Можешь совсѣмъ взять, мнѣ оно не нужно.

Юзефъ поцѣловалъ его и выбѣжалъ.

Въ комнатѣ водворилось молчаніе.

Блюменфельдъ настраивалъ скрипку, Горнъ пилъ чай, Шульцъ смотрѣлъ на Малиновскаго, писавшаго съ неизмѣнной улыбкой карандашомъ на скатерти алгебраическія формулы; Вильчекъ все разгуливалъ, размышляя объ аферѣ, которая должна поставить его „на четыре ноги", и отъ времени до времени окидывалъ товарищей небрежнымъ взглядомъ; иногда онъ останавливался, чтобы съ проклятьемъ стащить лакированный, очень изящный ботинокъ: ботники были такъ тѣсны, что Вильчекъ едва могъ ходить.

Онъ одѣвался съ большимъ, даже преувеличеннымъ шикомъ.

— Шульцъ, я нечаянно открылъ тайну вашего молодого Кесслера!—сказалъ онъ, надѣвъ ботинокъ и снова принимаясь ходить по комнатѣ.

— У васъ спеціально-сыскныя способности.

— Потому что я внимательно наблюдаю.

— Иногда такое наблюденіе хорошо оплачивается.

— Малиновскій!—крикнулъ Вильчекъ и сѣлъ: ботинокъ жалъ все сильнѣе.

— Не прекращайте опытовъ вашей наблюдательности; подождемъ еще немножко, и, можетъ быть, благодаря имъ ваши ботинки разносятся,—издѣвался Адамъ.

— Я встрѣтилъ вчера утромъ на Всходной улицѣ очень красивую дѣвушку и пошелъ за ней: почему-то лицо ея по-

казалось мнѣ знакомо. Она вошла въ одинъ дворъ на Дѣльной и исчезла. Немного смущенный, я ищу дворника, чтобы разспросить, и натыкаюсь на молодого Кесслера, входящаго въ ворота. Мнѣ это показалось подозрительнымъ... Я подождалъ около дома и скоро увидѣлъ, какъ онъ вышелъ съ той-же дѣвушкой, но до того великолѣпно одѣтой, что я съ трудомъ узналъ ее. Они сѣли въ экипажъ, ожидавшій въ нѣкоторомъ разстояніи, и поѣхали по направленію къ желѣзной дорогѣ. Эту дѣвушку, Малиновскій, ты, конечно, знаешь?

— Откуда такое предположеніе?—спросилъ Малиновскій, повидимому, спокойно.

— Я видѣлъ тебя съ нею на прошлой недѣлѣ; вы выходили вмѣстѣ изъ рабочихъ казармъ Кесслера, и ты даже велъ ее подъ руку.

— Неправда! это не могла быть... —крикнулъ онъ возмущенно, запнувшись о какое-то имя.

— Я увѣренъ, что это она: брюнетка, очень живая и очень красивая.

— Ну, довольно объ этомъ, какое мнѣ дѣло! — небрежно сказалъ Малиновскій, испытывая такое чувство, какъ будто его кто-то схватилъ за сердце.

По описанію, это была его сестра Зося.

Онъ не могъ повѣрить этому; онъ сидѣлъ молча, порывался идти домой, но не двигался, не поднималъ даже глазъ, боясь встрѣтиться со взглядами товарищей, чтобы они не разгадали его тайны.

Немного придя въ себя, Малиновскій спокойно одѣлся и вышелъ.

Большія трехъэтажныя казармы, въ которыхъ ютилось нѣсколько сотъ человѣкъ рабочихъ, стояли мрачно и тихо, только въ одномъ окнѣ блестѣлъ свѣтъ. Всѣ уже спали, въ коридорахъ, по которымъ пробѣгалъ Малиновскій, было темно и пусто, и его шаги раздавались на весь домъ.

Онъ засталъ только мать и младшаго брата, который сидѣлъ въ кухнѣ, закутанный платкомъ, и, заткнувъ пальцами уши, монотоннымъ голосомъ зубрилъ урокъ на завтрашній день.

— Отецъ давно ушелъ на фабрику?—спросилъ Малиновскій, ища взглядомъ Зосю.

Мать не отвѣтила; она стояла на колѣняхъ передъ золоченнымъ образкомъ Ченстоховской Божьей Матери, освѣщеннымъ красной лампадкой, и бормотала молитвы, быстро перебирая чотки.

— А гдѣ Зося?—спросилъ сынъ, дрожа отъ волненія.

— „... и благословенъ плодъ чрева твоего, аминь“. Отецъ

ушелъ давно. Зоська еще вчера поѣхала къ теткѣ Олесѣ,— отвѣтила мать.

Старуха снова начала молиться.

Адамъ не зналъ, что дѣлать: онъ хотѣлъ сказать матери о своихъ подозрѣніяхъ, но, замѣтивъ ея сосредоточенное, молитвенное настроеніе, не рѣшился: ему было жаль смутить покой этой темной, тихой комнатки.

Онъ сидѣлъ нѣкоторое время, глядя на старое, измученное лицо матери, на ея сѣдые волосы, освѣщенные краснымъ отраженіемъ лампадки, на двѣ вазочки съ удушливо пахнувшими гіацинтами по обѣимъ сторонамъ образа, который стоялъ на комодѣ.

— Rivus—ручей, terra—земля, mensa—столъ, nautilus—морякъ,—монотонно и упорно повторялъ братъ, болтая ногами.

— Зося въ самомъ дѣлѣ поѣхала къ теткѣ?—тихо спросилъ Адамъ.

— Вѣдь я сказала тебѣ. Есть еще горячій чай; Юзекъ недавно принесъ кипятку съ фабрики; хочешь, налью?

Онъ ничего не отвѣтилъ и быстро вышелъ, не обращая вниманія на оклики матери, просившей его вернуться; онъ направился къ отцу, который служилъ механикомъ при главномъ моторѣ.

Швейцаръ безъ всякихъ затрудненій пропустилъ его на большой темный дворъ, окруженный съ трехъ сторонъ громадными корпусами, которые сверкали сотнями оконъ. Ткацкія и прядильныя отдѣленія уже цѣлый мѣсяцъ работали днемъ и ночью. Съ четвертой стороны стояло похожее на башню громадное трехъэтажное зданіе, сквозь слабо освѣщенныя окна котораго въ безпрерывномъ движеніи мелькало громадное центробѣжное колесо.

Малиновскій прошелъ мимо низкихъ, не работавшихъ теперь павильоновъ. Это были красильни и мыльный заводъ. Изъ жировъ, получаемыхъ при очисткѣ шерсти, здѣсь приготовляли поташъ и сѣрое мыло. Печи уже издалека сверкали пламенемъ, которое бросало кровавыя полосы свѣта на кучи лежавшаго неподалеку угля.

Нѣсколько полунагихъ, черныхъ отъ сажи, фигуръ безпрестанно подвозили его въ вагонеткахъ, а нѣсколько кочегаровъ бросали его въ устье печей.

Сразу Адамъ ничего не могъ разобрать въ полумракѣ башни, кромѣ главнаго колеса, которое, подобно какому-то чудовищу, свернувшемуся въ клубокъ, сверкая стальными блестками, взвивалось вверхъ съ безумной яростью, какъ бы желая разбить давящія его стѣны и вырваться на волю. Потомъ оно опускалось съ бѣшенымъ свистомъ и снова мчалось, съ такой быстротой, что вмѣсто его очертаній виденъ

былъ только серебристый ореолъ, наполнявшій темную башню миріадами мелкихъ искръ.

Нѣсколько масляныхъ фонариковъ на стѣнахъ дрожащими огоньками освѣщали рычаги, которые своими стальными, толстыми руками, съ однообразнымъ, пронизывающимъ свистомъ, въ напрасномъ бѣшенствѣ силились схватить вѣчно ускользавшее колесо.

Старикъ Малиновскій ходилъ съ масленкой около чугуннаго барьера, окружавшаго машину, и отъ времени до времени посматривалъ на монометръ.

Онъ замѣтилъ сына, но прежде обошелъ кругомъ машины, вытеръ нѣкоторыя ея части и только тогда приблизился къ нему; старикъ набилъ трубку табакомъ и, закуривъ, вопросительно взглянулъ на сына.

— Я пришелъ сказать вамъ, отецъ, что Зоська, повидимому, любовница Кесслера.

— Дуракъ!.. ты видѣлъ?

Малиновскій началъ передавать разсказъ Вильчека, но говорилъ шепотомъ, такъ какъ среди адскаго шума могъ бы затеряться даже пушечный выстрѣлъ.

Старикъ слушалъ внимательно, и его каріе глаза блестѣли, какъ стальное колесо, которое поднималось и опускалось около нихъ.

— Все узнай, все,—шепталъ старикъ, наклоняя къ сыну сухое, сѣрое лицо, съ рѣзкими, какъ изъ камня высѣченными чертами.

— Я разузнаю, и если это правда, то у него навсегда отпадетъ охота соблазнять своихъ работницъ, навсегда,— говорилъ Адамъ внушительно. Его нѣжные, зеленые глаза горѣли злобой, а поблѣднѣвшія красивыя губы открывали длинные, острые, какъ у волка, зубы.

— Сука! — процѣдилъ старикъ сквозь зубы, прижимая пальцемъ табакъ въ трубкѣ.

— Я еще ничего не говорилъ матери.

— Я самъ скажу. Ты только разузнай хорошенько, а Кесслера я беру на себя.

Старикъ подошелъ къ машинѣ и тотчасъ вернулся обратно.

— Почему ты не былъ у меня цѣлую недѣлю?—нѣжно, любовно спросилъ онъ Адама.

— Я работалъ надъ моделью.

Отецъ взглянулъ на него исподлобья, но не проронилъ ни слова; онъ всей душой ненавидѣлъ машину, которую Адамъ изобрѣталъ цѣлый годъ, не жалѣя ни времени, ни денегъ.

— Поздно, иди спать, Адамъ! Хорошо, что ты сказалъ! Провѣрь хорошенько, но дома ничего не говори. Если

дѣйствительно все такъ, то я самъ съ ними сосчитаюсь. Я справлюсь съ Кесслеромъ, не смотря на его милліоны.

Онъ говорилъ съ холоднымъ, страшнымъ спокойствіемъ, съ какимъ въ Забайкальѣ ходилъ когда-то на медвѣдя съ однимъ топоромъ.

Они крѣпко пожали другъ-другу руки.

Старикъ опять началъ ходить вокругъ машины, поливалъ ее масломъ, чистилъ, смотрѣлъ на монометръ, но иногда, опершись спиной о дрожавшую стѣну и глядя на мелькавшее колесо, шепталъ съ горечью: Зося!..

Адамъ вернулся въ квартиру болѣе спокойнымъ.

Горнъ уже спалъ. Адамъ заперъ дверь въ его комнату и принялся разбирать модель, которая стала цѣлью его жизни.

Онъ работалъ надъ изобрѣтеніемъ динамо-электрической машины такой простой конструкціи и съ такимъ дешевымъ двигателемъ, что произвелъ бы переворотъ, если бы только она удалась ему.

Онъ всегда былъ близокъ къ торжеству, ежедневно ждалъ, что завтра преодолѣетъ всѣ препятствія, но дѣло тянулось мѣсяцъ за мѣсяцемъ, и побѣда не приходила.

Онъ сидѣлъ такъ долго, что Горнъ, проснувшись подъ утро и увидя свѣтъ, крикнулъ:

— Адамъ, идите спать!

— Сейчасъ,—проворчалъ тотъ и, потушивъ свѣчу, легъ въ постель.

Блѣдный разсвѣтъ уже началъ наполнять комнату тѣмъ удивительнымъ освѣщеніемъ, при которомъ люди кажутся трупами.

Адамъ смотрѣлъ на звѣзды, которыя блѣднѣли все больше и поочередно терялись въ блескѣ дня. Уснуть онъ не могъ и по нѣскольку разъ вставалъ, чтобы провѣрить свои вычисленія, или высовывалъ голову въ форточку, на свѣжій утренній воздухъ, и скользилъ глазами по тысячамъ черныхъ, блестящихъ крышъ.

Городъ спалъ въ абсолютной тишинѣ. Сотни трубъ, подобно массѣ черныхъ колоннъ, выдѣлялись среди подвижного тумана, который поднимался съ полей и медленно, бѣловатымъ облакомъ заволакивалъ городъ, разрываясь лишь на острыхъ верхушкахъ.

Малиновскій еще разъ попробовалъ лечь, но теперь ему мѣшали уснуть мысли о Зосѣ и свистки, начавшіе уже раздаваться надъ спавшимъ городомъ.

Они звучали пронзительно со всѣхъ сторонъ,—съ юга и и съ сѣвера, съ востока и съ запада, сливаясь въ одинъ раздирающій душу хоръ.

Горнъ со времени разрыва съ Бухгольцемъ ничѣмъ не

занимался, ожидая результата хлопотъ, предпринятыхъ Боровецкимъ относительно помѣщенія его къ Шаѣ. Поэтому онъ всталъ сегодня очень поздно, къ самому обѣду, а когда пришелъ въ „колонію“, тамъ всѣ отобѣдали, и Боровецкаго уже не было.

Кама завивала перья, а нѣсколько дамъ и дѣвицъ шили въ столовой, превратившейся въ мастерскую.

— Вы навѣрно больны, я вижу!—вскрикнула Кама. Отъ скуки и бездѣлья у него, дѣйствительно, было очень несчастное выраженіе лица.

— Кама хорошо видитъ: я въ самомъ дѣлѣ боленъ!

— Я знаю: вчера вы у насъ не были потому, что побѣжали на вечеринку!

— Мы весь вечеръ играли дома.

— Неправда, вы кутили!

— Я навѣрно умру... навѣрно умру, — проговорилъ онъ трагически.

— Не нужно такъ говорить... Тетя, я не хочу!—закричала Кама, увидя, что онъ закатилъ глаза, перегнулся головой за спинку кресла и изображаетъ умирающаго.

Кама ударила его перомъ по лицу, притворившись очень разсерженной; ея непокорные волосы спустились на лобъ.

Горнъ, пообѣдавъ, сидѣлъ молча и нарочно не обращалъ на нее вниманія, притворяясь равнодушнымъ. Въ дѣйствительности ему было скучно, и онъ лѣниво разсматривалъ рядъ фамильныхъ портретовъ шляхтичей восемнадцатаго вѣка, глаза которыхъ смотрѣли сурово, почти грозно на сотни крышъ и фабричныхъ трубъ за окномъ; а съ портретовъ переводилъ взглядъ на измученныя, блѣдныя, истощенныя чрезмѣрнымъ трудомъ, лица правнучекъ, занятыхъ тяжелой работой ради насущнаго хлѣба.

— Ужъ не просить ли васъ, чтобы изволили сказать хоть словечко!—сказала Кама.

— Мнѣ не хочется говорить!

— Но вы не больны, правда?—тихонько спросила она, съ тревогой заглядывая ему въ лицо. — Можетъ быть, у васъ нѣтъ денегъ?—быстро прибавила Кама.

— Да, я бѣдный сирота,—шутилъ Горнъ.

— Я вамъ дамъ, хотите, дамъ! У меня есть сорокъ рублей.

Она взяла его за руку и потащила въ гостиную, гдѣ бѣлый Пиколо тотчасъ началъ лаять и хватать Горна за платье.

— Право, возьмите, мой дорогой, милый,—робко щебетала она, поднимаясь на цыпочки и гладя его по лицу,—возьмите у меня. Это мои собственныя деньги, я скопила на лѣтній костюмъ, но вы мнѣ успѣете еще отдать... Ну! — почти умоляла она.

— Благодарю, Кама, очень благодарю, но денегъ мнѣ не нужно: у меня есть.

— Неправда! Покажите кошелекъ!

Но онъ не соглашался. Кама быстро вытащила изъ его кармана бумажникъ и, роясь тамъ, нашла свою карточку.

Она смотрѣла на Горна нѣжно и долго, румянецъ медленно покрывалъ ея шею и лицо. Наконецъ, отдавая бумажникъ, дѣвушка очень тихо проговорила:

— Я васъ люблю за это, люблю! Но карточку вы стащили вѣдь изъ тетинаго альбома, да?

— Купилъ у фотографа.

— Неправда!

— Не вѣрите,—я ухожу.

Она догнала и задержала его.

— Вы никому не показываете этой карточки?

— Никому.

— И всегда носите ее съ собой?

— Всегда, но никогда не смотрю на нее...

— Неправда!—горячо вскрикнула она.—Возьмете деньги?..

— Иногда только смотрю, немножечко...—Онъ взялъ обѣ ея руки и сталъ горячо цѣловать ихъ.

Кама вырвалась, побѣжала къ дверямъ гостиной и, раскраснѣвшись, оттуда стала протестовать:

— Вы такой сильный, какъ медвѣдь. Ненавижу васъ, ненавижу!

— И я васъ не люблю, ненавижу,—равнодушно сказалъ онъ, уходя.

— Ну, да!?

Ея голосъ выражалъ сомнѣніе. Не смотря на ненависть, она черезъ форточку наблюдала, какъ онъ вышелъ изъ воротъ на Спацеровую улицу и, пославъ ему нѣсколько воздушныхъ поцѣлуевъ, взапуски съ Пиколо побѣжала продолжать оставленную работу.

Горнъ нѣсколько часовъ ходилъ по знакомымъ, пока набралъ нужныя для Юзефа Яскульскаго деньги, и потомъ отправился къ Боровецкому.

Почти у самой фабрики его догналъ Серпинскій, знакомый по колоніи.

Шляхтичъ былъ въ высокихъ до колѣнъ сапогахъ, въ коричневой „чамаркѣ“, обильно украшенной черными шнурами, и, залихватски сдвинувъ темно-синюю конфедератку, размахивалъ палкой.

— Въ такое время вы на улицѣ? А фабрика?—изумленно вскрикнулъ Горнъ.

— Фабрика не заяцъ, не убѣжитъ, любезный панъ!..

— Куда же вы собрались?

— Солнце такъ пригрѣваетъ, такъ пахнетъ весной, что меня совсѣмъ разобрало, я не могъ выдержать на фабрикѣ, отпросился и направляюсь теперь, за городъ—посмотрѣть на поля, на озими... Замѣчаете, панъ, чертовски-теплое солнце!

— А какое вамъ дѣло до всѣхъ озимей на свѣтѣ?

— Какъ, какое дѣло! Правда, я уже не сѣю, не пашу, я теперь фабричный наемникъ, служу у жида, но, видите-ли,—онъ осмотрѣлся и тихо шепнулъ на ухо:—мнѣ эта Лодзь костью поперекъ горла стоитъ, и все это свинство... дьявольщина, пане любезный!—Онъ еще разъ очень энергично выругался, подалъ руку Горну и быстро пошелъ, постукивая палкой по троттуару.

XV.

Горнъ быстро кончилъ разговоръ съ Боровецкимъ, потому что тотъ не могъ сказать ему ничего новаго, и, выходя встрѣтился съ Яскульскимъ, который шелъ къ Боровецкому, согласно вчерашнему разговору съ Высоцкимъ.

Яскульскій казался сегодня еще болѣе запуганнымъ и жалкимъ.

По временамъ онъ выпрямлялся, гладилъ усы, откашливался, но мужества всетаки не прибывало: онъ ждалъ въ маленькой пріемной рядомъ съ красильней и уже нѣсколько разъ пытался бѣжать. Но мысль о женѣ, о дѣтяхъ, о многочисленныхъ напрасныхъ ожиданіяхъ въ разныхъ конторахъ и переднихъ фабрикантовъ опять заставляла его садиться и терпѣливо ждать.

— Вы Яскульскій?—спросилъ Карлъ, входя въ пріемную.

— Да, имѣю честь представиться вамъ, господинъ директоръ,—онъ медленно произнесъ эту роковую фразу, повторявшуюся уже много разъ.

— Дѣло не въ чести!—отвѣтилъ Боровецкій.—Панъ Высоцкій говорилъ, что вы нуждаетесь въ службѣ.

— Да,—кратко отвѣтилъ старикъ и сталъ мять въ рукахъ потертую шляпу, со страхомъ ожидая, что опять услышитъ: мѣста нѣтъ!

— Что вы умѣете дѣлать, гдѣ вы работали?

— У себя.

— У васъ было какое-нибудь предпріятіе?

— Было имѣніе, но все потеряно, и теперь, въ виду временной, только временной необходимости...—бормоталъ онъ съ румянцемъ стыда,—сейчасъ мы ведемъ процессъ, который долженъ кончиться въ нашу пользу... Дѣло очень простое: послѣ моего двоюроднаго брата, который умеръ безъ наслѣдниковъ...

— У меня, пане, нѣтъ времени для генеалогіи. Вы были помѣщикомъ, значитъ, ничего не умѣете. Я хотѣлъ бы помочь вамъ; на ваше счастье нѣсколько дней назадъ открылась при магазинѣ вакансія; если хотите занять...

— Съ радостью, съ благодарностью Въ самомъ дѣлѣ, мы находимся нѣсколько въ затруднительномъ положеніи, и я всегда буду радъ отблагодарить васъ, господинъ директоръ! Можно знать, какое мѣсто?

— Магазиннаго сторожа. Двадцать рублей жалованья, занятія въ часы фабричной работы.

— Мое почтеніе!—рѣшительно сказалъ Яскульскій и повернулся къ выходу.

— Что съ вами?—изумленно спросилъ Боровецкій.

— Я—шляхтичъ, пане, и ваше предложеніе унизительно для меня! Сдохнуть съ голоду Яскульскій можетъ, но сторожемъ у швабовъ ему нельзя быть,—гордо сказалъ онъ.

— Такъ издыхайте же себѣ со своимъ шляхетствомъ, какъ можно скорѣе; по крайней мѣрѣ, не будете мѣшать другимъ!—раздраженно крикнулъ Боровецкій и вышелъ.

Яскульскій, сильно взволнованный, нѣкоторое время шелъ, выпрямившись, гордо, съ раскраснѣвшимся лицомъ, полный оскорбленнаго достоинства; но когда его охладилъ свѣжій воздухъ, когда онъ очутился на улицѣ, подъ открытымъ небомъ, среди толчковъ прохожихъ, среди множества телѣгъ ломовиковъ, нагруженныхъ товаромъ, онъ тяжело вздохнулъ, невольно опустилъ руки и началъ искать въ дырявыхъ карманахъ носовой платокъ...

Прислонившись къ забору, старикъ безсильнымъ взглядомъ полной растерянности смотрѣлъ на море домовъ, на сотни фабричныхъ трубъ, изъ которыхъ вырывались грязные клубы дыма, на фабрики, гудѣвшія безпрерывной работой, на все это движеніе, на вѣчно-дѣятельную, творческую человѣческую энергію, олицетворенную въ этомъ городѣ, на спокойный громадный сводъ неба.

Онъ опять искалъ платокъ и не могъ уже попасть въ карманъ; сердце его сжалось самой ужасной болью,—болью безсилья.

У него явилось безумное желанье лечь подъ заборомъ, положить голову на камень и умереть, сразу покончить страшную борьбу съ жизнью, не возвращаться къ умирающей отъ голода семьѣ, не чувствовать, наконецъ, собственнаго безсилья.

Онъ не нашелъ платка и, закрывъ лицо изорваннымъ рукавомъ, заплакалъ.

Боровецкій вернулся въ свою лабораторію возлѣ „кухни“.

Увидѣвъ Муррея, сидѣвшаго на столѣ, онъ принялся разсказывать ему объ Яскульскомъ.

— Первый разъ встрѣчаю подобнаго человѣка. Я ему даю работу, слѣдовательно, возможность существовать, а онъ мнѣ съ возмущеніемъ говоритъ: я—шляхтичъ, и сторожемъ у шваба быть не желаю; скорѣе сдохну съ голода. Ей-Богу, лучше было бы, если бы такая шляхта сдохла поскорѣе!

— Уже кончаютъ печатать „бамбукъ",—доложилъ рабочій.

— Сейчасъ приду... Стыдятся работы, но не стыдятся самаго обыкновеннаго нищенства!.. Это ужъ я отказываюсь понимать!.. Что съ вами?—вдругъ спросилъ онъ, потому что Муррей не слушалъ и поблекшими, печальными глазами смотрѣлъ въ окно.

— Ничего, по обыкновенію,—неохотно отвѣтилъ англичанинъ.

— У васъ такое печальное лицо.

— Нѣтъ основаній радоваться... Не купите ли вы у меня мебель?—спросилъ Муррей, избѣгая его взгляда.

— Вы продаете мебель?

— Да, да... Я хочу отдѣлаться отъ этой рухляди... Дешево продамъ, возьмете?

— Поговоримъ послѣ, но если васъ заставляетъ это сдѣлать какая-нибудь крайняя необходимость, не могу ли я помочь вамъ чѣмъ-нибудь? Будьте со мной откровенны!

— Нѣтъ, денегъ мнѣ не нужно, и мебель безполезна.

Карлъ посмотрѣлъ на него и послѣ нѣкотораго молчанія сочувственно спросилъ:

— Опять ничего не вышло изъ вашей свадьбы?

— Да, ничего, ничего!—быстро отвѣтилъ Муррей и началъ ходить взадъ и впередъ, чтобы скрыть овладѣвшее имъ волненіе.

Челюсть его конвульсивно вздрагивала, онъ останавливался и глубоко вздыхалъ, водилъ мертвыми глазами по равнодушному лицу Карла, обтягивалъ куртку на горбу, вытиралъ потныя руки и снова принимался бѣгать, описывая круги вокругъ стола.

Карлъ молчалъ, погруженный въ работу, и только когда Муррей побѣжалъ въ „кухню", бросилъ ему вслѣдъ презрительно:

— Сантиментальная обезьяна!

— Я только вчера убѣдился, что бракъ есть горькая сатира на любовь и человѣческое достоинство,—сказалъ Муррей, вернувшись.

— Не для каждаго,—замѣтилъ Боровецкій.

— Я только вчера убѣдился, что это самое безнравствен-

ное учрежденіе! О да, бракъ—это помойная яма грязной лжи, подлости, жалкаго лицемѣрія, фальши! Вы не станете отрицать этого?—спросилъ онъ съ ненавистью.

— Я не стану ни отрицать, ни утверждать, потому что мнѣ все равно.

— Но я вамъ говорю, что это такъ. Вчера я пилъ чай у однихъ знакомыхъ, и тамъ были идеальные супруги, Качинскіе. Все время они сидѣли рядомъ, держась за руки. Отвратительная манера постоянно жаться другъ къ другу! Они все шептались и такъ жадно смотрѣли другъ на друга, что это было прямо глупо и неприлично. Они раздражали меня весь вечеръ, потому что я не вѣрилъ въ ихъ искренность, заподозрилъ жалкую фальшь и тотчасъ же убѣдился въ ней. Послѣ чая я вышелъ въ сосѣднюю комнату и сѣлъ у открытаго окна, чтобы немного остыть. Вскорѣ пришли Качинскіе и, не замѣтивъ меня, начали самымъ грубымъ образомъ ссориться. Не знаю, въ чемъ было дѣло, но эта идеальная, божественная, чуть не святая Качинская ругала его почти уличной бранью и въ заключеніе ударила по лицу. А онъ, образецъ мужей, схватилъ ее за руки, ударилъ нѣсколько разъ по лицу и такъ швырнулъ ее объ печь, что супруга упала на полъ. Она не лишилась чувствъ, но начала истерически плакать. Весь домъ сбѣжался спасать ее, а Качинскій, стоя на колѣняхъ, цѣловалъ руки, называлъ самыми нѣжными именами и чуть не плакалъ съ отчаянія, что она страдаетъ. Отвратительный, подлый фарсъ!

— Вы разсказываете необыкновенный случай. Но все-таки это изумительно!

— О, это вовсе не рѣдкость: такъ живетъ девять десятыхъ супруговъ, да иначе и быть не можетъ, пока людей будетъ соединять коммерческій разсчетъ, а законъ сковывать неразрывными путами, пока женщины будутъ превращать бракъ въ прибыльное предпріятіе.

— Вся ваша ненависть результатъ личнаго разочарованія, да?

— Я всегда такъ чувствовалъ, потому что давно прозрѣлъ.

— Почему же вы не женитесь?—спросилъ Боровецкій.

Муррей сконфузился и нѣсколько времени молчалъ, прижавшись горячимъ лбомъ къ холодному металлу печатной машины.

— У меня слишкомъ великъ горбъ, и слишкомъ мало денегъ! Будь я слѣпъ, глупъ, уродливъ, но будь хоть Бухгольцемъ, каждая изъ вашихъ полекъ на колѣняхъ клялась бы мнѣ въ любви до гроба! — проговорилъ онъ съ ненавистью.

— Ахъ, такъ это полька водила васъ за носъ!—насмѣшливо проворчалъ Карлъ.

— Да, полька, это олицетвореніе глупости, фальши, капризовъ, дурныхъ инстинктовъ...

— У васъ богатый словарь синонимовъ,—прервалъ его Карлъ съ ироніей.

— Я не прошу васъ дѣлать мнѣ замѣчанія,—огрызнулся англичанинъ, показывая рѣдкіе зубы.

— А я не прошу вашей откровенности.

— Панъ Боровецкій, васъ зоветъ г. Бухгольцъ!—сказалъ рабочій, заглядывая въ лабораторію.

Карлъ пошелъ къ фабриканту.

Горечь разочарованія наполняла Муррея слѣпой ненавистью ко всему свѣту, а въ особенности къ женщинамъ. Услышавъ громкій разговоръ и смѣхъ въ отдѣленіи сухихъ красокъ, растираніемъ которыхъ было занято нѣсколько женщинъ, онъ выместилъ свою злобу: одну побилъ, а остальныхъ прогналъ съ работы, и продолжалъ бродить по фабрикѣ въ поискахъ случая накричать, назначить штрафъ или выгнать.

Бухгольцъ сидѣлъ въ печатнѣ и, поздоровавшись, сказалъ Карлу:

— Кнолль вернется въ субботу. Зайдите ко мнѣ вечеромъ.

— Хорошо; но зачѣмъ вы выходите? Такія путешествія для васъ могутъ быть рискованы.

— Я уже не могу сидѣть дома. Мнѣ все надоѣло, мнѣ необходимо движеніе.

— Почему же вы не проѣдетесь куда-нибудь?

— Я сегодня ѣздилъ, но это нагоняетъ на меня еще большую тоску... Что слышно?

— Работаемъ, какъ обыкновенно.

— Хорошо. Почему же такъ тихо работаетъ сегодня фабрика?—прошепталъ онъ, удивленно прислушиваясь.

— Нѣтъ, работаетъ, какъ всегда,—отвѣтилъ Карлъ и направился въ сосѣднія комнаты.

Бухгольцъ нѣкоторое время напрягалъ слухъ, чтобы уловить шумъ машинъ, но не могъ сосредоточить вниманіе. Ему было душно и жарко въ печатнѣ. Онъ вышелъ изъ фабрики и сѣлъ на выступъ бассейна, куда стекала вода отработаннаго пара.

Прищуривъ глаза, онъ смотрѣлъ на свои фабрики, раскинувшіяся кругомъ громаднаго двора, на вереницу вагоновъ, наполненныхъ углемъ и матеріями, которые въѣзжали во дворъ, на сверкавшія на солнцѣ крыши, на трубы, которыя выбрасывали клубы дыма, розовѣвшаго на солнцѣ, на жал-

Новыя книги.

„Сѣверные цвѣты“. Третій альманахъ книгоиздательства «Скорпіонъ». М. 1903.

Не унывающій „Скорпіонъ“ каждую весну преподноситъ московской публикѣ сборникъ декадентскихъ вдохновеній въ стихахъ и прозѣ, подъ общимъ громкимъ заглавіемъ—„Сѣверные цвѣты“. На первой страницѣ новой книги читаемъ слѣдующія гордыя строки: „Нашъ третій альманахъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ иной, чѣмъ два первые. Онъ болѣе единогласенъ, болѣе однороденъ по внутреннему составу. Въ немъ рядъ новыхъ именъ, и нѣтъ кое-кого изъ прежнихъ спутниковъ. Было время—мы поджидали ихъ, давали возможность подойти. Но пора и снова идти. Наши лица опять обращены впередъ, къ будущему, и намъ уже не видно, кто сзади“.

Такъ какъ вся старая гвардія декаденства, украшавшая первый альманахъ (г. г. Бальмонтъ, Валерій Брюсовъ, Балтрушайтисъ, Сологубъ, А. Добролюбовъ, Розановъ, г-жа Гиппіусъ), на лицо, то о какихъ же „прежнихъ“, отставшихъ теперь, спутникахъ идетъ рѣчь? Глазъ читателя пріятно поражается отсутствіемъ г. Чехова, имя котораго, конечно, случайно только попало въ 1 № „Сѣверныхъ цвѣтовъ“.

Что касается „единогласія“ и „однородности“, по внутреннему составу“, то издатели намекаютъ, очевидно, на перебранку сотрудниковъ альманаха въ томъ же 1 №, гдѣ кн. Урусовъ дерзостно обзывалъ гг. Брюсова, Добролюбова и Бальмонта—писателями „изъ клиники душевно-больныхъ“, а г. Коневской, въ свою очередь, зѣло порочилъ г-жу Гиппіусъ... Увы! кн. Урусовъ въ настоящее время уже на томъ свѣтѣ, гдѣ за прегрѣшеніе свое противъ „Скорпіона“, по всей вѣроятности, немало терпитъ отъ Вельзевула съ братіей, а г. Коневской, хотя—нужно надѣяться—живъ и здоровъ, въ нынѣшнихъ „Сѣврныхъ Цвѣтахъ“ отсутствуетъ (и врядъ-ли объ его отсутствіи „Скорпіонъ“ высказываетъ сожалѣніе). Прямой распри между нынѣшними сотрудниками альманаха, дѣйствительно, нѣтъ, и если г. Минскій въ своемъ „фило-

софскомъ" докладѣ „О двухъ путяхъ добра" выражаетъ желаніе „обрушить на Розанова не одинъ библіотечный шкафъ и раздавить его", о полемикѣ же г. Розанова съ церковью отзывается, какъ о „неистовомъ съ завязанными глазами размахиваньи рапирой въ темномъ углу", то вѣдь это не болѣе, какъ „любовническое"—по терминологіи г. Минскаго—фамильярничанье. Бывшій либеральный поэтъ, являющійся нынѣ въ роли блюстителя „мистической розы на груди православной церкви", питаетъ, въ сущности, весьма высокое мнѣніе о своемъ сотрудникѣ-философѣ: „Въ культѣ семьи и вообще въ моментѣ пола, Розановъ прозрѣлъ мистическія глубины, о которыхъ до него мало кому снилось". Также и другихъ столповъ сотрудниковъ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ", гг. Бальмонта и Брюсова, нынче не только не порочатъ на страницахъ альманаха, но устами нѣкоего г. Гофмана славословятъ сверхъ даже всякой мѣры. Стихи перваго изъ нихъ, оказывается, „красивы и нѣжны, какъ поцѣлуи польской панны, какъ ропотъ ласковой волны", второй же—не болѣе и не менѣе какъ

Могучій, властный, величавый,
Еще не понятый мудрецъ,
Кому въ вѣкахъ нетлѣнной славы
Готовъ сверкающій вѣнецъ!

Словомъ, „единогласіе", положительно доходящее до трогательности!

Въ альманахѣ, какъ всегда, очень много стиховъ; есть и разсказы, есть и философскіе статьи, но „гвоздемъ" книжки, несомнѣнно, является „переводная картинка" г-жи Зинаиды Гиппіусъ—„Месса". Это произведеніе—вещь, въ своемъ родѣ замѣчательная, и аналогичнаго ей, кажется, ничего нельзя указать въ нашей литературѣ. Довольно упомянуть, что героиня, шестнадцатилѣтняя итальяночка, отдаваясь первому встрѣчному мужчинѣ, который ей приглянулся и съ которымъ она отъ начала до конца не обмѣнивается ни однимъ словомъ, почитаетъ высшею для себя честью—оставить незнакомца-чужестранца при убѣжденіи, что она не невинная дѣвушка, а проститутка... Если у читателя хватитъ желанія и воображенія, пусть онъ представитъ себѣ, какіе роскошные узоры циничныхъ признаній и квази-наивныхъ обмолвокъ могло вышить на этой канвѣ „смѣлое" перо! Прибавимъ только, что сладострастіе переплетается въ „Мессѣ" съ религіознымъ экстазомъ, потому что, говоря словами автора, „это вѣдь то же самое, это почти тоже самое"... Такимъ образомъ г-жа Гиппіусъ преподноситъ читателю какъ бы иллюстрацію тѣхъ самыхъ „мистическихъ глубинъ момента пола", въ которыя, по словамъ г. Минскаго, Розановъ забрался такъ далеко, какъ до него „мало кому снилось"...

Прозаическій отдѣлъ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ" будетъ достаточно

охарактеризованъ, если мы упомянемъ еще о цвѣтистой и крикливой статейкѣ г. Бальмонта „Чувство личности въ поэзіи“. Дѣло идетъ объ Испаніи „золотого вѣка“ и Англіи елизаветинской эпохи, о „поразительномъ чувствѣ личности и необыкновенномъ расцвѣтѣ поэтическаго творчества въ этихъ странахъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ“. Разбирая подробно поэтическіе мотивы этой литературы, г Бальмонтъ особенно почтительное вниманіе удѣляетъ „замысламъ любовнаго хотѣнья“, которые „ни передъ чѣмъ не останавливались“, даже... передъ грѣхомъ кровосмѣшенія. „Умѣли ли эти поэты только говорить?—спрашиваетъ критикъ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“:—Нѣтъ, безъ способности дѣйствовать никогда въ поэзіи не будетъ истиннаго чувства личности. Эти люди, говорившіе самыя нѣжныя, и самыя сильныя, и самыя соблазнительныя слова, умѣли проходить въ дѣйствительности всю гамму ощущеній. Они знали самыя низкія паденія и самый высокій героизмъ, они поднимали мечъ за родину, они губили женщинъ, они жертвовали жизнью во имя женщинъ, они дѣлались монахами, они погибали въ вертепахъ, они сидѣли въ тюрьмахъ, они были преступниками, они знали все“.

Какъ видитъ читатель, въ одну кучу свалены здѣсь удивительно-разнородныя вещи, и о правильной характеристикѣ эпохи, на основаніи такихъ смѣшанныхъ чертъ, не можетъ быть, конечно, и рѣчи. Возможно, что люди (и въ томъ числѣ поэты) XVI—XVII в. в. дѣйствительно обладали бурными страстями и необузданными характерами; однако, очень и очень большой вопросъ (и приводимые г. Бальмонтомъ примѣры дракъ и смертоубійствъ изъ-за женщинъ нисколько его не разрѣшаютъ),— точно ли отличались они, преимущественно передъ людьми другихъ эпохъ, чертами „самаго высокаго героизма“, въ видѣ, напр., готовности „поднять мечъ за родину“? Чтобы видѣть такихъ людей, нѣтъ, думается намъ, надобности забираться въ глубь вѣковъ, и только забавна та легкомысленная развязность, съ которою критикъ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“, въ заключеніе своей статьи, бросаетъ патетичскій упрекъ нашему времени: „Въ наши дни, въ эти позорные дни, когда не умѣютъ (?) ни чувствовать, ни дѣйствовать, въ дни, когда юноши похожи на стариковъ, а мудрые старики на младенцевъ, люди той эпохи, знавшіе низкое и высокое, кажутся мнѣ отмѣченными печатью чего-то нечеловѣческаго. Живя, они жили, умирая—не дрожали. Они знали, что такое ласка и что такое вражескій призывъ (?). Они не стали бы терпѣть то, что терпимъ мы. Они знали, что, когда хочешь чего-нибудь достигнуть, нужно хотѣть,—хотѣть и не уступать“.

Впрочемъ, что касается нечеловѣческихъ страстей и дьявольскихъ хотѣній, то, если вѣрить поэтамъ изъ „Скорпіона“, ими въ настоящее время хоть прудъ пруди! На тему „Я хочу, я хочу быть порочнымъ“ не мало написано и въ разбираемой книгѣ.

„Чувства личности“ въ ней хоть отбавляй,—одна только бѣда: поэзіи нѣтъ ни на грошъ... „Застывъ на послѣдней чертѣ“ нелѣпыхъ подражаній иностраннымъ образцамъ, объявивъ безпощадную войну не только здравому смыслу, но и родной грамматикѣ и законамъ просодіи (благодаря чему, „стихи“ можно печь, какъ блины), самъ г. Бальмонтъ окончательно развелъ водою свой маленькій талантикъ и совершенно сравнялся съ Брюсовыми, Добролюбивыми и другими графоманами.

И многихъ манитъ къ обманнымъ изумрудамъ,
Каждому хочется надъ бездонностью побыть,
Каждый, утомившись, ярко грезитъ чудомъ,
И только тотъ живетъ, кто можетъ все забыть.
О, какъ грустно шепчутъ камыши безъ счета,
Шелестящими, шуршащими стеблями говорятъ.
Болото, болото, ты мнѣ нравишься болото,
Я вѣрю, что божественъ предсмертный взглядъ.

Врядъ-ли кого можно увѣрить, что это—стихи, и что это „болото, болото, ты мнѣ нравишься, болото“,—поэзія...

Было время, когда, по новости и отсутствію въ литературѣ живого содержанія, стихотворныя кривлянія декадентовъ вызывали у насъ хоть улыбку; теперь и того нѣтъ. Неудержимая зѣвота одолѣваетъ, когда г. Брюсовъ, вспоминая „живую груду тѣлъ, *которыхъ* онъ ласкалъ“, безграмотно заявляетъ:

Я жить усталъ среди людей и въ дняхъ,
Усталъ отъ смѣны думъ, желаній, вкусовъ,
Отъ смѣны истинъ, смѣны рифмъ въ стихахъ,
Желалъ бы я не быть Валерій Брюсовъ!

Скучно до тошноты, когда нѣкій Андрей Бѣлый въ „не написанной (и, однако, цѣликомъ напечатанной) мистеріи“ рисуетъ „площадку, окруженную отвѣсными черными скалами *какъ бы* изъ лабрадора“, „золотое небо, слегка подернутое искристыми розами вѣчности“ и „серебристо-бѣлый лучъ, сверкнувшій надъ багрянымъ ожиданіемъ“. Не забавляетъ даже „виннозолотистая печаль“ и „виннокрасная мечта“ въ лирическихъ стихахъ того же г. Бѣлаго. Изо всѣхъ силенокъ тужится нѣкая г-жа Вилькина (нововременская поэтесса, тоже попавшая въ созвѣздіе „Скорпіона“) сказать нѣчто демоническое, бунтовское противъ „старой морали“—и, увы! выходитъ такъ старо и такъ плоско:

Тотъ побѣдитъ, кто въ панцырь лжи одѣтъ,
А правда—щитъ раба, покровъ случайный.
Болѣзнью правды я, какъ всѣ, страдала
Какъ мерзкій червь, я ползала въ толпѣ,
Среди людей, на жизненной тропѣ,
Она меня, свободную (!) сковала.
Теперь передо мной широкій путь:
Прославить ложь! отъ правды отдохнуть!

Не болѣе новы и гимны дьяволу, распѣваемые г-жей Гиппіусъ и г. Сологубомъ. Первой принадлежитъ „Божья тварь“:

За дьявола Тебя молю,
Господь! И онъ—Твое созданье.
Я дьявола за то люблю,
Что вижу въ немъ мое страданье.
Борясь и мучаясь, онъ сѣть
Свою заботливо сплетаетъ...
И не могу я не жалѣть
Того, кто, какъ и я, страдаетъ.

А. г. Сологубъ заплетающимся, мало вразумительнымъ языкомъ восклицаетъ, обращаясь къ тому же дьяволу:

Я власти темнаго порока
Отдамъ остатокъ черныхъ дней!
Тебя, отецъ мой, я прославлю
Въ укоръ неправедному дню (?),
Хулу надъ міромъ я возставлю (?)
И, соблазняя (?), соблазню!

Все это, конечно, мало соблазнительно, но, повторяемъ, ужасно скучно и декадентски-шаблонно... Въ заключеніе, выпишемъ одно „стихотвореніе“ г-жи Гиппіусъ, цѣликомъ:

Вечеръ былъ ясный, предвесенній, холодный,
Зеленая небесная высота—тиха.
И былъ тотъ вечеръ—Господу неугодный,
Была годовщина нашего невольнаго грѣха.
Въ этотъ вечеръ, будто стеклянный—звонкій,
На воспоминаніе и страхъ мы осуждены,
И глянулъ изъ-за угла мѣсяцъ тонкій
Намъ въ глаза съ нехорошей, съ лѣвой стороны.
Въ этотъ вечеръ, въ этотъ вечеръ веселый,
Смѣялся мѣсяцъ, узкій, какъ золотая нить!
Люди вынесли гробъ, бѣлый, тяжелый,
И на дроги съ усиліемъ старались положить.
Мы думали о томъ, что есть у насъ братъ—Іуда,
Что предалъ онъ на грѣхъ, на кровь—не насъ!
Но не страшенъ намъ вечеръ: мы ждемъ чуда,
Ибо сердце у насъ острое, какъ алмазъ.

Добраться до смысла и оцѣнить поэтическія красоты этого творенія предоставляемъ самимъ читателямъ.

Альманахъ книгоиздательства «Грифъ». М. 1903.

Лавры нашихъ „прославленныхъ“ декадентовъ, группирующихся около книгоиздательства „Скорпіонъ“, не даютъ, повидимому, спать московскимъ... „приготовишкамъ“. Не принятые по молодости лѣтъ въ „Сѣверные Цвѣты“, они образовали автономную филіацію и рѣшили выпустить собственный сборникъ, избравъ для него гордый девизъ: „Привѣтъ тебѣ, неизвѣстность“!

Полная неизвѣстность устрашила, однако, юную редакцію, и она ударила челомъ г. г. Бальмонту и Валерію Брюсову, этимъ чуть-ли не маститымъ уже декадентскимъ бардамъ, прося ихъ почтить новое изданіе своимъ участіемъ. Маститые благосклонно согласились, и вотъ первыя же страницы альманаха „Грифъ“ украсились такими стихами г. Бальмонта:

Вѣтеръ, Вѣтеръ, Вѣтеръ, Вѣтеръ.
Что ты въ вѣткахъ все шумишь?
Вольный Вѣтеръ, Вѣтеръ, Вѣтеръ,
Предъ тобой дрожитъ камышъ.
Вѣтеръ, Вѣтеръ, Вѣтеръ, Вѣтеръ,
Что ты душу мнѣ томишь?

Примѣнительно къ возрасту редакторовъ и сотрудниковъ альманаха, думается намъ, очень недурные стихи!

А. М. Ѳедоровъ. Разсказы. Книга I и II. Издательство О. Н. Поповой. Спб. 1903.

Романтизмъ никогда не умиралъ въ нашей литературѣ. Она была всегда слишкомъ проникнута учительнымъ характеромъ, чтобы ограничиться однимъ объективно-реальнымъ воспроизведеніемъ жизни; правдивое изображеніе жизни, какъ она есть, было всегда для нашего писателя формой сужденія о томъ, какою она не должна или должна быть. Но для послѣдняго есть иныя формы, менѣе доступныя, менѣе свойственныя русской художественной правдивости, и все-же необходимыя и естественныя тамъ, гдѣ литература не столько развлекаетъ или изображаетъ, сколько руководитъ. Она не можетъ сосредоточиться на одномъ обличеніи дѣйствительности: она пытается воплотить въ конкретные образы формы желательнаго. Менѣе воспроизводящіе дѣйствительность эти „апріорные“ образы по необходимости впадаютъ въ одну изъ крайностей: они или блѣдны, или условно преувеличены. Не даромъ въ терминологіи сороковыхъ годовъ идеальное было синонимомъ ирреальнаго; романтическое остается синонимомъ идеальнаго, иногда преувеличенно возвышеннаго, но условнаго, преднамѣреннаго. Послѣднее десятилѣтіе какъ бы выдвинуло необходимость такихъ мотивовъ; не художественные запросы, а общественное настроеніе потребовало, чтобы всѣ эти „скучныя исторіи“, „не страшныя“ трагедіи будней нашли противовѣсъ въ бодрящемъ, хотя бы менѣе воспроизводящемъ дѣйствительность словѣ. Насъ возвышающій обманъ нашелъ сильнаго и своеобразнаго представителя въ Горькомъ; еще до него откликался своими приподнято-положительными фигурами на тѣ же запросы читателя Потапенко. Къ этому же теченію принадлежитъ и хорошими, и дурными сторонами своего дарованія г. Ѳедоровъ. Не то, чтобы образы положительно - прекрасные, какъ

выражается теорія словесности, занимали все поле дѣйствія его произведеній: есть въ нихъ и прекрасное, и весьма непрекрасное, но на всемъ легъ отпечатокъ чего-то преднамѣреннаго; хорошая сторона этой сознательности творчества есть художественная законченность, дурная—банальность.

Вотъ, напримѣръ, нѣсколько женскихъ портретовъ.

„Она была довольно высока ростомъ, и въ ея еще не вполнѣ налившейся тонкой фигурѣ сказывалась грація, гибкость и нѣжность, по которымъ сразу можно отличить дѣвушку отъ женщины. И въ походкѣ ея, и въ томъ, какъ она держала слегка склоненной направо голову съ пышными бѣлокурыми волосами, принимавшими на солнцѣ золотисто-рыжеватый оттѣнокъ, — во всемъ сквозила благородная прелесть, свойственная натурамъ, еще нетронутымъ. Тонкій контуръ лица былъ очерченъ нѣжно и отличался рѣдкой правильностью. Такой же правильностью поражали линіи носа и лба, въ сочетаніи своемъ напоминавшія верхнюю половину лица сфинкса. Глаза ея были голубовато-сѣрые, безо всякаго блеска, но съ такимъ чистымъ хрусталикомъ, какъ будто его никогда не замутняли слезы. И все же въ этихъ глазахъ, да въ строгомъ очеркѣ губъ, можно было, вглядѣвшись пристальнѣе, замѣтить что-то глубоко-затаенное, загадочное, властное и внушавшее невольное поклоненіе“ („Королева“).

„Собесѣдница его была миніатюрная, какъ куколка, и какъ куколка хорошенькая брюнетка, съ темнымъ пушкомъ надъ верхней губою, съ немного вздернутымъ носикомъ и блестящими черными глазами, которые то вспыхивали, то угасали, когда она поднимала и опускала свои длинныя рѣсницы или, смѣясь, выставляла крѣпкіе бѣличьи зубы“ („Королева“).

„Она была брюнетка, нѣсколько цыганскаго типа, съ матовымъ цвѣтомъ лица, съ роскошными, немного на выкатѣ, черными притягивающими глазами, бѣлки которыхъ отливали синевою и сверкали изъ-за длинныхъ, слегка даже загибавшихся кверху рѣсницъ, съ полными розовыми губками, открывавшими во время улыбки неровные, но бѣлые и крѣпкіе зубы, съ густыми, слегка вьющимися волосами“... („Соперники“. Должно отмѣтить, что этотъ разсказъ ведется отъ лица какого то неопредѣленнаго *я*, которое едва ли сливается съ авторомъ).

„Улыбнулась только одна молоденькая свѣженькая дѣвушка, со смѣющимся малорусскимъ лицомъ, карими глазами подъ тонкими дугами черныхъ бровей и сочными полуоткрытыми полными губками симпатичнаго рта, между которыми бѣлѣли здоровые ровные зубы“ („Черешни“).

„Онъ увидѣлъ худенькую, почти дѣтскую фигурку съ тонкимъ, удивительно изящнымъ лицомъ, съ красивыми, но просто и естественно зачесанными золотисто-бѣлокурыми волосами и сѣрыми, глубокими и вдумчивыми глазами“ („Падающіе листья“).

И такъ далѣе. Все пухлыя губки и крѣпкіе зубки. Блондинка ли съ сѣрыми—и ужъ, конечно, „глубокими и вдумчивыми“—глазами, или брюнетка съ необыкновенно длинными рѣсницами и глазами, блестящими и притягивающими,—это не художественные портреты, а невыносимо хорошенькія олеографическія дамы съ плакатовъ; все повторяется въ нихъ оттуда: и пестрая красочность, отъ которой глазамъ больно, и отсутствіе индивидуальности, и подчеркнутость. И въ болѣе скрытыхъ, болѣе мягкихъ, болѣе сложныхъ формахъ эти недостатки типичны для разсказовъ г. Ѳедорова. У него есть выдумка, но выдумки больше, чѣмъ наблюдательности. Оттого его образы или подчеркнуты до каррикатурности, до банальности, или неясны. Оттого онъ склоненъ къ анекдоту. Адвокатъ, поѣхавшій разстроить неподходящій бракъ младшаго брата, съ одного раза влюбляется въ его невѣсту, дѣлаетъ ей предложеніе и тутъ же получаетъ согласіе. Молодой человѣкъ нечаянно попадаетъ къ маскарадной дамѣ, живущей съ нимъ въ одной гостиницѣ, и узнаетъ въ ней подругу своего ранняго дѣтства послѣ того, какъ между ними легла уже непоправимая бездна грѣха и грязи. Русскій провинціальный актеръ въ роли Отелло, въ самомъ дѣлѣ задушившій въ увлеченіи Дездемону; сцена любви и ревности, которую автору удалось подсмотрѣть—у карликовъ: все это анекдотично, случайно, отдаетъ не сложностью живой жизни, а элементарной простотой изобрѣтательной мысли; возможно вѣдь и такое оригинальное положеніе — попробую развить его.

Но, какъ мы сказали, съ этой „апріорной“ манерой связана у г. Ѳедорова извѣстная законченность произведенія. Намъ надо дорожить этимъ свойствомъ, ибо извѣстно, какъ оно рѣдко у русскихъ писателей. Его произведеніе никогда не производитъ впечатлѣнія сырья; его архитектура ясна и гармонична, дѣйствіе разсказа развивается непрерывно и послѣдовательно, безъ длиннотъ. Эта художественная законченность сообщаетъ произведеніямъ г. Ѳедорова живой интересъ—и она не составляетъ ихъ единственнаго достоинства. Наблюденіе у него если не глубоко, то разнообразно; онъ многое видѣлъ, интересуется разнообразными сферами жизни и душевными положеніями и умѣетъ привлечь къ нимъ интересъ. Такими разсказами, какъ „Нервъ прогресса“ или „Пѣвица“ онъ можетъ гордится. Но, думаеться, разсказъ—не его жанръ; онъ пробовалъ себя въ романѣ—и здѣсь въ широкой картинѣ, проникнутой общественными элементами и болѣе трудной для художественнаго исполненія, отходятъ на второй планъ его недостатки и становится виднѣе его умѣніе; здѣсь есть мѣсто для выясненія характеристикъ, столь труднаго въ разсказѣ, здѣсь можно осложнить чрезмѣрную общепонятность замысла и скрыть свою преднамѣренность, здѣсь можно искупить слабыя мѣста болѣе удачными. Наконецъ, если отъ романовъ станутъ отка-

зываться тѣ, которые могутъ взяться за нихъ, то кто же ихъ станетъ писать? Дѣло вѣдь не въ томъ, что исчезнетъ одна поэтическая форма: романъ, очевидно, способенъ вобрать такое содержаніе, какое для другихъ способовъ художественной передачи просто недоступно.

Джаванни Руффани. Записки Лоренцо Бенони. Переводъ А Серебряковой. Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Москва 1903.

Черезъ полъ вѣка послѣ своего появленія увлекательная и милая книга Руффини вновь обращается къ русскимъ читателямъ. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ она была одною изъ любимѣйшихъ книгъ русской молодежи, видѣвшей въ ней какъ бы отраженіе своихъ судебъ и отвѣтъ на свои запросы; многое измѣнилось съ тѣхъ поръ. Но многое также осталось неизмѣннымъ— и, думается, эта консервированная обстановка даетъ возможность ждать новаго успѣха для юношески свѣжей автобіографіи генуэзскаго изгнанника. Трудно сказать, что собственно такъ привлекательно въ этой книгѣ,—изображеніе-ли чужого быта и строя, столь далекаго отъ насъ по времени и разстоянію, и въ то же время какъ будто не такъ ужъ далекаго, задушевность-ли разсказа, всегда живого, рельефнаго и художественнаго, личность-ли автора, неизмѣнно скромная и простая, но внушающая уваженіе, внѣшнія-ли событія, составившія содержаніе его книги, романтически сильныя, приковывающія своимъ напряженнымъ развитіемъ, или внутренній паѳосъ, который проникаетъ все изображеніе этой смѣлой, рѣшительной и безгранично самоотверженной молодости. Чѣмъ-то благоговѣйно чистымъ дышитъ и отъ этой школьной борьбы съ деспотіей товарищей—вымогателей и тиранновъ, и отъ этой первой любви, полной бурь счастія и страданія внутри— и исчерпавшей себя извнѣ въ единственномъ, прощальномъ поцѣлуѣ, и отъ этихъ беззавѣтныхъ порывовъ примкнуть хотя бы съ опасностью для жизни къ дѣлу спасенія родины.

Издатели ограничились скуднымъ послѣсловіемъ автора и не сообщили, съ какого языка сдѣланъ переводъ. Между тѣмъ, это представляло бы интересъ. Книга итальянца Джованни Руффини написана по-англійски и выпущена въ 1853 г. въ Эдинбургѣ подъ подъ псевдонимомъ Лоренцо Бенони. Англія сдѣлалась второю родиной и для этого политическаго изгнанника. Онъ жилъ здѣсь въ концѣ тридцатыхъ годовъ, затѣмъ возвратился во Францію; сардинская конституція сдѣлала его въ 1848 году депутатомъ парламента, по онъ недолго былъ народнымъ представителемъ: битва при Новарѣ и новое временное торжество австрійскаго обскурантизма заставили его сложить полномочія. Возвратившись въ Англію, онъ продолжалъ борьбу за освобожденіе родины уже не въ тайномъ обществѣ, которому посвятилъ свою молодость, но въ свободной литературѣ. Первымъ шагомъ его на этомъ поприщѣ была

его увлекательная автобіографія. Онъ изображалъ въ своей книгѣ прошлое, но всѣ знали, что для Италіи пятидесятыхъ годовъ оно еще не ушло въ исторію, и свободная Англія съ удивленіемъ узнавала о духовномъ строѣ страны, бывшей не такъ давно свѣточемъ культуры. Достаточно прочитать страницы, посвященныя университетской жизни автора, чтобы понять, какъ однообразны и какъ безсильны средства всѣхъ гасильниковъ просвѣщенія. Въ потокѣ оборонительнаго движенія возстановленная Австріей власть имѣла, конечно, всѣ основанія обратить вниманіе на университеты: достаточно напомнить, что, напримѣръ, „въ Туринѣ всѣмъ движеніемъ руководила горсть студентовъ, ставшая во главѣ роты солдатъ“. Но что было сдѣлано для искорененія зла? Что могло быть сдѣлано? Сперва закрыли университеты; но этотъ пріемъ имѣетъ то неудобство, что навсегда ихъ закрыть невозможно. Затѣмъ,—вотъ нѣкоторыя изъ многихъ свидѣтельствъ, которыя потребовали отъ юноши, когда онъ захотѣлъ поступить въ университетъ: „...4) свидѣтельство о хорошемъ поведеніи отъ священника нашего прихода; 5) свидѣтельство о томъ, что я посѣщалъ приходскую церковь во всѣ праздничные дни въ теченіе шести предыдущихъ мѣсяцевъ; 6) свидѣтельство о ежемѣсячной исповѣди въ теченіе тѣхъ же шести мѣсяцевъ; 7) свидѣтельство объ исповѣди и причастіи, по церковному уставу, въ послѣднюю страстную недѣлю; 8) свидѣтельство о томъ, что родители мои владѣютъ земельной собственностью, вполнѣ достаточной для того, чтобы выдавать каждому изъ своихъ сыновей опредѣленную уставомъ сумму и, наконецъ: 9) свидѣтельство полиціи о томъ, что я не принималъ никакого участія въ конституціонномъ движеніи 1821 года“. Надо имѣть въ виду, что въ 1821 году автору было 12 лѣтъ. Лекціи—во избѣжаніе скопленія—читались не въ зданіи университета, а на дому у профессоровъ; за три пропущенныя лекціи студента исключали на три мѣсяца; каждые три мѣсяца требовалось удостовѣреніе духовника о ревностномъ исполненіи религіозныхъ обязанностей. „Университетъ можно было сравнить съ огромнымъ прессомъ, который долженъ былъ выдавливать изъ новаго поколѣнія всякую независимость, всякое достоинство, всякое самоуваженіе. Когда я вспоминаю о благородныхъ характерахъ, которые не погибли на этомъ Прокрустовомъ ложѣ, то не могу безъ гордости думать о силѣ нравственныхъ элементовъ нашей итальянской націи, которые помогли ей выйти чистой и мужественной изъ такой тлетворной атмосферы“.

Эти нравственные элементы непобѣдимы. Прошли годы, исторія вбила осиновый колъ въ могилы чудовищныхъ дѣятелей реакціи, изображенныхъ въ „Запискахъ“ Бенони, а генуэзскій университетъ въ томъ же великолѣпномъ старомъ дворцѣ на via Balbi, о которомъ съ такимъ удовольствіемъ говоритъ его питомецъ, сдѣлался изъ католически-полицейскаго учрежденія настоящимъ

храмомъ науки, живой, свободной, самодержавной. И глубокій, радостный оптимизмъ есть лучшее поученіе и настроеніе, которое читатель выноситъ изъ не старѣющей книги Руффини. Не даромъ эту книгу такъ любили въ самое доброе и оптимистическое время нашей исторіи—въ шестидесятыхъ годахъ.

В. Даль. Толковый словарь живого великорусскаго языка. Третье изданіе подъ редакціею проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Вып. I. Спб., 1903.

Репутація словаря Даля установлена достаточно прочно, но распространенность его въ читательской средѣ не велика. Поэтому новое изданіе его будетъ съ привѣтомъ встрѣчено всѣми, кто можетъ оцѣнить важность углубленнаго знакомства съ тѣми микроскопическими, но могучими аккумуляторами мысли, которые мы имѣемъ въ каждомъ отдѣльномъ словѣ.

Достоинства и недостатки „Словаря“ обсуждались неоднократно—еще при жизни заслуженнаго и трудолюбиваго составителя его. Это — истинная сокровищница русскаго народнаго творчества не только въ его словесномъ выраженіи, но и въ области обрядовой, миѳической, бытовой; это обширнѣйшее собраніе данныхъ, неисчерпаемый интересъ къ которымъ можетъ лишь возростать; это и по сіе время—единственая завершенная попытка выяснить богатства живой русской рѣчи, сдѣлать ея инвентарь, объяснить происхожденіе ея элементовъ. Къ сожалѣнію, многое среди этихъ драгоцѣнныхъ данныхъ недостовѣрно; пріемы ихъ обработки неосторожны, неправильны, можно было бы сказать, анти-научны, если бы въ это модное словечко не вкладывалось особое таинственное содержаніе, преувеличивающее его дѣйствительное значеніе. Въ составителѣ страннымъ образомъ соединялись положительный научный работникъ, знавшій цѣну точно подмѣченнымъ и выясненнымъ фактамъ, и фантастъ, причудливый поклонникъ тайныхъ наукъ, вносящій въ положительное изслѣдованіе домыслы ирраціональнаго умствованія. Когда Далю указывали на то, что онъ выдумываетъ слова, его послѣднимъ убѣжденіемъ была ссылка на неопредѣленное „чутье“, которое было настолько грубо, что позволяло ему обезцѣнивать свою замѣтельную работу ненужными выдумками.

Нынѣ работа Даля появляется въ новомъ изданіи, исправленномъ и дополненномъ заслуженнымъ и многостороннимъ филологомъ. Этихъ исправленій и должно коснуться наше обсужденіе. Собственно, словарь Даля сохраняетъ значеніе для широкой публики лишь потому, что у насъ нѣтъ лучшаго; въ противномъ случаѣ, онъ былъ бы возвращенъ къ тому значенію, которое принадлежитъ ему: значенію сборника матеріаловъ для спеціалиста. Будетъ время—все цѣнное, что есть у Даля, войдетъ,

какъ часть, въ полный словарь русскаго языка, составленный сообразно строгимъ научнымъ требованіямъ. До сихъ поръ рано сдавать Даля въ исторію; приходится имъ—увы, съ осторожностью, къ которой не способенъ несвѣдущій читатель—пользоваться, и это оправдываетъ ту срединную позицію, которую по необходимости долженъ былъ занять редакторъ новаго изданія словаря Даля. Подвергнуть его коренной переработкѣ значило бы составить новый словарь—на это у редактора не было сил ; пустить его въ обращеніе безъ измѣненій значило бы содѣйствовать распространенію ошибокъ въ невѣроятной степени. Оставалось исправить кой-что; *что именно*—было дѣломъ научнаго такта и соображеній редактора, о которыхъ, разумѣется, можно спорить.

Для пополненій редакторъ воспользовался не всѣми доступными средствами и матеріалами. Онъ самъ указываетъ, что замѣтки Шейна, Грота и др. о первомъ изданіи словаря Даля были использованы „не съ безукоризненною точностью", хотя „во всякомъ случаѣ довольно старательно и добросовѣстно". Не видно, чтобы произведена была свѣрка, а произвести ее слѣдовало; не видно также, какъ отразились на дополненіяхъ многочисленныя указанія, разсѣянныя по спеціальнымъ журналамъ въ послѣднее десятилѣтіе и вызванныя появленіемъ академическаго „Словаря русскаго языка". Исправленія также вызываютъ сомнѣнія. Разъ было признано, что умѣстныя исправленія не нарушаютъ должнаго уваженія къ подлиннику, то въ нихъ можно было пойти дальше. Нѣкоторыя ошибки Даля—особенно по этимологіи словъ—исправлены новымъ ихъ расположеніемъ, которое уже не связываетъ ихъ съ совершенно чуждыми имъ „гнѣздами", какъ назвалъ Даль группы словъ одного „корня". Но другія ошибки—отмѣченныя самимъ редакторомъ новаго изданія—оставлены по непонятнымъ соображеніямъ. При цѣломъ рядѣ словъ и выраженій онъ отмѣчаетъ, что они сочинены самимъ Далемъ или позаимствованы имъ изъ сомнительнаго источника; если редакторъ въ этомъ убѣжденъ, то къ чему загромождать словарь и мысль читателя этими уродливыми выдумками, ничѣмъ не уступающими мертворожденнымъ „мокроступамъ" и „шарокаталищамъ" Шишкова или „подметнымъ побудамъ" Корша; таковы, напримѣръ, знаменитыя и уличенныя въ незаконномъ происхожденіи міроколица и колоземица (атмосфера); таковы, ѝзвинь (алкоголь), погодникъ (барометръ), соостровье (архипелагъ). Издатель отмѣтилъ эти и другія слова; число ихъ можно бы значительно увеличить. Быть можетъ, однако, по поводу нѣкоторыхъ изъ этихъ выдумокъ возможны еще сомнѣнія; онѣ во всякомъ случаѣ характерны для филологическихъ пріемовъ Даля. Но ужъ во всякомъ случаѣ слѣдовало устранить изъ словаря тѣ ненужныя свѣдѣнія, анекдоты, разговоры, которые ничего наукѣ русскаго языкознанія и народовѣдѣнія дать не могутъ. По поводу слова *Алкоранъ*, Даль считаетъ умѣстнымъ сообщить: „со-

жигая александрійскую библіотеку, Омаръ сказалъ: „Если въ книгахъ этихъ писано тоже, что въ коранѣ, то онѣ лишнія; если же писано иное, то онѣ лгутъ“. И редакторъ находитъ нужнымъ оставить это; онъ оставляетъ также сообщеніе, что подъ парусами можно идти противъ вѣтра вправо и влѣво отъ него; это будетъ правый и лѣвый галсы, бакбортъ и штирбортъ и т. д.; но если эти термины будутъ объяснены въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ, къ чему ихъ объясненіе тамъ, гдѣ ихъ никто искать не будетъ подъ словомъ бейдевиндъ? Конечно, совсѣмъ другое дѣло драгоцѣнныя сообщенія по русскому фольклору, тамъ и сямъ вкрапленныя Далемъ въ его словарь. Но ровно никакой цѣны не имѣетъ такое сообщеніе объ аэролитахъ: „Полагали, что камни эти выкидываются земными либо лунными огнедышащими горами; нынѣ убѣдились, что они образуются въ пространствѣ и загораются, коснувшись нашей міроколицы. Они состоятъ изъ желѣза съ примѣсью никеля, сѣры, оливина“, и такъ далѣе.

Едва-ли можно будетъ сказать, что эти промахи лишаютъ новое изданіе словаря Далѣ его значенія. Но оно исправлено меньше, чѣмъ давало право ожидать почтенное имя редактора. Мы дѣлаемъ эти замѣчанія потому, что изъ сорока предполагаемыхъ выпусковъ словаря появился всего одинъ. Еще возможная перемѣна не столько въ системѣ, сколько въ деталяхъ переработки едва-ли встрѣтитъ съ чьей-нибудь стороны существенныя возраженія.

Юрій Битовтъ. Графъ Л. Толстой въ литературѣ и искусствѣ. Подробный библіографическій указатель русской и иностранной литературы о гр. Л. Н. Толстомъ. Со многими портретами гр. Толстого. М. 1903. Изд. Т-ва И. Д. Сытина.

Въ мартѣ текущаго года двѣ русскихъ газеты, одна въ Москвѣ, другая въ Петербургѣ, предлагали своимъ подписчикамъ назвать по десяти величайшихъ современниковъ. Изъ тысячи приблизительно отвѣтовъ, полученныхъ каждой газетой, наибольшее число голосовъ получилъ Л. Н. Толстой. Такое же большинство пришлось на долю „великаго писателя земли русской“ и въ анкетѣ, устроенной незадолго передъ тѣмъ нѣмецкой газетой „Welt Spiegel“. Популярность Толстого и литература о немъ растутъ съ каждымъ днемъ и, можетъ быть, недалеко и то время, когда, по примѣру другихъ корифеевъ всемірной литературы, имя Л. Н. украситъ собой названіе особого періодическаго органа, спеціально посвященнаго изученію его великихъ твореній.

Трудъ г. Битовта является пока первымъ серьезнымъ шагомъ въ обширное зданіе толстовской библіографіи. Здѣсь сосредоточены, въ мѣру возможности, библіографическія свѣдѣнія о жизни, литературной, педагогической и религіозно-философской дѣятельности Л. Н., начиная съ появленія въ ноябрьской книжкѣ „Со-

временника“ за 1852 годъ „Исторіи моего дѣтства“ и кончая мартовскими номерами столичныхъ газетъ нынѣшняго года (инцидентъ съ картиной г. Бунина „Рыбная ловля“). Отдѣлъ „Гр. Л. Н. Толстой въ иностранной литературѣ“ содержитъ указанія на переводы его сочиненій на 25 языковъ. Кромѣ того, въ книгѣ приводится еще перечень и библіографія живописныхъ и скульптурныхъ произведеній, изображающихъ Л. Н., иллюстрацій къ его произведеніямъ, статей о постановкѣ на сцену его драмъ и комедій и пр. („Гр. Л. Н. Толстой въ искусствѣ“). Общій итогъ отдѣльныхъ указаній, частью, впрочемъ, повторяющихся по различнымъ отдѣламъ, достигаетъ 4,000. Тѣмъ не менѣе, намъ кажется, что г. Битовтъ не былъ вполнѣ правъ, называя свой указатель *подробнымъ*, т. е. болѣе или менѣе полнымъ. Начать съ того, что всѣ почти произведенія Л. Н. печатанныя на русскомъ языкѣ за границей (въ изданіяхъ А. Черткова въ Лондонѣ, „Библіографическаго Бюро“ въ Берлинѣ, Элпидина въ Швейцаріи и др.) и все, что печаталось тамъ о немъ или его произведеніяхъ на русскомъ языкѣ, не могло попасть въ указатель г. Битовта въ силу цензурныхъ условій. Собственно говоря, не только подробной библіографіи произведеній Л. Н., но даже полнаго списка его сочиненій на русскомъ языкѣ мы не можемъ пока имѣть. Возстановить такой списокъ можно только при помощи указаній г. Битовта на англійскіе—самые многочисленные—переводы произведеній Толстого. Общій недостатокъ, свойственный большинству трудовъ по библіографіи—пропускать мѣстами важное и приводить въ указаніяхъ малозначительное и даже, пожалуй совсѣмъ не нужное—не оказывается чуждымъ и труду г. Битовта. Такъ можно указать, что по отношенію къ Толстому совершенно не важно перечислять, какія статьи какихъ авторовъ были помѣщены въ какомъ-нибудь сборникѣ, гдѣ было помѣщено то или другое произведеніе Л. Н. А у г. Битовта приводятся полныя оглавленія многихъ сборниковъ, издававшихся съ благотворительной цѣлью и украшенныхъ произведеніями Л. Н. (сборникъ „XXV лѣтъ Литературнаго фонда“, „Помощь голодающимъ“ изд. „Русскихъ Вѣдомостей“ 1892 г., „Починъ“ Общ. Люб. Росс. Слов. 1895 г. и др.). Съ такими подробностями можно дойти и до перепечатыванія оглавленій изъ хрестоматій. Безъ всякаго ущерба для дѣла можно было опустить также и оглавленія тѣхъ историко-литературныхъ или критическихъ произведеній, гдѣ, *между прочимъ*, разбираются и произведенія Л. Н. (таковы оглавленія книгъ г. г. Арс. И. Введенскаго, К. Головина, Меньшикова, Волынскаго, воспоминанія Анненкова, Головачевой и др.). А на ряду съ тѣмъ авторъ не приводитъ заглавій для сборниковъ, составленныхъ исключительно изъ произведеній Толстого (напр.: „Избранныя произведенія“ въ IX томикѣ „Русской Библіотеки“ изд. Стасюлевича, „Народные разсказы“ Л. Н. Толстого изд. Мамон-

това и др.). Подробный пересмотръ и сличеніе указаній г. Битовта могли бы, вѣроятно, открыть не мало сдѣланныхъ имъ пропусковъ. Думаемъ такъ потому, что и при бѣгломъ пересмотрѣ книги пропуски эти можно замѣтить. Такъ, мы не нашли, напримѣръ, указанія на статью Д. И. Писарева „Старое барство" (по поводу „Войны и мира", брошюру свящ. Е. Аквилонова „О божествѣ Господа нашего Іисуса Христа и о средствахъ нашего спасенія. По поводу лжеученій гр. Толстого". Спб. 1901 ц. 30 к.); въ отдѣлѣ библіографіи не указано сочиненіе проф. А. П. Бронзова „Нравственное богословіе въ Россіи въ теченіе XIX вѣка" (Спб. 1901, первоначально въ журналѣ „Христіанское чтеніе" 1901), гдѣ приведенъ довольно полный списокъ духовной антитолстовской литературы, и пр. Списокъ портретовъ Л. Н. и иллюстрацій къ его произведеніямъ тоже далеко неполный. Руководствовался ли г. Битовтъ какимъ-нибудь выборомъ въ указаніи иллюстрацій, или нѣтъ, неизвѣстно, но указанія эти совсѣмъ не „подробны". Одинъ пересмотръ русскихъ иллюстрированныхъ изданій за 1898 годъ (годъ семидесятилѣтія Л. Н.) могъ бы весьма существенно дополнить перечень г. Битовта. Такъ въ 35 № „Нивы" за этотъ годъ (стр. 700 ч.) можно найти снимокъ съ бюста Толстого работы И. Я. Гинсбурга. Въ книгѣ г. Битовта скульптура эта не указана, хотя въ двухъ мѣстахъ упоминается о письмѣ В. В. Стасова по поводу этого бюста. Въ иллюстрированныхъ приложеніяхъ къ „Биржевымъ Вѣдомостямъ" въ декабрѣ 1898 года между другими рисунками, изображающими Толстого, есть снимокъ съ медали, выбитой въ честь его въ Швейцаріи. У г. Битовта медаль упомянута, а указаній на изображенія ея нѣтъ. Списокъ иллюстрацій къ произведеніямъ Л. Н. могъ быть тоже въ значительной мѣрѣ расширенъ даже въ предѣлахъ указаній на книги. Почему, напримѣръ, не указаны иллюстраціи на народныхъ изданіяхъ мелкихъ произведеній Толстого въ изданіи „Посредника" или политипажи, приложенные къ приводимой авторомъ книгѣ Лѣскина „Разборъ и извлеченія изъ романа „Война и миръ" и др.?

Приложенные къ книгѣ портреты Толстого (23 съ фотографіи и 17 съ картинъ) исполнены въ общемъ очень удовлетворительно, но нѣкоторые мелкіе снимки (фотографіи 1860 года № 8 и 1901, № 19) не удались и изображены такъ слѣпо, что черты лица неясно видны даже при расматриваніи въ лупу. То же можно сказать и о нѣкоторыхъ снимкахъ съ картинъ Рѣпина.

Заканчивая свою рецензію, мы должны, однако, сказать, что всѣ, кому дороги интересы отечественной литературы и славное имя „великаго писателя земли русской", не могутъ не быть благодарны г. Битовту за его громадный и кропотливый трудъ. Трудъ этотъ ляжетъ въ основу всѣхъ послѣдующихъ изысканій о толстовской литературѣ и сдѣлается настольной книгой для всякаго, кто захочетъ изучать Толстого.

С. С. Татищевъ. „Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе“. Спб. 1903 г. Т. II.

Послѣ перваго объемистаго тома біографіи императора Александра II, г. Татищевъ менѣе чѣмъ черезъ полгода выпустилъ и второй, еще болѣе объемистый томъ *). Теперь мы имѣемъ такимъ образомъ всю біографію Императора Александра Николаевича, по своему объему болѣе чѣмъ вдвое превосходящую тотъ біографическій очеркъ, помѣщенный въ I томѣ „Русскаго біографическаго словаря“, который послужилъ прототипомъ новѣйшаго произведенія г. Татищева **).

Останавливаясь на содержаніи второго тома, намъ прежде всего приходится отмѣтить, что усвоенный г. Татищевымъ способъ изложенія изученнаго имъ матеріала остается тотъ же, который мы отмѣтили уже въ замѣткѣ своей о I томѣ, при чемъ все также поражаетъ несоразмѣрность отведеннаго отдѣльнымъ событіямъ мѣста сравнительно съ ихъ важностью и историческимъ ихъ значеніемъ. Попрежнему мы встрѣчаемъ ненужное перечисленіе неважныхъ подробностей какихъ-нибудь второстепенныхъ событій и фактовъ придворной жизни и наряду съ этимъ совершенное упущеніе или черезчуръ краткое упоминаніе о такихъ первоклассныхъ событіяхъ царствованія Александра II, какъ нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ реформъ его. Такъ, напримѣръ, георгіевскій праздникъ въ день столѣтняго юбилея ордена Св. Георгія описанный съ большими подробностями, съ воспроизведеніемъ текста нѣсколькихъ телеграммъ, которыми по этому поводу обмѣнивались императоры Александръ II, Вильгельмъ I и Францъ-Іосифъ, занимаетъ пять страницъ; а на ряду съ этимъ о городовомъ положеніи 1870 года сказано лишь въ пяти строчкахъ, что „въ Веймарѣ государь подписалъ указъ сенату, коимъ обнародовалось городовое положеніе, выработанное особою коммиссіею при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и предоставлявшее право самоуправленія всѣмъ русскихъ городамъ, на всесословномъ выборномъ началѣ“. Больше о городовомъ положеніи почтенный историкъ не счелъ нужнымъ сказать ни слова.

Какъ и въ первомъ томѣ, съ наибольшимъ знаніемъ дѣла написаны г. Татищевымъ главы, относящіяся къ внѣшней политикѣ, причемъ этому предмету посвящена большая часть второго тома, и хотя мѣстами дипломатическіе переговоры и интриги изложены слишкомъ подробно, тѣмъ не менѣе, въ общемъ главы эти читаются съ интересомъ. Таковы, между прочимъ, главы, касающіяся участія императора Александра въ общеевропейской политикѣ,

*) См. «Русское Богатство» № 3, стр. 34 и слѣд. «Новый трудъ по исторіи императора Александра II».

**) Въ «Русскомъ біографическомъ словарѣ» біографія Александра II занимаетъ 510 стр.; въ настоящемъ же сочиненіи въ I томѣ—538, во второмъ—467 (не считая приложеній), а всего 1195 стр. текста и 70 стр. приложеній.

например, въ образованіи сѣверо-германскаго союза, глава о завоеваніи Средней Азіи и въ особенности главы, посвященныя восточному вопросу, русско-турецкой войнѣ, берлинскому конгрессу и послѣдовавшему за нимъ австро-германскому сближенію. Самый ходъ военныхъ дѣйствій во время войны 1877—1878 гг. изложенъ довольно ясно и, не смотря на общій оптимистическій тонъ, присущій г. Татищеву во всѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло касается славы русскаго оружія, тутъ изложены довольно откровенно даже нѣкоторые изъ наиболѣе существенныхъ промаховъ главнаго штаба дунайской дѣйствующей арміи.

Внутреннія дѣла изучены г. Татищевымъ очень неравномѣрно, и тутъ неподготовленность автора къ выполненію принятой имъ на себя трудной задачи выступаетъ во многихъ случаяхъ столь же замѣтно, какъ и въ первомъ томѣ. Это особенно замѣтно вездѣ, гдѣ дѣло касается литературы и внутренняго развитія русскаго общества. Довольно обстоятельно изложены въ особой главѣ реформы арміи и флота, при чемъ въ отношеніи первыхъ не только приведенъ перечень принятыхъ къ преобразованію арміи и различныхъ частей военнаго управленія мѣръ, но приведена и весьма любопытная критика этихъ мѣръ, представленная кн. Барятинскимъ. Еще болѣе подробно изложена исторія финансовой политики съ начала царствованія до самаго конца его. Здѣсь подробно описаны: растройство нашихъ финансовъ послѣ крымской войны и безсиліе министерства финансовъ поправить дѣло при старыхъ порядкахъ; командировка В. А. Татаринова за границу и представленный имъ докладъ, выяснившій необходимость цѣлаго ряда коренныхъ преобразованій; далѣе изложены самыя преобразованія, предпринятыя по иниціативѣ Татаринова: правила о составленіи, утвержденіи и исполненіи государственной росписи, введеніе единства кассы и уничтоженіе произвола отдѣльныхъ вѣдомствъ; наконецъ, преобразованіе государственнаго контроля. Все это изложено по подлиннымъ документамъ съ пространными и весьма интересными выдержками изъ нихъ. Тутъ же описана и борьба, которую пришлось выдержать министерству финансовъ съ военнымъ вѣдомствомъ (при Сухазанетѣ). Затѣмъ идетъ перечень цѣлаго ряда коммиссій, учрежденныхъ въ министерствѣ финансовъ еще при министрѣ Княжевичѣ съ цѣлью коренныхъ преобразованій податной системы, кредитной части и отмѣны откуповъ. Весьма подробно г. Татищевъ останавливается на финансовой политикѣ Рейтерна, направленной главнымъ образомъ на поощреніе развитія частнаго желѣзнодорожнаго строительства ради подъема производительности страны, и въ то же время опиравшейся на экономіи расходовъ по всѣмъ вѣдомостямъ. Въ результатѣ, благодаря пятнадцатилѣтнему миру, Рейтерну удалось въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ свести концы съ концами и даже скопить нѣкоторую свободную наличность. За-

тѣмъ Россіи пришлось испытать, какъ извѣстно, новое потрясеніе финансовъ вслѣдствіе войны 1877—1878г . Тутъ, между прочимъ, приведены и небезынтересныя цифры стоимости послѣдней русско-турецкой войны. Далѣе довольно глухо упомянуто о неудачномъ и неумѣломъ хозяйничаньи Грейга и, наконецъ, сказано нѣсколько словъ о замѣнѣ его Абазой, обратившемъ вниманіе на необходимость подъема благосостоянія населенія. Изложивъ очеркъ исторіи нашей финансовой политики при Александрѣ II, авторъ переходитъ къ изложенію развитія производительныхъ силъ страны. Но этотъ очеркъ слишкомъ поверхностенъ и схематиченъ, не говоря уже о чрезмѣрно оптимистическомъ освѣщеніи и о видимомъ отсутствіи у автора самостоятельной точки зрѣнія на развитіе экономической жизни страны. Интересны въ этомъ очеркѣ лишь приводимыя авторомъ документы, какъ, напримѣръ, замѣчательный докладъ министра путей сообщенія гр. А. П. Бобринскаго, заключающій въ себѣ сильную критику концессіонной системы желѣзнодорожнаго строительства и всей политики Рейтерна, бывшаго главнымъ ея творцомъ *). Столь же любопытна записка Абазы о положеніи желѣзнодорожнаго дѣла въ моментъ его назначенія министромъ финансовъ.

Не мало интересныхъ данныхъ и документовъ приводится авторомъ также въ главѣ „церковь, просвѣщеніе, благотворительность", данныхъ, относящихся къ исторіи просвѣщенія или, точнѣе говоря,—къ исторіи министерства народнаго просвѣщенія и его политики въ царствованіе Александра II. Первыя весьма робкія либеральныя начинанія новаго царствованія и послѣдовавшіе за ними безпорядки и смута очерчены довольно поверхностно и неясно, при чемъ автору не мало мѣшалъ, конечно, его предвзятый взглядъ на эти событія, заимствованный безъ всякой критики у публицистовъ охранительнаго направленія, и совершенная неосвѣдомленность его въ отношеніи тогдашней литературы, а отчасти и въ отношеніи общественнаго настроенія того времени. Преобразовательная дѣятельность Головнина, какъ и все, что излагается авторомъ на основаніи изученныхъ имъ документовъ, представлена уже гораздо яснѣе и лучше. Еще обстоятельнѣе

*) Тутъ невольно вспоминается рѣзкій, но основательный отзывъ о политикѣ Рейтерна одного изъ хорошихъ знатоковъ нашихъ финансовъ А. И. Кошелева. Въ своихъ «Запискахъ», изданныхъ его вдовой въ 1884 г. въ Берлинѣ, А. И. Кошелевъ, вспоминая о своемъ личномъ знакомствѣ съ Рейтерномъ въ концѣ 50-ыхъ годовъ и о благопріятномъ впечатлѣніи, которое онъ производилъ тогда, прибавляетъ: «Какъ впослѣдствіи это о немъ мнѣніе оказалось ошибочнымъ! Изо всѣхъ бывшихъ у насъ министровъ финансовъ ни одинъ не надѣлалъ столько самыхъ грубыхъ финансовыхъ ошибокъ, не рѣшался такъ легкомысленно или безсмысленно на дерзкія и не всегда безкорыстныя предпріятія и не причинилъ Россіи столько вреда, сколько Рейтернъ, казавшійся сперва осторожнымъ и честнымъ человѣкомъ» «Записки А. И. Кошелева», стр. 129.

изложена исторія всей дѣятельности гр. Д. А. Толстого. Особенно заслуживаютъ здѣсь вниманія обстоятельства, при которыхъ Толстому удалось добиться неограниченнаго довѣрія государя въ 1866 г., а затѣмъ изложенное по документамъ проведеніе задуманной имъ реформы средней школы при сильномъ сопротивленіи разсматривавшихъ ее въ особой коммиссіи всѣхъ его предшественниковъ, а затѣмъ и большинства членовъ государственнаго совѣта. Обстоятельства паденія Толстого, послѣ 16-лѣтняго управленія министерствомъ, изложены въ концѣ книги при описаніи системы гр. Лорисъ-Меликова, по иниціативѣ котораго Толстой и былъ уволенъ.

Самая слабая часть въ главѣ о просвѣщеніи—это то мѣсто гдѣ авторъ говоритъ о развитіи русской литературы. Онъ говоритъ объ этомъ вскользь, мимоходомъ, но и въ этихъ нѣсколькихъ строчкахъ вполнѣ отразилась и его тенденціозность, и почти невѣроятная поверхностность его свѣдѣній объ этомъ предметѣ. Упомянувъ о трехъ „великихъ" писателяхъ этой эпохи: Тургеневѣ, Достоевскомъ и Львѣ Толстомъ, онъ перечисляетъ затѣмъ нѣсколько именъ „писателей даровитыхъ и своеобразныхъ, хотя и второстепенныхъ", пользовавшихся вниманіемъ и благорасположеніемъ двора (кн. Вяземскій, гр. Алексѣй Толстой, Тютчевъ), а о Некрасовѣ, Салтыковѣ и даже Гончаровѣ не упоминаетъ ни единымъ словомъ, не говоря уже о Глѣбѣ Успенскомъ, Рѣшетниковѣ и др. писателяхъ-народникахъ, которыхъ, вѣроятно, при дворѣ не читали, а равно и о Добролюбовѣ, Писаревѣ и другихъ властителяхъ думъ молодыхъ поколѣній того времени, которыхъ г. Татищевъ простодушно представляетъ себѣ не иначе, какъ въ качествѣ проповѣдниковъ „самаго крайняго соціализма" и анархизма (!).

Послѣднія три главы второго тома посвящены исторіи крамолы и борьбы съ ней правительства. Главы эти, составленныя на основаніи изученія подлинныхъ матеріаловъ, имѣютъ безусловный историческій интересъ. Особенно любопытны данныя, приведенныя во-второй изъ нихъ, подъ заглавіемъ „Двадцатипятилѣтіе царствованія". Здѣсь изложено содержаніе чрезвычайно важныхъ совѣщаній, предшествовавшихъ учрежденію верховной распорядительной коммиссіи, въ которыхъ, между прочимъ, впервые ярко выразились и опредѣлились убѣжденія цесаревича, т. е. будущаго императора Александра III-го. Два лица, занимавшія въ то время выдающееся положеніе въ государствѣ—предсѣдатель государственнаго совѣта великій князь Константинъ Николаевичъ и предсѣдатель комитета министровъ гр. П. А. Валуевъ одновременно пришли къ мысли о цѣлесообразности расширенія ко времени двадцатипятилѣтняго юбилея царствованія общественнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ. Валуевъ находилъ, что подобная мѣра „благопріятно повліяла бы на русское общество и содѣй-

ствовала бы успокоенію умовъ"... „Мысль эту онъ повѣдалъ государю, напомнивъ его величеству о предположенномъ еще въ 1863 году созваніи обще-государственнаго земскаго собранія. Въ томъ же смыслѣ вліялъ на августѣйшаго брата и великій князь Константинъ Николаевичъ, ссылаясь на записку о томъ же предметѣ, составленную еще въ 1865 году".

„Императоръ Александръ, — разсказываетъ г. Татищевъ (по дневнику Валуева),—важный вопросъ этотъ отдалъ на обсужденіе особаго совѣщанія, къ участію въ которомъ привлекъ цесаревича, великаго князя Константина Николаевича, статсъ-секретарей Валуева и кн. Урусова, министра внутреннихъ дѣлъ Макова и шефа жандармовъ Дрентельна. Въ концѣ января совѣщаніе собиралось четыре раза: первое засѣданіе происходило у государя, второе и третье у генералъ-адмирала (вел. кн. Константина), четвертое и послѣднее, къ которому былъ приглашенъ и министръ императорскаго двора гр. Адлербергъ, снова въ царскомъ кабинетѣ Зимняго Дворца. Предложенія свои отстаивали Валуевъ и великій князь Константинъ Николаевичъ: первый доказывалъ необходимость для правительства положить конецъ пассивности благонамѣреннаго большинства населенія и создать трибуну, съ которой оно могло бы высказывать свои взгляды и тѣмъ противодѣйствовать проповѣдуемымъ ежедневно и повсюду революціоннымъ началамъ; второй ссылался на древне-русское государственное право, на вѣче, на боярскую думу, на земскіе соборы до-петровскаго періода русской исторіи, а также на перенесенныя въ сводъ законовъ постановленія о вызовѣ депутатовъ „на случай" и т. п. Убѣжденно высказался противъ нововведеній, противныхъ духу коренного государственнаго строя Россіи, цесаревичъ Александръ Александровичъ, находя, что созывъ представительнаго собранія ни въ какомъ случаѣ не поведетъ къ желанной цѣли и, вмѣсто того, чтобы вызвать успокоеніе, еще болѣе взволнуетъ умы. Съ мнѣніемъ наслѣдника согласились прочіе члены совѣщанія". Въ виду приведенныхъ ими доводовъ государь рѣшилъ все дѣло оставить безъ послѣдствій...

Но произведенный 5 февраля взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ,— продолжаетъ свой разсказъ г. Татищевъ,—„снова поставилъ на очередь вопросъ о рѣшительныхъ и дѣйствительныхъ мѣрахъ для борьбы съ крамолою. На совѣщаніи, происходившемъ у государя 8 февраля, въ которомъ приняли участіе предсѣдатель комитета министровъ, министры императорскаго двора, военный, внутреннихъ дѣлъ и шефъ жандармовъ, *цесаревичъ* выступилъ съ предложеніемъ учредить „верховную слѣдственную коммиссію" съ обширными полномочіями, которыя не ограничивались бы извѣстной мѣстностью, а распространялись бы на всю Россію. Государь, сначала несочувственно отнесшійся къ этой мысли, усвоилъ ее вслѣдствіе настояній наслѣдника и на другой день, 9 февраля,

объявилъ тѣмъ же вновь собравшимся у него лицамъ, сверхъ которыхъ были приглашены въ засѣданіе временные генералъ-губернаторы: Петербургскій Гурко и Харьковскій гр. Лорисъ-Меликовъ, министръ юстиціи Набоковъ и товарищъ главноуправляющаго III отдѣленіемъ Черевинъ,—что такая коммиссія будетъ немедленно учреждена и гр. Лорисъ-Меликовъ поставленъ во главѣ ея".

„Выработать основанія будущей дѣятельности новаго учрежденія и опредѣлить его полномочія императоръ Александръ поручилъ особому совѣщанію, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Валуева. Утвердивъ поднесенный къ его подписи указъ сенату, его величество надписалъ на немъ: „Дай Богъ въ добрый часъ" *)!

Не менѣе интересы данныя, относящіяся къ дѣятельности верховной распорядительной коммиссіи и въ особенности доклады гр. Лорисъ-Меликова, приведенные въ книгѣ г. Татищева въ весьма обширныхъ выпискахъ. Таковы соображенія гр. Лорисъ-Меликова о причинахъ и происхожденіи общественнаго недовольства послѣ періода животворныхъ реформъ и преобразованій и съ большой откровенностью и силой нарисованная покойнымъ графомъ картина печальнаго положенія дѣлъ въ Россіи въ началѣ 80-ыхъ годовъ, а также рѣзкая критика всей дѣятельности гр. Толстого, какъ министра народнаго просвѣщенія; наконецъ, начертанная Лорисъ-Меликовымъ программа государственной дѣятельности, получившая впослѣдствіи названіе „диктатуры сердца".

Въ послѣдней главѣ изложены мѣры, проектированныя гр. Лорисъ-Меликовымъ уже въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ, и его послѣдній докладъ, предполагавшій учрежденіе въ Петербургѣ временныхъ подготовительныхъ коммиссій, на подобіе организованныхъ въ 1859 году редакціонныхъ коммиссій, съ тѣмъ чтобы работы этихъ коммиссій были подвергаемы разсмотрѣнію, съ участіемъ лицъ, „взятыхъ изъ среды земства и нѣкоторыхъ большихъ городовъ" **).

Внѣшній видъ изданія хорошъ; бумага и шрифтъ даже очень хороши; но приложенные къ обоимъ томамъ портреты Александра Николаевича—первый въ юношескомъ возрастѣ съ гравюры Афанасьева (1835 г.),сдѣланной по портрету Крюгера, и второй въ концѣ царствованія, съ одной изъ фотографій Левицкаго, повидиимому, конца 70 годовъ—могли бы быть воспроизведены значительно лучше.

---

*) Указъ сенату 12 февраля 1880 года. Татищевъ, т. II, стр. 622—625.
**) Т. II, стр. 652.

Н. Карѣевъ. Государство-городъ античнаго міра. Опытъ историческаго построенія политической и соціальной эволюціи античныхъ гражданскихъ общинъ. Съ двумя историческими картами. Спб. 1903.

Судя по собственному заявленію автора въ предисловіи, эта новая книжка его представляетъ собою курсъ, читанный имъ въ 1902—1903 академическомъ году въ с.-петербургскомъ политехникумѣ. Впрочемъ, форма лекцій не сохранена въ книгѣ.

Указавъ въ предисловіи на различіе задачъ *исторіи* (изученіе отдѣльныхъ конкретныхъ обществъ) и *соціологіи* (изученіе общества вообще, т. е. общества отвлеченно взятаго), авторъ замѣчаетъ, что „возможно и такое отношеніе къ фактическому матеріалу, изучаемому исторіей и соціологіей, которое представляетъ собою переходъ отъ одной изъ этихъ наукъ къ другой. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы дѣлаемъ предметомъ своего изученія не отдѣльныя *конкретныя общества* и не *общество, отвлеченно взятое*, а тотъ или другой *соціологическій типъ*, подъ который можно подвести извѣстное количество отдѣльныхъ общественныхъ организацій, данныхъ намъ въ исторіи, и который вмѣстѣ съ тѣмъ является все-таки лишь одною изъ частныхъ формъ, какія принимаетъ общество вообще“.

Къ этой именно категоріи историческихъ работъ *типологическаго характера* принадлежитъ и разсматриваемая книга. Дѣйствительно, она, съ одной стороны, не даетъ *исторической картины* общественнаго развитія античнаго міра; съ другой стороны, она не даетъ и *ряда картинъ* развитія отдѣльныхъ государственныхъ тѣлъ, входившихъ въ составъ послѣдняго: она ставитъ себѣ задачею—изобразить, въ ея наиболѣе общихъ чертахъ, ту форму государственности, которая является наиболѣе типическою для античнаго міра. А такою формою является именно *государство-городъ* („полисъ“).

Содержаніе разсматриваемой книги слишкомъ сложно, чтобы поддаваться краткому изложенію—мы и не будемъ пытаться дѣлать этого. Замѣтимъ только, что изложеніе ея отличается общедоступностью. Къ сожалѣнію, внѣшность изданія, очевидно, была принесена въ жертву экономіи: крайне утомительна для глазъ.

Въ концѣ книги приложены выдержки изъ „Всеобщей исторіи“ Полибія (въ переводѣ проф. Мищенка) о римскомъ государственномъ устройствѣ, одна выдержка изъ „Гражданской общины античнаго міра“ Фюстель-де-Куланжа (по переводу Корша) объ аѳинскомъ народномъ собраніи и три историко-географическія карты (на двухъ листахъ) съ объяснительнымъ текстомъ.

Проф. Р. Випперъ. Учебникъ исторіи среднихъ вѣковъ. Съ историческими картами. Москва, 1903.

Въ 1900 г. проф. Випперъ напечаталъ свой „Учебникъ древней исторіи“, теперь онъ выступаетъ съ „Учебникомъ исторіи среднихъ вѣковъ“, который является естественнымъ продолженіемъ перваго. Но при этомъ, съ перваго же шага, учащійся, да и не одинъ учащійся, а пожалуй, и учащій, натолкнется на ту странность, что древнюю исторію проф. Випперъ закончилъ 700 годомъ, а исторію среднихъ вѣковъ начинаетъ съ 600 года. Самъ авторъ не даетъ ключа къ разрѣшенію этой загадки, и въ предисловіи къ своему новому учебнику даже не обмолвился ни однимъ словомъ объ этомъ загадочномъ пунктѣ. Правда, въ предисловіи къ первомъ учебнику (древней исторіи), мы находимъ оговорку, что введенная авторомъ въ учебникъ хронологія—„почти вся приблизительная“; но эта оговорка, очевидно, не въ состояніи разрѣшить разногласія, простирающагося на цѣлое столѣтіе. Между тѣмъ, въ указанномъ пунктѣ автору слѣдовало бы быть особенно яснымъ, въ виду допущеннаго имъ здѣсь смѣлаго отступленія отъ традиціоннаго и до сихъ поръ общеупотребительнаго хронологическаго размежеванія между древнимъ міромъ, съ одной стороны, и средними вѣками—съ другой.

Проф. Випперъ раздѣляетъ весь свой матеріалъ на четыре большія главы: 1) Арабы и Византія (отъ начала седьмого до конца одиннадцатаго столѣтія), 2) Западная Европа отъ 600 до 1100 года, 3) Западная Европа въ XII и XIII вѣкахъ и 4) Новыя государства и новое общество (четырнадцатое и пятнадцатое столѣтія). Первыя три главы приблизительно одинаковыхъ размѣровъ (около 65 страницъ каждая), послѣдняя—значительно обширнѣе каждой изъ первыхъ (около 115 стр.). Всего 312 страницъ, противъ 194 страницъ гораздо менѣе убористаго шрифта въ учебникѣ древней исторіи того же автора. Уже изъ этого сравненія видно, что учебникъ исторіи среднихъ вѣковъ отличается гораздо большею обстоятельностью сравнительно съ послѣднимъ. Разница эта оказывается еще значительнѣе, если принять во вниманіе, что изрядное мѣсто въ учебникѣ древней исторіи занимаютъ иллюстраціи, совершенно отсутствующія въ учебникѣ среднихъ вѣковъ. По сравненію съ существующими учебниками среднихъ вѣковъ другихъ авторовъ, новый учебникъ проф. Виппера отличается также значительно большимъ объемомъ (даже по сравненію съ „Учебною книгой исторіи среднихъ вѣковъ“ проф. Карѣева). Эту сравнительно гораздо большую обстоятельность учебника средневѣковой исторіи авторъ мотивируетъ, во-первыхъ, тѣмъ, что онъ „обращается къ другому возрасту, болѣе зрѣлому, и главное—успѣвшему войти въ предметъ, тогда какъ древняя исторія не только изучается въ школѣ ранѣе, но и служитъ вступленіемъ, первымъ началомъ науки“.

Другое соображеніе, которымъ руководился авторъ, заключается въ томъ, что древняя исторія проходится въ гимназіяхъ вторично, въ старшихъ классахъ, между тѣмъ какъ исторія среднихъ вѣковъ проходится всего однажды:“ на какое-либо повтореніе или расширеніе курса впослѣдствіи, въ предѣлахъ средней школы, разсчитывать нельзя, и въ учебной книгѣ поэтому желательно соединить всѣ данныя, знаніе которыхъ можно считать необходимымъ для всякаго, кто приступаетъ къ университетскому изученію того же предмета“. „Руководясь этимъ соображеніемъ, говоритъ авторъ,—я находилъ возможнымъ, при соблюденіи общедоступности языка книги, изложить основныя данныя исторіи среднихъ вѣковъ такъ, чтобы книга могла служить вмѣстѣ съ тѣмъ и взрослому читателю для самообразованія“.

Общедоступность изложенія и хорошій языкъ составляютъ существенныя достоинства новой книги проф. Виппера, и мы думаемъ, что она найдетъ себѣ читателей не только невольныхъ, обязанныхъ читать „заданное“, но и читателей вольныхъ. Позволимъ себѣ замѣтить, что и въ качествѣ учебника, и въ качествѣ пособія для самообразованія, книга много бы выиграла, если бы, кромѣ историческихъ картъ и схематическихъ историко-географическихъ чертежей въ текстѣ, она была снабжена еще хорошими справочными хронологическими таблицами (въ родѣ, напримѣръ, синхронистическихъ таблицъ, какія приложены къ учебнику проф. Виноградова, или перечней хронологическихъ датъ, которыми снабжена „Учебная книга“ проф. Карѣева). Нельзя также не пожалѣть, что проф. Випперъ отказался отъ продолженія сдѣланнаго имъ въ учебникѣ древней исторіи хорошаго почина—иллюстрировать текстъ книги толково подобранными рисунками. Эти пробѣлы, впрочемъ, легко поправимы: для того существуютъ „вторыя изданія, исправленныя и дополненныя“. Тогда же явится возможность исправить и „подчистить“ нѣкоторые стилистическіе недосмотры. Едва ли могутъ быть оправданы такія выраженія, какъ слѣдующее: „Это былъ опять король въ духѣ Филиппа II, безъ всякихъ высокихъ порывовъ, но *съ цѣпкой практической выдержкой*“ (стр. 232). „Практическая выдержка“ еще куда ни шло, но—„цѣпкая выдержка“?... Зачѣмъ также говорить въ учебникѣ объ *„индустріи* и торговлѣ“ (стр. 25), когда съ одинаковымъ удобствомъ можно говорить по-русски о *промышленности* и торговлѣ? На фонѣ правильной и чистой литературной рѣчи, которой отличается книга проф. Виппера, эти маленькіе варваризмы тѣмъ болѣе рѣжутъ и зрѣніе, и слухъ.

Въ общемъ, можно сказать, что недостатки, какіе есть въ книгѣ проф. Виппера, мелкіе и легко устранимые; они во всякомъ случаѣ значительно перевѣшиваются крупными достоин-

ствами, которые, несомнѣнно, обезпечиваютъ ей если и не быстрый, то прочный успѣхъ.

А. И. Скребицкій. Воспитаніе и образованіе слѣпыхъ и ихъ призрѣніе на западѣ (съ чертежами въ текстѣ и 5-ю таблицами).

Книга г-на Скребицкаго представляетъ замѣчательный трудъ, какъ по количеству заключающихся въ ней свѣдѣній, такъ и по ихъ глубинѣ и содержательности. Въ предисловіи авторъ слѣдующимъ образомъ излагаетъ исторію своей двадцатилѣтней работы. Наканунѣ открытія военныхъ дѣйствій противъ Турціи, въ іюлѣ 1877 года возникло главное попечительство о семействахъ воиновъ, отправившихся на войну. Вслѣдъ затѣмъ стали образовываться мѣстныя отдѣленія въ провинціи. Въ кругъ задачъ этого учрежденія входило, между прочимъ, попеченіе о нижнихъ чинахъ, потерявшихъ на войнѣ зрѣніе. Исходя изъ положенія, что всѣ ослѣпшіе на войнѣ потеряли зрѣніе *отъ военныхъ дѣйствій*,—попечительство обратилось (послѣ войны) къ военному министерству съ просьбой сообщить свѣдѣнія о количествѣ такихъ раненыхъ и ихъ мѣстѣ жительства. Свѣдѣнія получились неполныя, но затѣмъ другими путями удалось собрать данныя о 1295 ослѣпшихъ солдатахъ. Въ Петербургѣ было открыто небольшое убѣжище на 12 человѣкъ, съ которымъ г. Скребицкій имѣлъ случай ознакомиться въ качествѣ врача. Осмотръ глазъ и нѣсколько удачныхъ операцій, произведенныхъ имъ въ этомъ убѣжищѣ,—убѣдили попечительство въ томъ, что не всѣ больные окончательно потеряли зрѣніе, и что для многихъ, считающихся безнадежно слѣпыми, возможна еще медицинская помощь. Въ виду этого попечительство, по предложенію автора разбираемаго труда,—поручило ему лѣтомъ 1879 и 1880 годовъ отправиться въ мѣстности, въ которыхъ находилось наибольшее количество ослѣпшихъ солдатъ. Въ результатѣ этихъ двухъ поѣздокъ авторъ пришелъ къ рѣшительному заключенію, что не болѣе 5% изъ нихъ лишилось зрѣнія отъ вражескаго оружія. Остальные оказались жертвами недуговъ, главнымъ образомъ заразнаго свойства, вынесенныхъ ими съ родины. Густыя толпы страдавшихъ глазами и слѣпыхъ не солдатъ, прибывавшія къ сборнымъ пунктамъ по первому слуху о прибытіи глазного врача,—подтверждали этотъ выводъ. Такимъ образомъ, печальный горизонтъ неожиданно и страшно расширялся передъ взглядомъ чуткаго и внимательнаго наблюдателя: вмѣсто ослѣпшихъ отъ турецкаго оружія передъ нимъ раскрывалась бѣдствующая и слѣпотствующая Русь, въ горѣ которой, говоря словами г-на Скребицкаго, „оказывались виновными не турки, а наши внутренніе враги: невѣжество, бѣдность, врачебная безпомощность населенія“. Сознаніе этой истины явилось точкой отправленія

всей послѣдующей общественной дѣятельности автора, посвятившаго свое время и силы изученію размѣровъ бѣдствія и средствъ борьбы съ нимъ. Своимъ печальнымъ открытіемъ онъ поспѣшилъ подѣлиться съ главнымъ попечительствомъ и довести о немъ до всеобщаго свѣдѣнія, не подозрѣвая, что это дастъ впослѣдствіи сигналъ къ многолѣтней борьбѣ, въ концѣ которой явилось, впрочемъ, два результата: во-1-хъ, выясненіе полной справедливости первоначальныхъ заявленій автора, и во-2-хъ—прекрасная книга, дающая замѣчательно полную картину современнаго состоянія вопроса и всего того, что можетъ выдвинуть культурное человѣчество для борьбы съ страшнымъ бѣдствіемъ слѣпоты.

Въ 1881 году главное попечительство перестало существовать, и капиталы его были переданы „Попечительству о слѣпыхъ“. Учрежденіе это очень скоро оказалось обладателемъ значительныхъ средствъ. Прежде всего, по иниціативѣ г-жи Эллисъ, было испрошено разрѣшеніе св. синода на открытіе повсемѣстнаго и ежегоднаго сбора въ недѣлю о слѣпомъ. Разрѣшеніе послѣдовало, и съ тѣхъ поръ притокъ пожертвованій былъ обезпеченъ навсегда. Заслуга дальнѣйшей организаціи сборовъ принадлежитъ К. К. Гроту, обратившемуся (по прежнимъ своимъ служебнымъ отношеніямъ къ акцизному вѣдомству) ко всѣмъ управляющимъ съ просьбой принять на себя организацію церковно-кружечнаго сбора. Впослѣдствіи лица того же вѣдомства приняли на себя и другія обязанности по устройству и завѣдыванію вновь возникающими учрежденіями. Общее же завѣдываніе было сосредоточено въ Петербургѣ (совѣтъ и общее собраніе). При этомъ сначала всѣ пожертвованія направлялись въ Петербургъ, въ центральную кассу, и даже въ Москвѣ только съ 1889 года сборы ея остаются цѣликомъ на ея мѣстныя нужды. Такимъ образомъ, петербургское попечительство оказалось въ положеніи исключительно благопріятномъ: въ его распоряженіи сосредоточились значительныя средства и дѣятельная помощь почти цѣлаго вѣдомства.

Въ первыхъ шагахъ попечительства принималъ участіе и авторъ разбираемаго труда. Вскорѣ, однако, ихъ пути разошлись. Г. Скребицкій относился къ своей задачѣ съ неподкупной строгостью честнаго изслѣдователя, а въ петербургскомъ попечительствѣ (средства котораго еще усилились рѣдкимъ въ исторіи филантропическихъ учрежденій даромъ императора Александра III почти въ $1^1/_2$ милліона) вскорѣ водворились пріемы и порядки, по поводу которыхъ авторъ вспоминаетъ объ извѣстномъ произведеніи Григоровича „Акробаты благотворительности“. Первое, если не ошибаемся, разногласіе возникло уже по основному вопросу—о размѣрахъ бѣдствія. А. И. Скребицкій, еще въ 1879 г., послѣ первой поѣздки своей, предвидѣлъ, „что у насъ зарождается новый вопросъ общественнаго значенія“, и потому при-

нялъ всѣ мѣры для ознакомленія съ его положеніемъ у насъ и за границей. На одномъ изъ конгрессовъ по этому предмету въ Амстердамѣ онъ сдѣлалъ сообщеніе о томъ, „въ какомъ соотношеніи находятся въ Россіи учрежденія для призрѣнія слѣпыхъ къ ихъ числу". Выводы автора оказались очень неутѣшительными. Не выписывая подробно ни цифръ, на которыхъ основывается авторъ, ни его аргументаціи,—приведемъ только заключеніе: „Не смотря на неодинаковую степень достовѣрности источниковъ, всѣ они сходятся въ одномъ: *числа, представляемыя ими, доходятъ до крайнихъ предѣловъ, которыхъ когда-либо достигала статистика слѣпоты*" (курсивъ автора; стр. 645).

Это заключеніе, высказанное на амстердамскомъ конгрессѣ, тотчасъ же вызвало цѣлый походъ противъ автора въ Россіи. Первымъ, по странной игрѣ судьбы, выступилъ противъ г-на Скребицкаго г-нъ Адеркасъ, дѣлопроизводитель совѣта попечительства и редакторъ издаваемаго попечительствомъ журнала „Русскій Слѣпецъ". Командируемый на различные съѣзды въ Россіи и заграницей, г. Адеркасъ, повидимому, считалъ своей главной задачей доказательство мысли, что въ нашемъ отечествѣ въ отношеніи слѣпоты все обстоитъ довольно благополучно, а тѣ размѣры бѣдствія, которые существуютъ, успѣшно побѣждаются наличными размѣрами помощи. Одинъ изъ его докладовъ носилъ даже краснорѣчивое заглавіе: „О взлетѣ (Ueber den Aufschwung) образованія слѣпыхъ въ Россіи". Смыслъ докладовъ г-на Скребицкаго былъ какъ разъ обратный: по его мнѣнію, количество слѣпыхъ въ нашемъ отечествѣ, связанное съ общимъ низкимъ уровнемъ благосостоянія, огромно, а мѣры борьбы младенчески недостаточны. Сообщеніе г-на Адеркаса является апоѳеозомъ дѣятельности совѣта попечительства, г-нъ Скребицкій находилъ, что пока намъ „кичиться еще нечѣмъ", тѣмъ болѣе, что „80-лѣтній застой въ этой области, не смотря на первый толчекъ, данный образованію слѣпыхъ императоромъ Александромъ I въ 1807 году—не былъ тайной за границей, а то, что было сдѣлано въ то время попечительствомъ, являлось лишь каплей въ океанѣ несчастія". Г-нъ Скребицкій утверждалъ и утверждаетъ, что „у насъ нѣтъ соотвѣтствія между числомъ учрежденій для слѣпыхъ и ихъ количествомъ" (стр. 648) и что намъ, русскимъ, въ дѣлѣ призрѣнія слѣпыхъ „приходится пока завидовать иностранцамъ и поучаться у нихъ", а не хвалиться на конгрессахъ достигнутыми уже результатами. Это подало поводъ къ полемическимъ и обличительнымъ докладамъ г-на Адеркаса по начальству, такъ же, какъ и откровенное заявленіе д-ра Скребицкаго „о крайнемъ недостаткѣ у насъ спеціально подготовленныхъ педагогическихъ силъ". Справедливость этого заявленія черезъ три года подтвердилъ, впрочемъ, К. К. Гротъ, а справедливость главныхъ положеній д-ра Скребицкаго теперь должна быть признана стоящей

внѣ спора. Но до тѣхъ поръ д-ру Скребицкому пришлось выдержать много нападеній не только въ спеціальной, но и въ общей печати. Въ книгѣ г-на Скребицкаго (стр. 646, 653 и мн. др.) приведены довольно характерные эпизоды этой борьбы, длившейся много лѣтъ, борьбы, въ которой на одной сторонѣ было псевдопатріотическое самодовольство и формула „все благополучно", а на другой—честный пессимизмъ въ настоящемъ и упорная работа для будущаго.

Мы не имѣемъ ни малѣйшей возможности прореферировать въ краткой рецензіи богатое содержаніе книги г-на Скребицкаго. Намъ было бы непріятно, если бы читатель на основаніи сказаннаго выше составилъ о ней представленіе, какъ о произведеніи по преимуществу обличительномъ и полемическомъ. Совсѣмъ нѣтъ. Мы привели изложенную выше исторію возникновенія и продолженія работы г на Скребицкаго лишь потому, что это живая личная драма не одного г-на Скребицкаго, но и многихъ честныхъ изслѣдователей-работниковъ въ нашемъ отечествѣ. Не всѣмъ только удается выйти изъ этой борьбы съ такими результатами. Книга г-на Скребицкаго, повторяемъ,—это настоящая гора труда, съ которой онъ можетъ теперь спокойно оглянуться на пройденный путь: всѣ эти остановки, борьба, нападенія противниковъ—съ этой высоты должны казаться и кажутся сравнительно ничтожными этапами на пройденномъ пути. Обо всемъ этомъ авторъ говоритъ спокойно, среди другихъ эпизодовъ изъ исторіи вопроса, и весь предметъ спора теперь лежитъ передъ читателемъ въ его естественныхъ перспективахъ. Г-нъ Скребицкій изучилъ предметъ во всѣхъ его деталяхъ, и его книга является, по нашему мнѣнію, исчерпывающей энциклопедіей вопроса о слѣпотѣ, объ ея связи съ общими условіями жизни страны, о средствахъ борьбы съ ужаснымъ бѣдствіемъ. Можно, вѣроятно, оспаривать тѣ или другія частныя положенія автора, но нельзя не признать, что его книга должна стать настольнымъ руководствомъ для всякаго, интересующагося не только даннымъ вопросомъ, но и вообще постановкой учрежденій этого рода въ нашемъ отечествѣ и за границей. Какъ общественная сторона вопроса, такъ и послѣднія мелочи педагогической и филантропической техники изложены у г-на Скребицкаго съ чрезвычайной полнотой и обстоятельностью. Читатель найдетъ здѣсь научное изложеніе вопросовъ по психологіи слѣпыхъ, прирожденныхъ или связанныхъ съ слѣпотой особенностей ихъ душевнаго склада, взгляды на задачи ихъ воспитанія, подробнѣйшія свѣдѣнія о существующихъ системахъ преподаванія и призрѣнія и т. д., и т. д.,—вплоть до разныхъ системъ шрифта и приспособленій для чтенія и письма слѣпыхъ. Вся книга г-на Скребицкаго проникнута тѣмъ истинно просвѣщеннымъ уваженіемъ къ работѣ, уже сдѣланной въ этой области тружениками болѣе

культурныхъ странъ, — которое, съ одной стороны, избавляетъ отъ легковѣсной псевдо-патріотической кичливости, съ другой— даетъ силы для дѣйствительно плодотворной работы. Отнынѣ никто, интересующійся совокупностью вопросовъ общественной филантропіи, не можетъ обойтись безъ знакомства съ капитальнымъ трудомъ г-на Скребицкаго, и намъ остается только пожелать, чтобы книга привлекла въ себѣ все то вниманіе, какого она заслуживаетъ,—и прежде всего, конечно, вниманіе нашей періодической печати.

Д-ръ м-ны г. Поповъ. Русская народно-бытовая медицина. По матеріаламъ этнографическаго бюро князя В. Н. Тенишева Спб. 1903 г.

Это очень интересная книга. Она является сводомъ и обработкою медицинской части обширнаго матеріала, собраннаго съ цѣлью всесторонняго изученія „жизни и быта крестьянъ великорусскихъ губерній“. Матеріалъ этотъ былъ собранъ въ 23 губерніяхъ при содѣйствіи до 350 корреспондентовъ.

Книга эта можетъ быть съ интересомъ и пользою прочитана, какъ вообще всѣми образованными людьми, такъ, въ особенности, деревенскими врачами, которымъ для борьбы съ народными предразсудками, конечно, необходимо знать и эти предразсудки, и тѣ особыя условія, благодаря которымъ подобные предразсудки оказываются столь живучими.

Книга д-ра Попова даетъ читателю богатый этнографическій матеріалъ относительно воззрѣній народа на причины болѣзней, относительно методовъ лѣченія, практикуемыхъ въ деревнѣ, какъ лѣченій, являющихся пережитками старинныхъ средствъ научной медицины (такимъ средствомъ мы лично считаемъ прежде всего кровопусканіе), такъ и грубо-эмпирическихъ средствъ и средствъ суевѣрныхъ, связанныхъ съ фантастическими представленіями о причинахъ болѣзней. Она подробно знакомитъ съ акушерскими и гинекологическими пріемами народа и со взглядомъ народа на сумасшествіе и кликушество.

Значительный интересъ представляетъ глава, посвященная знахарству. Авторъ совершенно вѣрно подчеркиваетъ три основныхъ причины господства знахарства: во-первыхъ, невѣжество народа, во-вторыхъ, недостаточность медицинскаго персонала и, въ третьихъ, особыя условія деревенской практики: „многія условія, говоритъ онъ,—среди которыхъ приходится работать деревенскому врачу, дѣйствительно, неодолимы: врачъ очень часто долженъ лѣчить желудочно-кишечныя заболѣванія при полномъ отсутствіи какой бы то ни было возможности для крестьянина соблюдать хотя бы самую элементарную діэту; онъ долженъ лѣчить массу накожныхъ болѣзней, разнаго рода нагноительные процессы, раны, язвы и пр., при грязи, которою покрыто тѣло, пропитана одежда и которой полна изба крестьянина и т. д., и т. д.“ (стр. 47—48).

Принимая во вниманіе всѣ эти обстоятельства, легко понять, что лѣченіе крестьянъ не можетъ быть особенно успѣшно; а между тѣмъ, народъ предъявляетъ гораздо большія требованія къ чуждому ему человѣку, къ доктору, чѣмъ къ своему брату знахарю: авторъ приводитъ, напримѣръ, характерный разсказъ о томъ, какъ врачъ лѣчилъ женщину, получившую тяжелые ожоги, и какъ, не смотря на то, что эта больная поправлялась, семья больной, недовольная медленностью лѣченія, призвала знахарку, руководясь такими соображеніями: „оно, конечно, господамъ-то хорошо по пуховикамъ нѣжиться, а намъ работать надо: вотъ, и выходитъ, что наша лѣкарка намъ скорѣе потрафитъ, коли въ семь дёнъ бабу подыметъ“ (стр. 52). Однако, оказалось, что результатомъ лѣченія „лѣкарки“ была смерть ея паціентки; и всетаки родные не роптали на знахарку, видя во всемъ этомъ лишь „волю Господа“ Нашъ авторъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что подобное благодушное отношеніе къ знахаркѣ есть результатъ „силы обоюднаго пониманія“ (стр. 53).

Повторяемъ, книга д-ра Попова даетъ богатый этнографическій матеріалъ. Къ этому собранію матеріаловъ авторъ присоединилъ 5—6 страницъ „заключенія“, съ которымъ, однако, далеко не во всемъ можно согласиться. Прежде всего, мы считаемъ невѣрнымъ взглядъ на народную медицину, какъ на какую то стройную систему, и на ея недостатки, какъ на недостатки „крайней отвлеченности“ (стр. 397). Авторъ говоритъ: *„Поднявшись сразу до высоты* всегда столь пріятныхъ и *всерѣшающихъ общихъ положеній* и явившись стройной системой, гдѣ, хотя и невѣрно, все такъ объяснено и понятно, русская народная медицина, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ историческихъ условій, остановилась въ своемъ дальнѣйшемъ поступательномъ развитіи“ (стр. 397). Подобное изображеніе совершенно невѣрно: русская народная медицина есть не „всерѣшающая“, „стройная система“, вродѣ философскихъ системъ Гегеля и Ѳомы Аквината, а сборъ отрывочныхъ, часто противорѣчивыхъ, воззрѣній. Конечно, народныя воззрѣнія не опираются на точныя наблюденія, но сверхъ точныхъ наблюденій существуютъ не однѣ только „крайнія отвлеченности“, а еще и *неточныя наблюденія.* Русская народная медицина и представляетъ изъ себя именно сборъ этихъ крайне неточныхъ наблюденій и ихъ наивныхъ объясненій.

Затѣмъ, намъ совершенно непонятна забота автора о томъ, чтобы предразсудки народа разрушались „лишь постепенно“ (стр. 398). Мы не раздѣляемъ опасеній автора, что „дѣйствуя иначе, можно только разрушить это (народное) міровоззрѣніе, не замѣнивъ его инымъ, т. е. не давъ взамѣнъ ничего народу“ (стр. 398). Предразсудки народа столь живучи, столь цѣпки, что ихъ и разрушить-то нельзя иначе, какъ съ большимъ трудомъ и очень медленно, какъ бы объ этомъ разрушеніи ни старались просвѣтители

народа. Но если эти самые просвѣтители прежде всего будутъ заботиться о томъ, чтобы не черезчуръ быстро просвѣтить народъ, то, чего добраго, они и совсѣмъ никогда его не просвѣтятъ...

Проектъ благотворительнаго общества предупрежденія появленія среди населеній Россіи бѣдности и нищеты и прогрессивнаго ихъ роста Составилъ **К. И. Видеманъ**. Спб. 1903.

Отнынѣ Россія можетъ быть спокойна. Средство исцѣленія отъ всѣхъ соціальныхъ золъ найдено. Изобрѣтено оно въ Лѣсномъ, около Петербурга, К. И. Видеманомъ, 28 ноября прошлаго года.

Мы въ послѣднее время привыкли имѣть дѣло съ разнаго рода соціальными и политическими предсказателями и чародѣями. Но всѣ они оказывались удивительно непрактичнымъ народомъ, не только не считающимися съ окружающими реальными условіями, но даже ставившими осуществленіе предвозвѣщаемаго благоденствія въ зависимость отъ кое-какихъ перемѣнъ въ этихъ условіяхъ. Г. Видеманъ рѣшаетъ задачу проще.

Замѣтивъ, что среди общества усматривается, по его выраженію, „прогрессивный ростъ числа особей, нуждающихся въ помощи, онъ рѣшилъ приступить къ составленію проекта учрежденія общества, длинное названіе котораго красуется на обложкѣ брошюры. Но названіе длинно, а сущность очень проста и коротка. Все населеніе раздѣляется на вспомоществуемыхъ и оказывающихъ помощь. Послѣдніе вводятъ подоходный налогъ и на получаемыя отсюда средства занимаются благотворительностью; а первые, принимая благодѣяніе, „смотрятъ на долгъ свой обществу, какъ на долгъ чести, и стараются во чтобы то ни стало возвратить его обществу, чтобы не лишить его возможности оказывать помощь и другимъ нуждающимся въ ней“. Для достиженія своихъ цѣлей общество предпринимаетъ слѣдующія благотворительныя дѣйствія:

1) Оказываетъ земледѣльческому населенію помощь въ препринимаемыхъ имъ мѣрахъ къ устраненію причинъ недородовъ, а въ общемъ къ поднятію его экономическаго благосостоянія.

2) Оказываетъ помощь сельскому населенію, занимающемуся кустарнымъ промысломъ, заботясь объ улучшеніи техники производства и полученіи лучшаго качества кустарныхъ издѣлій и о болѣе выгодномъ для кустарей сбытѣ ихъ.

3) Оказываетъ помощь сельскому населенію, занимающемуся отхожими промыслами.

4) Оказываетъ помощь переселенческому сельскому населенію.

5) Является на помощь населенію, подвергшемуся стихійнымъ бѣдствіямъ (наводненіе, пожаръ и проч.).

6) Предоставляетъ небогатому населенію городовъ возможность пользоваться дешевыми квартирами и продуктами потребленія.

7) Оказываетъ нуждающемуся городскому населенію трудовую помощь открывая съ этою цѣлью дома трудолюбія.

8) Открываетъ родовспомогательныя заведенія и при нихъ воспитательные дома для новорожденныхъ, которыхъ матери пожелаютъ отдать на воспитаніе обществу.

9) Открываетъ пріюты и учреждаетъ разнаго рода учебныя заведенія для питомцевъ, принадлежащихъ обществу воспитательныхъ домовъ, а также для сиротъ и дѣтей недостаточныхъ родителей.

10) Призрѣваетъ хрониковъ и неспособныхъ къ труду, преимущественно изъ лицъ, бывшихъ полезными обществу своими прежними трудами.

Этими десятью пунктами, впрочемъ, далеко не исчерпываются функціи проектируемаго общества. Оно устраиваетъ, сверхъ того, фабрики и заводы, проводитъ дороги, выпускаетъ лотерейные билеты и проч. Словомъ, оно выполняетъ всѣ функціи государства, и можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что если бы государственный механизмъ не былъ изобрѣтенъ до г. Видемана изъ Лѣсного, то ему принадлежала бы честь такого изобрѣтенія. „Присвоенное по штату" и казенныя квартиры также входятъ въ его проектъ, предусматривающій даже включеніе въ число почетныхъ членовъ состоящихъ на службѣ министровъ. Все, какъ слѣдуетъ быть!

Е. Воронецъ. Итоги полемики по поводу проповѣдничества свящ. о. Г. Петрова и историческая справка. Изъ журнала «Миссіон. Обозрѣніе», Спб. 1903 г.

Два года назадъ въ библіографическомъ отдѣлѣ нашего журнала была отмѣчена одна изъ печатныхъ работъ извѣстнаго проповѣдника, свящ. Г. Петрова, его книжка „Къ свѣту" *). Не соглашаясь съ основными историко-философскими взглядами автора,—мы указывали на то, что центръ тяжести разбираемой книги не въ нихъ. „Авторъ—священникъ и всѣ впечатлѣнія свои преломляетъ сквозь призму христіанской морали, какъ человѣкъ, посвятившій свою жизнь проповѣди ученія Христова". Книга, назначенная для широкаго круга читателей, имѣла цѣлью пробудить и укрѣпить извѣстный строй ощущеній, освѣтить явленія съ точки зрѣнія чисто христіанской. „Въ этомъ отношеніи разбираемое произведеніе выгодно выдѣляется какъ отсутствіемъ сухого буквоѣдства и книжничества, такъ и тѣмъ доброжелательнымъ тономъ, съ какимъ авторъ говорилъ о явленіяхъ жизни и литературы".

Мы нарочно привели теперь эти выдержки, такъ какъ онѣ, по нашему мнѣнію, характеризуютъ до извѣстной степени основныя черты и литературной, и проповѣднической дѣятельности свящ. Г. Петрова, ставшаго въ послѣдніе годы популярнымъ проповѣдникомъ и вызвавшимъ нѣкоторую своеобразную полемиче-

---

*) См. Р. Бог., сентябрь 1901 г., „*Къ свѣту*". Сборникъ статей свящ. Г. Петрова.

скую литературу, *итоги* которой намъ теперь пытается преподнесть г-нъ Воронецъ. Какъ извѣстно, съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ проповѣди,—обозначились и два типа проповѣдническаго краснорѣчія. Одни ораторы стремятся украшать свои рѣчи многочисленными ссылками на признанные авторитеты церкви, другіе — пользуются этимъ пріемомъ умѣренно, стараясь приблизить духовное краснорѣчіе къ простотѣ и доступности обыденной рѣчи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тотъ и другой пріемы имѣютъ и свои достоинства, и свои недостатки. Большое знаніе духовной литературы даетъ, конечно, возможность черпать аргументацію изъ очень богатаго источника. Но, съ другой стороны, тутъ есть опасность впасть въ излишнее буквоѣдство, въ то самое „книжничество", которое такъ сильно обличалъ Христосъ. Не слѣдуетъ забывать, что проповѣдь самого Христа, не отрицавшаго пятикнижія, имѣла характеръ чрезвычайной простоты и близости къ жизни. То же нужно сказать и о посланіяхъ апостоловъ. Г. Воронецъ въ своей „исторической справкѣ" приводитъ примѣры крайнихъ злоупотребленій вульгаризаціей проповѣдническаго краснорѣчія, противъ которыхъ возставалъ, напримѣръ, Лютеръ. Нѣтъ сомнѣнія, что всякій пріемъ можетъ быть доведенъ до нелѣпости. Но мы позволимъ себѣ указать на близкіе примѣры еще большаго злоупотребленія пріемомъ, который г-нъ Воронецъ считаетъ чуть не догматомъ. Въ послѣдніе годы пріобрѣтаетъ своеобразную извѣстность нѣкто М. А. Сопоцко, духовный писатель, а въ самые послѣдніе годы и миссіонеръ. Всѣ поученія сего витіи испещрены ссылками и цитатами, но это не предостерегло ни его, ни „Тульскіе епархіальныя вѣдомости", печатавшія его курьезныя произведенія, отъ весьма соблазнительнаго промаха. Всѣ газеты приводили еще недавно письмо г-на Сопоцко о фокусникѣ Робертѣ Ленцѣ, который, по авторитетной экспертизѣ г-на Сопоцко (произведенной по порученію нижегородскаго епископа), для своихъ фокусовъ пользуется содѣйствіемъ нѣсколькихъ чертенятъ, которые, надо думать, вмѣстѣ съ бутафорскими принадлежностями, возитъ по жел. дорогамъ. Мы могли бы привести здѣсь немало примѣровъ такого же рода (напр., изувѣрское письмо въ тѣхъ же „Тульскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ" о „сатанинскомъ" портретѣ Л. Н. Толстого, все испещренное цитатами изъ свящ. писанія), но думаемъ, что и этого достаточно. Вѣроятно, и г. Воронецъ согласится, что, если дѣло доходитъ до того, что въ профанирующемъ свящ. писаніе печатномъ произведеніи о чертяхъ, состоящихъ на побѣгушкахъ у фокусника, являются прикосновенными одинъ архіерей, одинъ миссіонеръ (!) и цѣлая редакція духовнаго органа, — то это говоритъ очень убѣдительно въ пользу нѣкотораго освѣженія современнаго духовнаго просвѣщенія элементами свѣтскаго знанія, а также въ пользу того мнѣнія, что даже большая начитанность въ свято-отеческихъ писаніяхъ не спасаетъ

нѣкоторыхъ духовныхъ витій отъ самыхъ соблазнительныхъ наивностей. Крайности сходятся, но едва ли вульгарное и невѣжественное (свѣтское) книжничество господъ, подобныхъ М. А. Сопоцко, не превосходитъ тѣ примѣры „слишкомъ свѣтскаго краснорѣчія“, противъ которыхъ вооружался Лютеръ.

Мы, разумѣется, не стали бы распространяться о брошюркѣ г-на Воронца, такъ какъ не считаемъ себя призванными ни защищать проповѣдническую дѣятельность свящ. Г. Петрова, ни нападать на его противниковъ. Мы не слышали ни одной проповѣди моднаго проповѣдника и не имѣемъ никакого мнѣнія по существу сего предмета. Но насъ интересуютъ здѣсь нѣкоторые пріемы полемики, которые практикуютъ люди, ссылающіеся на евангельскую кротость. Читатель могъ уже составить себѣ представленіе о существѣ спора. Рѣчь идетъ, очевидно, о пріемахъ краснорѣчія, а отнюдь не о догматахъ. Казалось бы, можно говорить спокойно о преимуществахъ того или другого стиля, какъ говорятъ о стилѣ въ иконописаніи, гдѣ уже есть свои формы традиціоннаго письма и есть попытки оживить этотъ родъ искусства новыми пріемами (итальянское письмо). Г-нъ Е. Воронецъ приводитъ, между причемъ, мнѣніе одного изъ защитниковъ свящ. Петрова; этотъ анонимный авторъ называетъ направленную противъ о. Петрова брошюру г-на Рождественскаго сѣменемъ, „которое надо вырывать съ корнемъ, пока оно не вошло въ силу. Змѣныша душатъ, не дожидаясь, пока онъ выростетъ въ змѣю“. Мы, конечно, не поручимся за полную добросовѣстность этой цитаты г-на Воронца, но намъ кажется характернымъ, что и онъ сопровождаетъ ее слѣдующими словами: „И такія-то язвительныя, уничижительныя рѣчи о ближнемъ только за несогласіе съ указаніями его о характерѣ проповѣдничества одного лица и такое приглашеніе... идетъ изъ устъ христіанскаго протоіерея и оглашается въ печати... Это страшное, зловѣщее антихристіанское знаменіе времени!..“ (стр. 8).

Есть вещи, которыя никто не смѣетъ отрицать явно. Такова, между прочимъ, терпимость къ чужому мнѣнію, которой (хотя и платонически) отдаетъ свою дань уваженія и г. Воронецъ. Посмотрите, однако, какъ этотъ авторъ и другіе участники той же полемики прилагаютъ на практикѣ это великое начало. Заведя рѣчь о „характерѣ проповѣдничества“ свящ. Петрова, которое, по ихъ мнѣнію, не можетъ быть признано „церковнымъ“,—они очень быстро подмѣняютъ слово „нецерковное (допустимъ свѣтское) краснорѣчіе“—словомъ „*антицерковное*“ (стр. 5). Трудно допустить, что авторы не понимаютъ великой разницы этихъ словъ. Затѣмъ идетъ рѣчь (какъ бы отъ имени свящ. Петрова) о томъ, что уже вся его дѣятельность „одна ложь, одно сплошное заблужденіе“, одно „хитрое зломудрствованіе“ (стр. 6). На стр. 7 свящ. Петрову приписывается „упорное (sic) молчаніе о церкви

Христовой“, а на стр. 15 авторъ считаетъ умѣстнымъ напомнить предостереженіе ап. Павла противъ „лжеапостоловъ, лукавыхъ дѣятелей, принимающихъ видъ апостоловъ Христовыхъ“. Г. Воронецъ во время обрываетъ цитату, но посланіе апостола Павла достаточно извѣстно, чтобы вспомнить, что рѣчь идетъ о „служителяхъ сатаны“. „И такіе-то язвительныя, уничижительныя рѣчи о ближнемъ,—скажемъ теперь и мы словами г-на Воронца,— только за несогласіе съ указаніями о характерѣ проповѣдничества“... Да, воистину это „антихристіанское знаменіе времени“.

Въ заключеніе—небольшой курьезъ. Г. Воронецъ въ своихъ (печальныхъ, правду сказать) „итогахъ полемики“ приводитъ отзывъ одной женщины-писательницы, которая жалуется въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“: „22 ноября (1902)... и я пришла испить изъ этого источника, и я пришла просить духовной пищи и ушла еще болѣе жаждущая... съ туманомъ въ головѣ, со спутанными мыслями... Выходя изъ лекціи, я чувствовала себя именно такъ, какъ глупый ребенокъ (sic), котораго окормили и завертѣли“... „И я хотѣла спросить о. Петрова: что вы сдѣлали съ нами и что вы дали намъ“?.. Выноска подъ этой цитатой у г. Воронца гласитъ сице: „Биржев. Вѣдомости“ (первое изд.), № 322. Хлѣбъ или камень? Н. Лухманова“. Итакъ, этотъ трогательный вопль „глупаго ребенка“, котораго „окормили и завертѣли“, исходитъ отъ небезызвѣстной (давно!) дамы-писательницы Н. Лухмановой. О, Господи! Ужели отцу Петрову придется нести тяжкую отвѣтственность еще и за сію младенческую душу?

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются.* Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Стихотворенія ***Лидіи Лебедевой.*** Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

На скалѣ. Очеркъ. ***В. І. Дмитріевой.*** Изд. В. И. Раппъ и В. И. Потапова. Харьковъ. 1903 г. Ц. 10 к.

Блестящій капитанъ. Очеркъ изъ морской жизни. ***К. М. Станюковича.*** 2-ое изд. В. И. Раппъ и В. И. Потапова. Харьковъ. 1903 г. Ц. 5 к.

В. Н. Разуваевъ. Скромныя картинки. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній. Козловъ. 1903 г. Ц. 40 к.

Б. Ауэрбахъ. Босоножка. Перев. съ нѣм. А. С. Фридеманъ. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1903 г. Ц. 40 к.

Макарій Зинченко. Сиротка, или орелъ усмиряетъ дракона. Одесса. 1903 г. Ц. 20 к.

Декаденты въ Ялтѣ. Разсказъ ***Н. Благов—скаго.*** М. 1903 г. Ц. 1 р.

Филиппъ-Лангманъ. Драмы и новеллы. Перев. М. Толмачевой. Изд. Е. Д. Кусковой. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 35 к.

Ф. Н. Фальковскій. Пьесы: Въ огнѣ и Сонъ жизни. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

М. Левицькый. За колiивщыны. Оповиданне. Кіевъ. 1903 г. Ц. 5 к.

Джонъ Уайменъ. Французскій дворянинъ. Перев. подъ ред. проф. А. Трачевскаго. Изд. картографиче-

скаго заведенія А. Ильина. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к.

Буря на мори. Оповиданне. Кіевъ. 1903 г. Ц. 7 к.

П. Мырный. Лыхый попутавъ. Оповиданне. Кіевъ. 1903 г. Ц. 5 к.

Панасъ Мырный. Кныжка перша творивъ. Кіевъ. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к.

«Не сказки для дѣтей». ***Н. А. Лухмановой.*** Изд. А. С. Суворина. Спб. 1903 г.

Еврейская библіотека. Историко-литературный сборникъ. Томъ X. Изд. Г. А. Ландау. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

Собраніе сочиненій ***Георга Брандеса.*** Томъ XII. Переводъ съ датск. подъ ред. М. В. Лучицкой. Изд. В. К. Фукса. Кіевъ. 1903 г. Ц. за 12 томовъ 6 руб.

Собраніе сочиненій ***Артура Шопенгауэра.*** Вып. VIII. Въ переводѣ подъ ред. Ю. И. Айхенвальда. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1903 г. Ц. за 16 выпусковъ 10 р.

Дж. Ст. Милль, его жизнь и произведенія. ***С. Зенгера.*** Перев. съ нѣм. Л. Ивановой. Изд. редакціи журнала «Образованіе». Спб. 1903 г. Ц. 50 к.

Л. Ѳ. Музыченко. Творчество учениковъ земскихъ школъ. Одесса. 1903 г. Ц. 40 к.

Е. Звягинцевъ. Даровитые питомцы народной школы. М. 1903 г.

Николай Энгельгардъ. Исторія русской литературы XIX столѣтія. Томъ II. 1850—1900 г. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.

Евгеній Цабель. Графъ Л. Н. Толстой. Литературно-біографическій очеркъ. Перев. съ нѣм. Вл. Григоровича. Кіевъ. 1903 г. Ц. 80 к.

Графъ Л. Н. Толстой въ литературѣ и искусствѣ. Библіографическій указатель русской и иностранной литературы о гр. Л. Н. Толстомъ. Составилъ ***Юрій Битовтъ.*** М. 1903. Ц. 2 р. 50 к.

В. Ѳ. Боцяновскій. Леонидъ Андреевъ. Критико-біографическій этюдъ. Изд. т-ва «Литература и наука». Спб. 1903 г. Ц. 40 к.

М. Горькій за границей (къ десятилѣтней литературной дѣятельности). Изданіе С. Гринберга. Спб. 1903 г. 1) ***І. Е. Порицкій.*** М. Горькій, критическій этюдъ. Перев. съ нѣм. Ц. 25 к.; 2) Графъ ***Е. М. де-Вогюэ.*** М. Горькій, его личность и произведенія. Перев. съ франц. Ѳ. Малисъ. Ц. 30 к.

Г. Пекаторосъ. Современныя настроенія (діалоги). III. Изд. газ. «Южное Обозрѣніе». Одесса. 1903 г. Ц. 30 к.

В. Вересаевъ. По поводу «Записокъ врача». Отвѣтъ моимъ критикамъ. Значительно дополненное изданіе. Спб. 1903 г. Ц. 35 к.

К. Ломизе. Профанаторы печатнаго слова (въ защиту спиритизма). Тифлисъ. 1903 г. Ц. 20 к.

Гнойная язва на общественномъ тѣлѣ. Картина изъ современной жизни. Д-ра ***М. Чернихова.*** Одесса. 1903 г. Ц. 30 к.

Правда о Тифлисѣ. ***Якова Гогебашвили.*** 2-ое изд. Тифлисъ. 1902 г. Ц. 20 к.

Шарль Сеньобосъ. Политическая исторія Европы. Эволюція партій и политическихъ формъ. 3-ье изд. т-ва «Знаніе». Два тома. Спб. 1903 г. Ц. 3 р.

Законодательство Наполеона III о печати. Проф. ***А. А. Раевскаго.*** Томскъ. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

Исторія человѣчества. Всемірная исторія. Составлена подъ общей ред. ***Г. Гельмольта.*** III и IV тт. Изд. т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1903 г. Ц. за 90 выпусковъ 45 р.

Проф. ***С. Ѳ. Платоновъ.*** Статьи по русской исторіи (1883—1902). Изд. А. С. Суворина. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 75 к.

Петръ Великій. Историческій разсказъ. ***В. Л. Никольскаго.*** Изданіе «Ежемѣсячныхъ сочиненій». Спб. 1903 г. Ц. 40 к.

Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе. ***С. С. Татищева.*** Два тома. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1903 г. Ц. 8 р. 50 к.

Русско-еврейскій архивъ. Документы и матеріалы для исторіи евреевъ въ Россіи. Т. III. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

А. Веберъ. Ростъ городовъ въ 19-мъ столѣтіи. Перев. съ англ. А. Н. Котельникова. Изд. Е. Д. Кусковой. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

П. Задерацкій. Наши недуги (какъ живутъ и работаютъ желѣзнодорожные служащіе). М. 1903 г. Ц. 60 к.

Г. Б. Демченко. Судебный прецедентъ. Варшава. 1903 г. Ц. 2 р.

В. М. Устиновъ. Идея національнаго государства. Харьковъ. 1903 г.

Опытъ теоріи цѣнности и денежнаго обращенія. ***Ѳ. Гингера.*** Спб. 1903 г. Ц. 75 к.

Географическія чтенія. Америка.—Океанія. Перев. съ англ. М. 1903 г. Ц. 80 к.

Земля и люди. ***Элизе Реклю.*** Вып. VI. Франція. Перев. съ франц. Д. А. Коропчевскаго. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1903 г. Ц. 3 р.

Вл. Львовъ. Новая земля. М. 1903 г. Ц. 25 к.

Гастонъ де-Сегюръ. На краю свѣта (Годъ въ Новой Зеландіи). Перев. Н. Волконской. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1903 г. Ц. 60 к.

Поволжье, художественно-литературное изданіе. Подъ ред. ***Б. Розова-Цвѣткова.*** Вып. I. Н.-Новгородъ. 1903 г. Ц. 2 р.

Начальный курсъ географіи. Составили ***А. Круберъ, С. Григорьевъ, А. Барковъ*** и ***С. Чефрановъ.*** М. 1903 г. Ц. 75 к.

П. Соколовъ-Костромской. Записки колонизатора Сибири. Спб. 1903 г. Ц. 75 к.

Грамматика русскаго языка для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Ю. Эсслингеръ. Кіевъ. 1903 г. Ц. 60 к.

Приватъ-доцентъ ***Б. П. Вейнбергъ.*** Физика частичныхъ силъ. Публичныя лекціи. Одесса. 1903 г. Ц. 1 р. 70 к.

Наша текущая жизнь.

(«Образованіе», «Міръ Божій», «Вѣстникъ Европы»).

Читатель долженъ помириться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что о нашей текущей жизни нельзя болѣе слѣдить по литературѣ. Вопросы, дѣйствительно интересующіе общество, стали монопольнымъ предметомъ обсужденія лишь очень ограниченнаго числа органовъ опредѣленнаго направленія въ родѣ „Московскихъ Вѣдомостей“, „Русскаго Вѣстника“, „Гражданина“, отчасти „Новаго Времени“. Остальнымъ же журналамъ и газетамъ приходится пробавляться суррогатами живыхъ вопросовъ и писать о вещахъ, способныхъ удовлетворять лишь professional beauties нашей литературы, т. е. такихъ любителей писательскаго искусства для искусства, которымъ дорога не жизнь и ея великія задачи, а самый процессъ сочинительства...

Попробуемъ, однако, не предаваясь унынію и твердо вѣря, что всему бываетъ конецъ, посмотрѣть хоть на то отраженіе отъ отраженія, на тотъ „сонъ тѣни“, σκιᾶς ὄναρ, которымъ является теперь наша литература, живущая лишь отзвуками отъ уже ослабленнаго эхо вопросовъ дѣйствительности. Чѣмъ, кстати сказать, не сонъ тѣни то метафизическое теченіе, которымъ увлекается, повидимому, довольно значительная часть современной интеллигенціи, ломающая себѣ голову надъ „проблемами идеализма“? Таково, между прочимъ, названіе уже небезызвѣстнаго нашимъ читателямъ сборника, вышедшаго подъ редакціей одного изъ нашихъ молодыхъ катедеръ-идеалистовъ и вызвавшаго цѣлую литературу отзывовъ.

Грѣшный человѣкъ, говоря нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ по поводу „Исповѣдниковъ“ г. Боборыкина о мистическихъ те-

ченіяхъ, замѣчаемыхъ въ нашей интеллигенціи, я полагалъ, что ихъ прочность сравнительно очень незначительна, и что въ скоромъ времени мы, вѣроятно, увидимъ ихъ окончательную замѣну болѣе реальными и жизненными стремленіями. Теперь приходится сказать, что съ различными метафизическими представленіями, объединяющимися, не смотря на свою неоднородность, подъ знаменемъ „идеализма", намъ придется еще считаться, и что это міровоззрѣніе становится до извѣстной степени моднымъ. Не то, чтобы оно отличалось дѣйствительною силою,—ибо что можетъ быть на самомъ дѣлѣ сильно въ царствѣ „сновъ тѣней"? Но вѣдь къ міру призраковъ приходится примѣнять и своеобразный, на половину же призрачный динамометръ.

Во всякомъ случаѣ слишкомъ еще малъ у насъ контингентъ людей жизни и энергіи, чтобы можно было безразлично относиться къ распространенію метафизическихъ мечтаній среди нашего дряблаго культурнаго общества. Разумѣется, метафизическій сонъ есть шагъ впередъ по сравненію съ чисто біологической спячкой безъ всякихъ грезъ. Но это тотъ относительный прогрессъ, который заставляетъ тѣхъ, кто желаетъ нормальнаго развитія своей родинѣ, враждебно относиться къ проповѣдникамъ длиннѣйшихъ окольныхъ „новыхъ путей", ведущихъ за блуждающими огоньками „идеализма" въ болото призрачной дѣятельности и отрывающихъ людей отъ участія въ общественной жизни.

Любопытно уже одно отношеніе нашей журналистики къ новоявленной идеалистической модѣ. За исключеніемъ „Русскаго Богатства", опредѣленно высказавшагося противъ подогрѣванія многовѣкового метафизическаго бульона, наша журнальная печать, поистинѣ:

Увы! не знала, что начать,
Казаться или утопать,
Смутившись въ мысляхъ вся.

Читатель, напримѣръ, уже видѣлъ, что „Міръ Божій", послѣ нѣсколькихъ робкихъ изъявленій своего несогласія съ нѣкоторыми мыслями нѣкоторыхъ изъ фабрикантовъ „проблемъ идеализма", благословилъ выступленіе этихъ современныхъ рыцарей „духа" на арену общественно-литературной дѣятельности. Съ своей стороны г. В. Г., хотя и „позитивистъ", счелъ нужнымъ выразить свое отношеніе къ послѣднему продукту русской метафизики въ формѣ своеобразной двойной бухгалтеріи: *дебетъ*—„мы не раздѣляемъ метафизическихъ взглядовъ писателей, которые выступили въ „Проблемахъ идеализма"; *кредитъ*—„но охотно признаемъ, что этотъ сборникъ—выдающееся явленіе въ нашей литературѣ. Отъ него вѣетъ бодростью, вѣрою въ человѣка, въ грядущее торжество его естественныхъ правъ" (см. „Журналь-

ныя замѣтки“ въ февральской книжкѣ „Русской Мысли“, стр. 165).

„Вѣстникъ Европы“ переноситъ двойную бухгалтерію нѣсколько болѣе изъ субъективной сферы критикующаго сознанія въ объективную сферу свойствъ самого критикуемаго предмета. Но тоже не можетъ „не сознаться съ одной стороны“ и „не признать съ другой“.

Въ полномъ объемѣ «Сборникъ» производитъ двойственное впечатлѣніе: съ философской стороны онъ, несомнѣнно, представляетъ большой интересъ, какъ показатель новѣйшихъ теченій умственной и духовной жизни нашего общества; своимъ призывомъ въ область вѣры и религіознаго воодушевленія къ идеаламъ добра и правды, онъ способенъ вызвать въ читателѣ бодрящее настроеніе и поднять падающую вѣру въ жизнь и людей. Но общественная оцѣнка «Сборника», вѣроятно, разойдется съ чисто-философской, и призывъ по ту сторону положительнаго знанія, не давая (въ общественномъ смыслѣ) ничего взамѣнъ отвергаемаго, кромѣ соблазнительныхъ обѣщаній высшей гармоніи, можетъ быть истолкованъ иными, какъ своего рода почетный выходъ для уклоненія отъ участія въ рѣшеніи ничтожныхъ—съ точки зрѣнія абсолюта, но на дѣлѣ весьма существенныхъ вопросовъ, которые выдвигаются повседневной жизнью и держатъ мысль и совѣсть въ непрестанной тревогѣ и борьбѣ. И нѣтъ ли здѣсь причинной зависимости, подъ безусловность которой, впрочемъ, такъ усердно подкапываются гг. метафизики, между возвратомъ къ метафизической философіи и тѣмъ состояніемъ общества, при которомъ дѣйствительность кажется столь непривлядной, что возникаетъ невольное стремленіе бѣжать отъ бездны отчаянья и скорби и, забывъ «скучныя пѣсни земли», утонуть въ созерцаніи абсолютныхъ идей и всемірной гармоніи? (Май, стр. 377—378).

„Аминь“! Такъ и хочется здѣсь воскликнуть по адресу рецензента, который успѣлъ сквозь метафизическіе туманы идеализма разглядѣть одно изъ его психологическихъ основаній въ видѣ „почетнаго выхода для уклоненія отъ участія въ рѣшеніи“ и т. д.; и который ставитъ даже общій вопросъ о причинной зависимости нашей метафизики отъ современнаго состоянія нашего же общества. Но почему же онъ считаетъ тѣмъ не менѣе возможнымъ говорить о „бодрящемъ настроеніи“ и „поднятіи падающей вѣры въ жизнь и людей“, якобы вызываемыхъ чтеніемъ „Сборника“?

Г. Луначарскій, защищающій противъ нападеній идеализма положительную науку во имя эмпиріо-критической философіи Авенаріуса, не составляетъ тоже исключенія изъ общаго правила и, покаявшись въ началѣ своей статьи (см. „Проблемы идеализма“ съ точки зрѣнія критическаго реализма“, въ февральской книжкѣ „Образованія“, стр. 113) въ „нѣсколько враждебномъ чувствѣ“, съ которымъ онъ „взялся за толстую книгу гг. идеалистовъ“, смѣняетъ гнѣвъ на милость: „прочитавъ книгу отъ доски до доски, мы вынесли скорѣе радостное впечатлѣніе. Sie wollen doch gut!“ (стр. 113)... „тѣмъ не менѣе, въ этихъ идеалистахъ есть нѣчто симпатичное“ (стр. 114).

И лишь г. Богдановъ сплошь отрицательно относится къ „Новому средневѣковью“ (такъ онъ озаглавилъ свою критику „Сборника“ въ мартовскомъ номерѣ „Образованія“) и его „благочестивымъ гг. нео-католикамъ и благороднымъ гг. феодаламъ воздушныхъ замковъ“ (стр. 28).

Итакъ, вотъ какъ обстоитъ дѣло. Въ большинствѣ случаевъ наша публицистика, высказывая по тому или другому пункту свое несогласіе съ идеалистами, выражая даже неодобреніе ихъ философскому міровоззрѣнію, тѣмъ не менѣе встрѣчаетъ новое направленіе въ общемъ сочувственно. Одни толкуютъ о „вѣрѣ въ идеалы“, обнаруживаемой современными метафизиками. Другіе поощряютъ ихъ за намѣреніе бороться во имя „естественныхъ правъ“. Третьимъ въ новомъ теченіи, кажется, болѣе прочаго приглянулось просто на-просто то, что оно становится моднымъ, и т. д. Но всѣ или почти всѣ критики россійскаго идеализма послѣдняго фасона считаютъ своимъ долгомъ сказать ему нѣчто пріятное, произнести по его адресу какой-нибудь комплиментъ, какъ это дѣлается по отношенію къ молоденькимъ барышнямъ, всѣ качества которыхъ зачастую сводятся къ тому лишь, что онѣ впервые выѣзжаютъ въ свѣтъ. Наша идеалистическая метафизика представляетъ собою, дѣйствительно, послѣдній фруктъ „бѣдной русской мысли“, которая столько уже порождала новыхъ эфемерныхъ теченій и столько губила, не давши имъ созрѣть.

Важно поэтому не само по себѣ это новое метафизическое теченіе· Важенъ общій фактъ крайней прихотливости нашей идейной эволюціи, чрезмѣрно быстрой смѣны направленій, отсутствія традицій въ развитіи общественно-философской мысли. Идеализмъ можетъ такъ же быстро исчезнуть, какъ быстро онъ выскочилъ. Но кто поручится, что на завтра же не появится какой-нибудь новый столь же поверхностный „измъ“, съ которымъ будетъ не мало предстоять хлопотъ людямъ, желающимъ внести бóльшую непрерывность и бóльшую правильность въ прогрессъ учрежденій и идей. Ибо если каждая изъ такихъ поверхностныхъ, идущихъ гораздо болѣе въ ширину, чѣмъ въ глубину идейныхъ модъ свирѣпствуетъ сравнительно короткій промежутокъ времени, то въ совокупности всѣ эти „новые пути“ составляютъ громадный зигзагъ въ сторону отъ надлежащей дороги и могутъ поглотить усилія и запасъ живой энергіи цѣлаго поколѣнія,—разумѣя, конечно, здѣсь заправское біологическое поколѣніе, и не говоря уже о нашихъ скороспѣлыхъ идейныхъ поколѣніяхъ, которыя смѣняются одно другимъ чуть не каждые три года.

Я употребилъ выше выраженіе „отсутствіе традицій въ развитіи общественно-философской мысли“ и къ нему я возвращаюсь. Смущаться словомъ „традиція“ нечего потому только, что оно мило сердцу нашихъ охранителей, въ особенности же

подъ отечественнымъ названіемъ „завѣтовъ“ и „преданій“. И у a fagots et fagots, есть традиціи и традиціи. Есть традиціи, содержаніе которыхъ безъ остатка вывѣтрилось въ теченіе исторіи, которыя превратились въ пустую форму, оболочку, оковы жизни, держащіеся лишь на насиліи, съ одной стороны, на инертности и апатіи—съ другой. Но есть традиціи, которыя представляютъ собою резюмэ предшествующаго прогрессивнаго процесса, служатъ вѣхами нормальнаго пути въ прошломъ и потому указываютъ на его дальнѣйшее направленіе и въ будущемъ. Отказываться отъ такихъ традицій значитъ обрекать общество и личность на безполезную трату силъ и, вмѣсто того, чтобы пользоваться могучей инерціей пріобрѣтеннаго движенія, расходовать энергію на торможенье и метанье изъ стороны въ сторону. А вѣдь соціальный организмъ не простая точка или система точекъ, къ которой приложена механическая сила: то, что было прервано на полдорогѣ эволюціи, приходится зачастую не просто продолжать, а начинать почти сызнова.

Возьмите хотя бы тотъ же самый „идеализмъ“. Казалось бы, если было что пріобрѣтено положительнаго русскимъ обществомъ въ активную эпоху 60-хъ и 70-хъ годовъ, такъ это отвращеніе къ метафизикѣ, къ мистицизму, ко всему призрачному и не дѣйствительному: земля и земные интересы людей-братьевъ были основнымъ лозунгомъ дѣятельности лучшихъ представителей этой эпохи. Но вотъ наступили 80-ые годы, и среди ночи общественной реакціи, когда

Подъ вой волковъ лѣсной пустыни
Стонала снѣжная мятель,

явились люди, которые съ необыкновеннымъ апломбомъ повернулись спиной къ предшествующей эволюціи, прервали нить традиціи глубоко общественнаго періода и занялись реставраціей, казалось было, навсегда разсыпавшихся остововъ...

И теперь снова мы присутствуемъ при возрожденіи метафизическихъ теченій.

Я не намѣренъ, впрочемъ, останавливаться здѣсь на разборѣ произведеній новѣйшихъ идеалистовъ-метафизиковъ. Объ этомъ мнѣ уже доводилось говорить, а теперь мнѣ хотѣлось бы только представить нѣсколько соображеній насчетъ смысла и причинъ возникновенія у насъ „идеалистическихъ“ теченій. Сложный это, конечно, вопросъ, какъ и всѣ вопросы конкретной общественной психологіи, гдѣ приходится разлагать на составные элементы иногда очень причудливыя комбинаціи практическихъ и теоретическихъ стремленій; и я нимало не претендую на его окончательное рѣшеніе. Но было бы полезно перебрать хоть нѣкоторыя условія, повидимому, способствовавшія нарожденію и развитію русской метафизики.

Можетъ быть, для лучшаго пониманія послѣдующихъ, по необходимости краткихъ и потому лишь намѣчающихъ задачу, соображеній будетъ цѣлесообразно сейчасъ же сказать, какъ мнѣ представляется дѣло, т. е. теперь же дать общій отвѣтъ на вопросъ о почвѣ нашего идеализма. Эту почву я вижу въ слабости развитія русской общественно-философской мысли, черезчуръ по ученически относящейся къ умственнымъ теченіямъ на Западѣ и рабски отразившей, между прочимъ, западноевропейское направленіе „банкротства науки"; а въ частности въ ученической реакціи противъ ученическаго же русскаго марксизма.

Установимъ прежде всего фактъ и особенности нашей подражательности. Всякій безпристрастный изслѣдователь согласится съ тѣмъ, что общественная, и въ томъ числѣ идейная, жизнь Россіи отражаетъ на себѣ сильное вліяніе Запада. И при этомъ небезынтересно то обстоятельство, что наибольшею подражательностью отличаются какъ разъ тѣ учрежденія и идеи, въ которыхъ апологеты нашего „самобытнаго" развитія видятъ наиболѣе подлинныя русскія явленія. Оставляя въ сторонѣ византійскія и татарскія вліянія (кстати сказать, составляющія кругъ незападныхъ воздѣйствій) и переходя къ заимствованіямъ политическихъ формъ, начиная съ Петра, мы на каждомъ шагу натолкнемся то на шведскія, то на французскія, то на прусскія учрежденія. Вотъ почему у васъ не сходитъ съ лица улыбка, когда вы читаете хотя бы разсужденія г. Грингмута или кн. Мещерскаго о томъ или иномъ „преданіи" или „завѣтѣ", прототипъ котораго на самомъ-то дѣлѣ существовалъ сто, а то и двѣсти лѣтъ тому назадъ на басурманскомъ Западѣ и который лишь былъ перенесенъ на русскую почву и остался лежать здѣсь чѣмъ-то въ родѣ эрратическаго камня, свидѣтелемъ чужой архаической формаціи, уже прикрытой на самомъ Западѣ новыми и болѣе плодородными отложеніями.

Съ другой стороны, и болѣе текущія вещи, каковы идеи, тѣмъ сильнѣе выдаютъ свое западное происхожденіе, чѣмъ громче ихъ русскіе носители кричатъ объ ихъ самобытности. Не удалось-ли нашей исторической критикѣ показать, что представители нашего славянофильства, начиная съ Хомяковыхъ и К. Аксаковыхъ въ героическомъ періодѣ ученія и кончая ихъ выродившимися эпигонами въ родѣ Данилевскихъ и Леонтьевыхъ, чтобы не говорить о современныхъ ничтожествахъ, черпали всѣ философскія основанія своего символа вѣры и даже многія частныя мысли у западноевропейскихъ, преимущественно нѣмецкихъ, писателей?

Парадоксальнымъ на первый взглядъ, но въ сущности понятнымъ явленіемъ представляется, наоборотъ, бо̀льшая самостоятельность тѣхъ учрежденій и идей, которыя были восприняты Россіею сознательно и безъ всякаго ложнаго стыда, какъ продукты западноевропейской цивилизаціи, но были приспособлены

къ особенностямъ среды. Возьмите, напр., одну изъ самыхъ типичныхъ „великихъ реформъ", судебную, и послушайте, что говоритъ о ней такой серьезный, умѣренный и знающій дѣло европеецъ, какъ Анатоль Леруа-Больё:

Россія, въ совокупности и деталяхъ своей судебной системы, подражала Франціи и Англіи, заимствуя у той и другой здѣсь черту, тамъ линію. Но она не удовольствовалась тѣмъ, что возможно лучше слила въ одно взятое у иностранцевъ; она не ограничилась простымъ копированіемъ тѣхъ, кого могла считать своими учителями: она поднялась до отвлеченныхъ идей, вдохновлявшихъ ея модели... Если судебная реформа была наиболѣе широко задумана и наиболѣе рѣшительно проведена изъ всѣхъ великихъ реформъ императора Александра II, то это потому, что вмѣсто того, чтобы опираться на чисто эмпирическія данныя и на удобства минуты, она покоится на раціональномъ основаніи; она опирается одновременно на общія идеи, принятыя всѣми современными націями, и на практику наиболѣе цивилизованныхъ государствъ.

А какъ примѣръ самостоятельной переработки западно-европейскихъ воздѣйствій въ чисто умственной сферѣ, возьмите хотя бы такого типичнаго представителя 60-хъ годовъ, какимъ былъ Чернышевскій. Несомнѣнно, что въ его соціально-экономическихъ воззрѣніяхъ (чтобы не говорить для простоты о другихъ) вы можете прослѣдить сильное вліяніе двухъ основныхъ рядовъ идей: классической политической экономіи Англіи и соціальныхъ системъ геніальныхъ французскихъ новаторовъ. Но какъ органически и оригинально соединились эти два элемента, чтобы образовать ясное и цѣльное міровоззрѣніе „великаго русскаго ученаго и критика" (слова Маркса), самостоятельность котораго является рѣдкимъ исключеніемъ изъ общаго подражательнаго характера нашей общественно-политической мысли и ужъ, во всякомъ случаѣ, далеко оставляетъ за собою мнимую „самобытность" нашихъ славянофиловъ и націоналистовъ, бившихъ „гнилому Западу" челомъ да его же добромъ.

Съ другой стороны, въ области художественной литературы, гдѣ русской мысли была возможность болѣе безпрепятственнаго развитія, воздѣйствіе Запада не только не помѣшало проявиться значительной свѣжести и оригинальности творчества, но, наоборотъ, усиливало работу русскаго генія. Уже двадцать лѣтъ тому назадъ г. Алексѣй Веселовскій могъ сказать, изслѣдуя „западное вліяніе въ новой русской литературѣ":

... Случайныя вліянія являлись иногда затемнить общій ходъ литературнаго развитія, но среди этого лабиринта путеводною нитью было всегда вліяніе старѣйшей европейской цивилизаціи, которая являлась залѣчивать наши раны, выводила на настоящую дорогу и формировала людей... Въ завершеніе каждаго, сколько-нибудь толково воспринятаго у насъ, европейскаго умственнаго движенія, стоялъ очевидный прогрессъ русскаго самостоятельнаго творчества.

Восхищеніе, возбуждаемое на Западѣ нашими великими художниками слова, показываетъ, что въ этой сферѣ работа рус-

скаго генія, вдохновляемаго литературнымъ движеніемъ болѣе старыхъ культурныхъ странъ, успѣла вылиться въ самостоятельныя формы, привлекающія своею свѣжестью и оригинальностью самихъ учителей нашихъ. Къ несчатью, далеко нельзя сказать того же о ходѣ нашей общественно-философской мысли. Здѣсь, въ силу общихъ условій, мы не столько вдохновляемся Западомъ, сколько перепѣваемъ его, и послѣ быстраго и поверхностнаго увлеченія однимъ заграничнымъ теченіемъ начинаемъ увлекаться другимъ. Въ художественной сферѣ наша мысль успѣваетъ переработать импульсъ, данный Западомъ, въ источникъ живого и своеобразнаго творчества. Но въ сферѣ общественно-философской заимствованная идея, словно растеніе, пересаженное на новую почву безъ корня, блеститъ на короткій мигъ искусственною свѣжестью и увядаетъ, не имѣя времени принести плодъ.

Говоря такъ, я отнюдь не думаю увлекаться дешевымъ западничествомъ и свысока относиться къ работѣ русскаго ума потому только, что это свое. Я лишь съ горечью и сожалѣніемъ констатирую недостатки этой работы въ извѣстной области, указывая въ то же время на ея крупныя достоинства тамъ, гдѣ мысль можетъ функціонировать при менѣе затруднительныхъ обстоятельствахъ. Все дѣло именно и заключается въ этихъ условіяхъ: почему, дѣйствительно, тотъ самый умъ, который обнаруживаетъ первоклассныя качества въ художественной сферѣ, въ области общественно-философской достигаетъ въ большинствѣ случаевъ лишь уровня, свойственнаго смышленному ученику? Да потому, что тутъ на него давитъ совокупность обстоятельствъ, мѣшающихъ идейной эволюціи правильно завершать свой циклъ.

Если чисто художественная работа мысли можетъ совершаться удачно,—по крайней мѣрѣ, порою,—и въ неблагопріятной общественной средѣ, то общественно-философская дѣятельность ума атрофируется подъ давленіемъ тяжелыхъ условій.

Этимъ и объясняется наше школьническое увлеченіе общественно-философскими идеями Запада; этимъ же объясняется и то отсутствіе традицій, которое такъ необходимо для правильности и энергіи идейнаго прогресса. Въ этой сферѣ русскій теоретикъ и русскій дѣятель похожъ на комара: не успѣлъ развернуть онъ свои крылья, подняться на сажень отъ земли на встрѣчу весеннему солнцу и прожужжать ему свою пѣснь, какъ поднимается сѣверный ливень, и кончена комариная жизнь. И изъ такихъ эфемерныхъ существованій слагается жизнь нашихъ идейныхъ поколѣній, средняя продолжительность которыхъ охватываетъ въ послѣднее время, право, едва-ли и три весны сподрядъ. Соотвѣтственно съ быстрою смѣною поколѣній мѣняются и господствующія теченія. Далѣе, откуда, повторяю, браться имъ въ смыслѣ первоначальнаго толчка, какъ не съ Запада, который, что бы ни говорили, продолжаетъ возбуждать и вдохновлять нашу мысль?

А такъ какъ эфемерность упомянутыхъ идейныхъ поколѣній не даетъ возможности полученному съ Запада импульсу переработаться въ органическую и самостоятельную дѣятельность мысли уже на самой русской почвѣ, то „наши направленія“ должны по необходимости носить школьный характеръ, т. е. умирать и замѣняться другими, не успѣвъ выйти изъ дѣтскаго фазиса подражательности. Это, конечно, нисколько не мѣшаетъ тому, что наши царевококшайскіе и чухломскіе „портные Ивановы изъ Лондона и Парижа“ опаздываютъ каждый разъ въ идейныхъ фасонахъ на нѣсколько лѣтъ отъ Западной Европы.

Такъ, напр., декадентство (говорю въ смыслѣ общаго направленія, а не одной только фабрикаціи стиховъ) стало свирѣпствовать у насъ тогда, когда во Франціи и Бельгіи, этихъ главныхъ лабораторіяхъ самоновѣйшей поэзіи, въ самыхъ декадентскихъ кругахъ уже послышались рѣзкія ноты протеста противъ смѣшныхъ преувеличеній Стефановъ Маллармэ, Мореасовъ, Ренэ Гилей, и стали уже дѣлаться попытки выдѣлить „здоровое зерно символизма“ изъ цѣлыхъ вороховъ литературной шелухи. Такъ и нашъ марксизмъ распространился, какъ повѣтріе, и вызвалъ наиболѣе карикатурныя произведенія въ тотъ моментъ, когда на Западѣ, въ ортодоксальномъ органѣ „Die Neue Zeit“, уже стали появляться сомнѣнія и высказываться критическія соображенія насчетъ универсальности „историческаго матеріализма“. И „возвратъ къ Канту“ и вплоть до Платона у нашихъ бывшихъ „учениковъ“ принялъ форму чуть не поголовнаго шествія въ спиритуалистическую Каноссу лишь тогда, когда крупный ренегатъ западно-европейскаго ортодоксальнаго марксизма, Бернштейнъ, далъ разрѣшеніе предпочитать гегелевской діалектикѣ, „перевставленной Марксомъ съ головы на ноги“, „критическій идеализмъ“ Канта*).

Такимъ образомъ нечего удивляться подражательности и эфемерности нашихъ умственныхъ теченій. Можно лишь задаться вопросомъ: почему самое послѣднее теченіе, смѣнившее ученическій марксизмъ, вылилось у насъ въ „идеалистическую“ форму, и при томъ такую, которая въ своихъ крайнихъ выраженіяхъ несомнѣнно оттолкнетъ гораздо болѣе трезвенныхъ „критиковъ“ Запада. Собственно говоря, идеалистическая метафизика, въ видѣ слабаго и незначительнаго ручья, не переставала течь и журчать, издавая свои „звуки небесъ“, даже въ наиболѣе общественный періодъ новѣйшей русской исторіи: 60-ые и 70-ые годы. Но тогда, благодаря нѣкоторымъ благопріятнымъ условіямъ развитія страны, успѣли было установиться традиціи реальнаго міровоззрѣнія,

*) Я, разумѣется, оставляю подъ сомнѣніемъ утвержденія большинства современныхъ «идеалистовъ», будто и во время «ученичества» они уже были таковыми, но во избѣжаніе соблазна лишь хранили благородное молчаніе.

и на метафизику лучшіе представители интеллигенціи мало обращали вниманія. Лишь въ теченіе 80-хъ годовъ могла создаться почва для метафизическаго направленія. И когда, во второй половинѣ 80-хъ годовъ, фантастическіе элементы мысли стали все рѣзче и рѣзче проявляться на Западѣ, для того, чтобы въ половинѣ слѣдующаго десятилѣтія вылиться въ формулѣ „банкротства науки", для нашей подражательности открывалось широкое поле дѣятельности.

Эта метафизическая подготовительная работа мысли не проявилась, однако, сначала въ чистомъ видѣ, потому что была осложнена и, такъ сказать, интерферирована перекрещивающимся, идущимъ тоже изъ-за границы, теченіемъ марксизма. Дѣйствительно, на Западѣ первая половина 90-хъ годовъ характеризовалась, какъ мы видѣли, усиленіемъ метафизическаго теченія. Но этотъ процессъ охватилъ лишь часть прежде свободомыслящихъ имущихъ и правящихъ классовъ; въ другой части обнаруживалось стремленіе не къ метафизическому, а, если можно такъ выразиться, соціально-практическому идеализму, который связывался тамъ въ это время все болѣе и болѣе съ ученіемъ Маркса, уже успѣвшимъ сильно распространиться въ трудящихся массахъ городовъ. Рядомъ съ метафизическимъ теченіемъ къ намъ перешло и марксистское. Но такъ какъ нашъ заимствованный марксизмъ не опирался на устойчивое основаніе уже вовлеченныхъ въ новое теченіе массъ; такъ какъ культурная работа среди нихъ только что начиналась, то это направленіе вылилось у насъ въ форму лишь чисто отвлеченнаго символа вѣры, который считался обязательнымъ и исповѣдовался кстати и некстати по поводу любого вопроса мысли и жизни. И въ результатѣ получилась та узкая и нетерпимая соціальная метафизика, которая, подъ наиболѣе распространеннымъ названіемъ „экономическаго матеріализма", гипнотизировала въ теченіе трехъ—четырехъ лѣтъ умы молодежи и дѣлала ее рѣшительно неспособной оцѣнивать критически какъ другія теоріи, такъ и задачи общественной дѣйствительности.

Ея метафизическій характеръ довольно любопытно обнаруживался въ томъ обстоятельствѣ, что она мирно уживалась, часто на страницахъ однихъ и тѣхъ же журналовъ, съ эстетической и философской метафизикой въ видѣ декадентства, ничшеанства, нео-кантіанства, заключая съ этими сестрами оборонительный и наступательный союзъ какъ разъ противъ тѣхъ элементовъ, въ которыхъ лучше сохранился реальный характеръ предшествовавшаго историческаго періода. Лишь культурная работа, смѣнившая у наиболѣе живыхъ марксистовъ фанатическое исповѣданіе вѣры безъ дѣлъ, которая, какъ извѣстно, мертва есть,—лишь эта практическая дѣятельность вывела часть нашихъ „учениковъ" изъ дебрей соціальной метафизики и поставила ихъ передъ вопро-

сами дѣйствительности. Но въ тотъ же самый моментъ началось распаденіе догмы на противорѣчивыя толкованія. И если, съ одной стороны, лѣвое крыло отвергло „экономизмъ“ ради общественной работы, то правое крыло, удовлетворяя своей плохо скрытой любви къ метафизикѣ, быстро промѣняло упомянутый „экономизмъ“ на идеалистическую метафизику. Эта категорія „учениковъ“ лишь вывернула на изнанку свое тяготѣніе къ абсолюту: еще недавно такимъ всеобъясняющимъ принципомъ былъ для нея „матеріальный“ факторъ; отнынѣ имъ сдѣлался трансцендентальный идеализмъ. Къ „ученикамъ“, кающимся въ своихъ недавнихъ „матеріальныхъ“ прегрѣшеніяхъ, присоединились идеалисты, не перестававшіе быть таковыми. И волна марксизма, которая еще недавно интерферировала идеализмъ, слилась съ нимъ въ одно теченіе, затопившее значительное большинство носителей „новыхъ словъ“.

Мнѣ уже пришлось какъ-то указать на то обстоятельство, что чѣмъ менѣе „экономическій“ періодъ нашей умственной эволюціи удовлетворялъ жаждѣ человѣка въ нормальномъ общественномъ идеалѣ, тѣмъ съ большимъ усердіемъ новѣйшее теченіе старается, по закону реакціи, опьянить его наркотическимъ напиткомъ метафизическаго идеала. Родственное по своему абсолютному характеру экономической доктринѣ, но берущее этотъ логическій абсолютизмъ съ обратнымъ знакомъ, идеалистическое теченіе явилось естественнымъ наслѣдникомъ „матеріализма“; раньше дѣло шло объ исключительномъ господствѣ „отношеній производства“; нынѣ дѣло идетъ о столь же исключительномъ господствѣ „духа“. И здоровая соціологическая мысль вырабатывается среди этой „діалектической“ смѣны направленій лишь медленно и съ трудомъ.

Мнѣ было, напр., любопытно познакомиться съ соціологическими воззрѣніями одного изъ русскихъ марксистовъ, оставшихся вѣрными своему міровоззрѣнію и пытающихся отстоять его въ приложеніи къ различнымъ общественнымъ явленіямъ: я говорю объ этюдахъ г. А. Богданова „Изъ психологіи общества“, новая еще не конченная серія которыхъ печатается въ „Образованіи“ (апрѣль и май). Г. Богдановъ—врагъ идеалистической метафизики. Онъ не перестаетъ бороться съ современными „рыцарями духа“. Его точка зрѣнія — ортодоксально - марксистская: хотя термину „экономическій матеріализмъ“ или „историческій матеріализмъ“ онъ предпочитаетъ выраженіе „историческій монизмъ“. Г. Богдановъ, дѣйствительно, такъ формулируетъ свою общественную философію:

Жизнь идеологическая имѣетъ свою основу въ непосредственной трудовой жизни людей; содержаніе и форма идеологіи опредѣляются содержаніемъ и формой трудовыхъ отношеній; идеологія есть необходимое приспособленіе къ этимъ отношеніямъ, біологически имъ обусловлена (апрѣль, стр. 42).

Какъ видите, за исключеніемъ слегка отклоняющейся терминологіи, мы имѣемъ здѣсь предъ собою марксистское міровоззрѣніе. Но интересно коснуться въ двухъ-трехъ пунктахъ аргументаціи автора, такъ какъ г. Богдановъ хочетъ съ своей точки зрѣнія изучать психологію общества, т. е. именно ту область, которая, по мнѣнію наиболѣе серьезныхъ марксистовъ, является посредствующимъ и объясняющимъ звеномъ между развитіемъ производительныхъ силъ и дѣятельностью людей, живущихъ въ обществѣ. Г. Богдановъ останавливается пока въ своихъ этюдахъ на условіяхъ выработки „авторитетнаго мышленія", какъ такой общественной психологіи, которая на извѣстныхъ ступеняхъ соціальной жизни создаетъ формы господства на одной сторонѣ, формы подчиненія—на другой.

Говорить вообще о формахъ людскихъ отношеній, замѣчаемыхъ въ отдѣльныхъ фазисахъ общественной эволюціи, намъ много не приходится по поводу этюдовъ г. Богданова. Въ его классификаціи авторитарныхъ, анархическихъ и синтетическихъ отношеній труда мы встрѣчаемся съ еле-еле видоизмѣненной схеой Спенсера и спенсеристовъ. Не говоритъ ли авторъ „Соціологіи" о „воинственномъ", „промышленномъ" и нарождающемся „соціальномъ" (social man) типахъ человѣчества, установляя, по крайней мѣрѣ, между двумя послѣдними эволюціонную связь? И не строитъ ли нашъ ученый географъ, покойный Л. Мечниковъ, въ своей работѣ о „Цивилизаціи и великихъ историческихъ рѣкахъ", очень близкую къ спенсеровской троякую лѣстницу общественныхъ формъ: „группировки, навязанныя силою" (groupements imposés), „группировки, основанныя на субординаціи" (groupements subordonnés) и „группировки, основанныя на координаціи" (groupements coordonnés).

Г. Богдановъ примѣняетъ лишь къ такой классификаціи марксистское объясненіе, ставя причиною этихъ различныхъ видовъ людскихъ отношеній исключительно „отношенія труда", отношенія производства. Такъ, въ частности, онъ истолковываетъ происхожденіе „авторитарнаго мышленія" слѣдующимъ образомъ. Какъ только первобытное общество начинаетъ усложняться, какъ только возникаетъ необходимость въ бо́льшей спеціализаціи труда и, стало быть, лучшей организаціи различныхъ отраслей его въ одно цѣлое, въ интересахъ общежитія, такъ сейчасъ же вырабатывается потребность въ двухъ родахъ людей: исполнителей и организаторовъ. Исполнители заняты своими различными спеціальностями; организаторы руководятъ распредѣленіемъ этихъ спеціальностей

и ихъ объединеніемъ въ нѣчто цѣлое. Отсюда „дѣятельность исполнительская съ одной стороны, организаторская—съ другой“.

Такъ какъ, далѣе, вопросы усложняющейся организаціи труда превосходятъ пониманіе средняго члена общежитія, то является цѣлесообразнымъ не отдавать ихъ отнынѣ на демократическое обсужденіе всѣхъ участниковъ союза, а предоставить ихъ рѣшеніе „одному члену группы, если не наиболѣе способному, то наиболѣе опытному, старѣйшему въ родѣ“. Отсюда необходимость повелѣнія, съ одной стороны, подчиненія—съ другой, и въ результатѣ „патріархально-родовая организація“, а затѣмъ и прочія формы подчиненія: феодальная, восточно-деспотическая и вплоть до капиталистической, въ которую начинаетъ уже привходить элементъ ослабленнаго, „условнаго подчиненія“.

Сдѣлаемъ, наконецъ, еще одинъ шагъ: такъ какъ общественная идеологія, согласно ученію марксизма, есть лишь выраженіе приспособленія общественной психологіи къ условіямъ производства, то „авторитарное мышленіе“ есть ни болѣе, ни менѣе, какъ отраженіе въ человѣческомъ сознаніи авторитарныхъ формъ общественнаго труда. Въ частности, напр., почему такъ консервативны члены общежитія, занятые спеціально организаціей работъ? Потому, что измѣнять установившіеся пріемы труда дѣло очень нелегкое: „организаторская работа при всякихъ вообще условіяхъ чрезвычайно трудна и сложна по сравненію съ исполнительской“. Вотъ почему организаторъ, избѣгающій большихъ усилій на обдумываніе новшествъ въ экономической сферѣ, и въ отраженной области психологіи боится всякихъ измѣненій и по необходимости консервативенъ. Такимъ образомъ, этюдъ „авторитарнаго мышленія“ законченъ: мы начали съ производства и мы вернулись къ нему, благодаря предупредительнымъ указаніямъ г. Богданова.

Здѣсь, собственно говоря, можно было бы предложить обычный рядъ вопросовъ сторонникамъ марксизма, рядъ вопросовъ, который до сихъ поръ не былъ удовлетворительно разрѣшенъ ими. Напр., изъ того, что сознаніе является отраженіемъ бытія (вѣрнѣе сказать, части бытія, которое, конечно, гораздо обширнѣе вошедшаго въ наше сознаніе),—слѣдуетъ ли изъ этого, что само это общественное человѣческое бытіе цѣликомъ исчерпывается трудомъ и производствомъ жизни? Производство жизни? Но это производство подразумѣваетъ и потребленіе жизни, т. е., попросту сказать, самую жизнь. И этнографическія изслѣдованія показали, какую роль играютъ въ жизни даже первобытнаго человѣка, наряду съ трудомъ, разнообразныя формы органической, мускульной и нервной дѣятельности, отнюдь не укладывающіяся въ рамки экономическаго производства.

Или, вотъ, хотя бы вопросъ объ общественномъ раздѣленіи труда. Не заключается-ли въ этомъ терминѣ значительное недоразумѣніе, происходящее отъ того, что далеко не всѣ писатели

понимають подъ нимъ одинаковую вещь, и что въ то время, какъ одни авторы суживаютъ его до предѣловъ чисто экономическаго распредѣленія работъ, другіе, наоборотъ, отожествляютъ его съ общей соціально-политической структурой даннаго соціальнаго организма? Пусть сравнятъ, напр., употребленіе термина, о которомъ идетъ рѣчь, въ экономическихъ трактатахъ и въ соціологической работѣ Дюркгейма какъ разъ объ „Общественномъ раздѣленіи труда“. А между тѣмъ, отъ большей или меньшей широты понятія зависитъ въ данномъ случаѣ и, можно сказать, предрѣшается вопросъ о происхожденіи классовъ, ибо, съ одной стороны, причину ихъ возникновенія можно искать лишь въ экономикѣ, а съ другой — въ гораздо болѣе сложной совокупности соціальныхъ явленій.

Взять хотя бы въ частности теорію г. Богданова объ организаторахъ и исполнителяхъ. Точно-ли организаторъ выдѣляется изъ сѣрой массы членовъ даннаго общежитія потому лишь, что онъ наиболѣе цѣлесообразно можетъ устроить внутри группы раздѣленіе производительныхъ функцій? Не присоединяется-ли, наоборотъ, тутъ дѣйствіе другихъ важныхъ факторовъ въ видѣ кровнородовыхъ идей о близости старѣйшихъ къ предку, религіознаго почтенія и порою чисто суевѣрнаго страха, прямого политическаго принужденія и т. д.?

Можно было бы и еще продолжить этотъ рядъ болѣе или менѣе общихъ вопросовъ, обращенныхъ къ г. Богданову. Но здѣсь я пишу не критическій трактатъ о марксизмѣ, а бѣглую оцѣнку нѣкоторыхъ положеній автора. Мнѣ хотѣлось бы остановиться, наоборотъ, нѣсколько болѣе на одномъ частномъ, но любопытномъ пунктѣ, который показываетъ достаточно рельефно искусственность соціологическихъ построеній г. Богданова. Это — вопросъ о происхожденіи одной изъ раннихъ формъ религіознаго сознанія, а именно анимизма, населяющаго міръ душами, призраками, вообще духовными сущностями, которыя выглядываютъ для человѣка отдаленнаго періода изъ-за различныхъ предметовъ внѣшняго міра и затѣмъ отрываются отъ нихъ въ видѣ самостоятельныхъ существъ, подобныхъ самой душѣ человѣка, т. е. его внутреннему двойнику. Читатель, конечно, уже знакомъ съ общепринятыми теоріями возникновенія анимизма на почвѣ сновидѣній, обморока, культа предковъ и т. п. теоріями, которыя стали извѣстны большой публикѣ въ особенности послѣ знаменитаго спора между Тайлоромъ и Спенсеромъ.

Г. Богдановъ хочетъ дать свое объясненіе дуализму, лежащему въ основаніи анимистической философіи — религіи Намъ приходится возвратиться снова съ авторомъ къ его схемѣ умнаго организатора и ограниченнаго исполнителя въ сферѣ производства. Дѣло, видите-ли, вотъ въ чемъ, по мнѣнію г. Богданова. Авторитарныя формы труда и порождаемыя ими формы автори-

тарнаго мышленія основаны на существованіи уже упомянутыхъ организатора и исполнителя, представляющихъ основной общественный дуализмъ. Организаторъ организуетъ трудъ, даетъ ему направленіе, ставитъ ему извѣстную цѣль и понимаетъ, зачѣмъ это дѣлаетъ; исполнитель исполняетъ работу, повинуется велѣніямъ извнѣ и плохо понимаетъ что-либо, кромѣ непосредственныхъ пріемовъ порученнаго дѣйствія. Вотъ эту-то полярную противоположность и отражаетъ анимизмъ, связанный, по мнѣнію г. Богданова, съ авторитарными формами общежитія. Привыкнувъ къ основному дуализму организаціи и исполненія въ трудовой сферѣ, человѣкъ переноситъ эту двойственность и на всѣ свои дѣйствія, и на внѣшній міръ, при чемъ первенство власти и пониманія, активности и руководительства воплощается въ душѣ, а все подчиняющееся, пассивное, мертвое, инертное пріурочивается къ тѣлу:

Происходитъ мысленное разложеніе человѣка на организатора и исполнителя, на активное и пассивное начало; исполнитель доступенъ внѣшнимъ чувствамъ—это физіологическій организмъ, тѣло; организаторъ имъ недоступенъ; онъ предполагается внутри тѣла; это—духовная личность. Въ существо видимое «интроецируется» (вкладывается) существо невидимое.

Такъ получается опредѣленное, своеобразное міровоззрѣніе — анимизмъ. Въ немъ природа является взгляду человѣка однородно-двойственной; всякій предметъ выступаетъ какъ нераздѣльное сочетаніе двухъ элементовъ, и отношеніе этихъ элементовъ таково же, какъ отношеніе элементовъ авторитарной группы. Здѣсь лежитъ исходная точка всѣхъ дуалистическихъ представленій о мірѣ (май, стр. 90).

Авторъ придаетъ, повидимому, большую важность этой своей теоріи и старается оттѣнить ея новизну:

Изложенные нами взгляды на происхожденіе анимизма не сходятся съ наиболѣе распространенными теоріями по этому вопросу, и необходимо выяснить, почему мы не считаемъ возможнымъ удовлетвориться старыми воззрѣніями.

Большинство историковъ культуры склонны объяснять возникновеніе анимизма причинами не соціальнаго, а болѣе общаго психологическаго характера (ibid., стр. 91)...

Авторъ же, какъ мы уже видѣли, кладетъ въ основаніе объясненія соціальныя причины, а именно: авторитарный дуализмъ. Посмотримъ, однако, на новизну и основательность взглядовъ г. Богданова. Относительно новизны соціологическаго объясненія религіи въ противоположность обще-психологическому авторъ заблуждается. Эту точку зрѣнія можно найти у многихъ мыслителей. Вотъ, между прочимъ, что писалъ, двадцать лѣтъ тому назадъ, такъ рано умершій для науки Маркъ Гюйо въ своемъ сочиненіи о религіи:

Религіозная связь была создана человѣкомъ *ex analogia societatis humanae* (по аналогіи съ человѣческимъ обществомъ): сначала отношенія людей между

собой, то дружескія, то враждебскія, были распространены на объясненіе физическихъ фактовъ и силъ природы, затѣмъ на метафизическое объясненіе міра, его производства, его поддерживанія, его управленія; наконецъ, соціологическимъ законамъ былъ приданъ универсальный характеръ, и военное или мирное состояніе, царящее между людьми, семьями, племенами, націями было признано существующимъ также между волями, которыя человѣкъ помѣщалъ подъ оболочкою силъ природы или за предѣлами этихъ силъ. Миѳическая или мистическая соціологія, которая представляется заключающею въ себѣ тайну всѣхъ вещей,—таково, по нашему мнѣнію, основаніе всѣхъ религій. Эти послѣднія являются не только антропоморфизмомъ, тѣмъ болѣе, что животныя и фантастическія существа играли значительную роль въ религіяхъ; но онѣ представляютъ собою универсальное распространеніе, путемъ воображенія (extension universelle et imaginative), всѣхъ хорошихъ или дурныхъ отношеній, которыя могутъ существовать между волями, всѣхъ соціальныхъ отношеній войны и мира, ненависти или дружбы, подчиненія или возмущенія, покровительства и авторитета, покорности, боязни, почтенія, самоотверженія и любви: религія есть всеобщій *соціоморфизмъ*... есть *физическое, метафизическое и моральное объясненіе* всѣхъ вещей по аналогіи съ человѣческимъ обществомъ, подъ формой воображенія и символа. Оно есть, въ двухъ словахъ, *всеобщее соціологическое объясненіе въ миѳической формѣ* (курсивъ самого автора).

Надѣюсь, читатель согласится, что здѣсь соціологическая точка зрѣнія выражена ярче, рельефнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ гораздо шире, чѣмъ у г. Богданова. Задолго до „историческаго монизма“ соціальное объясненіе религіи нашло краснорѣчивыхъ представителей. Но имъ, конечно, и въ голову не приходило искать анимистическій дуализмъ вѣрованій въ экономическомъ дуализмѣ организатора и исполнителя. Это теоретическое основаніе настолько узко, что если серьезно прилагать гипотезу г. Богданова къ объясненію анимизма, то сейчасъ же вы наталкиваетесь на факты, не только противорѣчащіе ей, но указывающіе на ея несомнѣнный характеръ искусственности и произвольности.

Укажу на два-три соображенія, поневолѣ приходящія въ голову, когда желаешь оріентироваться въ мірѣ соціологическихъ явленій съ компасомъ экономическаго дуализма. Если бы гипотеза г. Богданова была серьезнымъ объясненіемъ фактовъ, то тогда самый простѣйшій анимизмъ, не говоря уже о болѣе сложныхъ спиритуалистическихъ религіяхъ, не могъ бы явиться въ обществѣ прежде, чѣмъ не выработаются авторитарныя формы организаціи труда и политическаго устройства, напр., по крайней мѣрѣ, „патріархально-родовая“ группа и т. д. Но это далеко не вѣрно. Еще въ 1851 г., Льюисъ Морганъ, ставшій извѣстнымъ марксистской школѣ лишь со времени книжки Энгельса о „происхожденіи семьи, собственности и государства“,—еще полвѣка тому назадъ американскій этнографъ описывалъ лично изученную имъ „Лигу Го-де-но-со-ни или Ирокезовъ“. Съ энтузіазмомъ онъ описывалъ демократическія учрежденія пяти союзныхъ племенъ, которыя обсуждали общественныя дѣла на большихъ совѣтахъ, гдѣ всѣ члены общежитія, „и даже женщины“ (even

the women) могли свободно высказывать свои мнѣнія, и рѣшеніе принималось всѣмъ племенемъ единодушно. Объ авторитарной организаціи труда, мышленія и т. п. тутъ нѣтъ и помину, и даже „патріархально-родовой“ строй еще не существовалъ, такъ какъ родословная велась по матери, и женщины играли исключительную роль при переговорахъ о бракѣ дѣтей и т. д. И что же? У этихъ столь мало авторитарныхъ племенъ, при отсутствіи авторитарнаго раздѣленія труда между организаторомъ, который приказываетъ, и исполнителемъ, который повинуется,—уже при этихъ, говорю я, демократическихъ учрежденіяхъ ирокезы успѣли не только выработать себѣ понятіе о безсмертной душѣ, но и составить себѣ представленіе о двухъ верховныхъ началахъ: Великомъ Духѣ (Га-уэнъ-иэ-йю) и Зломъ Духѣ (Га-нэ-го-атъ-гэ).

Съ другой стороны, можно и перевернуть это отношеніе и указать на тотъ фактъ, что у многихъ индо-европейскихъ племенъ, уже знавшихъ авторитарную организацію общества, анимистическія понятія, и въ частности двойственность тѣла и духа, были очень неясны, или, какъ говоритъ Фюстэль-де-Куланжъ,

прежде, чѣмъ вѣрить въ метампсихозъ, что предполагаетъ абсолютное различеніе души и тѣла, они (арійцы Востока и Запада) вѣрили въ смутное и неопредѣленное существованіе человѣческаго, невидимаго, но не нематеріальнаго существа, требовавшаго отъ смертныхъ пищи и жертвоприношеній.

У римлянъ, напр., которые рано выработали авторитарную, строго-патріархальную организацію, однако, долго еще сохранялось это неясное представленіе о нераздвоенномъ на тѣло и душу, о единомъ существѣ человѣка, который и послѣ смерти продолжалъ вести въ гробу, подъ землей, такую же, какъ и раньше, жизнь и нуждался для ея поддержанія въ матеріальной пищѣ. Недаромъ, по свидѣтельству Феста, составною частью римской могилы, этого жилища мертвеца, была *culina*, кухня, въ которой спеціально приготовлялась пища для подземнаго обитателя.

По этому поводу можно вообще сказать, уже обращаясь не къ одному г. Богданову, что историки религіи переносятъ слишкомъ рано въ человѣческую эволюцію развитіе анимистическаго дуализма и преувеличиваютъ въ религіи древность анимизма вообще. Современные изслѣдователи все болѣе и болѣе склоняются — и по праву — къ той мысли, что человѣчество въ теченіе долгаго времени обходилось безъ спиритуалистической религіи, стараясь побѣждать природу и исполнять свои желанія магіей, заклинаніями, волшебными формулами, и не только не антропоморфизируя окружающіе предметы, но и не одѣляя ихъ даже какой-нибудь волей. Лишь впослѣдствіи между человѣческими желаніями и природой врѣзался клиномъ міръ ду-

ховныхъ существъ, и изъ грубаго первобытнаго чародѣйства выросла сложная система спиритуализма. Но это, между прочимъ...

Возвращаясь же къ г. Богданову, мы можемъ поставить еще одинъ вопросъ. Анимистическій дуализмъ объясняется раздвоеніемъ производительной дѣятельности на трудъ организатора и трудъ исполнителя,—не такъ-ли? Ну, а чѣмъ объясняется вѣра не въ одну душу, а въ нѣсколько, т. е. расщепленіе человѣка не на двѣ, а на три, на четыре части и т. д.? Извѣстна знаменитая формула римлянъ, приписывающая человѣку послѣ смерти четверичное дѣленіе на тѣло, которое прикроется землей, тѣнь, которая будетъ летать возлѣ могилы, душу (manes), которая сойдетъ въ адъ, и духъ, который воспаритъ къ небесамъ. Но племя краснокожихъ дакотовъ перещеголяло и римлянъ: Тайлоръ сообщаетъ, что по мнѣнію этихъ индѣйцевъ, у каждаго человѣка цѣлыхъ четыре души, изъ которыхъ одна остается въ тѣлѣ, другая въ селеніи, третья улетаетъ въ воздухъ, четвертая въ страну духовъ. Столько же душъ полагается у китайца, какъ я читаю въ интересномъ сообщеніи Поля Сэрра, недавно отпечатанномъ въ одномъ спеціальномъ французскомъ журналѣ:

Чтить своихъ предковъ вещь далеко не легкая въ Китаѣ, такъ какъ умершій родитель обладаетъ по меньшей мѣрѣ четырьмя душами, или частицами душъ, нуждающимися въ почитаніи: одна остается у домашняго очага; другая блуждаетъ и находитъ, словно Мальчикъ-съ-Пальчикъ (Poucet), свою дорогу благодаря бумажнымъ таэлямъ, бросаемымъ по пути, гдѣ несутъ гробъ; третья остается въ костяхъ трупа, и потому сжиганіе считается въ Китаѣ святотатствомъ; наконецъ, четвертая отправляется на небо, къ Буддѣ (Paul Cerre, *La propriété foncière en Chine*; Journal de l'Agriculture, № 1905 отъ 23-го мая 1903 г., стр. 832).

Любопытно было бы знать, какъ по теоріи экономическаго дѣленія на организаторовъ и исполнителей объясняются эти тройныя и четверныя души. Не сочтутъ ли наши „ученики“ нужнымъ для истолкованія этихъ странностей замѣнить дуалистическую теорію г. Богданова указаніемъ на существованіе четырехъ великихъ общественныхъ классовъ? Мы даримъ эту идею сторонникамъ „историческаго монизма“ и ждемъ объясненій комментаторовъ, которые, вѣроятно, разъяснятъ намъ, какой душѣ соотвѣтствуетъ духовенство и какой дворянство, какой буржуазія и какой пролетаріатъ.

Продолжающіеся печататься въ „Мірѣ Божіемъ“ историческіе очерки г. Н. Рожкова даютъ меньше, чѣмъ позволяетъ думать ихъ нѣсколько претенціозное названіе „Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія“. Во введеніи авторъ, какъ уже знаетъ читатель, обѣщалъ разсматривать историческій процессъ въ зависимости отъ „основного понятія, изъ котораго объяснялись бы всѣ явленія общественной жизни“. Этимъ основнымъ

понятіемъ для г. Рожкова, оставшагося, подобно г. Богданову, вѣрнымъ марксизму, являются отношенія производства, и „соціологическая точка зрѣнія“ для нашего историка оказывается тожественной съ „экономической“.

Какъ бы ни смотрѣть, однако, на эту точку зрѣнія, отъ сторонника ея требуется, чтобы онъ дѣйствительно освѣщалъ при посредствѣ ея изучаемыя историческія явленія,—оставляя въ сторонѣ вопросъ, насколько естественно улегаются факты въ рамки теоріи. У г. Рожкова упомянутая точка зрѣнія соединена съ „Обзоромъ русской исторіи“ довольно внѣшнимъ образомъ. Онъ отъ времени до времени бросаетъ читателю какъ бы обычный припѣвъ насчетъ основной роли отношеній производства. Но въ самомъ изложеніи, которое отличается вообще довольно сухимъ и конспективнымъ характеромъ, а порою переходитъ въ сообщеніе мелкихъ фактическихъ подробностей, авторъ мало чѣмъ разнится отъ писателей, не стоящихъ на „соціологической точкѣ зрѣнія“. Именно тамъ, гдѣ ему нужно было бы рельефнѣе подчеркнуть свое міросозерцаніе, придать ему хотя бы парадоксальную новизну и свѣжесть, г. Рожковъ ограничивается тѣмъ, что излагаетъ по большей части знакомые факты, и словно забываетъ для освѣщенія ихъ зажечь свой „соціологическій“ фонарь.

Такъ, испытываешь немалое разочарованіе, когда познакомишься въ изложеніи г. Рожкова съ такою интересною по заглавію главою „Обзора“, какова глава шестая первой части, о „духовной жизни древнѣйшаго русскаго общества“. Самъ авторъ считаетъ этотъ вопросъ, вопросъ о „психологіи“ тогдашняго общества, „самымъ труднымъ, очень сложнымъ и наименѣе разработаннымъ отдѣломъ науки русской исторіи“ (іюнь, стр. 59). Казалось бы, что именно такой характеръ задачи долженъ вдохновить защитника „историческаго матеріализма“, долженъ внушить ему мысль именно въ этой мало изслѣдованной области открыть новыя перспективы на предметъ. Но г. Рожковъ довольствуется сухимъ и поверхностнымъ анализомъ нравственныхъ чувствъ тогдашняго населенія (по „Русской Правдѣ)“, древней языческой религіи, а переходя къ оцѣнкѣ „эстетической жизни“, даетъ двѣ странички насчетъ зодчества и живописи,—вотъ и все. Врядъ-ли можно удовлетвориться такой обработкой (правда, еще не совсѣмъ законченной) вопроса объ общественной психологіи, который долженъ былъ бы разбираться тѣмъ съ большей тщательностью „экономистами“, что именно на этой сравнительно высокой и, по ихъ терминологіи, „производной“ сферѣ было бы интересно прослѣдить плодотворность теоріи „историческаго матеріализма“.

Я позволю себѣ сдѣлать здѣсь замѣчаніе по поводу взглядовъ г. Рожкова на формы землевладѣнія въ древней Руси. Въ одной изъ предшествовавшихъ главъ своего обзора (глава вторая, „На-

родное хозяйство въ Кіевской Руси", въ мартовской книжкѣ „Міра Божія") авторъ касается вопроса, имѣющаго, какъ онъ совершенно вѣрно говоритъ, „первостепенный интересъ", а именно вопроса о томъ, что такое была наша древнерусская вервь. Въ противоположность писателямъ, которые видятъ въ ней „территоріальное дѣленіе, созданное княжескою властью изъ соображеній судебно-полицейскаго характера", г. Рожковъ разсматриваетъ ее какъ „кровный союзъ", заключавшій впослѣдствіи и „чужеродные элементы" и во всякомъ случаѣ имѣвшій „землевладѣльческое значеніе". Сближая ее съ нѣкоторыми аналогичными формами у славянъ, напримѣръ, сербской задругой, авторъ приходитъ къ заключенію, что въ нашей верви „земля считается общею собственностью всѣхъ членовъ" (стр. 138—139).

Этотъ выводъ г. Рожкова интересенъ въ томъ отношеніи, что до извѣстной степени рѣшаетъ вопросъ о происхожденіи нашей земельной общины, правда, уже позднѣйшаго типа. Извѣстно, что въ послѣднее время многіе наши марксисты, пылая платоническою ненавистью къ общинѣ, стали на точку зрѣнія г. Чичерина и вслѣдъ за нимъ (и отчасти Кесслеромъ) приписываютъ ей фискально-крѣпостное происхожденіе, какъ иные изслѣдователи нашей древней верви выводятъ ея возникновеніе изъ акта княжеской власти. Мы видимъ, что г. Рожковъ въ этомъ вопросѣ стоитъ за теорію естественнаго происхожденія первоначальнаго общиннаго союза; и, такимъ образомъ, взглядъ этого во всякомъ случаѣ знающаго свой предметъ изслѣдователя можетъ быть противоставленъ чисто-полемическимъ выходкамъ противъ общины нашихъ „учениковъ".

Это, однако, лишь мимоходомъ. Но намъ хотѣлось бы подкрѣпить точку зрѣнія г. Рожкова на нашу вервь нижеслѣдующимъ образомъ. Авторъ „Обзора" пользуется для защиты своихъ взглядовъ ссылкою на „Русскую Правду" и южно-славянскими аналогіями. Но не слѣдуетъ-ли принять въ разсчетъ и тексты такъ называемыхъ „Законныхъ книгъ", которыя представляютъ собою древне-русскій переводъ (вѣрнѣе сказать, приспособленіе къ русскимъ порядкамъ) византійскихъ земледѣльческихъ и пр. законовъ и относятся къ концу XII-го или началу XIII-го вѣка, т. е. какъ разъ къ эпохѣ завершенія кіевскаго періода нашей исторіи? О чемъ, какъ не объ общинномъ владѣніи и передѣлахъ, говоритъ ст. 10 „Законныхъ книгъ":

Если случится раздѣлъ земли («раздѣленіе» въ славянскомъ текстѣ и μερισμός въ греческомъ) и будетъ кто обиженъ въ своемъ жребіи и участкѣ, то вольно будетъ такому нарушить происшедшій раздѣлъ.

Или что, какъ не морское владѣніе, изображается при описаніи слѣдующаго казуса въ ст. 77:

Если кто изъ живущихъ въ селѣ усмотритъ на общей землѣ (славянское «мѣсто обчее», греческое τόπον κοινόν), мѣсто годное для мельницы, и построитъ ее, а потомъ всѣ селяне станутъ вопіять противъ хозяина за то, что онъ общей землей владѣетъ какъ своей, то да отдадутъ ему всѣ расходы по постройкѣ мельницы и да будутъ участвовать всѣ во владѣніи *).

Если принять во вниманіе, что византійскіе законы переводились у насъ для руководства слагавшейся администраціи и тогдашней культурной жизни, и что при этомъ-то былъ не простой переводъ, а приспособленіе къ русскимъ порядкамъ, то нельзя не видѣть въ „Законныхъ книгахъ" лишняго подтвержденія существованія у насъ общины, аналогичной съ той, которую знала Византія.

Воспоминанія г. А. В. Романовича-Славатинскаго, печатавшіяся съ начала этого года въ „Вѣстникѣ Европы" подъ заглавіемъ „Моя жизнь и академическая дѣятельность", закончились въ іюньской книжкѣ. И впечатлѣніе, производимое на читателя разматываніемъ этого клубка воспоминаній, остается тѣмъ же въ заключеніи, какъ и въ началѣ: Г. Романовичъ-Славатинскій ввелъ слишкомъ много мелкихъ чисто личныхъ подробностей, мало интересныхъ для посторонней публики, и, наоборотъ, чрезвычайно сильно скомкалъ общую сторону, проскользнувъ мимо вопросовъ, которые до сихъ поръ въ состояніи волновать читателя. Мнѣ кажется, это объясняется не только старческимъ характеромъ воспоминаній,—

Минувшихъ дней очарованье,
Зачѣмъ опять воскресло ты?
Кто разбудилъ воспоминанье
И замолчавшія мечты? —

но и общей точкой зрѣнія автора, общимъ его міровоззрѣніемъ, насколько его можно вывести изъ разсказа г. Романовича-Славатинскаго, даже оставляя въ сторонѣ извѣстную читающей публикѣ литературную и академическую дѣятельность кіевскаго профессора.

Эта точка зрѣнія—своеобразный русскій либерализмъ, либерализмъ консервативный, такъ мало отличающійся отъ либеральнаго консерватизма. Сложившееся изъ такой странной комбинаціи „порядка" и „свободы", какой позавидовало бы даже блаженной памяти западное доктринерство, это міросозерцаніе страдаетъ отсутствіемъ центральной общей идеи и потому замѣняетъ принципіальную оцѣнку людей и явленій мелкой критикой подробностей. Ни теплые, ни холодные люди этой середины критикуютъ консерватизмъ съ точки зрѣнія либерализма, либерализмъ съ точки

*) См. стр. 44 и 60 — 61 «Книгъ законныхъ» въ изд. проф. А. Павлова, Спб., 1885; и введеніе самого издателя, стр. 29.

зрѣнія консерватизма и въ результатѣ производятъ впечатлѣніе—выражаясь рѣзкими, но вѣрными словами публициста—„вареной души"...

Замѣтьте, мы говоримъ здѣсь о г. Романовичѣ-Славатинскомъ, не какъ о частномъ человѣкѣ—авторъ воспоминаній, какъ видно, отличается добрымъ сердцемъ и благородствомъ чувствъ,—но какъ о типѣ, о представителѣ столь распространеннаго у насъ либеро-консерватизма или консерво-либерализма. А это направленіе своею внутреннею двойственностью напоминаетъ миѳическаго гиппогрифа:

По переду онъ схожъ съ отцомъ,
Когтистымъ и крылатымъ;
По заду — это мать, съ хребтомъ
Крутымъ, съ хвостомъ косматымъ...

Не надо только забывать, что отечественному звѣрю надо въ значительной степени сбавить размѣровъ. Вотъ на хребтѣ такого-то микроскопическаго гиппогрифа г. Романовичъ-Славатинскій и совершаетъ коммемораціонныя экскурсіи въ область „Моей жизни и академической дѣятельности".

Этимъ и объясняется, почему, говоря о типахъ знакомыхъ ему въ доброе старое время малороссійскихъ крѣпостниковъ, авторъ вдругъ ни съ того ни съ сего даетъ историческую (откуда?) справку о рабовладѣльческихъ вкусахъ Пестеля, заставляя невольно читателя подозрѣвать, что это утвержденіе г. Романовичъ-Славатинскій почерпнулъ изъ архива многочисленныхъ сплетенъ, ходившихъ среди либерально-консервативныхъ гиппогрифовъ изъ „Союза благоденствія" насчетъ энергичнаго и убѣжденнаго „честолюбца-диктатора". Этимъ же настроеніемъ автора воспоминаній объясняется неожиданный его пинокъ въ Салтыкова, Некрасова и Павлова, которыхъ онъ иронически обвиняетъ въ томъ, что они обучали нѣкоего попечителя Ребиндера „либерализму", хотя самъ же замѣчаетъ, что либерализмъ Ребиндера былъ „съ казенной пломбой", въ чемъ, какъ извѣстно, инкриминируемые вдохновители виновны не были. Изъ этого же тепло-холоднаго гиппогрифства вытекаетъ отрицательный взглядъ автора на пылкую русскую молодежь, съ которой онъ встрѣтился въ 1861 г. въ Гейдельбергѣ и въ которой онъ ничего не разглядѣлъ кромѣ „крайностей" („напр., покойный Ножинъ, готовый считать самого Бакунина консерваторомъ"), „нетерпимости и этого печальнаго внѣ-историческаго направленія, которое принесло столько вреда и ей самой, и русскому обществу".

Наилучшимъ оселкомъ міровоззрѣнія автора является его отношеніе къ 70-мъ годамъ, въ которыхъ его вниманіе останавливаетъ лишь „духъ пессимизма и недовольства", а вся положительная сторона остается книгой съ семью печатями. Повидимому, трезвый взглядъ прогрессивной части интеллигенціи на

общественныя условія, взглядъ, оборвавшій крылья у радужныхъ иллюзій 60-хъ годовъ, и особенно не по душѣ г. Романовичу-Славатинскому, когда ему приходится говорить о 70-хъ. Но вся эта наиболѣе интересная въ извѣстномъ смыслѣ эпоха въ развитіи русскаго прогресса крайне скомкана въ воспоминаніяхъ „академическаго" писателя. Двѣ-три страницы — вотъ и все, что можно найти по этому поводу у автора, который останавливается съ очевиднымъ удовольствіемъ лишь на періодѣ выработки своихъ воззрѣній:

Что касается моего политическаго «credo», которое было проведено черезъ мой курсъ, то оно складывалось въ царствованіе Александра II-го, когда верховная власть творила великія дѣла для преуспѣянія Россіи, отсюда понятенъ былъ у меня восторженный піэтетъ къ той формѣ государственной власти, которая исторически у насъ сложилась. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я, тѣмъ не менѣе, считалъ земское начало присущимъ нашему историческому государственному строю (іюнь, стр. 505).

Читатель, впрочемъ, не долженъ упускать изъ виду, что г. Романовичъ-Славатинскій, въ силу самой двойственности своего міровоззрѣнія, не отказывается совершенно отъ критики оффиціальныхъ людей и учрежденій, и его воспоминанія заключаютъ въ себѣ порою не небезынтересные эпизоды и характеристики. Не говоря уже о дореформенной Россіи, онъ набрасываетъ нѣсколько сценъ и портретовъ изъ болѣе современной дѣйствительности, которые, не смотря на свой бѣглый характеръ, порою всего нѣсколько штриховъ, способны остановить на себѣ вниманіе читателя. Таково приключеніе съ авторомъ на отечественной таможнѣ, гдѣ у него арестовываютъ „словарь Рейфа и путеводитель по желѣзнымъ дорогамъ". Таковы перипетіи выхода въ свѣтъ его „Исторіи дворянства", въ которой министръ внутреннихъ дѣлъ, Тимашевъ, усмотрѣлъ „книгу вредную, оскорбительную для высшаго сословія, а между тѣмъ, разрѣшенную къ печати факультетскою цензурой", а министръ народнаго просвѣщенія, графъ Толстой, открылъ „нѣкоторыя страницы", за каковыя дѣлалъ автору, путемъ „конфиденціальной бумаги" попечителю, „строгія замѣчанія". Таково краткое изображеніе вольтъ-фаса, который продѣлалъ уже упомянутый гр. Толстой въ дѣлѣ университетскаго управленія, сначала относясь „какъ конституціонный король" къ уставу 1863 г., а затѣмъ рѣшивъ разгромить его подъ вліяніемъ забаллотировки любимаго имъ Леонтьева. Такова фигура начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, Лонгинова, къ которому г. Романовичъ-Славатинскій обратился было за разрѣшеніемъ на изданіе газеты:

Я побывалъ у него,—говоритъ авторъ воспоминаній,— но мнѣ показалось, что нашъ извѣстный библіографъ готовъ скорѣе закрыть нѣсколько старыхъ газетъ, чѣмъ разрѣшить одну новую: пріемъ его былъ болѣе, чѣмъ непривѣтливъ (іюнь, стр. 506 — 507).

В. Г. Подарскій.

Изъ Англіи.

I.

Бываютъ вопросы, которые, какъ дикіе гуси, появляются періодически. Наполнивъ воздухъ гомономъ и пронзительнымъ крикомъ, они исчезаютъ затѣмъ, какъ будто ихъ и не бывало. Къ такой категоріи относится, между прочимъ, вопросъ о національностяхъ, который много разъ считался окончательно рѣшеннымъ. Характернѣе всего слѣдующее. Прогрессъ науки и безконечныя завоеванія, сдѣланныя разумомъ въ XIX в.,—все больше и больше растягиваютъ понятіе „національность", казавшееся прежде столь простымъ и яснымъ, между тѣмъ, каждый разъ „дикіе гуси" прилетаютъ съ старымъ клекотомъ, который раздавался чуть ли еще не въ каменномъ періодѣ. Въ самомъ дѣлѣ. Теперь не подлежитъ сомнѣнію, что *національность* не есть что-нибудь кристализованное, постоянное, неизмѣнное, существовавшее отъ вѣка и нераздѣльно спаянное съ какимъ-нибудь опредѣленнымъ народомъ. Послѣднее представленіе—продуктъ старой исторіи, оперировавшей надъ небольшимъ количествомъ данныхъ, не подвергнутыхъ, кромѣ того, тщательной критикѣ. Вспомнимъ, на какомъ фундаментѣ строился старый взглядъ на національность. На единствѣ „крови", языка, вѣры, обычаевъ. Антропологія доказала, что чистыхъ племенъ не существуетъ. Во всякомъ случаѣ, обломки ихъ нужно искать гдѣ-нибудь въ глухихъ горныхъ ущельяхъ, оторванныхъ отъ всего міра. Въ первобытное населеніе Европы, отличавшееся длиннымъ черепомъ, въ незапамятныя времена клиномъ врѣзалась другая раса, отличавшаяся круглымъ черепомъ. Въ иныхъ частяхъ Европы долихоцефалы и брахицефалы входятъ въ составъ одной и той же національности. Болѣе или менѣе чистыми долихоцефалами являются такіе отличающіеся другъ отъ друга народы, какъ испанцы и лапландцы. Десятки племенъ, смѣшавшись вмѣстѣ, образовали населеніе Россіи, при чемъ на сѣверѣ и на югѣ племенная смѣсь не одинакова. На единствѣ крови не могутъ настаивать даже евреи, въ особенности же жители южной Россіи. По всей вѣроятности, многіе изъ нихъ потомки славянскихъ племенъ, обращенныхъ въ іудаизмъ въ тотъ вѣкъ, когда единственный разъ въ исторіи евреевъ ихъ охватилъ жаръ прозелитизма. Впрочемъ, по всей вѣроятности, евреи не были чистымъ племенемъ въ антропологическомъ смыслѣ даже во времена пребыванія въ Египтѣ. Наука не

признаетъ „чистой крови“ еврейскаго народа, доводъ, на который одинаково ссылаются и антисемиты, и сіонисты. Не можетъ служить основой національности и языкъ. При нормальныхъ условіяхъ, когда нѣтъ преслѣдованія, высшая культура поглощаетъ незамѣтно низшую и шлифуетъ различныя племена, живущія при общихъ условіяхъ, въ одно *соціологическое* цѣлое. Тогда племя, обладающее менѣе гибкимъ и совершеннымъ языкомъ, принимаетъ болѣе развитой языкъ сосѣдей, вноситъ въ него свою долю новыхъ словъ и формъ. Иногда два (и даже три) языка, одинаково совершенные, уживаются рядомъ, какъ, напримѣръ, въ Швейцаріи. Стремленіе болѣе сильнаго племени навязать болѣе слабому свой языкъ вызываетъ реакцію. Послѣдствіемъ ея является стремленіе возродить свой мѣстный, иногда умирающій народный языкъ. Въ подобныхъ случаяхъ, какъ и въ дѣлѣ вѣры, языкъ играетъ соціальную роль. Это обстоятельство блестяще выясняетъ П. Н. Милюковъ. „Въ національномъ самосознаніи,—говоритъ онъ,—религія является часто столь же существенной и представляется столь же коренной и исконной чертой національности, какъ и языкъ. Въ данномъ случаѣ, однако, опять голосъ самосознанія можетъ ввести изслѣдователя въ заблужденіе. Лица, жившія нѣкоторое время на Балканскомъ полуостровѣ, могутъ засвидѣтельствовать, напримѣръ, какое огромное значеніе имѣетъ религія въ христіанскихъ областяхъ, остающихся подъ турецкой властью, и какъ равнодушно относится къ той же религіи населеніе областей, только что добившихся національной независимости. Явленіе это, повторявшееся не разъ и въ прошломъ, можетъ свидѣтельствовать объ одномъ: религія въ подобныхъ случаяхъ, очевидно, цѣнилась не по внутреннему своему значенію, а какъ символъ соціальной обособленности исповѣдующаго ее населенія. Соціальная роль религіи въ этихъ случаяхъ можетъ быть огромна, и въ то же время вѣроисповѣдное ея значеніе сводится къ нулю“ *).

Еще меньше можно говорить, какъ о чемъ то фиксированномъ и вѣчномъ,—*объ обычаѣ*, какъ основѣ національности.

Итакъ, анализъ понятія „національность“ заставляетъ насъ отнести его къ категоріи явленій соціологическихъ. Національности, какъ чего-то предопредѣленнаго, существовавшаго отъ вѣка—*нѣтъ*. Между тѣмъ, такую именно національность понимаютъ налетающіе порой „дикіе гуси“ и во имя того, что не существуетъ, проповѣдуютъ самое грубое насиліе и попраніе элементарныхъ человѣческихъ правъ. „Національность“—понятіе до крайности растяжимое. Между тѣмъ, мы имѣемъ въ литературѣ безчисленныя попытки охарактеризовать свою собственную или чужія національности. Въ данномъ случаѣ насъ интересуютъ только попытки

*) Очерки по исторіи русской культуры, ч. III, вып. 1, стр. 8.

второго рода. Говоря вообще, эту литературу можно было бы раздѣлить на три группы. Во-первыхъ, характеристика чужой національности дѣлалась для того, чтобы дать уроки своему собственному народу. Въ подобныхъ случаяхъ авторъ заботится, конечно, меньше всего объ абсолютной правдѣ. Онъ рисуетъ чужую національность не таковой, какъ она есть, а въ такомъ видѣ, чтобы дидактическій урокъ былъ нагляднѣе. Для этой цѣли авторъ не затруднится надѣлить изображаемую національность добродѣтелями, которыхъ она въ сущности не имѣетъ. Пріемъ этотъ очень старый. Объ этомъ свидѣтельствуетъ описаніе германцевъ у Тацита. Такъ какъ я пишу объ Англіи, то укажу на Монтескье и энциклопедистовъ. Въ „Lettres Persanes“ Узбекъ описываетъ своему пріятелю рабское повиновеніе европейскихъ народовъ и, какъ антитезу, изображаетъ свободу англичанъ. „Не всѣ европейскіе народы одинаково подчиняются своимъ властелинамъ,—пишетъ Узбекъ.—Нетерпѣливый духъ англичанъ дѣлаетъ невозможнымъ для короля проявить вполнѣ свой авторитетъ. Меньше всего они считаютъ добродѣтелями смиреніе и подчиненіе. По этому поводу они говорятъ необыкновенныя вещи. Такъ, напримѣръ, по словамъ англичанъ, есть только одно чувство, которое можетъ привязать—благодарность. Супругъ, жена, отецъ, сынъ привязаны другъ къ другу только любовью или благодарностью за оказанное вниманіе. Этотъ же мотивъ,—утверждаютъ англичане,—является первой причиной возникновенія всѣхъ государствъ и обществъ. Но если государь, вмѣсто того, чтобы сдѣлать своихъ подданныхъ счастливыми и свободными, угнетаетъ ихъ и преслѣдуетъ,—основа повиновенія исчезаетъ. Ничто больше не привязываетъ гражданъ къ ихъ властелину *). Въ „L'Esprit des Lois“ Монтескье, анализируя англійскую конституцію, находитъ, что англичане „самый свободный народъ, который когда-либо существовалъ на землѣ; ихъ правительственная система должна служить образцомъ для народовъ, желающихъ быть свободными“ **).

Великій авторъ „Духа законовъ“ былъ слишкомъ тонкій наблюдатель и слишкомъ хорошо зналъ Англію, чтобы не замѣтить отчаянной борьбы между умирающимъ феодализмомъ и нарождающимися (какъ политическая сила) средними классами, которая происходила въ царствованіе Генриха II. Монтескье отправился въ Англію въ 1729 г. Въ 1726 г. появилось геніальное произведеніе, извѣстное каждому грамотному человѣку, въ которомъ нарисована картина, не имѣющая ничего общаго съ тою, которую даетъ Монтескье. Я говорю, конечно, о картинѣ англійскаго государственнаго строя, набросанной огненной кистью

*) Oeuvres complètes de Montesquieu, v. IV, p. 502—503. (изданіе 1827 г.).

**) Ib., v. I, p. 323.

Свифта. Припомните портреты первыхъ министровъ, судей, припомните академію „для раскрыванія заговоровъ“. Все это, конечно, преувеличенія; но не слишкомъ большія (Читатели должны вспомнить такую извѣстную книжку, какъ „Четыре Георга“, Теккерея.) Монтескье былъ геніальный писатель; о тонкой наблюдательности его свидѣтельствуютъ хоть тѣ же „Персидскія Письма“. Неужели онъ не замѣтилъ ничего того, что бичевалъ Свифтъ? Конечно, этого нельзя сказать. Все дѣло объясняется тѣмъ, что Монтескье было рѣшительно все равно, что изображаетъ собою Англія: ему нужно было писать *для Франціи.* Нужно было коснуться *французскихъ* явленій. И, вотъ, для этого рисовалась особая Англія, въ дѣйствительности не существовавшая. Этотъ пріемъ практиковался часто. У Гольбаха, напримѣръ, въ „Соціальной Системѣ“ есть цѣлый рядъ ссылокъ на наблюденія фантастическихъ путешественниковъ надъ фантастическими странами. Лично Монтескье отлично зналъ и Свифта, и дѣйствительную Англію. Въ пятомъ томѣ полнаго собранія сочиненій Монтескье, напримѣръ, помѣщенъ дневникъ, который авторъ велъ въ Англіи. Этотъ дневникъ не предназначался для печати и увидалъ свѣтъ много лѣтъ послѣ смерти великаго писателя. Картина Англіи тутъ дается совсѣмъ иная, чѣмъ въ „Духѣ законовъ“ *).

То же самое можно сказать о великомъ современникѣ Монтескье, который тоже долго жилъ въ Англіи. Въ „Lettres sur les Anglais“ Вольтеръ пишетъ: „Англія страна сектъ. Multae sunt mansiones in domo patris mei. Англичанинъ, какъ свободный человѣкъ, предпочитаетъ идти на небо той дорогой, которую самъ считаетъ наиболѣе удобной для себя“. **) Въ извѣстномъ разсказѣ „Histoire de Jenni“ широко толерантный англичанинъ Френдъ выводится, какъ противоположность ограниченному и фанатичному саламанкскому баккалавру дону Инихо и Медрозо и Комодіосъ и Папаламіендо. Вольтеръ, конечно, зналъ, что въ это самое время происходила охота на католическихъ священниковъ въ Ирландіи; что тамъ правительство выдавало денежную награду предателямъ, которые укажутъ на контрабандныхъ священниковъ, не внесенныхъ въ реестръ. Въ своей частной перепискѣ Вольтеръ, какъ Монтескье въ дневникѣ, говоритъ нѣчто другое объ Англіи ***),

---

*) «Il me semble qu'il se fait bien des actions extraordinaires en Angleterre; mais elles se font toutes pour avoir de l'argent. Il n'y en a pas seulement d'honneur et de vertu ici» (Oeuvres de Montesquieu», v. V, p. 288). Монтескье встрѣчался съ Джономъ Ло и въ своихъ замѣткахъ онъ объясняетъ, почему колоссальное мошенничество могло случиться. Монтескье, при этомъ, не сильно расходится съ Свифтомъ.

**) «Oeuvres complètes de Voltaire», компактное изданіе 1827 г., v. II, p. 232.

***) «J'aime autant les livres de la nation anglaise que j'aime peu leurs personnes. Ces gens-la n'ont, pour la plupart, du mérite que pour eux-mêmes»

Энциклопедисты, преслѣдуя опредѣленныя цѣли, дали своеобразное представленіе объ англійской конституціи XVIII в., которое заставляетъ иногда изумляться англійскихъ изслѣдователей. Пріемъ, который можно формулировать пословицей: „кошку бьютъ, невѣсткѣ намеки даютъ“—въ концѣ концовъ, единственный, когда „невѣстку“ тронуть нельзя. Такъ поступали много разъ долго послѣ того, какъ и кости энциклопедистовъ истлѣли. Итакъ, мы видимъ первый типъ попытокъ дать характеристику цѣлой національности.

II.

Второй типъ характеристики чужихъ національностей навѣянъ дикой злобой и ненавистничествомъ. Онъ представляетъ логическое послѣдствіе того взгляда на свою національность, подъ вліяніемъ котораго сложились вопли: „Россія для русскихъ“! „Румынія для румыновъ“! и т. д. При чемъ въ виду имѣется не соціологическое и опредѣленное понятіе, а расовое, т. е. нѣчто призрачное. Результатомъ узко-національнаго взгляда является ненависть ко всѣмъ „не своимъ“. Подобную литературу, навѣянную злобой и непониманіемъ, можно найти всюду, какъ въ высококультурныхъ, такъ и въ мало-культурныхъ странахъ. Всюду она носитъ яркія родовыя черты. Но есть всетаки и громадная разница между эффектами, производимыми „дикой“ литературой въ высоко-культурныхъ и мало-культурныхъ странахъ. Въ первыхъ вліяніе этой литературы нейтрализуется широкой гласностью и дѣйствительнымъ равенствамъ всѣхъ гражданъ предъ закономъ. Во вторыхъ странахъ проповѣдники ненависти очень часто берутся, какъ „настоящіе“ патріоты, подъ особое покровительство, въ ущербъ ихъ оппонентамъ, находящимся въ опалѣ. Въ глазахъ мало-культурныхъ людей это обстоятельство придаетъ взглядамъ проповѣдниковъ ненависти особый вѣсъ и нарочитое значеніе. Я уклонился бы далеко въ сторону и совершенно вышелъ бы изъ предѣловъ „письма изъ Англіи“, если бы сталъ развивать эту мысль... Во Франціи результатомъ „первобытнаго“ взгляда на національность явилась цѣлая дикая литература ненависти. Объектомъ ея являются теперь не столько нѣмцы, какъ англичане. Тяжелое и болѣзненное впечатлѣніе производятъ эти произведенія! *) Я ограничусь для иллюстраціи только однимъ примѣромъ,— книгой Луи Мартэна „L'Anglais est-il un juif“. „Англичане, евреи,

---

(Письмо къ маркизѣ Дюдефанъ въ 1760 г. «Oeuvres de Voltaire», компактное изд., v. III, p. 1397).

*) Таковы: «Notes sur Londres» и «Passé le Détroit» Брада, затѣмъ, «La Pudique Albion», «Les Nuits de Londres», «Les va-nu-pieds de Londres», Гектора Франса и др. Многія изъ этихъ книгъ, конечно, результатъ грубой спекуляціи; но, несомнѣнно, имѣются и исключенія.

гугеноты и франкмасоны подвигаются впередъ гигантскими шагами,—говоритъ авторъ въ предисловіи,—когда имъ позволяютъ или когда они дѣйствуютъ въ благопріятной средѣ, которую могутъ обольстить или развратить. Такая среда—подобна бульону, въ которомъ культивируютъ бациллъ. Но за то они отступаютъ такими же быстрыми шагами назадъ, когда имъ прямо глядятъ въ лицо... Эти духи тьмы страшатся свѣта и отступаютъ предъ нимъ, какъ на сценѣ Мефистофель при видѣ креста". Авторъ дѣлаетъ открытіе, что англичане, шотландцы и ирландцы, въ сущности, евреи. „Лордъ Абердинъ, канадскій губернаторъ, несомнѣнно еврей. Это можно видѣть по его смуглому лицу, по вьющимся волосамъ и по жидкой мускулатурѣ. Это—тотъ же типъ *youpins*, что можно видѣть у насъ на бульварахъ. Типъ этотъ очень распространенъ въ Шотландіи... Лэди Абердинъ тоже, судя по лицу, несомнѣнно еврейскаго происхожденія; въ особенности, характерна ея спина... Звучныя имена этихъ лицъ не должны обманывать никого. „Youpins" умѣютъ маскироваться. Кошутъ, напр., былъ еврей,—фантазируетъ дальше Мартэнъ.—Его настоящее имя—Левинъ Когутъ; изъ него онъ сдѣлалъ Луи Кошутъ. Съ 1830 г. онъ началъ свою революціонную работу по сигналу *Alliance Israelite*, который попытался въ то время зажечь факелъ революціи всюду въ Европѣ. Въ Англіи для этого *Alliance Israélite* выбралъ Дизраэли, во Франціи—Кремье, въ Италіи—Мащини, который тоже былъ еврей, въ Венгріи—Кошута, въ Германіи—Маркса. Всѣ дѣятели революціи—семитическаго происхожденія. Робеспьеръ—эльзаскій еврей, его настоящее имя—Рюбэнъ (Ruben). Онъ основалъ *Alliance Israélite.* Дантонъ польскій еврей, звали его Даніэль. Маратъ—тоже еврей. Его настоящее имя Мозесонъ. Основатели англійской народности, саксонцы, несомнѣнно евреи. Это видно даже по названію: saxons=Isaac's sons, т. е. дѣти Исаака" *).

Можно было бы допустить, что эти „историческія" открытія—результатъ научной дѣятельности душевно-больного, но нѣтъ. Мартэнъ—авторъ нѣсколькихъ книгъ, которыя всѣ находятъ издателей, читателей и даже переводчиковъ. Авторъ сдѣлалъ такъ много открытій, что не удивительно, что онъ открылъ также способъ, какъ покончить совсѣмъ съ англичанами. „Нужно, чтобы континентальные народы прочно утвердились бы въ Англіи и вытѣснили оттуда мало - по - малу англичанъ. Такъ поступили когда-то англичане въ Акадіи (Канадѣ) съ французами, которые не имѣли для защиты ничего, кромѣ плуговъ. Нужно, чтобы континентальные народы, поселившись въ Англіи, не вступали въ бракъ съ туземными женщинами. Смѣшанная раса имѣла бы всѣ недостатки англичанъ, какъ это мы видимъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ такомъ случаѣ, завоеватели имѣли бы впослѣдствіи много хлопотъ.

---

*) Louis Martin p. p. 135—138.

Континентальные народы, захвативъ Англію и утвердившись здѣсь, вытѣснятъ мало-по-малу англичанъ въ Австралію. Сюда нужно будетъ выслать еще всѣхъ евреевъ. Здѣсь они вмѣстѣ могутъ настроить себѣ столько храмовъ Соломона, сколько имъ угодно. Завоеватели, съ своей стороны, будутъ держать на этомъ континентѣ каторжниковъ сильные гарнизоны, избѣгая смѣшанныхъ браковъ. Эти гарнизоны мало-по-малу будутъ подвигаться впередъ, отодвигая при этомъ все дальше и дальше англичанъ. И если ихъ, въ концѣ-концовъ, утопятъ въ морѣ,—плакать никто не будетъ“ *).

Послѣ чтенія книги подобнаго рода у Искандера вырвался вопль („Alpendrucken“): „Меня на дняхъ душилъ домовой, не во снѣ, а на яву, не въ постели, а въ книгѣ. И когда я вырвался изъ нея на свѣтъ, я чуть не вскрикнулъ: „Да здравствуетъ разумъ“! нашъ простой, земной разумъ!.. Дальше идти нельзя! Дальше каталептическое состояніе, опьянѣніе Пиѳіи, шамана, дурь вертящагося дервиша“! Въ культурныхъ странахъ дальше идти, дѣйствительно, некуда. Но, увы! въ странахъ съ невысокой культурой возможно идти и дальше: возможна попытка перейти отъ словъ къ дѣйствію. Во Франціи репутація такихъ авторовъ, какъ Мартэнъ, и такихъ книгъ, какъ „Plus d'Angleterre“, совершенно опредѣленная. Его не берутъ подъ спеціальное покровительство... Конечно, Луи Мартэнъ не помышляетъ о монополіи, т. е., чтобы ему только одному дозволили говорить, а Иву Гюйо, напр., приказали бы молчать... Я не говорю, что такія книги, какъ произведенія Мартэна, не могутъ причинять вредъ; но при широкой свободѣ печати, какъ во Франціи, этотъ вредъ нейтрализованъ.

Перехожу теперь къ третьей группѣ попытокъ дать характеристику цѣлой націи. Эти попытки дѣлаются наблюдателями, желающими *только* изучить объектъ ихъ изслѣдованія. Они не желаютъ ни „громить“, ни описывать, поученія ради, не существующее. Изслѣдователи этого рода поступаютъ,—„какъ естествоиспытатели“. Въ толпѣ они „замѣчаютъ всякую фигуру и запоминаютъ каждое выразительное лицо. Затѣмъ слѣдятъ за всѣми оттѣнками замѣченнаго характера и подмѣчаютъ всѣ разновидности его. Мало-по малу наблюдатель подмѣчаетъ во многихъ индивидуумахъ характерныя черты, сравниваетъ ихъ, провѣряетъ и группируетъ. Точно такимъ образомъ инстинктивно поступаютъ художники и романисты, когда при помощи нѣсколькихъ типовъ пытаются возсоздать предъ нами свое время и среду, въ которой жили. Такимъ же образомъ сознательно поступаютъ ботаники и зоологи, когда выбираютъ нѣсколько растеній или особей животныхъ и демонстрируютъ ими цѣлый классъ“ **). Естественно-историческій методъ, конечно, очень хорошъ; но такъ какъ прихо-

---

*) *Louis Martin*, p. 388.

**) *H. Taine*, «Notes sur l'Angleterre», p. 51 (изданіе 1899 г.).

дится описывать цѣлую національность, т. е. понятіе крайне растяжимое, то онъ допускаетъ много условностей. Цитируемый авторъ, напр., желаетъ дать объясненіе характера наблюдаемаго имъ народа. Какъ поклонникъ естественно-историческаго метода, Тэнъ прежде всего старается охарактеризовать среду. „Густой, желтоватый туманъ наполняетъ воздухъ и ползетъ по землѣ. Въ тридцати шагахъ домъ или пароходъ кажутся неопредѣленнымъ пятномъ. Побродивъ часъ въ этомъ туманѣ, человѣкъ начинаетъ чувствовать сплинъ и помышляетъ о самоубійствѣ... Громадная ширь, простирающаяся на югѣ между землею и небомъ,—здѣсь отсутствуетъ. Воздуха нѣтъ; ничего, кромѣ волнующагося тумана. Въ этой мглѣ предметы кажутся призраками безъ опредѣленныхъ очертаній. Все напоминаетъ рисунокъ углемъ, по которому кто-то махнулъ рукавомъ... Подъ вліяніемъ такой среды создается особая жизнь. Идеалъ ея мѣняется сообразно съ климатомъ. Душа человѣка замыкается; она пытается создать внутри особый міръ. При такомъ климатѣ нужно имѣть хорошо обставленный комфортабельный *home*, клубъ, ассоціаціи, много дѣлъ; необходимо также, чтобы умъ былъ занятъ вопросами религіознаго и нравственнаго порядка. Въ особенности нужно огородиться отъ враждебной и печальной природы. Нужно заполнить чѣмъ-нибудь ту громадную пустоту, въ которой живутъ меланхолія и тоска. При такой обстановкѣ требуется, чтобы человѣкъ усиленно работалъ всю недѣлю“ *). Картина набросана сильной рукой; но объясненіе требуетъ много условностей, напр., должно допустить, что „среда“ одинакова круговой годъ. Я припоминаю впечатлительнаго нервнаго земляка, которому показывалъ Лондонъ. Землякъ пріѣхалъ лѣтомъ, на три дня. Выдались погожіе дни. Чистое, хотя и блѣдное небо, яркая земель, масса цвѣтовъ въ паркахъ, праздничныя лица гуляющихъ (дѣло было въ Bank-holiday),—все это произвело сильное впечатлѣніе на пріѣзжаго. „И какой только вздоръ не пишутъ про климатъ Англіи“! — восклицалъ онъ. Какъ всѣхъ русскихъ, моего земляка тянуло непремѣнно въ Уайтчепель. Я его повезъ туда. Въ погожій день улицы этого квартала казались почти нарядными. „Боже мой!—какую нелѣпость только не говорятъ!“—не переставалъ повторять землякъ. Онъ уѣхалъ очарованный Лондономъ, улицами его, воздухомъ, населеніемъ, прессой, которую, я думаю, онъ цѣнилъ по величинѣ, такъ какъ англійскаго языка не зналъ. Въ концѣ марта этого года мнѣ пришлось показывать Лондонъ другимъ землякамъ, тоже очень нервнымъ и впечатлительнымъ, тоже не знавшимъ языка и тоже заглянувшимъ въ Англію на нѣсколько дней. Гнилая лондонская зима сдавалась туго. Весь день моросилъ мелкій дождикъ, хотя туманы уже прошли. Подъ дождемъ черные дома и голыя деревья,

*) Notes sur l'Angleterre., p. p. 11—12.

имѣли непривлекательный видъ.—Какъ вы живете здѣсь!—восклицала одна изъ туристокъ.—Какъ *они* (т. е. англичане) еще не повѣсились въ такомъ климатѣ!—И такъ какъ „они“ вѣшаться не собирались, то земляки преисполнились безконечной ненависти къ англичанамъ. Туристовъ выводили изъ себя лица прохожихъ, ихъ платье, манера держать зонтики. Земляки, конечно, попросили повести ихъ въ Уайтчепель; но въ дождь мрачные дома поразили своимъ печальнымъ видомъ даже меня, видѣвшаго все это много разъ. Туристы бѣжали изъ Лондона раньше срока, который себѣ назначили. Они уѣхали, проклиная, въ буквальномъ смыслѣ, рѣшительно все. Интересно будетъ, если лѣтній посѣтитель Лондона встрѣтится съ туристами, побывавшими здѣсь зимою. Какой обмѣнъ впечатлѣній у нихъ будетъ! Все это разсказано для того, чтобы читатель видѣлъ, что одну и ту же „среду“ можно наблюдать съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Книга Тэна появилась много лѣтъ тому назадъ; но она до сихъ поръ остается одною изъ лучшихъ попытокъ подобнаго рода. Французы — остроумные и тонкіе наблюдатели, поэтому въ ихъ литературѣ нужно искать лучшія характеристики Англіи *). Къ числу послѣднихъ относится книга *Эмиля Бутми*. „Essai d'une Psychologie politique du Peuple anglais“, вышедшая въ 1901 г. Какъ и Тэнъ, Бутми слѣдуетъ извѣстному методу. Вотъ почему книга его является серьезной попыткой стройного изслѣдованія, а не сборникомъ отдѣльныхъ наблюденій, не связанныхъ логически. Любопытны выводы, къ которымъ приходитъ Бутми. По его заключенію, Англія начала XX вѣка рѣзко отличается отъ того, чѣмъ она была сто лѣтъ тому назадъ. За вѣкъ матеріальный прогрессъ былъ колоссальный: „Англія все больше и больше превращается въ одинъ колоссальный городъ, по типу Лондона, напримѣръ. Ньюкастель и Манчестръ являются, какъ будто бы, предмѣстьями столицы. Для того, чтобы переговорить между собою и условиться, дѣловые люди, изъ которыхъ одинъ живетъ въ Лондонѣ, а другой въ Манчестрѣ, теперь должны затратить

*) Изъ, сравнительно, старыхъ книгъ назову: «Lettres sur l'Angleterre», Луи Блана. По-русски, и не совсѣмъ удачно, переведены I и II томъ; за тѣмъ «La vie publique en Angleterre», Филиппа Дориля; «L'Angleterre et la vie Anglais», А. Эскироса, извѣстнаго у насъ своею другою книгою: «Эмиль XIX вѣка». Въ послѣднее время вышла хорошая книга «Les professions et la société en Angleterre», Макса Леклерка, другой трудъ котораго «L'éducation des classes moyennes et dirigeantes en Angleterre» имѣется и въ русскомъ переводѣ. О книгѣ Boutmy—я упоминаю въ текстѣ. Безусловно можно рекомендовать переводчикамъ превосходные «Англійскіе очерки» шведскаго писателя Стефенса, извѣстные мнѣ въ нѣмецкомъ изданіи Очень солиднымъ и добросовѣстнымъ трудомъ, который, къ сожалѣнію, вѣроятно, не скоро еще дождется перевода на русскій языкъ, является книга Оливейра Мартинса, вышедшая въ 1893 г., и «A Inglaterra de Hoje», «Современная Англія». Это— картина, набросанная сильной и вѣрной рукой.

меньше времени, чѣмъ требовалось сто лѣтъ тому назадъ между людьми, жившими въ противоположныхъ концахъ столицы. Въ особенности сильно замѣтна теперь разница въ людяхъ, сравнительно съ тѣмъ, что было сто лѣтъ тому назадъ. Подъ вліяніемъ прессы образовался и фиксировался одинъ общій типъ. Къ этому общему образцу все болѣе и болѣе приближаются отдѣльные индивидуумы. И возникновеніе этого общаго для пространства въ 150,000 кв. километровъ городского типа — одно изъ самыхъ поразительныхъ явленій XIX вѣка. Основы англійскаго общество такъ же сильно измѣнились, какъ и внѣшнія условія, при которыхъ оно живетъ. Какъ велика въ этомъ отношеніи разница за сто лѣтъ! Въ началѣ XIX вѣка мы видѣли аристократію. Въ XX-ый вѣкъ вступаетъ демократія. Въ 1880 г. мировой судья, justice of the peace — былъ еще всесиленъ въ деревнѣ и контролировалъ всю жизнь ея. Въ 1900 г. мировой судья не имѣетъ уже въ деревнѣ никакой власти. Въ приходахъ (parishes) и въ „округахъ“ (districht) всюду его замѣнили выборные комитеты (boards). Въ 1800 г. участвовать въ выборахъ, вслѣдствіе распредѣленія выборныхъ округовъ, могли только очень немногіе. Въ 1900 г. въ выборахъ принимало участіе почти все взрослое мужское населеніе, за немногими исключеніями. Статуты 1800 г. не заключали почти ни одного закона для работниковъ. Они, во многихъ отношеніяхъ, являлись подчиненными среднихъ классовъ. Въ 1900 г. законъ признаетъ работниковъ во всѣхъ отношеніяхъ равными остальному населенію. Государство признало за работниками право участвовать въ выборахъ, вступая между собою въ организаціи и союзы, и т. д. Власть, ускользнувшая изъ рукъ алигархіи, на время очутилась въ распоряженіи среднихъ классовъ. Въ недалекомъ будущемъ контролировать всецѣло ее будетъ лишь та партія, за которой абсолютное большинство избирателей въ странѣ... Гладстонъ глубоко ошибался, когда онъ призвалъ въ 1867 и въ 1884 г. работниковъ къ участью въ выборахъ,— думая, что вноситъ только реформу. Въ дѣйствительности, то была не политическая реформа, а соціальная революція“ *). Не смотря на высказанное положеніе, что пресса формируетъ по одному образцу все городское населеніе, — Бутми приходитъ къ заключенію, что коллективный характеръ англійской націи долго еще будетъ носить рѣзкія отличительныя черты. „Англійскій народъ остался и долго останется еще крайне индивидуалистическимъ, очень мало способнымъ на симпатію къ другимъ, малинтересующимся чужими дѣлами, очень гордымъ и пренебрежительнымъ къ другимъ народностямъ. Онъ не склоненъ смѣшиваться съ другими расами и не способенъ понять солидарность всего культурнаго міра. Англичане склонны раздѣлять соціаль-

*) Emile Boutmy, p. p. 447—454.

ные вопросы, даже расчленять каждый изъ нихъ на составныя части; имъ чуждо стремленіе обнять всѣ эти вопросы общимъ синтезомъ. Логикой они пользуются скорѣе для того, чтобы выискивать оправданіе послѣ свершившагося факта, чѣмъ для того, чтобы при помощи ея открывать новые горизонты. Они охотнѣе пойдутъ по пути реформы за блестящимъ государственнымъ дѣятелемъ, чѣмъ станутъ руководится извѣстными принципами. Индивидуальность долго еще будетъ играть видную роль въ исторіи Англіи" *).

Къ категоріи наблюдателей только что указаннаго порядка относится также скончавшійся надняхъ остроумный и поверхностный Максъ О'Релль, о которомъ мнѣ пришлось уже сказать нѣсколько бѣглыхъ словъ въ другомъ мѣстѣ **).

III.

Лѣтъ пять тому назадъ мнѣ привелось быть на одной лекціи. Читали слушателямъ „Рабочаго Университета", что на Ормондстритѣ, о Раблэ. По англійскому обычаю, лектора представилъ публикѣ предсѣдатель. Я вошелъ, когда говорилъ онъ, а публика, состоящая изъ молодыхъ работниковъ и клэрковъ, хохотала и апплодировала.

— Джентльмэны!—говорилъ предсѣдатель, съ сильнымъ французскимъ акцентомъ, храбро беря приступомъ всѣ неправильные глаголы, — вы услышите, между прочимъ, про лекцію мэтра Жонатуса де Брагмардо и про приключенія Гарантюа въ различныхъ странахъ. Я позволю себѣ немного распространиться о нихъ, потому что у меня самого есть маленькій опытъ, и я знаю поэтому, что значитъ выступать предъ публикой, въ особенности предъ нетерпѣливой. Я прочиталъ двѣ тысячи лекцій въ залахъ всякаго рода, начиная отъ театровъ и кончая домами умалишенныхъ. Мэтръ де Брагмардо имѣлъ большія непріятности; выпадали они и на мою долю. Въ Шотландіи, напр., лакей-патріотъ отказался служить мнѣ за обѣдомъ. „Уважающій себя шотландецъ,— сказалъ онъ съ негодованіемъ хозяину, — не можетъ поступить иначе: этотъ джентельмэнъ, которому я не подалъ обѣда, увѣрялъ людей въ своей книгѣ, что мы, шотландцы, придумали „килтъ" (юпку, составляющую часть національнаго костюма), потому что наши толстыя ноги не влѣзаютъ ни въ какія панталоны". Какъ видите, тутъ тоже идетъ рѣчь о „une bonne paire de chausses", о доброй парѣ штановъ, за которые распинается мэтръ де Брагмардо.

*) Boutmy, p. 455.
**) См. «Русскія Вѣдомости», 137.

Въ залѣ раздался хохотъ. А предсѣдатель продолжалъ сыпать анекдотами, повидимому, забывъ совершенно про лектора. Круглое, подвижное, добродушное лицо его, съ крутымъ тонкимъ носомъ и смачными, толстыми губами (при взглядѣ на эти пухлыя губы приходила на мысль аттестація, выданная отцу Гаргантюа—добродушному Грангурье: „un bon raillard..., aimant à boire net et mangeoit volontiers") было мнѣ совершенно незнакомо. Онъ говорилъ, то поглаживая себя рукой по кругленькому животику, то ковыряя въ воздухѣ культяпкой другой, искалѣченной руки.

— Кто это?—спросилъ я сосѣда.

— Максъ О'Релль,—шепнулъ онъ.

Это, дѣйствительно, былъ остроумный, блестящій и поверхностный авторъ книгъ „Les chers voisins", „John Bull et son île", „Les Filles de John Bull", переведенныхъ почти на всѣ языки и вызвавшихъ при своемъ появленіи цѣлый циклонъ негодованія въ Англіи. У него было и другое имя. Когда онъ былъ еще не журналистомъ, а молодымъ артиллерійскимъ офицеромъ, его звали Полемъ Блюэ. Максъ О'Релль—литературный псевдонимъ, взятый въ первый разъ, если не ошибаюсь, въ 1883 г. Тогда Поль Блюэ попыталъ уже не одну профессію. Онъ былъ офицеромъ, участвовалъ въ великой войнѣ, попался, тяжело раненый, въ плѣнъ при Седанѣ (тамъ онъ потерялъ руку) и нѣсколько мѣсяцевъ пробылъ въ Пруссіи. Затѣмъ въ 1872 г. ему предложили на выборъ: или быть полковникомъ въ арміи египетскаго хедива, или поѣхать корреспондентомъ отъ французской газеты въ Лондонъ. Блюэ выбралъ второе. Газетная работа была ему не по нраву,—точнѣе, онъ пришелся ей не ко двору. Редакторъ требовалъ „политики", но послѣдняя совершенно не интересовала корреспондента. И Поль Блюэ оставилъ тернистый путь газетнаго корреспондента и сталъ преподавателемъ французскаго языка въ извѣстной лондонской школѣ св. Павла. Учителемъ онъ пробылъ около двѣнадцати лѣтъ, накопляя въ это время матеріалы для будущихъ работъ. И вотъ, въ 1883 г. появилась первая книга, подписанная псевдонимомъ, извѣстнымъ теперь всюду (Максъ О'Релль пять разъ читалъ лекціи въ Америкѣ и дважды съ импрессаріо объѣхалъ весь міръ, лектируя въ Канадѣ, Соединенныхъ Штатахъ, въ Индіи, Капской колоніи, Австраліи и Новой Зеландіи). То былъ „John Bull et son île". Книга имѣла поразительный успѣхъ. Въ нѣсколько недѣль авторъ сталъ знаменитостью и богатымъ человѣкомъ. Ниже я коснусь непонятнаго взрыва негодованія, вызваннаго въ Англіи появленіемъ книги Блюэ. „Джонъ Буль и его островъ" не имѣетъ ничего общаго съ тѣми дикими и глупыми англофобскими произведеніями, образчикомъ которыхъ является упомянутая уже книга Мартэна. „John Bull et son île" написанъ авторомъ поверхностнымъ и гоняю-

щимся за краснымъ словомъ, но относящимся къ уваженіемъ къ англо-саксскому народу. Этимъ чувствомъ обязательно преисполняются всѣ добросовѣстные изслѣдователи. Книгу Макса О'Релля обличали въ газетахъ, журналахъ и... съ церковной каѳедры. На нее писали ругательную критику. Другіе отвѣчали еще болѣе оригинальнымъ путемъ: они принимались ругать французовъ, ихъ нравы, ихъ женщинъ. До сихъ поръ „John Bull et son île" считается почти неприличной книгой въ Англіи. Если не ошибаюсь, не смотря на безчисленныя критическія статьи, до сихъ поръ нѣтъ ни одного полнаго перевода ея на англійскій языкъ. За первой книгой черезъ годъ послѣдовала другая—„Les chers voisins". Въ ней Максъ О'Релль пытается набросать характеристику двухъ передовыхъ народовъ, раздѣленныхъ проливомъ. Какъ настоящій французъ, Максъ О'Релль посвятилъ цѣлую книгу англійскимъ дѣвицамъ („Les filles de John Bull)". Въ послѣднихъ произведеніяхъ авторъ повторяется. Онъ наскоро пишетъ книги о странахъ, которыя видѣлъ съ „птичьяго дуазо", выражаясь словами фельдшера Кузнецова у Глѣба Успенскаго. Такъ, послѣ кратковременнаго пребыванія въ Америкѣ онъ написалъ книгу: „Джонатанъ и его континентъ". Результатомъ наскока на колоніи явилась наскоро слѣпленная книга „Торговый домъ Джонъ Булль и К°". Всѣ эти произведенія быстро расхватывались, хотя, несомнѣнно, разочаровывали читателей. Съ теченіемъ времени англійская публика не только примирилась съ остроумнымъ авторомъ, но даже сильно полюбила его. Познакомимся теперь съ наблюденіями Макса О'Релля.

Авторъ предполагаетъ, что знаетъ Англію и выставляетъ это на видъ Джону Буллю въ предисловіи къ своей первой книгѣ: „Mon cher Jhon Bull! Ты часто упрекалъ иностранцевъ, а французовъ въ особенности, въ томъ, что они пишутъ про тебя книги, не зная тебя. Ты часто жаловался на это и совершенно правъ. Поживъ мѣсяцъ въ Англіи, люди возвращаются домой и пишутъ про нее книгу". Поль Блюэ,—по его словамъ,—имѣетъ право говорить объ Англіи. Это право пріобрѣтено имъ „нѣсколькими случаями простудъ и насморковъ, схваченныхъ во время тумановъ и восточнаго вѣтра", да „десятью годами, въ продолженіе которыхъ авторъ, какъ добрый гражданинъ, платилъ аккуратно налогъ для бѣдныхъ, приходскія повинности, королевскій налогъ, подоходный налогъ и всѣ прочія прелести, дѣлающія родину столь милой для сердца каждаго гражданина". Авторъ, дѣйствительно, лучше знаетъ Англію, чѣмъ десятки его соотечественниковъ, наблюдавшихъ её „съ птичьяго дуазо". Максъ О'Релль—остроумный и наблюдательный авторъ; но кругъ его наблюденій не широкъ, а способность его связывать причины съ слѣдствіями крайне элементарна. Онъ похожъ на человѣка, который пришелъ въ гости. Наблюдатель подмѣтилъ, какая ме-

бель въ комнатѣ, какъ она расположена, какого цвѣта и рисунка обои. Онъ сосчиталъ, сколько людей въ комнатѣ, какъ они одѣты; удивительно подмѣтилъ ихъ интонацію, манеру держать себя, пожалуй, добродушныя черточки въ лицѣ. Наблюдатель съ увѣренностью говоритъ, что люди, къ которымъ онъ пришелъ, ничѣмъ не хуже сосѣдей, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже лучше и выше. Онъ протестуетъ противъ многихъ утвержденій, высказанныхъ другими наблюдателями, въ комнату не входившими, но заглядывавшими туда только мелькомъ, сквозь окно, съ улицы. Нашъ наблюдатель знаетъ, напр., что въ комнатѣ иногда шутятъ и смѣются, а не только поютъ въ носъ гимны. Но нашъ наблюдатель не имѣетъ никакого представленія о томъ, что дѣлается въ остальныхъ комнатахъ дома, напр., въ нижнемъ этажѣ и въ подвалѣ. Когда онъ принимается, тѣмъ не менѣе, описывать обитателей нижняго этажа, то онъ фантазируетъ едва ли меньше тѣхъ, которые заглядывали въ домъ только съ улицы, мелькомъ, черезъ щелку. Заключенія нашего наблюдателя, конечно, поверхностны. Но такъ какъ онъ можетъ сказать большой публикѣ, настроенной враждебно, что въ домѣ живутъ люди не злые, хорошіе, настойчивые, умные, у которыхъ можно поучиться кое-чему,—то книгу, которую онъ напишетъ, нужно отнести къ категоріи полезныхъ, а не вредныхъ произведеній. Каждая книга, содѣйствующая большой публикѣ узнавать въ другихъ націяхъ себя, т. е. такихъ же людей, какъ и она, — способствуетъ разсѣянію того націоналистическаго тумана, котораго въ послѣднее время, къ сожалѣнію, напущено слишкомъ много всюду. Въ этомъ туманѣ люди другой націи рисуются въ видѣ какихъ-то уродливыхъ чудовищъ, не имѣющихъ въ себѣ ничего человѣческаго. Нагляднымъ примѣромъ является упомянутая выше книга Мартэна—„L'Anglais est-il un juif?“. Мои читатели, безъ сомнѣнія, найдутъ сами еще цѣлый рядъ другихъ примѣровъ. За ними придется пойти гораздо ближе, чѣмъ во Францію.

Кругъ наблюденій Макса О'Релля, повторяю, не широкъ. Въ Англіи онъ знаетъ „только одну комнату“—средніе классы. Массы ему совершенно неизвѣстны. Максъ О'Релль не знаетъ, чѣмъ они живутъ, что ихъ волнуетъ, каковы ихъ радости и горести, хотя самъ онъ смѣло дѣлаетъ широкія обобщенія. Такова, напр., его характеристика англичанъ. „Хотите ли вы знать, что такое англичанинъ, все равно, будетъ ли то сынъ герцога и пэра, офицеръ, студентъ, гимназистъ, приказчикъ, мелочной лавочникъ, джентельмэнъ или бродяга? Я могу отвѣтить вамъ,—смѣло говоритъ Максъ О'Рэлль. Это—смѣлый, крѣпкій здоровякъ, хорошо сложенный, съ стальными мышцами; упрямый, какъ мулъ. Онъ скорѣе допуститъ сломать себѣ руку или челюсть, чѣмъ выпуститъ мячъ, который крѣпко держитъ. Чтобы загнать этотъ мячъ въ

непріятельскій городокъ, онъ рискнетъ жизнью и умретъ въ госпиталѣ отъ ранъ, безъ сомнѣнія, съ улыбкой на губахъ, узнавъ, что его сторона побѣдила. Увеличьте этого англичанина численно и вы получите вѣрное представленіе о воинственной, если не о военной силѣ Великобританіи. Англичанинъ ничего не дѣлаетъ на половину. Его любимое слово *thorough*, т. е. основательно. Чѣмъ больше англичанину приходится преодолѣвать препятствій, тѣмъ больше онъ чувствуетъ себя въ родной средѣ. Это—любопытная помѣсь льва, мула и спрута. Онъ удачливѣе Милона Кротонскаго, такъ какъ всегда во время успѣетъ вытащить кулакъ изъ расщелины дуба... „Когда я работаю,—сказалъ когда то Гладстонъ,—я дѣлаю это, что есть силы; когда я бѣгу, я стараюсь обогнать всѣхъ. Когда я прыгаю, я хочу сдѣлать это выше, чѣмъ кто-либо". Такъ поступаетъ каждый англичанинъ. Поведите англичанина, чтобы показать ему развалины какого-нибудь стараго замка. Англичанинъ не успокоится, покуда не осмотритъ всѣ закоулки. Онъ излазаетъ всюду, сотню разъ рискуя сломать себѣ шею. До тѣхъ поръ, покуда онъ не заглянетъ всюду, онъ считаетъ, что ничего не видѣлъ. А когда вы отвернетесь, онъ водрузитъ „юніонъ-джэкъ" (британскій флагъ) на вершинѣ самой высокой башни. Это—одна изъ его слабостей, которая иногда, нужно сознаться, нѣсколько стѣсняетъ васъ. Но чтобъ обезпечить за собой рынки, нужно всегда поступать такимъ образомъ" *).

Характеристика эта остроумна и, въ примѣненіи къ извѣстной части народа, вѣрна въ значительной степени. Но Максъ О'Релль стоитъ за *универсальность* своей формулы. Это, конечно, слишкомъ большое требованіе. Англійскій пролетаріатъ, ютящійся въ „великой пустынѣ каменныхъ домовъ" южнаго Лондона, и средніе классы во многихъ отношеніяхъ кажутся принадлежащими къ различнымъ племенамъ. Они отличаются другъ отъ друга физически, умственно и морально. Въ одну общую скобку нельзя заключить даже высшіе и низшіе слои среднихъ классовъ. Ограниченный, тупой клэркъ или обитатель пригородныхъ „виллъ" имѣютъ очень мало общаго съ типичнымъ представителемъ верховъ средняго класса, умнымъ, настойчивымъ, съ широкой иниціативой. Опредѣленіе Макса О'Релля, главнымъ образомъ, касается этой части средняго класса. Посмотримъ теперь, какими представляются англичане и англичанки нашему наблюдателю. Я упомянулъ выше, что его способность связывать явленія съ причинами совершенно примитивна. Вотъ маленькій образчикъ. „Французы дерутся ради славы, нѣмцы—ради источниковъ къ существованію, другія страны—чтобы отвлечь вниманіе народа отъ внутреннихъ дѣлъ. Джонъ Булль, по преимуществу, человѣкъ благоразумный, здравомысля-

*) «Les Chers Voisins», p. p. 36—38.

щій и нравственный. Онъ сражается, чтобы поддержать торговлю, порядокъ на землѣ и вообще ради человѣческаго блага. Если онъ завоевываетъ какую-нибудь страну, то для того, чтобы дать ей возможность заработать деньги и познать библію. Однимъ словомъ, чтобы обезпечить ея благосостояніе въ этомъ мірѣ и спасеніе въ будущемъ. „Отдай мнѣ твою территорію, а я тебѣ дамъ библію",—говорятъ англичане. Ex change no robbery,—по англійской поговоркѣ. (Обмѣнъ не составляетъ грабежа). Джонъ Булль до такой степени убѣжденъ въ чистотѣ своихъ намѣреній и въ святости своей миссіи, что, когда онъ воюетъ, онъ недоволенъ, когда у него убиваютъ солдатъ. Въ газетныхъ отчетахъ о сраженіяхъ реляціи составляются такъ: „Битва тамъ то... Столько то непріятелей убито... Англичанъ вырѣзано столько то". Джонъ Булль считаетъ простыми убійцами непріятелей, стрѣляющихъ въ англійскихъ солдатъ." *) Мы знаемъ, конечно, что за колоніи и за внѣшніе рынки вели и ведутъ войны не только англичане. Начиная отъ борьбы Рима съ Карѳагеномъ изъ-за Испаніи, міръ видѣлъ не одинъ десятокъ войнъ изъ-за колоній и промышленнаго господства, хотя очень часто эти войны прикрывались другими мотивами (напр., во время борьбы Сѣверныхъ Штатовъ съ испанцами). И, конечно также, не одна Англія разно смотритъ на убійство въ зависимости отъ того, сдѣлали ли это свои, или непріятельскіе солдаты. Но нашъ авторъ констатируетъ факты, которые упускаются часто философами его категоріи. „Англія, въ концѣ-концовъ, великодушна,—говоритъ онъ.—Она легко прощаетъ народамъ, которыхъ побѣдитъ. Прежде всего, она практична. Когда завоеваніе какой-нибудь страны завершено, Англія принимается устраивать ее и даетъ ей широкое самоуправленіе. Англія завязываетъ съ ней торговыя сношенія, обогощаетъ ее и дѣлаетъ все, чтобы колонія любила метрополію... Когда Англія дала своимъ колоніямъ широкое самоуправленіе, робкіе люди были увѣрены, что этимъ наносится смертельный ударъ имперіи. Послѣдующія событія доказали, напротивъ, совсѣмъ другое. Эта политика содѣйствовала только скрѣпленію союза между колоніями и метрополіей. Если бы Англія захотѣла удержать колоніи только при помощи штыковъ, имперія давнымъ давно распалась бы, какъ карточный домикъ... Для Англіи колоніи являются чѣмъ то инымъ, чѣмъ для Франціи. Послѣдняя учится въ нихъ искусству войны, тогда какъ англійскія колоніи являются филіальнымъ отдѣленіемъ торговаго дома „Джонъ Булль и К°". На нашихъ глазахъ Англія получила прекрасное доказательство, что ея колоніальная политика вѣрна. Канада и Австралія—независимыя демократическія республики. Въ тяжелый моментъ для Англіи онѣ явились къ ней на помощь по своей личной иниціа-

*) John Bull et son île. r., p. 3—4.

тивѣ. Если бы Англія относилась къ колоніямъ и завоеваннымъ культурнымъ странамъ, какъ другія государства, т. е. если бы она пыталась силой вытравить изъ нихъ все самобытное, то Канада и Австралія во время войны причинили бы метрополіи большія хлопоты. Онѣ несомнѣнно воспользовались бы первымъ осложненіемъ, чтобы отложиться. Такъ поступили колоніи Карѳагена, Рима, Испаніи. Англія имѣетъ наглядный урокъ въ исторіи отпаденія ея сѣверо-американскихъ колоній въ XVIII вѣкѣ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что, по всей вѣроятности, не столь ужъ отдаленное будущее докажетъ, что грубое насиліе по отношенію къ подчиненнымъ культурнымъ народностямъ можетъ вызвать послѣдствія, роковыя, или же гибельныя для угнетателей. „Нѣтъ ничего слабѣе грубой силы". Афоризмъ этотъ не новъ, но нисколько не теряетъ отъ этого своего глубокаго значенія.

„Джонъ Булль обладаетъ исключительнымъ талантомъ устраиваться всюду по-домашнему. Ничто его не удивляетъ, ничто не въ состояніи его остановить. Онъ—космополитъ по преимуществу и поэтому нигдѣ не теряется. Дозвольте ему взять одинъ футъ земли и онъ возьметъ четыре"... По своему обыкновенію, Максъ О'Релль иллюстрируетъ свое положеніе анекдотомъ, который дѣйствительно забавенъ. „Джонъ Булль гордъ, мужественъ, спокоенъ, настойчивъ и слыветъ великимъ знатокомъ въ дипломатіи. Гордость не дозволяетъ ему сомнѣваться въ успѣхѣ какого-нибудь предпріятія. Своимъ мужествомъ онъ обезпечиваетъ побѣду. Благодаря темпераменту, онъ хладнокровно можетъ обсудить всѣ матеріальныя выгоды побѣды. Настойчивостью онъ удерживаетъ завоеванія. Дипломатія заботится обо всемъ остальномъ". Максъ О'Релль констатируетъ извѣстный, но не перестающій удивлять жителей континента фактъ: изумительную энергію и работоспособность англичанъ, которую они сохраняютъ до глубокой старости. „Въ провинціи,—говоритъ Максъ О'Релль,—наши старики, въ большинствѣ случаевъ, разбиты ревматизмомъ, страдаютъ подагрой и половину дня проводятъ за столомъ. Послѣ обѣда они ковыляютъ на прогулку въ общественный садъ, поддерживаемые престарѣлой прислугой. Во Франціи человѣкъ совершенно дряхлѣетъ въ шестьдесятъ лѣтъ. Это результатъ легкомысленно проведенной молодости и слишкомъ сидячей жизни въ зрѣломъ возрастѣ. Если французъ доживаетъ до преклоннаго возраста, то послѣдніе его годы печальны и мучительны. Онъ тягостенъ и для себя, и для другихъ. Не такъ въ Англіи. Всѣ тамъ умираютъ послѣ свѣжей старости. Восьмидесятилѣтній старикъ и лѣтомъ, и зимой принимаетъ холодныя ванны и не садится за завтракъ раньше, чѣмъ пройдетъ три или четыре мили".

Къ этимъ словамъ Макса О'Релля можно было бы прибавить еще нѣсколько примѣровъ. Чемберлэну шестьдесятъ семь лѣтъ,

между тѣмъ и онъ, и другіе полагаютъ, что „настоящая“ политическая карьера его только что начинается. Онъ работаетъ по 10 часовъ въ день, а въ видѣ отдыха предпринимаетъ путешествіе въ Южную Африку, гдѣ подъ тропическимъ солнцемъ совершаетъ большіе переѣзды на лошадяхъ. Гаркорту на десять лѣтъ больше. Между тѣмъ работоспособность его такъ же велика, какъ тридцать лѣтъ тому назадъ. Нужно слышать его въ „бюджетные дни“, когда онъ анализируетъ смѣту государственныхъ доходовъ и расходовъ! Герберту Спенсеру восемьдесять третій годъ, а онъ до сихъ поръ живо слѣдитъ за событіями дня, волнуется ими и отзывается на нихъ. Возьмемъ средняго англійскаго журналиста. Мой пріятель ведетъ парламентскій отдѣлъ въ большой газетѣ. Онъ каждый вечеръ въ парламентѣ до 1—2 ч. утра. Тутъ же онъ набрасываетъ отчетъ, картинный, содержательный, въ которомъ не пропущена ни одна характерная фраза. Отчетъ занимаетъ около 300 газетныхъ строкъ. Кромѣ того, пріятель каждый день посылаетъ по телеграфу въ Manchester Guardian „Лондонскую хронику“, занимающую тоже строкъ двѣсти. Это еще не все. Каждую субботу онъ пишетъ статью для Speaker'а, участвуетъ въ *Morning Leader* и находитъ время выступать иногда въ *Fortnightly Review* и на митингахъ. По разсчету онъ пишетъ около 3,000 строкъ въ недѣлю, работа совершенно не по силамъ его собратамъ на контитентѣ. Между тѣмъ, англійскій журналистъ долженъ говорить всегда *дѣло*. Ему возбранено заполнять пространство болтовней. Каждый годъ, къ концу парламентской сессіи, пріятель, по его выраженію, чувствуетъ, „какъ будто бы его выполоскали“, т. е. полное утомленіе. Онъ тогда пользуется англійскимъ лѣкарствомъ отъ переутомленія: отправляется въ далекое плаванье, въ Новую Зеландію, въ Буэносъ-Айресъ или кругомъ Мыса Горна. „Морскія волны выкачиваютъ всякую неврастенію“,—увѣряетъ онъ. Должно быть такъ, потому что пріятель возвращается бодрымъ, свѣжимъ, съ громаднымъ запасомъ силъ. Пріятелю пятьдесятъ лѣтъ; это такой возрастъ, когда на континентѣ, а въ Россіи въ частности, подъ вліяніемъ наслѣдственной или благопріобрѣтенной неврастеніи, работоспособность уменьшается въ значительной степени...

Англичане успѣваютъ сдѣлать такую массу потому, что умѣютъ сконцентрировать всю свою энергію на дѣйствительно серьезномъ дѣлѣ. Жителямъ континента приходится только поражаться тѣмъ, до какой степени англичане отдѣлались отъ бюрократіи съ ея горами канцелярскихъ рапортовъ, исходящихъ и входящихъ, съ арміею чиновниковъ, всю жизнь составляющихъ или читающихъ никому не нужныя и всѣхъ стѣсняющія бумаги. На континентѣ тоже кое-гдѣ раздаются иногда жалобы на чрезмѣрное развитіе бюрократіи; но многіе изъ этихъ обличителей имѣютъ своеобраз-

ные взгляды на то, чѣмъ замѣнить ее. Канцелярію долженъ замѣнить, по ихъ мнѣнію, корнетъ Отлетаевъ, Nicolas Персіановъ (Господа Ташкенцы) или Прокопъ (Дневникъ Провинціала), которому слѣдуетъ предоставить, прежде всего, безконтрольную свободу чинить, что угодно. Въ Англіи бюрократіи не существуетъ, въ интересахъ свободы личности. Въ виду того же тамъ невозможенъ корнетъ Отлетаевъ или Nicolas Персіановъ. „Житель континента,—говоритъ Максъ О'Релль,—не перестаетъ изумляться тому, до какой степени въ Англіи многое основано на довѣріи, которое оказывается и иностранцамъ. Бюрократія совершенно неизвѣстна. Нѣтъ никакой надобности предъявлять свои бумаги. Даже когда вступаютъ въ бракъ, необходимъ не паспортъ и не метрическое свидѣтельство, а свидѣтель, который утверждаетъ торжественно, сколько жениху или невѣстѣ лѣтъ и то, что они не состоятъ въ другомъ бракѣ. Такъ же мало формальностей во всѣхъ другихъ случаяхъ жизни. Когда человѣкъ говоритъ неправду предъ закономъ, его привлекаютъ къ суду за клятвопреступленіе. Въ частной жизни англичанинъ безусловно довѣряетъ слову своего знакомаго. Убѣдившись, что ему разъ сказали неправду, англичанинъ немедленно порветъ знакомство“ *). Такая упрощенность житейскихъ и общественныхъ отношеній возможна только при условіи полнаго уваженія каждаго къ закону. И это мы видимъ въ дѣйствительности. Въ Англіи нѣтъ противоположности: „я“ и „законъ“. „Я“ относится съ уваженіемъ къ закону, потому что само участвовало въ выработкѣ послѣдняго. Такимъ образомъ, повиновеніе закону со стороны англичанина является лишь актомъ *самоуваженія.* Это повиновеніе прекращается, какъ только „законъ“ превышаетъ тѣ полномочія, которыя ему дало „я“. Тотъ же фактъ констатируетъ Максъ О'Релль. „Повиновеніе закону—девизъ Англіи,—говоритъ онъ.—Англичанинъ возмущается только несправедливостью и протестуетъ, когда видитъ противозаконное. Его воспитали въ глубокомъ уваженіи къ закону, и онъ требуетъ, чтобы послѣдній уничтожилъ всѣ общественныя бѣдствія. Если законъ не можетъ уничтожить несправедливости, а, наоборотъ, порождаетъ ее, англичанинъ считаетъ своимъ долгомъ требовать, чтобы такой законъ отмѣнили. Англичанинъ имѣетъ французскій девизъ: „Dieu et mon droit“—Богъ и мое право“ **). Нашъ авторъ подводитъ итогъ своей характеристикѣ англичанина. „Онъ достигаетъ крайности во всемъ, что дѣлаетъ, и представляетъ намъ конгломератъ поразительныхъ контрастовъ; но всегда, во всемъ разумъ контролируетъ его поступки Англичанинъ—пылкій патріотъ; онъ потерпитъ всякія униженія, чтобы дождаться подходящаго момента и отплатить за все. Онъ—мытарь, вопіющій съ

*) «Les Chers Voisins», p.p. 213—214.

**) «John Bull et son île», p. 20.

сокрушеніемъ въ храмѣ: „Господи, Господи, я—недостойный грѣшникъ“! Но онъ также и фарисей, за предѣлами храма желающій выставить себя образцомъ добродѣтели. Англичанинъ поклоняется и Іеговѣ, и Мамонѣ; онъ сильно занятъ небесными дѣлами; но въ то же время никто, какъ онъ, такъ не привязанъ къ благамъ земнымъ. Въ единственномъ числѣ это—человѣкъ, на слово котораго можно положиться, какъ на толедскій клинокъ. Коллективно, какъ нація, англичане не разъ подавали поводъ къ упреку въ вѣроломствѣ. У себя, на родинѣ, англичанинъ съ необыкновеннымъ рвеніемъ проповѣдуетъ трезвость (На континентѣ только лакеи и горничныя, домогаясь мѣста, выставляютъ на видъ, что не берутъ хмѣльного въ ротъ. Въ Англіи объ *общественныхъ дѣятеляхъ* газеты, въ похвалу, не забываютъ упомянуть, что они не пьютъ спиртныхъ напитковъ и не курятъ.) На чужбинѣ англичанинъ силой заставляетъ другихъ покупать опіумъ. У себя на родинѣ англичанинъ привлечетъ къ суду за жестокое обращеніе съ крысой или кошкой; въ другихъ случаяхъ онъ назначаетъ премію за голову слишкомъ упорнаго врага... Въ Англіи могутъ посадить въ тюрьму людей, силой протестующихъ противъ шутовскихъ радѣній Арміи Спасенія. Въ Индіи отправляютъ въ тюрьму этихъ самыхъ религіозныхъ шутовъ, если ихъ усердіе можетъ породить осложненія среди туземцевъ. Англичанинъ—типичный оппортюнистъ, въ лучшемъ смыслѣ слова. Непримиримость не въ его духѣ. Онъ никогда не станетъ требовать все или ничего. Англичанинъ охотно приметъ что-нибудь, находя, что это лучше, чѣмъ ничего (half a loaf is better than no loaf, полхлѣба лучше, чѣмъ совсѣмъ безъ хлѣба). Мало-по-малу онъ добивается своего и безъ сильныхъ потрясеній мѣняетъ колеса въ механизмѣ своей конституціи. Англичанинъ преданъ своей старой монархіи, но и теперь онъ готовъ былъ бы все передѣлать и все измѣнить, какъ въ XVII в., если бы его свободѣ грозила какая-нибудь опасность. Англичанинъ не подчинится деспотизму, какую бы форму тотъ ни принялъ. Онъ самъ держитъ подъ контролемъ и въ дисциплинѣ всѣхъ тѣхъ, кому платитъ жалованье... Онъ благоразуменъ, трудолюбивъ, настойчивъ, никогда не сомнѣвается въ своихъ силахъ и требуетъ, чтобы всѣ, отъ короля до послѣдняго гражданина, знали бы точно свои права и обязанности“.

IV.

Макса О'Релля *) поражаетъ въ англичанахъ слишкомъ частое обращеніе къ суду, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда французъ поступаетъ совершенно иначе. Прежде всего, конечно, нашъ авторъ отмѣчаетъ процессы, вызванные нарушеніемъ обѣщанія жениться, собственно говоря, тѣ повторенія тяжбъ „миссисъ Бардль versus Пикквикъ", которыя можно найти въ любомъ номерѣ англійской газеты. Затѣмъ, Максъ О'Релль не перестаетъ изумляться тому, какъ поступаютъ англичане при тѣхъ обстоятельствахъ, которыя разрабатывались много разъ великими и посредственными романистами на континентѣ. Мужъ узнаетъ, что жена ему не вѣрна. На континентѣ онъ поступаетъ согласно темпераменту, степени своего развитія или соотвѣтственно предразсудкамъ среды. Онъ или расходится съ женой, или прощаетъ ей, или вызываетъ на поединокъ болѣе счастливаго соперника. Вспыльчивый французъ убиваетъ жену и, къ несчастью, встрѣчаетъ, при этомъ, сочувствіе со стороны всего общества. Высоко-культурный народъ, какъ французы, творческая мысль котораго не разъ удивляла міръ своею мощью и смѣлостью, во взглядахъ на женщину, въ сущности, до сихъ поръ не отрѣшился отъ взгляда, что жена—собственность мужа. Наконецъ, на континентѣ мужъ, узнавъ неожиданно о невѣрности жены,—иногда кончаетъ самъ съ собою. Англичанинъ, начиная отъ кучера до лорда, при подобныхъ обстоятельствахъ поступаетъ совершенно иначе. Онъ подаетъ на обидчика въ судъ и взыскиваетъ съ него вознагражденія „за убытки" (damages). По выраженію Макса О'Релля, „англичанинъ предпочитаетъ положить въ банкъ эквивалентъ своего безчестія и получать на него вѣрные проценты. Англичане нѣсколько далеко простираютъ свою любовь къ деньгамъ" **).

Объ этой „любви къ деньгамъ" можно было бы сказать нѣсколько словъ. Кто хоть нѣсколько знаетъ англичанъ, тому извѣстно, что *ни одна* нація въ мірѣ такъ щедро не жертвуетъ, какъ англичане. Во Франціи очень трудно собрать всенародной подпиской на благотворительное дѣло сто—двѣсти тысячъ франковъ. Даже такая страшная катастрофа, какъ на о. Мартиникѣ, заставила французское общество расщедриться только на нѣсколько сотенъ тысячъ франковъ. Судьбой буровъ Франція была искренно и глубоко заинтересована; но, тѣмъ не менѣе, пожертвованій представители южно-африканскихъ республикъ собрали не много, во всякомъ случаѣ, меньше милліона франковъ, т, е.

---

*) «Les Chers Voisins», p.p. 38—42.

**) «Les Chers Voisins, p. 67.

40 тысячъ ф. ст. Въ Англіи жертвуютъ часто, много и охотно. Начать съ того, что *всѣ* англійскіе госпитали содержатся на добровольныя пожертвованія. Милліоны пожертвованій поступаютъ ежегодно въ кассы госпиталей и сотенъ то полезныхъ, то эксцентричныхъ „обществъ", „лигъ", „союзовъ" и федерацій. При помощи пожертвованій вотъ уже три года камнетесы Виѳезды (въ Уэльсѣ) „отсиживаются" отъ лорда Пенрина. Во время большой стачки въ докахъ въ одинъ день собрали въ Лондонѣ болѣе ста тысячъ рублей. Французъ жертвуетъ неохотно и, самое большее, франками, а не луидорами. Англичанинъ даетъ фунтами. Все онъ дѣлаетъ по опредѣленному плану. Англичанинъ, принадлежащій къ среднимъ классамъ, въ январѣ, обыкновенно, составляетъ „бюджетъ" на весь годъ. Онъ точно опредѣляетъ сумму на веденіе дома, на наряды женѣ, на отдыхъ, на платежъ по страховому полису и на благотворительность. Послѣдняя сумма—очень значительна, и я знаю, что она расходуется до послѣдняго фартинга. Такимъ образомъ, „жадность къ деньгамъ" англичанъ понятіе нѣсколько неопредѣленное и неточное. Любопытнѣе всего, что этотъ упрекъ дѣлаютъ французы, нѣмцы и русскіе, въ общемъ, очень щедрые на хорошія слова, но прижимистые на деньги, когда нужно дѣлать пожертвованія. Ошибочно было бы, мнѣ кажется, объяснять, какъ это дѣлаетъ не одинъ Максъ О'Релль обращеніе къ суду англичанина въ тѣхъ случаяхъ, когда французъ вызываетъ на поединокъ, кончающійся ничтожной царапиной,—отсутствіемъ понятія „чести". Англичанинъ, во всякомъ случаѣ, такъ же гордъ и самолюбивъ, какъ французъ. Чѣмъ же объясняется взыскиваніе „убытковъ" съ обидчика? Во-первыхъ, глубокимъ уваженіемъ англичанина къ суду равныхъ, къ рѣшенію присяжныхъ. Во-вторыхъ, сильной ненавистью и презрѣніемъ ко всему трусливому, лживому и воровскому. Обольститель обманываетъ, дѣйствуетъ предательски. Его нужно за это,—думаетъ англичанинъ,—презирать и чувствительно наказать. А для труса и для мелкой души самое чувствительное наказаніе—хлопнуть по карману. И англичанинъ дѣлаетъ это... Максъ О'Релль, выразивъ свое изумленіе по поводу того, что обманутый мужъ въ Англіи не стрѣляется, а идетъ въ судъ, замѣчаетъ въ концѣ-концевъ: „Нужно сознаться, что пуля въ животъ или шпага, всаженная въ грудь противнику, врядъ-ли можетъ вознаградить человѣка за потерянную честь".

Попытки естественно-историческаго объясненія характера цѣлаго народа дѣлались, какъ извѣстно, много разъ. Мы имѣемъ серьезныя разсужденія на эту тему въ „Исторіи цивилизаціи въ Англіи". Шуточныя „кулинарныя" объясненія того же явленія предлагались авторомъ „физіологіи вкуса", затѣмъ—Гейне и Искандеромъ. Послѣдній съ заразительнымъ веселіемъ доказывалъ, что пора возстать противъ аристократическихъ частей тѣла,

питающихся на счетъ желудка и кичащихся на его счетъ. „Есть онѣ—хорошо, нѣтъ—недурно. Устрица живетъ себѣ безъ головы и безъ ногъ, а вкусна. Безъ желудка же никто не живетъ“. „Теперь позвольте васъ спросить,—продолжаетъ Искандеръ,—при всемъ германскомъ усердіи и преданности, что можетъ выработать желудокъ нѣмца изъ прѣсно-пряно-мучнисто-сладко-травяной массы съ корицей, гвоздикой и шафраномъ, которую ѣстъ нѣмецъ. Если бы вы знали весь трудъ пищеваренія, вы увидѣли бы, что за отчаянную борьбу съ мукой и картофелемъ, что за мужественное противодѣйствіе душамъ изъ баварскаго пива каждый нѣмецкій желудокъ давно заслужилъ медаль для ношенія на дуоденумѣ съ надписью: pour la digestion. Гдѣ тутъ выробатывать какой-нибудь упругій, самобытный англійскій, или дѣятельный, безпокойный французскій фибринъ! Тутъ не до силы воли, не до расторопности, а чтобы человѣкъ на ногахъ держался, да не совсѣмъ бы отсырѣлъ. Перемѣните нѣмецкую кухню, и вы увидите, что Арминій не даромъ спасъ въ тевтобургской грязи германскую народность“. „Кулинарное толкованіе исторіи“ Искандеръ заканчиваетъ бурнымъ проклятіемъ „густымъ супамъ, какъ наша весенняя грязь“ и „прѣснымъ соусамъ, какъ драмы Бирхъ-Пфейферъ“. Такую же кулинарную интерпретацію, но только не шутя, а серьезно, дѣлаетъ Максъ О'Релль. „Особенности англійскаго характера,—философствуетъ онъ,—объясняются климатомъ и пищей... Обѣдъ, состоящій изъ фунта ростбифа, изъ громаднаго ломтя пуддинга и изъ пинты чернаго, тяжелаго, маслянистаго пива, не можетъ, конечно, имѣть такое же вліяніе на умъ, какъ обѣдъ, состоящій изъ дюжины устрицъ, крылышка цыпленка, фруктовъ, легкаго пирожнаго да изъ бутылки слабаго вина“ *).

Предъ нами теперь, такъ сказать, проявленъ негативъ портрета англичанина, снятый остроумнымъ, но поверхностнымъ наблюдателемъ. Еще больше пустословія въ портретѣ женщинъ. „Англичанки,—говоритъ Максъ О'Релль,—замѣчательны свѣжимъ цвѣтомъ лица, смѣлой и открытой манерой и величиной своихъ ногъ, наводящей васъ на мысль о башмакахъ въ 12 дюймовъ. Имѣя такія солидныя ноги, трудно сдѣлать „ложный шагъ“ и „оступиться“. Когда англичанки молоды, онѣ по красотѣ подобны ангеламъ. За тридцать лѣтъ онѣ, однако, сильно дурнѣютъ“. Я пропускаю безконечныя подробности „скульптурнаго“ характера, безъ которыхъ не обходится, кажется, ни одна книга французскаго путешественника. „Во многихъ отношеніяхъ,—продолжаетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ,—англичанки выше француженокъ: онѣ болѣе естественны... Англичанка не такъ наивна, какъ молодая француженка (Максъ О'Релль ставитъ послѣднее своимъ соотечествен-

*) John Bull et son île, p. 312.

ницамъ въ заслугу), но она за то и не такъ глупа. Она всюду отправляется сама, безъ мамаши и безъ горничной. Англійская дѣвушка смѣло смотритъ вамъ въ глаза и энергично и сильно пожимаетъ руку. Она свободна, какъ воздухъ, идетъ, куда хочетъ, посѣщаетъ одна театры, путешествуетъ сама или въ обществѣ молодыхъ людей". „Пятнадцатилѣтнія дѣвушки путешествуютъ сами иногда даже за океанъ" *). Самуэль Лэнгъ, о книгѣ котораго я писалъ какъ то въ „Русскомъ Богатствѣ", говоритъ, что степень культуры данной страны измѣряется отношеніемъ мужчинъ къ женщинамъ. Чѣмъ культура данной страны выше, тѣмъ лучше тамъ положеніе женщины; тѣмъ съ большимъ уваженіемъ, какъ къ равной, относятся къ ней мужчины. Если эту мѣрку приложить къ Англіи, то въ ней культура значительно выше, чѣмъ на континентѣ. Въ Парижѣ, Берлинѣ, Петербургѣ или въ Москвѣ молодой женщинѣ невозможно пройти вечеромъ (а иногда и днемъ) по улицѣ безъ того, чтобъ ее не затронули. Въ Парижѣ затрогивающіе остроумны, въ Петербургѣ это просто саврасы; но всюду ихъ вниманіе и оскорбительно, и утомительно. Въ Англіи это явленіе совершенно неизвѣстно. Каждая женщина чувствуетъ себя подъ защитой всѣхъ мужчинъ, въ томъ числѣ, конечно, и „бобби". Если бы какой-нибудь саврасъ затронулъ въ Лондонѣ на улицѣ женщину, онъ рисковалъ бы получить большую непріятность отъ кулака или палки перваго прохожаго; не говоря уже о томъ, что немедленно бы на сцену явился „бобби", и амурное похожденіе заключилось бы на другой день въ камерѣ магистрата. Молодыя дѣвушки, чувствуя себя подъ защитой всѣхъ мужчинъ, путешествуютъ однѣ изъ Лондона въ Шотландію и даже въ колоніи. Ни одинъ англичанинъ, больше того, не позволитъ себѣ заговорить съ такой путешественницей или надоѣдать ей галантными услугами. Отношеніе англичанъ къ женщинамъ дѣйствительно *рыцарское*, потому что, такъ называемое, „рыцарство" средняго француза (т. е. сладкая галантность), въ сущности, должно оскорблять женщину съ развитымъ самосознаніемъ. Это уваженіе къ женщинѣ культивируется въ англійской школѣ. Шестилѣтній мальчикъ, поступающій въ дѣтскій садъ, заучиваетъ уже такую формулу: „Ladies first, gentlmen second, boys—after", т. е. „женщинамъ—первое мѣсто, за тѣмъ—мужчины, потомъ—мальчики". Рыцарское отношеніе (въ лучшемъ смыслѣ) къ женщинѣ превращается въ своего рода кодексъ. Это сказывается во время катастрофъ. Четыре года тому назадъ пошелъ ко дну близъ о. Гернзей англійскій увеселительный пароходъ „Стелла". Онъ наскочилъ въ туманѣ на скалу и черезъ десять минутъ пошелъ ко дну. Потонули 150 пассажировъ, экипажъ и капитанъ; но успѣли спустить три лодки и спасли *всѣхъ* женщинъ и дѣтей.

*) «John Bull et son ile», p. p. 42, 47.

Сознаніе: „ladies first“ было такъ сильно, что не только мужчины не бросились къ лодкамъ, но, наоборотъ, капитанъ и пассажиры должны были *убѣждать* нѣкоторыхъ матросовъ оставить пароходъ и сѣсть на весла. „Стелла“ пошла ко дну на виду спасшихся женщинъ. Иные пассажиры молились, другіе—посылали уѣзжающимъ женамъ или сестрамъ послѣдній привѣтъ, и всѣ встрѣтили смерть спокойно и твердо, „какъ подобаетъ мужчинамъ“, какъ писали тогда газеты, воздавая этимъ погибшимъ высшую похвалу по мнѣнію англичанъ. Припомните теперь катастрофу на благотворительномъ базарѣ на улицѣ Jean-Goujon въ Парижѣ. Пожаръ произошелъ почти въ томъ же году, когда погибла *Стелла*. Ужасна была гибель десятка жертвъ; но еще ужаснѣе то, что изящные, свѣтскіе мужчины, несомнѣнно считавшіе себя рыцарями, кинулись ко входу, топча женщинъ и даже устраняя ихъ съ пути ударами ножей. Я живо помню гибель парохода „Владиміръ“ близь Тараханкута, въ Черномъ морѣ, въ 1894 г. „Владиміръ“ столкнулся съ итальянскимъ пароходомъ „Колумбія“ и пошелъ ко дну, продержавшись на водѣ почти два часа. И, тѣмъ не менѣе, погибли десятки пассажировъ, главнымъ образомъ, женщины и дѣти. Къ спущеннымъ лодкамъ, какъ выяснило слѣдствіе, раньше всѣхъ, съ топорами и веслами въ рукахъ, устремились матросы и помощники капитана. Всѣ они спаслись. Спасся и капитанъ. Я помню еще одинъ эпизодъ. Къ „Русскому Обществу Параходства и Торговли“ предъявлено было потомъ много исковъ. Взыскивалъ какой-то господинъ, ѣхавшій въ первомъ классѣ, за свою утонувшую жену 10 или 20 тысячъ руб. На судѣ выяснилось, что господинъ этотъ ѣхалъ первымъ классомъ, а жену везъ въ третьемъ. Заинтересовался онъ ею только тогда, когда стали предъявлять чеки... Итакъ, мы видимъ, чѣмъ именно гарантирована та свобода англичанокъ, которую отмѣчаетъ Максъ О'Релль. „Въ Англіи,—говоритъ онъ,—вся система воспитанія сводится къ тому, чтобы внушить увѣренность въ своихъ силахъ. Ни матери, ни учительницѣ никогда не придетъ въ голову вскрыть письмо, адресованное молодой дѣвушкѣ. Дѣвицы ведутъ свою собственную переписку. Разъ нѣтъ запрета, нѣтъ также желанія вести тайную переписку, украдкой. Отсутствіе подозрительности отнимаетъ всякую заманчивость у такой переписки. Подозрительность Бартоло (Севильскій цирульникъ) порождаетъ Розинъ... Въ Англіи дѣвушка свободно можетъ купить и читать книгу или газету, какую только пожелаетъ. Читать она можетъ также и комическіе журналы. Въ нихъ нѣтъ ничего скабрезнаго. Это—результатъ широкой свободы печати. Общественное мнѣніе, въ данномъ случаѣ, является лучшимъ цензоромъ. Просматривая же французскіе комическіе журналы, невольно рождается вопросъ: не являются ли кокотки и невѣрныя жены единственными героинями французскаго общества? Джен-

тельмэны никогда не прибѣгаютъ въ разговорѣ между собою къ грубымъ выраженіямъ. Въ присутствіи женщинъ они себѣ никогда не позволятъ даже самой легкой двусмысленности въ словахъ“ *). Въ англійской литературѣ, дѣйствительно, не только изгнано все фривольное, но весь вопросъ о страстяхъ трактуется романистами условно и крайне примитивно. Невозможность появленія на англійскомъ языкѣ какого-нибудь Армана Сильвестра или Катуля Мендеса еще полбѣды; но въ англійской литературѣ невозможенъ также и Гюи-де-Мопасанъ. Въ англійскихъ комическихъ журналахъ скабрезнаго элемента нѣтъ; въ этомъ отношеніи дѣти могутъ свободно читать ихъ. Но за то въ большинствѣ такихъ изданій „комизмъ“ основанъ на затрещинахъ, на томъ, что кому то проломили голову или вышвырнули изъ окна. Если многіе французскіе „комическіе“ журналы издаются для двуногихъ павіановъ и для кокотокъ, то многіе англійскіе журналы подобнаго рода существуютъ для даяковъ и для бушмэновъ... Но англичане за то гарантированы въ одномъ отношеніи: ихъ современная литература не можетъ будить преждевременно въ подросткахъ половыхъ инстинктовъ...

„Гордость, одна изъ отличительныхъ добродѣтелей англичанъ,— продолжаетъ Максъ О'Релль, — порождаетъ даже въ молодыхъ дѣвушкахъ чувство независимости. Многія дѣвушки, имѣющія богатыхъ и извѣстныхъ родителей, поступаютъ, тѣмъ не менѣе, въ конторы, занимаются рисованіемъ по фарфору или даютъ уроки, чтобы располагать своими собственными средствами. Многія уѣзжаютъ лучше компаньонками въ Канаду, въ Индію или въ Австралію, чѣмъ жить въ праздности дома... Дѣвушки, принадлежащія къ среднимъ классамъ, не имѣютъ совершенно приданаго. Если бы молодой человѣкъ, какъ во Франціи, справился у родителей, сколько они даютъ за дочкой,—его вышвырнули бы на улицу. Когда англичанинъ рѣшаетъ жениться, предполагается, что онъ имѣетъ уже возможность содержать семью“. Въ Англіи, поэтому, въ обычаѣ быть женихомъ и невѣстой три, четыре и болѣе лѣтъ. Это—обычай не только среднихъ, но и рабочихъ классовъ. Нужно замѣтить, между прочимъ, что этотъ обычай порождаетъ также и знаменитые процессы „breach of promise“. Молодая англичанка горда сознаніемъ своей независимости. Она сама себѣ госпожа. Ея судьбою никто не распоряжается. Во Франціи,—говоритъ Максъ О'Релль,—родители, „чтобы реализировать поэтическія мечты молодой дочки, которую держатъ въ невѣдѣніи,—выбираютъ ей въ мужья *положительнаго* господина, лѣтъ сорока, плѣшиваго, начинающаго округляться. Положительный господинъ успѣлъ уже растерять здоровье, забыть про стремленія всякаго рода и мечтаетъ о „спокойной се-

---

*) John Bull, p. 48—49.

мейной жизни“. Родители рекомендуютъ его дочкѣ, какъ серьезнаго человѣка, съ вѣсомъ въ обществѣ. Это, обыкновенно, врачъ, адвокатъ или нотаріусъ. На матримоніальномъ французскомъ рынкѣ фонды нотаріусовъ стоятъ особенно высоко“ *). Какой самостоятельной, въ сравненіи съ француженкой, кажется англичанка!

Въ особенности Максъ О'Релль приходитъ въ восторгъ отъ постановки школьнаго дѣла въ Англіи. „Среднія школы здѣсь,— говоритъ онъ, — преслѣдуютъ двоякую цѣль: путемъ свободы и довѣрія развить въ воспитанникахъ любовь къ добру и культивировать здоровье. Англичане желаютъ сдѣлать изъ своихъ дѣтей образованныхъ людей, но здѣсь хотятъ также, чтобы юноши были, прежде всего, сильны, какъ физически, такъ и морально. Mens sana in corpore sano. Поэтому, нѣтъ школъ-казармъ. Школьники имѣютъ много свободы, они могутъ совершать большія прогулки. Въ ихъ распоряженіи поля. Въ школахъ нѣтъ ни педелей-церберовъ, ни „наставниковъ“, годящихся скорѣе въ надзиратели въ каторжныя тюрьмы. Вся система воспитанія держится на широкомъ довѣріи. Общественное мнѣніе является верховнымъ контролеромъ... Въ среднихъ школахъ (Public Schools) нѣтъ совсѣмъ рутины, нѣтъ преміи, выдаваемой за идіотизмъ или за рабское угодничество. Когда мальчикъ знаетъ уже все, что преподается въ классѣ, директоръ (Head Master) переводитъ его въ старшій классъ. Въ шестомъ классѣ (sixth Form) я видѣлъ, поэтому, мальчиковъ четырнадцати и тринадцати лѣтъ“ **). Въ континентальныхъ школахъ переходъ изъ класса въ классъ основанъ на экзаменѣ, являющемся очень часто лотереей. Можно выиграть, т. е. выдержать экзаменъ, плохо зная курсъ. Можно, наоборотъ, проиграть (по робости, отъ чистой случайности и пр.), зная пройденное. Въ концѣ-концевъ, мальчики „приспособляются“ къ годичной лотереѣ и находятъ болѣе или менѣе вѣрный способъ всегда выигрывать. Результатомъ является слѣдующее. „Во Франціи, въ лицеяхъ, въ спеціальныхъ классахъ математики есть ученики, не знающіе началъ геометріи; изучающіе риторику не умѣютъ правильно спрягать“. У насъ сплошь и рядомъ гимназисты, изучающіе биномъ Ньютона, не умѣютъ рѣшить простую ариѳметическую задачу. Въ Англіи учитель внимательно присматривается къ индивидуальности каждаго мальчика. Дѣтей неспособныхъ, кромѣ физическихъ идіотовъ, нѣтъ. Есть только неспособные учителя, которые, по ошибкѣ, стали педагогами, тогда какъ имъ надлежало бы пойти въ квартальные надзиратели, въ тюремные смотрители и пр. У каждаго мальчика есть, навѣрное, хотя бы одинъ предметъ, который ему нравится и которымъ онъ самъ уси-

*) Les Filles de John Bull, p. 119.

**) John Bull, p. 207.

ленно занимается. Въ Англіи это твердо помнятъ, поэтому тамъ нѣтъ совершенно искалѣченныхъ школой дѣтей, вынесшихъ изъ нея одно только отвращеніе ко всякому труду. Преподаватели въ Англіи неукоснительно помнятъ также, что школа—не арестантская рота. Въ послѣдней, въ интересахъ дисциплины, говорятъ, прежде всего, необходимо убить всякую индивидуальность и превратить арестанта въ живую машину. Въ школахъ, наоборотъ, драгоцѣнна именно индивидуальность каждаго мальчика и проявленіе его независимости. На признаніи этого принципа основывается въ Англіи существованіе школьныхъ клубовъ, газетъ и парламентовъ *). Во всѣхъ этихъ кружкахъ *полными* хозяевами являются мальчики. Это основное правило, при несоблюденіи котораго „школьный клубъ" или журналъ теряетъ всякій смыслъ и можетъ даже превратиться кое-гдѣ на континентѣ въ капканъ для „улавливанія душъ". Въ Англіи всѣ школьные клубы, какъ спортативные (Athletic Sport Club, Football Club, Cricket Club), такъ литературные и политическіе (Debating Societies) имѣютъ свое seltgovernment. Члены клубовъ, т. е. воспитанники, сами выбираютъ правленіе, казначея, предсѣдателя, распорядительный комитетъ и пр. Если воспитанники любятъ своего директора (Head-Master), они выбираютъ его иногда почетнымъ вице-президентомъ, безъ права голоса. Въ школьномъ парламентѣ все обходится безъ участія учителей. Мальчики вносятъ на обсужденіе вопросы (дѣти моего знакомаго получили извѣщеніе отъ товарищей, что на слѣдующей недѣлѣ въ парламентѣ ихъ школы внесенъ будетъ вопросъ: „Протекціонизмъ или свободная торговля. Вѣрно ли положеніе, высказанное министромъ колоній, мистеромъ Чемберлэномъ?"). За порядкомъ дебатовъ слѣдитъ „чэрмэнъ", предсѣдатель, тоже ученикъ. Секретарь ведетъ протоколъ, который помѣщается въ школьномъ журналѣ. Недавно я получилъ приглашеніе присутствовать на соединенныхъ дебатахъ двухъ высшихъ лондонскихъ школъ, мужской и женской. Вопросъ, поставленный на очередь, былъ: „О политическихъ добродѣтеляхъ". Максъ О'Релль, съ своей стороны, приводитъ нѣсколько вопросовъ, которые при немъ обсуждались въ „школьномъ парламентѣ" училища св. Павла, въ Лондонѣ: „О женскихъ правахъ". „Должна ли женщина играть политическую роль въ республикахъ?.." „Дебаты прошли въ необыкновенномъ порядкѣ; юные ораторы держали себя съ большимъ достоинствомъ. Они не сочли необходимымъ пригласить преподавателей; но директору, конечно, и въ голову не пришло устроить надзоръ. Граждане должны привыкать со школьной скамьи сами поддерживать порядокъ, а для этого имъ

*) Мнѣ пришлось говорить о нихъ въ „Русскомъ Богатствѣ" года два тому назадъ, въ очеркѣ „Фрэнки".

необходима свобода, культивирующая самосознаніе“ *). „Никогда директоръ не позволитъ себѣ распечатать письмо кого-либо изъ воспитанниковъ, продолжаетъ Максъ О'Релль. Вслѣдствіе довѣрія, оказываемаго воспитанникамъ съ ранняго возраста,—они въ пятнадцать лѣтъ умѣютъ себя вести, какъ подобаетъ взрослымъ гражданамъ. Англійское хладнокровіе—отличное качество, помогающее воспитателямъ при дѣтскихъ шалостяхъ. Все обходится безъ криковъ, безъ брани и угрозъ“.

До сихъ поръ мы видѣли только восторженные отзывы объ Англіи. Менѣе почтителенъ Максъ О'Релль тогда, когда говоритъ о религіозности ея. „Если христіанство заключается въ томъ, чтобы ходить въ церковь и проводить всю жизнь въ обсужденіи богословскихъ вопросовъ, — говоритъ Максъ О'Релль, — Джонъ Булль до крайности религіозенъ. Если благочестіе состоитъ въ томъ, чтобы ссориться изъ-за догмы, вмѣсто того, чтобы примѣнять правила нравственности на дѣлѣ,—на землѣ нѣтъ болѣе благочестиваго народа. Религія въ Англіи превращается въ манію, въ болѣзнь. Джонъ Булль полагаетъ, что лучше какая-нибудь вѣра, чѣмъ совсѣмъ никакой. Во Франціи похваляются своими проказами, даже если ихъ не дѣлаютъ; въ Англіи люди похваляются своими добродѣтелями, въ особенности, если не имѣютъ ихъ. Французъ хвастаетъ пороками, англичанинъ всѣми силами старается прослыть добродѣтельнымъ человѣкомъ. Здѣсь въ почетѣ всѣ религіозныя секты: *прыгуны, ревуны, особыя люди* **). Въ опалѣ всюду въ имперіи только свободные мыслители“. Нужно замѣтить, однако, что это сказано скорѣе ради краснаго словца, чѣмъ соотвѣтственно истинѣ: на лондонскомъ форумѣ, по воскресеньямъ, подъ „деревьями конституціи“ рядомъ проповѣдуютъ не только „прыгуны“ и „ревуны“, но также „раціоналисты“, „агностики“ и свободные мыслители. Подобные „выпады“ Максъ О'Релль дѣлаетъ не особенно рѣдко.

V.

Читатели знакомы теперь, въ извѣстной степени, съ англійской жизнью, какъ ее изображаетъ въ своихъ книгахъ Максъ О'Релль. Мы имѣемъ рядъ наблюденій, сдѣланныхъ человѣкомъ очень поверхностнымъ, подчасъ легкомысленнымъ, но умнымъ, талантливымъ и, безусловно, относящимся съ большимъ уваженіемъ къ Англіи и къ англичанамъ. Во многихъ случаяхъ онъ учитъ своихъ соотечественниковъ и жителей континента брать примѣръ съ Джона Булля. Тѣмъ болѣе, удивительно негодованіе,

*) John Bull.

**) Объ этихъ сектахъ я писалъ нѣсколько разъ. Статьи эти вышли въ составъ моей книги „Очерки современной Англіи“.

порожденное въ Англіи появленіемъ книги „John Bull et son île“. Я выберу изъ громадной литературы „отвѣтовъ“ только два образца. Больше всего успѣха имѣлъ памфлетъ „Грубаго Саксонца“.—„Сосѣдъ Джона Булля въ истинномъ свѣтѣ. Отвѣтъ на французскую критику, появившуюся въ послѣднее время“ *). „Единственное мое извиненіе за рѣзкость тона,—говоритъ авторъ въ предисловіи, — заключается въ томъ, что я Грубый Саксонецъ“. Онъ, дѣйствительно, не столько рѣзокъ, сколько бранчливъ. Какъ царевна Потока-богатыря, Грубый Саксонецъ честитъ французовъ:

Шаромыжникъ, болванъ, неучоный холопъ!
Чтобъ тебя въ турій искривило.
Поросенокъ, теленокъ, свинья, эѳіопъ,
Чертовъ сынъ, неумытое рыло!

Въ концѣ-концевъ, какъ и царевна, Грубый Саксонецъ прибавляетъ, что могъ бы обругаться еще сильнѣе, да англійская сдержанность „иного словца ему сказать не велитъ“. „Безъ сомнѣнія,—говоритъ авторъ,—коварный Альбіонъ имѣетъ кое-какіе грѣхи, но такъ какъ онъ исполнялъ, и при томъ успѣшно, всегда первыя роли въ разрѣшеніи судьбы другихъ народовъ, то, во всякомъ случаѣ, заслужилъ, чтобы къ нему всѣ относились съ почтеніемъ. Между тѣмъ, въ него теперь швыряютъ грязью и глумятся надъ нимъ. Припомните при томъ, *кто* дѣлаетъ это“! „Грубый Саксонецъ“ настоятельно рекомендуетъ Максу О'Реллю, вмѣсто того, чтобы критиковать англичанъ, заняться лучше грѣхами французовъ, которые тутъ же группируетъ. По словамъ „Грубаго Саксонца“, грѣхи эти слѣдующія: крайняя лживость, чрезмѣрное тщеславіе, возмутительная безнравственность, безбожность, вѣроломство и нечистоплотность физическая и нравственная. „Всякому извѣстно,—говоритъ авторъ,—что во Франціи существуетъ особая болѣзнь—англофобія; она еще хуже гидрофобіи и, во всякомъ случаѣ, такъ же неизлѣчима. Она скрывается нѣкоторое время, затѣмъ бурно вырывается наружу“. Авторъ, однако, тутъ же слѣдуетъ примѣру учителя философіи въ „Le Bourgeois Gentilhomme“, вступающаго въ драку съ преподавателями музыки, танцевъ и фехтованія, которыхъ только что журили: „y a-t-il rien de plus bas et de plus honteux que cette passion, qui fait d'un homme une bête férce?“ (что можетъ быть болѣе постыдно и низко, чѣмъ эта страсть,—гнѣвъ превращающая человѣка въ дикое животное). Во всякомъ случаѣ, „Грубый Саксонецъ“ доказалъ, что въ Англіи существуетъ такая же болѣзнь — галлофобія. Авторъ обзываетъ всѣхъ французовъ огуломъ „націей обезьянъ и глотками попугаевъ“. „Вы говорите, что Лондонъ ужасенъ,—продолжаетъ сердитый авторъ,—а я скажу:

*) „John Bull's Neighbour in her true ligsht“. Being an answer to some recent french criticisms. By a Brutal Saxon. London, 1884.

неправда, ужасенъ Парижъ. Предположимъ, мы выберемъ округъ St. Denis, это одинъ изъ самыхъ страшныхъ кварталовъ *веселой столицы.* Дома здѣсь въ шесть и въ семь этажей. Они узки, темны, смрадны и до невѣроятности грязны. Обычная квартирная плата здѣсь 2—2½ франка въ недѣлю. Въ одной и той же комнатѣ тѣснятся шесть, семь и восемь человѣкъ. Братья, сестры, отцы, дочери—спятъ всѣ въ повалку. Молодыя мужчины и женщины не стыдятся показывать другъ другу наготу свою. Въ этихъ квартирахъ нѣтъ рѣшительно никакихъ санитарныхъ приспособленій". Въ Парижѣ все скверно не только въ округѣ St Denis. „Пресловутая Вандомская колонна—грязный столбъ. Будь она въ Лондонѣ, всѣ пожали бы плечами и сказали бы: „омерзительно!" „Іюльская колонна до того не интересна, до того глупа, что отъ нея отворачиваешься". Славу Notre Dame создалъ Гюго. Безъ его рекламы „на эту уродину никто не захотѣлъ бы смотрѣть". Hôtel des Invalides — жалкая казарма. Единственно, на что стоитъ взглянуть въ Парижѣ,—это на Arc de Triomphe, да и та испорчена смѣшными барельефами. Конная группа наверху—верхъ уродства. Даже хваленые бульвары и тѣ, по мнѣнію Грубаго Саксонца, монотонны и не имѣютъ собственной физіономіи *). Раздѣлавъ подъ орѣхъ Парижъ, Саксонецъ переходитъ къ французамъ. Всѣ они глупы, болтливы, развратны и, напридачу, трусы, которыхъ постоянно колотили англичане. „При Пуатье нашъ Черный Принцъ съ 8000 солдатъ встрѣтился съ 64 тыс. земляками Макса О'Релля и разбилъ ихъ на голову". Потомъ „мы проучили васъ при Азинкурѣ и при Ватерло". Французъ „до сихъ поръ зеленѣетъ, услышавъ послѣднее имя". Всѣ французы не только трусы, но и кровожадны. „Не даромъ же Бисмаркъ сказалъ про нихъ: „Zieht man einen Solchen Gallier die weisse Haut ab, so hat man einen Turco vor sich" (сдерите съ такого галла бѣлую кожу и вы увидите предъ собою турка). Весь Парижъ сгнилъ въ развратѣ. Иллюстраціей является, конечно, Бюлье, куда „грубые саксонцы", попадая въ міровую столицу, спѣшатъ прежде всего... для того, чтобы убѣдиться воочію, на сколько близокъ къ гибели Новый Вавилонъ. Изучивъ Бюлье, авторъ приходитъ къ заключенію, что „во французскомъ характерѣ болѣзненная наклонность ко всему бестіальному составляетъ основную черту". Сердитый авторъ рѣшительно не желаетъ оставаться въ долгу. Максъ О'Релль замѣчаетъ, что у англичанокъ большія ноги. „Саксонецъ" сейчасъ же восклицаетъ: „И неправда! Должно быть, Максъ О'Релль, когда писалъ это, опился абсентомъ или нашимъ пивомъ!" **) „Не французамъ говорить объ уродливыхъ ногахъ: всѣмъ извѣстно, что 75% парижанъ — колченогіе". „Французы

---

*) John Bull's Neighbour etc, p. p. 7, 12, 16, 22.

**) Ib, p. 38.

выставили своимъ девизомъ, между прочимъ, братство. Это—„каиново братство, охарактеризованное Шанфаромъ: Sois mon frère ou je te tue!“ (Будь моимъ братомъ, или я убью тебя!) Французы похваляются свободой. Хороша свобода, если вся страна находится подъ негласнымъ полицейскимъ надзоромъ. Вы не можете прожить въ Парижѣ и дня безъ того, чтобы не стало извѣстно, кто вы, откуда и зачѣмъ пріѣхали“. Дальше слѣдуетъ цѣлый рядъ грязныхъ обвиненій, хотя не совсѣмъ систематизированныхъ. „Во Франціи нѣтъ настоящаго правосудія. У французовъ нѣтъ гражданскаго мужества. Парижъ плохо дренированъ. Въ Парижскихъ гостиницахъ даютъ для умыванія не больше пинты воды. Французы пьютъ абсентъ и склонны къ самоубійству“. Они ѣдятъ съ ножа (въ глазахъ англичанина это почти смертный грѣхъ). Хваленая французская вѣжливость заключается только въ постоянномъ сниманіи шляпы. Все во Франціи продажно. Страна вырождается. Отчитавъ такимъ образомъ французовъ, „Грубый Саксонецъ“ заканчиваетъ:

„Въ прошломъ мы выжили, не смотря на зависть и вражду, нашихъ сосѣдей. Выживемъ и въ будущемъ. И въ то время, какъ Франція гибнетъ и слабѣетъ съ каждымъ днемъ, мы, которыхъ называютъ „мрачными и меланхоличными лицемѣрами“, мы будемъ неуклонно слѣдовать нашимъ путемъ. Англійскій языкъ будетъ распространяться, а нашъ флагъ, символъ свободы, истины и чести, станетъ развѣваться въ отдаленныхъ странахъ. Ибо нами руководятъ два начала: законность и нравственность!“

Второй памфлетъ, имѣвшій громадный успѣхъ, озаглавленъ: „Отъ Джона Булля Максу О'Реллю“ *). Къ нему, въ видѣ портрета автора, приложена картинка, изображающая громаднаго англійскаго бульдога, презрительно глядящаго на маленькаго, вертляваго, выстриженнаго французскаго пуделя. Авторъ замѣчателенъ своей необычайной вѣжливостью. „Ваша хвастливая, мелочная, жалкая гальская натура,—обращается онъ къ Максу О'Реллю,—не въ состояніи оцѣнить великаго народа. Вы, французы, не понимаете самихъ себя. Какъ же вы можете понять насъ, мощныхъ британцевъ“. Сварливый авторъ обижается рѣшительно каждымъ замѣчаніемъ, даже о томъ, что въ Англіи плохой климатъ. „И совсѣмъ неправда!—восклицаетъ онъ,—тамъ климатъ не хуже, чѣмъ на континентѣ!“ Не обойденъ безъ возраженія пассажъ о большихъ ногахъ. „Маленькія ноги не только у француженокъ, но и у китаянокъ“,—замѣчаетъ онъ. Кончается памфлетъ приглашеніемъ спѣть вмѣстѣ съ авторомъ „God save the Queen“ и крикнуть *ура*! старой Англіи.

Вы можете судить теперь, какъ велико было негодованіе большой публики въ Англіи противъ Макса О'Релля. Съ тече-

*) «John Bull to Max O'Rell», London. 1885.

ніемъ времени, однако, она не только примирилась съ остроумнымъ авторомъ, но даже сильно полюбила его. Слава Макса О'Релля такъ установилась, что англійскіе импрессаріо осаждали его со всѣхъ сторонъ, соблазняя читать лекціи то въ Соединенныхъ Штатахъ, то въ Новой Зеландіи, то въ Капской кололіи. Гальское остроуміе и гальская храбрость при этомъ соперничали другъ съ другомъ. Максъ О'Релль, не смотря на то, что прожилъ въ Англіи тридцать лѣтъ и былъ женатъ на англичанкѣ, до самой смерти не могъ одолѣть англійскаго языка. Онъ говорилъ съ сильнымъ акцентомъ, съ невозможными галлицизмами, но смѣлость и неистощимое остроуміе никогда не покидали его. И онъ имѣлъ громадный успѣхъ, не смотря на свой ломаный англійскій языкъ.

Книги Макса О'Релля крайне поверхностны. Это—внѣ сомнѣнія; но за ними одна большая заслуга. По своей формѣ и талантливости онѣ вполнѣ по плечу большой публикѣ, очень плохо знающей другіе народы, а потому вообще склонной къ „фобствамъ" всякаго рода.

На почвѣ незнанія крайне легко культивируется ненависть, въ особенности, если распространеніе ея кому-нибудь на руку. И этой большой публикѣ Максъ О'Релль показываетъ, какія симпатичныя черты, достойныя не только уваженія, но и подражанія, есть въ другой націи. Не заключается ли величайшая заслуга писателя въ томъ, что онъ борется съ доисторическимъ понятіемъ „національзма" и содѣйствуетъ сближенію народности съ народностью? Не есть ли, наоборотъ, величайшее преступленіе въ сѣяніи ненависти и раздора?

Діонео.

Политика.

Государственный переворотъ въ Сербіи. — Германскіе выборы.

I.

Маленькое славянское государство на Среднемъ Дунаѣ въ послѣднее время потерявшее въ глазахъ политическаго міра всякій интересъ, почти забытое цивилизованнымъ обществомъ, внезапно и рѣзко напомнило о себѣ и на продолжительное время стало центромъ вниманія этого цивилизованнаго міра, столь обремененнаго другими насущными дѣлами и событіями... Сербія, эта почти quantité negligeable, вдругъ сосредоточила на себѣ взоры

и сильныхъ и слабыхъ, міра сего, и могущественныхъ дѣятелей всемірной исторіи, и мыслящихъ наблюдателей, и просто любопытныхъ всего міра, всѣхъ націй и профессій. Сербія совершила насильственный государственный переворотъ, кровавое событіе, отъ котораго Европа уже стала отвыкать. Послѣдній передъ этимъ былъ переворотъ въ Константинополѣ въ 1876, когда былъ низложенъ и убитъ султанъ Абдулъ-Азисъ. Это было тому назадъ двадцать семь лѣтъ. Изъ современныхъ монарховъ Европы тогда правили уже своими государствами только императоръ Францъ-Іосифъ австрійскій и король Оскаръ шведскій. До константинопольской катастрофы законныя правительства были низвергнуты, а законные государи низложены: въ 1866 году пруссаками: король ганноверскій, курфюрстъ гессенскій и герцогъ нассаускій и въ 1860—61 годахъ сардинцами: король неополитанскій, великій герцогъ тосканскій и герцоги пармскій и моденскій, но низложенія эти не сопровождались убійствами, какъ въ Константинополѣ въ 1876 году и въ Бѣлградѣ въ 1903 году. За то массовыми убійствами отличался государственный переворотъ во Франціи въ 1851 году, сдѣланный Наполеономъ III. Таковъ перечень государственныхъ переворотовъ во второй половинѣ XIX вѣка. Бѣлградская кровавая катастрофа перенесла эти государственные катаклизмы и въ XX вѣкъ.

Газетныя извѣстія о самомъ событіи такъ противорѣчивы и разнорѣчивы, что расходятся даже въ самомъ существенномъ. Однако, потребность достовѣрно знать всѣ важныя событія современной исторіи теперь повсемѣстно такъ велика, что авторитетныя газеты Франціи и Англіи произвели очень обстоятельное разслѣдованіе, разспросили всѣхъ, кого можно было, и представили своимъ читателямъ повѣствованіе, которое уже нельзя считать фантастическимъ. Мы воспользуемся замѣчательнымъ критическимъ сводомъ, сдѣланнымъ французскимъ „Temps“. Вотъ какъ излагаетъ исторію кровавой ночи спеціальный „слѣдователь“ этой газеты:

„Всѣмъ извѣстно теперь, что король Александръ не пользовался популярностью. Онъ желалъ и царствовать, и управлять въ одно и то же время. Отъ своего отца, короля Милана, Александръ унаслѣдовалъ наклонность къ произволу, но не унаслѣдовалъ ни его представительности, ни престижа, ни искусства. Если Миланъ и преслѣдовалъ радикаловъ (самую сильную партію въ Сербіи), то онъ умѣлъ сохранить вѣрность арміи. Король Александръ оттолкнулъ отъ себя народъ и возбудилъ неудовольствіе въ арміи. Въ молодой странѣ, гдѣ вовсе нѣтъ установившихся общественныхъ классовъ, тронъ не имѣетъ опоры, если утратилъ любовь народа и вѣрность арміи. Между тѣмъ, бракъ Александра съ Драгой унизилъ Сербію въ международныхъ отношеніяхъ, и молодые офицеры съ трудомъ выносили

это униженіе династіи. Чувство это стало еще острѣе вслѣдствіе своего рода ревности. Они видѣли своихъ товарищей, недавно подчиненныхъ или равныхъ, молодыхъ братьевъ королевы, капитана Николая и поручика Никодима Луневичей, преобразовавшимися въ родственниковъ короля, почти принцевъ, съ надеждою завтра стать принцами и наслѣдниками престола. Такія перспективы не легко переносятся... Молодые и честолюбивые офицеры не могли любить этихъ Луневичей, такихъ же молодыхъ, но быстро не по заслугамъ возвысившихся. И королева Драга имѣла свое прошлое. Вспоминая объ этомъ прошломъ, невольно вспоминаешь два стиха Вилье-де-Лиля: C'est la femme qu'on aime à cause de la nuit et ceux qui l'ont connue en parlent à voix basse. Возвышеніе Драги вызвало не мало и зависти, и злыхъ пересудовъ. Мужчины и женщины, знавшіе ее раньше, ея не щадили. Мужчины обыкновенно не отличаются скромностью. Женщины не отличаются снисходительностью. Если бы въ настоящее время какой-либо король женился на пастушкѣ, всѣ прочія пастушки подумали бы: *почему на ней? почему не на мнѣ?* А пастушки въ свою очередь замѣтили-бы: *король не что-нибудь особенное, если онъ дѣлаетъ то же, что мы, послѣ насъ...*

„За неодобрительныя слова о Драгѣ жена генерала Атанасковича была арестована и просидѣла въ тюрьмѣ сутки. Ея мужъ,— теперь военный министръ во временномъ правительствѣ, народившемся въ ночь убійства. Подполковникъ Машинъ, братъ перваго мужа Драги, счелъ своей обязанностью предупредить короля (предъ бракосочетаніемъ), что Драга не можетъ имѣть дѣтей. За это сообщеніе Машинъ былъ отставленъ. Теперь во временномъ правительствѣ онъ министръ общественныхъ работъ. Генчичъ, бывшій коллега генерала Атанасковича въ министерствѣ Владана Джорджевича, тоже возбудилъ королевскій гнѣвъ, опубликовавъ въ печати замѣтку, направленную противъ брака короля. Онъ просидѣлъ за это около года въ тюрьмѣ. Генчичъ—теперь министръ торговли. Говорятъ, онъ игралъ важную роль въ подготовленіи событія. Говорятъ, что черезъ своего племянника, офицера, и благодаря своимъ отношеніямъ къ вліятельнымъ сербамъ (изъ которыхъ *не всѣ* были въ Сербіи), онъ служилъ главнымъ звеномъ между военнымъ и гражданскимъ элементами заговора... Здѣсь я останавливаюсь передъ дальнѣйшими гипотезами, чтобы не впасть въ роль прямого обвинителя и не вступить на путь, указываемый латинской пословицей *Is fecit cui prodest.* Я уклоняюсь отъ этого пути. Если бы мнѣ вручили аріаднину нить для этого лабиринта, я бы отбросилъ ее изъ боязни заблудиться или обжечь пальцы. Я хотѣлъ только слегка набросать нѣсколько чертъ, которыя дали бы нѣкоторое понятіе о причинахъ непопулярности короля Александра. Сербы видѣли свою страну и династію униженными, свою королевскую чету напрасно ищущею

милости у порога презирающихъ ее дворовъ. Они тревожились за будущность родины, скомпрометированную этимъ паденіемъ... И это искреннее патріотическое огорченіе дополнялось у нѣкоторыхъ, военныхъ и гражданскихъ, участниковъ заговора чувствомъ личной обиды... Заговоръ такимъ образомъ созрѣлъ, а приведенъ въ исполненіе былъ нижеслѣдующимъ способомъ:

„Для переворота была выбрана ночь со среды на четвергъ. Отъ двухсотъ до двухсотъ пятидесяти офицеровъ приняли участіе въ заговорѣ. Полки были послушны. Надо было проникнуть во дворецъ, который до женитьбы короля охранялся обыкновенными войсками. Съ появленіемъ Драги, король сформировалъ для охраны особую, конную и пѣшую гвардію,—предусмотрительность, оказавшаяся безполезною... Вечеромъ въ среду офицеры-заговорщики собрались частью въ военномъ клубѣ, частью на частныхъ квартирахъ и, въ ожиданіи назначеннаго часа, проводили время за бутылками вина. Пили много. Пѣли пѣсни, прославлявшія Александра и Драгу. Въ исходѣ второго часа офицеры разошлись по казармамъ за своими солдатами. Подполковникъ Машинъ и майоръ Лука Лазаревичъ были изъ числа самыхъ рѣшительныхъ. Въ два часа ночи королевскій дворецъ былъ уже плотно обложенъ всѣмъ шестымъ пѣхотнымъ полкомъ, нѣсколькими отрядами седьмого и восьмого полковъ, офицерами военной академіи и тремя баттареями четвертаго полка артиллеріи. Оставивъ войска на своихъ мѣстахъ, сорокъ офицеровъ направились къ воротамъ, выходящимъ на улицу Милана. Ворота эти были оставлены не запертыми тѣми изъ охранявшихъ дворецъ гвардейцами, которые участвовали въ заговорѣ. Черезъ эти ворота проникли заговорщики въ передній дворъ, занятый садомъ, отдѣляющимъ улицу Милана отъ дворца. Главный входъ во дворецъ—съ противоположной стороны, но туда пройти не трудно, сначала проѣздомъ между старымъ дворцомъ, гдѣ жила королевская чета (справа), и новымъ еще не обитаемымъ дворцомъ (слѣва), а далѣе, обогнувъ жилой дворецъ заднимъ дворомъ къ подъѣзду. Отпереть этотъ подъѣздъ долженъ былъ флигель-адъютантъ короля Наумовичъ, принявшій участіе въ заговорѣ. Дверь, однако, оказалась запертою. Можетъ быть, Наумовичъ заснулъ. Ждать его нельзя. Заговорщики имѣли при себѣ, на всякій случай, динамитные патроны. Они взорвали одинъ изъ нихъ, пробуя разрушить боковую дверь, но неудачно. Взрывъ былъ услышанъ Наумовичемъ, который поспѣшилъ къ дверямъ. Послѣдовалъ, однако, второй взрывъ, который разрушилъ дверь и убилъ подоспѣвшаго Наумовича. Такимъ образомъ, первою жертвою заговора оказывался невѣрный слуга короля, которому самъ готовилъ погибель. На шумъ выбѣжалъ капитанъ Милковичъ, родственникъ перваго министра, загородилъ дорогу заговорщикамъ, выстрѣлилъ изъ револьвера, ранилъ одного изъ офицеровъ и палъ мертвый, пронизанный нѣсколькими пулями.

Между тѣмъ, взрывъ порвалъ электрическіе проводы, и дворецъ погрузился въ полный мракъ. Двое или трое изъ офицеровъ имѣли при себѣ свѣчи; другіе бросились въ сосѣднее помѣщеніе, гдѣ, поднятая съ постели, перепуганная женщина снабдила ихъ свѣчами и топоромъ. Заговорщики вошли, наконецъ, во дворецъ, ко всему готовые. Отступленіе уже невозможно, кровь уже пролита. Имъ навстрѣчу вышелъ генералъ-адъютантъ короля Лазарь Петровичъ, а тамъ дальше король и королева, конечно, уже разбужены и предупреждены.

„Заговорщики потребовали отъ Петровича, чтобы тотъ проводилъ ихъ къ спальнѣ короля. Онъ пробовалъ затянуть переговоры, но заговорщики не желали терять времени, и трепещущій генералъ повелъ ихъ, куда они требовали. Пламя свѣчей обрисовывало длинную лѣстницу и парадныя комнаты перваго этажа. Пришедшіе въ изступленіе офицеры рубили топоромъ и обнаженными саблями богатую мебель этихъ комнатъ... У порога королевской спальни палъ и Петровичъ... Дверь королевской спальни была выломана, но постель оказалась пустою, въ комнатѣ никого. А что если король и королева спаслись? Заговорщики произвели тщательный обыскъ и, наконецъ, нашли скрытую дверь, которая ведетъ въ комнату, заставленную шкафами королевы, вродѣ зимняго балкона. Здѣсь слѣва въ углу король и Драга встрѣтили заговорщиковъ, которымъ всѣмъ не хватило мѣста въ маленькой комнаткѣ. Довольно, однако, и семи-восьми, уже проникшихъ въ коморку. У нихъ погасли свѣчи, и это даровало королю и королевѣ нѣсколько мгновеній жизни, а затѣмъ были пущены въ ходъ револьверы и сабли. Въ комнаткѣ, гдѣ умерла династія Обреновичей, есть три оконца. Въ одно изъ нихъ Драга успѣла крикнуть „Спасите!“, но голосъ потерялся среди общаго молчанія. Лишь первые лучи разсвѣта озарили окончаніе драмы. Король произнесъ только: *я желаю умереть вмѣстѣ съ Драгой,* и палъ мертвый“...

Въ ту же ночь убиты братья королевы Николай и Никодимъ Луневичи, первый министръ Цинцръ Марковичъ и военный министръ Павловичъ; тяжело раненъ министръ внутреннихъ дѣлъ Тодоровичъ,—итого девять смертей (съ Наумовичемъ, но безъ Тодоровича, который, повидимому оправится). Временное правительство изъ представителей всѣхъ партій было немедленно образовано подъ предсѣдательствомъ Аввакумовича; оно озаботилось охраненіемъ порядка, погребеніемъ погибшихъ и созывомъ народныхъ представителей для избранія короля.

II.

Такова исторія этой кровавой ночи въ болѣе или менѣе достовѣрной редакціи. Причины катастрофы лежатъ, конечно, гораздо глубже, нежели то указываетъ корреспендентъ французской газеты. Онъ добросовѣстно собралъ и умѣло сгруппировалъ „послѣднія“ причины паденія Обреновичей. Послѣднія, конечно, виднѣе, но важнѣе тѣ общія и давнія причины, которыя сдѣлали возможными появленіе и самихъ послѣднихъ.

Обѣ династіи новой Сербіи, Карагеоргіевичи и Обреновичи возвысились въ эпоху борьбы сербовъ съ турками за свободу. Сначала это былъ доблестный юнакъ Кара Георгій (Черный Георгій), возстаніе котораго дало сербамъ первое освобожденіе и первую надежду на свободу. Разрывъ Турціи съ Россіей въ 1810 году явился очень кстати. Россія признала Кара-Георгія княземъ и по бухарестскому миру съ Турціей въ 1812 году выговорила признаніе турками сербской автономіи. Однако, въ 1813 году турки, пользуясь европейскими замѣшательствами, возобновили борьбу съ сербами, которымъ не повезло. Нѣсколько разъ разбитый, Черный Георгій спасся бѣгствомъ, и турки побѣдоносно заняли Сербію, но сербы продолжали партизанскую войну и постепенно начали все болѣе тѣснить турокъ. Среди партизановъ особенно выдѣлился Милошъ Обреновичъ Вѣсти объ успѣхахъ сербовъ, побудили Чернаго Георгія возвратиться, чтобы стать во главѣ движенія, но Милошъ уже не желалъ уступить первенства. Онъ приказалъ убить Георгія, этимъ очень расположилъ къ себѣ недавнихъ враговъ, турокъ, которые его признали княземъ автономной Сербіи. Признали его затѣмъ и державы. Ему наслѣдовалъ слабый и болѣзненный старшій сынъ Миланъ, а послѣ смерти Милана вступилъ на престолъ дѣятельный и энергическій Михаилъ. Его крутой характеръ пришелся, однако, не по сердцу сербамъ, и въ 1842 году Михаилъ былъ низложенъ, а на его мѣсто избранъ сынъ Кара Георгія Александръ, который мирно, но и бездѣятельно правилъ Сербіей до 1858 года, когда въ свою очередь былъ изгнанъ, а Михаилъ Обреновичъ обратно призванъ на сербскій престолъ. Наученный опытомъ, Михаилъ былъ теперь осторожнѣе. Мало занимаясь внутренними дѣлами, онъ поставилъ своей задачей создать „Великую Сербію“, какою она была до турецкаго нашествія, при могущественныхъ царяхъ изъ дома Нѣманей. Созданіе сильнаго войска, искусная дипломатія, сближеніе съ Черногоріей, сношеніе съ вождями неосвобожденной турецкой райи, ничего не было забыто энергичнымъ княземъ. Ему удалось освободить Сербію отъ турецкихъ гарнизоновъ (въ трехъ крѣпостяхъ) и создать армію въ 120 тыс. комбатантовъ.

Среди этихъ приготовленій 30 мая 1868 года Михаилъ былъ убитъ сторонниками Александра Карагеоргіевича, тогда еще жившаго. Разсчеты сторонниковъ Карагеоргіевичей, однако, не оправдались. Народъ отнесся съ негодованіемъ къ убійству, и Обреновичи укрѣпились на престолѣ. Михаилъ не имѣлъ дѣтей, и тронъ перешелъ къ племяннику, малолѣтнему Милану, которому было суждено подготовить паденіе династіи, возвышенной Милошемъ и Михаиломъ и упроченной трагическою кончиною послѣдняго.

Миланъ унаслѣдовалъ отъ старшихъ Обреновичей наклонность къ произволу и деспотизму, но не наслѣдовалъ ихъ патріотизма и военной доблести. Энергичный и разносторонне талантливый, Миланъ затратилъ свою энергію и свои дарованія не на служеніе интересамъ отечества, а исключительно на стремленіе къ удовлетворенію своихъ личныхъ цѣлей, диктуемыхъ отчасти честолюбіемъ и даже корыстолюбіемъ, отчасти (и преимущественно) разнузданными и ничѣмъ не управляемыми прихотями, кутежами, распутствомъ. Полувалахъ (по матери), рано лишившійся отца, воспитанный на чужбинѣ, онъ не только не любилъ Сербію, но даже презиралъ ее и, если дорожилъ ею, то лишь какъ источникомъ, который позволялъ вести образъ жизни по своему вкусу, выше нарисованному. Двадцать лѣтъ такого правленія могли подорвать какую угодно популярность. Дѣйствительно, въ 1888 году Миланъ увидѣлъ себя вынужденнымъ утвердить либеральную конституцію, а въ 1889 отрекся отъ престола въ пользу единственнаго сына Александра, въ то время еще малолѣтняго. Это одно могло спасти династію. Миланъ это понялъ и не остановился передъ отреченіемъ. Народъ не могъ перенести на мальчика ту ненависть, которую заслужилъ отецъ, но только ту любовь, которой пользовались старшіе Обреновичи. Но и это только отсрочило катастрофу. Съ одной стороны, Миланъ продолжалъ и истощать страну, и угнетать ее, руководя слабохарактернымъ неврастеникомъ сыномъ, а съ другой стороны, и самъ сынъ унаслѣдовалъ (какъ выше читали мы въ Temps) отъ отца наклонность къ произволу, но не унаслѣдовалъ его представительности, престижа и умѣнья ладить съ арміей. Паденіе династіи стало неизбѣжно. Можно осуждать форму, въ которую вылилось это паденіе, но само низложеніе Обреновичей было исторической необходимостью. Приходилось выбирать между паденіемъ династіи и паденіемъ государства.

Форма низложенія, дѣйствительно, была ужасна. Шестьдесятъ семь сабельныхъ ударовъ было насчитано на тѣлѣ королевы, около сорока—на тѣлѣ короля, хотя оба были убиты раньше револьверными пулями... И что могли мѣшать и значить послѣ низложенія Александра братья Луневичи, Марковичъ, Петровичъ, Павловичъ, Тодоровичъ? Сильные милостью покойнаго короля, безъ него они ста-

новились нулями. Не само низложеніе послѣдняго Обреновича, а эта жестокость исполненія смутила совѣсть Европы, особенно же еще то обстоятельство, что заговорщики оказались офицеры. Отсюда желаніе, чтобы жестокіе исполнители были наказаны. Давленіе державъ на новое правительство приняло три формы. Англія, Франція, Нидерланды и Турція отозвали своихъ дипломатическихъ агентовъ до выясненія положенія дѣла (т. е. до рѣшенія вопроса о наказаніи); Италія и Германія такъ далеко не пошли, но, оставляя своихъ представителей въ Бѣлградѣ, не возобновили оффиціальныхъ сношеній съ новымъ правительствомъ. Наконецъ, Австрія и Россія признали новое правительство и вступили съ нимъ въ сношеніе, но дали понять, что надѣются на наказаніе убійцъ свергнутыхъ короля и королевы. Это наиболѣе благопріятное отношеніе вызвало, однако, наиболѣе неудовольствіе въ Сербіи, потому что оно походило на вмѣшательство во внутреннія дѣла королевства.

Въ этомъ эпизодѣ достаточно еще отмѣтить, что Турція высказала особенно рѣзкое осужденіе государственному перевороту въ Сербіи. Она отозвала посланника, но нынѣ царствующій въ Стамбулѣ султанъ Абдулъ-Гамидъ II, вѣроятно, забылъ, взошелъ самъ на престолъ послѣ такого же государственнаго переворота и такого же убійства предшественника. Тогда Англія не отозвала посла, а императоръ Францъ-Іосифъ II, тогда уже правившій своей монархіей, признавая Абдула-Гамида, не выразилъ ему надежды на наказаніе злодѣевъ, умертвившихъ Абдулъ-Азиса. И какъ было выражать эту надежду, когда это были Мидхадъ-Паша, тогда великій визирь, и другіе министры и правители Оттоманской имперіи? Абдулъ-Гамидъ тогда былъ бы поставленъ въ очень затруднительное положеніе такимъ совѣтомъ. Не въ такомъ ли самомъ положеніи находится теперь и король Петръ? Сомнительно, чтобы онъ былъ въ состояніи отвѣтить подобнымъ надеждамъ. Его манифестъ дѣйствительно говоритъ объ общемъ забвеніи.

2 (15) іюня скупщитина возстановила дѣйствіе конституціи 1888 года, единственной законно изданной и затѣмъ незаконно отмѣненной, и единогласно избрала королемъ Петра Карагеоргіевича, которому теперь уже подъ шестьдесятъ лѣтъ. Петръ принялъ избраніе, прибылъ въ Сербію и присягнулъ конституціи. Пожелаемъ сербскому народу болѣе счастливыхъ дней, нежели перенесенные имъ въ теченіе послѣднихъ тридцати-сорока лѣтъ. Вѣроятно, въ ближайшей же нашей бесѣдѣ намъ придется вернуться къ дальнѣйшему развитію сербскихъ дѣлъ.

III.

4 (16) и 11 (24) іюня происходили въ Германіи общіе законодательные выборы, призванные составить рейхстагъ на ближайшее пятилѣтіе 1903—1908 гг. Аграрная таможенная политика прошлаго рейхстага, который въ этомъ направленіи превзошелъ само правительство, давно склонное къ аграрному протекціонизму, дѣлала выборы особо интересными. Нація должна была отвѣтить одобреніемъ или порицаніемъ этому недавнему прошлому рейхстага. Рѣшительно противъ аграрнаго протекціонизма боролись только свободомыслящіе всѣхъ трехъ фракцій и соціалисты. За аграрный протекціонизмъ, болѣе рѣшительный, нежели правительственный законопроектъ, боролись всѣ консервативныя группы и центръ, а націоналъ-либералы стояли за аграрный протекціонизмъ въ правительственной редакціи, но сейчасъ же согласились его и усилить, какъ скоро согласилось на это правительство. Мелкія національныя группы вотировали различно, да ихъ избиратели не ради общеимперскихъ вопросовъ посылаютъ ихъ въ рейхстагъ, а для отстаиванія своихъ національныхъ интересовъ и надеждъ.

Нѣмецкій рейхстагъ складывается изъ множества партій, выдѣлившихся изъ двухъ большихъ партій старой до-прусской Германіи. Тогда, какъ и въ другихъ цивилизованныхъ странахъ, существовали двѣ большія партіи, консервативная и либеральная. Первая была враждебна представительному правленію и свѣтскому образованію и стояла за сохраненіе прерогативъ короны (тридцати трехъ государей Германіи), сословныхъ привилегій и духовной власти церкви, при чемъ политической борьбы между католичествомъ и протестантизмомъ не было. Знаменитый въ свое время своимъ обскуратизмомъ, прусскій министръ народнаго просвѣщенія Мюллеръ предоставилъ народную школу во власть католическихъ патеровъ въ той же мѣрѣ, какъ и во власть протестантскихъ пасторовъ, смотря по исповѣданію учащихся. Сильная и сплоченная консервативная партія тогдашней Германіи (1815—1865 гг). нераздѣльно господствовала въ странѣ, но имѣла и свою ахиллесову пятку. Эта пятка заключалась въ необходимости отстаивать прерогативы не одной національной короны, а цѣлыхъ тридцати трехъ коронъ, интересы которыхъ вовсе не были солидарны. Крупныя и сильныя стремились къ поглощенію малыхъ и слабыхъ, а двѣ самыя крупныя и сильныя, австрійская и прусская, явно враждовали, раздѣляя и остальныхъ нѣмцевъ на два лагеря, великогерманцевъ или австрофиловъ и малогерманцевъ или пруссофиловъ. Эта слабая сторона сильной и сплоченной консервативной партіи и привела ее къ распаденію.

Противъ консерваторовъ стояла тогда тоже единая либеральная партія. Она не отличалась особою преданностью тридцати-тремъ государямъ и желала объединенія Германіи, представительнаго демократическаго правленія и реформъ въ духѣ принциповъ 1789 г. Въ ея средѣ тоже были велико-германцы и мало-германцы, хотя послѣдніе преобладали. Въ ея средѣ было еще одно дѣленіе: одни говорили „erst Einheit und dann Freiheit", а другіе предпочитали „erst Freiheit und dann Einheit", но покуда это дѣленіе было чисто академическое, потому что въ тѣ времена нѣмцы принуждены были обходиться и безъ Einheit такъ же, какъ и безъ Freiheit. Если консерваторы состояли изъ тридцати трехъ государей Германіи, ихъ министровъ, ихъ вѣрнаго дворянства и духовенства обоихъ исповѣданій, то въ составъ либераловъ входили, главнымъ образомъ, тѣ элементы, что французы недавно начали называть intellectuels, и болѣе просвѣщенная часть бюргерства. Въ народѣ консерваторы опирались на крестьянъ, экономически зависимыхъ отъ дворянъ и морально подчинявшихся духовенству. Либералы съ своей стороны находили нѣкоторое сочувствіе въ рабочихъ классахъ большихъ городскихъ центровъ. Такъ группировались разные элементы нѣмецкаго народа въ двѣ большія, единыя и сплоченныя партіи, съ вполнѣ выработанными и логически законченными программами. Господство историческаго авторитета, свѣтскаго и духовнаго, это—программа большой консервативной партіи. Ограниченіе свѣтскаго авторитета, отмѣна свѣтскаго покровительства духовному авторитету и народное правленіе, такова либеральная программа нѣмецкой оппозиціи во второй трети XIX вѣка. Программа консервативная была фактомъ; либеральная—болѣе надеждою и мечтою.

Вѣроятно, такое положеніе, хотя иногда и колеблемое разными попытками либеральнаго движенія, продолжалось бы еще долго (потому что силы двухъ сторонъ были очень неравны), если бы не вышеупомянутая ахиллесова пятка консервативной партіи. Пруссія пожелала вытѣснить Австрію изъ Германіи, поглотить владѣнія нѣкоторыхъ государей и стать во главѣ Германіи. Ей это удалось вполнѣ, но значительная часть консервативной партіи, всѣ великогерманцы и всѣ сторонники четырехъ низложенныхъ государей, откололись отъ консерваторовъ-пруссаковъ и пруссофиловъ. Пруссія нашла вмѣсто этого поддержку въ части либеральной партіи (именно среди тѣхъ, которые исповѣдовали „erst Einheit und dann Freiheit"), чѣмъ еще усилила отпаденіе консервативныхъ элементовъ, особенно клерикальныхъ католическихъ. Конфликтъ съ римскимъ духовнымъ престоломъ утвердилъ эту эволюцію, и большая единая и сплоченная консервативная партія перестала существовать. Она распалась на четыре фракціи, двѣ пруссофильскія (reichstreüe, какъ ихъ называлъ Бисмаркъ) и двѣ оппозиціонныя. Въ числѣ послѣднихъ главное

значеніе имѣла и имѣетъ клерикально-католическая партія, принявшая названіе центра, а затѣмъ вельфы, т. е. сторонники низложеннаго королевскаго Ганноверскаго дома, съ примыкающими сюда и другими нѣмецкими партикуляристами. Оставшаяся reichstreüe часть консервативной партіи частью сохранила вполнѣ всѣ принципы бывшей единой и сплоченной консервативной партіи (эта фракція сохранила названіе консерваторовъ), частью сдѣлала небольшое движеніе влѣво, особенно по вопросу борьбы съ клерикализмомъ (эта часть назвала себя Reichspartei, одно время называлась тоже Freikonservative). Впослѣдствіи изъ консервативныхъ фракцій выдѣлились еще три фракціи аграріевъ и двѣ антисемитовъ.

Параллельно съ распаденіемъ консервативной партіи произошло и распаденіе либеральной. Мы видѣли выше, что прусское правительство за объединеніе Германіи и за борьбу съ католическимъ клерикализмомъ получило поддержку части либераловъ, пожертвовавшихъ многими пунктами либеральной программы и принявшихъ названіе національ-либераловъ. Либералы, оставшіеся вѣрными всей полнотѣ либеральной программы, сохраняли сначала старое имя всей партіи (Fortschrittpartei, прогрессисты), а потомъ, когда удалось оторвать отъ національ-либераловъ лѣвое крыло и съ нимъ соединиться, приняли имя свободомыслящихъ Freisinnige, недолго продержавшихся въ единеніи и распавшихся, по причинѣ соперничества вождей, на три фракціи: свободомыслящая народная партія, свободомыслящій союзъ и южно-нѣмецкая народная партія.

Когда совершалось распаденіе двухъ старинныхъ большихъ партій (1866—1871 гг.), только что возникла партія соціалистическая, затѣмъ постепенно выросшая въ серьезную политическую силу. Національныя партіи, французская, польская, датская и литовская, дополняютъ эту пестроту и множественность нѣмецкихъ партій, оспаривающихъ другъ у друга господство въ имперскомъ парламентѣ. Чтобы облегчить читателямъ слѣдить за нижеслѣдующимъ изложеніемъ, мы сначала дадимъ въ систематическомъ порядкѣ перечисленіе всѣхъ партіи и фракцій рейхстага:

I. *Партіи консервативныя*:

1) Правительственныя:
  - Консерваторы.
  - Имперская партія.
  - Аграріи.
  - Сельско-хозяйственный союзъ (тоже аграріи).
  - Союзъ крестьянъ (тоже аграріи).
  - Антисемиты.
  - Партія реформы (тоже антисемиты).

2) Оппозиціонныя:
  - Католическій центръ.
  - Вельфы и нѣмцы-партикуляристы.

II. *Партіи либеральныя:*

1) Правительственныя:
 Націоналъ-либералы.
2) Оппозиціонныя:
 Свободомыслящая народная партія.
 Свободомыслящій союзъ.
 Южно-нѣмецкая народная партія.

III. *Соціалисты.*

IV. *Партіи національныя:*

Французская (эльз.-лотар.).
Польская.
Литовская.
Датская.

V. *Дикіе* (Wilde),

т. е. не принадлежащіе ни къ какой партіи. Такихъ въ рейхстагѣ 1893—1898 гг. было девять, изъ которыхъ трое обыкновенно вотировали съ либералами, а шесть съ консерваторами, такъ что и между дикими есть 2 фракціи.

Итого 20 фракцій.

Эти всѣ фракціи и предстали теперь въ 1903 году на судъ избирателей, какъ раньше являлись и въ 1898, и въ 1893 гг., и т. д. Одно время можно было надѣяться на сліяніе мелкихъ фракцій въ двѣ большія партіи, если не единыя, какъ прежде, то хотя бы союзныя. Объединеніе правительственныхъ и оппозиціонныхъ консервативныхъ фракцій по вопросу объ аграрномъ протекціонизмѣ и союзъ на этой же почвѣ между всѣми тремя фракціями свободомыслящихъ и соціалистами указывалъ на возможность такого же объединенія правыхъ и такого же союза лѣвыхъ и на выборахъ. На дѣлѣ не состоялись обѣ эти комбинаціи. Союзъ лѣвыхъ разбился о нежеланіе вліятельной „Свободомыслящей народной партіи", а на объединеніе правыхъ не пошелъ католическій центръ, который справедливо опасался потерять изъ-за союза съ консерваторами многочисленные голоса католической демократіи. Пока эти голоса еще поддерживаютъ клерикаловъ, единеніе съ консерваторами на выборахъ будетъ клерикаламъ опасно, но это не мѣшаетъ такому единенію въ парламентѣ, какъ и было въ концѣ дѣятельности прошлаго рейхстага.

Громадное дробленіе соперничающихъ фракцій привело къ тому, что первое голосованіе не дало ясной картины, и выясненіе окончательныхъ результатовъ было отложено до второго голосованія. Такъ въ 1898 году изъ 397 округовъ въ 188 результатъ былъ неокончательный, и надо было рѣшать дѣло

перебаллотировкою. Точно также и теперь 4 іюня 1903 года въ 184 округахъ первое голосованіе не дало окончательнаго результата, и борьба была рѣшена на перебаллотировкѣ 11 (24) іюня. Сравнивая первыя голосованія 1898 и 1903 гг., мы получимъ слѣдующую интересную табличку:

	1898	1903
Консерваторы	38	31
Имп. партія	10	6
Антисемиты	5	1
Союзъ Сел. хоз.	1	—
Союзъ крест.	3	3
Правит. конс.	57	41
Центръ	85	88
Всего консерв.	142	129
Націоналъ-либ.	10	5
Своб. нар. партія	1	—
Своб. союзъ	1	—
Всего либер.	12	5
Соціалисты	32	55
Поляки	13	14
Эльзасцы	9	10
Датчане	1	1
Всего націон.	23	25

Судя по этому голосованію, которое одно даетъ истинное представленіе о настроеніи избирателей, либерализмъ совсѣмъ потерялъ почву въ Германіи; правительственный консерватизмъ нѣсколько ослабѣлъ; оппозиціонный консерватизмъ и національныя антинѣмецкія партіи удержали свои позиціи, а значительно усилился одинъ соціализмъ, число сторонниковъ котораго увеличилось съ 1898 года на 800 тыс. избирателей.

Первое голосованіе важно для насъ потому, главнымъ образомъ, что здѣсь избиратели подаютъ голоса именно за излюбленнаго ими кандидата, тогда какъ на второмъ голосованіи за одного изъ двухъ предстоящихъ, между коими можетъ и не быть излюбленнаго. Подается за менѣе непріятнаго, или по соглашеніямъ между вожаками партій. Тактика 1903 года была довольно упрощенная. Правительственные консерваторы всѣхъ оттѣнковъ и фракцій и націоналъ-либералы на перебаллотировкѣ приняли одно общее обязательное правило: подавать голосъ противъ соціализма, и, слѣдовательно, за всякаго, выступающаго соперникомъ соціалистическому кандидату. Съ другой стороны, свободомыслящій союзъ и южнонѣмецкая народная партія заключили съ соціалистами соглашеніе и на второмъ голосованіи взаимно поддерживали. Свободомыслящая народная партія не вошла ни въ то, ни въ другое общее соглашеніе, а торговалась и заключала соглашенія въ каждомъ избирательномъ округѣ особо, смотря по обстоятель-

ствамъ. Любопытную позицію занялъ католическій центръ. Чтобы загладить дурное впечатлѣніе аграрнаго протекціонизма, который былъ поддержанъ центромъ и который не могъ нравится католической демократіи, вожди центра искусно выдвинули на выборахъ основою своей программы требованіе полной отмѣны знаменитыхъ майскихъ законовъ кн. Бисмарка противъ католицизма; это требованіе удержало единеніе всѣхъ католиковъ, но оно же напомнило всю горечь культуръ-кампфа и оживило старую вражду. Націоналъ-либералы и правительственные консерваторы составляли армію Бисмарка въ этомъ культуръ-кампфѣ. Не съ ними же входить въ соглашеніе, когда полное уничтоженіе плодовъ этой борьбы и составило лучшій ходъ и лучшій шансъ центра. Съ другой стороны, нельзя не входить и въ соглашеніе съ соціалистами: это могло оттолкнуть клерикаловъ-консерваторовъ. Поэтому, вожди центра рекомендовали своимъ избирателямъ совершенно воздерживаться отъ участія въ перебаллотировкѣ вездѣ, гдѣ предстоитъ выборъ между соціалистомъ, націоналъ-либераломъ, консерваторомъ и членомъ имперской партіи. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ въ числѣ кандидатовъ были свободомыслящіе всѣхъ фракцій или мѣстныя національныя партіи, тамъ вожди центра совѣтовали сообразоваться съ мѣстными условіями. Соціалистамъ это воздержаніе клерикаловъ могло быть только выгодно. Поэтому они отвѣтили такимъ же воздержаніемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда клерикалъ соперничалъ съконсерваторомъ или націоналъ-либераломъ. Весьма возможно, что между вождями клерикализма и соціализма было тайное соглашеніе о такомъ взаимномъ воздержаніи. Явный союзъ былъ бы невозможенъ (просто-на-просто, избиратели въ большинствѣ случаевъ не послушались бы), а воздержаніе было выгодно обѣимъ сторонамъ. Результатъ перваго и второго голосованія (перебаллотировки) мы представляемъ въ нижепомѣщаемой таблицѣ сравнительно съ данными всѣхъ предъидущихъ выборовъ въ рейхстагъ съ 1871 по 1903 гг. (сначала рейхстагъ избирался на три года, потомъ на пять, а меньшіе промежутки объясняются досрочными распущеніями рейхстага):

	1871.	1874.	1877.	1878.	1879.	1880.	1881.	1881.	1884.	1884.	1887.	1888.	1890.	1893.	1898.	1903.
Консерваторы .	50	21	40	59	59	58	58	48	52	76	78	75	71	66	52	50
Имп. партія . .	38	31	38	56	54	48	49	26	24	28	41	39	29	18	22	16
Антисемиты . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12	10	9
Катол. центръ .	57	94	96	103	102	101	102	107	106	108	101	99	113	109	106	100
Націон.-либер. .	116	150	126	97	85	85	62	45	45	50	98	97	41	42	48	51
Либер. остальные	73	49	35	26	23	41	64	115	109	71	32	37	74	76	50	35
Соціалисты . .	2	9	12	9	8	10	10	12	13	24	11	10	35	36	56	83
Поляки	13	13	14	14	14	14	14	18	18	16	13	13	16	16	14	16
Остальныя . .	27	30	35	33	48	37	37	24	27	24	23	20	27	31	39	37
Стало быть:																
Консервативн. партіи . . .	145	146	174	218	215	207	209	181	182	212	220	233	213	207	190	175
Либер. партіи .	189	199	161	123	108	126	126	160	154	121	130	134	115	118	98	86

Эта табличка очень поучительна. Она обнаруживаетъ постепенное паденіе либерализма и параллельное возвышеніе соціализма въ то время, какъ общая сумма консерваторовъ, претерпѣвая значительныя колебанія, не обнаруживаетъ постоянной тенденціи ни къ пониженію, ни къ ослабленію. Въ числѣ „остальныхъ“ 37 находится: 10 эльзасцевъ, 1 датчанинъ, 1 литовецъ (съ поляками 26 антинѣм. націоналистовъ), 7 вельфовъ, 3 аграрія, 3 крест. союзъ, 1 союза сел. хозяевъ и 11 дикихъ (4 либер. и 7 консерв).

Что касается спеціально отвѣта избирателей на вопросъ объ аграрномъ протекціонизмѣ, то вотъ сравнительныя цифры:

	1898 г.	1903 г.
Партіи за аграр. протекціонизмъ. . . .	190	175
Рѣшит. оппозиція	106	118

Хотя изъ этого видно, что сторонники аграрнаго протекціонизма потеряли 15 мѣстъ, а противники выиграли 12 мѣстъ, но для этого было много и иныхъ причинъ, такъ что германская нація отнеслась, повидимому, довольно равнодушно къ таможенному вопросу, столь волновавшему парламентъ.

Быстрый ростъ соціалъ-демократіи вызываетъ большіе и разносторонніе толки. На очередь выдвигаютъ вопросъ о замѣнѣ всеобщей подачи голосовъ ограниченною системою. Чтобы законно провести такое измѣненіе, необходимо заручиться согласіемъ центра и націоналъ-либераловъ. Послѣдніе, вѣроятно, согласятся, а съ центромъ придется очень и очень поторговаться, но при большой уступчивости достиженіе согласія не невозможно. Впрочемъ, это забота будущаго...

С. Южаковъ.

Послѣдній ученый трудъ русскаго правовѣрнаго марксизма.

Петръ Масловъ. Условія развитія сельскаго хозяйства въ Россіи. Опытъ анализа сельскохозяйственныхъ отношеній. Спб. 1903 г.

Семь лѣтъ тому назадъ,—ко всероссійской выставкѣ 1896 г., министерствомъ финансовъ была издана книга, подъ заглавіемъ: „Производительныя силы Россіи“. Въ моемъ книжномъ шкафу это самая большая, самая неуклюжая и, пожалуй, самая ненужная книга. За пересылку ея книгопродавцы, помнится, брали, какъ

за семь фунтовъ. Въ ней двадцать перенумерованныхъ отдѣловъ, да нѣсколько оставленныхъ безъ номера. Отдѣлы подраздѣлены на части и главы и, сверхъ того, къ нѣкоторымъ изъ нихъ приставлены еще „подъотдѣлы", въ довольно странной подчасъ комбинаціи. Двѣнадцатый, напримѣръ, отдѣлъ, посвященный машиностроенію и электротехникѣ, имѣетъ почему-то „подъотдѣлъ пожарный", въ которомъ трактуется о „состояніи страхового дѣла въ Россіи". Къ отдѣлу о народномъ образованіи приставлены подъотдѣлы метеорологіи, общества спасанія на водахъ и т. д. При такой системѣ расположенія матеріала найти что-либо даже въ оглавленіи трудно; разыскать же найденное въ оглавленіи потомъ въ самой книгѣ еще труднѣе, такъ какъ не только отдѣлы и подъотдѣлы, но и нѣкоторыя главы имѣютъ свою особую номерацію страницъ. Въ сущности это рядъ выставочныхъ „обозрѣній", склеенныхъ на скорую руку въ одинъ огромный томъ, обклеенный затѣмъ розоватой обложкой и выпущенный въ публику подъ громкимъ заглавіемъ.

Пользоваться этой книгой мнѣ почти не приходилось. Не смотря на это, обложка у нея давно уже отлетѣла, тонкія нитки порвались, многочисленные отдѣлы и подъотдѣлы перепутались. Въ настоящее время „Производительныя силы Россіи" лежатъ въ моемъ шкафу въ видѣ груды разрозненныхъ и перепутанныхъ листовъ, какъ бы спеціально предназначенныхъ для макулатуры. Подчасъ я склоненъ видѣть въ этомъ нѣкоторый символъ. Въ книгѣ, когда-то привлекшей общее вниманіе своимъ заглавіемъ и поражавшей всѣхъ своимъ размѣромъ, есть что-то общее съ самой системой, избравшей „производительныя силы Россіи" своимъ девизомъ...

Сейчасъ передо мною лежитъ совсѣмъ другая книга, но я вижу тѣ же слова: „производительныя силы". Они мелькаютъ въ оглавленіи, попадаются по нѣсколько разъ чуть не на каждой страницѣ, служатъ той обложкой, подъ которую авторъ всячески старается подвести всѣ свои мысли объ „условіяхъ развитія сельскаго хозяйства въ Россіи". Мысли эти склеены, однако, не лучше, чѣмъ отдѣлы и подъотдѣлы въ выставочномъ изданіи. Изложены и размѣщены онѣ какъ бы нарочно такъ, чтобы затруднить ихъ пониманіе. Даже слова нерѣдко подобраны такія и такъ перепутаны, что при всѣхъ усиліяхъ во многихъ фразахъ не находишь смысла *).

*) Чтобы не быть голословнымъ, приведу для примѣра нѣсколько выдержекъ. «Электрическія машины для доенія, молотилки, плуги, зернодробилки, соломорѣзки, ножницы для стрижки овецъ, помпы и другія сельскохозяйственныя орудія уже въ настоящее время употребляются и грозятъ вытѣснить лошадь, которая была до настоящаго времени лучшимъ двигателемъ въ сельскомъ хозяйствѣ» (стр. 67—68). Какимъ образомъ доильныя машинки или ножницы для стрижки овецъ могутъ вытѣснить лошадь,—объ

Не везетъ производительнымъ силамъ въ русской экономической литературѣ!...

На этотъ разъ я особенно сожалѣю, что посвященный имъ трактатъ, крайне широкій по замыслу, оказался не особенно удачнымъ по выполненію. Г. Масловъ принадлежитъ къ числу немногихъ уже въ нашей теперешней литературѣ представителей, такъ называемаго „правовѣрнаго марксизма". Tempora mutantur et nos mutamur in illis,—и можно думать, что даже ортодоксія во многихъ своихъ взглядахъ не остается неизмѣнной. Услыхать съ этой стороны мнѣніе по одному изъ серьезныхъ и неотложныхъ вопросовъ русской жизни для насъ сейчасъ было бы очень интересно. И само-собой понятно, что наше удовольствіе было бы тѣмъ больше, чѣмъ лучше и легче могли бы мы сами усвоить это мнѣніе и передать его нашимъ читателямъ.

Не будемъ, однако, не въ мѣру взыскательны. Извинимся лишь передъ авторомъ за наше изложеніе, которое будетъ не полнымъ и, быть можетъ, окажется въ чемъ-либо неточнымъ. Въ особенности, я не поручусь за то, что, кромѣ тѣхъ мыслей, на которыхъ я остановлюсь, въ книгѣ не найдется другихъ, прямо имъ противоположныхъ.

Какъ бы то ни было, изъ „тысячи думушекъ", которыми наполнена книга, я отмѣчу лишь нѣкоторыя, которыя мнѣ представляются доминирующими.

I.

Проблема развитія производительныхъ силъ въ экономической жизни каждой страны представляется одной изъ важнѣйшихъ; для Россіи же и, въ частности, для русскаго сельскаго хозяйства въ настоящее время она является, вмѣстѣ съ тѣмъ, одной изъ самыхъ неотложныхъ. Не вчера и не сегодня жизнь выдвинула на очередь эту задачу. Громадное значеніе ея уже усвоено не только общественнымъ сознаніемъ, но, какъ мы видѣли, до извѣстной степени, и правящимъ міромъ Россіи. Относительно настоятельной необходимости развитія производительныхъ силъ сейчасъ нѣтъ въ сущности разногласія между представителями самыхъ различныхъ нашихъ партій и направленій. Нѣтъ, однако, и согласія относительно тѣхъ путей, которыми это можетъ быть

этомъ нужно, конечно, подумать да подумать. Или: «Близость къ рынку, т. е. къ району, куда требуется ввозъ хлѣба, опредѣляется цѣнами на хлѣбъ». Ну кто же разстояніе опредѣляетъ цѣнами? Не лучше-ли спросить объ этомъ извозчиковъ или навести справку въ Суворинскомъ календарѣ? Или: «Сумма издержекъ производства по отношенію къ денежному валовому доходу выражаетъ доходность капиталистическаго хозяйства» (стр. 144). Съ точки зрѣнія обычнаго словоупотребленія—это ужъ явная безсмыслица.

достигнуто. Каждая экономическая программа по своему ставитъ и рѣшаетъ эту проблему.

Для нѣкоторыхъ задача развитія производительныхъ силъ въ сферѣ экономической политики представляется не только важной, но и единственной. Таковы всѣ программы, въ которыхъ увеличеніе національнаго богатства ставится какъ бы конечною и самодовлѣющею цѣлью народно-хозяйственной жизни или, по крайней мѣрѣ, сознательнаго воздѣйствія на нее. Въ основѣ ихъ лежатъ безсознательные пережитки имѣющаго свое историческое оправданіе, но безусловно реакціоннаго въ наши дни національзма, отживающая идеологія котораго служитъ однимъ изъ лучшихъ средствъ, чтобы прикрыть и оправдать тѣ классовыя противорѣчія, которыми полна экономическая жизнь современнаго человѣчества. На программахъ этого порядка останавливаться сейчасъ я не буду. Для меня достаточно лишь отмѣтить, что направленіе, къ которому принадлежитъ г. Масловъ, не имѣетъ съ ними ничего общаго. Не мощь и не богатство націи, а благосостояніе населенія для него, какъ и для насъ, является послѣднею инстанціею въ оцѣнкѣ экономическихъ отношеній.

Г. Масловъ хорошо понимаетъ, что развитіе производительныхъ силъ—не самодовлѣющая цѣль, а только „орудіе", которымъ пользуется населеніе „при развитіи потребностей, такъ же какъ и при своемъ ростѣ". Другими словами: силы и богатство нужны не сами по себѣ, а для того лишь, чтобы населеніе могло удовлетворять и развивать свои потребности. На первый взглядъ эта мысль можетъ показаться общимъ мѣстомъ и даже банальностью. Изъ нея вытекаютъ, однако, нѣкоторые совершенно опредѣленные выводы, которыми намъ придется воспользоваться въ дальнѣйшемъ изложеніи. И я считаю не лишнимъ подчеркнуть въ данномъ случаѣ это тождество основной точки зрѣнія у меня съ г. Масловымъ.

Я не склоненъ, однако, какъ дѣлаетъ онъ, вопросъ о развитіи производительныхъ силъ исключать изъ числа „программныхъ" вопросовъ. Да и что значитъ это неоднократное утвержденіе г. Маслова, что вопросъ, которому онъ посвятилъ свою книгу, не программный вопросъ?

Настаивая на этомъ, авторъ, повидимому, хочетъ сказать, что развитіе производительныхъ силъ не можетъ быть цѣлью,—хотя бы служебною,—для сознательной и планомѣрной общественной дѣятельности. „Производительныя силы населенія, по его мнѣнію, развиваются въ безпорядочной экономической борьбѣ". „Растущее населеніе ищетъ выхода изъ такихъ хозяйственныхъ условій, которыя не даютъ ему размножаться. Этотъ выходъ оно въ концѣ концовъ находитъ въ развитіи производительыхъ силъ"... „Хотя въ нѣкоторые моменты экономическаго развитія, говоритъ онъ дальше, цѣлыя группы хозяйствующихъ субъектовъ дѣйствуютъ

вопреки общему стремленію къ развитію производительныхъ силъ, тѣмъ не менѣе, въ конечномъ счетѣ, увеличеніе производительности труда точно также, какъ и ростъ населенія, невозможный безъ перваго, побѣждаютъ, и общество продолжаетъ развиваться или ему предстоитъ вымираніе"... „Хозяйственное развитіе общества", выражается онъ еще болѣе опредѣленно, „фатально" ведетъ къ развитію производительныхъ силъ"... Такимъ образомъ мы имѣемъ въ этомъ случаѣ дѣло съ характернымъ для даннаго направленія фатализмомъ, хотя и заключеннымъ на этотъ разъ въ кавычки. Авторъ остается вѣрнымъ „догмѣ", что развитіе производительныхъ силъ является основнымъ и независящимъ отъ воли и сознанія людей, стихійнымъ, такъ сказать, факторомъ исторіи. И въ этомъ мы рѣзко расходимся съ нимъ.

Не менѣе, быть можетъ, г. Маслова я вѣрю въ то, что людямъ еще долго суждено „плодиться, множиться и населять землю". Эту вѣру даетъ мнѣ все прошлое міровой жизни. Я не вижу причины, почему бы органическая жизнь порвалась или пріостановилась въ своемъ развитіи на той стадіи, какой она достигла въ современномъ человѣческомъ обществѣ. Напротивъ, я убѣжденъ, что возможность развитія жизни въ данномъ направленіи далеко еще не исчерпана, что это развитіе будетъ длиться,—съ точки зрѣнія нашего пониманія,—безконечно, и что въ будущемъ типъ человѣка достигнетъ такой силы и красоты, а человѣческое общество въ своихъ отношеніяхъ—такой солидарности и справедливости, о какихъ намъ съ г. Масловымъ въ настоящее время „не лѣть есть и глаголати".

Эта возможность дальнѣйшаго развитія обусловлена, однако, не стихійными процессами, во всякомъ случаѣ—не ими одними. На той стадіи, какой достигла жизнь въ человѣкѣ, дѣйствіе ихъ умѣряется и пополняется, видоизмѣняется и направляется сознаніемъ,—новымъ и все усиливающимся факторомъ прогресса. И чтобы ни говорили намъ гг. фаталисты, какъ бы они ни обнадеживали, что все идетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ, люди уже не откажутся отъ сознательнаго и активнаго участія въ жизни. Какъ въ личныхъ своихъ отношеніяхъ нормально развитый человѣкъ, не довѣряя слѣпой игрѣ случая, желаетъ самъ ковать свое счастье, такъ и въ сферѣ соціальныхъ отношеній общественный дѣятель, достойный этого имени, „безпорядочной экономической борьбѣ" всегда предпочтетъ сознательную и планомѣрную работу. Потребность свою общественную жизнь сдѣлать цѣлесообразной, освѣтить ее всю свѣтомъ сознанія, во всѣхъ развѣтвленіяхъ подчинить ее своей коллективной волѣ и въ цѣломъ сдѣлать ее опорой дальнѣйшаго развитія и совершенствованія личности,—эта великая потребность уже возникла и не умретъ въ человѣчествѣ.

Это не только потребность, вырабатываемая въ людяхъ об-

щимъ ходомъ жизненнаго развитія; это вмѣстѣ съ тѣмъ—необходимость, диктуемая имъ чувствомъ личнаго и общественнаго самосохраненія. Въ тѣхъ областяхъ жизни, въ которыхъ царятъ стихійные процессы, ея развитіе и даже самое существованіе являются далеко не обезпеченными. Мы знаемъ, что въ „безпорядочной борьбѣ“ регрессируютъ и исчезаютъ цѣлые виды. Отъ возможности застоя, упадка и вымиранія не застрахованы и человѣческія общества, пока они совершенно не освободились изъ подъ власти стихійныхъ процессовъ и безпорядочную борьбу интересовъ не замѣнили планомѣрной общественной дѣятельностью. Намъ извѣстна вѣдь гибель цѣлыхъ цивилизацій, на нашихъ глазахъ вымираютъ цѣлыя племена и народы. Можно быть увѣреннымъ, что нить жизни, идущая черезъ человѣка, не порвется, что человѣчество въ цѣломъ, „въ конечномъ счетѣ“, восторжествуетъ,—и въ то же время трепетать за судьбу того или иного человѣческаго общества.

Г. Масловъ знаетъ, что „конечный счетъ“ каждаго общества, по скольку онъ зависитъ отъ развитія производительныхъ силъ, еще не написанъ и что его приходится мыслить въ видѣ дилеммы: развитіе или вымираніе. Какъ увидимъ ниже, онъ знаетъ и то, что для насъ эта дилема представляетъ сейчасъ не гипотетическую только возможность, а полную захватывающаго трагизма реальность. И за всѣмъ тѣмъ въ дѣлѣ развитія производительныхъ силъ онъ полагаетъ возможнымъ довѣриться безпорядочной борьбѣ и стихійнымъ процессамъ.

Не до конца, однако, г. Масловъ остается фаталистомъ. Онъ лишь противополагаетъ „не-программнымъ“ вопросамъ производства какіе-то другіе „программные“ вопросы,—на сколько я могъ понять,—вопросы распредѣленія. Для меня было бы понятно такое противоположеніе, если бы авторъ являлся идеологомъ щедринскихъ генераловъ. Увѣренные, что „мужикъ вездѣ есть,—стоитъ только поискать его“,—тѣ дѣйствительно свою программу могли ограничивать вопросами распредѣленія и потребленія. Но вѣдь тѣ классы, интересы которыхъ дороги намъ съ г. Масловымъ, находятся въ совершенно иномъ положеніи. Они не могутъ разсчитывать, что кто-то другой, какой-то „ёнъ“ достанетъ. Они сами должны произвести все то, что подлежитъ распредѣленію и уже поэтому заботу о развитіи производительныхъ силъ не могутъ предоставить стихіямъ.

Любопытнѣе всего, что самъ г. Масловъ въ серединѣ книги „вопросъ о возможности развитія производительныхъ силъ“ называетъ „программнымъ вопросомъ“. Правда, слово возможность онъ въ этомъ случаѣ подчеркиваетъ, какъ бы намекая, что тутъ зарыта какая-то собака. Не странно ли, однако, включать въ программу вопросъ о *возможности* того процесса, который, помимо всякой программы, считается *неизбѣжнымъ*. Вѣдь изъ того,

что это необходимо, должно быть само собою слѣдуетъ, что это можетъ быть. Въ чемъ же тутъ программа?

А между тѣмъ da ist der Hund begraben—здѣсь, дѣйствительно, зарыта собака. Не спроста г. Масловъ вопросъ о развитіи производительныхъ силъ исключаетъ изъ числа программныхъ вопросовъ, освобождая отъ этого остракизма только вопросъ о возможности; не напрасно и я задержалъ вниманіе читателей на этомъ, казалось бы, чисто-формальномъ сюжетѣ.

Вопросъ о развитіи производительныхъ силъ прежде всего сводится къ вопросу о формахъ, въ которыхъ это развитіе можетъ и должно происходить. Ихъ-то г. Маслову и хотѣлось бы поставить внѣ нашего контроля, признать ихъ неизбѣжными и и независящими отъ нашей воли и сознанія, отъ нашихъ программъ. Секретничать намъ нечего и, забѣгая впередъ, я могу сказать, что такими „фатальными“ формами развитія производительныхъ силъ онъ считаетъ капиталистическія. Включать ихъ въ программу, дѣлать ихъ цѣлью сознательной и планомѣрной дѣятельности, дѣйствительно, какъ будто, того... неудобно.

За то, когда фатальность ихъ будетъ признана, на сцену можетъ, по логикѣ г. Маслова, явиться вопросъ о ихъ возможности, т. е. вопросъ о созданіи тѣхъ условій, которыя нужны для того, чтобы фатальное могло совершиться. Эти условія уже можно включить въ программу, т. е. выдвинуть въ качествѣ одной изъ задачъ экономической политики.

„Вопросъ о *возможности* развитія производительныхъ силъ, вопросъ объ устраненіи неблагопріятныхъ соціально-экономическихъ условій,—говоритъ г. Масловъ, — программный вопросъ и на немъ мы останавливаться не будемъ“. Очень жаль: вѣдь было бы очень интересно познакомиться съ программой, которая беретъ на себя задачу устранить неблагопріятныя условія для развитія капиталистическихъ формъ. Но что дѣлать!.. Посмотримъ, по крайней мѣрѣ, какова ихъ фатальность, каковой г. Масловъ посвятилъ или, правильнѣе, хотѣлъ посвятить всю свою книгу.

II.

„К. Марксъ формулировалъ взаимоотношеніе развитія производительныхъ силъ и тѣхъ формъ, въ которыя укладываются экономическія отношенія. Мы же—говоритъ г. Масловъ—указываемъ на другую, не менѣе важную связь состоянія производительныхъ силъ съ формой и съ типами хозяйствъ“. По совѣсти сказать, я не совсѣмъ ясно представляю себѣ разницу между тѣмъ, что формулировалъ Марксъ, и тѣмъ „не менѣе важнымъ“, на что указываетъ теперь г. Масловъ. Думаю, однако, что эта разница не особенно велика, и что въ формулѣ Маркса мысли-

лась и другими его послѣдователями неоднократно указывалась та связь, на которой настаиваетъ теперь г. Масловъ. Говорю это не затѣмъ, однако, чтобы умалить значеніе сдѣланнаго послѣднимъ открытія. Человѣку, имѣвшему терпѣніе на 500 страницахъ блуждать около „развитія производительныхъ силъ", можно извинить маленькую нескромность въ оцѣнкѣ своихъ заслугъ. Я желалъ бы лишь отклонить упрекъ въ „пренебреженіи къ вопросу о развитіи производительныхъ силъ", каковой г. Масловъ посылаетъ чуть ли не всѣмъ писавшимъ до него экономистамъ и притомъ не только противнаго, но и своего лагеря.

„Безконечные споры въ русской литературѣ (въ которыхъ, къ слову сказать, и самъ авторъ принималъ извѣстное участіе) о неизбѣжности развитія капитализма въ настоящее время, объ экономической дифференціаціи населенія и его классовомъ раздѣленіи обнаружили, говоритъ г. Масловъ, въ большинствѣ случаевъ полное отсутствіе пониманія связи вопросовъ о капитализмѣ и о дифференціаціи съ вопросомъ о развитіи производительныхъ силъ"... „Экономисты, видѣвшіе неизбѣжность развитія капитализма въ Россіи, часто разсматривали процессы капитализаціи, экономической дифференціаціи и проч., какъ самодовлѣющіе процессы, неизбѣжность которыхъ не вытекаетъ изъ развитія производительныхъ силъ... Задача изслѣдователей экономической дѣйствительности сводилась къ констатированію наличности или отсутствія дифференціаціи, капитализаціи и т. д."

Не возводитъ ли, однако, г. Масловъ большую напраслину на своихъ друзей—„экономистовъ, видѣвшихъ неизбѣжность развитія капитализма въ Россіи"? Если они отстаивали прогрессивное значеніе капитализма, экономической дифференціаціи „и т. д." въ народно-хозяйственной жизни, то вѣдь не въ качествѣ самодовлѣющихъ процессовъ. Если они доходили въ своемъ увлеченіи до дифирамбовъ кулачеству, то вѣдь не изъ любви къ нему. Въ этомъ не заподозрѣвали ихъ даже противники въ моменты самой ожесточенной полемики. Всѣмъ было понятно, что они приписывали прогрессивное значеніе капитализму, дифференціаціи, разрушенію общины и т. д. именно потому, что считали эти процессы „неизбѣжно вытекающими" изъ неизбѣжнаго развитія производительныхъ силъ. И если въ спорахъ на первый планъ выдвинулся въ концѣ-концовъ вопросъ о фактѣ, то не потому, что такъ ни съ того ни съ сего захотѣлось изслѣдователямъ. Къ своей задачѣ они были приведены тою логикою, съ требованіями которой г. Масловъ можетъ ознакомиться хотя бы въ самомъ элементарномъ учебникѣ. Вѣдь если признается, что что-либо необходимо должно быть, то само собою слѣдуетъ, что это такъ и есть въ дѣйствительности. Эту фактическую провѣрку теоріи и взяли на себя изслѣдователи.

Теперь г. Масловъ желаетъ перевернуть вопросъ. „Допустимъ,

говоритъ онъ, что въ самомъ дѣлѣ община развивается, дифференціаціи крестьянства не совершается, процвѣтаетъ натуральное хозяйство. Можетъ быть община развивается, дифференціаціи не совершается и т. д. именно потому, что не все обстоитъ благополучно? Можетъ быть эти явленія находятся въ связи съ остановкой развитія производительныхъ силъ?“ Г. Масловъ, очевидно, далеко не увѣренъ въ результатахъ тѣхъ изысканій, надъ которыми уже такъ много трудились экономисты его лагеря. И онъ пробуетъ уклониться отъ постановки и прямого отвѣта на фактическіе вопросы.

Взять хотя бы дифференціацію. Онъ „отсылаетъ читателей, интересующихся вопросомъ о разслоеніи крестьянства на два класса, къ литературѣ, спеціально посвященной этому вопросу“. Между тѣмъ, ему извѣстно, на сколько вопросъ этотъ представляется еще спорнымъ, и въ книгѣ, спеціально посвященной доказательствамъ неизбѣжности такихъ процессовъ, какъ дифференціація, можетъ быть, слѣдовало бы нѣсколько внимательнѣе отнестись къ имѣющимъ сюда отношеніе фактамъ. Возможно, что въ данномъ случаѣ сыграло нѣкоторую роль чувство, которое г. Масловъ заподозрѣваетъ у своихъ противниковъ: „вѣдь признаться въ ошибочномъ рѣшеніи такого вопроса—говоритъ—онъ значитъ признать полную несостоятельность своихъ воззрѣній на экономическую дѣйствительность и даже на будущее хозяйственное развитіе страны“ (стр. 346).

Какъ бы то ни было, уклониться совсѣмъ отъ фактическихъ вопросовъ оказалось невозможнымъ, и автору, хотя бы въ условной формѣ, пришлось давать на нихъ отвѣты. Прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ его теоретическимъ настроеніямъ, намъ не лишне будетъ ознакомиться съ фактическимъ положеніемъ дѣлъ, по скольку оно выясняется изъ приведенныхъ въ книгѣ данныхъ. Чтобы не удлинять изложеніе, изъ всѣхъ относящихся сюда „частныхъ вопросовъ“, которымъ г. Масловъ нигдѣ не даетъ исчерпывающаго списка, неизмѣнно заканчивая ихъ перечисленіе словами „и т. д.“, я остановлюсь на одномъ — на дифференціаціи крестьянства, которому посчастливилось все-таки болѣе другихъ. Въ книгѣ ему посвящена спеціальная глава и, кромѣ того, къ нему авторъ нерѣдко возвращается въ другихъ главахъ.

Изъ фактическихъ матеріаловъ по этому вопросу на первый планъ г. Масловъ выдвигаетъ данныя военно-конскихъ переписей въ обработкѣ г. Вихляева. Онъ ихъ считаетъ настолько важными и цѣнными, что удостоиваетъ послѣдняго даже иронической благодарности за тщательность ихъ разработки, предпринятой съ намѣреніемъ „доказать нѣчто противоположное“. Между тѣмъ эти данныя, по словамъ г. Маслова, „такъ широко и такъ наглядно и правильно“ подтверждаютъ защищаемую имъ теорію... Посмотримъ, однако.

„Такъ какъ лошади являются наиболѣе необходимыми для земледѣльческаго хозяйства, то сокращеніе ихъ числа по отношенію къ населенію, говоритъ г. Масловъ, должно служить однимъ изъ признаковъ паденія производительныхъ силъ... Во всякомъ случаѣ сокращеніе числа лошадей у *всего* земледѣльческаго населенія есть признакъ паденія его производительныхъ силъ". Допустимъ, что это такъ, и посмотримъ теперь приводимыя г. Масловымъ цифры.

Въ хозяйствахъ:	Насколько °/₀°/₀ число лошадей увеличилось (+) или уменьшилось (—). Въ 4 восточн. губерніяхъ (1891—1893).	Въ 23 центр. и зап. губерн. (1888-1893/4).	Въ 4 южныхъ губерніяхъ (1891—1896).
Съ 1 лошадью	+ 4,2	+ 10,9	— 1,1
» 2 лошадьми	— 13,7	— 11,6	+ 24,1
» 3 »	— 21,7	— 29,7	+ 26,1
» 4 »	— 22,8	— 38,1	+ 41,5
» 5 »	— 22,0	— 45,4	+ 44,7
» 6 и болѣе	— 24,5	— 51,5	+ 34,7
Вообще	— 11,0	— 11,4	+ 26,0

Въ 27 губерніяхъ число лошадей значительно уменьшилось и, стало быть, по сдѣланному допущенію, производительныя силы населенія упали, и лишь въ 4 губерніяхъ число лошадей увеличилось, т. е. производительныя силы возрасли. Это, однако, пока между прочимъ, такъ какъ размѣры того или иного факта г. Маслова не интересуютъ и ему важна лишь связь между развитіемъ производительныхъ силъ и хозяйственной дифференціаціей. Связь же для непредубѣжденнаго читателя такова: при паденіи производительныхъ силъ происходитъ общее передвиженіе всѣхъ хозяйствъ въ сторону меньшей обезпеченности рабочимъ скотомъ, при увеличеніи же производительныхъ силъ происходитъ такое же общее передвиженіе, только въ другую сторону. Въ томъ и другомъ случаѣ происходитъ, однако, односторонній процессъ и о какомъ либо движеніи отъ средины къ краямъ, что являлось бы несомнѣннымъ признакомъ дифференціаціи, не можетъ быть и рѣчи. Г. Масловъ не довольствуется, однако, этимъ самымъ естественнымъ выводомъ и желаетъ извлечь изъ приведенныхъ цифръ нѣчто большее. Даютъ онѣ и большее, только все-таки не совсѣмъ то, что хотѣлось бы г. Маслову. „*При паденіи производительныхъ силъ населенія*, пишетъ и подчеркиваетъ онъ, *происходитъ нивеллировка хозяйствъ, болѣе крупныя крестьянскія хозяйства, приближающіяся къ типу капиталистическихъ, исчезаютъ... Съ развитіемъ же производительныхъ силъ дифференціація крестьянскихъ хозяйствъ усиливается*, такъ какъ наиболѣе выигрываютъ группы многолошадныхъ хозяйствъ и проигрываютъ однолошадныхъ"... Я готовъ согласиться съ этими выводами, но съ маленькимъ къ нимъ дополненіемъ.

Не упускайте изъ виду, г. Масловъ, что въ данномъ случаѣ группы „выигрываютъ“ и „проигрываютъ“ только въ *числѣ хозяйствъ*, которыя входятъ въ ихъ составъ. Если въ южныхъ губерніяхъ число лошадей наиболѣе значительно увеличилось въ 5-й группѣ, то это значитъ, что увеличилось *число* пяти-лошадныхъ хозяйствъ, а не то, чтобы хозяйства этой группы сильнѣе другихъ разбогатѣли лошадьми. Другими словами: передвинулись *хозяйства* изъ группы въ группу, а *не лошади* изъ однихъ хозяйствъ въ другія. И замѣтьте: любопытно передвинулись.

Я позволю себѣ привести маленькій ариѳметическій разсчетъ, который нѣсколько разъяснитъ основу, на которой произошло это передвиженіе. Возьмемъ въ самомъ дѣлѣ эту наиболѣе сильно „выигравшую“ въ южныхъ губерніяхъ группу пятилошадныхъ хозяйствъ. Въ 1891 г. въ ней было 8,869 хозяйствъ съ 44,345 лошадьми. Допустимъ, что хозяйства этой группы къ 1896 г. увеличили число своихъ лошадей, какъ полагаетъ г. Масловъ, на 44,7%. Тогда у нихъ было бы 44,345 + 19,822 = 64,167 лошадей или въ среднемъ по 7,23 лошади на хозяйство. Если бы это увеличеніе произошло равномѣрно, то всѣ хозяйства пятой группы со всѣми своими лошадьми (съ 64,167) должны были бы передвинуться въ шестую. Но этого не могло быть, потому что въ шестой группѣ за это время число лошадей увеличилось всего на 28,217 (съ 81,459 до 109,676). Стало быть, изъ другихъ группъ въ эту группу могли передвинуться не болѣе 28,217:6 = 4,703 хозяйствъ и то при предположеніи, что въ хозяйствахъ, имѣвшихъ въ 1891 г. по 6 и болѣе лошадей, ни одной лошади не прибавилось, т. е. что самыя многолошадныя хозяйства отъ увеличенія производительныхъ силъ ничего не выиграли. Допустимъ, что вся прибыль лошадей въ 6 группѣ произошла за счетъ передвиженія хозяйствъ изъ пятой группы, а для этого нужно было, чтобы у 4,703 хозяйствъ пятой группы прибавилось по 1 лошади. Болѣе значительнаго прироста лошадей у хозяйствъ этой группы быть не могло, это—maximum. Иначе, куда же бы дѣвались другія хозяйства этой группы, увеличившія число лошадей? Итакъ, максимальный выигрышъ хозяйствъ пятилошадныхъ былъ равенъ 4,703 лошадямъ или по отношенію къ имѣвшимся у нихъ въ 1891 г. (44,345) лишь 10,6%, т. е. значительно меньше, чѣмъ въ среднемъ для всѣхъ хозяйствъ (26%). И если число лошадей въ 5-ой группѣ увеличилось на 19,000 или на 40 слишкомъ процентовъ, то это „выигрышъ“ не пятилошадныхъ хозяйствъ, а вѣроятнѣе всего, четырехлошадныхъ. Если мы сдѣлаемъ такой же разсчетъ для послѣднихъ, то найдемъ, что число лошадей у хозяйствъ, имѣвшихъ въ 1891 г. по 4 лошади, могло увеличиться на 32,051 или по отношенію къ числу имѣвшихся

у нихъ (137,424) на 23,3%. Такимъ образомъ, по этому схематическому разсчету мы имѣемъ:

Въ хозяйствахъ, имѣвшихъ въ 1891 году:	Число лошадей увеличилось на:
по 4 лошади	23,3%
» 5 лошадей	10,6%
» 6 и болѣе	0, %

Нуль для послѣдней группы нами былъ допущенъ условно. Но если бы мы взяли какую-либо положительную величину, то—легко понять—лишь уменьшили бы „выигрышъ“ пятилошадныхъ хозяйствъ.

Это, конечно, только схема. Явленіе, имѣвшее мѣсто въ жизни, было, конечно, несравненно сложнѣе, такъ какъ хозяйства, вѣроятно, передвигались не въ сосѣднія только группы и не въ одну только сторону. Схема эта, однако, достаточна, чтобы уловить тенденцію, лежащую въ основѣ явленія. Она же совершенно иная, чѣмъ думаетъ г. Масловъ: при развитіи производительныхъ силъ,—если прибыль лошадей дѣйствительно означала это,—группы многолошадныхъ хозяйствъ выигрываютъ не больше, а меньше малолошадныхъ. Если простое сопоставленіе цифръ даетъ какъ будто иной выводъ, то вѣдь это только иллюзія, всецѣло объясняемая способомъ полученія цифръ. И, право, прежде чѣмъ кричать ура, г. Маслову не лишне было бы вдуматься въ цифры, доставившія ему такое „удовольствіе“.

Какой же, однако, выводъ для „дифференціаціи“ мы можемъ сдѣлать изъ констатированной нами тенденціи? Если „при развитіи производительныхъ силъ“ многолошадныя хозяйства выигрываютъ относительно меньше, чѣмъ малолошадныя, то легко понять, что послѣднія, стало быть, догоняютъ первыхъ. И если этотъ процессъ будетъ продолжаться, то въ концѣ-концовъ, какъ и при паденіи производительныхъ силъ, произойдетъ „нивеллировка хозяйствъ“ (если употребить терминъ г. Маслова), по другому только, несравненно болѣе высокому уровню. Въ данномъ случаѣ лучше, однако, удержаться отъ употребленія не только слова „дифференціація“, но и слова „нивеллировка“. Мы можемъ остаться при первомъ нашемъ выводѣ, а именно, что при общей убыли лошадей происходитъ *общее* и *массовое* ослабленіе хозяйствъ, при прибыли же—такое же общее и массовое усиленіе ихъ. Этого намъ вполнѣ достаточно, чтобы усомниться въ утвержденіи г. Маслова относительно неразрывной фактической связи между развитіемъ производительныхъ силъ и дифференціацiей крестьянскихъ хозяйствъ.

Если я считалъ необходимымъ съ нѣкоторою подробностью остановиться на данныхъ военно-конскихъ переписей и вскрыть истинный смыслъ прибыли лошадей по группамъ, то только по-

тому, что это единственный въ сущности сколько-нибудь серьезный матеріалъ по данному вопросу, приводимый въ книгѣ г. Маслова. Свои же сомнѣнія я могъ бы предъявить къ нему и безъ особыхъ подробностей.

Въ самомъ дѣлѣ, можно ли быть увѣреннымъ, что прибыль лошадей въ четырехъ южныхъ губерніяхъ (Бессарабской, Екатеринославской, Таврической и Херсонской) означаетъ приростъ производительныхъ силъ? Вѣдь въ этой полосѣ, на-ряду съ конской, употребляется воловья работа и, можетъ быть, значительная прибыль лошадей въ нихъ означаетъ не развитіе производительныхъ силъ, а совсѣмъ иной процессъ—смѣну вола лошадью? Въ своемъ „удовольствіи“ г. Масловъ упустилъ это изъ виду, хотя ему и напоминалъ объ этомъ г. Вихляевъ. Такимъ образомъ, свои воздушные выводы г. Масловъ, въ добавокъ ко всему, построилъ на песчаномъ фундаментѣ.

За то онъ очень былъ озабоченъ тѣмъ, чтобы до тонкостей выдержать стиль въ своихъ построеніяхъ. Это, должно быть, характерная черта всѣхъ архитекторовъ, плохо освѣдомленныхъ со свойствами матеріаловъ, которыми они пользуются. По крайней мѣрѣ, въ сферѣ статистики то и дѣло приходится встрѣчаться съ подобнымъ явленіемъ: чѣмъ менѣе люди знакомы со свойствами матеріаловъ, тѣмъ болѣе точные и тонкіе выводы они стремятся изъ нихъ сдѣлать. Вотъ и г. Масловъ тоже.

Въ приведенныхъ имъ данныхъ онъ вдругъ замѣчаетъ такую вещь: въ группѣ самыхъ многолошадныхъ хозяйствъ по южнымъ губерніямъ приростъ лошадей оказался нѣсколько меньшимъ, чѣмъ въ предыдущей группѣ. Съ точки выдержанности стиля этотъ фактъ является прямо недопустимымъ. Такъ или иначе, его необходимо уложить на прокрустово ложе теоріи. И вотъ, г. Масловъ, не долго думая, создаетъ, пишетъ и подчеркиваетъ такой тезисъ: „въ районахъ, гдѣ производительность труда увеличивается, гдѣ вводятся улучшенныя орудія, благодаря ихъ введенію, должно сократиться количество рабочихъ лошадей по отношенію къ запашкамъ у болѣе зажиточныхъ хозяевъ!“ Разъ такой тезисъ выставленъ, подъ него уже легко подвести меньшій приростъ лошадей въ группѣ самыхъ зажиточныхъ хозяйствъ сравнительно съ менѣе зажиточными. Правда, о запашкахъ у тѣхъ и другихъ и объ орудіяхъ, какія они покупаютъ, мы никакихъ свѣдѣній не имѣемъ. Но это все равно: сомнительный фактъ долженъ усилить заранѣе сдѣланный выводъ. Основываясь на немъ, г. Масловъ пишетъ: „производительныя силы населенія растутъ гораздо быстрѣе, сѣмъ растетъ количество рабочаго скота, *и дифференціація населенія происходитъ рѣзче, чѣмъ объ этомъ можно судить по распредѣленію скота*“. При этомъ онъ, конечно, спѣшитъ подчеркнуть наиболѣе знаменательную для него вторую часть столь обоснованнаго вывода. Позвольте, однако: какія же это улучшен-

ныя орудія замѣняютъ зажиточнымъ хозяйствамъ лошадь? Паровые плуги развѣ?—но о быстромъ распространеніи ихъ среди крестьянъ что-то не слышно. Жнеи, сноповязалки, конныя грабли и молотилки?—но тѣ вѣдь вытѣсняютъ ручную, а не конную работу. Или г. Масловъ имѣетъ въ виду тѣ электрическія машины для доенія коровъ и ножницы для стрижки овецъ, о которыхъ я вынужденъ былъ упомянуть въ подстрочномъ примѣчаніи на одной изъ первыхъ страницъ?... Ну, на счетъ этихъ орудій я совсѣмъ не компетентенъ.

Увлеченный желаніемъ во что бы то ни стало разыскать „дифференціацію", авторъ перескакиваетъ даже тотъ барьеръ, который онъ самъ себѣ поставилъ. Въ центральной земледѣльческой полосѣ развитія производительныхъ силъ не происходитъ; напротивъ, замѣчается сильное ихъ паденіе. „Кромѣ южныхъ и восточныхъ окраинъ, производство продуктовъ земледѣлія по отношенію къ земледѣльческому населенію падаетъ; слѣдовательно, говоритъ г. Масловъ, падаютъ и его производительныя силы". Читатель помнитъ, конечно, старательно подчеркнутый авторомъ выводъ, что при паденіи производительныхъ силъ происходитъ нивеллировка хозяйствъ, при развитіи же ихъ—дифференціація. Къ этому выводу авторъ возвращается много разъ, въ его построеніяхъ онъ занимаетъ одно изъ центральныхъ мѣстъ. „Разслоеніе крестьянства или, что одно и то же, образованіе болѣе крупныхъ крестьянскихъ хозяйствъ,—повторяетъ онъ, напримѣръ, на стр. 346—347,—происходитъ при развитіи производительныхъ силъ, и *обратно* (подчеркиваю я): при паденіи производительныхъ силъ населенія образованіе такихъ хозяйствъ почти невозможно; даже помѣщичьи хозяйства при этомъ распадаются, замѣщаясь мелкой арендой". И вдругъ оказывается, что въ центральной земледѣльческой полосѣ, гдѣ замѣчается несомнѣнное паденіе производительныхъ силъ, разслоеніе все-таки происходитъ. „При *общемъ обѣднѣніи* (увеличеніи числа безлошадныхъ, однолошадныхъ и т. д.) часть крестьянства продолжаетъ покупать земли и дѣлать вклады въ сберегательныя кассы", при чемъ „пріобрѣтеніемъ земли эта группа уже рѣзко выдвигается изъ среды рядового крестьянства". Какъ же это такъ: паденіе производительныхъ силъ и разслоеніе? Правда, на этотъ, повидимому, случай авторъ выдвигаетъ другой тезисъ: „при паденіи производительныхъ силъ не будетъ происходить дифференціаціи *крестьянства земледѣльческихъ хозяйствъ*, хотя дифференціація *крестьянства* можетъ идти очень быстро". Я не совсѣмъ ясно понимаю, что это значитъ. Вѣроятно, авторъ хотѣлъ сказать, что и при паденіи производительныхъ силъ одни могутъ богатѣть, другіе бѣднѣть, тогда какъ размѣры хозяйствъ у тѣхъ и другихъ могутъ оставаться приблизительно одинаковыми. Допустимъ, что это такъ. Но вѣдь прикупка земли для крестьянина почти синонимъ расширенія

хозяйства, и на этой именно почвѣ, по мнѣнію г. Маслова, происходитъ то „рѣзкое выдѣленіе изъ среды рядового крестьянства“, которое онъ находитъ въ центральномъ районѣ. Не будетъ ли это та именно „дифференціація крестьянства земледѣльческихъ хозяйствъ“, которую онъ считаетъ невозможной при паденіи производительныхъ силъ?

Или, можетъ быть, между развитіемъ производительныхъ силъ, съ одной стороны, и дифференціацiей крестьянства,—съ другой, въ дѣйствительности и нѣтъ той прямой и обратной связи, на которой настаиваетъ г. Масловъ? Можетъ быть, нѣтъ такой связи и у общины съ производительными силами? Въ самомъ дѣлѣ, „село Ново-Животинское и девевня Моховатка *) представляютъ собою типъ уже вырождающейся деревни. Общинный укладъ жизни не спасаетъ жителей этихъ деревень отъ вымиранія“... Но вѣдь „также не спаслись бы жители этихъ деревень и отъ разрушенія общины“. И можетъ быть, вообще, между развитіемъ производительныхъ силъ и успѣхами капитализма нѣтъ связи? Можетъ быть, первое само по себѣ и послѣднее само по себѣ?

Во всякомъ случаѣ, фактическая связь между этими двумя процессами г. Масловымъ осталась не доказанной. Посмотримъ теперь, какъ велика между ними логическая связь.

III.

Начну съ опредѣленій, которыя г. Масловъ даетъ производительнымъ силамъ и ихъ развитію. „Состояніе производительныхъ силъ, говоритъ онъ, опредѣляется суммой продуктовъ, производимыхъ въ странѣ для дальнѣйшаго производства, т. е. для производительнаго потребленія. Развитіе производительныхъ силъ выразится въ увеличеніи количества этихъ продуктовъ“. Едва ли нужно пояснять, что въ томъ и другомъ случаѣ имѣетъ значеніе не столько абсолютное количество продуктовъ, сколько отношеніе ихъ къ населенію. Понимаемое такимъ образомъ развитіе производительныхъ силъ авторъ отличаетъ отъ техническаго прогресса и, вообще, отъ развитія производительности труда, т. е. отъ увеличенія производства продуктовъ отдѣльнымъ работникомъ въ единицу времени. При этомъ онъ имѣетъ въ виду то соображеніе, что при увеличеніи численности „непроизводительныхъ“ рабочихъ, прислуги и т. п. производительныя силы населенія даже при техническомъ прогрессѣ могутъ падать. И, наоборотъ, „при неизмѣнности производительности труда“ производительныя силы

*) Селенія эти описаны были г. А. Ш. Шингаревымъ въ его трудѣ: „Село Ново-Животинское и деревня Моховатка въ санитарномъ отношеніи», на каковой трудъ и ссылается г. Масловъ. См. «Саратовскую Земскую Недѣлю», №№ 38—41 за 1901 г.

населенія могутъ увеличиваться, если увеличится количество рабочихъ, занятыхъ производительнымъ трудомъ *).

Примемъ опредѣленія г. Маслова (хотя—не скрою—для меня странно нѣсколько отождествлять *силы* съ *продуктами*). Изъ этихъ опредѣленій слѣдуетъ, что важнѣйшими моментами въ дѣлѣ развитія производительныхъ силъ являются: а) отношеніе количества производимыхъ продуктовъ къ населенію и б) распредѣленіе производимыхъ продуктовъ между производительнымъ и непроизводительнымъ потребленіемъ. Читатели видятъ, что проблема развитія производительныхъ силъ,—даже съ точки зрѣнія опредѣленій, даваемыхъ г. Масловымъ,—находится въ тѣснѣйшей связи съ проблемой распредѣленія. Легко понять, что второй моментъ даже важнѣе перваго. Въ самомъ дѣлѣ, количество производимыхъ въ странѣ продуктовъ по отношенію къ населенію можетъ возрастать, но если непроизводительное потребленіе ихъ будетъ непропорціонально увеличиваться, то развитіе производительныхъ силъ не будетъ имѣть мѣста. Напротивъ, если количество производимыхъ продуктовъ останется даже неизмѣннымъ, но сократится непроизводительное потребленіе ихъ, то производительныя силы возрастутъ.

Между тѣмъ, этотъ важнѣйшій моментъ въ дѣлѣ развитія производительныхъ силъ г. Масловъ почти совсѣмъ упускаетъ изъ виду. Правда, въ своей книгѣ онъ неоднократно упоминаетъ о „непроизводительномъ потребленіи", но какъ-то мимоходомъ, внѣ органической связи съ вопросомъ о развитіи производительныхъ силъ **). Непроизводительное потребленіе появляется на сцену, какъ deus ex machina, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ попадаетъ въ затруднительныя обстоятельства со своей логикой.

---

*) Это говорится на стр. 26, а на стр. 62 читаемъ: «Въ земледѣліи точно также, какъ и въ индустріи, *только при техническомъ прогрессѣ* (курсивъ мой) возможно развитіе производительныхъ силъ, а техническій прогрессъ возможенъ при коопераціи и при техническомъ раздѣленіи труда». Первое мнѣніе г. Маслова я считаю, однако, болѣе отвѣчающимъ его опредѣленіямъ, чѣмъ второе, высказанное уже тогда, когда на сцену должны были появиться капиталистическія формы.

**) На стр. 241 мы читаемъ: «Въ очеркѣ условій развитія производительныхъ силъ мы пришли къ заключенію, что непроизводительное потребленіе продуктовъ земледѣлія является одной изъ главныхъ причинъ, задерживающихъ развитіе производительныхъ силъ». Однако, если мы обратимся къ очерку: «Условія развитія производительныхъ силъ» (глава III), то не найдемъ тамъ *ни слова* о непроизводительномъ потребленіи. Ничего нѣтъ о немъ и въ слѣдующей главѣ: «Условія паденія производительныхъ силъ въ земледѣліи». Между тѣмъ, если бы авторъ своевременно пришелъ къ заключенію, что «непроизводительное потребленіе является одною изъ главныхъ причинъ, задерживающихъ развитіе производительныхъ силъ» и хоть сколько-нибудь утвердился въ этомъ выводѣ, то, вѣроятно, всѣ его дальнѣйшія мысли получили бы иное и болѣе правильное теченіе,--конечно, если какая-нибудь «догма» не отклонила бы это теченіе.

Вполнѣ возможно, что въ данномъ случаѣ сыграло свою роль то дѣленіе вопросовъ на программные и непрограммные, о которомъ мы говорили въ началѣ статьи.

Посмотримъ, однако, какъ же можетъ быть обезпеченъ, по мнѣнію г. Маслова, хотя бы первый моментъ, необходимый для развитія производительныхъ силъ

Само-собой понятно, что отношеніе количества продуктовъ къ населенію, какъ и всякое иное отношеніе, можетъ измѣниться не иначе, какъ если измѣнится та или другая изъ опредѣляющихъ его величинъ, т. е. въ данномъ случаѣ или численность населенія, или количество производимыхъ продуктовъ. По отношенію къ русскому сельскому хозяйству г. Масловъ считаетъ необходимымъ первый путь. „Развитіе производительныхъ силъ въ земледѣліи предполагаетъ сокращеніе занятыхъ земледѣліемъ рабочихъ"—это одинъ изъ самыхъ основныхъ его тезисовъ (что еще не значитъ, конечно, что въ книгѣ не найдется прямо ему противоположныхъ). Что касается увеличенія количества продуктовъ при данной численности сельско-хозяйственнаго населенія, то онъ считаетъ его невозможнымъ *). Тутъ мы вступаемъ въ область такихъ соображеній, которыя я постараюсь излагать, по возможности, собственными словами автора.

Г. Масловъ убѣжденъ, что „въ экстенсивномъ хозяйствѣ трудъ производительнѣе, чѣмъ въ интенсивномъ". „Когда скотъ, говоритъ онъ, пасется на нетронутыхъ плугомъ земляхъ, то трудъ, затрачиваемый на полученіе корма для скота, равняется нулю. Сдѣлать трудъ производительнѣе этого довольно трудно"... Читатели, конечно, по достоинству оцѣнятъ всю силу этого логическаго аргумента, столь же убѣдительнаго, какъ извѣстный ариеметическій разсчетъ, доказывающій, что Ахиллесъ не можетъ догнать черепахи. Какъ бы то ни было, „для добыванія хлѣба также наиболѣе производителенъ трудъ въ самыхъ экстенсивныхъ хозяйствахъ, гдѣ только вспахиваютъ землю, засѣваютъ, пока она даетъ урожай, и потомъ бросаютъ, распахивая другой участокъ" **). Мысль о большей производительности труда въ

*) Г. Масловъ допускаетъ, повидимому, увеличеніе количества продуктовъ при *возрастающей* численности сельско-хозяйственнаго населенія, но во всякомъ случаѣ болѣе медленное, чѣмъ приростъ послѣдняго, и, стало быть не способное улучшить важное для развитія производительныхъ силъ отношеніе.

**) Можетъ быть хозяйство еще экстенсивнѣе. На югѣ все болѣе и болѣе распространяется такъ называемый посѣвъ «наволокомъ». Крестьянинъ осенью или весною сѣетъ по жнивью, т. е. по снятому хлѣбу, безо всякой вспашки и только кое-какъ забораниваетъ легкой бороной. Видите: даже не пашетъ. Однако, г. Масловъ этотъ самый посѣвъ наволокомъ на стр. 350 и слѣдующихъ разсматриваетъ, какъ «угрожающій симптомъ паденія производительныхъ силъ». На стр. 74—75 можно усмотрѣть попытку объяснить это противорѣчіе. «Основное условіе, говоритъ авторъ, при которомъ можно дѣлать

экстенсивномъ хозяйствѣ сравнительно съ интенсивнымъ г. Масловъ считаетъ очень важной и возвращается къ ней неоднократно, обвиняя агрономовъ, утверждающихъ противное, въ смѣшеніи понятій. „Разумѣется, говоритъ авторъ, въ Англіи трудъ будетъ производительнѣе, чѣмъ въ Россіи, хотя тамъ интенсивное хозяйство". Англія, однако, не примѣръ Россіи. „Американское экстенсивное хозяйство можно сравнивать съ американскимъ интенсивнымъ, русское—съ русскимъ". Отчего же, однако, и не сравнить бы русское хозяйство съ русскимъ? Вѣдь это было бы очень наглядно и вразумительно.

Но... такое сравненіе или невозможно, или безцѣльно. Настаивая на большей продуктивности труда въ экстенсивномъ хозяйствѣ сравнительно съ интенсивнымъ, авторъ имѣетъ въ виду, что они сравниваются при одинаковыхъ техническихъ условіяхъ. Но возможно ли такое сравненіе, когда эти хозяйства и различаются между собою чаще всего техническими условіями? Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно найти интенсивное скотоводческое хозяйство, которое стояло бы на одномъ техническомъ уровнѣ съ пастьбой скота „на нетронутыхъ плугомъ земляхъ?" Если же въ данномъ случаѣ разумѣть не технику отдѣльныхъ категорій хозяйствъ, а общественныя техническія условія, въ которыхъ они находятся, то сравненіемъ продуктивности труда въ нихъ можно доказывать прямо противоположныя вещи. Каждой совокупности такихъ условій соотвѣтствуетъ нѣкоторый раціональный уровень интенсификаціи хозяйства, отклоненіе отъ котораго въ обѣ стороны будетъ нераціональнымъ и пагубнымъ для продуктивности труда. Допустимъ, что на югѣ при данныхъ условіяхъ раціональной является полевая культура пшеницы при двухкратной плужной вспашкѣ. Трудъ въ болѣе интенсивномъ хозяйствѣ, въ которомъ будетъ практиковаться огородная культура этого злака, окажется, конечно, менѣе производительнымъ. Но и въ болѣе экстенсивномъ хозяйствѣ, которое будетъ сѣять пшеницу „наволокомъ", онъ тоже будетъ менѣе производительнымъ. Въ какомъ же хозяйствѣ трудъ производительнѣе: въ интенсивномъ или экстенсивномъ? Все зависитъ отъ данныхъ условій и отъ того, что именно при нихъ является раціональнымъ. И рѣшать вопросъ внѣ связи съ этими условіями—это значитъ въ сущности заниматься разсужденіями на тему, сколько чертей можетъ умѣститься

какіе бы то ни было выводы о сельскомъ хозяйствѣ, таково: предполагается *раціональная* затрата труда и капитала на производство», между тѣмъ посѣвъ наволокомъ г. Масловъ, повидимому, считаетъ нераціональнымъ. Но вѣдь при данныхъ техническихъ и соціальныхъ условіяхъ, какъ указываемъ мы ниже, раціонально что-нибудь одно: или интенсивное, или экстенсивное хозяйство. Или г. Масловъ хочетъ доказать, что въ раціональномъ экстенсивномъ хозяйствѣ трудъ производительнѣе, чѣмъ въ нераціональномъ интенсивномъ? Но стоило ли изъ-за этого огородъ городить?

на булавочной головкѣ. Говоря короче, это не болѣе, не менѣе, какъ средневѣковая схоластика.

Между тѣмъ, при помощи своихъ чисто-схоластическихъ разсужденій г. Масловъ хочетъ рѣшить серьезный вопросъ о томъ, не можетъ ли количество продуктовъ, добываемыхъ русскихъ сельскохозяйственнымъ населеніемъ, быть увеличено путемъ дальнѣйшей интенсификаціи его земледѣльческаго хозяйства. Силлогизмъ получается такой: развитіе производительныхъ силъ въ земледѣліи возможно только при условіи увеличенія производительности труда; въ экстенсивномъ хозяйствѣ трудъ производительнѣе, чѣмъ въ интеснивномъ; слѣдовательно, проблема развитія производительныхъ силъ не можетъ быть разрѣшена интенсификаціей хозяйства. Отсюда слѣдуютъ и другіе выводы: такъ какъ степень интенсивности опредѣляется количествомъ труда, вкладываемаго въ данную земельную поверхность, то, стало быть, для развитія производительныхъ силъ это количество не можетъ быть увеличено, а должно быть уменьшено; слѣдовательно, число рабочихъ рукъ, занятыхъ въ земледѣліи, должно быть сокращено... Къ этому выводу авторъ приходитъ и другимъ путемъ. Для вѣрующихъ вѣдь всѣ дороги въ Римъ ведутъ. Пойдемъ съ нимъ.

Г. Масловъ чувствуетъ, что его утвержденіе о невозможности для Ахиллеса догнать черепаху является недостаточно обоснованнымъ. Онъ предвидитъ возможность возраженій. Трудъ, вооруженный совершенной техникой интенсивнаго хозяйства,—скажутъ ему,—на много превзойдетъ своею продуктивностью технически-несовершенный трудъ хозяйства хищническаго. Такъ или иначе, необходимо устранить съ дороги техническій прогрессъ, столь удачно приведенный къ одному уровню въ предыдущемъ построеніи. Этотъ джентльмэнъ оказался, однако, менѣе покладистымъ, чѣмъ г-жа интенсификація, за то г. Масловъ и расправился съ нимъ грубѣе.

„Всякое (замѣтьте: всякое! А. П.) техническое улучшеніе, говоритъ онъ, въ гораздо большей степени сокращаетъ издержки производства въ экстенсивномъ, чѣмъ въ интенсивномъ хозяйствѣ. Напр., если жнитво и молотьба составляли по 5 р., по $^1/_3$ всѣхъ расходовъ обработки экстенсивнаго хозяйства (изъ 15 руб.), то въ интенсивномъ хозяйствѣ они составляли гораздо меньшую долю расходовъ, только по $^1/_9$ (изъ 45 руб.). Слѣдовательно, введеніе жнейки и молотилки, сокративши издержки на молотьбу и жнитво въ 4 раза, сократятъ затраты въ эктенсивномъ хозяйствѣ съ 15 руб. до 7 р. 50 к., такъ какъ изъ всѣхъ издержекъ въ 15 руб. на жнитво тратится вмѣсто 5 руб. только 1 р. 25 коп. и на молотьбу также вмѣсто 5 руб.—1 р. 25 коп. Въ интенсивномъ хозяйствѣ общія издержки въ 45 руб. сократятся только на ту же сумму, на 7 руб. 50 к., что составитъ уже не половину

всѣхъ расходовъ, а только 1/6 часть". *). Отсюда уже ясно, что „техническій прогрессъ... увеличиваетъ разницу производительности труда" въ экстенсивномъ и интенсивномъ хозяйствахъ.

Не правда ли, какъ выгодно было г. Маслову въ своихъ разсужденіяхъ отдѣлить техническій прогрессъ отъ интенсификаціи! Теперь ужъ Ахиллессъ не догонитъ черепахи. Вѣдь если при данномъ техническомъ уровнѣ трудъ въ экстенсивномъ хозяйствѣ производительнѣе, чѣмъ въ интенсивномъ, то съ техническимъ прогрессомъ эта разница будетъ все увеличиваться.

Ну, а какъ же быть съ такимъ техническимъ улучшеніемъ, которымъ интенсивное хозяйство отличается отъ экстенсивнаго? Возьмемъ самое простое изъ такихъ техническихъ улучшеній: трехкратную пахоту въ первомъ изъ этихъ хозяйствъ, когда во второмъ пашутъ подъ рожь, скажемъ, два раза. Вѣдь тутъ даже вопроса о томъ, гдѣ такое техническое улучшеніе сильнѣе увеличиваетъ производительность труда, не можетъ быть. Между тѣмъ г. Масловъ ставитъ и рѣшаетъ такой вопросъ по отношенію, какъ мы видѣли, ко „всякому" улучшенію. Какъ же это такъ?

Ларчикъ открывается просто. Г. Масловъ не признаетъ техническихъ улучшеній, которыя были бы сопряжены съ бо́льшей затратой труда на ту же земельную площадь, т. е. были бы неразрывно связаны съ дальнѣйшей интенсификаціей хозяйства. Категорически эту мысль онъ, можетъ быть, въ своей книгѣ и не высказываетъ: напиши онъ ее черным по бѣлому—она ему самому, вѣроятно, показалась бы нелѣпой. Но несомнѣнно, что онъ все время руководится ею и даже дѣлаетъ неоднократныя попытки обосновать ее. И это совершенно не случайность, что въ приведенномъ выше примѣрѣ въ качествѣ образчика техническаго улучшенія онъ взялъ жнейку и молотилку. Онъ любитъ пользоваться этимъ примѣромъ. Техническій прогрессъ въ земледѣліи онъ все время мыслитъ въ видѣ такихъ именно орудій и машинъ, которыя способны сократить количество живого труда, вкладываемаго въ земледѣліе. О несравненно большемъ количествѣ техническихъ улучшеній, которыя, не сокращая, а даже увеличивая количество затрачиваемаго живого труда, могутъ увеличить количество производимыхъ продуктовъ, онъ совершенно забываетъ,—по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ особенно нужно было

*) Я полагаю, что если въ интенсивномъ хозяйствѣ расходы составляютъ 45 р., а въ экстенсивномъ 15 р., то вѣроятно и количество продуктовъ въ первомъ получается большее; стало быть, и расходы на жнитво и молотьбу въ нихъ не могутъ быть въ абсолютныхъ цифрахъ тождественными. Г. Масловъ въ своемъ разсчетѣ упускаетъ это изъ виду. Въ данномъ случаѣ обстоятельство это не имѣетъ существеннаго значенія, и я лишь мимоходомъ отмѣчаю дефектъ, характерный для логики г. Маслова, когда она прибѣгаетъ къ математическимъ формуламъ и ариѳметическимъ разсчетамъ.

бы объ этомъ помнить. Что за причина этой странной забывчивости,—мы сейчасъ увидимъ.

Непосредственный же выводъ изъ его разсужденій о роли техническаго прогресса таковъ: „Съ улучшеніемъ техники должна увеличиваться площадь обрабатываемой земли, приходящейся на каждаго производителя“. „Для того, чтобы повышалась производительность труда, т. е. чтобы на каждую душу земледѣльческаго населенія производилось больше хлѣба, нужно, чтобы земледѣльческое населеніе относительно сократилось, чтобы для обработки данной земли требовалось меньше рабочихъ рукъ“ *). Читатель видитъ, что мы опять въ Римѣ.

Представьте себѣ теперь, что земледѣльческое населеніе рѣзко сократилось и что оставшееся на землѣ широко пользуется „всѣми“ усовершенствованіями техники, въ видѣ жнеекъ, молотилокъ и даже паровыхъ плуговъ. Какая громадная производительность труда **) и какой просторъ для развитія капитализма!..

Это еще только возможность и авторъ трактуетъ ее, какъ таковую. „Капиталистическое хозяйство говоритъ онъ, можетъ рѣшительно побѣждать... при экстенсивномъ хозяйствѣ рѣдко населенныхъ районовъ“. Это онъ, какъ мы видѣли, и находитъ на окраинахъ. Тамъ же происходитъ и развитіе производительныхъ силъ, т. е. увеличеніе количества производимыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ продуктовъ, главнымъ образомъ, какъ признаетъ и г. Масловъ, за счетъ усиленной распашки новыхъ пространствъ. Факты существуютъ рядомъ и, стало быть, причинно связаны между собою.

Но этого, конечно, еще мало. Авторъ взялся вѣдь доказать не только возможность и наличность, но и неизбѣжность капиталистическихъ формъ въ земледѣліи при развитіи производительныхъ силъ.

IV.

То обстоятельство, что, трактуя о техническомъ прогрессѣ, г. Масловъ упустилъ изъ виду возможность техническихъ улуч-

*) На стр. 203 написано: «Очевидно, что успѣшнѣе должны выдерживать борьбу тѣ хозяйства, которыя при данныхъ условіяхъ могутъ легче воспользоваться развитіемъ производительныхъ силъ и которыя могутъ увеличивать количество занятыхъ въ земледѣліи рукъ». Такимъ образомъ, авторъ какъ будто допускаетъ развитіе производительныхъ силъ, одновременное съ увеличеніемъ числа рабочихъ въ земледѣліи. Но откуда взялось въ данномъ случаѣ «очевидно»,—я не знаю. На стр. 369 «увеличеніе количества занятыхъ рабочихъ на единицу площади земли, не задерживая развитія производительныхъ силъ», уже прямо «возможно», по мнѣнію автора, и онъ даетъ рецептъ для осуществленія этой возможности.

**) Напоминаю, что «производительность труда», согласно приведеннымъ выше опредѣленіямъ, означаетъ собою количество продуктовъ, производимыхъ въ единицу времени *отдѣльнымъ* работникомъ.

шеній, которыя не сокращаютъ, а даже увеличиваютъ количество живого труда, повышая въ тоже время его производительность,—я объяснилъ забывчивостью. Это, однако, не совсѣмъ такъ. Авторъ, повидимому, вовсе не признаетъ возможности такихъ улучшеній, въ виду закона „убывающей производительности почвы". Объ этомъ законѣ авторъ говоритъ очень много и ради него вноситъ поправки въ теорію ренты Маркса и Родбертуса. Разбирать теорію г. Маслова, не будучи теоретикомъ, я не рѣшаюсь. Скажу только, что законъ убывающей производительности почвы необходимъ, если не намъ съ читателемъ, то г. Маслову, ибо „если бы послѣдовательное приложеніе труда и капитала на одну и туже площадь земли не сопровождалось въ концѣ концовъ уменьшеніемъ производительности труда, то и земельной ренты не существовало бы". Въ виду этого именно закона интенсификацію земледѣльческаго хозяйства, т. е. увеличеніе количества вкладываемаго въ него труда, г. Масловъ призналъ понижающей производительность послѣдняго; въ виду этого же закона техническій прогрессъ онъ счелъ за лучшее разлучить съ возможностью увеличенія количества живого труда, вкладываемаго въ землю.

Изъ основного закона съ этими дополнительными къ нему узаконеніями для русской жизни получились очень любопытные выводы.

„Въ современномъ общественномъ хозяйствѣ, на ряду съ капиталистическими хозяйствами, организованными съ цѣлью производства прибавочной цѣнности и полученія прибыли, существуютъ мелкія хозяйства, организованныя для добыванія средствъ существованія самого производителя. Такихъ хозяйствъ особенно много въ земледѣліи, при чемъ производимые въ хозяйствахъ продукты въ значительной своей части потребляются непосредственно въ самомъ хозяйствѣ". Въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи г. Масловъ чаще всего называетъ такія хозяйства „продовольственными". Само-собой понятно, что подъ это названіе у насъ подойдетъ громадная масса крестьянскихъ хозяйствъ. Допуская и даже считая несомнѣннымъ (наконецъ-то!), что „между этими двумя типами хозяйствъ—между капиталистическимъ крупнымъ и некапиталистическимъ мелкимъ—существуетъ коренное различіе по экономической и соціальной организаціи и по цѣлямъ, которыя преслѣдуетъ то и другое хозяйство", г. Масловъ находитъ, что „тѣмъ не менѣе между ними есть то (общее), что является руководящимъ мотивомъ дѣятельности человѣка при всякихъ условіяхъ". „Такимъ факторомъ" онъ считаетъ „стремленіе къ развитію производительныхъ силъ" *).

---

*) Это говорится на стр. 34, а на стр. 314 читаемъ: «въ мелкихъ земледѣльческихъ хозяйствахъ, въ которыхъ производятся продукты для потреб-

Итакъ, продовольственное и капиталистическое хозяйства въ равной мѣрѣ стремятся къ развитію производительныхъ силъ. Однако осуществить это можетъ только капиталистическое хозяйство; для продовольственнаго же—задача развитія производительныхъ силъ является непосильной.

Капитализмъ, которому „современное хозяйство обязано развитіемъ своихъ производительныхъ силъ", выполняетъ свое дѣло очень просто. „Каждый предприниматель, благодаря конкурренціи, долженъ напрягать свои усилія къ наибольшему увеличенію производительности труда, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ такое напряженіе ему выгодно". Если для этого необходимо экстенсивное хозяйство,—пояснимъ отъ себя,—то безъ долгихъ разговоровъ онъ начинаетъ заниматься хищничествомъ; если необходимо сократить количество живого труда, то онъ покупаетъ жатку *) и съ легкимъ сердцемъ излишнихъ рабочихъ выбрасываетъ на улицу. Онъ думаетъ только о своей выгодѣ, стихіи же выполняютъ нужную для общества задачу.

Не такъ просто обстоитъ дѣло для того, кто организовалъ хозяйство не для полученія прибыли, а для добыванія средствъ къ собственному существованію. Правда, „въ мелкомъ хозяйствѣ... производитель прямо организуетъ производство, стремясь меньше затратить труда, чтобы получить наибольшіе результаты, чтобы въ то же время лучше удовлетворить свои потребности". Но бѣда его въ томъ, что оно не можетъ, какъ капиталистическое, выкинуть часть населенія на улицу. „Не имѣя возможности прилагать трудъ болѣе производительно, населеніе будетъ держаться за земледѣліе, хотя оно будетъ давать все меньше и меньше продуктовъ на душу наличнаго земледѣльческаго населенія. Очевидно, при этомъ условіи производительность земледѣльческаго труда падаетъ. Такое паденіе можно констатировать въ центральной Россіи".

Въ самомъ дѣлѣ, вдумайтесь только. Чтобы поднять производительность труда, продовольственное хозяйство или должно принять болѣе экстенсивную форму, или прибѣгнуть къ техниче-

---

ленія членами этихъ хозяйствъ, -- хозяевамъ нѣтъ особенно сильныхъ побужденій увеличивать производительность своего труда, развивать производительныя силы своего хозяйства... Разумѣется... трудящійся человѣкъ стремится съэкономить свои силы и по возможности лучше удовлетворить свои потребности, но существованіе этихъ хозяйствъ, а слѣдовательно, и самихъ хозяевъ не связано тѣсно съ необходимостью быстраго развитія производительныхъ силъ»... Подумаешь, какъ легко разыскиваются и по мѣрѣ надобности упраздняются иные «основные факторы».

*) Однако, «часто, въ особенности въ земледѣліи, машины, увеличивая производительность труда, не сокращаютъ издержекъ производства и не вводятся. Напримѣръ, при низкой заработной платѣ введеніе машины не всегда выгодно». Такимъ образомъ, выгода капиталиста не такъ ужъ, повидимому, стихійно ведетъ къ увеличенію производительности труда.

скому прогрессу. Первый выходъ для него закрытъ. Приходится не сокращать количества труда, вкладываемаго въ землю, а увеличивать, понижая его среднюю производительность. Также невозможенъ, по мнѣнію г. Маслова, и второй выходъ. Вѣдь техническій прогрессъ ведетъ къ сокращенію живого труда, затрачиваемаго въ земледѣльческомъ хозяйствѣ, между тѣмъ, пока послѣднее имѣетъ продовольственную форму, живой рабочей силы ему дѣвать некуда. „Главное препятствіе развитію производительныхъ силъ въ земледѣліи и заключается въ томъ, что рабочее время, сберегаемое машиной, для крестьянина не имѣетъ даже той цѣны, какъ у пользующагося наемнымъ трудомъ предпринимателя, хотя послѣдній цѣнитъ рабочее время по рабочей платѣ". Однимъ словомъ, „чѣмъ плотнѣе земледѣльческое населеніе, тѣмъ затруднительнѣе поглощеніе его земледѣліемъ (создается малоземелье), тѣмъ затруднительнѣе примѣненіе улучшенныхъ орудій производства въ земледѣліи". Для населенія въ такомъ случаѣ „возможны лишь два выхода: или избыточныя руки вытѣсняютъ машины и производительность труда падаетъ, или онѣ остаются незанятыми и развитіе производительныхъ силъ пріостанавливается".

Размноженіе населенія, которое, какъ полагалъ г. Масловъ въ началѣ, „неизбѣжно толкаетъ его" къ развитію производительныхъ силъ, въ концѣ концовъ, оказывается такимъ образомъ важнѣйшей и чуть ли не единственной въ этомъ развитіи задержкой.

И это можетъ длиться чуть ли не безконечно. „Не смотря на неблагопріятныя условія для размноженія, населеніе, какъ будто вопреки имъ, энергично родитъ, плодится и продолжаетъ размножаться, иногда понижая свои потребности до minimum'a". Не трудно предвидѣть, что даже на окраинахъ Россіи оно скоро настолько размножится, что упразднитъ экстенсивное хозяйство гг. предпринимателей и своей живой рабочей силой вытѣснитъ всѣ введенныя ими техническія улучшенія. Размножаясь, населеніе упорно продовольственное хозяйство будетъ предпочитать капиталистическому. И винить его за это намъ не приходится.

Въ самомъ дѣлѣ, „капиталистическое земледѣліе, оторванное отъ обработки добываемыхъ имъ сырыхъ продуктовъ *), не

*) Оно, по теоріи г. Маслова, всегда и было таковымъ. «Въ дѣйствительности, говоритъ онъ на стр. 51, хозяйственное развитіе капиталистическаго общества до настоящаго времени совершалось именно такимъ образомъ: какъ только въ какой-либо отрасли землевладѣльческаго хозяйства производительность труда въ значительной мѣрѣ увеличивалось, такъ эта отрасль хозяйства отдѣлялась отъ земледѣлія и становилась самостоятельною отраслью промышленности». «Оторваннымъ» капиталистическое земледѣльческое хозяйство чаще бываетъ по другимъ причинамъ,—напр., если оно работаетъ для зернового экспорта.

только не можетъ поглащать прироста населенія, но даже выталкиваетъ, дѣлаетъ излишнимъ то населеніе, которое могло бы существовать при мелкомъ не-капиталистическомъ хозяйствѣ". И я думаю, что это не случайность, если „процессъ вымиранія въ наиболѣе рѣзкой его формѣ, по словамъ самого г. Маслова, можно наблюдать на башкирахъ Оренбургской губерніи",—т. е. одной изъ тѣхъ немногихъ губерній, въ которыхъ развитіе производительныхъ силъ происходитъ въ рекомендованныхъ тѣмъ же авторомъ формахъ *). Между тѣмъ, „мелкое хозяйство... невыгодное технически, задерживая развитіе производительныхъ силъ общества, его экономическій и соціальный прогрессъ, можетъ, тѣмъ не менѣе, имѣть преимущество потому, что даетъ возможность прокормиться на данной территоріи большему количеству хотя бы вымирающаго населенія"... **) Такимъ образомъ, „малая производительность труда увеличиваетъ емкость территоріи". „Мелкое хозяйство предохраняетъ отъ *абсолютной* голодовки и даетъ возможность хотя и не сытаго существованія". И за то спасибо ему—это все-таки лучше, чѣмъ прямо умирать съ голоду, отъ каковой возможности ничуть не гарантируетъ развитіе производительныхъ силъ въ капиталистическихъ формахъ.

Г. Масловъ озабоченъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, чтобы не было „избыточнаго населенія, занятаго въ производствѣ и этимъ понижающаго продолжительность труда". „Избыточнымъ населеніемъ въ видѣ резервной арміи безработныхъ", которое, по его признанію, „существуетъ вездѣ, гдѣ есть капиталистическое производство", онъ, повидимому, интересуется очень мало и упоминаетъ о немъ лишь въ подстрочномъ примѣчаніи. Я нѣсколько иного на этотъ счетъ мнѣнія. Избыточное населеніе, которое участвуетъ въ производствѣ, не уменьшаетъ абсолютнаго количества производимыхъ продуктовъ, и если понижаетъ *среднюю* производительность труда, то вѣдь только потому, что послѣдующія затраты послѣдняго менѣе производительны, чѣмъ первыя. Количество же продуктовъ, благодаря интенсификаціи земледѣлія, даже при отсутствіи техническаго прогресса, всетаки увеличивается и, стало быть, число людей, вынужденныхъ умереть съ голоду, въ конечномъ итогѣ при продовольственномъ хозяйствѣ

---

*) Въ данномъ случаѣ, можетъ быть, не лишне будетъ вспомнить, что увеличеніе производительности труда, достигаемое жнейками, молотилками и другими машинами, вытѣсняющими рабочихъ, далеко еще не синонимъ развитія производительныхъ силъ. Г. Масловъ, самъ отмѣтившій это обстоятельство въ своихъ опредѣленіяхъ, затѣмъ какъ то совсѣмъ упускаетъ его изъ виду.

**) Слово «вымираніе, поясняетъ г. Масловъ въ предисловіи, употребляется въ смыслѣ относительнаго увеличенія смертности, а не въ смыслѣ абсолютнаго сокращенія населенія».

окажется, вѣроятно, меньше. И если бы при данныхъ условіяхъ мнѣ предложили выборъ между продовольственнымъ хозяйствомъ и капиталистическимъ, я предпочелъ бы первое. Я помню общую исходную точку, какая у насъ оказалась съ г. Масловымъ. Я помню, что производительныя силы нужны не сами по себѣ, а ради населенія, которое должно, по крайней мѣрѣ, жить, если ужъ нельзя ему развивать свои потребности.

Какъ бы то ни было, „натуральное хозяйство можетъ существовать до тѣхъ поръ, пока населеніе густо населенныхъ районовъ не используетъ всѣхъ производительныхъ силъ на добываніе хлѣба, пока не размножится до абсолютной границы, дальше которой не можетъ возрастать, благодаря ограниченности средствъ существованія". Но вѣдь „мы не знаемъ ни одной страны, въ которой населеніе достигло бы этой границы". Итакъ, не напрасно, повидимому, задержку въ развитіи производительныхъ силъ, которую мы переживаемъ, я назвалъ, основываясь на разсужденіяхъ г. Маслова, безконечной.

Самъ г. Масловъ увѣренъ, однако, что производительныя силы въ концѣ-концовъ восторжествуютъ и что, какъ думаетъ онъ не въ примѣръ Марксу, произойдетъ не революціонная, а „постепенная смѣна" типовъ и формъ хозяйства. На что же онъ надѣется въ этомъ случаѣ. Вѣдь не на ту или иную программу?

Сказавъ, что мы не знаемъ страны, въ которой населеніе при натуральномъ хозяйствѣ достигло бы до абсолютной границы своего существованія, онъ продолжаетъ: „Экспропріація части земли у населенія или части добываемыхъ имъ продуктовъ гораздо раньше создаетъ относительное перенаселеніе". Неужели же мы должны апплодировать подобной экспропріаціи?

Нѣтъ! г. Масловъ — не такой жестокій человѣкъ, какъ это могло показаться по моему изложенію. Я старался передать основную нить его разсужденій, собравъ во-едино мысли, которыя мнѣ казались доминирующими. Въ книгѣ же эта нить настолько запутана изложеніемъ, всякими осложненіями и противорѣчіями,— а изъ нихъ я отмѣтилъ лишь нѣкоторыя и то мимоходомъ,— что, конечно, направленіе разсужденій, вѣроятно, не совсѣмъ ясно даже самому автору. При всей жесткости своей теоріи, онъ полонъ всяческихъ благопожеланій. Желаніе „уничтожить продовольственное хозяйство экспропріаціей земли" онъ прямо, напримѣръ, называетъ „Злопытат(?)ельной утопіей". Непроизводительное же потребленіе въ хорошую минуту онъ относитъ, какъ я отмѣтилъ въ одномъ изъ подстрочныхъ примѣчаній, даже къ числу „главныхъ причинъ, задерживающихъ развитіе производительныхъ силъ". Не желая касаться программныхъ вопросовъ, онъ тѣмъ не менѣе даетъ цѣлый рядъ рецептовъ: пересмотрѣвъ ихъ, я не нашелъ ни одного „сильно дѣйствующаго", какъ выражаются дрогисты, средства, которое могло бы уничтожить столь

вредное съ его точки зрѣнія „продовольственное хозяйство". Всѣ прописываемыя имъ мѣры полны благопожеланій къ крестьянству. Онъ готовъ уничтожить даже ренту, въ которой видитъ одно изъ важнѣйшихъ условій неизбѣжнаго развитія капитализма въ земледѣліи. Правда, эти мѣры органически не вытекаютъ изъ его теоріи и плохо скомбинированы между собою,—но это ужъ статья особая.

Я думаю, однако, что это не случайность. Послѣдній (какъ я назвалъ въ заглавіи, послѣдній—конечно, по времени публикаціи) ученый трудъ русскаго правовѣрнаго марксизма,—послѣ всего, что пережито,—едва ли и могъ быть инымъ, чѣмъ лежащая передъ нами книга. Да, я думаю, что это не случайность, если теоретикомъ правовѣрія является у насъ теперь г. Масловъ.

V.

Мой рефератъ, помимо даже моего желанія, отлился въ нѣсколько ироническую и почти сплошь отрицательную форму. Между тѣмъ вопросъ, который ставитъ книга г. Маслова, несомнѣнно заслуживаетъ иного къ себѣ отношенія. Въ настоящемъ мѣстѣ я не имѣю, конечно, возможности ставить и рѣшать проблему развитія производительныхъ силъ. Я считаю, однако, своимъ долгомъ использовать то, что даетъ книга г. Маслова для ея разрѣшенія.

„Объяснять относительное перенаселеніе,—читаемъ мы на 208 стр.—стремленіемъ населенія къ размноженію и размноженіемъ—значитъ ничего не объяснить... Чтобы выяснить причины образованія избыточнаго населенія въ каждомъ конкретномъ случаѣ, нужно искать ихъ не въ размноженіи населенія"... Я послѣдую этому доброму совѣту, которымъ такъ мало руководился самъ авторъ, и попробую основную причину задержки развитія производительныхъ силъ въ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ поискать въ другомъ мѣстѣ.

Считая необходимымъ ради развитія производительныхъ силъ въ земледѣліи сокращеніе числа занятыхъ въ немъ рабочихъ, г. Масловъ со свойственною ему благожелательностью указываетъ на возможность поглощенія ихъ индустріей. Широкое развитіе послѣдней онъ считаетъ необходимымъ условіемъ развитія производительныхъ силъ въ странѣ. Схема его при этомъ такова. Оставшаяся на землѣ часть сельскохозяйственнаго населенія, пользуясь техническими усовершенствованіями, произведетъ не меньшее, а, быть можетъ, даже большее количество земледѣльческихъ продуктовъ. Въ то же время рабочіе, перешедшіе въ индустрію, значительно увеличатъ количество производимыхъ въ странѣ фабрикатовъ. Общее количество производимыхъ про-

дуктовъ такимъ образомъ рѣзко увеличится и отношеніе ихъ къ населенію улучшится; производительныя силы послѣдняго, стало быть, возрастутъ.

Не отрицая теоретической возможности такого именно направленія въ развитіи производительныхъ силъ, я не признаю, однако, прежде всего его фактической неотложности и неизбѣжности для Россіи. Это не значитъ, конечно, что я отрицаю необходимость все большаго и большаго развитія индустріи въ хозяйственной жизни всего человѣчества. Г. Масловъ несомнѣнно правъ, указывая характерную черту экономическаго развитія, по скольку оно выражается въ пропорціи производимыхъ и потребляемыхъ продуктовъ. Съ умноженіемъ и развитіемъ потребностей населенія и съ ростомъ его производительныхъ силъ продукты сельскаго хозяйства въ личномъ и хозяйственномъ потребленіи начинаютъ играть все меньшую и меньшую роль, а продукты обрабатывающей промышленности все большую и большую. Само собой понятно, что при этомъ должно происходить и „перераспредѣленіе производительныхъ силъ", направленныхъ на производство продуктовъ той и другой категоріи. Совершенно вѣрный въ общей своей формѣ, этотъ тезисъ не можетъ, однако, быть постулированъ по отношенію къ каждой странѣ въ отдѣльности. При достаточно уже развитомъ міровомъ обмѣнѣ, отдѣльныя страны могутъ затрачивать свои силы на производство преимущественно хлѣба или фабрикатовъ, нисколько не стѣсняя своего потребленія и нормальнаго его развитія. Въ частности и Россія еще долго могла бы развивать свои производительныя силы, оставаясь страной по преимуществу земледѣльческой.

Я иду дальше и утверждаю, что надежды на то, что въ ближайшее время „избыточное" населеніе нашей страны можетъ быть поглощено индустріей, являются не только проблематичными, но и несомнѣнно утопичными *). Въ этомъ каждый могъ убѣдиться изъ того грандіознаго опыта „возведенія Россіи на уровень самодовлѣющей хозяйственной единицы", какой былъ продѣланъ на нашихъ глазахъ и который стоилъ странѣ стольскихъ жертвъ. Если Россіи суждено достигнуть этого уровня, то первый шагъ она должна сдѣлать во всякомъ случаѣ не въ сферѣ обрабатывающей промышленности.

Чтобы пояснить свою мысль, я прежде всего сошлюсь на са-

---

*) Г. Масловъ ничего не сдѣлалъ, чтобы придать имъ другой характеръ. Въ виду этого я и счелъ за лучшее не осложнять ими свое изложеніе теоріи г. Маслова о неизбѣжности развитія производительныхъ силъ земледѣлія въ капиталистическихъ формахъ. Для этого основного тезиса вопросъ, куда размѣстится «вытолкнутое» изъ сельскаго хозяйства населеніе, является побочнымъ. Фактически же для послѣдняго имѣется одна перспектива—абсолютнаго вымиранія, на которой я и считалъ необходимымъ остановиться въ предыдущемъ изложеніи.

мого г. Маслова. „Въ Россіи... отчуждаемый изъ земледѣлія продуктъ, говоритъ онъ, реализуется не въ орудія и средства производства земледѣлія, а въ средства производства обрабатывающей промышленности. Хотя вывозятся за границу изъ Россіи почти исключительно продукты земледѣлія, ввозятся въ страну орудія для обрабатывающей промышленности“... „Землевладѣлецъ, получая ренту въ видѣ арендной платы, затратитъ ее куда ему угодно, но только не въ земледѣліе... Землевладѣлецъ, затратившій свой доходъ *не* въ земледѣліе (онъ можетъ, напримѣръ, купить новый участокъ земли, чтобы получать аренду, можетъ промотать, издержать на личныя потребности весь доходъ и т. д.) уже этимъ фактомъ, сознательно или безсознательно, непосредственно или черезъ другихъ предпринимателей, помѣщаетъ свой доходъ изъ земледѣлія въ индустрію. То же дѣлаютъ представители другихъ классовъ общества, получающіе часть дохода изъ мелкихъ земледѣльческихъ хозяйствъ“. Такимъ образомъ, перемѣщеніе продуктовъ (или, по терминологіи г. Маслова, силъ) изъ сельскаго хозяйства въ обрабатывающую промышленность у насъ уже давно и систематически происходитъ. Можно было-бы указать многія другія, не упомянутыя г. Масловымъ, формы такого перемѣщенія. Во всякомъ случаѣ, говоря словами г. Маслова, это фактъ и, стало быть, не выходъ, по крайней мѣрѣ для крестьянскаго хозяйства, которое находится въ плохомъ положеніи и должно найти этотъ выходъ.

Эффектъ отъ перемѣщенія производительныхъ силъ изъ земледѣлія въ индустрію получается совсѣмъ не тотъ, какой слѣдовалъ бы по теоріи г. Маслова. Такое перемѣщеніе оказывается совершенно недостаточнымъ, чтобы поглотить излишекъ сельскохозяйственнаго населенія, и въ то же время вовсе не способнымъ открыть новую эру развитія производительныхъ силъ. Говоря коротко, силы, перемѣщенныя изъ земледѣлія въ индустрію, въ значительной своей части перестаютъ быть силами,—по крайней мѣрѣ, тѣми производительными силами, которыя нужны для роста населенія и развитія его потребностей.

Не лишне будетъ прежде всего напомнить, что далеко не весь продуктъ, отчуждаемый изъ земледѣлія, идетъ на производство. Значительная его часть „съѣдается“ тѣми самыми классами, которые получаютъ доходъ „изъ мелкихъ земледѣльческихъ хозяйствъ“. Другая часть, хотя и поступаетъ въ производство, однако, въ значительной долѣ затрачивается на добываніе продуктовъ, не входящихъ въ составъ ни личнаго, ни хозяйственнаго потребленія крестьянской массы. Я имѣю въ этомъ случаѣ въ виду не только тѣ продукты обрабатывающей промышленности, которые служатъ предметомъ личнаго потребленія непроизводительныхъ классовъ, но и то „производство для производства“, которымъ мы вынуждены заниматься послѣдніе годы.

Г. Маслову, конечно, извѣстно, что нѣкоторые экономисты его лагеря еще недавно доказывали возможность при капиталистическомъ строѣ безконечнаго увеличенія производства и, стало быть, безконечнаго развитія производительныхъ силъ, даже при отсутствіи рынка. Ну, вотъ, опытъ такого производства у насъ и происходитъ теперь. Мы добываемъ сталь, чтобы дѣлать рельсы, по которымъ будутъ возить руду, необходимую для добыванія стали.

Легко понять, что въ иномъ направленіи наша индустрія не могла и не можетъ развиваться, пока масса сельско-хозяйственнаго населенія лишена возможности развивать свои личныя и хозяйственныя потребности. Виновато же въ послѣднемъ, конечно, не населеніе, а то распредѣленіе производимыхъ продуктовъ, при которомъ отчуждается изъ земледѣлія все возможное, и оставляются крестьянству средства лишь для полуголоднаго существованія. Чтобы открыть возможность производительнымъ силамъ развиваться, необходимо измѣнить прежде всего распредѣленіе, т. е. рѣшить—и съ точки зрѣнія г. Маслова — программный вопросъ.

Г. Масловъ увѣренъ, что, если у крестьянства будутъ оставаться средства, чтобы развивать свое хозяйство, то послѣднее немедленно приметъ капиталистическую форму. Предоставимъ рѣшить этотъ вопросъ факту. Я настаиваю лишь на возможности иного развитія производительныхъ силъ въ земледѣліи, чѣмъ какое неизбѣжно по теоріи г. Маслова. Я считаю возможнымъ дальнѣйшую интенсификацію хозяйства, неразрывно связанную съ техническимъ прогрессомъ. Развитіе же производительныхъ силъ въ этомъ направленіи вполнѣ возможно и для продовольственнаго хозяйства.

Выборъ того или иного направленія, той или иной формы развитія я не согласенъ, однако, какъ заявилъ уже въ самомъ началѣ, предоставить „стихійной экономической борьбѣ". Сошлюсь въ этомъ случаѣ на авторитетнаго для г. Маслова дѣятеля—Каутскаго. Во время послѣдней выборной агитаціи въ Германіи онъ заявилъ, между прочимъ, что если бы сельское хозяйство воспользовалось всѣми техническими улучшеніями, то уже теперь его страна могла бы довольствоваться своимъ хлѣбомъ; и если что мѣшаетъ, по его мнѣнію, такому расцвѣту сельскаго хозяйства, то именно теперешній капиталистическій строй, т. е. тотъ самый, на который г. Масловъ возлагаетъ всѣ свои надежды по части техническихъ улучшеній и увеличенія производительности труда. Или г. Масловъ думаетъ, что въ борьбѣ съ нѣмецкими аграріями можно употреблять другіе доводы, чѣмъ въ спорахъ съ нѣкоторыми направленіями русской общественной мысли?

Когда для русскаго крестьянства откроется широкая возможность развивать свои потребности, тогда и только тогда придетъ

очередь расцвѣсть индустріи. Можетъ быть, наша страна и сдѣлается тогда „самодовлѣющей хозяйственной единицей". Въ какихъ формахъ разовьется индустрія—опять-таки рѣшитъ будущее. Не будемъ только предоставлять выборъ этихъ формъ всецѣло произволу судьбы, твердо памятуя, что при нѣкоторыхъ хозяйственныхъ формахъ производительныя силы страны легко могутъ оказаться направленными на „непотребное производство" (да извинитъ мнѣ читатель этотъ каламбуръ), въ родѣ производства рельсъ, чтобы возить рельсы.

Въ одномъ мѣстѣ своей книги г. Масловъ старается доказать, что земская помощь кустарямъ, чтобы быть успѣшной, должна отлиться въ капиталистическую форму. Ну что-жъ?—если общественная организація производства имѣетъ общія черты и даже можетъ быть названа однимъ именемъ съ капитализмомъ, будемъ стремиться къ этому „капитализму".

Сейчасъ же для меня важно во всякомъ случаѣ одно.

Г. Масловъ всею своею книгою приглашаетъ насъ преклониться передъ двумя кумирами: передъ индустріей и самымъ обыкновеннымъ капитализмомъ. На алтарь ихъ, ради развитія производительныхъ силъ, нами принесены уже обильныя жертвы. Пора бы, казалось, убѣдиться въ непосильности и безцѣльности этихъ жертвъ, пора бы усомниться въ божественныхъ достоинствахъ самыхъ фетишей.

Зародить это сомнѣніе въ читателѣ, если оно уже давно не зародилось въ немъ, я и ставилъ своей задачей.

А. Пѣшехоновъ.

Хроника внутренней жизни.

I. По поводу продовольственной кампаніи минувшаго года.—II. Изъ отголосковъ кишиневскихъ событій.—Отзывы двухъ духовныхъ лицъ.—III. Правительственныя распоряженія.—Правительственныя сообщенія относительно Финляндіи.—IV. Административныя распоряженія по дѣламъ печати.

I.

Минувшая зима въ жизни немалой части сельскаго населенія Россіи была ознаменована серьезными продовольственными затрудненіями. Въ концѣ прошлаго года на страницахъ хроники „Русскаго Богатства" были уже сгруппированы нѣкоторые факты, до извѣстной степени обрисовывавшіе какъ вѣроятные размѣры этихъ затрудненій, такъ и характеръ пріемовъ, при помощи ко-

торыхъ предполагалось вести борьбу съ ними. Въ настоящее время продовольственная кампанія 1902—1903 года можетъ считаться законченной, и въ виду этого возможно уже попытаться опредѣлить хотя бы наиболѣе существенные ея итоги. Правда, подобная попытка должна встрѣтить немаловажныя препятствія, такъ какъ продовольственная нужда населенія и дѣло помощи этой нуждѣ въ истекшемъ году менѣе, чѣмъ когда-либо, освѣщались сообщеніями печати. Но кое-какія свѣдѣнія все-же давались послѣдней и, при всей скудости этихъ свѣдѣній, они заключаютъ въ себѣ немало поучительнаго.

Въ срединѣ декабря 1902 года опубликовано было оффиціальное сообщеніе о правительственныхъ мѣропріятіяхъ по продовольственному дѣлу. „Въ виду обильнаго урожая въ бóльшей части имперіи,—говорилось въ этомъ сообщеніи,—продовольственныхъ мѣропріятій со стороны правительства въ широкихъ размѣрахъ, по крайней мѣрѣ, до выясненія видовъ на новый урожай, не потребуется, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ мѣстностей“. Къ числу такихъ мѣстностей упомянутое сообщеніе относило въ Европейской Россіи губерніи Вятскую, Саратовскую, часть Таврической, нѣкоторые отдѣльные уѣзды и части уѣздовъ Уфимской, Самарской, Казанской, Оренбургской, Тамбовской, Новгородской и Псковской, а въ Сибири—два уѣзда Тобольской, нѣкоторыя волости Томской губерніи, часть Иркутской и нѣсколько селеній Семипалатинской области. „Въ остальныхъ мѣстностяхъ, гдѣ можетъ оказаться нужда въ поддержкѣ населенія въ продовольственномъ отношеніи, особой правительственной помощи пока не требуется“,—гласило сообщеніе. По словамъ того же сообщенія, и въ перечисленныхъ губерніяхъ и уѣздахъ необходимость правительственной ссуды объяснялась „не столько интенсивностью неурожая нынѣшняго лѣта, сколько невозможностью удовлетворить обычную при пестромъ урожаѣ потребность въ продовольственныхъ и сѣменныхъ ссудахъ нѣкоторой части сельскаго населенія, вслѣдствіе истощенія мѣстныхъ средствъ пережитымъ недородомъ 1901 года“. Иначе говоря, при удовлетворительномъ въ среднемъ урожаѣ нашлось все-таки немало мѣстностей, въ которыхъ крестьянское населеніе не собрало съ земли необходимаго для своего прокормленія количества хлѣба. Въ однихъ изъ этихъ мѣстностей для покрытія продовольственной нужды были признаны достаточными мѣстные запасы и средства, въ другихъ, перечисленныхъ выше, уже до начала зимы была затребована помощь изъ обще-имперскаго продовольственнаго капитала.

По размѣрамъ такой помощи первое мѣсто заняла Вятская губернія. Въ ней, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, озимый хлѣбъ не уродился въ десяти уѣздахъ, а яровые хлѣба во многихъ мѣстахъ не дозрѣли, и населеніе уже съ іюля нуждалось въ продовольственныхъ ссудахъ. На сѣмянныя ссуды населенію этой гу-

берніи агентами министерства финансовъ было закуплено и доставлено болѣе полутора милліоновъ пудовъ ржи и, сверхъ того, для Яранскаго уѣзда произведена была мѣстная заготовка сѣмянъ на сумму 45.000 р. На продовольственныя же ссуды въ Вятской губерніи, помимо запасовъ, имѣвшихся въ магазинахъ сельскихъ обществъ, было доставлено агентами министерства финансовъ 870.000 п. ржи и заготовлено на мѣстѣ губернскимъ присутствіемъ 264.670 п. на отпущенные изъ общаго продовольственнаго капитала 212.000 р. Затраты, произведенныя на другія нуждающіяся губерніи, были значительно меньше. Тѣмъ не менѣе, общее количество ассигнованій, произведенныхъ изъ общаго продовольственнаго капитала на выдачу продовольственныхъ и сѣменныхъ ссудъ населенію и на организацію общественныхъ работъ въ нуждающихся мѣстностяхъ, къ 4 декабря 1902 г. достигло 5.246.000 р. Кромѣ того, изъ этого же капитала было „перечислено временному управленію по закупкѣ хлѣба 1.417.000 р., недоплаченныхъ за хлѣбъ, доставленный въ нуждавшіяся по случаю неурожая 1901 года мѣстности“, и для производства всѣхъ этихъ расходовъ пришлось усилить продовольственный капиталъ отпускомъ изъ казны 6.200.000 р. Передачу этихъ свѣдѣній правительственное сообщеніе заключало выраженіемъ надежды, что „принятыми мѣрами и предположенными на удовлетвореніе ходатайствъ мѣстныхъ губернскихъ начальствъ и земствъ отпусками будутъ обезпечены повсемѣстно какъ обсѣмененіе яровыхъ полей предстоящею весною, такъ и продовольствіе населенія до новаго урожая“.

Съ 10 декабря, когда было опубликовано цитированное сообщеніе, вплоть до настоящаго времени не появлялось болѣе никакихъ оффиціальныхъ извѣстій объ общемъ ходѣ продовольственной кампаніи. Такимъ образомъ судить о томъ, насколько оправдалась высказанная въ декабрьскомъ сообщеніи надежда, приходится исключительно на основаніи частныхъ свѣдѣній, время отъ времени проникавшихъ въ печать. Эти свѣдѣнія прежде всего позволяютъ отмѣтить то обстоятельство, что продовольственная кампанія минувшаго года не была избавлена отъ неожиданностей, составляющихъ характерную особенность продовольственныхъ операцій послѣднихъ лѣтъ.

Послѣдствія неурожая дали себя знать и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, не включенныхъ въ приведенный выше списокъ нуждавшихся въ продовольственной помощи мѣстностей. Такъ, напримѣръ, Смоленская губернія не попала въ этотъ списокъ. Между тѣмъ, положеніе ея земледѣльческаго населенія уже въ началѣ зимы способно было внушать серьезныя опасенія. „Не говоря уже о томъ“, писалъ въ началѣ декабря корреспондентъ „Р. Вѣдомостей“, „что недородъ хлѣба, постигшій губернію, вызоветъ въ скоромъ времени полное истощеніе запасовъ у населенія, и такъ не избалованнаго особенно богатыми урожаями, въ

нѣшнемъ году оно будетъ лишено и сѣна, и картофеля, и капусты, и многихъ другихъ продуктовъ. Пудъ ржаной муки уже сейчасъ продается въ деревнѣ по 80 к. Лучшимъ доказательствомъ недорода служитъ появившійся въ громадномъ количествѣ на рынкахъ скотъ, цѣна на который страшно упала. Отсутствіе сѣна, которое стоитъ теперь въ уѣздѣ 30—40 коп. пудъ, заставляетъ тащить на рынокъ послѣднюю скотину... Умолотъ ржи очень плохой: мѣстами самъ—2, самъ—3, а мѣстами, кажется, и еще хуже. Картофель вымокъ почти всюду, за исключеніемъ гористыхъ мѣстъ, но и тутъ его много осталось въ землѣ, такъ какъ изъ-за дождей и морозовъ нельзя было копать. Гречиху попортили августовскіе заморозки; ленъ мѣстами попорченъ, мѣстами остался выстланнымъ на поляхъ, гдѣ его занесло снѣгомъ. Овесъ удалось убрать только тамъ, гдѣ былъ посѣянъ рано... Сѣно очень плохого качества, да и то частью поснесено разлившимися рѣками; этотъ же разливъ сдѣлалъ то, что многіе луга остались некошенными до заморозковъ". „Все это", заключалъ корреспондентъ свое сообщеніе, „обѣщаетъ большое бѣдствіе населенію, почти лишенному къ тому же подсобныхъ заработковъ" *). Нѣсколько позднѣе выяснилось, что въ подобномъ же положеніи находилось и населеніе Ковенской губерніи, также не вошедшей въ приведенный выше списокъ. „Незавидный по качеству зерна урожай прошлаго года и очень плохое состояніе озимыхъ посѣвовъ", сообщали въ началѣ марта мѣстныя „Губернскія Вѣдомости", серьезно озабочиваютъ администрацію. Губернаторомъ приняты мѣры къ выясненію нужды крестьянъ въ посѣвномъ зернѣ, къ закупкѣ и удешевленію доставки сѣмянъ и къ облегченію кредита ссудо-сберегательныхъ товариществъ" **).

Въ свою очередь, и въ тѣхъ губерніяхъ, которыя перечислены въ декабрьскомъ сообщеніи министерства внутреннихъ дѣлъ, продовольственная нужда захватила не только указанные въ этомъ сообщеніи уѣзды, но и друіе, не упомяиутые въ немъ. Между прочимъ, перечисляя тяжело пострадавшіе отъ неурожая уѣзды Новгородской губерніи, министерское сообщеніе не включило въ ихъ число уѣздъ Демянскій. Впослѣдствіи, однако, признано было необходимымъ оказать и этому уѣзду помощь изъ общихъ продовольственныхъ средствъ. По частнымъ свѣдѣніямъ, крестьяне Демянскаго уѣзда уже въ серединѣ зимы оказались въ крайне плачевномъ положеніи. По словамъ корреспондента „Р. Вѣдомостей", „осенью крестьяне, за недостаткомъ кормовъ, третью часть скота сбыли, надѣясь двѣ трети всетаки прокормить, но надежды ихъ не оправдались. Полугнилое сѣно, которымъ приходится кормить скотину, оказываетъ губительное дѣйствіе. Мел-

*) «Р. Вѣд.», 9 дек. 1902 г.

**) Цитируемъ по «Сѣв.-Западному Слову», 4 марта 1903 г.

кій скотъ околѣваетъ почти до-чиста. Крупный скотъ, преимущественно коровы, болѣетъ и тоже околѣваетъ, хотя и не въ такой сильной степени, какъ мелкій... Капуста, огурцы и другія огородныя овощи не уродились; не уродился и картофель. Рожь уродилась плохо: со спорыньей и такого качества, что очень трудно изъ муки этой ржи испечь хлѣбъ. Этотъ хлѣбъ, какъ и сѣно, вызываетъ болѣзни" *). Признавая серьезность создавшагося такимъ путемъ положенія, уѣздный съѣздъ, на который дѣйствующимъ закономъ возложено продовольственное дѣло, съ своей стороны ограничился лишь ходатайствомъ передъ губернской администраціей объ отпускѣ населенію яровыхъ сѣмянъ. Пріемъ же сѣменного хлѣба и распредѣленіе его по уѣзду названный съѣздъ рѣшилъ поручить демянской уѣздной земской управѣ и сообщилъ послѣдней о своемъ порученіи „для предварительныхъ распоряженій" **).

Можно опасаться, однако, что въ данномъ случаѣ и такая постановка дѣла не вполнѣ обезпечила интересы пострадавшихъ отъ неурожая крестьянъ, или, говоря точнѣе, не обезпечила ихъ даже въ такой мѣрѣ, въ какой могъ бы это сдѣлать органъ, строго ограниченный только ролью исполнителя чужого порученія. Такъ, по крайней мѣрѣ, заставляетъ думать слѣдующій эпизодъ. Опубликованіе „Р. Вѣдомостями" приведенныхъ выше свѣдѣній о положеніи Демянскаго уѣзда вызвало нѣкоторый откликъ со стороны общества, и въ редакцію названной газеты стали стекаться пожертвованія въ пользу пострадавшихъ крестьянъ этой мѣстности. Собранные такимъ путемъ 150 рублей газета направила было въ демянскую земскую управу. Но послѣдняя, выразивъ „искреннюю благодарность", заявила, что „принять эти деньги она находитъ преждевременнымъ, считая населеніе Демянскаго уѣзда еще не въ столь бѣдственномъ положеніи", и вмѣстѣ съ тѣмъ доставила „опроверженіе" сообщенныхъ „Р. Вѣдомостями" свѣдѣній. Это опроверженіе оказалось необыкновенно любопытнымъ. Если вѣрить ему, въ Демянскомъ уѣздѣ какъ будто былъ голодъ, но какъ будто его и не было, тѣмъ болѣе, что населеніе давно уже пріучено голодать. Въ самомъ дѣлѣ, по словамъ управы, „въ Демянскомъ уѣздѣ и въ прежніе годы нерѣдко замѣчался недородъ и даже въ хорошіе урожайные годы большинство крестьянъ уже въ концѣ декабря покупало хлѣбъ; минувшій же годъ признано считать неудовлетворительнымъ, но не настолько бѣдственнымъ, какъ передаетъ корреспондентъ". „Рожь", развивала свою мысль управа, „дѣйствительно дала зерно худшаго качества и съ немного большею, чѣмъ въ прошлый годъ, примѣсью спорыньи", но хлѣбъ изъ этого зерна полу-

*) «Р. Вѣд.», 19 февраля 1903 г.
**) «Р. Вѣд.», 23 февр. 1903 г.

чался „удовлетворительный и невредный для здоровья". „Яровые хлѣба дѣйствительными", такъ что „почти всѣ ходатайства крестьянъ о выдачѣ ссудъ на обсѣмененіе уѣзднымъ съѣздомъ уже уважены, и выписанъ яровой хлѣбъ, который на-дняхъ будетъ полученъ на мѣстѣ и розданъ крестьянамъ". Изъ огородныхъ овощей „не было только огурцовъ, капуста же и прочее во многихъ мѣстахъ оказались въ достаточномъ количествѣ для собственной потребности, лишь картофель получился въ значительно меньшемъ количествѣ". „Уборка сѣна также происходила при неблагопріятныхъ условіяхъ" и „получилось хорошаго сѣна меньше", но „этимъ только уменьшился сбытъ на продажу". Наконецъ, въ „нѣкоторыхъ пунктахъ уѣзда замѣчается заболѣваніе и даже падежъ крупнаго и мелкаго скота, но такіе случаи наблюдались и въ прежніе годы; главнымъ образомъ околѣваетъ тотъ скотъ, который остался отъ осени слабымъ, но чтобы околѣвалъ мелкій скотъ до-чиста и въ большомъ количествѣ,—этого не замѣчается". Въ виду всего этого управа находила, что „Демянскій уѣздъ нельзя считать въ положеніи столь бѣдственномъ, чтобы прибѣгать къ сбору пожертвованій" *). Повидимому, члены демянской управы глубоко убѣждены, что послѣднее средство можетъ быть примѣнено лишь въ томъ случаѣ, когда населеніе поголовно умираетъ отъ голода, и что до наступленія этого момента всякая помощь со стороны общества является „преждевременною".

Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, демянская управа далеко не была одинокой. Въ истекшемъ году нашлось немало и другихъ охотниковъ замалчивать и уменьшать народную нужду, хотя большинство такихъ охотниковъ вербовалось все же не изъ рядовъ земскихъ дѣятелей, какъ это случилось въ Демянскомъ уѣздѣ. Мѣстами земства пытались даже оказать извѣстное противодѣйствіе усиліямъ подобныхъ охотниковъ, хотя это противодѣйствіе не было особенно энергичнымъ и не могло быть очень успѣшнымъ въ виду той скромной роли, какая оставлена за земствомъ въ современной постановкѣ продовольственнаго дѣла. Характерная и поучительная исторія такого рода разыгралась, между прочимъ, въ Симферопольскомъ уѣздѣ, Таврической губерніи. Согласно первоначальнымъ свѣдѣніямъ волостныхъ старшинъ и земскихъ начальниковъ, въ названномъ уѣздѣ не было сильнаго недорода и не ощущалось острой продовольственной нужды. Вслѣдъ затѣмъ, однако, мѣстная земская управа организовала собираніе свѣдѣній объ урожаѣ мѣстными землевладѣльцами по районамъ, и въ результатѣ такихъ свѣдѣній былъ установленъ фактъ серьезнаго недорода какъ хлѣба, такъ и кормовъ для продовольствія скота. Какъ выяснилось изъ собранныхъ

---

*) «Р. Вѣд.», 7 марта 1903 г.

управою свѣдѣній, этотъ недородъ еще съ осени вызвалъ среди мѣстныхъ крестьянъ усиленную распродажу скота, а нужда въ продовольствіи, постепенно обостряясь, къ зимѣ мѣстами приняла уже характеръ настоящей голодовки. Особенно печальнымъ оказалось положеніе многочисленной въ уѣздѣ группы безземельныхъ хлѣбопашцевъ, являющихся мелкими арендаторами и лишенныхъ права на полученіе ссуды изъ имперскаго продовольственнаго капитала. Стремясь придти на помощь этой группѣ, уѣздное земское собраніе постановило ассигновать для выдачи безвозвратныхъ пособій безземельнымъ поселянамъ 25.000 р. изъ спеціальнаго капитала, предназначеннаго къ раздачѣ исключительно въ случаяхъ внезапныхъ бѣдствій. Но эта помощь оказалась каплей въ морѣ, такъ какъ, по разсчету самого земства, для сколько-нибудь серьезнаго удовлетворенія нужды среди безземельныхъ поселянъ требовалась сумма, по крайней мѣрѣ вчетверо большая той, какая могла быть ассигнована изъ земскихъ средствъ *). Вскорѣ оказалось, что и среди крестьянъ, имѣющихъ надѣлы, бѣдствіе приняло немногимъ меньшіе размѣры. „У нѣкоторыхъ“, сообщала въ концѣ января одна изъ мѣстныхъ газетъ, „нужда обострилась до крайнихъ предѣловъ; населеніе голодаетъ, скотъ голодаетъ, были случаи падежа отъ безкормицы; между тѣмъ земство безсильно чѣмъ-нибудь помочь, правительственная же ссуда до сихъ поръ не выдается. Въ виду того, что всѣ сроки для обычнаго исходатайствованія ссуды уже пропущены, совѣщаніе сельско-хозяйственнаго совѣта симферопольскаго земства поручило предсѣдателю земской управы лично ходатайствовать передъ начальникомъ губерніи объ экстренномъ, телеграфными сношеніями, исходатайствованіи ссуды для обезпеченія населенія продовольствіемъ и сѣменами для обсѣмененія“. Въ это время „тяжелое положеніе населенія было признано и земскими начальниками, которые вначалѣ отрицали острую нужду“ **). Чрезмѣрный оптимизмъ лицъ, завѣдывавшихъ продовольственной кампаніей, отразился такимъ образомъ серьезнымъ ухудшеніемъ участи пострадавшаго населенія.

Не менѣе тяжело, чѣмъ крестьянское населеніе Таврической губерніи, пострадало, повидимому, и казачество Терской области. „Нужда въ продовольствіи жителей и рабочаго скота въ притеречныхъ станицахъ, пострадавшихъ отъ неурожая, въ настоящее время сказывается очень рѣзко, положеніе жителей слишкомъ тяжелое и имъ крайне необходима немедленная помощь“, писали „Р. Вѣдомостямъ“ изъ Владикавказа въ началѣ февраля. Зима въ этой мѣстности стояла очень суровая, что, по словамъ

---

*) «СПБ. Вѣдомости», 20 янв. 1903 г.; «Р. Вѣд.», 9 дек. 1902 г., 18 янв. и 16 марта 1903 г.

**) «Южный Курьеръ». Цитируемъ по «Р. Вѣдомостямъ», 29 янв. 1903 г.

корреспондента, „еще сильнѣе давало чувствовать жителямъ весь ужасъ полуголоднаго существованія“ *). Около того же времени аналогичныя сообщенія были помѣщены и въ „Вѣстникѣ Казачьихъ Войскъ“. По словамъ названнаго органа, посѣтившее Терскую область бѣдствіе недорода еще отличалось тѣмъ, что большинство хозяевъ были уже обременены громадной задолженностью. Между тѣмъ, ходатайство о ссудѣ, заявленное въ сентябрѣ, не было удовлетворено еще къ началу зимы, благодаря чему многіе хозяева лишились возможности произвести осенніе посѣвы. „Если“, продолжалъ указанный органъ, „съ помощью благотворительности и продовольственныхъ ссудъ само населеніе и переживетъ голодную зиму здоровымъ, то во всякомъ случаѣ хозяйству его грозитъ серьезное разстройство. И сейчасъ уже многіе продаютъ рабочій скотъ. Сѣмянъ на посѣвъ у многихъ не было еще осенью и поэтому часть полей осталась незасѣянною. Для весенняго посѣва, несомнѣнно, нужна также помощь. Въ особенности необходимо позаботиться о сохраненіи скота въ хозяйствѣ населенія, для чего слѣдуетъ спѣшить съ выдачею продовольственныхъ ссудъ, которая, повидимому, еще не начиналась. Неужели можно медлить въ такомъ дѣлѣ?“

Подобный вопросъ приходилось задавать не въ одной лишь Терской области. Изъ нѣсколькихъ примѣровъ такого рода, оглашенныхъ въ печати, мы остановимся еще только на одномъ. Тверская губернія, подобно Смоленской и Ковенской, декабрьскимъ сообщеніемъ не была упомянута въ числѣ губерній, нуждающихся въ правительственномъ пособіи. На дѣлѣ, однако, крестьянское населеніе ея тяжело пострадало отъ неурожая. О размѣрахъ бѣдствія до нѣкоторой степени позволяютъ судить уже свѣдѣнія объ убыли скота и сокращеніи посѣвовъ, собранныя губернской земской управой. Согласно этимъ свѣдѣніямъ, во всей Тверской губерніи рабочихъ лошадей убавилось сравнительно съ 1902 годомъ на 4,2%, или на 14.386 головъ, крупнаго рогатаго скота—на 5,9% или 31.410 головъ и мелкаго скота—на 11,4% или на 96.005 головъ. Наиболѣе значительная убыль скота была обнаружена въ Осташковскомъ и Ржевскомъ уѣздахъ. Недосѣянными сравнительно съ предъидущимъ годовъ во всей губерніи остались 6,7% озимыхъ полей или 270.695 п. зерна, при чемъ особенно большой недосѣвъ пришелся на Весьегонскій, Осташковскій и Ржевскій уѣзды. „Если прибавить“, замѣчала по этому поводу тверская губернская управа въ своемъ докладѣ мартовскому земскому собранію, „еще ту часть озимыхъ, всходы которыхъ совершенно пропали еще осенью 1902 года, а также и тѣ, которые были плохи и не внушали большихъ надеждъ на хорошій урожай будущимъ лѣтомъ, то въ результатѣ получаются серьезныя осно-

*) «Р. Вѣд.», 19 января 1903 г.

ванія для предположеній, уже и ранѣе высказывавшихся и отчасти подтвердившихся, а именно: 1) населеніе будетъ ощущать значительную нужду въ посѣвныхъ сѣменахъ яровыхъ хлѣбовъ и 2) предстоящій годъ въ продовольственномъ отношеніи внушаетъ очень серьезныя опасенія". Чтобы имѣть возможность придти на помощь нуждающемуся населенію въ теченіе зимы и весны 1903 года, земское собраніе еще ранѣе ходатайствовало о разрѣшеніи ему для этой цѣли безвозвратнаго отчисленія изъ страхового капитала въ размѣрѣ 500.000 р. Но это ходатайство было отклонено и земству было предложено получить ту же сумму путемъ займа ея изъ страхового капитала. Совѣщаніе предсѣдателей уѣздныхъ управъ Тверской губерніи пришло, однако же, къ заключенію, что такой путь представляетъ для земства черезчуръ большія неудобства, такъ какъ въ помощи нуждается наиболѣе пострадавшая часть населенія, являющаяся и наименѣе обезпеченной средствами, благодаря чему трудно разсчитывать на своевременное и полное возвращеніе ею ссудъ. При такихъ условіяхъ нельзя ожидать правильнаго поступленія срочныхъ платежей по отношенію займа и уплатѣ процентовъ, и неизбѣжныя недоимки должны будутъ упасть тяжелымъ бременемъ на земскій бюджетъ, и безъ того уже ограниченный фиксаціей земскаго обложенія. Въ свою очередь, созванное на 27 марта чрезвычайное губернское земское собраніе, ознакомившись съ этимъ заключеніемъ и съ докладомъ губернской управы, сдѣлало слѣдующія постановленія: 1) возбудить вновь ходатайство объ отчисленіи изъ страхового капитала 500.000 р. на помощь пострадавшему населенію и, затѣмъ, на образованіе постояннаго фонда на случай бѣдствій; 2) въ случаѣ отклоненія этого ходатайства—ходатайствовать о разрѣшеніи безпроцентнаго займа изъ страхового капитала въ суммѣ 500.000 р., срокомъ на 25 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы погашеніе началось съ шестого года и производилось равными частями; 3) въ случаѣ отклоненія и этого ходатайства—ходатайствовать о разрѣшеніи займа въ 500.000 р. по разсчету изъ 3% на капиталъ и 1% въ погашеніе *).

Какъ ни отрывочны приведенныя выше свѣдѣнія, они все же позволяютъ заключить, что въ началѣ продовольственной кампаніи минувшаго года нужда, переживавшаяся населеніемъ, во многихъ мѣстностяхъ не привлекла къ себѣ достаточно серьезнаго вниманія лицъ и учрежденій, завѣдующихъ продовольственнымъ дѣломъ, и была оцѣнена ими слишкомъ низко. Въ свою очередь, это обстоятельство оказало большое и неблагопріятное вліяніе на размѣръ помощи, предоставленной пострадавшему населенію на первыхъ порахъ. Гораздо менѣе имѣется въ печати свѣдѣній о томъ, какъ прошелъ второй—весенній—періодъ продовольственной

---

*) «СПБ. Вѣдомости», 5 апрѣля 1903 г.

кампаніи. Повидимому, однако, и въ немъ далеко не все обстояло благополучно.

Выше мы уже видѣли, что въ истекшемъ году бывали такіе случаи, когда административныя учрежденія, вѣдающія въ настоящее время по закону продовольственное дѣло, перелагали немалую часть своихъ обязанностей на земство, тѣмъ самымъ свидѣтельствуя о чрезмѣрной для нихъ трудности этихъ обязанностей. Въ другихъ случаяхъ земства сами пытались придти на помощь мѣстной администраціи, предпринимая самостоятельныя изслѣдованія нужды среди населенія и возбуждая ходатайства о пособіяхъ ему. Не всегда, однако, такая помощь оказывалась возможной, и не всегда она признавалась желательной. Въ общемъ за земствомъ въ теченіе истекшаго года была оставлена лишь та пассивная роль, которая предназначена ему новыми правилами о продовольственномъ дѣлѣ. Въ дѣйствіяхъ же административныхъ органовъ, по всей видимости, и помимо опредѣленія размѣровъ нужды было немало ошибокъ, болѣе или менѣе серьезно отражавшихся на судьбѣ пострадавшаго отъ неурожая населенія. Въ Старорусскомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи, какъ сообщали газеты, крестьянамъ были выданы для посѣва невсхожія сѣмена льна. „Что касается цынги въ уѣздѣ, то таковая понемногу распространяется“, писали изъ той же мѣстности въ концѣ марта *). Въ Псковской губерніи „послѣдствія недорода сказались усиленіемъ заболѣваній тифомъ, эпидемія котораго въ Псковскомъ уѣздѣ приняла значительные размѣры и вызвала вмѣшательство губернской администраціи“. „Земство“, прибавлялъ сообщившій эти свѣдѣнія корреспондентъ, „не только увеличило медицинскій персоналъ, но и позаботилось объ улучшеніи питанія больныхъ“ **). Корреспондентъ не сообщилъ только, были-ли приняты кѣмъ-либо мѣры къ улучшенію питанія тѣхъ здоровыхъ людей, которымъ грозила опасность голоднымъ тифомъ или цынгой. Цынга и куриная слѣпота, какъ послѣдствія вызваннаго неурожаемъ голода, появились и на югѣ—въ селеніяхъ, лежащихъ около Одессы ***).

Не нужно забывать, что минувшій годъ былъ годомъ лишь частичнаго неурожая при сравнительно благополучномъ въ среднемъ сборѣ хлѣбовъ. Тѣмъ не менѣе, и при такихъ условіяхъ не удалось предупредить развитія эпидемій, выростающихъ на почвѣ голоданія населенія. Еще менѣе возможнымъ должно было, конечно, оказаться предупрежденіе серьезнаго разстройства хозяйственныхъ средствъ пораженнаго неурожаемъ населенія. Опытъ такого рода, естественно, могъ и долженъ былъ укрѣпить мысль

*) «СПБ. Вѣдомости», 3 апрѣля 1903 г.
**) «Н. Время», 27 апрѣля 1903 г.
***) «Н. Время», 9 апрѣля 1903 г.

о существованіи коренныхъ недостатковъ въ дѣйствующей организаціи продовольственнаго дѣла. Подъ вліяніемъ этого опыта указанная мысль и была вполнѣ опредѣленно высказана въ одной изъ пострадавшихъ губерній.

Какъ сообщали газеты, саратовская губернская управа въ апрѣлѣ представила начальнику губерніи, возбужденное по постановленію земскаго собранія, ходатайство по продовольственному дѣлу. Указывая въ этомъ ходатайствѣ на одно изъ печальныхъ послѣдствій неурожая—потерю скота и вытекающую отсюда необходимость къ принятію мѣръ помощи населенію въ этомъ случаѣ, управа отмѣчаетъ тѣсную связь такой помощи, обыкновенно возлагаемой въ настоящее время на земскія учрежденія, съ собственно продовольственной операціей. „Если", говорится въ ходатайствѣ, „хозяйственные интересы крестьянской семьи создаютъ необходимость сохраненія хотя бы одной рабочей лошади, то санитарные интересы этой семьи дѣлаютъ необходимымъ предоставить ей возможность сохранить хотя бы одну корову и двухъ овецъ, такъ какъ преобладающей скоромной пищей крестьянской семьи являются молочные продукты и баранина собственнаго приготовленія". Такимъ образомъ, среди мѣропріятій по случаю неурожаевъ дѣлу продовольствія скота должно принадлежать видно мѣсто. „Но продовольствіе населенія и прокормъ скота—неразрывно связанныя операціи: успѣшное выполненіе одной немыслимо безъ удовлетворительнаго разрѣшенія другой. Въ виду этого крайне необходимо, чтобы удовлетвореніе этихъ насущныхъ потребностей населенія вѣдало одно учрежденіе, и то самое, которому законъ вручаетъ заботы о хозяйственныхъ нуждахъ населенія, т. е. земство, тѣмъ болѣе, что продовольствіе населенія и прокормъ скота относятся къ категоріи экономическихъ предпріятій". Далѣе въ цитируемомъ ходатайствѣ указывается на то, что земство имѣетъ уже многолѣтній опытъ въ дѣлѣ продовольствія и что всѣ земскія мѣропріятія въ этой области подвергаются гласному контролю. Къ тому же практика прежнихъ лѣтъ выяснила, что самой серьезной, самой трудной и самой отвѣтственной задачей продовольственной операціи является точный и своевременный учетъ продовольственныхъ и сѣменныхъ нуждъ населенія. Земскіе начальники для выполненія этой отвѣтственной роли не располагаютъ никакими средствами и поневолѣ вынуждены пользоваться исключительно услугами волостныхъ и сельскихъ правленій, лишенныхъ всякой самостоятельности и неподготовленныхъ къ такому сложному дѣлу. Что касается своевременной заготовки хлѣба, то она, въ свою очередь, требуетъ предварительныхъ свѣдѣній, добыть которыя заблаговременно можетъ лишь земство, располагающее для этой цѣли услугами спеціалистовъ-статистиковъ. Наконецъ, согласно изложенному въ ходатайствѣ мнѣнію управы, продовольственная

и сѣменная помощь должны идти рука-объ-руку съ прочими экономическими и санитарными мѣрами, направленными къ облегченію созданнаго неурожаемъ бѣдственнаго положенія населенія, каковы общественныя работы, продажа хлѣба по заготовительнымъ цѣнамъ и т. п. На основаніи всего этого саратовская управа, исполняя порученіе губернскаго земскаго собранія, ходатайствовала: 1) о возвращеніи продовольственнаго дѣла въ вѣдѣніе земства на прежнихъ основаніяхъ, но съ тѣми измѣненіями, о которыхъ неоднократно ходатайствовало земство ранѣе; 2) о томъ, чтобы продовольственный уставъ былъ дополненъ нѣкоторыми положеніями о прокормленіи скота, и 3) о томъ, чтобы новый уставъ о прокормленіи скота составлялся при участіи представителей отъ земства или чтобы проектъ устава былъ присланъ на заключеніе земскаго собранія *).

Изложенные выше мотивы этихъ ходатайствъ не представляютъ собою чего-либо новаго. Соображенія, изъ которыхъ исходило саратовское земство, выступая съ своимъ ходатайствомъ, за послѣдніе годы не разъ уже высказывались въ различныхъ общественныхъ собраніяхъ и во многихъ органахъ печати. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и правильность этихъ соображеній едва-ли поддается оспариванію. Другой вопросъ, однако, насколько успѣшнымъ можетъ оказаться основанное на нихъ ходатайство. Не далѣе, какъ въ декабрѣ минувшаго года намъ приходилось указывать, что министерство внутреннихъ дѣлъ признаетъ существующую организацію продовольственнаго дѣла вполнѣ удовлетворительной и не видитъ надобности въ какомъ-либо коренномъ измѣненіи порядка завѣдыванія этимъ дѣломъ на мѣстахъ. Врядъ-ли и къ настоящему времени такой взглядъ успѣлъ уступить свое мѣсто другому. Между тѣмъ, то или иное рѣшеніе этого вопроса имѣетъ большое значеніе для ближайшаго будущаго, такъ какъ изъ многихъ мѣстностей приходили и приходятъ вѣсти, внушающія серьезныя опасенія за предстоящій урожай.

II.

Кишиневскія событія, взволновавшія все русское общество, вызвали нѣсколько откликовъ и изъ среды русскаго духовенства. Какъ сообщаютъ газеты, епископъ волынскій Антоній произнесъ 20 апрѣля въ житомірскомъ каѳедральномъ соборѣ спеціальную проповѣдь, посвященную оцѣнкѣ кишиневскаго погрома и наполненную горькими укоризнами по адресу его виновниковъ. „Грѣховна“, говорилъ, между прочимъ, епископъ, „вражда противъ

*) «Сар. Дневникъ». Цитируемъ по «СПБ. Вѣдомостямъ», 19 апрѣля 1903 г.

іудеевъ, основанная на незнаніи Закона Божія, но она совершенно непростительна, если исходитъ изъ другихъ побужденій, побужденій гнусныхъ и позорныхъ, какъ это, къ сожалѣнію, выясняется въ послѣднее время. Грабители евреевъ не столько отмщали имъ за противленіе христіанамъ, сколько алкали пріобрѣтенія чужого имущества. Подъ видомъ ревности о вѣрѣ они служили демону корыстолюбія. Они уподоблялись Іудѣ: тотъ цѣлованіемъ предалъ Христа, омраченный сребролюбія недугомъ, а эти, прикрываясь именемъ Христа, избивали его сродниковъ по плоти для того, чтобы ограбить ихъ стяжанія. Никогда не бывало подобнаго изувѣрства. Въ средніе вѣка казнили еретиковъ и евреевъ, но не ради ограбленія; пытали и жгли враговъ вѣры, но не для того, чтобы наполнять свои карманы чужимъ добромъ, а утробу свою виномъ и водкой. Такъ поступаютъ только людоѣды, готовые на убійство, чтобы насытиться и обогатиться" *).

Въ иномъ духѣ высказался по поводу тѣхъ же событій другой небезъизвѣстный представитель православнаго духовенства, кронштадтскій священникъ Сергіевъ или, какъ его чаще называютъ, о. Іоаннъ Кронштадтскій. Правда, первоначально и онъ обратился къ кишиневскимъ христіанамъ съ гласнымъ укоромъ, но затѣмъ въ газетѣ „Знамя" появилось за его подписью слѣдующее „Письмо къ возлюбленнымъ братьямъ, кишиневскимъ христіанамъ": „Изъ послѣдующихъ (за первыми) газетныхъ извѣстій о кишиневскомъ погромѣ я достовѣрно убѣдился, что евреи сами были причиною того буйства, увѣчій и убійствъ, которыя ознаменовали 6-е и 7-е числа апрѣля. Увѣрился я, что христіане въ концѣ-концовъ остались обиженными, а евреи за понесенные убытки и увѣчья сугубо награжденными отъ своихъ и чужихъ собратій. Это я знаю и изъ частныхъ писемъ, писанныхъ мнѣ самыми искренними, давно живущими въ Кишиневѣ и основательно знающими дѣло людьми. А потому взываю къ христіанамъ кишиневскимъ: простите исключительно только къ вамъ обращенную мною укоризну въ совершившихся безобразіяхъ. Теперь я убѣжденъ изъ писемъ очевидцевъ, что нельзя обвинять однихъ христіанъ, вызванныхъ на безпорядки евреями, и что въ погромѣ виноваты преимущественно сами евреи" **).

Не желая вторгаться въ чуждую мнѣ область, я не буду разбирать здѣсь вопросъ о томъ, который изъ двухъ цитированныхъ духовныхъ ораторовъ стоитъ ближе къ исповѣдуемой христіанскою церковью морали. Но, оставляя этотъ вопросъ совершенно въ сторонѣ, нельзя все же не подивиться, какъ легко въ наше время могутъ быть затемнены самыя ясныя, казалось бы, вещи, какъ легко извращаются самыя элементарныя понятія.

*) Цитируемъ по «Оренбургской Газетѣ» 13 мая 1903 г.

**) Цитируемъ по «Н. Времени», 29 мая 1903 г.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не пожалѣть, что о. Іоаннъ поскупился назвать имена тѣхъ „основательно знающихъ дѣло людей“ и „очевидцевъ“, которые такъ легко убѣдили его, и что эти „очевидцы“, такъ охотно писавшіе „частныя письма“ о. Іоанну, не потрудились выступить съ доказательствами своихъ обвиненій въ печати. Быть можетъ, тогда имъ удалось бы убѣдить все общество въ томъ, что пострадавшіе кишиневскіе евреи сами виноваты въ погромѣ и что они „сугубо награждены“ не только за понесенные убытки и увѣчья, но и за самую смерть свою. Повидимому, однако, подобныя обвиненія удобнѣе предъявлять въ частныхъ письмахъ къ лицамъ, недостаточно знакомымъ съ дѣломъ, чѣмъ въ печати. Но тѣмъ большую отвѣтственность, конечно, принимаютъ на себя тѣ лица, которыя рѣшаются гласно повторять подобныя обвиненія, не приводя никакихъ доказательствъ и опираясь исключительно на авторитетъ своего имени и положенія, какъ бы великъ или малъ ни былъ этотъ авторитетъ.

III.

За послѣдній мѣсяцъ было опубликовано немало правительственныхъ распоряженій и сообщеній. Приводимъ важнѣйшія изъ нихъ.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ 13 мая было напечатано слѣдующее сообщеніе: „Въ нѣкоторыхъ иностранныхъ газетахъ: „Times“ (№ отъ 18 мая н. ст.), „Münchener Neueste Nachrichten“ (№ 236), „Daily News“ и друг. появились извѣстія, заключающія ложное освѣщеніе происшедшихъ въ гор. Кишиневѣ 6-го и 7-го минувшаго апрѣля безпорядковъ. Сообщенія эти ссылались на письмо министра внутреннихъ дѣлъ на имя бессарабскаго губернатора и приводили это письмо въ слѣдующемъ изложеніи: „Министръ внутреннихъ дѣлъ. Канцелярія министра. 25-го марта 1903 года, номеръ 341. Совершенно секретно. Господину бессарабскому губернатору. До свѣдѣнія моего дошло, что въ ввѣренной вамъ области готовятся большіе безпорядки, направленные противъ евреевъ, какъ главныхъ виновниковъ эксплуатаціи мѣстнаго населенія. Въ виду общаго среди городского населенія безпокойнаго настроенія, ищущаго только случая, чтобы проявиться, а также принимая во вниманіе безспорную нежелательность слишкомъ суровыми мѣропріятіями вызвать озлобленіе противъ правительства въ населеніи, еще не затронутомъ революціонной пропагандой, вашему превосходительству предлагается изыскать средства немедленно по возникновеніи безпорядковъ прекратить ихъ мѣрами увѣщанія, вовсе не прибѣгая, однако, къ оружію“.—Вышеизложенныя свѣдѣнія вымышлены, письма министра внутреннихъ дѣлъ къ бессарабскому губернатору приведен-

наго содержанія не существуетъ и никакого сообщенія съ предупрежденіемъ бессарабскихъ властей о готовящихся безпорядкахъ не было".

Вслѣдъ затѣмъ 2 іюня въ той же газетѣ было напечатано слѣдующее: „Въ виду цѣлаго ряда враждебныхъ Россіи корреспонденцій въ газету „Times" изъ Петербурга, а также вымышленности многихъ содержащихся въ этихъ корреспонденціяхъ свѣдѣній, министръ внутреннихъ дѣлъ, по предоставленной ему власти, сдѣлалъ распоряженіе о высылкѣ петербургскаго корреспондента названной газеты, Брахама, изъ предѣловъ имперіи. Распоряженіе это приведено въ исполненіе 18-го минувшаго мая. Вслѣдъ затѣмъ въ газетѣ „Times" появился рядъ статей, въ коихъ описаніе высылки Брахама изъ Россіи сопровождалось свѣдѣніями, противорѣчащими истинѣ, и, между прочимъ, сообщалось, будто бы полиція угрожала Брахаму отправленіемъ по этапу. Въ дѣйствительности названный Брахамъ былъ удаленъ за границу съ соблюденіемъ всѣхъ закономъ установленныхъ для сего формальностей и никакихъ угрозъ высылкой по этапу ему не дѣлалось. При этомъ, въ особое вниманіе къ ходатайству за Брахама великобританскаго посла, удаленіе названнаго корреспондента изъ Петербурга было отсрочено на 3 дня, для предоставленія ему возможности устроить передъ отъѣздомъ свои личныя дѣла".

Въ „Бессарабцѣ" напечатаны обязательныя постановленія, изданныя и. д. бессарабскаго губернатора для г. Кишинева и его уѣзда, на основаніи ст. 15 и 16 положенія объ усиленной охранѣ, и воспрещающія всякаго рода сборища, сходки и собранія, а также ношеніе при себѣ оружія безъ надлежащаго разрѣшенія. Въ той же газетѣ опубликовано слѣдующее обязательное постановленіе, изданное такимъ же порядкомъ для г. Кишинева: „Чтобы достигнуть возможно лучшаго установленія внутренняго наблюденія въ предѣлахъ недвижимыхъ имуществъ въ г. Кишиневѣ и облегчить достиженіе охраны общественнаго порядка и государственной безопасности, признается безусловно необходимымъ и обязательнымъ, чтобы каждый изъ кварталовъ города имѣлъ не меньше одного дворника на весь срокъ дѣйствія законовъ усиленной охраны. Дворники должны быть наняты на общій счетъ всѣхъ домовладѣльцевъ квартала и представлены къ утвержденію кишиневскаго полицеймейстера въ теченіе десяти дней отъ опубликованія настоящаго обязательнаго постановленія. Смѣщеніе дворниковъ и наложеніе на нихъ взысканій предоставляется кишиневскому полицеймейстеру. Инструкція обязанностей дворниковъ будетъ составлена и утверждена губернаторомъ ко времени ихъ назначенія. За неисполненіе или нарушеніе настоящаго обязательнаго постановленія обнаруженные полицейскимъ дознаніемъ

виновные будутъ подвергаться взысканію на основаніи 15 ст. пол. объ усиленной охранѣ, т. е. аресту до трехъ мѣсяцевъ или денежному взысканію до 500 р., по постановленію бессарабскаго губернатора“ *).

Въ „Вѣдомостяхъ Одесскаго Градоначальства“ напечатанъ слѣдующій приказъ по полиціи и. д. одесскаго полицеймейстера: „До свѣдѣнія и. об. одесскаго полицеймейстера дошло, что въ послѣднее время нѣкоторыя лица подъ разными предлогами занимаются незаконными сборами пожертвованій какъ деньгами, такъ и вещами. Напоминая чинамъ полиціи дѣйствующее въ Одессѣ обязательное постановленіе отъ 21-го января 1884 года, которымъ воспрещаются денежные сборы, кѣмъ бы и съ какою бы цѣлью таковые сборы или подписки ни принимались, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда на это дано прямое разрѣшеніе надлежащей власти или когда таковое право предусмотрѣно уставами благотворительныхъ и иныхъ учрежденій, и. об. полицеймейстера предписалъ установить наблюденіе за недопущеніемъ нарушенія этого постановленія и виновныхъ привлекать къ отвѣтственности, представляя ему протоколы для дальнѣйшаго распоряженія“ **).

Сверхъ того, въ рядѣ городовъ имперіи объявлены распоряженія, налагающія въ административномъ порядкѣ кары за неисполненіе обязательныхъ постановленій мѣстныхъ властей. Въ Томскѣ „начальникомъ губерніи въ административномъ порядкѣ подвергнуты аресту при тюрьмѣ за участіе въ уличныхъ безпорядкахъ 18-го апрѣля не подчинившіеся требованію полиціи разойтись: 1) мѣщ. Константинъ Николаевъ Яровъ—на два съ половиной мѣс., 2) крест. Михаилъ Силовъ Трофимовъ, мѣщ. Антонъ Николаевъ Ивановъ, крест. Василій Гавриловъ Борисовъ и мѣщанка Ѳедосья Александрова Раковская—на два мѣсяца; 3) мѣщ. Михаилъ Павловъ Кузнецовъ, крест. Константинъ Михайловъ Замираловъ и крест. Мих. Тадеушовъ Милашевичъ—на одинъ мѣсяцъ; 4) псаломщикъ Михаилъ Тимоѳеевъ Красковъ, мѣщ. Василій Григорьевъ Давыдовъ—на три недѣли и 5) крест. Михаилъ Павловъ Михальчукъ, мѣщ. Порфирій Павловъ Каленченко, мѣщ. Дмитрій Григорьевъ Шейкинъ и крест. Иннокентій Ѳедоровъ Калугинъ—на двѣ недѣли ***).

Въ бакинскихъ газетахъ напечатано слѣдующее постановленіе и. д. бакинскаго губернатора: „1903 года мая 2-го дня, я, бакинскій губернаторъ, ген.-м. Д. А. Одинцовъ, разсмотрѣвъ об-

*) Цитируемъ по «Сарат. Дневнику», 18 мая и «СПБ. Вѣдомостяхъ», 19 мая 1903 г.

**) Цитируемъ по «Р. Вѣдомостямъ», 5 мая 1903 г.

***) Цитируемъ по «Р. Вѣдомостямъ», 4 мая 1903 г.

стоятельства дѣла по поводу уличныхъ безпорядковъ, происшедшихъ въ Баку 27-го апрѣля, и согласно обязательному постановленію главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ, изданному 26-го января 1902 г., на основаніи ст. 15 положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, постановилъ, за сходбище на улицѣ для дѣйствій, противныхъ общественному порядку, и неисполненіе законныхъ требованій полиціи подвергнуть аресту: на три мѣсяца—10 человѣкъ, на два мѣсяца—1 человѣка, на 1 мѣсяцъ—25 человѣкъ и на 3 недѣли—11 человѣкъ". Помимо того, распоряженіемъ бакинскаго губернатора за нарушеніе постановленій, изданныхъ на основаніи положенія объ усиленной охранѣ, подвергнуты аресту братья Исмаилъ и Дадашъ Нуръ, каждый на 2 мѣсяца, Илья Хуціевъ—на 2 недѣли, Г. М. Агапаловъ—на 3 сутокъ и С. Айрапетовъ—на 2 сутокъ *).

Какъ передаютъ одесскія газеты, постановленіемъ и. д. одесскаго градоначальника сынъ есаула В. Тимоѳеевъ и итальянско-подданный Н. Марусса за нарушеніе обязательнаго постановленія о воспрещеніи сходокъ и сборищъ подвергнуты аресту, перdый на 10 сутокъ, а второй на семь **).

По сообщенію „Кіевлянина", кіевскій, подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ, г.-ад. Драгомировъ, разсмотрѣвъ свѣдѣнія объ учичныхъ безпорядкахъ, происходившихъ въ г. Кіевѣ 4 мая 1903 г., постановилъ, на основаніи п. 2-го ст. 15-й положенія объ усиленной охранѣ, „лицъ, принимавшихъ участіе въ означенныхъ безпорядкахъ и виновныхъ въ нарушеніи обязательнаго постановленія отъ 9-го апрѣля 1901 г., подвергнуть слѣдующимъ административнымъ взысканіямъ: 38 лицъ къ аресту на 3 мѣсяца, 18 лицъ къ аресту на 2 мѣсяца, 10 лицъ къ аресту на 1 мѣсяцъ и 4 лицъ къ аресту на 2 недѣли. Всѣмъ этимъ лицамъ приказано зачесть въ срокъ назначеннаго имъ по настоящему постановленію наказанія время, проведенное ими въ предварительномъ арестѣ, и потому срокъ опредѣленнаго имъ ареста считается съ 4-го мая. Затѣмъ 17 лицамъ вмѣнено въ наказаніе зачесть время со дня ареста до освобожденія (съ 4-го по 13-е мая), 5 освобождены отъ всякой отвѣтственности и объ одномъ воспитанникѣ средняго учебнаго заведенія сдѣлано представленіе попечителю учебнаго округа, которымъ этотъ воспитанникъ уволенъ изъ заведенія. Изъ числа приговоренныхъ къ аресту: 20 крестьянъ, 42 мѣщанина, 1 дворянинъ, 1 пот. поч. гражданинъ, 1 казакъ, 1 персидско-подданный и 4 студента. Лицъ еврейскаго происхожденія въ числѣ приговоренныхъ къ аресту около 40 человѣкъ, женщинъ 12, изъ нихъ 11 евреекъ, главнымъ образомъ

*) Цитируемъ по «Н. Времени», 12 мая и «Сам. Газетѣ», 20 мая 1903 г.
**) Цитируемъ по «Сам. Газетѣ», 17 мая 1903 г.

ученицы зубоврачебной школы и повивальныя бабки. Что же касается лицъ, которымъ вмѣненъ въ наказаніе предварительный арестъ, то изъ нихъ 10 мѣщанъ, 5 крестьянъ, 1 дворянинъ и 1 казакъ; евреевъ въ этомъ числѣ 7, изъ нихъ 5 женщинъ" *).

Въ петербургскихъ газетахъ напечатана слѣдующая телеграмма изъ Кіева отъ 27-го мая: „Въ 2 ч. 20 м. пополудни въ жандармскомъ управленіи, помѣщающемся въ зданіи Старокіевскаго полицейскаго участка, приведенная на допросъ политическая арестантка, еврейка, повивальная бабка Фрума Мордуховна Фрумкина, 28 лѣтъ, минской губерніи, бросилась на допрашивающаго ее начальника губернскаго жандармскаго управленія генералъ-майора Новицкаго и нанесла ему ударъ въ правую сторону шеи дессертнымъ ножемъ. Ножъ перерѣзалъ кожу до клѣтчатки на протяженіи четырехъ центиметровъ. Тотчасъ врачами была сдѣлана перевязка. По мнѣнію врачей, рана не внушаетъ опасности. Нападеніе было внезапно. Ножъ Фрумкина принесла съ собою спрятаннымъ подъ платьемъ. Послѣ перевязки генералъ продолжалъ заниматься въ управленіи. Производится слѣдствіе **).

Въ „Костром. Листкѣ" напечатано: „26-го мая всюду въ городѣ расклеены объявленія губернатора, слѣдующаго содержанія: „Съ 20-го сего мая въ фабричномъ районѣ гор. Костромы безпрепятственность и даже безопасность уличнаго движенія была неоднократно нарушаема уличною толпою. Для пресѣченія дальнѣйшаго повторенія такого безпорядка и предупрежденія возможности перенесенія его въ другія части города, попытки къ чему были дѣлаемы зачинщиками безпорядковъ, я призналъ необходимымъ усилить наружную полицейскую службу военными патрулями. Объявляя о семъ ко всеобщему свѣдѣнію и предупреждая о строгой отвѣтственности по уложенію о наказаніяхъ за всякое ослушаніе, а тѣмъ болѣе сопротивленіе воинскимъ частямъ, призываемымъ для поддержанія порядка, я выражаю увѣренность, что жители города, въ спокойномъ сознаніи, что въ распоряженіи моемъ имѣются достаточныя средства для подавленія безпорядковъ, не измѣнятъ обычнаго мирнаго теченія трудовой жизни. Костромской губернаторъ Л. Князевъ" ***).

За послѣднее время состоялось также нѣсколько правительственныхъ распоряженій, касающихся Финляндіи. Въ „Финляндской Газетѣ" напечатаны слѣдующія высочайшія повелѣнія относительно этого края:

*) Цитируемъ по «Н. Времени», 4 іюня 1903 г.
**) «Н. Время», 29 мая 1903 г.
***) Цитируемъ по «Новостямъ», 6 іюня 1903 г.

1) „Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу представленія финляндскаго генералъ-губернатора, 9-го (22-го) мая сего года соизволилъ Высочайше повелѣть Императорскому финляндскому сенату принять мѣры къ тому, чтобы по исполненіи сдѣланныхъ уже заказовъ дальнѣйшее печатаніе кредитныхъ билетовъ финляндскаго банка было сосредоточено въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ“;

2) „Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ финляндскому сенату: 1) израсходовать изъ финляндскихъ казенныхъ суммъ, по соглашенію съ финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, сверхъ назначеннаго по росписи кредита въ 72 тыс. марокъ, еще 140 тыс. марокъ на выдачу стипендій лицамъ, желающимъ изучить русскій языкъ въ имперіи и уже состоящимъ на государственной службѣ или намѣревающимся подготовить себя къ таковой; 2) выдавать изъ отпускаемой нынѣ по росписи суммы въ установленномъ порядкѣ означенныя стипендіи также и лицамъ, не состоящимъ еще на государственной службѣ“;

и 3) „Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу представленія Императорскаго финляндскаго сената, въ присутствіи своемъ въ Царскомъ Селѣ 24-го апрѣля (7-го мая) 1903 года, въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній Высочайше соизволилъ утвердить слѣдующее постановленіе объ измѣненіи порядка выдачи финляндскимъ уроженцамъ паспортовъ на выѣздъ за границу. Выдача финляндскимъ уроженцамъ паспортовъ на выѣздъ за границу производится губернаторами; однако Императорскому финляндскому сенату, по соглашенію съ генералъ-губернаторомъ, предоставляется поручать такую выдачу другимъ, кромѣ губернаторовъ, должностнымъ лицамъ и учрежденіямъ края, коимъ на сей предметъ имѣютъ быть преподаны со стороны сената ближайшія указанія“.

Въ послѣднее время состоялось также нѣсколько новыхъ перемѣнъ въ составѣ администраціи Великаго Княжества Финляндскаго. 14 (27) состоялось, по всеподданнѣйшему докладу представленія финляндскаго генералъ-губернатора, Высочайшее повелѣніе Ииператорскому Финляндскому Сенату объ увольненіи отъ службы, на основаніи п. 2-го ст. 1-й Высочайшаго постановленія отъ 1 (14) августа 1902 года, казначея Выборгской губерніи Густава-Виктора Тилегрена. По словамъ „Финляндской Газеты“, это увольненіе явилось результатомъ незнанія казначеемъ русскаго языка, хотя еще въ 1890 г. состоялось опредѣленіе Императорскаго Финляндскаго Сената, дозволившее назначать на извѣстныя должности въ Выборгской губерніи, въ томъ числѣ и на должность губернскаго казначея, лишь лицъ, основательно знакомыхъ съ русскимъ языкомъ. 22 мая (4 іюня) состоялось Высочайшее повелѣніе объ увольненіи отъ службы по прошенію главнаго директора финлядской статсъ-конторы д. ст. с. Вильгельма

Габріеля Гейтлина, съ пожалованіемъ ему, по ходатайству Императорскаго Финляндскаго Сената, изъ финляндскихъ казенныхъ суммъ пожизненной пенсіи въ размѣрѣ 8.000 марокъ въ годъ, и о назначеніи на его мѣсто адъюнкта Императорскаго Александровскаго университета въ Гельсингфорсѣ лиценціата правъ Юхо Кустаа Пасикиви. Того же 22 мая послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ увольненіи отъ службы, согласно прошенію, ландсъсекретаря Тавастгусской губерніи, лагмана Кнута Густава Маурина Антоки, съ пожалованіемъ ему, по ходатайству генералъ-губернатора, изъ финляндскихъ казенныхъ суммъ пожизненной пенсіи въ размѣрѣ 4.000 марокъ въ годъ.

IV.

За мѣсяцъ, прошедшій со времени послѣдней нашей хроники, состоялись слѣдующія административныя распоряженія по дѣламъ печати:

1) 11-го мая: „на основаніи ст. 178 уст. о ценз. и печ., св. зак. XIV (изд. 1890 г.), министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: воспретить розничную продажу нумеровъ газеты „Знамя";

2) „въ виду продолжающагося вреднаго направленія газеты „Восходъ", выразившагося, между прочимъ, въ статьѣ „Письмо изъ Одессы", помѣщенной въ № 20 этого изданія, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 144-й уст. о цензурѣ и печати, опредѣлилъ: объявить газетѣ „Восходъ" второе предостереженіе въ лицѣ издателя-редактора ея, присяжнаго повѣреннаго Максима Сыркина";

3) 25-го мая: „министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: вновь допустить розничную продажу нумеровъ газеты „Новости", воспрещенную распоряженіемъ отъ 5-го мая сего года";

и 4) 25-го мая: „министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: вновь допустить розничную продажу нумеровъ газеты „Знамя", воспрещенную распоряженіемъ отъ 11-го мая сего года".

Помимо того, какъ сообщаетъ „Финляндская Газета", распоряженіями главнаго управленія по дѣламъ печати въ Финляндіи изданіе выходящей въ г. Сердоболѣ газеты „Laatokka" пріостановлено на семь дней, за помѣщенную въ № 38 отъ 13-го мая замѣтку, подъ заглавіемъ „Vastalause", а изданіе выходящей въ г. Таммерфорсѣ газеты „Aamulehti" пріостановлено на семь дней, за помѣщенное въ № 99 отъ 1-го мая стихотвореніе, подъ заглавіемъ „Kevätmietteitä".

В. Мякотинъ.

Подъ знаменемъ капитализма.

(*Письмо изъ Германiи*).

Въ теченiе XIX вѣка въ экономическомъ складѣ Германiи произошла революцiя, которая имѣла несчислимыя послѣдствiя для всего соцiальнаго и политическаго быта страны: Германiя стала индустрiальной державой. Тамъ, гдѣ еще въ началѣ столѣтiя съ трудомъ прокармливалось довольно разбросанное населенiе въ 25 миллiоновъ человѣкъ, теперь живутъ и дѣйствуютъ въ несравнимо лучшихъ условiяхъ 56; тамъ, гдѣ прежде влачилось медленнымъ ходомъ примитивное сельское хозяйство и во время неурожаевъ подвергало населенiе всѣмъ ужасамъ стихiйныхъ голодовокъ, теперь гудитъ заводской гудокъ, работаетъ миллiонами лошадиныхъ силъ паровой работникъ, вырабатывается и выбрасывается за границу цѣлое море предметовъ промышленнаго производства и провозглашается величiе новой мiровой державы, дерзающей оспаривать у старой Англiи лавры ея торговаго и промышленнаго суверенитета.

Перемѣна громадная. Изъ стѣнъ старозавѣтнаго ремесла и изъ-за ограды трехпольнаго сельскаго хозяйства, съ общими выгонами и барщиной, Михель вышелъ на путь капиталистическаго развитiя и не только утвердился здѣсь, но и побилъ такихъ конкуррентовъ, какъ Англiю. И прежде всего Михель сталъ капиталистомъ и спекулянтомъ. Уже въ концѣ XVIII вѣка ему пришлось отозваться на тотъ подъемъ англiйской индустрiи, который повысилъ спросъ на главные продукты нѣмецкаго производства, на всевозможное сырье, и результатомъ этого былъ первый значительный притокъ благороднаго металла въ старозавѣтный кошелекъ. Однако, время перваго взрыва въ истинномъ смыслѣ слова спекулятивной горячки относится уже къ послѣнаполеоновской эпохѣ. Французы дали Германiи не только свои либеральныя идеи, но и должны были поплатиться за науку громаднымъ военнымъ вознагражденiемъ. Эти суммы, полученныя въ началѣ XIX вѣка, послужили основанiемъ для спекулятивнаго подъема. Областью примѣненiя новыхъ капиталистическихъ талантовъ явилась прежде всего поземельная собственность. И для этого представлялась полная возможность: какъ извѣстно, земля была раскрѣпощена еще ранѣе, и старыхъ феодальныхъ преградъ для спекуляцiи уже не существовало. Штейнъгарденберговскiя реформы расчистили поле для перваго капита-

листическаго опыта en grand со стороны спекулянтовъ; указомъ 1807 года была установлена мобилизація недвижимой собственности и было уничтожено крѣпостное право; въ 1811 г. были изданы регуляціонный эдиктъ и эдиктъ объ улучшеніи поземельной культуры; въ 1821 года было установлено раздѣленіе общихъ и общинныхъ владѣній. Но послѣдній законъ падаетъ уже на время по окончаніи спекулятивнаго процесса; этотъ процессъ разыгрался до 1819 г., и съ 1819 по 1821 г. мы встрѣчаемся уже со всеобщимъ крахомъ въ истинномъ смыслѣ слова, съ огромнымъ кризисомъ въ самой рѣшительной формѣ. Таковъ былъ первый опытъ нѣмецкаго капиталистическаго духа, первая проба его спекулятивныхъ дарованій: и подъемъ, и кризисъ здѣсь шли, какъ и подобаетъ юному, еще не вполнѣ вышедшему изъ путъ стараго порядка, разбогатѣвшему, но еще не вполнѣ устойчивому нѣмецкому новому дѣятелю. Затѣмъ наступилъ періодъ покоя и укрѣпленія заработаннаго, періодъ политической реакціи, бюргерскаго филистерства и экономическаго затишья. Но съ половины столѣтія начинается опять цѣлый рядъ всяческихъ переворотовъ.

Прежде всего нахлынулъ новый потокъ золота и серебра, до которыхъ такъ уже разохотился нѣмецкій спекулянтъ-предприниматель. Именно на 1848 годъ падаетъ открытіе богатыхъ золотыхъ розсыпей въ Калифорніи и Австраліи и богатыхъ серебрянныхъ рудниковъ въ Мексикѣ. Благородные металлы хлынули широкимъ потокомъ на континентъ и переполнили собою банки; спекулятивная горячка опять началась; теперь она бросилась въ область банковскаго и промышленнаго предпринимательства; рядомъ съ спекулянтомъ чистой воды выростаютъ его разновидности; вырабатывается типъ беззастѣнчиваго грюндерства; появляется на сцену биржевой игрокъ; выступаетъ съ грандіозными планами дѣлецъ-промышленникъ; создается цѣлая армія ихъ приспѣшниковъ, агентовъ и коммиссіонеровъ; создается твердая и устойчивая капиталистическая организація; страна покрывается банками, фабриками, заводами, прорѣзывается желѣзными дорогами и постепенно концентрируетъ свои промышленныя арміи въ городахъ; совершается великое переселеніе народовъ изъ деревни въ городъ; начинаетъ свое бытіе и царство капиталистическій строй. И съ той поры, не смотря на время экономическаго затишья и кризисовъ съ 1860 г. до 1870, капитализмъ уже твердо стоитъ въ Германіи. Онъ вошелъ въ ея плоть и кровь и основалъ свои двѣ главныя опоры—желѣзодѣлательную и бумагопрядильную индустріи. Нуженъ былъ только притокъ милліардовъ французскаго вознагражденія, чтобы окончательное превращеніе Германіи въ промышленную страну совершилось. И въ самомъ дѣлѣ, начиная съ 1870 г., Германія уже становится такою, какою она есть, т. е. могучей индустріальной державой, организованной въ формы капиталистическаго хозяйства, выступившей на міровой рынокъ съ

гордыми притязаніями на первую роль и господство. И когда въ послѣднее десятилѣтіе XIX столѣтія еще новый потокъ золота уже не только изъ Австраліи, но и Канады и Трансвааля опять наполнилъ собою артеріи и вены денежнаго обращенія, то Германія уже могла отвоевать себѣ для своего хозяйства львиную долю вновь появившагося металла и обратить его на оплодотвореніе своего національнаго производства *).

Побѣда капитализма есть вмѣстѣ съ тѣмъ побѣда биржевика, барышника, спекулянта. Къ банку и биржѣ протягиваются безчисленныя нити отъ всѣхъ периферій народнаго хозяйства, и здѣсь, повинуясь только закону спроса и предложенія въ чистѣйшей и отвлеченнѣйшей формѣ, производитъ финансистъ подсчетъ самымъ различнымъ борющимся силамъ, рѣшаетъ вопросы жизни и смерти, благосостоянія или раззоренія цѣлыхъ странъ. Банкъ сталъ господиномъ хозяйственной жизни. Онъ не только сосредоточилъ въ своихъ рукахъ громадныя цѣнности и потому является колоссальнымъ представителемъ капиталистической собственности; онъ не только овладѣлъ цѣликомъ всей областью кредита, этого единственнаго основного нерва хозяйственнаго оборота, на которомъ теперь все держится, но онъ захватилъ въ свои руки абсолютное и неограниченное господство въ области всего капиталистическаго производства. Индустрія находится въ современной Германіи уже въ полномъ подчиненіи банку и только при его помощи рождается, при его поддержкѣ живетъ, по его указанію работаетъ и развивается и по его приговору тонетъ. Банкиръ—это царь современной экономической жизни. Господство банка есть только чистое выраженіе господства капитала. И какъ капиталистическая форма хозяйства въ Германіи, достигшая къ концу XIX в. своего полнаго торжества, была полнымъ переворотомъ въ области экономическихъ отношеній, такъ же точно и матеріалистическій, индивидуалистическій либерализмъ достигъ къ концу этой эпохи полной побѣды надъ теократическимъ спиритуализмомъ стараго хозяйства и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ основой для радикальной перемѣны въ сферѣ государственной мысли.

Матеріалистическое міропониманіе находитъ свое чистое и эмпирически осязательное выраженіе въ міровоззрѣніи банкирской конторы. Это міровоззрѣніе прежде всего индивидуалистично, такъ какъ оно въ основу угла кладетъ индивидуальный эгоизмъ и въ высшей степени отрицательно относится ко всякимъ идеалистическимъ надстройкамъ, порожденнымъ различными чувствами, чувствомъ семейной традиціи, чувствомъ сословной солидарности, чувствомъ національной любви, даже чувствомъ любви и состраданія и т. д.: психологія банка, психологія капитализма отлично

*) Sombart, Die deutsche Volkwirtschaft im XIX Jahrhundert, Berlin 903, 1стр. 71—101.

знаетъ, что всякій человѣкъ прежде всего стремится къ самосохраненію и самоподдержанію, что всякія чувства становятся для него доступными только послѣ того, какъ онъ сытъ, и что пока у него не удовлетворены его основныя потребности, до тѣхъ поръ никакія идеалистическія стремленія для него немыслимы. Капиталистическое міровоззрѣніе матеріалистично, потому что оно вѣритъ въ господство именно низшихъ, наиболѣе грубыхъ страстей и потребностей надъ высшими. Именно въ этихъ потребностяхъ и ихъ развитіи ищетъ оно того рычага, при помощи котораго возможно вывести на рынокъ тысячи единицъ рабочей человѣческой силы, купить таланты и знанія, организовать отдѣльныя предпріятія въ строго объединенныя и іерархически построенныя организаціи, наконецъ, подчинить ихъ одному только закону спроса и предложенія у престола всемогущаго и отвлеченнаго бога рынка и биржи. Капиталистическое міровоззрѣніе механично во всѣхъ своихъ основахъ, такъ какъ оно выдѣляетъ изъ единицъ человѣческаго стада только элементарныя живущія въ немъ силы, и непосредственно эти силы заставляетъ работать въ машинѣ капиталистическаго хозяйства, при чемъ личность человѣка, какъ нравственнаго существа, для нея уже не играетъ никакой роли. Не нравственная личность, а безличный голодъ является основной пружиной капиталистическаго хозяйства, и для него совершенно безразлично, кто именно отдаетъ свои руки для созданія той или другой вещи, того или другого предмета производства и обмѣна. Руки незрѣлаго и слабаго ребенка и больной женщины, руки нравственно сознательнаго человѣка и полусознательнаго крестьянина—это все одинаково только единицы той силы, которая пріобрѣтается капиталомъ при помощи давленія одной великой механической пружины, и при томъ при помощи давленія на элементарныя человѣческія потребности, на голодъ и жажду, на потребность въ кровѣ и одеждѣ, на потребность жить и существовать. Эта соціологія капитализма была и должна была быть съ самаго начала своего существованія либеральна. И она была таковой.

Основы капиталистическаго либерализма очень ясны. Капиталъ нуждался въ свободномъ индивидѣ, котораго онъ могъ бы при помощи свободнаго договора захватить въ свою власть и поставить подъ знамена рынка,—но индивидъ скрывался за тысячью средневѣковыхъ перегородокъ и организацій; между нимъ и рынкомъ стояли гильдіи и цехи, стояла средневѣковая сельская община, наконецъ, феодальная твердыня вотчиннаго крѣпостничества съ его натуральнымъ хозяйствомъ и частноправовымъ владѣніемъ. Капиталъ нуждался въ тѣхъ элементарныхъ силахъ низшихъ человѣческихъ потребностей, которыя онъ могъ и эксплуатировать, и воспитывать въ цѣляхъ своего господства, но здѣсь передъ нимъ и его соблазнами чувственно-матеріальнаго міра стояла средневѣковая церковь, которая, основываясь на боже-

ственномъ авторитетѣ, низводила матеріальныя потребности въ темную область грѣха и пятнала своимъ проклятіемъ ростовщичество и торгашество, этихъ основныхъ предтечъ капиталистическаго строя. Капиталъ нуждался, наконецъ, въ томъ равенствѣ передъ денежнымъ мѣшкомъ, которое дало бы возможность ему создать на мѣсто сословнаго строя свою подвижную іерархію свободнаго призванія и собственности—и тутъ ему приходилось встрѣчаться съ тысячью перегородокъ, которыя во имя принципа качественнаго различія отвергали его количественное начало и противоставляли его свободному плутократическому механизму свой тяжеловѣсный, пестрый и неуклюжій, но проникнутый іерархіей крови и рожденія сословный организмъ. И капитализмъ провозгласилъ освобожденіе. Онъ сталъ основой для либерализма и либеральной политической идеи. Этотъ либерализмъ былъ направленъ противъ крѣпостничества. Во имя новыхъ потребностей онъ долженъ былъ вывести индивида изъ крѣпости вотчинника, чтобы привязать его къ своему станку. Либерализмъ долженъ былъ произвести секуляризацію вѣры и церкви, чтобы свои принципы возвести въ высокій законъ жизни и общественной работы. Либерализмъ долженъ былъ ввести равенство и свободу, чтобы водворить свою механическую іерархію тамъ, гдѣ до сей поры были сословныя прерогативы и прирожденныя права.

Итакъ, чисто земное, матеріалистическое въ грубомъ смыслѣ слова пониманіе міра, отрицаніе всѣхъ прежнихъ патріархальныхъ и религіозныхъ цѣлей общественной жизни; обращеніе именно къ чувственнымъ сторонамъ „естественнаго человѣка“ или человѣка природы и построенный на этой основѣ индивидуализмъ или даже атомизмъ; использованіе исключительно эгоистическихъ стремленій индивида въ цѣляхъ механической ихъ координаціи и іерархическаго закрѣпощенія,—таковы основныя черты новаго капиталистическаго либерализма, а именно подъ этимъ знаменемъ выступало новое либеральное государство. Но здѣсь необходимо отмѣтить два періода развитія: одинъ дореформенный, другой пореформенный; первый падаетъ еще на время абсолютнаго государства, второй—конституціоннаго, первый носитъ характеръ освобожденія государства, какъ субъекта капиталистическаго хозяйства, второй капиталистическаго общества и, главнымъ образомъ, его властвующаго класса. Первый носитъ по преимуществу характеръ политическаго движенія, второй экономико-соціальнаго. Первый былъ началомъ процесса, второй—его продолженіемъ. Въ первомъ періодѣ либеральныя идеи провозгласило государство, во второмъ—общество. Однако, и во время перваго періода, такъ сказать, дореформеннаго, полицейскаго либерализма надо различать двѣ эпохи: въ теченіе первой государство сдѣлало попытку само непосредственно овладѣть всей хозяйственной жизнью страны — это періодъ меркантилизма и всеобщей полицейской

опеки; вторая приходится на долю фритредерскихъ увлеченій и представляетъ собою время частичнаго освобожденія промышленности изъ-подъ непосредственной опеки государства. Во время второго періода непосредственное вмѣшательство и приказанія смѣнились устроеніемъ русла и плотинъ для все болѣе растущаго капиталистическаго движенія. Наиболѣе характернымъ является именно первый періодъ полицейской всемогущей опеки въ Германіи, и мы на немъ нѣсколько остановимся. И нужно отмѣтить, что именно въ Германіи этотъ строй, такъ сказать, полицейскаго либерализма получилъ особое развитіе. Здѣсь освобожденіе отъ старыхъ путъ феодализма для новыхъ цѣпей капиталистическаго хозяйства производилось государствомъ въ особенно интересныхъ формахъ.

Прежде всего устанавливалась своего рода новая вѣра, вѣра просвѣщенія. Старыя церковныя и схоластическія формулы отбрасывались прочь. Цѣлью государства провозглашалось земное благо, общее естественное благо всѣхъ подданныхъ. Этимъ государство сводилось съ неба на землю и пріобрѣтало свѣтскій характеръ. Все государство получало внѣшность своего рода заведенія для выдѣлки земного счастья. „Общее благо государства“, училъ присяжный философъ прусскаго просвѣщенія: „состоитъ въ томъ, чтобы изобиловать тѣмъ, что создаетъ необходимость, удобство и пріятность жизни и способствуетъ достаточно счастію индивидовъ“, „цѣль государства есть жизненное довольство, удобство и пріятность“, „общее благосостояніе и безопасность есть высшій и послѣдній законъ общежитія“. Или, какъ училъ отецъ полицейской науки Юсти: „высшая цѣль, а вмѣстѣ съ тѣмъ и существо всѣхъ государствъ основывается на содѣйствіи общественному счастію. Общее имущество каждаго государства есть только средство, которымъ слѣдуетъ пользоваться для способствованія его благополучію“. Какъ общій принципъ всей общественной науки провозглашалъ тотъ же ученый, что „во всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ государства слѣдуетъ стремиться поставить въ тѣснѣйшую связь и зависимость счастье отдѣльныхъ семействъ съ общимъ благомъ и счастьемъ всего государства“; или какъ коротко, но категорично рѣшилъ знаменитый теоретикъ іозефинизма, Зонненфельсъ, „высшая цѣль объединеннаго государства есть общественное (общее) благо, благо общества“. И этому принципу слѣдовали въ своихъ мѣропріятіяхъ или, по крайней мѣрѣ, имъ прикрывались всѣ большіе и маленькіе нѣмецкіе князья просвѣщеннаго вѣка въ своихъ, по тогдашнему времени весьма либеральныхъ, реформахъ.

И въ самомъ дѣлѣ, старое полицейское государство Германіи было проникнуто по тому времени безусловно новыми либераль-

ными идеями. И этими идеями опредѣлялось и его отношеніе къ сословному строю вообще, къ средневѣковому феодалу и средневѣковому городу въ частности. Сословія для новаго нѣмецкаго абсолютизма, выступавшаго подъ знаменемъ общаго блага, далеко не были тѣмъ, чѣмъ они были до образованія безчисленныхъ германскихъ государствъ большого и малаго калибра. Святость и неприкосновенность сословныхъ правъ новымъ государствомъ не признавалась. Сословное представительство болѣе или менѣе быстро было устранено или даже насильственно раздавлено. Сословія новымъ государствомъ признавались или даже привилегировались лишь по стольку, по скольку они служили „пользѣ общей" и могли стать покорными слугами и орудіями правительства. И если дворянство удержало свои громадныя привилегіи, то только потому, что оно цѣликомъ восприняло служебный принципъ и создало изъ себя сотни тысячъ вотчинныхъ чиновниковъ, которые въ свою очередь должны были, уже по порученію и съ согласія государства, пасти тѣ милліоны крѣпостныхъ душъ, которыя были прикованы къ сохѣ, какъ каторжникъ къ тачкѣ. Это уже не старый феодальный принципъ сословныхъ частныхъ правъ, поглощающихъ собою государственную власть, а новый сословный принципъ, который получаетъ государственно-служебную основу и дѣлаетъ подданныхъ прирожденными слугами государству.

Либеральная буржуазія сначала заняла въ новомъ абсолютномъ государствѣ подчиненное положеніе. Послѣ того, какъ торговля и промышленность были признаны однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ государственныхъ доходовъ, представители третьяго сословія не только получили значеніе въ государствѣ, но даже стали въ положеніе привилегированнаго класса второго разряда. И если по соображеніямъ общаго блага были дарованы дворянству особыя права, которыя оставляли въ его распоряженіи высшее руководство государственною властью и полное безконтрольное распоряженіе на мѣстахъ, то и „средній разрядъ" людей получилъ свое мѣсто въ общей государственной машинѣ. Это—люди, которые „въ городахъ обитаютъ", это, по выраженію русскаго законодательнаго акта изъ временъ „просвѣщенія", „мѣщане, которые упражняются въ ремеслахъ и торговлѣ, въ художествѣ и наукахъ", или, какъ опредѣлялъ довольно оригинально этотъ родъ людей прусскій ландрехтъ 1794 г., „бюргерское сословіе содержитъ въ себѣ всѣхъ жителей государства, которые согласно ихъ происхожденію не принадлежатъ ни къ дворянству, ни крестьянству и не присоединены впослѣдствіи ни къ тому, ни къ другому". Какъ мы видимъ, здѣсь еще капиталистической буржуазіи въ истинномъ смыслѣ слова не выдѣлено; она здѣсь смѣшана съ бюргерствомъ, съ тѣмъ вообще состоятельнымъ, просвѣщеннымъ классомъ городского населенія, которое заключаетъ въ себѣ и ремесленника, и

торговца, и чиновника, и артиста, и священника, и фабриканта, однимъ словомъ всѣхъ, кто представляетъ собою городского обывателя по преимуществу. И мы поймемъ основныя черты дореформеннаго либерализма, если мы ознакомимся хоть въ самыхъ общихъ чертахъ съ психологіей нѣмецкаго городского бюргерства соотвѣтственной эпохи. Обратимся для этого къ испытанному авторитету, къ старому Рилю, книга котораго „О гражданскомъ обществѣ“ вышла въ 1897 г. уже девятымъ изданіемъ.

„Бюргерство стремится къ всеобщему“. „Бюргерство имѣетъ свою однообразную внѣшнюю физіономію“ въ видѣ „образованнаго общества“. Съ исчезновеніемъ старыхъ средневѣковыхъ перегородокъ—именно бюргерство явилось носителемъ той „безцвѣтной всеобщей“ посредственности, которая стала относительной чертой „средняго сословія“ (Mittelstand); подъ бюргерскимъ обычаемъ и до сихъ поръ понимается „нѣчто умѣренное, кургузое, домашняго изготовленія“. Общее словоупотребленіе принимаетъ слова „по-бюргерски“ и „плоско“, какъ равнозначныя. Бюргерство или мѣщанство—это олицетвореніе золотой середины *). Такого типичнаго бюргера можно-бы назвать олицетвореніемъ „пошлости“, если бы это слово не имѣло другого, болѣе узкаго значенія, а употреблялось только въ томъ смыслѣ, который далъ ему когда-то нашъ великій Гоголь.

И въ самомъ дѣлѣ, бюргеръ, взятый въ массѣ, прежде всего отличается скромностью своихъ потребностей и умѣньемъ довольствоваться малымъ. Высокія идеальныя потребности также ему чужды, какъ и мощныя страсти „бѣлокурой бестіи“; ему нуженъ средній комфортъ и средняя обстановка, „какъ у всѣхъ“; поэтому онъ рабъ всякой мѣстной и общей моды; ему нужно скромное жилище, но со всѣми аттрибутами современности; его удовлетворяетъ самое дешевое платье — но по общепринятому образцу; ему нужно хоть недорогое, но модное развлеченіе по праздникамъ, и за свои деньги это развлеченіе онъ ужъ используетъ до дна. Бюргеръ стремится къ устройству семьи, если на это имѣетъ средства, а безъ нихъ довольствуется „свободной любовью“, но съ нѣкоторыми уютностями и признаками истиннаго чувства. Если онъ не получаетъ подлиннаго, онъ довольствуется фальсификаціей. Нужно только, чтобы внѣшность была соблюдена и чтобы все у него было „какъ у всѣхъ“. Для того, чтобы обезпечить себѣ этотъ маленькій міръ мѣщанскаго счастья, бюргеръ изо всѣхъ силъ стремится обезпечить себѣ хоть маленькій капиталецъ, чтобы начать свое дѣло и создать источникъ хоть небольшого, но прочнаго благосостоянія. И въ этой области онъ развиваетъ свои своеобразные таланты; онъ пристраивается къ опредѣленной части хозяйственнаго цѣлаго и на-

*) Riehl, Die bürgerliche Gesellschaft. Stuttgart. 1897. стр. 199 и слѣд.

чинаетъ скромно и безшумно питаться. И нужно отдать справедливость нѣмецкому бюргеру: онъ обладаетъ не только надлежащей расчетливостью и бережливостью, но и удивительной приспособляемостью, работоспособностью и выдержкой. Медленно, но вѣрно онъ дѣлаетъ свое дѣло; онъ работаетъ по мелочамъ, онъ копитъ и наживаетъ по грошамъ, но за то ежеминутно. Благодаря своей рутинности и способности къ порядку и дисциплинѣ, онъ удивительно умѣетъ оставаться въ предѣлахъ бюджета и, позволяя себѣ развлеченія, оставаться въ то же время всегда съ небольшимъ плюсомъ въ приходо-расходной книжкѣ. Именно способность къ механической организаціи своего труда, времени и образа жизни создала изъ нѣмецкаго бюргерства ту сплоченную армію самодовольства, силы и рутинности, которая составляетъ и положительную, и отрицательную стороны этого оригинальнаго явленія нѣмецкой дѣйствительности. Наконецъ, пассивность, консерватизмъ и косность—таковы дальнѣшія черты того класса населенія, который былъ источникомъ того, что можно назвать мѣщанскимъ или дореформеннымъ либерализмомъ, и что потомъ смѣнилось совершенно иными общественными теченіями.

Не надо забывать, однако, съ другой стороны, что и старый, и новый нѣмецкій бюргеръ всегда отличался не только особой склонностью къ сентиментальности, но и къ высокимъ добродѣтелямъ. При чемъ именно сентиментальность приходила всегда на помощь тамъ, гдѣ добродѣтели не хватало. И сентиментальность здѣсь играла именно ту роль, которая ей необходимо пристала въ вѣкъ жестокой дѣйствительности и высокихъ порывовъ. А надо отмѣтить, что эти послѣднія именно до реформы еще не выдѣлились въ нѣмецкой душѣ въ радикализмъ, а хранились въ обыкновенномъ бюргерскомъ обиходѣ на ряду съ другими принадлежностями приличной мѣщанской обстановки. Какъ извѣстно, сентиментальность играетъ въ общественной жизни серьезную роль. Она защищаетъ безмятежность бюргерскаго счастья отъ вліянія тяжелыхъ или трагическихъ впечатлѣній, она дополняетъ при помощи дешевой идеализаціи скверной обстановки ея эффектъ и привлекательность, она утѣшаетъ въ житейскихъ горяхъ и неудачахъ и помогаетъ со смиреніемъ переносить горе и т. д. Сентиментальность — это важная принадлежность мѣщанскаго счастья и безъ нея оно почти невозможно.

Сентиментальная идеализація имѣетъ, однако, еще бо́льшее значеніе для общественной идеологіи. Она очень часто заставляетъ удовлетворяться громкими словами и пышными фразами тамъ, гдѣ напередъ всѣмъ извѣстно, что дальше этихъ пустыхъ, безсодержательныхъ словъ дѣло нисколько не двинется. И съ этой точки зрѣнія особенно замѣчательна либерально-бюргерская идеологія нѣмецкаго государства въ дореформенное время, кото-

рая была положена въ основу административной системы и бюрократической опеки. Бюргерство желало благосостоянія, оно стремилось къ удовлетворенію по крайней мѣрѣ своихъ наиболѣе насущныхъ потребностей — и общее благо было превозглашено всеобщимъ государственнымъ принципомъ, и самъ абсолютный монархъ нѣмецкаго типа становился только „слугою“ или „министромъ“ государства; бюргерство желало обезпеченія хотя-бы необходимѣйшихъ видовъ гражданской свободы—и нѣмецкое самодержавіе основывало себя на первоначальномъ договорѣ всѣхъ гражданъ, и свои устои видѣло именно въ добровольномъ подчиненіи власти со стороны каждаго отдѣльнаго гражданина. Казалось-бы — революція полнѣйшая, и отъ прежнихъ порядковъ должны были остаться однѣ лишь развалины, а на самомъ дѣлѣ бóльшая часть стараго феодальнаго строя уцѣлѣла, перемѣнилось лишь названіе. И эта перемѣна номенклатуры не только на долгое время удовлетворила мирнаго нѣмецкаго бюргера, но и до настоящаго времени служитъ утѣшеніемъ для націоналъ-либераловъ, которымъ не хочется разстаться со своими либеральными девизами, съ одной стороны, и со своими дружескими отношеніями къ властвующимъ элементамъ—съ другой. Выходитъ, конечно, фальсификація дѣйствительности при помощи надѣтаго на нее ярлыка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сохраненіе надлежащихъ тишины и спокойствія: и невинность соблюдена, и капиталъ пріобрѣтенъ! Бюргерская склонность къ сентиментальной идеализаціи отцовъ отечества и ихъ либеральныхъ министровъ, конечно, сыграла не малую роль въ дѣлѣ устойчивости нѣмецкаго призрачнаго конституціонализма.

Однако, въ основѣ новой индивидуалистически-либеральной политики лежали и нѣкоторые реальные государственные интересы, которые до поры до времени содѣйствовали оффиціальной поддержкѣ бюргерской идеологіи. Принимая теорію общаго блага, естественнаго человѣка и земного счастья, государство пользовалось ими для своихъ цѣлей политическаго могущества и силы. Низводя церковь изъ разряда теократической корпораціи на положеніе подчиненнаго полицейскаго учрежденія, сокращая и упраздняя монастыри, секуляризуя церковныя имущества и устанавливая вѣротерпимость, государство этимъ не только удовлетворяло запросы нравственной личности и льстило бюргерскому свободомыслію, но и создавало себѣ новыя могучія силы господства, подымало свои финансовыя средства и во всякомъ философски-религіозномъ человѣкѣ создавало себѣ союзника. Не менѣе ясно, что новое чисто свѣтское законодательство о семьѣ и бракѣ не только удовлетворяло требованіямъ естественнаго человѣка и нормальной человѣческой семьи, но и способствовало увеличенію народонаселенія, что, какъ извѣстно, въ свое время считалось основнымъ признакомъ національ-

наго богатства и фискальныхъ интересовъ, такъ какъ требованія со стороны государства на солдатъ, рабочихъ и матросовъ значительно возрасли. И точно также, конечно, чисто-государственный интересъ содѣйствовалъ и новому курсу хозяйственной, сначала меркантильной, а потомъ и фритридерской политики: новыя потребности государственнаго хозяйства требовали новыхъ средствъ, которыя не могли дать ни старые домены, ни старая система налоговъ и податей. Государство здѣсь явилось, какъ совершенно вѣрно отмѣчаетъ нѣмецкая наука, однимъ изъ иниціаторовъ новаго развитія и сослужило свою службу индивидуалистически-либеральному движенію.

На первое, по крайней мѣрѣ, время государство могло удовлетворить бюргерскому катехизису и въ томъ отношеніи, что оно брало на себя все руководство по водворенію общаго блага и тѣмъ доставляло полную возможность для развитія того бюргергерскаго квіетизма и индифферентизма, которые, въ связи съ узко эгоистическимъ самодовольствомъ и суетностью, составляютъ содержаніе весьма характернаго для Германіи филистерства. Именно филистеръ нуждается въ опекѣ, именно изъ числа филистеровъ съ особенной легкостью создается то царство писарей, которое называется бюрократіей. Филистеръ это человѣкъ маленькаго и узкаго эгоизма; это существо, не имѣющее никакихъ убѣжденій; это пассивное орудіе, рожденное для того, чтобы его опеками, имъ управляли, его направляли; это—воплощенная готовность на все и ко всему, лишь бы ему была обезпечена маленькая рента или жалованье; гибкость и легкомысліе его не имѣетъ границъ; самоувѣренность и наглость тоже. Это нѣмецкій „ташкентецъ", подобный во всемъ основномъ своему собрату „бонапартисту". Филистеръ, какъ „ташкентецъ", смотритъ на весь міръ съ точки зрѣнія своего аппетита; какъ „бонапартистъ", онъ невѣжественъ, гибокъ и наглъ *). И время всеобщей полицейской опеки въ Германіи было временемъ дореформенной бюрократіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и филистерства. Государство опекало все, начиная съ добродѣтели отдѣльнаго подданнаго и кончая его сапогами. И опекало въ либерально-филистерскомъ духѣ. Облеченный властью, нѣмецкій филистеръ безъ размышленія вторгался въ области самыхъ интимныхъ отношеній и во имя хозяйственныхъ цѣлей опредѣлялъ, кому что ѣсть или пить, предписывалъ правила кухоннаго искусства, опредѣлялъ количество блюдъ за столомъ, назначалъ число гостей во время семейныхъ торжествъ, то запрещалъ, то разрѣшалъ употребленіе вина или пива, предписывалъ качество и фасоны одежды и особенно увлекался изобрѣтеніемъ самыхъ блестящихъ и разнообразныхъ формъ для различныхъ служащихъ и даже частныхъ лицъ разныхъ сословій. Нечего и говорить, что

*) Сравн. Riehl, Bürgerlihe Gesellschaft, стр. 223 и слѣд., 251 и слѣд.

не менѣе разыгрывалось административное творчество тамъ, гдѣ дѣло шло о промыслахъ и торговлѣ, о пошлинахъ и заставахъ: здѣсь филистерскій геній развертывался во всю и при помощи самыхъ простыхъ средствъ, т. е. пера, чернилъ и счетовъ, создавалъ народныя богатства и расточалъ ихъ, дѣлалъ обороты живымъ капиталомъ въ видѣ подданныхъ или мертвымъ въ видѣ и товаровъ и денегъ ассигнацій...

Именно филистерское хозяйничанье до очевидности скоро сдѣлало яснымъ истинную подкладку того, что одни писатели именуютъ какъ „Kamerliberalismus", а другіе какъ „deutsche Libertät", или, иначе говоря, казеннаго нѣмецкаго либерализма, возросшаго въ канцеляріяхъ и не шедшаго дальше интересовъ княжеской казны. Этотъ либерализмъ очень скоро высказалъ свой истинный характеръ въ особенности потому, что онъ въ средствахъ не только не стѣснялся, но считалъ особенно либеральнымъ употреблять самыя простыя и дѣйствительныя мѣры полицейскаго принужденія въ видѣ универсальнаго орудія для произведенія самыхъ чудесныхъ и разнообразныхъ результатовъ. Въ этомъ также характерная черта бюргерскаго міровоззрѣнія и филистерской психологіи. Бюргеръ по своей природѣ человѣкъ элементарнаго разсчета, съ одной стороны, и непоколебимой вѣры въ написанную бумажку—съ другой. Бюргеръ знаетъ свою лавочку, мастерскую и семью и знаетъ, что все, что онъ здѣсь ни прикажетъ, все будетъ исполнено; бюргеръ человѣкъ порядка, и для него предписанія вексельнаго права, торговаго обычая и ремесленнаго устава—высшая сила, передъ которой все преклоняется; наконецъ, бюргеръ прекрасно видитъ, что людьми управляютъ только страхъ или алчность и только, воздѣйствуя на нихъ, всегда можно получить желаемыя слѣдствія. И эта бюргерская философія преспокойно за тѣмъ примѣняется уже въ большихъ размѣрахъ къ цѣлому государству. Доктринерство и элементарный раціонализмъ здѣсь достигаютъ своихъ высшихъ размѣровъ...

Таковы были результаты первой практической пробы казеннаго нѣмецкаго либерализма. И смиренный нѣмецкій бюргеръ возсталъ и возмутился, а вмѣстѣ съ тѣмъ и потребовалъ настоящаго либерализма вмѣсто фальсфицированнаго. Даже терпѣніе бюргера не выдержало; подъ именемъ общаго блага проводились въ XVIII вѣкѣ узко-фискальныя цѣли. Въ нѣкоторыхъ государствахъ доходили до того, что устраивался за счетъ казны родъ торговли живымъ товаромъ: нѣкоторые мелкіе владѣтели спеціально откармливали и дрессировали солдатъ, которыхъ потомъ и продавали за границу. Личный произволъ въ то время переходилъ всякія границы, права высшей власти понимались только какъ право безнаказанно совершать преступленія. Придворныя сферы были центрами самаго фантастическаго произвола и самаго удивительнаго разврата. Либерализмъ здѣсь вы-

родился въ либертинизмъ, и лучшіе слои общества открыто предавались свободѣ отъ всякой нравственности и участвовали въ утѣхахъ распущеннаго двора; въ каждомъ изъ микроскопическихъ государствъ былъ свой Людовикъ XIV, который провозглашалъ: „l'état c'est moi“ и дѣлалъ изъ своихъ подданныхъ все, что хотѣлъ. Но и относительно дворянства не было для бюргеровъ сколько-нибудь серьезной защиты: дать мимо идущему городскому совѣтнику 25 палокъ за то, что онъ не снялъ шляпы передъ офицеромъ, было для этого послѣдняго далеко не особенное мудренное дѣло *).

Великое наполеоновское нашествіе, какъ извѣстно, было той громадной волной новой государственности, которая не только безъ остатка смыла цѣлую массу всякихъ маленькихъ нѣмецкихъ государствъ, но и обнажило всѣ язвы загнившаго народнаго организма, открыло всю слабость и неустойчивость бюрократически-филистерскаго скелета. И дѣйствительно, послѣ наполеоновскаго нашествія нѣмецкія правительства вступаютъ на путь уже иныхъ реформъ; они обращаются къ организующемуся буржуазному обществу и ищутъ у него поддержки. Настаетъ эпоха экономическаго подъема, которая со стороны государства встрѣчаетъ сначала весьма любезный пріемъ и даже нѣкоторое поощреніе. Мобилизація земельной собственности и освобожденіе крестьянъ; созданіе таможеннаго союза, а слѣдовательно, и цѣльной промышленной территоріи; введеніе единства мѣръ и вѣсовъ; установленіе общей и одинаковой монетной единицы; первые шаги къ организаціи общей почтовой сѣти и первые опыты желѣзнодорожнаго строительства — это все безусловно было отвѣтомъ на запросы возросшаго населенія въ дѣлѣ организаціи болѣе интенсивной формы хозяйственной дѣятельности. Параллельно съ этимъ законодательствомъ начинало уже создаваться то капиталистическое зерно новаго хозяйства, которое несло съ собой новые политическіе элементы и своеобразное промышленное государство въ государствѣ.

Возможно-ли сочетаніе нѣмецкой системы абсолютизма и капиталистическаго общества, — вотъ вопросъ, который былъ поставленъ въ первой половинѣ XIX вѣка въ Пруссіи, и который съ исторической необходимостью былъ разрѣшенъ отрицательно.

И въ самомъ дѣлѣ, капиталистическое общество ставило въ самой неприкрытой формѣ классовой вопросъ, и уже этимъ совершенно подрывало основы того либерально-индивидуалистическаго господства, которое являлось спеціальной формой нѣмец-

*) Kaufmann. Politische Geschichte im neunzehnten Iahrhundert, Iena, 1900. стр. 4 и слѣд.

каго дореформеннаго режима. Этотъ послѣдній дѣлилъ все общество только на двѣ части: на массу управляемыхъ индивидовъ и на правительство, при чемъ послѣднее почти цѣликомъ пополнялось изъ неизмѣняемаго и наслѣдственнаго фонда служилаго дворянства. Ни на какіе классы механизмъ дореформеннаго государства внѣ этихъ категорій не былъ разсчитанъ. Его объектомъ по принципу является только отдѣльное лицо; и для того, чтобы этому отдѣльному лицу оказать въ случаѣ надобности помощь или отказать въ ней, для того, чтобы регулировать его интересы, а въ случаѣ надобности и усмирить это отдѣльное лицо, если бы оно вздумало бунтовать,—для этого простой и несложный бюрократическій аппаратъ прусскаго абсолютизма былъ вполнѣ приспособленъ.

Но когда новому капиталистическому предпринимателю пришлось начинать свое рискованное дѣло, понадобилось организовывать кредитъ и капиталы, устраивать всевозможныя изысканія, покупать всевозможнѣйшія патенты, совершать отчужденія, устанавливать тарифы, вести свое громадное хозяйство и заправлять громадными массами живого инвентаря въ видѣ рабочихъ, приказчиковъ, управляющихъ и т. д. и т. д., то онъ сразу-же встрѣтился именно съ тѣмъ порядкомъ индивидуальныхъ изъятій, частныхъ разрѣшеній, спеціальныхъ указовъ и концессій, которыя одному разрѣшали то, что запрещали другому, привилегировали Шульца и разбивали все дѣло у Мейера, ускоряли ходъ дѣла одному и затягивали другому,—однимъ словомъ, ставили осуществленіе классоваго капиталистическаго интереса подъ постоянный гнетъ индивидуальнаго канцелярскаго распоряженія, ходъ, цѣль и смыслъ котораго для громаднаго большинства былъ покрытъ совершенной тайной и грозилъ полной неопредѣленностью и неустойчивостью каждому не только вновь возникающему, но и уже существующему предпріятію...

Второю областью, гдѣ необходимо сталкивались интересы капиталистическаго предпринимательства и бюрократическаго филистерства,—была податная и вообще финансовая политика. Величина прямыхъ податей и косвенныхъ сборовъ непосредственно отражается на успѣхѣ дѣла, на издержкахъ производства, на широтѣ и доступности потребителя. Спеціально, тарифы на казенныхъ путяхъ сообщенія играютъ громадную роль для новаго мѣнового хозяйства съ его неопредѣленными границами рынка и способностью къ безконечному расширенію. Государственная банковская, кредитная и монетная системы немедленно отражаются на худосочіи или полнотѣ денежнаго обращенія. Наконецъ, таможенная политика можетъ словно по мановенію жезла создать новыя отрасли промышленности или убить старыя, такъ какъ таможенный барьеръ опредѣленной высоты необходимо вліяетъ на высоту и силу заграничной конкурренціи, а слѣдовательно, и спасаетъ

или губитъ туземное производство отъ потопа иностранныхъ издѣлій. Вотъ тѣ пружины и связи, которыя самымъ тѣснымъ образомъ сталкиваютъ интересы капиталистическаго производства съ тѣмъ или другимъ направленіемъ финансовой политики и заставляютъ предпринимателя рѣзко реагировать на малѣйшія движенія въ этой области. Между тѣмъ, и здѣсь все устраивалось на основаніи канцелярскихъ свѣдѣній,—это второй пунктъ несовмѣстимости интересовъ стараго бюрократическаго режима и капиталистическаго предпринимательства; и онъ тоже особенно ярко выступилъ въ дореформенную эпоху прусской исторіи. Здѣсь затронуты самыя основы капиталистическаго пріобрѣтенія, такъ какъ при помощи финансовой политики бюрократія управляетъ рынкомъ.

Наконецъ, въ третьихъ, не менѣе непригодной оказалась прусская бюрократія и въ той области капиталистическаго хозяйства, которая непосредственно охватываетъ собой отношенія труда и капитала. Становясь, въ силу чисто постороннихъ соображеній, то на одну, то на другую сторону, руководясь при разрѣшеніи сложнѣйшей соціальной задачи исключительно масштабомъ внѣшняго благочинія, эта бюрократія вносила только еще большее ожесточеніе въ борьбу двухъ противоположныхъ силъ и подрывала совершенно свой авторитетъ своимъ очевиднымъ безсиліемъ въ данной области... Классы, основанные исключительно на различіи въ размѣрахъ собственности, классы, господство которыхъ одного надъ другимъ основывалось исключительно на силѣ капитала, классы, какъ не только тѣсно сплоченныя единствомъ интересовъ, но и сознательной организаціей общественныя группы—таково было новое явленіе въ нѣмецкой исторіи, къ которому совершенно не было приготовлено ни прусское государство, ни нѣмецкая бюрократія, и капиталистическое хозяйство встрѣтило въ этихъ политическихъ элементахъ дореформенной „Libertät“ самаго отчаяннаго противника, борьба съ которымъ закончилась на баррикадахъ 1848 года...

Но не одни только капиталисты-предприниматели были серьезно заинтересованы въ устраненіи всевластной бюрократической опеки...

Съ буржуарнымъ либерализмомъ были тѣсно связаны и всѣ тѣ элементы стараго бюргерства, которыя были выброшены новой государственной политикой изъ старыхъ насиженныхъ гнѣздъ ремесла и мелкой собственности и теперь наполняли собой кадры мелкихъ служащихъ и чиновниковъ въ капиталистическихъ предпріятіяхъ, занимали тамъ или стремились занять мѣста конторщиковъ, приказчиковъ, агентовъ, коммиссіонеровъ, надсмотрщиковъ, мастеровъ, техниковъ, десятниковъ и т. д. Постоянное измѣненіе прежнихъ условій хозяйства дѣлало все болѣе невозможнымъ продолженіе старыхъ цеховыхъ пред-

пріятій и постепенно заставляло переходить ихъ на болѣе обезпеченное положеніе мелкихъ служащихъ, гдѣ въ свою очередь лучшія условія жизни способствовали и болѣе быстрому увеличенію народонаселенія. Въ особенности же этотъ процессъ перехода на службу капитала совершался съ особенной силой въ сельскихъ мѣстностяхъ, гдѣ тысячи освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости батраковъ и обезземеленныхъ крестьянъ двинулись въ города и составили изъ себя цѣлыя арміи неимущаго и голоднаго пролетаріата. Расширеніе капиталистическаго производства обѣщало имъ хлѣбъ и гораздо лучшія условія существованія—по крайней мѣрѣ на первое время—чѣмъ тѣ, которыя были ими оставлены въ деревнѣ. И среди нихъ капитализмъ могъ разсчитывать, по крайней мѣрѣ вначалѣ, на многія тысячи союзниковъ и, дѣйствительно, опирался на нихъ въ своей борьбѣ за промышленную свободу. Однако, здѣсь же надо замѣтить, что союзъ пролетаріата, которымъ могла воспользоваться нѣмецкая либеральная буржуарія, былъ уже далеко не тѣмъ слѣпымъ повиновеніемъ, которымъ въ свое время располагало французское третье сословіе во время великой революціи. Въ срединѣ XIX вѣка нѣмецкій пролетарій уже сознавалъ различіе своихъ и буржуазныхъ классовыхъ цѣлей и не шелъ съ самоотверженіемъ стараго французскаго революціонера на баррикады подъ знаменемъ одной лишь политической свободы; какъ показало и послѣдующее развитіе, одностороннее распространеніе принципа свободы на промышленную область далеко не всегда шло на пользу класса рабочихъ. Какъ извѣстно, эта свобода впослѣдствіи и на самомъ дѣлѣ была ограничена.

Итакъ, повторяемъ, абсолютное господство филистерской бюрократіи и новое капиталистическое развитіе народнаго хозяйства оказались несовмѣстимыми. Бюрократія должна была уступить, и началась эра буржуарнаго либерализма.

Однако, прежде чѣмъ это совершилось, Германіи пришлось пережить время тяжелой реакціи. Прежде чѣмъ признать новое общество, его соціальную силу и его политическіе интересы, Пруссія и съ нею всѣ остальныя нѣмецкія государства пережили эпоху тяжелой и мучительной борьбы между старымъ режимомъ, приспособленнымъ къ бюргерскому обществу, и новыми запросами все развивающихся промышленныхъ классовъ...

Индивидуальная свобода была лозунгомъ того времени, свобода собственности и промысла должна была окончательно открыть тѣ двери, которыя были полуоткрыты просвѣщеннымъ абсолютизмомъ, и черезъ которыя теперь долженъ былъ войти и окончательно водвориться новый хозяйственный строй. Свобода передвиженія и неприкосновенность личности гаранти

ровали всѣмъ членамъ общества нерушимое пользованіе благами новаго развитія и возможность легкаго приспособленія ко всѣмъ движеніямъ народно-хозяйственной машины; свобода слова и печати давала возможность постояннаго общественнаго контроля за ходомъ и политическихъ и, болѣе всего, финансовыхъ и экономическихъ дѣлъ, наконецъ, свобода политическая давала новому капиталистическому обществу могучій аппаратъ политическаго владычества, при помощи котораго можно было уже фактически повліять на то или другое теченіе, тотъ или другой курсъ государственнаго корабля. Въ такія формы вылилось здѣсь то движеніе хозяйственнаго развитія, которое было начато еще до реформы абсолютнымъ государствомъ. Съ этимъ вмѣстѣ совершился и второй этапъ въ исторіи либеральнаго развитія...

„Современное народо-хозяйственное право“, говоритъ Зомбартъ въ своемъ трудѣ по исторіи нѣмецкаго хозяйства въ XIX вѣкѣ, представляетъ собою „систему индивидуальныхъ правъ свободы“; оно отодвигаетъ „до крайней периферіи сферы индивидуальнаго интереса нормы объединяющія и ограничивающія свободное усмотрѣніе отдѣльныхъ хозяйственныхъ субъектовъ“, основной границей здѣсь являются тѣ, которыя установлены „уголовнымъ правомъ“. Отсюда и проистекаетъ рядъ своеобразныхъ правъ экономической „свободы“. Къ этимъ правамъ относится прежде всего „право свободнаго пріобрѣтенія“ или „право промышленной свободы“ въ узкомъ смыслѣ слова. Согласно требованіямъ этого „права“ каждый можетъ свободно рѣшать, „какъ, гдѣ и когда онъ желаетъ осуществлять свою хозяйственную дѣятельность“. Въ рѣзкой противоположности этому требованію находится всякая система промышленной монополіи, цехового порядка, а также,—замѣтимъ мы—и система, такъ называемаго, государственнаго соціализма.

Слѣдующимъ „правомъ“ въ смыслѣ буржуазно-либеральной программы является право свободнаго контракта или „договорная свобода“. Согласно этому требованію, каждому отдѣльному хозяйственному субъекту предоставляется свободно и самостоятельно, путемъ договора съ другими, устанавливать условія пользованія хозяйственными благами и услугами каждаго. Отсюда вытекаютъ требованія свободы найма и продажи, аренды и займа, въ особенности-же найма за заработную плату. Противоположностью этой системы является установленіе таксъ, ограниченія въ числѣ вспомогательнаго персонала, который можетъ занять работодатель, наслѣдственная крѣпость и т. п. Съ другой-же стороны, конечно, и всякое законодательство въ новомъ духѣ, которое ограниваетъ время работы, полъ и возрастъ работника и т. д.

Третьимъ правомъ, которое составило опору новаго капиталистическаго общества, было „право свободной собственности“, пир-

томъ безразлично, на предметы-ли потребленія или средства производства, на движимыя или недвижимыя имущества. Въ прямой противоположности къ этой свободѣ стоитъ, какъ это само собою подразумѣвается, не только система средневѣковой „связанности“ собственности или присвоенія ей особаго вотчинно-должностного характера и т. п., но и система новаго соціализма, которая требуетъ устраненія частно-правовой свободы, по крайней мѣрѣ, изъ области владѣнія средствами производства и недвижимымъ имуществомъ. Изъ этой-же „свободы собственности“ вытекаетъ, далѣе, свобода произвольнаго употребленія имущества для произвольныхъ цѣлей, которыя опредѣляются только однимъ желаніемъ собственника, свобода отчужденія собственности и свобода долгового ея отягощенія.

Четвертымъ правомъ „свободы“ является право „свободнаго завѣщанія“ или право свободно и безъ всякихъ ограниченій распоряжаться своимъ имуществомъ и послѣ смерти, такъ-что воля собственника и послѣ его кончины продолжаетъ распоряжаться принадлежавшимъ ему имуществомъ.

Наконецъ, завершеніемъ этой системы хозяйственной свободы является государственная защита „благопріобрѣтенныхъ правъ“ даже тамъ, гдѣ они могли бы противорѣчить государственному и общему интересу. Какъ справедливо замѣчаетъ здѣсь Зомбартъ, „вмѣстѣ съ этимъ царство индивидуальныхъ хозяйственныхъ интересовъ увѣковѣчено: личному интересу присвоено безсмертіе; преобладаніе единичной воли надъ волею цѣлаго окончательно признано“. *)

И нужно отдать полную справедливость этой промышленной свободѣ, она сдѣлала свое дѣло. Велики были темныя стороны ея развитія, велики были жертвы, которыхъ она потребовала у громадныхъ массъ населенія, подчасъ ужасенъ былъ ходъ грандіозной колесницы капитализма, подъ колеса котораго и добровольно бросались тысячи людей, и притягивались желѣзной цѣпью горькой нужды милліоны, но дѣло свое либеральный капитализмъ въ хозяйственной области уже совершилъ и дѣло во-истину колоссальное: онъ создалъ невиданные до сей поры капиталы, онъ оплодотворилъ ихъ новыми, граничащими съ областью чудеснаго, техническими изобрѣтеніями, окончательно установилъ новыя формы хозяйства, а вмѣстѣ съ тѣмъ далъ новому вѣку и новыхъ людей, и новую культуру. Выйдя изъ подъ опеки государства, капитализмъ развернулся во всю свою мощь. Пригрѣтый и вскормленный въ бюрократическихъ канцеляріяхъ просвѣщеннаго абсолютизма, младенецъ скоро сталъ гигантомъ, занявшимъ выдающееся мѣсто въ новомъ соціальномъ строѣ, и царство его несомнѣнно продолжалось-бы безъ конца, если бы

---

*) Sombart, в. н. с., стр. 149.

капитализмъ въ свою очередь не воспиталъ въ своихъ рабочихъ массахъ будущаго себѣ врага и соперника, имя которому: соціализмъ. Остановимся, однако, на тѣхъ основныхъ сторонахъ капиталистическаго хозяйства, которыя являются особенно важными для культурнаго обывателя и его историка и создаютъ то, что можно назвать современной буржуазно-либеральной культурой. Само собою при этомъ разумѣется, что мы здѣсь останавливаемся на Германіи и ея современной жизни.

„Масса" и „перемѣна"—таковы два основныя начала, которыя лежатъ въ основѣ современной культуры. И прежде всего „масса". За сто лѣтъ капиталистическаго роста населеніе Германіи удвоилось. По густотѣ населенія Германія—если не считать такихъ небольшихъ государствъ, какъ Бельгія и Голландія, — стала на третье мѣсто среди европейскихъ державъ (104,2 на квадр. милю, въ Англіи—132, въ Италіи—113,2). Населеніе сосредоточилось въ городахъ; еще въ 1849 г. всего только 28,04% населенія жило въ городахъ; но уже въ 1850 году ясно обозначается процессъ сосредоточенія населенія въ крупныя городскія массы: онъ даетъ въ 1871 г. 36,1% всего населенія, въ 1880—41,4%, въ 1890—47%, въ 1900—54, 3%. Съ другой стороны, создается процессъ все большаго сосредоточенія населенія именно въ большихъ и среднихъ центрахъ сравнительно съ малыми городами. Такъ въ 1871 г. большіе города (болѣе 100,000 жителей) притягивали къ себѣ 4,8% населенія, а въ 1900 уже 16,2%; средніе города въ 1871 г. (90—100 тысячъ) притягивали къ себѣ 7,2% жителей, а въ 1900 г.—12,6%; въ малыхъ городахъ (5—20 тысячъ) въ 1871 г. было 11,2% населенія, въ 1900—13,4%, въ мѣстечкахъ-же (2,000—5,000) съ 1871 къ 1900 г. цифра населенія упала съ 12,4% до 12,1%. На 8 городовъ съ населеніемъ болѣе 100,000 человѣкъ въ 1871 г. приходилось только 5,34% населенія, а въ 1900 г. этихъ городовъ уже насчитывается 33 и въ нихъ живетъ уже 16,36% всего населенія *).

Рядомъ съ возрастаніемъ и сосредоточеніемъ массы человѣческихъ существъ мы наблюдаемъ въ періодъ торжества новаго либерально-капиталистическаго строя такое-же преобладаніе принципа массы и въ области хозяйственныхъ благъ. Повышеніе производительности, увеличеніе находящихся въ распоряженіи каждаго благъ, возрастаніе суммы богатствъ, вложенныхъ въ такія капитальныя сооруженія, какъ пути сообщенія, фабрики, дома и другія постройки и пр., развитіе общаго массоваго спроса и колоссальное его удовлетвореніе — таковы моменты поразительнаго возрастанія національнаго богатства, которое чрезвычайно трудно, почти невозможно подсчитать и представить въ цифрахъ, но которое каждую минуту говоритъ само за

---

*) Sombart, в. н. с., стр. 455 и слѣд.

себя въ сооруженіяхъ огромнаго протяженія и не менѣе „импозантнаго“ объема: таковы современные города съ ихъ казармами изъ сотенъ наемныхъ квартиръ, съ ихъ дворцами для ресторановъ, гостиницъ и увеселительныхъ мѣстъ, съ ихъ газомъ, электричествомъ и водопроводами, съ ихъ удивительными путями сообщенія, улицами, вокзалами, мостами, пароходами, наконецъ, съ ихъ безчисленными фабриками, въ которыхъ работаютъ въ свою очередь милліоны механическихъ лошадей и слитыхъ съ ними въ одно цѣлое человѣческихъ рукъ. Принимая всѣ цифры при подобныхъ вычисленіяхъ съ большой осторожностью, возможно, однако, признать, что вычисленія Молголля (Mulhall) приблизительно вѣрны, когда онъ подсчитываетъ, сколько различныхъ силъ, способныхъ поднять на высоту фута одну тонну, находится въ распоряженіи каждаго народа, и приходитъ къ выводу, что Германія обладала такими тонно-футами—въ 1840 году ежедневно въ размѣрѣ 10.360 милліоновъ или по 310 на человѣка, а въ 1895 уже 46.360 или 900 на человѣка! Итакъ, масса людей и массовая концентрація ихъ въ большихъ городахъ; масса хозяйственныхъ благъ, массовый спросъ и массовое потребленіе *).

И эта масса находится въ непрестанномъ и непрерывномъ движеніи и во времени, и въ пространствѣ; она соединяется въ опредѣленные центры и разсыпается по периферіи; ея пути переплетаются въ самыхъ причудливыхъ комбинаціяхъ; она чуть ли не ежечасно мѣняетъ свой видъ, составъ и характеръ: движеніе и перемѣна, перемѣщеніе и непостоянство есть второй сопутствующій признакъ капиталистическаго вліянія на современную культуру. „Изъ глубочайшей души капитализма“, говоритъ Зомбартъ, „вырывается все далѣе и далѣе стремленіе повысить сбытъ товара при помощи его измѣненія или улучшенія. И современная техника, которая также находится въ вѣчномъ движеніи, бросается въ ожесточенной погонѣ отъ одного способа къ другому и представляетъ собою подходящее орудіе въ рукахъ жаднаго до новшествъ капитализма. Мы говоримъ при такихъ перемѣнахъ объ измѣненіи моды, если дѣло идетъ о предметахъ одежды, о перемѣнахъ стиля, если дѣло касается построекъ и мебели; мы говоримъ объ усовершенствованіяхъ техники, если происходитъ измѣненіе въ средствахъ производства или родственныхъ имъ областяхъ (освѣщенія, отопленія, транспорта и т. п.); явленіе здѣсь все одно и то же, такъ же, какъ и его причины“. И если и въ прежнія времена происходили тоже перемѣны, то именно „нашу эпоху отличаетъ какъ массовый характеръ, такъ и быстрота перемѣны“. „Принадлежность одежды, украшеніе, мебель, велосипедъ, лампа, машина, лѣкарство, средство воспроизведенія, сортъ цвѣтовъ, однимъ словомъ—все, что только ни втянетъ капита-

---

*) Sombart, в. н. с., стр. 458 и слѣд.

лизмъ въ водоворотъ своей постоянной потребности реализовать цѣнности... все это — можно быть вполнѣ увѣреннымъ — черезъ 10, 5 или 1 годъ... будетъ встрѣчено улыбкой сожалѣнія со стороны покупателей, стоящихъ на высотѣ требованій своего времени".

Но если капитализмъ подвергаетъ постоянному колебанію каждый предметъ, имѣющій рыночную цѣнность, и то выбрасываетъ его на рынокъ, то преобразуетъ, то уничтожаетъ, то точно такой же неустойчивости спроса и предложенія, руководимаго самыми случайными и самыми отдаленными причинами, подчиняетъ капитализмъ и самую способность людей пользоваться всѣми тѣми благами, которыя его окружаютъ. Послѣ того, какъ грандіозный процессъ обращенія капитала, поглощавшаго все больше и больше человѣческихъ силъ, пробилъ не только стѣнки стараго цеха, но и вырвался изъ-подъ тисковъ дореформеннаго государственнаго строя, онъ уже захватилъ свободно въ свой всеобщій потокъ и людей, и хозяйственныя блага, наложилъ на нихъ клеймо рынка и отдалъ въ безраздѣльное владычество биржи, которая и рѣшаетъ быть или не быть тому или другому объекту всеобщаго оборота. Неустойчивость существованія есть характернѣйшій признакъ капиталистическаго строя, такъ какъ перемѣнѣ здѣсь подвержены не только цвѣты или платья, но и самые размѣры того жалкаго пропитанія, которое получаетъ выброшенный на рынокъ міpового спроса и предложенія работникъ. И если, благодаря гигіенѣ и благоустройству жизни, и достигнуто въ современной Германіи чрезвычайное уменьшеніе отъ эпидемій и пожаровъ, отъ наводненій и ударовъ молніи, отъ всевозможныхъ несчастныхъ случаевъ, то тѣмъ болѣе является чувствительнымъ это возрастаніе соціальной, экономической неустойчивости каждаго отдѣльнаго существованія, которое подъ вліяніемъ какой-нибудь неблагопріятной конъюнктуры сразу становится передъ грознымъ призракомъ рокового исхода. Подобной неустойчивости буквально подвержены всѣ участники капиталистическаго процесса, начиная съ банкира и кончая послѣднимъ рабочимъ. Никто изъ нихъ не можетъ сказать, чѣмъ окончится завтрашній день, принесетъ ли онъ ему спасеніе или гибель. И здѣсь ничто не спасаетъ. Недвижимое имущество такъ же втянуто во всеобщее движеніе капитализма, какъ и движимое. Никакой рантье не можетъ себя считать вполнѣ спокойнымъ: въ одинъ прекрасный день лопается то учрежденіе, акціи котораго онъ держалъ, и его деньги превращаются въ никуда негодныя бумажки. Но еще ужаснѣе отзывается эта неустойчивость существованія тамъ, гдѣ человѣкъ живетъ только продажей своего собственнаго труда, и этотъ трудъ вдругъ оказывается никому ненужнымъ. Здѣсь рабочій и его семья могутъ искать спасенія только въ бѣгствѣ, только въ по-

искахъ на новыхъ мѣстахъ за новымъ трудомъ и за новымъ заработкомъ *).

Перемѣна мѣста, перемѣщеніе людей и товаровъ, постоянные странствованія и переѣзды, полная неопредѣленность завтрашняго мѣстопребыванія—такова слѣдующая область, созданная постоянными приливами и отливами капиталистическаго потока. Массовая перемѣна мѣста—это то же отличительный признакъ эпохи. Грандіозное товарное движеніе; въ самыхъ широкихъ размѣрахъ организованное дѣло передачи извѣстій; газеты, подавляющія своей величиной и переносящія насъ сразу въ самыя различныя страны и края земного шара; пассажирское движеніе, давшее въ 1900 г. въ одной Германіи 848.092,000 пассажировъ, переѣхавшихъ по ширококолейнымъ дорогамъ, и около милліарда человѣкъ тамъ же, если считать и узкоколейки, и почту, и пароходы, наконецъ, переселенія, которыя сплошь и рядомъ совершаются подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ экономическихъ условій,—все это создаетъ положительно какое-то бродячее населеніе, которое и въ самомъ дѣлѣ никогда не знаетъ, гдѣ оно проведетъ завтрашній день. Если же присоединить къ этой картинѣ еще эмиграцію, то общее впечатлѣніе отъ этого громаднаго движущагося муравейника, именуемаго капиталистическимъ хозяйствомъ, станетъ еще болѣе внушительнымъ **).

Параллельные съ ходомъ промышленной эволюціи процессы можно отмѣтить и въ духовной жизни Германіи. И здѣсь прежде всего бросается въ глаза чрезвычайное возрастаніе массы какъ самихъ интеллигентныхъ работниковъ, такъ и продуктовъ ихъ труда. Благодаря возрастанію національнаго богатства, вполнѣ естественно повысился и спросъ на произведенія науки и искусства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и увеличился фондъ для уплаты работникамъ пера и кисти. Ученые, художники, писатели, музыканты образовали изъ себя цѣлую армію духа, которая, въ концѣ концовъ, и создала тѣ огромные размѣры литературнаго и художественнаго производства, которые дѣйствительно способны ошеломить всякаго профана. Такъ, въ то время, какъ въ 1801 году, появилось только 3,900 новыхъ произведеній печати, а въ 1850 году 9,053, въ 1900 году появилось уже 24,792 новыхъ книгъ! Если, такимъ образомъ, сто лѣтъ тому назадъ въ Германіи выходила 1 новая книга на 8,000 жителей ежегодно, то въ 1900 г. уже одна на 2,000 жит. приблизительно. Процессъ возрастанія книжной торговли при этомъ развивался быстрѣе самого процесса написанія книгъ: въ 1839 г. было книготорговцевъ 1,348, въ 1878 число ихъ возрасло до 3,838, а въ 1900 году ихъ стало уже 9,860; въ Пруссіи въ старыхъ ея размѣрахъ въ 1840 г. было

*) Sombart, в. н. с., 361 и слѣд.

**) Sombart, в. н. с., стр. 467 и слѣд.

всего занятыхъ въ книжной торговлѣ 1,146, а въ 1895 г. въ тѣхъ же предѣлахъ уже насчитывалось 15,341. Сто лѣтъ назадъ одинъ экземпляръ въ годъ приходился на 16 чел., въ 1900 г. уже 1 экземпляръ на каждыхъ двухъ человѣкъ *).

Такое же движеніе проявляется и въ области народнаго образованія. Массовое образованіе есть принципъ новаго времени. Число школьниковъ въ одной Пруссіи съ 1.427,045 въ 1822 г. возрасло до 5.236,826; число учителей, которые теперь стоятъ на неизмѣримо-высшей степени подготовки, чѣмъ прежде, возросло за то же время съ 22,230 до 82,070; одинъ лишь прусскій бюджетъ народнаго просвѣщенія и культа, простиравшійся до 10 милліоновъ марокъ въ 1850 году, въ 1901 достигъ 145 милліоновъ. Въ то же время ростетъ въ ширь и глубину и университетское образованіе; въ 1830 году число учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ достигало всего 15,870 чел., и тогда всѣ жаловались на переполненіе университетовъ и на появленіе интеллигентнаго пролетаріата; въ 1895 году было учащихся уже 33,000 чел., при чемъ никакихъ жалобъ на излишество образованныхъ людей уже не слышно. Развитіе народныхъ университетовъ, расширеніе дѣла публичныхъ лекцій, библіотекъ, читаленъ, научныхъ музеевъ и собраній, всевозможныхъ коллекцій, даже такихъ дорогихъ учрежденій, какъ зоологическіе сады, — все это дополняетъ собою картину той массы средствъ научнаго просвѣщенія, которыя стали теперь доступны каждому рядовому нѣмцу **).

Не надо забывать, однако, и современной нѣмецкой газеты. Трудно представить себѣ вполнѣ отчетливо ту невѣроятную массу свѣдѣній и извѣстій, которыя теперешняя ротаціонная машина бросаетъ въ массы. Въ этой области ходъ развитія дѣла въ XIX вѣкѣ представляетъ собою дѣйствительно нѣчто замѣчательное: такъ, въ 1824 г. въ Пруссіи было всего 845 газетъ съ малыми изданіями; въ 1896 г. сдѣлалось ихъ уже 2,127; однако и на этомъ дѣло не остановилось, и въ 1891 г. указанное число возрасло уже до 7,082. Но съ увеличеніемъ числѣ газетъ увеличивалось и число экземпляровъ этихъ газетъ; и если въ 1885 г. число газетныхъ номеровъ, доставленныхъ по почтѣ, достигало 51.979,800, то въ 1900 году это число равнялось уже 1.431.706,000, къ которымъ было выдано еще 171.164,160 номеровъ приложеній! ***).

Съ развитіемъ газетнаго дѣла соперничаетъ, далѣе, дѣло художественнаго образованія. Не говоря уже объ усовершенствованіи и развитіи художественнаго издательства, поскольку оно улучшаетъ и текстъ, и иллюстраціи повременныхъ изданій, стоитъ только указать на современные театры, художественные музеи,

*) Sombart, в. н. с., стр. 472 и слѣд.
**) Sombart, в. н. с., стр. 477.
***) Sombart, в. н. с., стр. 476 и слѣд.

выставки и концерты, чтобы представить себѣ интенсивность художественной жизни Германіи и крайнюю доступность искусства для массы. Искусство оставило свои уединенные разбросанные по самымъ различнымъ мѣстамъ пріюты и хранилища и создало себѣ грандіозные публичные храмы. Оно перестало быть предметомъ прихоти или тщеславія немногихъ и стало достояніемъ массы; болѣе того искусство въ Германіи въ настоящее время стало профессіей, которая занимаетъ собою десятки тысячъ населенія. Тотъ же, кто желаетъ измѣрить интенсивность прогресса въ этой области, пусть только сравнитъ цифры артистовъ и художниковъ въ 1889 г. и въ 1895 г.: за это время число ихъ съ 46,508 достигло 65,565, то есть увеличилось на 41%, въ то время какъ населеніе возрасло за то же время только на 14% своей численности *).

Въ то же время совершалась другая, еще болѣе замѣчательная внутренняя перемѣна; постепенно падало обаяніе индивидуальности, нимбъ героизма. Съ низовъ поднялись массы и стали господами положенія. Толпа заняла выдающееся мѣсто въ обществѣ. Большинство и его мнѣніе получило силу закона. Массовой шаблонъ выдвинулся на первый планъ. Выяснился въ реальной соціальной дѣйствительности тотъ естественный человѣкъ, человѣкъ общаго уровня, который сталъ своего рода нормою для сужденія о томъ, что стоитъ на верху или внизу всеобщаго шаблона. Массовыя потребности, чувственное воспріятіе, раціоналистическое міропониманіе, евдемонистическіе утилитарные идеалы и стремленія вошли въ сознаніе массъ и демократизировали ея духовную жизнь. Тотъ всегда равный себѣ „естественный человѣкъ", котораго изобрѣтали въ XVIII вѣкѣ и философы, и экономисты, и правовѣды, сталъ самой настоящей реальной дѣйствительностью. И для того, чтобы представить себѣ такого „человѣка природы и разума", человѣка естественной нормы, въ настоящее время нѣтъ даже надобности придумывать естественное состояніе. Человѣкъ естественнаго состоянія живетъ и дѣйствуетъ среди насъ. Это — человѣкъ капиталистической культуры. Это— именно то удивительное созданіе XIX вѣка, которое представляетъ собою лишенное всякихъ унаслѣдованныхъ расовыхъ, сословныхъ и родовыхъ отличій искусственное твореніе, которое, дѣйствительно, движется одними, очищенными отъ всего оригинальнаго, личнаго, общими всѣмъ, отвлеченными страстями, которое мыслитъ по общей всѣмъ логикѣ элементарнаго раціонализма и борется со всѣми въ bellum omnium contra omnes, въ общей всѣмъ борьбѣ за общедоступныя блага свѣтлой и красивой жизни. Здѣсь построеніе соціальнаго идеала достигается очень просто путемъ чисто-математическаго счисленія. Берется масса и ея средне-

*) Sombart, в. н. с., стр. 478.

ариѳметическія величины. Большинство рѣшаетъ вопросъ и о потребностяхъ, и объ идеалахъ; и о томъ, что есть, и о томъ, что должно быть. То, что есть въ массѣ, то и законъ. Цифра замѣщаетъ собою нравственный критерій *).

Параллельно съ этимъ нельзя не отмѣтить и другого внутренняго процесса, который характеризуетъ собой капиталистическую культуру; это—перемѣна въ самыхъ вкусахъ и стремленіяхъ общества. На мѣсто прежнихъ идеалистически-духовныхъ настроеній постепенно развивается въ массахъ тенденція къ чувственно-художественному наслажденію. И эта тенденція видоизмѣняется качественно такъ-же, какъ и растетъ количественно. Прежде всего на ней отражается господство города. Мѣсто природы здѣсь заступаетъ инженерное и архитектурное строительство; лѣсъ превращенъ въ бульвары и скверы; солнце исправлено газомъ и электричествомъ; улица, со своими грандіозными каменными ящиками, путями сообщенія и магазинами, создала новый искусственный міръ, который имѣетъ одну только цѣль, единственную причину существованія — это служить исключительно человѣку и его всевозможнымъ потребностямъ. Городъ—это исправленная и передѣланная человѣкомъ природа, которая здѣсь уже цѣликомъ послушна его волѣ и даетъ ему все то, что только можетъ служить его прихоти или комфорту. И не стѣсняемый болѣе ни слабостью своихъ силъ, ни случайностью стихійныхъ проявленій, человѣкъ даетъ просторъ своей чувственной природѣ и создаетъ изъ города художественное цѣлое, въ которомъ искусство не только замѣняетъ природу, но и украшаетъ и передѣлываетъ ее сообразно своему эстетическому вкусу. Отсюда то громадное развитіе изобразительныхъ искусствъ, которое такъ отличаетъ собою новую капиталистическую культуру; отсюда перенесеніе изобразительно-нравственной тенденціи и въ другія области искусства.

Но не только совершается подобный качественный переворотъ въ области духовной культуры, онъ дополняется еще количественнымъ. По мѣрѣ того, такъ человѣкъ все больше имѣетъ, онъ больше жаждетъ: l'appetit vient en mangeant; съ другой же стороны и техника болѣе уже не знаетъ никакихъ предѣловъ; она можетъ въ настоящее время дать тысячу разъ больше, чѣмъ это можетъ придумать самое пылкое воображеніе. Уличный повседневный бытъ исполненъ уже теперь рѣдкаго комфорта; и этотъ комфортъ очень часто уже теперь переходитъ не только въ роскошь, но и роскошь утонченную. Улица большого города постепенно сама становится роскошнымъ художественнымъ произведеніемъ, которое имѣетъ одну только цѣль—развить матеріальныя потребности и эксплуатировать ихъ въ самыхъ различныхъ

*) Sombart, в. н. с., стр. 479 и дальше.

ступеняхъ и размѣрахъ для цѣлей капиталистическаго хозяйства. На улицѣ все преисполнено однимъ духомъ, однимъ началомъ: все, что здѣсь имѣется, все это доступно тому, кто можетъ купить, и притомъ купить по заманчиво дешевой цѣнѣ. Художественная архитектура и внутреннее убранство домовъ, усовершенствованныя средства питанія, масса изящныхъ украшеній въ окнахъ магазина, раззолоченные кафе и рестораны, разряженныя и красивыя женщины—все это доступно за дешевую цѣну каждому, кто можетъ заплатить. И жажда пріобрѣтенія растетъ; она искусственно воспитывается рекламой; она возбуждается доступностью и дешевизною предметовъ роскоши и комфорта; она питается каждый день все новыми изобрѣтеніями и модами; а примѣры быстрыхъ обогащеній еще болѣе разжигаютъ и безъ того разгорѣвшійся аппетитъ. Такъ городъ вырабатываетъ необходимыя психическія пружины, при помощи которыхъ индивидъ втягивается въ общій водоворотъ капиталистической организаціи *).

Однако, нивеллированный и очищенный отъ всего ненужнаго индивидъ, поставленный въ постоянно возбуждающую его обстановку, еще не вполнѣ удовлетворяетъ потребностямъ новой формы хозяйственной жизни. Нужно еще развить въ немъ тѣ спеціальные способности, знанія и таланты, которые должны отвѣчать запросамъ капитализма, нужно еще создать изъ него, не смотря на полную нравственную его нивеллировку и матеріальную зависимость, вполнѣ подходящій техническій аппаратъ, который бы въ видѣ живой машины разсчитывалъ, изобрѣталъ, изслѣдовалъ, управлялъ и работалъ вездѣ, гдѣ есть для этого соотвѣтственный спросъ и потребность. И въ этомъ смыслѣ слова можно утверждать, что капитализмъ какъ цѣлое, какъ организація подавилъ личность и сдѣлалъ ее только въ той мѣрѣ познающимъ и творчески-созидающимъ субъектомъ, по скольку это обусловливается потребностями цѣлаго, а отнюдь не самой личности. Капиталистическая культура, въ связи съ цѣлями кипиталистической организаціи, создала и особыхъ искусственныхъ людей, которыми заполнены мѣста въ своеобразной общественной іерархіи.

Отъ массы рабочей силы, которая употребляется капиталистическимъ хозяйствомъ, не требуется ничего, кромѣ способности къ однообразному механическому труду. Здѣсь отъ человѣка не спрашивается ни знаній, ни подготовки, отъ него только нужно, чтобы онъ такъ же точно и постоянно повторялъ опредѣленное движеніе, какъ его повторяетъ колесо или рычагъ машины. Здѣсь не надо ни силы, ни ловкости: работа здѣсь ничѣмъ не связана съ опредѣленной личностью, и одинъ работникъ такъ же легко можетъ быть смѣненъ другимъ, какъ испорченное колесо новымъ. Механическая точность и постоянство; механическая безличность и без-

---

*) Срав. Sombart. в., н. с., стр. 482 и слѣд.

страстность; полное подчиненіе своего труда чужой волѣ и обращеніе самого себя только въ часть грандіознаго цѣлаго—таковы основныя добродѣтели, которыя требуются капитализмомъ отъ массъ подъ угрозою голодной смерти. Вторая трудовая добродѣтель, которая требуется отъ массы служащаго и занятого персонала въ капиталистическихъ предпріятіяхъ,—это способность специализироваться. Сосредоточить всего себя въ одномъ какомъ-нибудь дѣлѣ; развить свои познанія въ самомъ узкомъ и частномъ отдѣлѣ техники и науки до степени законченнаго совершенства; найти свое призваніе не въ личной склонности или особомъ расположеніи характера или способностей, а въ извнѣ навязанномъ занятіи, лишенномъ подчасъ совершенно какой бы то ни было внѣшней привлекательности—это воистину та большая добродѣтель капиталистически-организованнаго труженика, которая удивительно совпадаетъ съ исконной чертой нѣмецкаго характера, стремящагося къ идеализаціи маленькаго дѣла, и создаетъ изъ современнаго нѣмца законченнаго „Teilmensch'а", человѣка-половинку, который въ свою очередь такъ подходитъ къ общей механической организаціи современнаго хозяйственнаго строя.

Но завершеніе современному типу хозяйственной жизни даетъ тотъ моментъ капиталистической культуры, который выражается въ крайней ожесточенности и напряженности всеобщей экономической борьбы. Овладѣвъ всѣми частями хозяйственной жизни, рынокъ внесъ всюду горячку спекуляціи и все поставилъ въ зависимость отъ вѣчно измѣнчиваго и неопредѣленнаго спроса и предложенія рыночныхъ цѣнностей. Поставленныя въ зависимость отъ подвижного и вѣчно стремящагося къ новой наживѣ капитала, промышленныя предпріятія то разростаются до громадныхъ размѣровъ, то точно также быстро исчезаютъ. Конкурренція гонитъ съ роковой необходимостью отъ одного изобрѣтенія къ другому, понижаетъ цѣны, разростается въ чудовищную рекламу и дѣлаетъ невѣрнымъ и неустойчивымъ положеніе каждаго отдѣльнаго предпринимателя. Предложеніе техническихъ и научныхъ знаній все ростетъ и переходитъ предѣлы спроса. Обезпеченное и покойное существованіе всевозможныхъ спеціалистовъ даже самой высокой пробы рушится и сбиваетъ ихъ заработокъ. Рабочія руки при громадномъ увеличеніи населенія и все новомъ и новомъ увеличеніи числа паровыхъ и электрическихъ лошадей все меньше находятъ себѣ занятія, не говоря уже о томъ, что каждый промышленный кризисъ выбрасываетъ на улицу тысячи голодныхъ семей. Борьба за существованіе становится все труднѣе и ожесточеннѣе. Альтруизмъ все болѣе уступаетъ мѣсто холодному и разсчетливому эгоизму. Уступить въ этой борьбѣ свое мѣсто подъ вліяніемъ чувствъ жалости или состраданія—это значитъ признать себя побѣжденнымъ. Война всѣхъ со всѣми здѣсь высшій девизъ, и павшимъ нѣтъ надежды. И если крови и желѣза въ свое время

требовалъ нѣмецкій герой имперіи для успѣшной политики объединенія, то точно также жестокости и силы требуетъ современная хозяйственная борьба, и никакія чувства здѣсь цѣны не имѣютъ! Побѣждаютъ здѣсь „gewissenlose Elementem“, люди наиболѣе отъ совѣсти свободные. Но и этого мало. Для того, чтобы быть побѣдителемъ въ этой непрестанной и ожесточенной борьбѣ за существованіе, надо быть еще разсчетливымъ и разумнымъ. Борьба нуждается въ разумной тактикѣ и тактическомъ искусствѣ. Надо знать, когда можно рискнуть, когда надо поостеречься. Надо во время сдѣлать натискъ всѣми силами и при помощи всевозможныхъ средствъ, и надо въ другое время брать выдержкой и постояннымъ, хотя и слабымъ давленіемъ. Необходимо изучить человѣческія слабости, чтобы умѣло пользоваться ими. Въ одномъ случаѣ вы дѣйствуете при помощи рекламы и выставки, въ другомъ при помощи самаго широкаго кредита, въ третьемъ вы берете дешевизной, въ четвертомъ вы ослѣпляете массой и т. д. безъ конца. Это цѣлая система военнаго искусства. Оно охватываетъ всю Германію и превращаетъ ее въ сплошную арену борьбы за существованіе. Но подобную тактику современный участникъ хозяйственной борьбы примѣняетъ не только по отношенію къ другимъ и чужимъ. Самого себя онъ подчиняетъ требованіямъ этой борьбы; разсчетъ не только руководитъ имъ въ эксплуатаціи чужой слабости, но и въ регулированіи своихъ потребностей; на себя, свои силы и свою собственность онъ смотритъ тоже только какъ на капиталъ, который лишь постольку можетъ быть истраченъ, поскольку это не помѣшаетъ дальнѣйшему пріобрѣтенію, а слѣдовательно, и дальнѣйшему наслажденію. Эгоизмъ и жажда наслажденій здѣсь регулируются утилитарною моралью, которая именно въ хозяйственномъ балансѣ находитъ свой объективный принципъ. Это—гетерономная мораль, высшіе законы которой диктуются приходо-расходной книгой. И именно эта мораль заканчиваетъ тотъ средній типъ участника капиталистической борьбы, который создаетъ наиболѣе доступный фонъ городской общественной жизни.

Но среди ея есть и своего рода аристократія. Капиталистическое общество нуждается въ такихъ вождяхъ, которые явились бы высшимъ объединяющимъ центромъ для массы борющихся индивидовъ и служили-бы своего рода организаціоннымъ и прогрессивнымъ элементомъ въ постоянномъ процессѣ все большаго увеличенія капитала и расширенія покоренной имъ области. И такіе вожди у современнаго общества всегда имѣются въ наличности. Они обладаютъ въ превосходной степени всѣми тѣми свойствами, о которыхъ шла рѣчь выше. Передъ нами художникъ, геніально угадавшій вкусы толпы и создавшій оригинальный образчикъ новой матеріи, новой мебели, новаго костюма; передъ нами композиторъ, давшій популярную мелодію и давшій толпѣ объеди-

нившій ее музыкальный мотивъ; передъ нами поэтъ, журналистъ, новеллистъ, который сумѣлъ захватить въ свои руки власть надъ духовною жизнью массы и деспотически властвуетъ надъ ея умами. Таковы примѣры капиталистической диктатуры идеи и художественнаго образа, которые даютъ намъ неглубокія, но яркія дарованія капиталистической современности. Все это созданія на мигъ, но которыя вмѣстѣ съ тѣмъ обладаютъ широчайшимъ распространеніемъ и интенсивнѣйшимъ вліяніемъ. И каждый изъ такихъ талантовъ получаетъ свою плату. Каждый изъ нихъ поднимается на вершины благосостоянія и хоть на нѣкоторое время видитъ все общество у своихъ ногъ. Еще болѣе прочно, однако, положеніе современнаго ученаго изъ числа тѣхъ, которые одарены строго положительнымъ складомъ ума, математическимъ дарованіемъ и желѣзной послѣдовательностью въ своихъ естественно-научныхъ изслѣдованіяхъ или техническихъ выкладкахъ. И здѣсь тоже прежній путь научнаго генія сильно измѣнился. Личное творчество здѣсь болѣе не играетъ никакого значенія; нужна громадная память, нужна неустанная работа именно въ той области науки, которая наиболѣе всего можетъ помочь техникѣ и ея запросамъ, нужна послѣдовательная и строго организованная научная дѣятельность во главѣ капиталистически организованныхъ учрежденій съ многочисленнымъ персоналомъ и широкими вспомогательными средствами — и дѣло готово. Богатство, слава и почетъ—все это чрезвычайно скоро дѣлается достояніемъ такого ученаго, который по заслугамъ и занимаетъ свое мѣсто среди верховъ капиталистическаго общества. И благо тому, кто сумѣлъ открыть новое дешевое топливо, кто изобрѣлъ новую лучшую машину, кто придумалъ новую минеральную краску или улучшенное средство удобренія! Капиталистическое общество наградитъ ихъ щедро въ то время, какъ какой-нибудь философъ будетъ придумывать новую метафизику и будетъ влачить самое жалкое существованіе. Во главѣ угла стоитъ предприниматель-капиталистъ, который долженъ обладать особеннымъ талантомъ. Нужна недюжинная способность отвлеченія, чтобы живой процессъ производства, потребленія и обмѣна въ современныхъ грандіозныхъ его формахъ оторвать отъ живой конкретной дѣйствительности и свести исключительно къ ряду сухихъ мертвыхъ цифровыхъ данныхъ, которыя въ свою очередь повинуются только одному руководящему синтезу—это балансу. Свести исключительно къ прибыли и убытку весь громадный процессъ современной хозяйственной жизни въ той или другой области мірового производства обмѣна и потребленія—такова задача раціоналистическаго мышленія, которая совершается при помощи всего аппарата современной бухгалтеріи, и при помощи безчисленныхъ вспомогательныхъ средствъ. Тотъ, кто лучше другихъ сумѣетъ и здѣсь стать на первое мѣсто, кто вѣрнѣе и дальновиднѣе уга-

даетъ грядущія конъюнктуры всемірнаго рынка, кто съ точностью астронома сумѣетъ опредѣлить моментъ грядущаго движенія цѣнъ или, подобно полководцу, остановить на минуту или направить тѣмъ или другимъ путемъ волны мірового обмѣна,—тотъ сразу и въ одинъ моментъ становится царемъ современнаго общества, царемъ, которому, однако, нужно, пожалуй, еще больше напряженія и находчивости, чтобы удержаться, чѣмъ для того, чтобы это положеніе пріобрѣсти! *)

И во всѣхъ этихъ случаяхъ капиталъ является той стихійной и объективной силой, которая властвуетъ надо всѣми, принося однимъ гибель, другимъ жизнь, сама же не подчиняется никому. Это слѣпой, безличный рокъ современнаго общества, капризный и безсмысленный, который такъ много убиваетъ духъ за счетъ плоти и перемалываетъ современнаго человѣка въ своемъ водоворотѣ до тѣхъ поръ, пока не сотретъ съ него всего личнаго, индивидуальнаго и не обратитъ его въ приспособленный къ общему механическому процессу атомъ, по общему шаблону, который послушно и занимаетъ свое мѣсто въ общей іерархіи. И уже здѣсь нельзя не замѣтить, что качественныя, личныя различія между всѣми участниками общаго процесса до крайности слабы. Гдѣ не хватаетъ таланта, ему на помощь приходитъ грандіозная реклама; гдѣ недостаточенъ научный фундаментъ и не особенно сильно дарованіе, тамъ восполнить его могутъ различные ассистенты и помощники и роскошно организованные кабинеты и лабораторіи; и точно также всегда возможно нанять даровитыхъ и знающихъ служащихъ тамъ, гдѣ самъ капиталистъ не одаренъ достаточно для того, чтобы съ успѣхомъ заняться предпринимательствомъ въ области производства или обмѣна. Собственность во всѣхъ этихъ случаяхъ приходитъ на помощь бездарности или слабости и привлекаетъ всѣ тѣ силы, которыя могутъ оплодотворить капиталъ и возвратить его съ прибылью. Все можно купить въ капиталистическомъ обществѣ и все здѣсь продажно. Талантъ, умъ, энергія—все работаетъ для капитала и во имя его. Водворяется то состояніе, которое можетъ быть названо служеніемъ золотому тельцу, золоту и его милліонамъ. И здѣсь-то слѣдуетъ отмѣтить тотъ переворотъ, происшедшій въ Германіи за истекшее столѣтіе, который опредѣляетъ собою отношеніе населенія къ этому золотому богу или, говоря иначе, распредѣляетъ собственность между различными его классами.

Прежде всего здѣсь, конечно, надо оговорить, что между тѣмъ, что называется призваніемъ, и между соціальнымъ положеніемъ лица болѣе нѣтъ никакой устойчивой и постоянной связи.

*) Sombart. в. н. с. стр. 130 и слѣд.

Призванія въ капиталистическомъ обществѣ весьма измѣнчивы и нисколько не связываютъ отдѣльное лицо; сегодня капиталистъ занимается желѣзнодорожнымъ строительствомъ, а завтра онъ организуетъ паровыя прачешныя; сегодня художникъ рисуетъ проекты чугуннаго литья, а завтра вычерчиваетъ планы зданій; тоже можно замѣтить во всѣхъ областяхъ промышленности: переходъ отъ одного занятія къ другому и отъ одного заработка къ иному—дѣло повседневное. Общество дѣлится на классы, и различіемъ между этими классами является только размѣры доходовъ и собственности. И въ этомъ отношеніи современное общество весьма замѣчательно. Какъ совершенно правильно замѣчаетъ тотъ экономистъ, послѣдній трудъ котораго положенъ въ основу настоящей статьи, возрастаніе частнаго денежнаго богатства есть основной признакъ современнаго порядка распредѣленія хозяйственныхъ благъ. И въ самомъ дѣлѣ, сравнимъ здѣсь, ради иллюстраціи, данныя о частной собственности для нѣкоторыхъ городовъ Германіи середины XIX вѣка съ таковыми же въ концѣ вѣка, и мы увидимъ замѣчательныя вещи: въ Аахенѣ въ сороковыхъ годахъ было только 133 лица съ доходомъ болѣе чѣмъ въ 2,400 талеровъ, Аахенъ же въ то время по справедливости считался однимъ изъ наиболѣе богатыхъ городовъ Пруссіи. Въ 1900 году, однако, число лицъ указанной категоріи возросло въ 10 разъ, и съ доходомъ сверхъ 6,000 марокъ насчитывалось уже 1,573 челов.; средняя сумма ихъ дохода возросла въ три раза. Въ Кельнѣ въ 1846 году было только 533 лица съ доходомъ болѣе 1,800 талер., средній доходъ ихъ доходилъ до 3,000; а въ 1900 г. мы насчитываемъ уже болѣе 4,233 лицъ съ доходомъ болѣе 6,000 мар. И въ то время, какъ богатые люди въ 1846 году располагали общимъ доходомъ въ $4^1/_2$—5 милліоновъ марокъ, въ 1900 г. та же группа уже располагала имуществомъ въ 90—100 милліоновъ марокъ; такимъ образомъ, средній доходъ одного лица простирается отъ 20 до 25 тысячъ марокъ. Въ болѣе позднее время, а именно въ 1854 году, въ Берлинѣ было круглымъ числомъ 1,000 лицъ съ доходомъ болѣе 3,000 тал., а въ 1900 году до 13,503 лицъ съ доходомъ болѣе 9,500 мар. Въ пятидесятыхъ годахъ только 23 лица имѣли доходъ болѣе 20,000 тал., тогда какъ не болѣе 6 лицъ обладали въ то же время доходомъ свыше 40,000 тал., для всего Берлина тогда насчитывалось только 6 милліонеровъ. Въ 1900 году, однако, положеніе рѣзко измѣнилось: въ это время уже 639 лицъ считалось съ доходомъ болѣе 100,000 мар., тогда какъ на мѣсто тѣхъ 23 лицъ болѣе богатаго слоя уже насчитывалось 1,323 лица съ полуторамилліоннымъ состояніемъ въ маркахъ. И если наиболѣе обложенный подоходнымъ налогомъ тогда имѣлъ 64,000 тал. дохода, то уже въ 1898 г. таковой располагалъ доходомъ отъ 2.485,000 до 2.490,000 мар. Итакъ, группа богачей создалась

почти заново въ XIX вѣкѣ: въ концѣ столѣтія число милліонеровъ (въ маркахъ) возрасло до громадной цифры—34,000 лицъ въ одной Пруссіи; общее же число лицъ, которыя могутъ богато жить, получая не менѣе 9,500 мар. дохода, возрасло до основательнаго числа въ 166,000 лицъ. Въ сравненіи съ американскими частными богатствами это, конечно, далеко не такъ много, но для старой Германіи это совершенно новая картина денежнаго богатства, которая придаетъ странѣ совершенно особый характеръ, чѣмъ это было прежде: богатство стало массовымъ явленіемъ.

И этотъ процессъ захватилъ собою не только одни высшіе слои населенія. Въ 30-хъ—40-хъ годахъ массы нѣмецкаго населенія находились въ состояніи хронической нужды. Полный недостатокъ въ самомъ необходимомъ, постоянный и самый настоящій голодъ былъ какъ бы прирожденнымъ спутникомъ очень многихъ семействъ, а голодный тифъ въ верхней Силезіи и безпорядки ткачей были явными тому свидѣтельствами. Промышленное развитіе послѣднихъ десятилѣтій, скопивъ громадныя богатства наверху, устранило по крайней мѣрѣ постоянную массовую нужду внизу, и подняло уровень и самой низшей степени дохода. Само собою разумѣется, что отдѣльные и очень серьезные случаи горькой нужды существуютъ и въ настоящее время, а уровень наиболѣе низкаго дохода, дающаго возможность существовать—приблизительно въ 300 мар. ежегодно,—еще далеко не обезпечиваетъ лицо отъ тяжелыхъ матеріальныхъ испытаній, но все же это безспорный шагъ впередъ сравнительно съ недавнею непокрытою нищетою. Не менѣе интереснымъ является и то измѣненіе, которое произошло въ положеніи такъ называемыхъ среднихъ классовъ населенія, стоящихъ между богатствомъ и бѣдностью; эти классы дифференцировались. Съ возрастаніемъ суммы богатства высшаго слоя расширились границы между богатствомъ и бѣдностью, и въ этихъ границахъ расширился и разросся слой средне-состоятельныхъ людей. Здѣсь общее отношеніе къ обоимъ полюсамъ денежнаго распредѣленія осталось то же, что и прежде, но явилось гораздо больше подраздѣленій и обнаружилась, хотя и не особенно серьезная, тенденція къ увеличенію числа болѣе состоятельныхъ сравнительно съ числомъ менѣе состоятельныхъ въ составѣ среднихъ группъ. Общимъ явленіемъ здѣсь, однако, надо признать, съ одной стороны, передвиженіе значительно большаго числа лицъ въ число сравнительно обезпеченныхъ классовъ, съ другой—общее возрастаніе благосостоянія у всѣхъ средне-состоятельныхъ разрядовъ. И если въ 1900 г. болѣе 11 милліоновъ лицъ получали въ Пруссіи болѣе 900 мар. годового дохода, то не надо забывать, что въ началѣ столѣтія все населеніе Пруссіи (въ 1815 г.) не превышало 10 милліоновъ. Съ другой же стороны, простое сравненіе того дохода, который въ старину имѣлъ школьный учитель съ тѣмъ,

что онъ имѣетъ теперь, показываетъ, какъ возрасло благосостояніе вообще всего средняго класса населенія. И въ самомъ дѣлѣ, школьный учитель добраго стараго времени получалъ (въ 1800 г.) содержаніе максимумъ въ 250 тал. Изъ 1,650 учителей прусской марки этотъ максимумъ былъ, впрочемъ, доступенъ только 3; содержаніе въ 200 тал. было удѣломъ тоже очень немногихъ: его получали только 2; 195 учителей получали содержаніе болѣе 100 тал., остальные же 1,455 челов. получали менѣе 100 тал.; изъ нихъ 421—отъ 20 до 40, 236—отъ 10 до 20, 184—отъ 5 до 10. Эта сумма подлежитъ теперь сравненію съ тѣмъ, что получаютъ прусскіе учителя въ послѣднее время: въ 1896 г. средній доходъ сельскаго учителя въ Бранденбургѣ достигалъ 1,395 мар., т. е. 465 талеровъ. Разница, какъ очевидно, громадная! И тоже самое легко можно прослѣдить и относительно другихъ лицъ, принадлежащихъ къ среднему классу по состоянію *).

Но еще замѣчательнѣе то раздѣленіе общества, которое явилось результатомъ капиталистическаго развитія. Это—раздѣленіе на экономически-консервативные и на экономически-либеральные элементы и распаденіе тѣхъ и другихъ на соціальные классы юнкерства и стараго ремесла, съ одной стороны, и буржуазіи и рабочихъ—съ другой. Ихъ раздѣляетъ отношеніе къ хозяйственному процессу. Первые видятъ въ немъ только способъ полученія строго-опредѣленнаго дохода въ цѣляхъ такого-же потребленія, вторые—только вѣчное обращеніе капитала, который безпрерывно затрачивается съ цѣлью все бóльшаго и бóльшаго его возрастанія. Тамъ капиталъ неразрывно связанъ съ личностью или родомъ и на первомъ планѣ стоятъ именно эти личныя или родовыя цѣли; здѣсь капиталъ получаетъ безличное, объективное значеніе, становится гибкимъ, отрѣшеннымъ отъ всякаго посторонняго субстрата, и получаетъ значеніе самостоятельной цѣли. Тамъ личность и ея мѣстная обстановка властвуютъ надъ капиталомъ, какъ надъ простымъ орудіемъ для добыванія средствъ къ поддержанію приличнаго образа жизни, здѣсь, наоборотъ, капиталъ властвуетъ надъ отдѣльнымъ лицомъ и во имя своихъ потребностей опредѣляетъ его образъ жизни и нужныя для того затраты. Наконецъ, тамъ строго опредѣленный кругъ потребленія и, въ крайнемъ случаѣ, не менѣе устойчивый и опредѣленный внѣшній рынокъ мѣстнаго потребленія, здѣсь неопредѣленный и способный къ безграничному растяженію, такъ же, какъ къ внезапному суженію, рынокъ міроваго обмѣна. Господство устойчивыхъ традицій въ одномъ мѣстѣ, постоянная новизна и перемѣна въ другомъ. Культивированіе опредѣленныхъ сословныхъ и личныхъ добродѣтелей—здѣсь, голая спекуляція—тамъ. Господство мѣстнаго своеобразнаго колорита жизни въ старыхъ хозяйствен-

*) Sombart, в. н. с., стр. 496; 498 и слѣд.

ныхъ организаціяхъ, наслоенныхъ оригинальными бытовыми и культурными особенностями въ одномъ случаѣ; универсализмъ и для всѣхъ равное, вездѣ одинаково окрашенное стремленіе къ широкому предпринимательству—въ другомъ. Безграничное и ничѣмъ неудовлетворимое стремленіе новыхъ хозяйственныхъ элементовъ къ пріобрѣтенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и хозяйственному творчеству въ области матеріальнаго міра—такова основная отличительная черта новаго экономическаго класса, и по этимъ основнымъ свойствамъ онъ воистину заслуживаетъ названія экономически-либеральнаго элемента, въ отличіе отъ юнкерства и стараго ремесла, которыя изо всѣхъ силъ стремятся удержать старый строй феодальнаго и цехового порядка. И если рабочій классъ, массовой пролетарій все больше и больше входитъ въ составъ соціалъ-демократической партіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ является принципіальнымъ врагомъ стоящаго на почвѣ частной собственности капитализма, то именно современная нѣмецкая буржуазія является той общественной почвой, на которой развился и окончательно сформировался современный буржуазный либерализмъ чистой воды *).

Совершенно естественно, конечно, что экономически-либеральный элементъ, какимъ является капиталистическое предпринимательство, стоитъ въ то же время и подъ знаменемъ политическаго либерализма. Какъ мы уже видѣли выше, такимъ знаменемъ является то нѣмецкій „каммеръ-либерализмъ", то радикализмъ мартовской эпохи, то конституціонный либерализмъ современности. И во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мы встрѣчаемся дѣйствительно съ эпохами подъема промышленности, такая связь между экономическимъ и политическимъ либерализмомъ является болѣе чѣмъ понятна: чѣмъ крѣпче и могучѣе силы, которыми располагаетъ капиталистъ, тѣмъ больше хочется не только свободы расшириться, развернуться, но и другой свободы, въ смыслѣ политической власти и вліянія. Но вотъ вопросъ: какъ относятся къ принципамъ политическаго либерализма капиталистическіе круги, когда у нихъ наступаютъ періоды кризисовъ и затишья, когда приходится не расширять предпріятія, а сокращать ихъ, когда на сцену выступаютъ не творческія головы предпринимательства, а разсчетливые оберегатели остатковъ и учитыватели ликвидацій, когда не всеобщее довольство несетъ съ собою капиталистическій процессъ, а массовое раззореніе, голодъ и нужду разсчитанныхъ рабочихъ, всевозможные крахи и эпидемическія банкротства? Отвѣтъ здѣсь не можетъ быть сомнителенъ. Для капиталиста, загромоздившаго рынокъ перепроизводствомъ, единственнымъ выходомъ спасенія для его капитала

*) Sombart, в. н. с., стр. 512 и слѣд.

является пользованіе политической силой и помощью тамъ, гдѣ измѣнилъ ему хозяйственный разсчетъ и предпринимательская догадка. Къ государству вопіютъ въ такихъ случаяхъ представители либеральнаго капитала и въ его средствахъ непосредственнаго или посредственнаго принужденія ищутъ они орудія, при помощи котораго желаютъ урегулировать рынокъ, прекратить временно, по крайней мѣрѣ, анархію производства и при содѣйствіи національной власти воздѣйствовать на интернаціональный обмѣнъ. При кризисахъ и паденіи капиталистическаго пульса падаетъ сразу престижъ либеральной идеи среди капиталистически-заинтересованныхъ круговъ. Здѣсь идетъ рѣчь уже о нормировкахъ, о вывозныхъ преміяхъ, о неприкосновенныхъ запасахъ, объ охранительныхъ пошлинахъ. Теперь уже подымаются разговоры о „національныхъ“ интересахъ, которые, конечно, ничто же сумняшеся, отождествляются съ интересами господъ банкировъ и фабрикантовъ, здѣсь уже на первый планъ выступаетъ идея „дорогого отечества“, которому и приходится расплачиваться за своихъ слишкомъ уже далеко зарвавшихся сыновъ. И дѣлается это само-собою, довольно просто, если только дѣйствительно удастся пробудить соотвѣтственныя патріотическія струнки и на нихъ разыграть симфонію всякихъ промышленныхъ ужасовъ и страховъ. На внутренній рынокъ перелагается недохватка за внѣшнія неудачи, и то, чего не можетъ заплатить иностранный покупатель, то доплачиваетъ туземный плательщикъ податей и потребитель. Съ міра по ниткѣ—голому рубашка, и изъ пятачковъ и грошиковъ патріотически настроеннаго Михеля, глядишь, и впрямь у нѣмецкаго предпринимателя не только новая, но гораздо лучшая рубашка, чѣмъ прежде, и не только у него, но и у какихъ-нибудь папуасовъ, которыхъ нѣмецъ - фабрикантъ одѣлъ въ удивительно дешевыя рубашки только потому, что Михель заплатилъ за свои вдвое. Мѣры такого анти-либеральнаго, покровительственнаго законодательства еще тѣмъ удобнѣе и выгоднѣе для представителей торговаго и промышленнаго капитала, что по существу весьма трудно опредѣлить моментъ, когда въ дѣйствительности кризисъ окончился, а слѣдовательно, и не нуждается больше въ политическихъ подпоркахъ. И это затрудняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что именно подъ кровомъ охранительнаго законодательства пышнымъ цвѣтомъ снова распускается грюндерство и опять, какъ грибы послѣ дождя, растутъ все новыя и новыя предпріятія. Только развѣ въ томъ случаѣ, если охранительное законодательство является положительнымъ препятствіемъ къ подъему новаго промышленнаго и торговаго періода, такъ какъ средства государства здѣсь не безграничны, оно можетъ подвергнуться осужденію со стороны вновь возвратившагося къ либеральнымъ идеямъ капитализма.

Но подобныя измѣны либерализму со стороны капиталисти-

ческой буржуазіи тѣмъ больнѣе должны восприниматься народной массой, особенно рабочими, что именно по отношенію къ нимъ буржуазный либерализмъ показываетъ весьма часто свою обратную сторону. Онъ требуетъ свободы личной собственности и свободы рабочаго договора только потому, что чувствуетъ себя здѣсь достаточно сильнымъ, чтобы въ „свободной“ борьбѣ побѣдить болѣе слабую сторону; „свободный“ индивидъ, какимъ является рабочій на рынкѣ, безъ собственности и капитала, въ дѣйствительности далеко не свободенъ, за нимъ стоитъ голодъ и нужда, которые гонятъ его на рынокъ и заставляютъ по рыночной цѣнѣ продавать свои руки, такъ какъ иначе не только онъ самъ, но и его семья могутъ поплатиться чахоткой отъ истощенія или голоднымъ тифомъ. Это свобода, гарантированная завѣдомо негодными средствами. Здѣсь либеральный принципъ служитъ не для освобожденія, а для порабощенія. И нельзя здѣсь же не отдать справедливости либераламъ-капиталистамъ въ Германіи еще и въ другомъ отношеніи, гдѣ они дѣйствуютъ въ полномъ согласіи со своими коллегами и въ другихъ странахъ съ капиталистическимъ хозяйствомъ. Какъ только рабочіе пробуютъ дѣлать сколько-нибудь реальное употребленіе изъ своей „свободы“, никто изъ либеральныхъ капиталистовъ не чувствуетъ никакого стѣсненія въ пользованіи такими мѣрами, какъ немедленное обращеніе къ государственному принужденію и даже полицейской власти, а подчасъ даже и къ военной силѣ для усмиренія непокорныхъ и для приведенія къ повиновенію соотвѣтственныхъ „свободныхъ“ индивидовъ. И не разъ приходится слышать вопли и жалобы на представителей государственной власти со стороны „либераловъ“, если они недостаточно энергично и жестоко дѣйствуютъ оружіемъ для защиты выставляемаго здѣсь лицемѣрно принципа „священной собственности“. Съ другой же стороны, либеральная свобода, конечно, находитъ полное свое примѣненіе въ тѣхъ случаяхъ, когда идетъ рѣчь о свободѣ расчета рабочихъ и уменьшеніи имъ платы и числа, разъ только фабриканту грозитъ сколько-нибудь непріятная конъюнктура. Здѣсь либерализмъ оказывается вполнѣ у мѣста. Во имя свободы рабочаго договора фабрикантъ свободно выбрасываетъ на улицу цѣлыя тысячи существованій, передъ которыми опять встаетъ временно было затихшій вопросъ: гдѣ добыть работы, гдѣ найти хлѣба, какъ спастись отъ ужасовъ голода и смерти?— Здѣсь фабрикантъ-капиталистъ изъ охранителя священныхъ правъ обращается въ яраго апостола свободы. На долго-ли?—вотъ вопросъ.

И чѣмъ болѣе развивается капитализмъ въ Германіи, чѣмъ болѣе частыми становятся кризисы, чѣмъ болѣе обостряется рабочій вопросъ, тѣмъ чаще случаи измѣны либеральной программѣ со стороны либеральныхъ партій, тѣмъ болѣе блѣднѣетъ либеральная про-

грамма и ближе становится къ чисто-консервативнымъ принципамъ. И несомнѣнно, что ближайшее будущее еще болѣе передвинетъ ее вправо и подъ либерализмъ подставитъ чисто-классовые интересы капиталистической буржуазіи. Развитіе современнаго хозяйства несетъ съ собой, какъ неизбѣжное явленіе, еще одну организацію въ экономической жизни: это картели и тресты съ ихъ стремленіемъ къ монопольному распространенію рынковъ и беззастѣнчивой эксплуатаціи не только потребителя, но и рабочаго. Это явленіе уже явно анти-либеральнаго характера, которое должно лишить буржуазію совершенно того характера передовой группы либерализма, которымъ она обладала въ первыя времена своего расцвѣта. Тресты и картели запечатлѣны идеей крѣпостничества, а не либерализма. И если крѣпость государству,—во имя общаго блага носить, въ принципѣ по крайней мѣрѣ, нравственный и возвышающій характеръ, то крѣпость частному капиталу свободнаго гражданина не только такого характера не имѣетъ, но и положительно осуждена современнымъ государствомъ въ великомъ и всеобщемъ актѣ освобожденія крестьянъ.

Обратимся, однако, къ Германіи и прослѣдимъ здѣсь тѣ симптомы разложенія буржуазнаго капитализма, которые проявились и здѣсь, преимущественно въ области финансовой политики. Какъ извѣстно, Бисмаркъ съ 1862 года обнаружилъ явное сочувствіе системѣ свободной торговли и провелъ ее въ торговомъ договорѣ того же года съ Франціей. Во имя того же начала въ 1877 г. послѣдовала отмѣна желѣзныхъ пошлинъ. Однако, вскорѣ затѣмъ послѣдовала значительная перемѣна въ финансовой политикѣ. Въ 1878 г. Бисмаркъ требовалъ уже охранительныхъ пошлинъ во имя „финансовой реформы"; эти пошлины, однако, въ дѣйствительности явились средствомъ спасенія для слишкомъ зарвавшагося грюндерства и крупнаго капитала при наличности сильнаго перепроизводства и промышленнаго кризиса. Въ 1879 году большинствомъ 217 голосовъ противъ 117 были приняты охранительныя пошлины на тѣ предметы ввоза, которые раньше ввозились безпошлинно, и были повышены многія пошлины изъ числа существующихъ. Новыя пошлины были введены на хлѣбъ, дерево, керосинъ, возстановлены пошлины на желѣзо, повышены пошлины на кофе, вино, рисъ, чай, табакъ, скотъ и т. п. Въ 1884 г. послѣдовало дальнѣйшее повышеніе пошлинъ, была утроена пошлина на хлѣбъ, утроена на дерево, повышена на скотъ, на хлѣбное вино, на кровельный графитъ, на нѣкоторые предметы роскоши и нѣкоторые другіе предметы. Въ 1887 г. послѣдовало дальнѣйшее повышеніе хлѣбныхъ пошлинъ въ отношеніи 3:5. Результатомъ такой политики было серьезное вздорожаніе средствъ къ жизни, въ особенности для менѣе состоятельныхъ классовъ населенія, и искусственно созданное перепроизводство въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя, въ осо-

бенности, были защищены таможенными пошлинами отъ иностранной конкурренціи.

Политика охранительныхъ пошлинъ для такой развитой экономически страны, какъ Германія, имѣетъ, конечно, совершенно иное значеніе, чѣмъ для страны съ малоразвитой промышленностью, которая нуждается дѣйствительно въ таможенной защитѣ для того, чтобы имѣть возможность хоть какъ-нибудь конкуррировать съ болѣе сильнымъ противникомъ. И мы не говоримъ здѣсь спеціально о хлѣбныхъ пошлинахъ или о пошлинахъ на такіе предметы потребленія, которые въ странѣ совершенно не производятся. Первыя выше извѣстнаго предѣла являются прямо налогомъ на менѣе состоятельную часть населенія въ пользу болѣе крупнаго землевладѣнія, своего рода налогомъ на всѣхъ потребителей хлѣба, молока и мяса въ пользу тѣхъ производителей сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, которые отдаютъ свой избытокъ на рынокъ; вторыя—суть не что иное, какъ косвенный налогъ на извѣстные предметы потребленія въ пользу государства подъ видомъ таможенной пошлины, или, иначе говоря, замаскированный акцизъ съ кофе, чая, риса и т. п. Пошлины-же на тѣ продукты промышленности, которыя и безъ того производятся и дешевле, и лучше дома, чѣмъ за границей, обозначаютъ нѣчто другое, онѣ являются средствомъ для крайняго расширенія внѣшняго рынка для производителя за счетъ внутренняго потребленія, представляютъ собою переложеніе извѣстной части расходовъ капиталиста по расширенію предпріятія и увеличенія сбыта изъ кармана предпринимателя на карманъ туземнаго потребителя; и въ самомъ дѣлѣ, будучи защищенъ таможеннымъ барьеромъ отъ иностранной конкуренціи, капиталистъ можетъ значительно дороже продавать дома свой продуктъ, чѣмъ этотъ продуктъ въ дѣйствительности ему стоитъ. Вся же разница между нормальной цѣной и искусственно вздутой при помощи пошлины на внутреннемъ рынкѣ идетъ на то, чтобы удешевить еще больше цѣну этого товара на заграничномъ рынкѣ и, такимъ образомъ, убить конкурренцію другого иностраннаго капиталиста или даже туземнаго предпринимателя. Какъ очевидно, здѣсь пошлина является своего рода подаркомъ, который страна дѣлаетъ капиталисту-предпринимателю для того, чтобы онъ могъ расширить свой сбытъ и тѣмъ увеличить свою прибыль. И вполнѣ понятно отсюда, что тѣ партіи, которыя, подобно либеральной, голосовали за такія пошлины, нарушали, съ одной стороны, принципъ общаго блага во имя блага отдѣльныхъ группъ или всего класса капиталистовъ, съ другой же стороны, искусственными мѣрами поддержки ослабляли тотъ духъ капиталистическаго предпринимательства, который и есть основной жизненный нервъ капиталистическаго хозяйства. Истинная суть такой покровительственной системы, однако, не можетъ оставаться долго скрытой

тамъ, гдѣ, какъ въ Германіи, существуетъ представительство не однихъ только капиталистовъ, но и другихъ классовъ народа. И въ дѣйствительности, послѣ паденія Бисмарка, съ его то консервативно-либеральнымъ, то консервативно-католическимъ большинствомъ, Германія опять вступаетъ на путь смягченія своей охранительной системы. И съ 1891 г. наступила эпоха торговыхъ договоровъ; въ декабрѣ этого года и въ январѣ 1892 г. рейхстагъ принялъ сразу четыре торговыхъ договора: съ Австро-Венгріей, Италіей, Швейцаріей и Бельгіей. Благодаря этимъ договорамъ, были значительно смягчены хлѣбныя пошлины; умѣрены пошлины на дерево, вино, мясо, муку, яйца, масло, цикорій, лошадей, свиней, желѣзо, хлопчатую бумагу, стекло, инструменты, часы, кожанные товары и т. п. Въ 1894 г. былъ заключенъ торговый договоръ съ Россіей, который въ особенности потому представлялъ значительныя затрудненія, что, съ одной стороны, былъ первымъ агентомъ въ этомъ родѣ, съ другой-же—встрѣтился съ сильной оппозиціей аграріевъ, заинтересованныхъ въ конкурренціи съ Россіей, какъ наиболѣе крупнымъ хлѣбнымъ производителемъ. Истинно-либеральное большинство здѣсь побѣдило, и узко-классовые интересы временно отступили на задній планъ. Но это продолжалось недолго. И когда зашла рѣчь о заключеніи новаго торговаго договора съ Россіей, на первое мѣсто опять были выдвинуты чисто-эгоистическіе интересы аграріевъ и крупнаго капитала.

Дурнымъ признакомъ было уже то, что почвой для компромисса промышленнаго капитала и аграрныхъ интересовъ послужило чрезвычайное раздробленіе отдѣльныхъ статей тарифныхъ ставокъ. На этой почвѣ указанныя двѣ стороны дѣйствительно могли сойтись. За согласіе на повышеніе хлѣбныхъ пошлинъ каждый видъ крупнаго предпринимательства получалъ особую взятку за народный счетъ. Уже изъ состава особаго „хозяйственнаго комитета“, образованнаго въ 1897 году, можно было ясно видѣть, что здѣсь либеральная партія послѣдуетъ за требованіями своихъ капиталистически-настроенныхъ главарей; изъ 30 членовъ комитета громадное большинство принадлежало къ представителямъ крупнаго капитала; здѣсь не было даже выборныхъ представителей отъ торговыхъ палатъ, не говоря уже о представительствѣ потребителей или другихъ классовъ населенія, рабочихъ, ремесленниковъ, крестьянъ и т. д. Въ тайныхъ засѣданіяхъ комитета были выработаны основы компромисса между всѣми приверженцами охранительныхъ пошлинъ, и въ 1901 году, послѣ краткаго разсмотрѣнія законопроекта въ союзномъ совѣтѣ, онъ былъ переданъ на обсужденіе рейхстага. И тутъ-то произошла та памятная всѣмъ борьба между представителями всѣхъ консервативныхъ и либеральныхъ партій, съ одной стороны, съ представителями нѣмецкой рабочей партіи—съ другой, которая окончилась цѣлымъ рядомъ скандаловъ, обструкціей со стороны мень-

шинства и проведеніемъ такого законопроекта, который, если еще и могъ быть оправданъ съ точки зрѣнія аграрныхъ интересовъ, то ужъ никакъ не могъ быть объясненъ съ точки зрѣнія либеральнаго принципа и въ силу этого послужилъ окончательнымъ приговоромъ нѣмецкому буржуазному либерализму: либеральныя партіи не только нарушили законный порядокъ парламентскаго дѣлопроизводства, чтобы сломить стоявшее за благо народное меньшинство, но и вотировали такой громадный налогъ на населеніе въ пользу аграріевъ, который не можетъ быть объясненъ даже разумнымъ интересомъ крупной промышленности: либеральный капитализмъ и аграрное юнкерство здѣсь просто подѣлили между собою ту добычу, которую они рѣшили содрать при помощи таможенныхъ ставокъ съ массоваго нѣмецкаго потребителя, и размѣры этой добычи, дѣйствительно, достойны удивленія. Если припомнить, что повышеніе пошлины на рожь съ 3,5 марокъ до 5, какъ минимальной (!) пошлины съ двойного центнера, обозначаетъ собою не болѣе и не менѣе, какъ повышеніе пошлины на 42%; что замѣна теперешней договорной пошлины съ пшеницы въ 3,5 марокъ пошлиной въ 5,5 мар. представляетъ собою уже повышеніе на 57%, что повышеніе пошлины на ячмень съ 2 мар. до 4, на овесъ съ 2,8 мар. до 5 равняется прибавкѣ въ 100 и 80%,—мы поймемъ, на какой налогъ въ пользу аграріевъ нѣмецкіе либералы дали свое согласіе, какую тягость возложили они на то населеніе, которое не только покупаетъ хлѣбъ, но и главнымъ образомъ питается имъ. Если предположить, по вполнѣ достовѣрному подсчету соціалистовъ, годовое потребленіе хлѣба въ Германіи по меньшей мѣрѣ въ 180 кило на человѣка и взять семью изъ пяти человѣкъ, съ годовымъ потребленіемъ хлѣба въ 900 кило, то эта семья должна будетъ уплатить однѣхъ хлѣбныхъ пошлинъ 45 мар. въ годъ, или, другими словами, семья, годовой доходъ которой не превышаетъ 600 мар. въ годъ, заплатитъ въ видѣ хлѣбной пошлины по меньшей мѣрѣ 7,5% своего дохода, или отдастъ для этого по крайней мѣрѣ 22½ рабочихъ дня! И этотъ налогъ получаетъ тѣмъ болѣе тяжелый характеръ, что онъ наиболѣе жестоко будетъ ложиться именно на болѣе бѣдные классы населенія, такъ какъ чѣмъ доходъ рабочей семьи больше, тѣмъ меньшій процентъ своего дохода отдастъ она въ пользу аграріевъ. Отсюда-же рождается и своеобразный характеръ этой хлѣбной пошлины, какъ своего рода барщины, наложенной на болѣе недостаточную часть населенія, которая тѣмъ хуже должна отозваться на многочисленныхъ рабочихъ семьяхъ, что она вмѣстѣ съ тѣмъ есть и поголовный налогъ на всѣхъ питающихся хлѣбомъ, и чѣмъ больше у рабочаго семья, тѣмъ эта барщина будетъ тяжелѣе давить его плечи. Однако, и другія средства питанія не избѣгли такого-же самаго увеличенія цѣнъ. Сыръ, масло, яйца, птица, гуси, яблоки,

груши, виноградъ, хмель—всѣ эти продукты, согласно проведенному большинствомъ новому тарифу, должны значительно повыситься въ цѣнѣ и тѣмъ наказать ихъ потребителя на довольно серьезную сумму. И потребители продуктовъ животноводства подверглись не меньшему обложенію; приверженцы защитительныхъ пошлинъ добились и здѣсь слѣдующаго повышенія пошлины: на коровъ 640%; на быковъ 640%; на воловъ 324%; на овецъ 620%; на свиней 320%; на телятъ 140%; на говядину 140% и на свиное мясо 110. Если сопоставить эти пошлины съ тѣми драконовскими мѣрами, которыя приняты относительно привозныхъ продуктовъ животноводства подъ видомъ особо строгаго ветеринарнаго досмотра, якобы для предупрежденія чумной заразы, то граница въ этомъ отношеніи оказывается почти закрытой, и аграріи получаютъ въ этой области монополію за счетъ потребителей мяса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и право устанавливать монопольныя цѣны. Таковы тѣ во-истину ужасныя „голодныя" пошлины, которыя нынче проведены при помощи „либеральныхъ" партій рейхстага и которыя послужили къ окончательной гибели этихъ партій въ глазахъ массы германскаго народа. И когда принявшій тарифный законъ рейхстагъ покончилъ свою легислатуру, и 16 іюня нов. стиля текущаго года произошли новые выборы, они оказались роковыми для либерально-буржуарныхъ партій, измѣнившихъ либерализму и прельстившихся филистерскимъ благополучіемъ за китайской стѣной охранительнаго тарифа.

День 16 іюня 1903 года есть первый ясный показатель крушенія буржуазнаго либерализма и перехода его позиціи къ крайней лѣвой, которая теперь уже почти непосредственно противостоитъ и партіямъ центра, и консерваторамъ. При первыхъ-же выборахъ соціалъ-демократы пріобрѣли новыхъ 14 мѣстъ и потеряли два; послѣ перебаллотировки общее число ихъ въ рейхстагѣ возростетъ не менѣе, какъ на 25 человѣкъ, и партія, считающая теперь 56 депутатовъ, получитъ ихъ, по всей вѣроятности, не менѣе 80; общее число поданныхъ за соціалъ-демократовъ голосовъ достигнетъ по самымъ положительнымъ даннымъ не менѣе 3.000,000, т. е. половины всѣхъ голосовавшихъ избирателей. Берлинъ, эта столица Гогенцоллерновъ, изъ шести округовъ при первыхъ-же выборахъ далъ пять соціалъ-демократическихъ депутатовъ; реакціонная Саксонія дала громадное количество соціалъ-демократическихъ представителей; и не менѣе, какъ въ 120 округахъ, выставили соціалъ-демократы своихъ кандидатовъ для перебаллотировокъ. И въ то время, какъ на первыхъ выборахъ консерваторы, считая имперскую партію, потеряли 6 мандатовъ и провели 36 депутатовъ, а центръ потерялъ 2 мандата и провелъ 83 депутатовъ, либеральныя партіи потеряли: націоналъ-либералы 4, свободомыслящая народная партія 7 и

свободомыслящій союзъ тоже 7 мандатовъ, т. е. въ общей сложности 18 мандатовъ, при чемъ провели при первыхъ выборахъ только 5 націоналъ-либераловъ и никого изъ свободомыслящихъ. Эти цифры говорятъ, конечно, сами за себя.

Реусъ.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

На устройство школы имени **Гл. И. Успенскаго** въ д. Сябринцахъ, Новгородской губ., поступило:

Отъ В. В. П. — 10 р., А. и А. Л. — 3 р., трехъ почитателей Гл. И. Успенскаго, изъ Уфы — 2 руб.

Итого . . . 15 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 1.126 р. 25 к.

На пріобрѣтеніе въ общественную собственность части усадьбы Некрасовыхъ въ Грешневѣ, Ярославскаго уѣзда, для устройства тамъ школы и библіотеки въ память 25-лѣтія со дня смерти **Н. А. Некрасова:**

Отъ В. В. П. — 10 р., изъ Рыбинска: NN — 50 к., С. И. Жилова — 50 к., Ю. Бендта — 1 р., черезъ Московское отдѣленіе конторы отъ Н. М. Горошкова — 5 р.

Итого . . 17 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 220 р. 60 к.

Въ пользу еврейскихъ семействъ, пострадавшихъ отъ погрома въ г. Кишиневѣ:

Отъ уч—цы Ан. С. Т.—3 р., В. В. П.—7 р., Л. В. Келлера въ С.-Петербургѣ — 10 р., г. Покалюка изъ м. Шкуды — 3 р.

Итого . . . 23 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 222 р. — к.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—**съ своими жалобами** на неисправность доставки, а также съ **заявленіями** о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно **въ** контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи **не позже, какъ** по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ,** по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 10 числа каждаго мѣсяца,** чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи,** обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

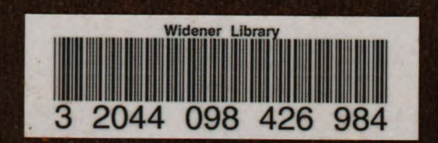
3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1901 г. и не востребованныя обратно до 1-го ноября 1902 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

Редакторы-Издатели: *Вл. Г. Короленко.* *Н. К. Михайловскій.*

Дозв. ценз. СПБ., 26 іюня 1903 г. Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, 3.

VE RI
TAS

Widener Library
3 2044 098 426 984